

ВВЕДЕНИЕ

Понятие Донбасс имеет несколько значений – географическое, геологическое, административное и экономическое. В экономико-географическом смысле Донбасс ассоциируется с Донецким кряжем и непосредственно примыкающими к нему территориями. Кряж расположен преимущественно в Донецкой и Луганской областях Украины и частично распространяется в Ростовскую область России. В политико-административном контексте Донбасс синонимичен Юго-Восточной Украине. Исходя из сложившейся географической терминологии, под средним палеолитом Донбасса следует понимать средний палеолит Донецкой и Луганской областей Украины, хотя окраинные районы этих двух административных единиц охватывают соседние с Кряжем географические зоны. Кроме территории собственно Кряжа фактически сюда входят часть Приазовской возвышенности, верховья левобережных притоков Нижнего Поднепровья, часть Задонецкой равнины.

Объединение соседних областей в один археологический регион оправдано не только их географической близостью, но и длительной историографической традицией. Систематическое изучение среднего палеолита Донбасса осуществляется с 20-х гг. XX века и связано с именами П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина, П.И. Борисковского, В.М. Евсева, С.Н. Локтюшева, Д.С. Цвейбель, В.Н. Гладилина, Н.Д. Праслова, А.А. Кротовой и других российских и украинских специалистов. Именно в Донбассе в 1935 г. В.М. Евсеевым была сделана первая, как тогда считалось, ашельская находка на Украине.

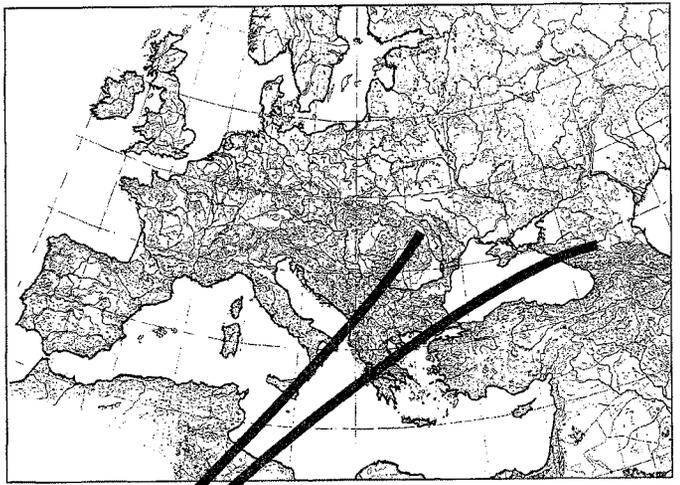
Необходимость обобщения накопленных за последнее время сведений по среднему палеолиту Донбасса назрела уже давно. Донецкий сектор давно и прочно вписался в палеолитическую карту Восточной Европы. Изучение среднего палеолита Украины и южных регионов России вот же уже несколько десятилетий ведется неослабевающими темпами. Открылись двери для комплексных международных экспедиций, подготавливаются и издаются обширные новые материалы, рисующие широкую панораму развития палеолитических традиций Восточ-

ной Европы как части единого палеолитического мира. Донбассские материалы вносят в археологическую палитру новые краски, помогают лучше понять общее и частное в поведении древнего человека и в развитии его материальной и духовной культуры.

Работа над настоящим изданием была инициирована и оплачена в рамках государственной программы по подготовке материалов к тому *“Свода памятников истории и культуры”* по Донецкой области. Памятники среднего палеолита являются древнейшими в регионе и открывают корпус памятников истории и культуры Донбасса.

Помимо решения исследовательских задач, настоящая разработка выполняет функцию справочного пособия, поскольку включает в себя сведения практически обо всех (в том числе единичных) известных к моменту издания находках среднего палеолита в Донбассе. Это обязывает нас давать по возможности полные географические и административные привязки памятников и пунктов сборов находок. Рисунки каменных изделий выполнялись в разное время, поэтому могут отличаться по технике исполнения.

Рукопись настоящей сводки памятников и ее фрагменты неоднократно обсуждались с коллегами, которым автор выражает самую искреннюю признательность. Ценные советы и замечания сделали Гирия Е.Ю., Гладилин В.Н., Дегерменджи С.М., Демиденко Ю.Э., Евтушенко А.И., Кулаковская Л.В., Коваль Ю.Г., Матюхин А.Е., Праслов Н.Д., Сытник А.С., Чабай В.П., Bosinski. G., Tuffreau A., Sitlivy V. и другие специалисты. Особой благодарности заслуживают многолетние добровольные участники экспедиций Барсуков Е., Вотякова О., Коваленко А.Г., Ильяшенко Л.В., Ильяшенко Т.В., Цыба О., Юр А., Golebiowska-Tobiasz A., студенты Краматорского экономико-гуманитарного института, Донецкого государственного университета, Донецкого Открытого университета, которые своими руками извлекали на свет археологические остатки среднего палеолита Донбасса.

- 1 – Амвросиевка
- 2, 3 – Луганск
- 4 – Макеевка
- 5 – Артемовск
- 6 – Корнеев Яр
- 7 – Изюм
- 8 – Антоновка I, II
- 9 – Александровка
- 10 – Новоклиновка 2
- 11 – Белояровка
- 12 – Успенка
- 13 – Новоклиновка 1
- 14 – Широкая балка
- 15 – Белояровка-Колпаково
- 16 – Щурова балка
- 17 – Самсоново
- 18 – Безыменное
- 19 – Новоазовск
- 20 – Обрыв
- 21 – Седово
- 22 – Еланчик 1
- 23 – Греково-Александровка
- 24 – Донецк

- 25 – «Текстильщию»
- 26 – Марьяновка
- 27 – Макеевка
- 28 – Моспино
- 29 – Курдюмовка
- 30 – Озеряновка 1
- 31 – Озеряновка 3
- 32 – Белая Гора 1
- 33 – Белокузьминовка
- 34 – Звановка
- 35 – Покровское
- 36 – Дружковка
- 37 – Константиновка
- 38 – Красный Яр
- 39 – Пережат
- 40 – Рубежное
- 41 – т/б «Донец»
- 42 – Бобриково
- 43 – Войтово
- 44 – Долгое
- 45 – Булгаковка
- 46 – Деркул
- 47 – Титовка
- 48 – Чугинка

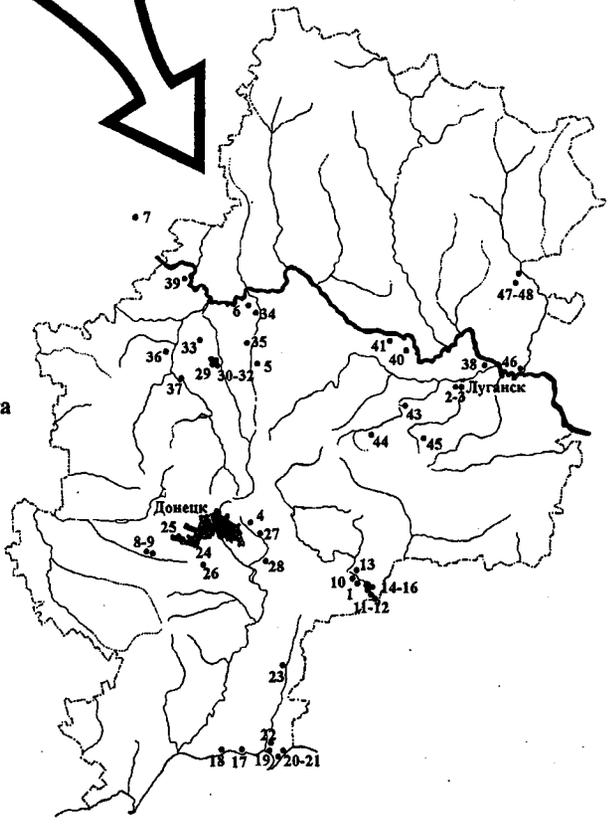

Рис. 1. Карта памятников среднего палеолита Донбасса.
 Fig. 1. Map of the Donbass Middle Palaeolithic sites.

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДОНБАССА

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

История изучения среднего палеолита Донбасса и Приазовья имеет глубокие корни. Еще в 1901 г. известный новочеркасский археолог А.А. Миллер по предписанию заведующего Донским музеем Х.И. Попова [ГАРО, ф.55, о. 1, д. 910, л. 28], обследовал пещеру, а также курган и древний колодец у станицы Новониколаевской Мариупольского уезда Таганрогского округа Войска Донского (современный г. Новоазовск Донецкой области). С этой пещерой были связаны обычные в таких случаях легенды о тайном убежище и кладях разбойников. Сведения о пещере поступили в администрацию Войска Донского от местного помещика в 1889 г. Во время обследования пещеры А.А. Миллер смог проникнуть в ее низкий главный вход только на несколько метров. В своем отчете о результатах осмотра пещеры А.А. Миллер отмечал, что “главный ее интерес бесспорно сводится к возможным следам жизни в ней человека еще в каменный период” [ГАРО, ф. 55, о. 1, д. 543, л. 2].

Справедливость предположения о глубокой древности заселения Донбасса и Приазовья была доказана уже в советское время. В 1924 г. П.П. Ефименко в качестве члена Всеукраинской археологической комиссии совершил поездку в Сталинскую и Луганскую области Украины. Одной из причин, вызвавших поездку П.П. Ефименко, была плодотворная деятельность замечательного изюмского краеведа Н.В. Сибилева, собравшего в Подонцовье огромное количество археологических находок [Сибилев, 1926-а, 1926-б, 1928, 1930].

Главное внимание Н.В. Сибилев сосредоточил на долине Северского Донца, включая пойму и высокий коренной правый берег. Основные сборы Н.В. Сибилев производил на пойменных дюнах. Видное место в чрезвычайно обильных коллекциях с дюн занимали разнообразные кремневые изделия. Регулярные сообщения Н.В. Сибилева в ВУАК о результатах своих работ не могли остаться без внимания специалистов по каменному веку.

Свой маршрут П.П. Ефименко начал на Луганщине. За время трехмесячного пребы-

вания здесь П.П. Ефименко совершил обширные разведки по Северскому Донцу и обнаружил 17 июля в устье р. Деркул раннепалеолитическое местонахождение переотложенных кварцитовых и кремневых орудий [Ефименко, 1924, с.5]. Это была первая находка столь большой древности на юге Русской равнины. Неудивительно, что стоянка длительное время находилась в центре пристального внимания научной общественности и неоднократно посещалась первооткрывателем и другими исследователями. Практически ни одна изданная перед Второй мировой войной обобщающая работа по раннему палеолиту не обходилась без освещения материалов Деркульской стоянки [Ефименко, 1927; 1931, с.79; 1932-а; 1934-б, с.38-113; и др.]. Наиболее исчерпывающе эти материалы изданы в отдельной специальной статье [Ефименко, 1935]. Широкой научной популяризации деркульских находок способствовал не только непрекращаемый научный и административный авторитет П.П. Ефименко, но и яркость самого памятника.

Николай Викентьевич Сибилев
(1873-1943)

Вместе с блестящими открытиями Г.А. Бонч-Осмоловского в Крыму, деркульские находки стали основой источниковедческого фонда зарождавшейся советской науки о раннем палеолите.

В 20-30-е гг. на Луганщине обширные полевые исследования проводил С.А. Локтюшев. Этот период вообще был временем бурного развития местных краеведческих школ, вызванного ростом патриотизма после завершившейся Гражданской войны и, в связи с этим, широким интересом к прошлому своей страны. В 20-е гг. почти повсеместно и, в сущности, стихийно создаются различные региональные музеи исторического характера. Не был в стороне от этих процессов и Донбасс. В 1924 г. были заложены основы будущих областных музеев в Сталино (нынешний Донецк) и Луганске. Возглавляя в 1924-1926 гг. "Археологический музей-кабинет бассейна Донца" [Заявка ВУАКа до Укрнауки від 15.IX.26 р. №8975, НА ИА НАНУ, ВУАК, 105, с.102], а с 1927 г. - Луганский краевой социальный музей [письмо С.А. Локтюшева в ВУАК от 16.III.28 г., НА ИА НАНУ, ВУАК, 157, с.90], С.А. Локтюшев собрал вокруг себя группу последователей. Основные полевые интересы С.А. Локтюшева и его соратников в 20-е гг. были связаны, наряду с исследованиями курганов, с выявлением памятников каменного века. Такая направленность поисков, возможно, обусловлена находкой в 1919 г. крупного позднепалеолитического рогового наконечника копья на правом берегу Северского Донца [Локтюшев, 1923]. Во второй половине 20-х гг. С.А. Локтюшев специально планировал разведки стоянок каменного века в бассейнах рек Донца, Айдара, Ковсуга, Деркула [Витяг з журналу звітів Археологічному Відділу ВУАКа від 25.III.29 р., НА ИА НАНУ, ВУАК, 179, с.12].

В 1925 г. соратник С.А. Локтюшева А.С. Альбрехт обнаружил у бывшего хутора Красный Яр около современного г. Луганска на гравийной отмели Северского Донца местонахождение мустьерских кремней. Фактически это была вторая после Деркула мустьерская находка на Донетчине, но ей повезло значительно меньше и длительное время коллекция из Красного Яра оставалась в тени. Лишь в 1933 г. во время поездки по Украине ленинградский археолог С.Н. Замятнин, после детального ознакомления с местонахождением и изучения коллекции А.С. Альбрехта и своих сборов, впер-

вые определил мустьерский возраст этого памятника [Замятнин, 1953]. Побывал С.Н. Замятнин и в устье р. Деркул. Поездка С.Н. Замятнина на Юго-Восточную Украину вызвала пристальный интерес ленинградских специалистов к палеолиту Донбасса и Приазовья. Этот интерес не ослабевал в течение нескольких последующих десятилетий.

В 1936-1937 гг. С.А. Локтюшев также обследовал местонахождение Красный Яр и включил собранные материалы в подготовленную в 1938 г. статью о следах палеолита в бассейне Донца [НА ИА НАНУ, №640]. С незначительными изменениями статья увидела свет в 1940 г. [Локтюшев, 1940].

Однако С.А. Локтюшеву не всегда удавалось правильно определить значение некоторых своих находок. Во время разведок ему нередко попадались отдельные, как нам теперь кажется, среднепалеолитические кремневые орудия. Так, неясные фотографии находок в окрестностях с. Петропавловки и их описание из отчета за 1926 г. очень напоминают массивные окатанные мустьерские скребла [НА ИА НАНУ, ВУАК, 109/12, с.3-4].

Сходный возраст могут иметь грубые сколы, остроконечные и скребловидные орудия, происходящие из Лугано-Кладбищенской, Лугано-Пороховой и Александровской стоянок. Датировка этих изделий палеолитом не вызывала у С.А. Локтюшева сомнений и он сравнивал их с "ашельскими" и даже "прешельскими" орудиями [Локтюшев, 1930, с.10-11]. К сожалению, тогда эти находки остались невостребованными специалистами или просто непонятыми.

Такой же неблагоприятной оказалась и научная судьба двух небольших окатанных грубо оббитых кварцитовых бифасов, найденных С.А. Локтюшевым в 1926 г. при исследовании курганов возле г. Луганска на склоне высокого плато в районе обнажения древнего галечника [Локтюшев, 1930]. Долгие годы эти находки не обращали на себя должного внимания.

Не менее значительной, чем открытие Деркульской стоянки, в истории изучения среднего палеолита Донбасса и Приазовья стала находка в 1935 г. кремневого ручного рубила у станции Амвросиевка Донецкой обл.

Открытию амвросиевского палеолита предшествовали археологические разведки, систематически организовывавшиеся Сталинским музеем краеведения на р. Крынка и в соседних

районах. Основанием для них послужили неоднократно поступавшие в музей “сведения о том, что в селах Белояровка и Успенка ... попадает много кремня, как желваки, так и битый. Сведения о битом кремне, хотя и неточные, не могли не заинтересовать музейных работников. Осенью 1929 г. заведывающий Сталинским музеем краеведения О.В. Якубский ...” [Евсеев, 1932, с.1] организовал поездку на р. Крынку, в которой принял участие 17-летний Виктор Евсеев. “На берегу р. Крынки под с. Белояровкой был ... подобран кремень, носивший следы обработки. В с. Успенка учениками ... были принесены - прекрасный нуклеус и несколько осколков кремня с ясной обработкой на них” [Там же].

Виктор Михайлович Евсеев (1912-1955)

Повторные разведки В.М. Евсеева в одиночку в 1932 г. пролегли у станции Амвросиевка (современное с. Благодатное Амвросиевского р-на) и у с. Новоклиновка, то есть в самой непосредственной близости от верховьев балки Казенной [Там же, с.9-10], где позже были найдены уникальные палеолитические памятники. Из-за недостатка средств “...послали одного работника, ... снабдив соответствующими документами ... и далеко не соответствующей аппаратурой” [Там же, с.1]. В обеих экспедициях В.М. Евсеев принимал участие в качестве временного сотрудника музея [справки Сталин-

ского музея краеведения от 09.09.29 г. и 07.01.33 г.]. В 1935 г., уже в качестве постоянного сотрудника Сталинского музея, В.М. Евсеев вновь обращается к этому отрезку течения р. Крынка и совершает открытие Амвросиевского позднепалеолитического комплекса. Одновременно рядом с ним он находит ставшее широко известным кремневое ручное рубило.

В.М. Евсеев во время раскопок Амвросиевского костяка в 1935 г.

В связи с этими находками нельзя не упомянуть о личном подвижничестве В.М. Евсеева, осуществлявшего разведки в значительной степени за счет личных весьма скромных сбережений (из воспоминаний Е.Н. Екимовой, вдовы В.М. Евсеева, от 4.12.1986 г.) [Колесник, Полидович, 1999].

В 1938 г. в Украине вновь побывал С.Н. Замятнин. Был он и в Мариуполе, куда в 1937 г. переместили Сталинский краевой музей со всеми коллекциями. Вместе с В.М. Евсеевым С.Н. Замятнин совершил экскурс в балку Казенную и на месте осмотрел условия находки рубила. Это орудие получило оценку крупнейшего в то время специалиста в области археологии палеолита и спустя годы военного лихолетья было введено в научный оборот как хрестоматийное ашельское ручное рубило [Замятнин, 1951, 1953].

Амвросиевское рубило стало первым общепризнанным ашельским орудием на Украине и, несмотря на более ранние по времени обнаружения находки С.А. Локтюшева под Луганском, официальной точкой отсчета в истории изучения домутьерских памятников Русской равнины считается 1935 г. Эта находка окончательно утверди-

ла факт глубокой древности заселения Донбасса и Приазовья в эпоху среднего палеолита.

Небезынтересна судьба самого рубила. Длительное время оно считалось утерянным при эвакуации коллекций Мариупольского музея в годы Второй мировой войны [Замятнин, 1953, с.252; Праслов, 1968, с.59]. Однако в 60-е гг. рубило было вновь “открыто” сотрудником Донецкого музея Т.А. Шаповаловым при разборке палеонтологических коллекций, куда оно попало при спешном демонтаже витрин в 1941 г., и сейчас занимает достойное место в экспозиции Донецкого областного краеведческого музея.

Следует отметить также работы Азово-Черноморской археологической экспедиции под руководством О.Н. Бадера в 1935 г. Экспедиция обследовала районы Приазовья и Северного Причерноморья между Таганрогом и Одессой. Западнее Мариуполя, в морском береговом обнажении в пос. Широкино, были обнаружены расколотые кости мамонта и иных животных плейстоценового возраста, а также раковины морских моллюсков, которые были связаны автором находок с палеолитической стоянкой [НА ИА НАНУ, МК-628, с.18]. Сведения о “мустьерской” стоянке у пос. Широкино без достаточных на то оснований попали в научную литературу [Бадер, 1937, с.144] и даже в научно-популярное издание [Писларий, Филатов, 1972, с.25], но позже были переосмыслены [Бадер, 1959, с.174]. Наши неоднократные осмотры высоких морских береговых обнажений в пос. Широкино Новоазовского района Донецкой области и в его окрестностях позволяют локализовать местонахождение плейстоценовой фауны в восточной части поселка, у цеха по переработке рыбы. Здесь в слое суглинка на глубине 7-8 м в склоновых отложениях древней балки залегает растянутое по вертикали скопление костей мамонтов и бизонов. Кости не связаны с каким-либо определенным стратиграфическим уровнем. Среди них не встречены какие-либо обработанные рукой человека кремни. Раковины моллюсков происходят их морских илистых глин, которые находятся стратиграфически ниже континентальных отложений.

Значение довоенных открытий в Донбассе и Приазовье трудно переоценить. Эти находки легко узнаваемы специалистами и неотделимы от истории становления российской и украинской науки о палеолите. Даже если время внесет корректировки в оценку их возраста, роль этих орудий как одних из первых признанных образцов

среднего палеолита Юго-Восточной Украины останется непреходящей.

Традиция изучения среднего палеолита Донбасса и Приазовья была продолжена в послевоенное время. В 1949-1950 гг. П.И. Борисковский в ходе исследований Амвросиевского позднепалеолитического комплекса осуществил широкомасштабные разведки по рекам Крынка, Миус и Тузлов. По мнению П.И. Борисковского, в раннем плейстоцене в Северном Приазовье сложились благоприятные для становления человека природно-климатические условия. Это теоретически обосновывало возможность существования здесь наиболее древних памятников человеческой культуры. В то время на юго-западе Украины в долине Днестра у с. Лука-Врублевская уже были известны древнейшие, как тогда считалось, шельские орудия труда [Борисковский, 1953-а, с.39]. Разведки П.И. Борисковского в Приазовье в 1949-1950 гг. не дали находок такой большой древности. В Амвросиевском районе Донецкой области у сел Белояровка, Успенка и Новоклиновка удалось выявить лишь три незначительных мустьерских местонахождения в виде древней примеси в разновременном конгломерате находок [Борисковский, 1953-б]. Они приурочены к району выходов на дневную поверхность кремнесодержащих пород верхнемелового возраста в среднем течении р. Крынка.

В начале 50-х гг. увидели свет две работы С.Н. Замятнина (Замятнин, 1951, 1953), которые строились во многом на довоенных наблюдениях автора. В них была помещена публикация “превосходного ашельского рубила, сделанного ... близ ... Амвросиевки” [Замятнин, 1951, с.104, рис.5] и, что очень важно, впервые обосновывалось выделение Донбасса и Приазовья в качестве локального района раннего палеолита Восточной Европы [Замятнин, 1953]. С.Н. Замятнин критически отнесся к датировке П.П. Ефименко Деркульской стоянки мустьерским временем и высказал мнение о более поздней дате, по аналогии с находящейся недалеко неолитической мастерской крупных кварцитовых орудий, открытых еще в довоенное время С.А. Локтюшевым [Локтюшев, 1940-б]. Впоследствии эти замечания вызвали дополнительное обследование памятника В.Н. Гладилыным [Гладилин, 1965].

В 60-е гг. в советском палеолитоведении развернулась острая дискуссия о времени и путях заселения Восточной Европы. Эта дискуссия не могла пройти мимо среднепалеолитических

памятников Юго-Восточной Украины. В ходе дискуссии памятники региона получали различную, порой противоречивую, оценку. Так, С.Н. Биби-ков, следуя концепции заселения Восточно-Европейской равнины древнейшими человеческими коллективами из территории Кавказа в мустьерское время, называл амвросиевское рубило мустьерским рубилом и даже остроконечником [Биби-ков, 1961].

Хронография изучения среднего палеолита Юго-Восточной Украины во многом совпадает с историей изучения мустьерских и домустьерских памятников соседних регионов России. Первые мустьерские находки были сделаны в Северо-Восточном Приазовье еще в 30-е гг. и связаны с именами В.И. Громова и его ученицы В.А. Хохловкиной [Громов, 1940, 1948; Хохловкина, 1940]. Особый интерес вызвала тогда находка кремневого отщепка на северном побережье Азовского моря в береговом обнажении на глубине около 15 м у с. Бессергеновка близ г. Таганрог [Замятнин, 1937; Борисковский, 1957]. Известный резонанс в среде специалистов по палеолиту получили находки кремневых изделий из г. Матвеев Курган и с. Лакедемоновка. Предполагалось, что эти изделия имеют древнепалеолитический возраст. Однако вскоре выяснилось, что здесь сохранились всего лишь остатки разрушенных мустьерских стоябищ [Замятнин, 1953; Борисковский, 1953, 1957; Праслов, Борисковский, 1962; Борисковский, Праслов, 1964, с.14].

В 50-е гг., одновременно с разведками П.И. Борисковского в бассейне рек Крынка, Миус и Тузлов, геолог Г.И. Горецкий проводит результативные разведки в устье Северского Донца и на Дону [Горецкий, 1952]. Ему принадлежит открытие выразительных памятников у хуторов Хрящи и Михайловское. После детального изучения этих местонахождений Н.Д. Прасловым они заслуженно стали считаться опорными памятниками раннего палеолита не только Нижнего Подонья, но и Восточной Европы в целом. Происходящие из Хрящей кремневые и кварцевые изделия, а также находки у хут. Герасимовка в Приазовье на сегодняшний день признаются древнейшими стратифицированными комплексами юго-восточной части Русской равнины [Праслов, 1968, с.17-39; 2001].

60-е гг. ознаменовались рядом крупных открытий в Донбассе и Приазовье. Особо ре-

зультативной была первая половина 60-х гг. В 1959 г. к активным и плодотворным поискам следов палеолита в Донбассе приступает преподаватель Донецкого пединститута (с 1964 г. - университет) Д.С. Цвейбель. Первым вкладом исследовательницы в копилку знаний о каменном веке Юго-Восточной Украины стало местонахождение Кременная Гора у с. Александровка Марьинского района близ Донецка (исследования 1959-1960 гг.), где вместе с мезолитическими изделиями были обнаружены и сильно окатанные мустьерские орудия [Цвейбель, 1970]. Эти находки существенно обогатили представление о среднем палеолите Донбасса.

В 1961-1962 гг. Н.Д. Праслов, работая тогда научным сотрудником Таганрогского краеведческого музея, исследует хорошо сохранившуюся мустьерскую стоянку у хут. Рожок на берегу Миусского лимана, а также ряд других местонахождений в этом регионе [Праслов, 1962, 1964-а, 1964-б, 1964-в]. Первая обобщающая сводка по палеолиту бассейна Днестра и Приазовья была издана в 1964 г. [Борисковский, Праслов, 1964]. Вскоре увидела свет монография Н.Д. Праслова о мустьерских и домустьерских памятниках Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья [Праслов, 1968]. Решая проблему генезиса палеолита Восточной Европы в этой первоклассной самой по себе публикации, Н.Д. Праслов отдает предпочтение идее западного происхождения древнейших местных индустрий.

Важный этап изучения среднего палеолита Юго-Восточной Украины составили работы В.Н. Гладилина.

Раскопки стоянки Антоновка в 1965 г.

Прежде всего, он обратился к классическим материалам Деркульской стоянки и в 1963 г. на месте ознакомился с памятником. Собранные дополнительные материалы, по мнению В.Н. Гладиллина, доказывали правоту П.П. Ефименко, который датировал обработанные кремни и кварциты мустьерским временем [Гладилин, 1965]. Совместные с Т.А. Шаповаловым разведки в бассейне р. Кальмиус в 1962 г. открытый палеолита не принесли. Зато в Донецком областном краеведческом музее в поле зрения В.Н. Гладиллина попали недавно поступившие патинированные кремни из с. Антоновка Марьинского района. Правильно оценив значение находок, в 1963 г. исследователь приступил к стационарным раскопкам этого памятника и продолжил их вплоть до 1965 г. [Гладилин, 1966, 1969]. Раскопки Антоновских стоянок недалеко от Донецка принесли численно большой археологический материал, который лег в основу выделения “антоновской мустьерской культуры” и послужил отправной точкой при создании оригинальной классификации каменных орудий [Гладилин, 1971-а, 1976]. Собранные коллекции получили признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Атрибуция В.Н. Гладиллиным антоновской индустрии в качестве “восточно-миококской” [Гладилин, 1985] по сей день определяет восприятие памятников данного типа.

Доротея Самойловна Цвейбель (1917-1990)

Много сил отдала изучению донецкого палеолита Д.С. Цвейбель. Помимо открытия Александровки, ей принадлежит исследование уникальной стоянки в с. Белокузьминовка Константиновского района Донецкой области. Сам памятник был обнаружен в 1965 г. ассистентом Донецкого университета В.Я. Устенко, который в составе экспедиции Д.С. Цвейбель проводил разведки со студентами-практикантами. После трагической гибели В.Я. Устенко в 1967 г. накануне выезда в экспедицию, Д.С. Цвейбель по его полевому дневнику локализовала в с. Белокузьминовка овраг с находками патинированных кремней. Шурфовка и раскопки 1968 г. дали представление о размере памятника и характере залегания культурных остатков.

Валентин Яковлевич Устенко (1939-1967)

Основные полевые работы проводились в 1969-1970 гг. Из-за обилия кремней с поврежденными краями белокузьминовская индустрия получила название “зубчатой” и с таким первоначальным определением попала в научный оборот [Цвейбель, 1971-а, 1971-б]. Памятник вызвал безусловный интерес у специалистов: в 1971 г. с коллекцией ознакомился В.Н. Гладиллин, в 1972 г. - В.П. Любин, а в 1974 г. коллекцию и памятник осмотрел Н.Д. Праслов.

В 1970 г. в археологический музей Донецкого государственного университета из г. Макеевка поступила случайная находка - пре-

красный среднепалеолитический бифас, сделанный из крупного отщепы [Цвейбель, 1971, 1979].

После амвросиевского рубила это было второе найденное в Донбассе орудие такого рода.

В этом же году Д.С. Цвейбель обследовала определенное С.И. Татариновым мустьерское местонахождение у ст. Звановка Артемовского района Донецкой области. Рекогносцировочные работы показали, что культурные остатки залегают на коре выветривания меловых пород в переотложенном состоянии. В 1976 г. рядом с пунктом сбора подъемного материала в недавно размытых оврагах автору удалось зафиксировать частично переотложенные остатки крупной мустьерской мастерской по первичному расщеплению кремня. В 1977-1978, 1980-1981 гг. памятник шурфовался и раскапывался [Колесник, Привалов, 1978; Колесник, 1989].

Д.С. Цвейбель во время чтения лекций в Донецком государственном университете

С начала 70-х гг. в Донбассе, как и по всей Украине, резко увеличился объем полевых археологических исследований за счет создания ряда новостроечных экспедиций. Их

работами были охвачены практически все уголки Донецкой и Ворошиловградской (ныне Луганской) областей. Беспрецедентно масштабные для Юго-Восточной Украины полевые работы способствовали накоплению обильного археологического материала, в том числе и среднепалеолитических находок. В их числе небольшие пункты сбора подъемного материала у сел Бобриково и Войтово в Луганской области, у с. Красновка Донецкой области, в городах Донецке, Макеевке и в других местах.

Весомый вклад в расширение источниковедческой базы изучения среднего палеолита Донбасса и Приазовья вносят краеведы, а также сотрудники местных краеведческих музеев. Благодаря их активности список памятников пополнился находками у г. Дружковка Донецкой области, г. Рубежное Луганской области, пос. Зайцево Артемовского района Донецкой области и многими другими.

Начиная с конца 70-х г. в плодотворные разведочные и раскопочные работы ведутся А.Е. Матюхиным в соседнем регионе России в основном в низовьях Северского Донца [Матюхин, 1987; 1994; 1996]. Чрезвычайно обильные материалы из многослойных мастерских для нуклеусов и орудий содержат среднепалеолитические изделия, во многом похожие на донбасские материалы.

Планомерные поиски следов среднего палеолита в Донбассе и Приазовье ведутся автором с середины 70-х гг. Эту работу автор выполнял сначала в качестве студента Донецкого государственного университета, затем - учителя сельской школы, а в настоящее время - научного сотрудника Донецкого областного краеведческого музея. В результате этих работ открыт и исследован ряд новых памятников, дополнительно обследованы уже известные пункты. Помимо Звановки, в разные годы раскапывались Белокузьминовка (1986), Курдюмовка (1988-1992, 1995), Черкасское (1997-1998), Антоновка (2001-2002). Часть полученных материалов увидела свет в различных научных изданиях [Цвейбель, Колесник, 1987, 1992; Герасименко, Колесник, 1989, 1992; Колесник, 1986, 1989, 1990, 1992, 1993-а; Колесник, Весельский, 1996 и др.], часть впервые публикуется в настоящей работе.

ОБЩЕЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ РЕГИОНА И СТРАТИГРАФИЯ ВЕРХНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Геологическое строение региона

Особенности геологической истории Юго-Восточной Украины обусловили существование на изучаемой территории нескольких физико-географических районов со своими специфическими ландшафтами, имеющими древнее происхождение. Выделяются собственно Донецкий кряж с отрогами, Приазовская низменность как часть Причерноморской низменности (с мощными четвертичными покровными отложениями), Приазовская возвышенность (с массовыми выходами на дневную поверхность древних кристаллических пород) и Задонецкая равнина [Бондарчук, 1963]. Формирование природы в Приазовье в плейстоцене происходило под сильным влиянием акватории Азовского моря, переживавшего в это время ритмические этапы трансгрессии и регрессии [Шнюков и др., 1974]. Кряж и окружающие его территории неоднократно испытывали тектонические поднятия и опускания [Заморій, 1950].

Основной физико-географической структурой Юго-Восточной Украины является Донецкий кряж, имеющий максимальную высотную отметку 362 м над уровнем моря (Могила Мечетная). Строение Кряжа и характер осадочных толщ обусловлены многочисленными фазами тектонического движения. По мнению большинства исследователей, выделяется пять орографических этапов формирования складчатого строения Донецкого кряжа, начиная с девонского периода. В амплитуде тектонического поднятия и опускания, фазы опускания были более длительными. Это способствовало накоплению мощной пачки осадочных пород. Особо интенсивно накапливались осадки в каменноугольный период. Решающее значение в формировании Донецкой складчатой структуры имело поднятие Украинского кристаллического щита и опускание Днепровско-Донецкой впадины в палеогене.

Складчатый характер залегания карбоновых отложений, определявший основные черты поверхности Кряжа и его отрогов в плиоцене и плейстоцене, обусловил сильно расчлененный, местами полугорный рельеф с глубокими каньонообразными балками и оврагами, увалами и невысокими горами [Бланк, Грущенко, 1984; Попов, 1930]. В среднем и позднем плей-

стоцене этот рельеф неоднократно менялся в зависимости от колебания базиса эрозии. Часто рельеф местности был более контрастным и расчлененным, чем современный, за счет отсутствия позднейших покровных отложений, а также нескольких врезов, вызванных морскими регрессиями и положительной фазой тектонического движения. Наиболее значительными были врезы в т. н. витачевскую фазу оптимизации климата и в раннеголоценовое время. Врезы приводили к активному разрушению накопленных отложений, в том числе палеолитических культурных остатков. Особо активно разрушались отложения речных террас основных водных артерий Кряжа. В целом, баланс накопления и размыва четвертичных отложений был неблагоприятным с точки зрения сохранности четвертичной почвенно-лессовой толщи. Для субазальных отложений на территории Кряжа характерен значительный индекс делювиального смыва. Отмечаются частые разрывы в осадконакоплении. В районе обнажения плотных пород местами сохраняются денудационные поверхности.

Задонецкая равнина в геоморфологическом смысле состоит из двух взаимосвязанных структур – долины р. Северский Донец и собственно равнины. Задонецкая пластовая равнина имеет слабо расчлененный холмистый рельеф с террасированными узкими междуречьями шириной до 20 км. Все прорезающие равнину реки являются левобережными притоками Северского Донца. Плиоцен-плейстоценовые лессовые отложения не превышают 30 м, уменьшаясь в южном направлении. Четвертичные террасы прослеживаются у всех рек и балок. Всего выделяется до 8 террас, цоколь древнейшей из которых не превышает 25 м над поймой [Бланк, Грущенко, 1984, с.98]. Цоколи верхне-четвертичных террас от удайской до причерноморской включительно ненамного возвышаются над современной поймой, а в долине Донца опускаются на 18 м ниже уреза воды.

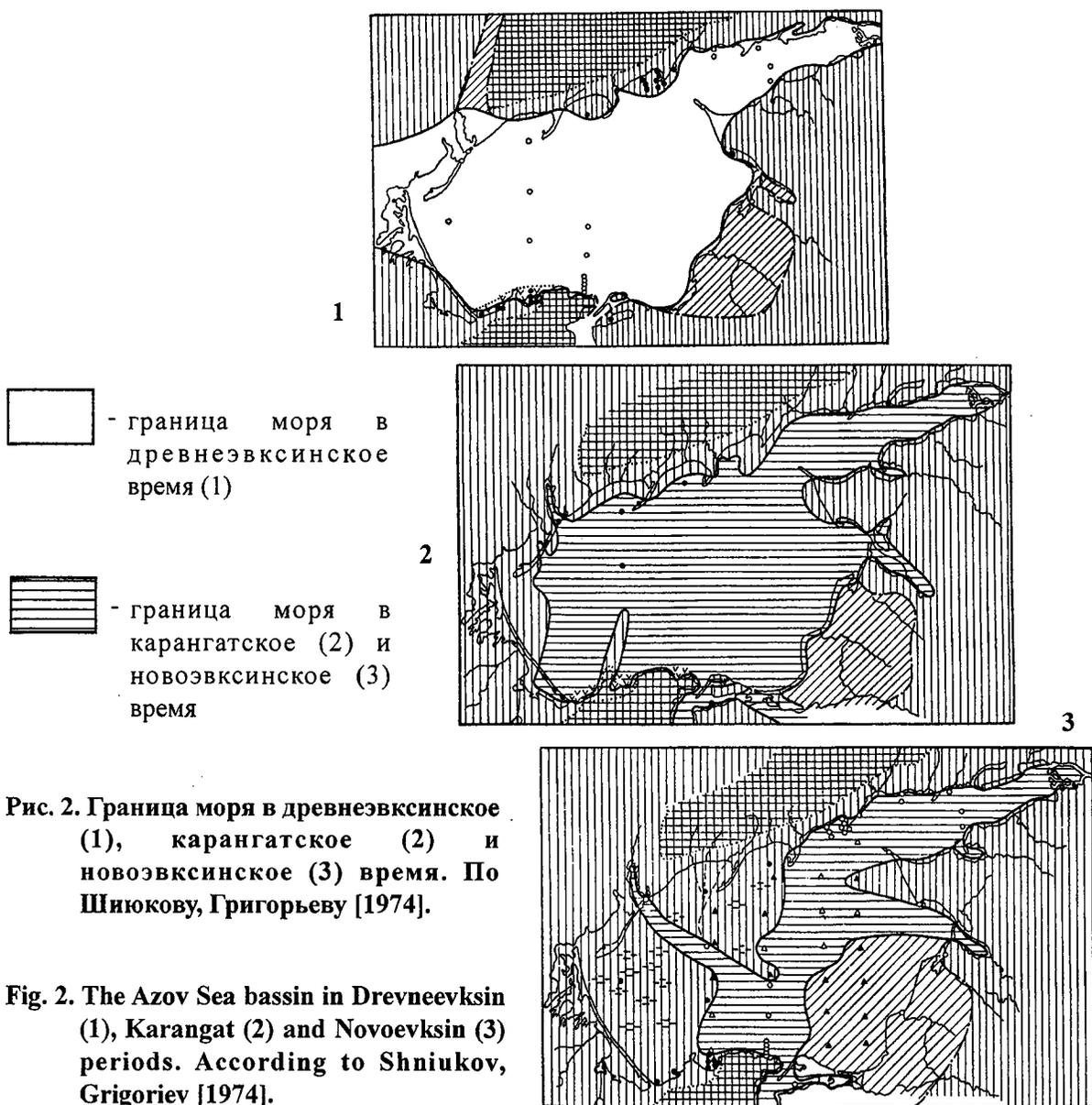
Основная водная артерия Донбасса река Северский Донец проложила свое русло по так называемому Донецкому каналу, отделяющему Донецкий кряж от Воронежского кристаллического массива [Соболев, 1936]. Этот канал был заложен на месте разлома древней кристалли-

ческой платформы. Донец имеет хорошо выработанную долину, достигающую ширины до 60 км в наиболее широкой части. Средняя ширина, как правило, не превышает 10-12 км. Строение долины асимметрично, река тяготеет к правому коренному берегу. Высота крутого правого берега Донца в районе Кряжа достигает 50-55 м. Пологий левый берег содержит несколько речных террас, из них хорошо выражены пять – пойменная и четыре надпойменных. Эти террасы хорошо развиты и отражают последовательные этапы геологической истории реки. Значительные площади занимает вторая надпойменная или боровая терраса, располагающаяся вдоль реки полосой шириною до 5 км. Над песчаной террасой возвышаются две или три террасы со слаборасчлененным рельефом. Са-

мая древняя терраса приподнята на высоту до 80 м над поймой. Речные террасы Донца различаются как по строению, так и по высотным отметкам.

Современная гидрологическая балочно-речная сеть Донбасса и Приазовья фактически сложилась к среднему плейстоцену. Обводненность рек и балок значительно менялась при общих и локальных тектонических движениях и колебаниях влажности климата.

Приазовская возвышенность содержит многочисленные выходы на поверхность древних вулканических пород, которые являются частью Украинского кристаллического щита, протянувшегося на юго-восток из района Волыни. Эти кристаллические породы докембрия являются одними из самых древних на Земле.

Покровный чехол четвертичных осадков относительно маломощен, рельеф возвышенности холмистый.

Четвертичный покровный чехол Северного Приазовья накапливался в более благоприятных условиях, вызванных равнинным характером местности. Древние тектонические структуры погружены здесь на значительную глубину и не влияют существенным образом на современный рельеф поверхности. Разрывов в накоплении четвертичных осадков в Приазовье значительно меньше, чем на территории Края, а суммарная мощность плио-плейстоценовых отложений на юге Донецкой области может достигать нескольких десятков метров [Мацуй, Христофорова, Шелкопляс, 1981]. Береговой обрыв северного побережья Азовского моря обнажает многометровую толщу (до 50 м и более) разновозрастных континентальных террас и трансгрессивных морских отложений [Лебедева, 1965, 1972].

Непосредственное влияние на формирование природно-климатической обстановки Приазовья в четвертичное время оказывало Азовское море. Акватория моря неоднократно менялась в плейстоцене, переживая фазы регрессий и трансгрессий. Структурно-тектонический план моря в четвертичное время унаследован от более древних геологических эпох. Азовское море – составная часть Понто-Каспийского морского бассейна. В конце плиоцена море представляло собой сильно опресненный залив Каспийского моря [Попов, 1961]. В период плейстоцена на дне этих водоемов последовательно накапливались чаудинские, узунларские, древнеэвксинские, карангатские и новоэвксинские морские отложения [Архангельский, Стахов, 1938; Попов, 1961; и др.]. В чаудинское время наблюдается сокращение акватории моря за счет фазы поднятия. Расширение моря наблюдалось в следующую фазу. В Северном Приазовье контур древнеэвксинского бассейна проходил южнее современной береговой линии, а в Таганрогском заливе выходил за контуры современного моря (рис.2, 1), соединяясь с Каспием через Куро-Маньчскую перемычку [Шнюков, Григорьев, 1974, с.224]. В результате тектонического поднятия в узунларское время акватория моря существенно уменьшается; морские условия сохраняются только в наиболее погруженных частях Азовской впадины. Наибольший интерес для нас

представляет геологическая история Азовского моря, начиная с карангатского времени. Этот период коррелируется большинством специалистов с рисс-вюрмским межледниковьем или началом верхнего плейстоцена [Материалы межведомственного совещания ..., 1964; Федоров, 1963; Муратов, 1967; Тарашук, 1974; и др.]. Карангатская трансгрессия восстановила море в границах, близких к современным (рис. 2, 2). Карангатский морской бассейн подпитывался водами Средиземного моря и был более теплым и соленым, чем современный. Его уровень был на 8-10 м выше современного [Благоволин и др., 1982, с.12]. В послекарангатское время вплоть до конца плейстоцена Азовское и Черное моря находятся в регрессивной стадии развития, несмотря на эпизодические фазы подъема уровня воды [Федоров, 1963]. Причиной колебания уровня моря были не только палеоклиматические условия, но и эвстатические колебания уровня океана. В период раннего вюрма (гримальдийская регрессия Средиземного моря; ранний пленигляциал - ?) уровень Черного моря снизился более чем на 100 м, береговая линия проходила в районе современного шельфа. На месте Азовского моря была суша, прорезанная долиной палео-Дона. На ней накапливались континентальные отложения различного генезиса. Затем последовала длительная фаза трансгрессий и регрессий (предсуроужская, суроужская и новоэвксинская) с различной амплитудой колебания уровня моря. Согласно мнению по поводу точных датировок этих климатических событий, к сожалению, нет [Федоров, 1974; Островерхов, 1977; Алексеев, 1986]. Наиболее значительной и продолжительной из них была последняя новоэвксинская регрессия (поздний пленигляциал -?), в течение которой акватория Азовского моря сокращается более чем наполовину [Шнюков, Григорьев, 1974, с.226-229]. Море приобрело вид большого пролива шириной 15-30 км, который являлся непосредственным продолжением Дона (рис.2, 3). По другим данным, море вновь становится сушей. В современных границах море начало восстанавливаться только в голоцене, в древнеазовское время, в результате тектонического опускания. Как видно, в фазы регрессии значительные площади моря осушались и были доступны для заселения животными сообществами и человеком. Особенности геологической истории Азовско-

го моря в четвертичное время существенным образом влияли на палеогеографическую обстановку соседних геологических провинций, тем самым влияя на темпы и характер расселения древнейших человеческих коллективов в этом палеолитическом уголке Восточной Европы [Праслов, 1968; 2001].

Стратиграфическое расчленение верхнечетвертичных осадков

Преимуществом памятников лессовых равнин и открытых ландшафтов по сравнению со стоянками в скальных убежищах является тот факт, что к ним может быть применен метод датирования по лессово-почвенным сериям. В настоящее время климато-стратиграфические шкалы достаточно хорошо разработаны для субэаральных отложений Русской равнины. Юг Русской равнины в целом входит в зону распространения лессовой формации и характеризуется наличием достаточно мощных, до 30 м и более, лессово-почвенных покровных отложений, почти повсеместно развитых на плакорах и в балочно-речных долинах. Ритмическое строение лессовых толщ отражает последовательно меняющиеся во времени колебания климата и природной обстановки.

Четвертичная лессовая формация Украины - предмет давнего интереса специалистов по палеогеографии. Традиция стратиграфического расчленения лессовой формации Украины основываются на работах В.И. Крокоса [Крокос, 1927], В.Г. Бондарчука [Бондарчук, 1939], П.К. Замория [Заморий, 1954] и других авторов. Современные представления о палеогеографической этапности плейстоцена Украины и сопредельных стран выдвинуты в многочисленных трудах М.Ф. Веклича и в исследованиях представителей его школы [Веклич, 1968, 1974, 1977, 1982; Веклич, Сиренко, Адаменко и др., 1984; Веклич, Матвийшина, 1979; и др.]. Особо привлекательной для археологов была региональная схема палеогеографической этапности плейстоцена Украины, утвержденная Межведомственным стратиграфическим комитетом в качестве стратиграфического эталона [Веклич, Сиренко, Адаменко и др., 1984; Решения 2-го Межведомственного стратиграфического совещания..., 1986]. В одной из редакций схема палеогеографической этапности плейстоцена Украины была соотнесена с альпийской геохронологической схемой, межрегиональной гео-

хронологической схемой европейской части России, шкалой понто-каспийских морских отложений [Палеогеографические этапы..., 1984]. Длительное время данная корреляция стратиграфических горизонтов Восточной Европы оставалась незыблемой и служила основой для общей стратиграфической оценки археологических памятников Украины эпохи палеолита. В последнее время произошла переоценка возраста и стратиграфических аналогов отдельных горизонтов лессово-почвенной серии плейстоцена Украины (см. ниже), при этом правильность самой стратиграфической последовательности, разработанной М.Ф. Векличем и представителями его школы, не оспаривается. В соответствии с этой схемой в пределах интересующего нас отрезка плейстоцена выделяются следующие стратиграфические горизонты:

- кайдакский (kd),
- тясминский (ts),
- прилукский (pl),
- удайский (ud),
- бугский (bg),
- дофиновский (df),
- причерноморский (pc).

Хроно-стратиграфическая шкала среднего палеолита Донбасса и Приазовья является производной от этой стратиграфической колонки. Практически все стратиграфические горизонты верхнего плейстоцена в той или иной степени документированы в регионе палеолитическими остатками. Стратиграфическая атрибуция всех памятников палеолита, сохранивших свой геологический контекст, выполнена непосредственно М.Ф. Векличем и его коллегами. М.Ф. Векличем изучались Антоновские стоянки [Гладилин, 1974], Курдюмовка. Памятники позднего палеолита осматривались Н.А. Сиренко [Неприна, Зализняк, Кротова, 1986, с.62] и Н.П. Герасименко [Герасименко, 1994]. Детальная стратиграфическая, палинологическая и палеопедологическая характеристика Белокузьминовки, Курдюмовки, Звановки, Черкасского и других памятников среднего палеолита выполнена Н.П. Герасименко [Герасименко, Колесник, 1989, 1992], которая с 1986 г. неизменно консультирует наши полевые работы.

В рамках климато-стратиграфической колонки верхнего плейстоцена Украины выделяется четыре больших теплых этапа, в течение которых складывались благоприятные условия для развития почвенного покрова. Накоплению по-

членного субстрата способствовала также относительная стабилизация ландшафтов. Внутри теплых этапов имели место относительно короткие фазы иссушения и похолодания. Теплые условия последовательно сменялись более суровыми стадийными условиями, способствовавшими накоплению лессов и лессовидных суглинков. Эти климатические интервалы охватывают период от ресс-вюрмского межледниковья до конца вюрмского оледенения. Динамика изменения климата хорошо отражена в лессово-почвенной серии континентальных осадков.

Кайдакские почвы. Почвы этого типа имеют хорошо выраженную стадийность. Нижние почвы кайдакской свиты представлены в Донбассе серыми и бурыми лесными почвами, верхние – дерновыми, луговыми и обычными черноземами [Сиренко, 1984]. Для нижних почв характерно наличие выраженного иллювиального горизонта. На склонах Донбасса кайдакскую почвенную свиту пререзают клиновидные морозобойные трещины с широкими устьями. Кайдакские почвы всегда приурочены к основанию верхнеплейстоценовой лессовой толщи и часто связаны с почвами ранних теплых интерстадиалов начала вюрма.

Тясминский лесс. В большинстве разрезов он представлен тонким горизонтом. Лесс заметно более тяжелый по механическому составу, чем остальные лессы. Верхние горизонты тясминского лесса часто сильно видоизменены под воздействием прилукского почвообразования. Повсеместное распространение узких клиновидных трещин в кайдакских почвах от Северной Украины до Приазовья свидетельствует о значительной протяженности перигляциальной зоны в тясминское время [Сиренко, 1984]. Согласно Н.П. Герасименко, тясминский лесс, разделяющий два мощных ископаемых педокомплекса, сохранился в разрезах Донбасса в виде маломощного горизонта, частично переработанного последующим почвообразованием, либо в заполнении трещин, внедренных в кайдакскую почву. Период тясминского осадконакопления был относительно недолгим.

Прилукские почвы. В Донбассе и Приазовье широко развита также свита прилукских ископаемых почв, сформированных в условиях, близких к современным. В связи с благоприятными климатическими условиями в это время образовался мощный почвенный покров, распространенный в Восточной Европе практически повсеместно. Ярко выраженная специфика

почвенного покрова и однородность почв на большом протяжении, хорошая узнаваемость в геологических разрезах обеспечили им высокое коррелирующее значение [Веклич, 1982]. Прилукские почвенные отложения представлены в Донбассе ископаемой почвенной свитой из нескольких почв, отражающих период раннего климатического оптимума, период позднего климатического оптимума и заключительную стадию почвообразования. Почвы климатического оптимума серо-коричневой и буро-коричневой окраски, с хорошо гумусированным профилем и выраженным карбонатным горизонтом. Верхняя из почв климатического оптимума обладает типичными признаками чернозема. Нижняя почва по компактности сложения, малой пористости материала и часто ярко-бурой окраски, сходна с буроземом. Почва заключительной стадии маломощная, буроокрашенная. Материал прилукских почв, как правило, хорошо микроагрегирован [Матвийшина, 1984]. Характерной чертой прилукских почв является наличие двух генераций трещинных деформаций. Трещины верхней генерации выполнены перекрывающим удайским лессом, трещины нижней генерации заполнены почвенным материалом и глубоко спускаются в тясминский лесс и ниже.

Удайский лесс. Удайский горизонт в субэриальных фациях представлен супесью, лессом и лессовидным суглинком. Как правило, мощность этого горизонта незначительная. Гранулометрический состав лессов тяжелый, на 35% состоящий из илистой фракции. Часто лессы замещаются маломощными лессовидным суглинками или супесями. На низких надпойменных террасах удайские лессовидные суглинки часто несут признаки гидрогенных процессов. Субаккумулятивные отложения удайского этапа осадконакопления представлены аллювием надпойменной террасы Северского Донца и его притоков. Удайский лесс представлен в донецких археологических склоновых разрезах в основном делювиальной фацией [Герасименко, Педанок, 1991]. За счет интенсивно выраженного сноса удайские горизонты содержат много обломочного материала. Археологические материалы оставляют впечатление очень быстрого размыва и аккумуляции удайского лессового субстрата. Соответственно на плакорах удайский лесс сохранился в виде маломощных горизонтов.

Витачевские почвы. Последующий витачевский этап осадконакопления был связан с оп-

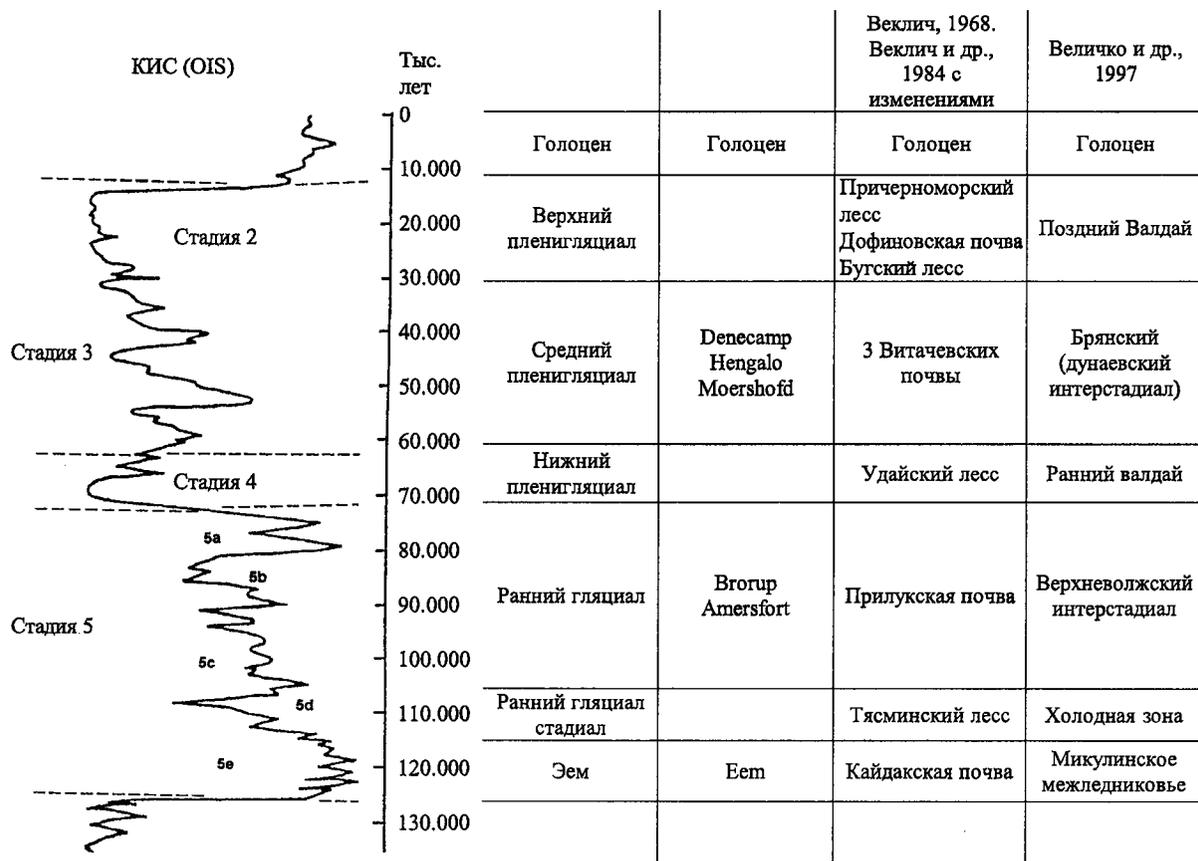

Рис. 3. Корреляционная таблица верхнего плейстоцена Украины.

Fig. 3. Corellation scheme of the Ukraine Upper Pleistocene.

тимизацией климата и выражен почвенной свитой из нескольких почв, хорошо развитых на водораздельных участках и на пониженных участках рельефа. Эти почвы хорошо развиты на плакорах и склоновых участках и служат хорошим стратиграфическим маркером. Часто почвы замещаются почвенными отложениями. В зонах депрессий свита витачевских почв, иногда разделенных тонкими лессовидными прослоями, может достигать нескольких метров. Эти почвы характеризуются слабым гумусонакоплением, значительной карбонатизацией, тяжелым гранулометрическим составом. Преобладает коричневатобурая окраска почв. Почвы климатического оптимума генетически близки и относятся к темнобурым. Для них характерна слабая дифференциация профиля на горизонты, плотное сложение. Из-за относительно медленной седиментации часто отмечается совмещение профилей витачевских почв различных стадий. В почвах климатического оптимума, расположенных на пониженных участках рельефа, более развиты процессы лессива-

жа. Местами эти почвы выщелочены от карбонатов и относятся к буроземовидным разновидностям. Почвы заключительной стадии характеризуются малой мощностью, имеют бледно-бурю окраску и более легкий гранулометрический состав, чем почвы оптимума. В целом, почвы формировались в условиях достаточно теплого и несколько засушливого климата. На заключительном этапе витачевского почвообразования отчетливо появились криогенные процессы, которые достигли своего апогея в бугское время. Нередко это приводило к полной мерзлотной деформации витачевских почв. В начале витачевского этапа на правобережье Северского Донца имел место мощный эрозионный врез, который привел к активному размыву склоновых отложений и переуглублению русел рек и балок. Врез был вызван тектоническим поднятием этого участка местности. Донецкое левобережье, наоборот, испытало фазу тектонического опускания.

Бугский лесс. Витачевский этап сменяется бугским, который представлен самыми мощ-

ными в верхнечетвертичной толще лессами и лессовидными суглинками. Он представлен толщей лессовидных суглинков мощностью в несколько метров, иногда до 5 м. Бугские лессы Донбасса светлоокрашенные, сильно карбонатные, легкие по гранулометрическому составу. Лессы могут замещаться лессовидными суглинками, супесями и песками. На склоновых участках бугский лессовидный суглинок часто приобретает буроватую окраску за счет делювиально переотложенного витачевского почвенного материала. Основание лессовой толщи может содержать несколько короткопрофильных эмбриональных почв бледно-бурой окраски, отражающих кратковременные эпизоды оптимизации климата. Дифференциация этих эмбриональных почв в Донбассе была произведена сравнительно недавно [Герасименко, 1988; Герасименко, Педанюк, 1991]. Судя по наличию базального горизонта в основании бугского лесса, в начале этапа произошёл незначительный эрозионный врез. Бугский лесс сохраняет следы сингенетических морозных процессов в виде мелкосетчатой структуры, линзовидности [Сиренко, 1984, с.28].

Каждый их перечисленных стратиграфических горизонтов лессовой формации имеет соответствующий аналог в субаквальной фации.

Отложения речных террас Донбасса и Приазовья, так же, как и отложения плакоров и склоновых участков, имеют цикличное строение и, в целом, отражают последовательность меняющихся климатических эпизодов. В сравнении с субазральными отложениями, строение субаквальных отложений в большей степени зависит от тектонических процессов и от стабильности древних водотоков. Основной постулат теории речных террас – синхронность террасовых рядов разных рек и сходная ритмика строения разновозрастных террас. Вместе с тем, такая объяснительная модель не является единственной. В последнее время в исследованиях по палеолиту Сибири получила популярность т. н. теория полициклового террас [Ямских, 1993], которая, в противовес концепции С.М. Цейтлина [Цейтлин, 1979], отрицает четкую последовательность накопления осадков от одного террасового уровня к другому. Непредсказуемый и часто катастрофический характер паводков сибирских рек, изменчивый характер половодий приводит к образованию полигенетических осадков разной мощности и разного строения. В этих условиях да-

тировка террас осуществляется по характеру плейстоценовых почв в покрове террас. В отличие от полициклового речных террас Сибири, речные террасы Восточно-Европейской равнины, в том числе Донбасса, имеют более согласованное строение и более уверенно коррелируются с отдельными климатическими этапами.

Датировка названных выше стратиграфических горизонтов (в субазральных и субаквальных фациях) в абсолютной шкале времени пережила несколько драматических эпизодов, как это нередко бывает в последнее время со многими почвенно-лессовыми сериями. До сравнительно недавнего времени для лессово-почвенных горизонтов среднего и верхнего плейстоцена Украины были приняты датировки, основанные на нескольких сериях термо-люминисцентных дат [Шелкопляс, 1974; Мауэй, Христофорова, Шелкопляс, 1981, с.75-76; Шелкопляс и др., 1982, с.33-34]. Среди TL-дат с широким разбросом значений были выведены усредненные показатели для каждого из стратиграфических горизонтов. Для кайдакского горизонта предполагался возраст 150-120 тыс. лет, для прилукского – 120-100 тыс. лет, для удайского – 80-70 тыс. лет, для витачевского – 70-50 тыс. лет, для бугского – 50-35 тыс. лет назад. Кайдакский этап осадконакопления среднего плейстоцена синхронизировался с одним из внутририсских этапов, тясминский этап – с московским. Ключевой в этой последовательности прилукский горизонт верхнего плейстоцена коррелировался с рисс-вюрмским, эмским межледниковьем и сопоставлялся с палеомагнитным событием Блэк (114-108 тыс. лет назад) по шкале А. Кокса [Третьяк, Волок, 1976, с.74, 78]. Удайский лесс признавался аналогом калининского лесса, витачевский почвенный комплекс сопоставлялся с брерупом и амерсфортом, а бугский лесс – с верхневалдайским лессом. Эти датировки и корреляции достаточно прочно вошли в палеогеографические штудии 70-90-х гг. [Палеогеографические этапы ... 1984, с.17; Веклич, 1974; 1977; 1982 и др.] и с некоторыми изменениями до сих пор принимаются отдельными археологами [Ситник, 2000, с.14-16] и палеогеографами [Bogutsky at al., 1998, p.123; Bogutsky at al., 2001, p.13-14].

Однако, выполненное в последнее время датирование опорных украинских геологических разрезов по усовершенствованным термо-люминисцентным, уран-ториевым и радиоуглеродным методикам, а также корреляция украинских стра-

стиграфических горизонтов с кислородно-изотопными стадиями развития климата планеты в среднем и верхнем плейстоцене, позволили существенно, на один порядок, омолодить всю эту климато-стратиграфическую последовательность [Gerasimenko, 1999; 2000; Rosseau, Gerasimenko, Matviyshina, Kukla, 2001; Goznic et al., 2001]. В свете новых дат и стратиграфических корреляций, кайдакский этап осадконакопления соответствует подстадии e кислородно-изотопной стадии 5 (рисс-вюрмский, эемский интергляциал), тясминский – подстадии d стадии 5 (стадиал раннего гляциала), прилукский – подстадиям a-c стадии 5 (ранний гляциал), удайский – стадии 4 (нижний пленигляциал), витачевский – стадии 3 (средний пленигляциал), бугский – началу стадии 2 (верхний пленигляциал). Как видно, в новой корреляции начало верхнего плейстоцена связывается с кайдакским этапом, который раньше завершал почвенную свиту среднего плейстоцена. В хронологическом отношении этапы от кайдакского до начала бугского укладываются в диапазоне от 126 до 28 тыс. лет назад. Предполагаемый усредненный возраст стадий и подстадий кислородно-изотопной шкалы в абсолютных датах, декларируемый большинством специалистов, показан в корреляционной таблице (рис. 3).

Во всех приведенных сериях дат приставка «абсолютный», конечно же, является номинальной. Как известно, абсолютные датировки, основанные на TL и ¹⁴C, AMS данных, имеют существенные расхождения, которые нарастают по мере удрежнения образцов [Sinitsyn, 1991]. «Опыт сопоставления ¹⁴C и TL определений ... показывает, что их расхождение может превышать 2-х кратный показатель» [Синицын, Праслов, Свеженцев, Сулержицкий, 1997, с.39]. Расхождения в TL-датировках одних и тех же отложений, выполненных в различных лабораториях, также может достигать весьма значительной величины. Так, разница в сериях TL-дат слоя D Табуна выражается в нескольких десятках тысяч лет [Valladas et al., 2000]. Поэтому актуальные на сегодняшний день хронологические привязки основных стратиграфических горизонтов верхнего плейстоцена, хотя и являются наиболее обоснованными и точными, несут все же не окончательный характер.

В аспекте нашего анализа наибольший интерес представляют возможные датировки кайдакского (рисс-вюрмского) этапа осадконакопления и конца витачевского этапа, которые служат

стратиграфическими маркерами (подробнее см. ниже) начала и завершения среднего палеолита в изучаемом регионе.

В настоящее время датировка эема в широком диапазоне 140-115 тыс. лет назад [Johnsen et al., 1992] сменяется более узкой датировкой временем существования кислородно-изотопной подстадии 5e [Turner, 1998]. Новейшие даты этой подстадии – 126-107 тыс. лет назад [Shackleton et al., 2002].

Датировки витачевских отложений наиболее полно разработаны в последнее время на Крымском полигоне, в первую очередь на базе многослойных стоянок Кабази II и Буран-Кая [Gerasimenko, 1999; Чабай, 2001]. Эти данные базируются на стратиграфических наблюдениях, палинологии, малакофауне, почвоведении и, наконец, разнообразных методах абсолютного датирования. Детальная корреляция косвенных данных, перекрестная проверка серий абсолютных дат, палинозон и стратиграфических подразделений позволила вывести сводную хроно-стратиграфическую схему среднего и начала позднего палеолита Крыма. Особый интерес представляет корреляция палинозон крымских почв витачевского этапа осадконакопления с соответствующим разделом центрально-европейской схемы изменения климата в период последнего оледенения. Предполагается, что палиноспектр отложений, переходных от почв vt b2-b1, соответствует холодному стадиалу между интерстадиалами Moershoofd и Hengelo [Gerasimenko, 1999]. Палинозона vt b2 совпадает, собственно, с интерстадиалом Hengelo. Споро-пыльцевой состав отложений, переходных от vt b2 к vt b3, совпадает с холодными стадийными условиями между климатическими оптимумами Les Cottes и Arcy (Denekamp). В абсолютной шкале времени климатические и стратиграфические эпизоды, начиная от vt b2, датируются на основании комплексных U-series, ESR, LU и AMS данных следующим образом [McKinney, 1998; Rink et al., 1998; Gerasimenko, 1999]. Отложения vt b2 (Hengelo) имеют усредненный возраст около 40 тыс. лет назад, стадийные отложения vt b3 – vt b2 - возраст от 31 до 35 тыс. лет назад.

В соответствии с приведенными датировками горизонтов лессовой формации верхнего плейстоцена Украины, формируются и наши представления об абсолютном возрасте культурных остатков среднего палеолита донецко-приазовского региона.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО СЫРЬЯ

В меловой период Кряж был окружен мелководными морскими бассейнами, на дне которых накапливались обильные и разнообразные органико-минералогические остатки. Отложения мелового возраста окаймляют Донецкий кряж с юга, севера и северо-запада. Наибольшую мощность (до 650 м) имеют меловые толщи Северо-Западного Донбасса [Атлас..., 1974, с.5]. В отложениях представлены практически все ярусы и слои верхнего мела, в том числе туронские, коньякские, сантонские, кампанские и маастрихтские породы. Основную толщу этих пород составляют писчий мел и различные известняки и мергели.

Почти повсеместно верхнемеловые породы включают в себя кремь, залегающий в виде тонких пропластов или слоев из конкреций и стяжений. Процесс формообразования кремней зависит не столько от фациальных особенностей участков морского бассейна, сколько от характеристик последующих тектонических явлений. В Северо-Западном Донбассе в туронских мергелях и в писчем мелу отмечены стяжения преимущественно черного и серого цветов, в коньякском мелу встречается конкреции темно-коричневого кремня и тонкие кремневые пропласты. В Южном Донбассе черный и серый кремь залегает, в основном, в отложениях коньякского яруса. Жилы конкреционного кремня образуют значительные выдержанные по простиранию горизонты, залегающие согласно общему строению слоев меловой толщи. В современных меловых скальных обнажениях могут присутствовать до пяти - шести параллельных кремневых жил, разделенных расстоянием в 1.5-2.0 м. Сенманские отложения представлены в Донбассе, в основном, песками и глауконитами, почти не содержащими конкреционный кремь.

Цветовая гамма кремней не является устойчивой даже в пределах одного месторождения. При общем доминировании кремней серого и темно-серого цветов, выделяются полосчатые кремни с пестрой окраской, серые кремни с красным или темно-бурым предповерхностным слоем, кремни мраморовидной окраски. Часто окраска меняется от ядра конкреции к ее поверхности. Различной может быть и известковая корочка конкреции – от плотной тонкой до рыхлой толстой (до 1-2 мм).

Кварцево-халцедоновый и халцедон-опаловый конкреционный кремь из различных ме-

сторождений существенно отличается по форме и размеру стяжений. Г.И. Бушинский наиболее характерными видами кварцево-халцедоновых кремней мелового возраста считает кремни округлой, сучковатой, палочковидной, пластинчатой формы [Бушинский, 1954, с.217]. Различные авторы выделяют также рогульчатый кремь [Справочное руководство..., 1958, с.263], кремь причудливой формы [Лазаренко и др., 1975, с.160]. Кроме отмеченных выше форм конкреций, в литературе встречается описание кремней остроугольной формы (обломочный материал), стяжений комковатого облика - "кулачковых" [Атлас..., 1974, с.17] и др.

Меловой кремь содержит большое количество органических остатков. В зависимости от степени перекристаллизации, включенные в кремневую массу раковины различных моллюсков, панцири морских ежей, водоросли выделяются либо по цвету, либо по плотности и структуре. Иногда в конкрециях сохраняются незначительные пустоты или внутренние трещины, которые существенно влияли на пластические свойства кремневого сырья как материала для изготовления орудий. Трещиноватость в большей степени касается кремня, испытавшего в древности неоднократное переотложение [Станко, Петрунь, 1994]. Тем не менее, донецкий верхнемеловой кремь являлся превосходным материалом для изготовления каменных поделок и широко использовался местным палеолитическим населением.

Реальное значение для плейстоценовых охотников Донбасса и Приазовья имел кремь в форме относительно крупных конкреций и блоков различной конфигурации, преимущественно овальных, уплощенных и округлых очертаний [Колесник, Овсянникова, 2002]. Использовались конкреции от 10-12 см до 40 см в поперечнике. Редко встречающийся в меловых породах плитчатый кремь практического значения не имел. Местный плитчатый кремь, как правило, тонкий и низкого, с археологической точки зрения, качества.

Основная толща отложений верхнемелового возраста залегает на окраинах Донецкого кряжа на значительной глубине. На территории Донбасса кремь в коренном залегании обнажается на современной дневной поверхности далеко не повсеместно. Современные

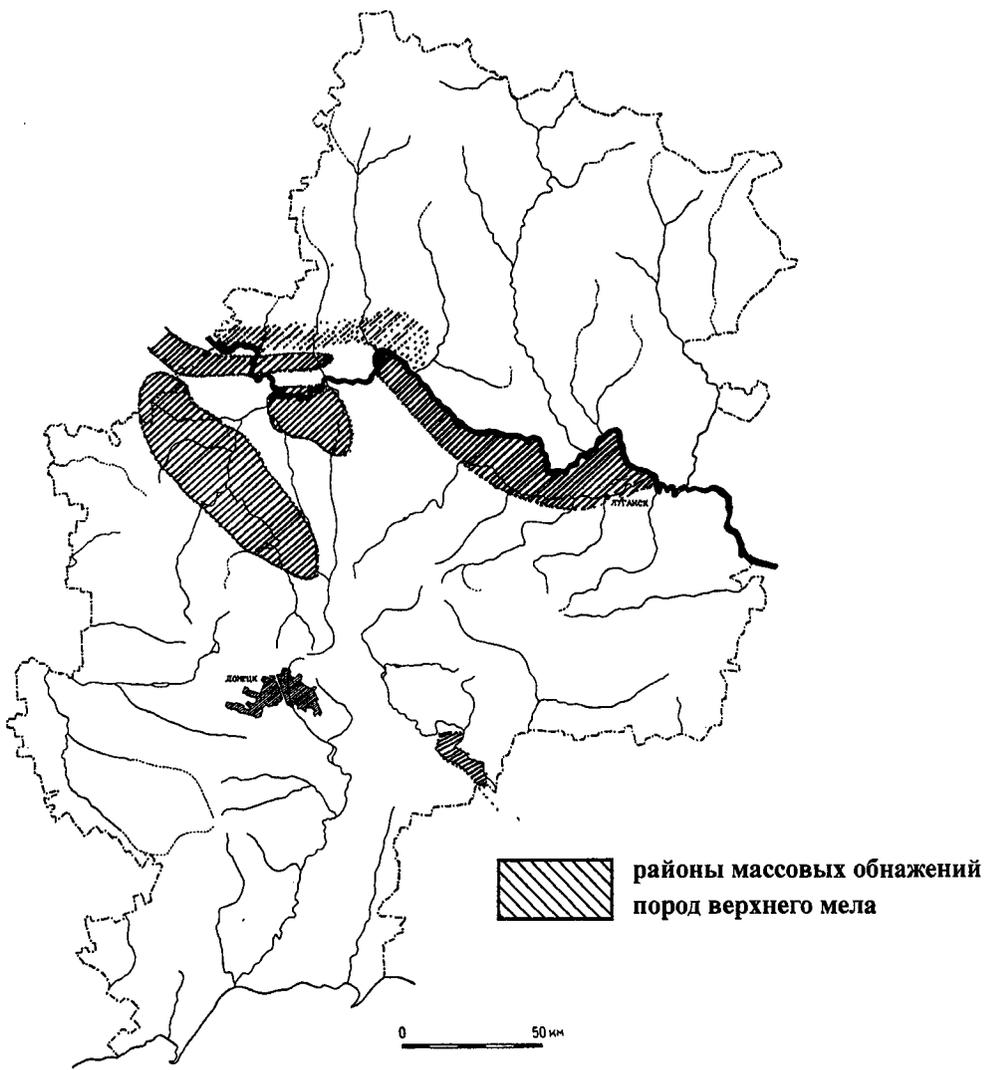

Рис. 4. Карта распространения меловых обнажений в Донбассе.
Fig. 4. Map of the Donbass flint sources distribution.

обнажения мела, мергеля и известняка известны в большом количестве в т. н. Бахмутско-Торецкой котловине (бассейны рек Бахмут, Кривой, Казенный и Сухой Торцы), на правом берегу Северского Донца от г. Изюм до г. Лисичанск, в среднем течении Крынки (рис. 4). Вследствие тектонических процессов, меловые толщи и окружающие их породы приобрели складчатый характер и, как правило, обнажаются в виде наклонных пластов с углом падения в различном направлении. Основной породой, содержащей конкреционный и плитчатый кремнь, является пясчий мел. Кремнесодержащие породы верхнемелового возраста обнажаются по берегам рек и балок, чаще всего, образуя участки с сильно расчлененным рельефом. Крутые склоны меловых скал и останцов содержат обильные россыпи кремневого

сырья, отпрепарированного естественной эрозией. В современном состоянии основное количество вымытого кремня залегает на нижних участках склонов гравитационных осыпей. Особым богатством отличаются месторождения кремня в Бахмутско-Торецкой котловине. В пределах котловины склоновые обнажения мела могут иметь протяженность до 2-х и более километров вдоль берега реки или балки, при этом источники кремня, пригодного для изготовления каменных орудий, локализуются на относительно небольших участках меловой осыпи или меловых скал. Встречаются и более мелкие проявления меловых пород размерами до нескольких сотен метров. В Бахмутско-Торецкой котловине имеют место также скрытые месторождения кремневого сырья в виде обширных скальных участков или коры

выветривания меловых пород, перекрытых сверху маломощной современной почвой. Они характеризуются относительно сглаженным рельефом и не содержат явных обнажений меловых толщ. На таких участках обломки и конкреции кремня вместе с кусками мела концентрируются на современной поверхности в местах выклинивания кремнесодержащих пластов. Все эти источники кремня использовались для производства орудий, начиная от среднего палеолита вплоть до бронзового века включительно.

Проявления мела на правом берегу Северского Донца и в бассейне Крынки отличаются особой масштабностью. Однако, из-за фациальных особенностей осадконакопления и последующей тектоники, источников относительно крупных кремневых конкреций здесь немного. Далеко не каждое локальное или протяженное обнажение мела содержит пригодный для получения каменных орудий кремень. Основная масса верхнемелового кремня в районах обнажения меловых пород – это мелкие пальчатые конкреции, обломочный материал, мелкая плитка, небольшие трещиноватые и выветренные куски.

На остальной территории Донбасса и Приазовья кремень можно встретить в современном речном аллювии. Это либо окатанные гальки верхнемелового кремня, либо небольшие валуны и гальки темного кремня каменноугольного возраста.

Кремневая галька связана с терригенными меловыми отложениями или зонами сноса размытых меловых пород, которые могут отстоять от меловых останцов на весьма значительном расстоянии. Окатанные конкреции верхнемелового возраста встречены нами в Приазовье в древнем аллювии р. Грузской Еланчик на расстоянии около 70 км от южных отрогов Донецкого кряжа и его мелового окаймления.

В Приазовье в известняках нижнекаменноугольного возраста также иногда встречаются крупные кремневые гальки, но извлечь их из материнской породы довольно сложно [Петрунь, 1995].

В целом, обеспеченность палеолитических коллективов Донбасса и Приазовья высококачественным кремневым сырьем была весьма высокой. Отсутствие в то время современного чехла покровных отложений и многочисленные фазы усиления эрозии способствовали широкому об-

нажению верхнемеловых пород с многочисленными кремневыми конкрециями. Видимо, открытых источников кремня в древности было гораздо больше, чем сейчас. В настоящее время максимальное расстояние до ближайшего потенциального коренного источника мелового кремня, без учета аллювиальных источников, не превышает в регионе 60-70 км. В указанных выше кремненосных районах расстояние до источников кремня в материнской породе исчислялось несколькими километрами или сотнями метров. Меловые источники кремня, дополненные каменноугольными и аллювиальными источниками, резко повышали ресурсоемкость Донецкого региона в среднем палеолите и способствовали его активному освоению.

В некоторых среднепалеолитических комплексах региона отмечено широкое использование местного кварцита (сливного песчаника). Месторождения кварцита известны преимущественно в Северном и Северо-Западном Донбассе и связаны, в основном, с палеогеновыми песками и глауконитами. Иногда кварцит попадает во вторичном залегании. В первичном залегании кварцит встречается в виде очень крупных плит толщиной до 20-30 см и размерами более 1 м в поперечнике, а также в виде больших конкреций. Палеогеновый бучакский кварцит отличается крупнозернистостью, относительно невысокой плотностью, хрупкостью и по пластическим качествам значительно уступает меловому кремню. Палеогеновые пески хорошо развиты на Задонецкой равнине, в бассейне рек Деркул и Сухой Торец. В Северо-Западном Донбассе кварцит часто сопутствует меловым выходам.

Помимо кремня и кварцита, в донецко-приазовском регионе встречаются доломитизированный известняк, окремненный известняк, яшмовидные породы и обсидиан (Приазовская возвышенность), халцедон и окаменелое дерево (Бахмутско-Торецкая котловина), горный хрусталь (Приазовская возвышенность, Центральный Донбасс), но эти местные породы камня в палеолите фактически не использовались или имели ограниченное хождение.

Не отмечено использование здесь в среднем палеолите какого-либо экзотического каменного сырья.

Таким образом, в Донбассе и Приазовье в среднем палеолите потребность в каменном сырье на 99% обеспечивалась высококачественным местным верхнемеловым кремнем.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ В ВЕРХНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ФАУНИСТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА

Динамика изменений климата и растительных ценозов в регионе в верхнем плейстоцене

В период среднего и позднего плейстоцена ландшафты Донбасса претерпевали существенные перестройки, связанные с глобальными планетарными изменениями природно-климатической обстановки.

Юг Русской равнины, в целом, входил в зону с относительно контрастными климатическими изменениями. Однако, по мере удаления в сторону от Атлантики контрастность климатических изменений понемногу затухала, климат становился более стабильным за счет континентальности теплых этапов [Природа и древний человек, 1981, с.87]. В фазы потепления (межледниковья, межстадиалы) на Украине формировались ландшафты, имеющие близкую к современным зональную структуру [Куница, 1984, с.142], но с более контрастными переходами между зонами. Границы ландшафтных зон часто совпадали с современными, колеблясь в широтном направлении в зависимости от степени оптимизации климата в теплых интервалах и их фазах. Для территории Донбасса в прошлом, как и в настоящем, свойственны также элементы вертикальной зональности. В частности, на относительно приподнятых участках отмечаются более частые гололедные образования, более стабильны ветреные дни.

Распространение климатических изменений не происходило мгновенно и наличие одинаковых почв и лессов на удаленных территориях означает их климатическую, но не абсолютную синхронность.

Похожими на современные были природно-климатические условия межледниковий. Во время оледенений природная обстановка резко ухудшалась и нередко становилась крайне экстремальной. В период последнего (микулинского) межледниковья средние летние температуры были выше современных на 2 градуса, средние зимние – на 9-10, а средние годовые – на 4-6 градусов [Гричук, 1973]. Для межстадиалов значения этих температур несколько ниже современных [Куница, 1984, с.142]. Разброс температур в стадиальные периоды был весьма значителен и несравним с современными показателями Украины.

Донбасс и Приазовье входят в южную полосу Восточно-Европейской равнины, в пределах которой складывались устойчивые экосистемы с относительно постепенными переходами от фазы межледниковья к стадиалам [Величко, 1989].

Основой для реконструкции палеоландшафтов служат палеоботанические и палеопедологические сведения. Общие реконструкции палеоландшафтных зон Украины [Веклич, Сіренко, Дубняк та ін., 1973, 1975, 1984; Величко, 1973; Куница, 1974, 1977, 1984; Сиренко, Турло, 1986 и др.] конкретизированы в отношении Донбасса Н.П. Герасименко [Герасименко, Педанюк, 1991; Герасименко, 1993, 1996; Герасименко, Колесник, 1992].

Согласно этим данным, кайдакское почвообразование, синхронное началу среднего палеолита, происходило в условиях относительно теплого и влажного климата, обусловившего максимальное распространение лесного покрова на территории Юго-Восточной Украины. Количество осадков в фазу оптимума было больше современного на 100 мм, абсолютно господствовали (до 70-80% палиноспектра) широколиственные древесные породы. Современная степная полоса была занята лесостепью. В дальнейшем климат последовательно развивается в сторону иссушения и похолодания. В различные стадии кайдакского этапа последовательно сменялись лесные, лесостепные и степные ландшафты с преобладанием смешанных дубовососновых лесов и мезотических степей.

В тьясьминское время в регионе широко распространяется ксерофитная степь. В речных долинах находили уют небольшие лесные урочища.

В прилуцкое время в Донбассе окончательно происходит переход от лесостепных ландшафтов к степным. Леса смешанного типа, состоящие из дуба, граба, сосны, спорадически ореха, исчезают на водораздельных участках и сохраняются в балках и долинах рек. Открытые пространства занимает степная ксерофитная растительность, что отражает общую тенденцию к иссушению климата в это время. В самом конце прилуцкого этапа господствует степной покров с небольшими островками леса байрачного типа. Климат становится прохладнее за

счет понижения зимних температур: летние были близки к современным, а зимние ниже современных до 10 градусов [Величко, Морозова, 1982, с.199].

В удайское время устанавливается холодный и сухой континентальный климат. В этот период раннего плейстоценового формирования формируются весьма суровые условия. Незалесенные степные пространства повсеместно преобладают над древесной растительностью. Небольшие разреженные островки леса на склонах долин состояли преимущественно из сосны. Поймы рек и балок занимали маревые сообщества, полынь. Растительный покров был разреженный, процесс почвообразования подавлялся накоплением лесса. Характер мерзлотного растрескивания нижележащих почв в донецких разрезах свидетельствует о холодных и малоснежных зимах. В целом, климат удайского времени был более суровым, чем прилукский, более сухим и прохладным.

Улучшение природно-климатической обстановки наблюдается на витачевском этапе. Происходит увлажнение и потепление климата, вызвавшее появление на плакорах элементов бореальной и неморальной дендрофлоры. На начальных этапах витачевского почвообразования степные пространства расширяются, на водораздельных участках произрастают смешанные дубово-сосновые перелески, на склонах складываются благоприятные условия для появления широколиственных пород: дуба, вяза, липы. В последующем наблюдается континентализация климата, площади лесов сокращаются, преобладающим типом растительности становится степной. В самом конце витачевского времени формируется сухой, но относительно теплый полупустынный ландшафт.

Наименее благоприятные экологические условия в пределах интересующего нас отрезка плейстоцена складываются в бугское время. Абсолютно господствует засухоустойчивая травянистая растительность. Характер растрескивания пород на бугском этапе свидетельствует о резко континентальном климате с малоснежными холодными зимами. Древесная растительность (сосна, ольха, береза) сохраняется в виде небольших островков по балкам, на склонах долин. Ухудшение природно-климатической обстановки наблюдается от начала бугского этапа, когда имели место несколько кратковременных эпизодов оптимизации климата, ко второй его половине.

В целом, в верхнем плейстоцене в современной степной полосе и на соседних лесостепных участках Украины отмечалась относительная стабильность ландшафтов на протяжении длительных отрезков времени, что благоприятно сказывалось на непрерывном заселении этих территорий. В более северной перигляциальной и параперигляциальной зоне стабилизация ландшафтов происходила, в основном, в сухие и холодные отрезки времени [Грибченко, Куренкова, 1997].

Описанные ландшафтно-климатические параметры, как отмечалось, распространялись в верхнем плейстоцене в широтном направлении, т. е. имели относительно выраженную широтную зональность. Видимо, связи Юго-Восточной Украины с соседними палеогеографическими регионами также определялись в то время широтной зональностью, а не естественно-географическими границами. При этом следует помнить, что контрастность границ широтных зон существенно менялась в зависимости от климатической фазы, резко снижаясь в максимально теплые и максимально холодные периоды. В ресс-вюрмский пик оптимизации климата (кайдакский этап) и периоды холодных и сухих пиков плейстоценового формирования (удайский и бугский этапы) формировались обширные палеогеографические зоны с полной однородностью широтных границ. Особая климатическая однородность и прозрачность территории для перемещения животных сообществ и человека устанавливалась в сухие и холодные отрезки времени. Это совпадало с осушением основной части акватории Азовского моря и шельфовой зоны Черного моря. Единственным естественно-географическим барьером для животных сообществ и человека между территорией Донбасса, Крыма и Северного Кавказа была акватория Азовского моря в фазы трансгрессий.

Фауна

Ландшафты Юго-Восточной Украины, меняющиеся на различных отрезках времени от широколиственных лесных до аридных полупустынных, в послересское время населялись разнообразными животными, входящими в состав верхнепалеолитического фаунистического комплекса. В этот комплекс традиционно включают мамонта, благородного и северного оленей, шерстистого носорога, бизона, лошадь, лося, сайгу, бурого медведя, волка, лисицу и других

млекопитающих. Его называют мамонтовым или рангиферовым комплексом по основным фоновым видам животных. Типичными представителями открытых степных и лесостепных ландшафтов были стадные копытные, мамонт, носорог. К сожалению, динамика изменения видового состава представителей крупных млекопитающих на протяжении этапов плейстоцена на юге Русской равнины детально еще не охарактеризована.

Важным палеонтологическим источником являются для нас археологические памятники Донбасса и соседних регионов. Именно они показывают реальный удельный вес популяций некоторых видов животных, позволяют предполагать динамику изменения видового состава териофауны во времени. Эти данные подчас оказываются гораздо более точными, чем собственно палеонтологические реконструкции такого рода. Стоянки плейстоценовых охотников дают общее представление о составе промысловых животных в период среднего палеолита в донецко-приазовском регионе, а также в соседнем Северо-Восточном Приазовье.

Следует, однако, отметить, что находки костей животных на стоянках среднего палеолита в изучаемом регионе все еще достаточно редки. Фаунистические остатки сохранились всего на шести мустьерских стоянках Донбасса и Северо-Восточного Приазовья. В Антоновке II обнаружены кости первобытного зубра и крупной четвертичной лошади [Гладилин, 1974, с.6]. В Курдюмовке в прилукской почве сохранились остатки бизона и лошади, в удайском слое - кости бизона, сайги или какого-то некрупного копытного, лошади, мамонта, гигантского оленя, в нижней части бугского лесса - зубы бизона (детальнее смотри ниже). Наиболее богатый видовой состав фауны представлен на раннеюрмской стоянке Рожок I в Приазовье [Праслов, 1968, с.71]: бизон, осел, гигантский олень, лошадь, волк. Эта же фауна (бизон, лошадь, олень, волк) обнаружена на стоянке Рожок II. Помимо фауны степного типа, в Приазовье на мустьерских стоянках найдены неопределяемые останки какого-то слона (Рожок II, Левинсадовка и Герасимовка) [Там же, с.96]. Останки мамонта происходят из витачевских отложений в карьере кирпичного завода в г. Константиновка Донецкой области [Герасименко, Педанюк, 1991].

Интересное палеонтологическое местонахождение изучено автором совместно с А.А.

Кротовой в 1990 г. в пос. Нагорном Антрацитовского района Луганской области. Здесь в районе строящегося каскада прудов в витачевских почвенных отложениях на значительной глубине сохранились кости и анатомические группы костей скелетов бизона, оленя, лошади, которые сконцентрировались по тальвегу погребенной балки [Кротова, Белан, Герасименко, Колесник, 1995]. Неоднократное наложение тальвегов балки привело к накоплению фаунистических остатков в виде вертикальной ленты.

В ходе археологических разведок в регионе автору неоднократно попадались отдельные плио-плейстоценовые палеонтологические местонахождения, связанные, в основном, с береговым обрывом Азовского моря и поймой Северского Донца. Часть из них наверняка имеет отношение к «мустьерскому» отрезку вюрма. На морском побережье в разные годы были найдены: целый скелет бизона в средней части темно окрашенной черноземовидной почвы (прилукская почва-?) на большой глубине у пос. Обрыв Новоазовского района, разрозненные кости бизона и мамонта в нестратифицированных отложениях в карьере на левом берегу Самариной балки близ г. Мариуполя недалеко от места впадения в море, кости бизона и мамонта в делювии ископаемой почвы (какой-?) на значительной глубине в с. Широкино Новоазовского района, кости бизона в обнажении суглинка на левом берегу р. Кальмиус в Мариуполе возле городского стадиона. В 70-е гг. недалеко от устья р. Грузской Еланчик в г. Новоазовск в морском обнажении Н.Д. Праслов встретил разрозненные кости плейстоценового бизона. Весьма обильные фосселизированные кости животных позднепалеолитического фаунистического комплекса, происходящие из аллювия и погребенных террас Донца, обнаружены возле с. Ильичевка Краснолиманского района и в самом г. Красный Лиман, а также в некоторых других местах. В фондах Донецкого областного краеведческого музея хранятся остатки различной фауны среднего и верхнего плейстоцена, происходящие, в основном, из депаспортизированных поступлений. Часть из них происходит из довоенных сборов [Підоплічка, 1958]. К сожалению, все эти находки еще не получили должной геологической оценки.

Содержат фауну и некоторые позднепалеолитические памятники региона. Остатки бизона обнаружены на стоянке в Миньев-

ском Яру [Левицкий, Телегин, 1956], в Амвросиевском костыще [Евсеев, 1947; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986; Кротова, Снежко, 1996]. В Ямах найдены кости широкопалой лошади, бизона и благородного оленя [Кротова, 1986, с.15]. В финально-палеолитической Рогалик-Якимовской стоянке сохранились остатки лошади, первобытного быка и лисы [Локтюшев, 1930, с.16, 19]. А.Ф. Горелик отмечает кости лошади на этой и соседних стоянках, а также редкие кости бизона [Горелик, 1996; 2001].

Таким образом, в верхнем плейстоцене в Донбассе и Приазовье обитали разнообразные животные мамонтовой фауны. В хронологической последовательности этот фаунистический комплекс достоверно документирован следующими видами животных:

- кайдакская почва: -?;
 - тясминский лесс: -?;
 - прилукская почва: шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatus* Blum), бизон (*Bison priscus*), лошадь (вид-?);
 - удайский лесс: бизон (*Bison priscus*), гигантский олень (*Megaloceros* sp.), лошадь (*Equus caballus*), осел (*Equus (Asinus) hydruntinus*), сайга (*Saiga tataricus*), волк (*Canis lupus* L.), мамонт (*Mammuthus primigenius*-?);
 - витачевская почва: мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum), бизон (*Bison priscus*), олень (вид-?), лошадь (*Equus latipes*);
 - бугский лесс – бизон (*Bison priscus*), лошадь (вид-?);
 - дофиновская почва: бизон (*Bison priscus*)
- много;
- причерноморский лесс: бизон (*Bison priscus*), лошади различного вида (*Equus latipes*, *Equus caballus* L., *Equus preaedamiten*), благородный олень (*Cervus elaphus*), лисица (*Vulpes vulpes* L.).

Как видно, на сегодняшний день в донецко-приазовском регионе нет достоверных данных о фауне кайдакского времени. Это касается не только Юго-Восточной Украины и соседних областей России. В целом, фауна млекопитающих микулинского возраста до сих пор точно не определена. Принято считать, что в это время продолжал существовать сформировавшийся несколько ранее верхнепалеолитический фаунистический комплекс, дополненный отдельными теплолюбивыми формами – древним слоном и носорогом. Начиная с периода вюрмско-

го оледенения, в регионе обитали, в основном, животные степной фации верхнепалеолитического комплекса. Ведущим представителем этой фации был бизон.

Памятники археологии показывают, что видовой состав крупных млекопитающих степной зоны не был постоянным и менялся в зависимости от господствующих ландшафтов. В сухие и прохладные периоды накопления лесса бизон существовал вместе с лошадьми, гигантским оленем, плейстоценовым ослом и хищниками. Увлажнение климата способствовало появлению тех растительных ценозов, которые создавали благоприятную среду обитания для мамонта и шерстистого носорога. В теплые и влажные периоды было возможно существование лося и благородного оленя. Фаунистический комплекс как часть экосистемы испытывал в позднем плейстоцене ритмические перестройки [Веклич, 1982, с.142] и менялся в зависимости от общей тенденции развития климата в сторону преобладания видов, приспособленных к открытым ландшафтам со степной растительностью. Несмотря на эвритопность большинства видов плейстоценовых животных, хорошо прослеживается избирательное отношение видов к определенным экологическим нишам и местообитаниям. Так, хорошим фаунистическим индикатором развития сухого и холодного климата является плейстоценовая лошадь. В Донбассе и Приазовье она присутствует фактически на всех стадийных этапах развития климата. Био-стратиграфический анализ ашельских и мустьерских слоев пещерной стоянки Комб-Греналь в Дордони показывает, что присутствие лошади в составе фаунистического комплекса коррелируется не столько с холодными, сколько с сухими климатическими условиями [Chase, 1988]. Этому не противоречит присутствие лошади в витачевских отложениях, так как данный этап оптимизации климатической обстановки сопровождался периодическими эпизодами иссушения.

Континентализация климата и широкое распространение ксерофитной растительности в бугское и причерноморское время исключали, видимо, присутствие в эти период в степной зоне мамонта и шерстистого носорога. На позднепалеолитических памятниках восточной части Русской равнины остатки этих животных пока не отмечены. Среди позднепалеолитических памятников степной полосы выделяются

как долговременные стойбища с костными остатками нескольких видов животных при преобладании бизона, так и сезонные специализированные охотничьи лагеря с костями исключительно бизона [Сапожников, 1992]. В целом, для степей Русской равнины в позднем палеолите отмечено преобладание костей бизона при небольшом количестве костей сайги, северного оленя и некоторых других животных [Кузьмина, 1989]. По мнению С.Н. Станко, во время максимального развития вюрмского оледенения (причерноморский этап) кости бизона абсолютно преобладают среди костей других представителей териофауны на стоянках т. н. степной зоны [Станко, 1989]. Исключение составляет фауна каменно-балковских стоянок на Нижнем Дону, которая тяготеет к северо-кавказской фаунистической провинции. В конце плейстоцена здесь в степном окружении сформировался лесостепной или лесной локус, который был средой обитания не только для обычных степных видов (бизон, лошадь, северный олень, баран, заяц, сурок), но и для лося и бурого медведя [Леонова, 1996]. Иссущение климата на юге Русской равнины в самом конце плейстоцена привело к массовому распространению здесь лошадей, росту числа их видового состава. Показательна в этом отношении фауна финально-палеолитических стоянок Роголик-Передельского района на Луганщине, почти на 90% представленная лошадьми [Горелик, 2001]. Как известно, в позднем валдае лошадь распростра-

няется вплоть до Южной Италии и Пиренеев [Маркова, 1982, карта 13, III].

Итак, на юге Русской равнины отмечается преимущество между фауной мустьерского отрезка плейстоцена и фауной периода позднего палеолита. Естественно-биологические ресурсы охотничьего промысла в указанное время были приблизительно одинаковы. Мустьерские охотники Донбасса и Приазовья добывали мамонта, шерстистого носорога и различных стадных копытных, но основным промысловым видом был бизон. Видимо, в среднем палеолите здесь складываются предпосылки специализированной охоты на бизонов, которая окончательно сформировалась только в позднем палеолите [Колесник, 2002].

В целом, на юге Восточно-Европейской равнины, в том числе в Донбассе и Приазовье, экологическая обстановка времени существования мустьерского человека и его предшественника была благоприятной. Отсутствие факторов природного катастрофизма (ледниковые покровы, вулканизм и т. д.) как будто создавало вполне приемлемые внешние условия для непрерывного эволюционирования человека и его материальной культуры. Природно-климатическая обстановка ритмически менялась на протяжении верхнего плейстоцена, но даже в наиболее экстремальные периоды (удайский этап раннего пленигляциала и вторая половина бугского этапа верхнего пленигляциала) не выходила за пределы экологической валентности рода *Homo*.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Основные принципы описания археологических коллекций

Существует своеобразное правило хорошего тона предварять тематические разработки или региональные сводки по палеолиту описанием методики анализа археологических остатков. Выбор методического арсенала занимает ключевое место в стратегии любого научного поиска, поскольку применяемые методы в конечном счете определяют контуры нового знания. Очевидно, что начальная задача любого масштабного исследования "состоит не в указании причин отдельных явлений, а в указании того, как надо подходить к открытию этих причин" [Плеханов, 1957, с.146].

Потребность в обосновании методов объясняется также тем обстоятельством, что в

настоящее время не существует какой-то универсальной (или конвенционной) методики анализа палеолитических материалов. Наблюдается активная сегментация знаний о палеолите на самостоятельные отрасли (планиграфия, технология и т. д.) [Леонова, 1994]. Параллельно существуют и развиваются различные стратегии описания, классификации и типологии каменных орудий. Ищущему дилетанту порой непросто разобраться в этой разноголосице мнений и остается лишь выбрать методические приемы, руководствуясь конкретными задачами исследования и характером анализируемого материала. В этой связи, прежде всего, отметим, что среднепалеолитические собрания Донбасса представлены, в основном, разрушенными или частично деформированными в археологическом

смысле комплексами, поэтому методы трасологического, планиграфического и археозоологического анализов могут быть применены здесь в очень ограниченном объеме. Соответственно резко возрастает роль тафономического анализа в обосновании целостности комплексов, а также значение технологических и типологических реконструкций и сопоставлений. Методический арсенал работы выстроен с учетом прежде всего этого обстоятельства.

Очевидно, что в сложившейся ситуации основное внимание должно быть уделено анализу структуры тафономически обоснованных комплексов каменных изделий, а также оценке основных факторов, влияющих на состояние этой структуры.

Понятие *структуры каменного комплекса* является базовым. Оно было введено в оборот Ф. Бордом [Bordes, 1950] и развито в нескольких работах В.П. Любина [Любин, 1970; 1977; и др.]. Структура каменного комплекса показывает специфический для каждого памятника (в идеале – горизонт обитания) состав каменного инвентаря, его количественные и качественные колебания в зависимости от варианта сырьевой стратегии и глубины переработки сырья. Структура конкретного палеолитического комплекса отражает общую *последовательность расщепления камня*, но, чаще всего, в неполном, лакунарном виде, так как процессы подготовки сырья, расщепления нуклеусов, изготовления и использования орудий нередко оказываются пространственно разомкнутыми. Иными словами, это актуальный для каждого памятника фрагмент (или фрагменты) общей последовательности расщепления с различной степенью редукции каменных изделий.

Общую последовательность расщепления камня в последнее время вслед за французскими специалистами принято описывать в рамках концепции *chaîne opératoire*. Идеология этой концепции выработана в трудах А. Леруа-Гурана [Leroi-Goughan, 1971] и адаптирована к каменным изделиям в основном Ж.-М. Женестом [Geneste, 1985] и Э. Боедой [Boeda et al., 1990]. Согласно этим взглядам, имеет место последовательное изменение стратегии выбора каменного сырья, стратегий расщепления нуклеусов и производства каменных орудий вплоть до их выброса. Концепция подчеркивает целостность процесса изменения формы каменных изделий от первых пробных сколов до последних эпи-

зодов подправки. Частью *chaîne opératoire* является *schema opératoire* – блок процедур, связанный только с нуклеусным расщеплением [Revillon, 1994, p.21, 24].

В англоязычной литературе непрерывность морфогенеза каменных изделий описывается в рамках близкой по сути теории редуционных стратегий. Выделяются две основные стратегии - *Cores Reduction Strategy* (расщепление нуклеусов) и *Tools Reduction Strategy* (изготовление орудий). Краеугольным камнем этой концепции является понятие *интенсивности заселения* (*Intensity of Occupation*), которое отражает зависимость типологического облика индустрий от степени редукции основных категорий каменных изделий [Dibble, Rolland, 1992]. Г. Диббл посвятил целую серию работ проблеме редукции скребел в среднем палеолите [Dibble, 1996, and others]. Согласно его взглядам, в ходе неоднократной подправки лезвий обычные продольные скребла уменьшаются в размерах и трансформируются в орудия конвергентных форм. Эффект редукции каменных орудий сам по себе достаточно хорошо известен и получил название “эффекта Фризона”. Н. Ролланд предлагает называть его “эффектом Коммона” [Rolland, 1996; 2000], поскольку впервые обратил на это внимание французский исследователь Виктор Коммон еще в начале XX в. [Commont, 1913 – cit.: Rolland, 1996].

Очевидно, что изменение формы орудий при их неоднократном подживлении касается не только простых скребел. Существует несколько *типов редукции* нуклеусов и орудий. Типом редукции следует считать вектор изменения формы каменных изделий при их последовательном расщеплении или циклическом возобновлении рабочих свойств. Помимо редукции орудий типа Комб-Греналь (от простых скребел к конвергентным формам) [Dibble, 1996], можно говорить о редукции орудий типа Белокузьминовка (от truncated-faceted к скреблам костенковского типа) [Колесник, 1994], редукции нуклеусов типа Зобишта (от плоских полюсных нуклеусов к кубовидным остаточным ядрищам) [Baumler, 1988], редукции нуклеусов типа Биаш (от черепаховидных к радиальным) [Boeda, 1988] и т. д. Но самой распространенной, видимо, была *редукция константного типа*, при которой формальная типовая принадлежность каменного изделия оставалась постоянной на всех этапах обработки. В рамках такого

типа редукции каждый цикл последующей обработки велся по одной и той же схеме и не приводил к кардинальному изменению конструкции каменного изделия.

Степень редукции нуклеусов и орудий напрямую связана с модусом сырьевой стратегии. В зависимости от дефицита или доступности необходимого для выделки орудий каменного сырья в древности выработались два основных полярных модуса сырьевой стратегии – интенсивный и экстенсивный [Колесник, 1996]. Граница между этими вариантами сырьевой стратегии условна, но в рафинированном виде модусы четко различимы друг от друга. Необходимо сделать оговорку, что модусы сырьевых стратегий описывают состояния, возникающие при использовании сырья и не касаются его добычи. Резкая интенсификация труда на этапе добычи сырья в рамках мастерских не оказывает существенного влияния на экстенсивный характер использования сырья за счет предоставления большой массы первичного материала. И мустьерские мастерские, связанные с добычей камня, и неолитические мастерские на месте естественного обнажения сырья развиваются в рамках принципиально сходного модуса сырьевой стратегии.

Экстенсивный модус сырьевой стратегии развивается в условиях избытка (естественного или искусственного) сырьевой массы. Существующие в рамках такого модуса сырьевой стратегии комплексы расположены либо на выходе каменного сырья, либо в непосредственной близости от них. Избыток поделочного камня провоцировал неэкономное расходование сырья, поэтому структура комплекса неизбежно отягощена большим количеством продуктов первичной кремнеобработки. Глубина переработки кремня незначительна. Начальный цикл расщепления доминирует над остальными циклами, а в случае с мастерскими по первичному расщеплению абсолютно преобладает. Расточительное использование камня характерно не только для мастерских, но и для стоянок, расположенных в кремненосных районах.

При глобальном или ситуационном (условия снежной зимы и т.д.) дефиците каменного сырья, как правило, развивается *интенсивный модус сырьевой стратегии*. Глубина переработки сырья значительная, почти все нуклеусы расщепляются до предела, а все более или менее крупные сколы моделируются в орудия.

В структуре комплексов доминирует цикл вторичной обработки; среди отходов преобладают мелкие вторичные сколы. Хорошо прослеживаются следы изготовления и переоформления орудий. Интенсивный модус сырьевой стратегии характерен для стоянок и охотничьих лагерей разного типа, удаленных от источников каменного сырья на значительное, порой до нескольких десятков километров, расстояние [Roebroks et al., 1993, p. 72]. Однако связь между дефицитом сырья и значительной глубиной его переработки не всегда является жесткой. В некоторых случаях отмечается тщательное использование кремня даже при наличии относительно неплохих местных запасов. Например, полностью перерабатывался кремнь в мустьерской индустрии Баракаевской пещеры [Любин, Аутлев, 1994], на Сталинградской стоянке [Замятнин, 1961], на стоянке Рожок II [Праслов, 1968] и в некоторых других местах. Вблизи этих местонахождений располагаются вполне обильные источники кремня, которые, возможно, еще не обнажились в древности.

Особое формообразующее значение при интенсивном модусе сырьевой стратегии имеет *глубина переработки сырья* [Roebroks et al., 1993]. Если понятие модусов отражает полярные состояния сырьевой стратегии, то понятие глубины переработки сырья показывает перманентную изменчивость стратегии в зависимости от степени дефицита сырья. При дефиците каменного материала нуклеусы и орудия использовались до предела, орудия неоднократно подживлялись и переоформлялись. Это приводило к длинным редукционным последовательностям, в рамках которых вероятно существенное изменение морфологии орудий. Вероятно также возрастание доли орудий на мелких сколах, то есть формирование специфических типологических ансамблей.

Как отмечалось выше, процесс изменения формы каменных изделий в ходе последовательного расщепления имеет не только временную, но и пространственную протяженность. Продукты различных этапов последовательности расщепления, как правило, рассредоточиваются на различных участках местности и редко бывают комплектными. Существенное влияние на полноту ансамбля каменных изделий и на степень их редукции оказывает принадлежность памятника к определенному *функциональному типу*. Таким образом, анализ структуры камен-

ного комплекса имеет большой диагностический потенциал при определении функционального типа памятника. Проблема функциональной типологии памятников среднего палеолита достаточно давно и активно дискутируется в русскоязычной литературе [Любин, 1965; Медоев, 1968; Кулаков, 1991; 1993; Беляева, 1996; Колесник, 1990; 1996; Щелинский, 1994; Матюхин, 1995; Чабай, 1999 и др.]. Материальные остатки эпохи палеолита – результат опредмечивания разнородной по своему характеру деятельности древних людей, которая определялась состоянием ресурсной базы используемой территории. Все используемое первобытным коллективом охотников-собирателей за хозяйственный цикл пространство фактически представляет из себя единый поселенческий комплекс, в рамках которого выделяется каркас из памятников со специализированными материальными остатками. Материальные следы деятельности накапливались преимущественно на тех участках пространства, которые оказывались ключевыми в процессе переработки ресурсов. Очевидно, что каркас оставленных одним коллективом археологических памятников в целом отражает характер распределения в пространстве основных ресурсных ценностей, необходимых человеческим коллективам того времени для нормального функционирования и развития. На локальных участках с повышенным ресурсным потенциалом смешанного типа могут накапливаться комплексные археологические остатки, которые воспринимаются нами как “базовые стоянки” охотников-собирателей. На практике эта картина выглядит несколько по иному. Пространственный каркас основных ресурсных ценностей образует причудливые и неповторимые сочетания, в основном за счет изменчивости параметров динамичных ресурсов. Приспосабливаясь к ним с учетом своих потребностей и уровня развития, конкретные коллективы охотников-собирателей рассеивали следы своей жизнедеятельности в таких же причудливых пространственных и технологических комбинациях. Реально наблюдаемый археологами эффект в виде палеолитических “мастерских”, “мест забоя и разделки животных” и некоторых других специализированных функциональных типов памятников возникает в том случае, когда имеет место пространственно обособленная концентрация однородных ресурсов. Так возникают специфические археологические памятни-

ки с непропорциональной или частичной структурой кремневого комплекса. В данном смысле функциональная дифференциация памятников среднего палеолита определялась не столько специфическим видом деятельности, сколько специфическим сочетанием основных ресурсных ценностей на отдельных участках местности. Функционально-специфичные типы памятников всего лишь отражают неравномерность и некомплектность распределения основных ресурсов, а также традиционные способы их использования. Без понимания этого момента дискуссия о критериях мастерских и памятников других функциональных типов может сколь угодно долго вращаться по схоластическому кругу.

Схема последовательных этапов раскалывания камня от кусков сырья до полностью сработанных нуклеусов и утилизированных (реутилизированных) орудий представляет собой логически связанную цепь операций, многие из которых в рафинированном виде могут отражать памятники специализированной деятельности. В одной из специальных статей автор пытался показать, что процедура выделения функциональных типов памятников может базироваться на анализе полноты структуры комплекса, но по мере продвижения в правый спектр схемы нуждается во все более комплектных дополнительных аргументах [Колесник, 1996].

Структура каменного комплекса или общая последовательность расщепления может быть описана как совокупность взаимосвязанных «длинных» и «коротких» технологий раскалывания камня [Delanges, 1996; Колесник, 1996]. В строгом смысле слова, в среднем палеолите можно выделить четыре основных варианта технологического строения каменных индустрий, в зависимости от характера используемого сырья и функционального типа памятника (рис. 5): вариант А – классические длинные линейные технологии, связанные с производством односторонних орудий; вариант В – короткие линейные технологии производства бифасов из плиток и орудий из сколов-триммингов; вариант С – длинные усложненные (нелинейные) технологии получения односторонних орудий и бифасов из сколов; вариант D – сочетание усложненных длинных технологий с короткими линейными технологиями. Следует сказать, что особое развитие короткие линейные технологии получили в тех инду-

стриях, которые были основаны на эксплуатации кремневых плиток и плоских конкреций. В наиболее крайних случаях технологического строения варианта В, интенсивная подправка бифасов провоцировала количественный рост орудий на сколах-триммингах, т. е. значительно влияла на общую структуру орудийного ансамбля. Разумеется, эти варианты технологического габитуса носят надкультурный характер и отражают различные технологические состояния двусторонних индустрий, вызванные адаптацией к сырьевому и функциональному факторам. В наиболее сложноорганизованных технологических структурах (вариант D), в зависимости от функционального типа поселения и модуса сырьевой стратегии, более развернутыми могут оказаться либо короткие технологии, либо длинные. В рамках этих технологических структур независи-

мость коротких технологий от длинных имела относительное значение, так как методы вторичной обработки, определяющие типологические особенности ансамбля каменных орудий, зависели не столько от вида сырья, сколько от стилистики обработки. Очевидно, что для Донбасса характерны технологические структуры среднего палеолита, основанные на эксплуатации объемных кремневых конкреций (варианты А и С).

При технологической доминанте описания процесса первичного расщепления камня существенной оказывается не столько типологическая характеристика нуклеусов и продуктов их утилизации, сколько анализ *методов расщепления*. Во многих исследованиях общепринятым стало употребление схемы *рекуррентных методов*, согласно концепции Э. Боеды [Boeda, 1988]. Достаточно подробная систематизация и

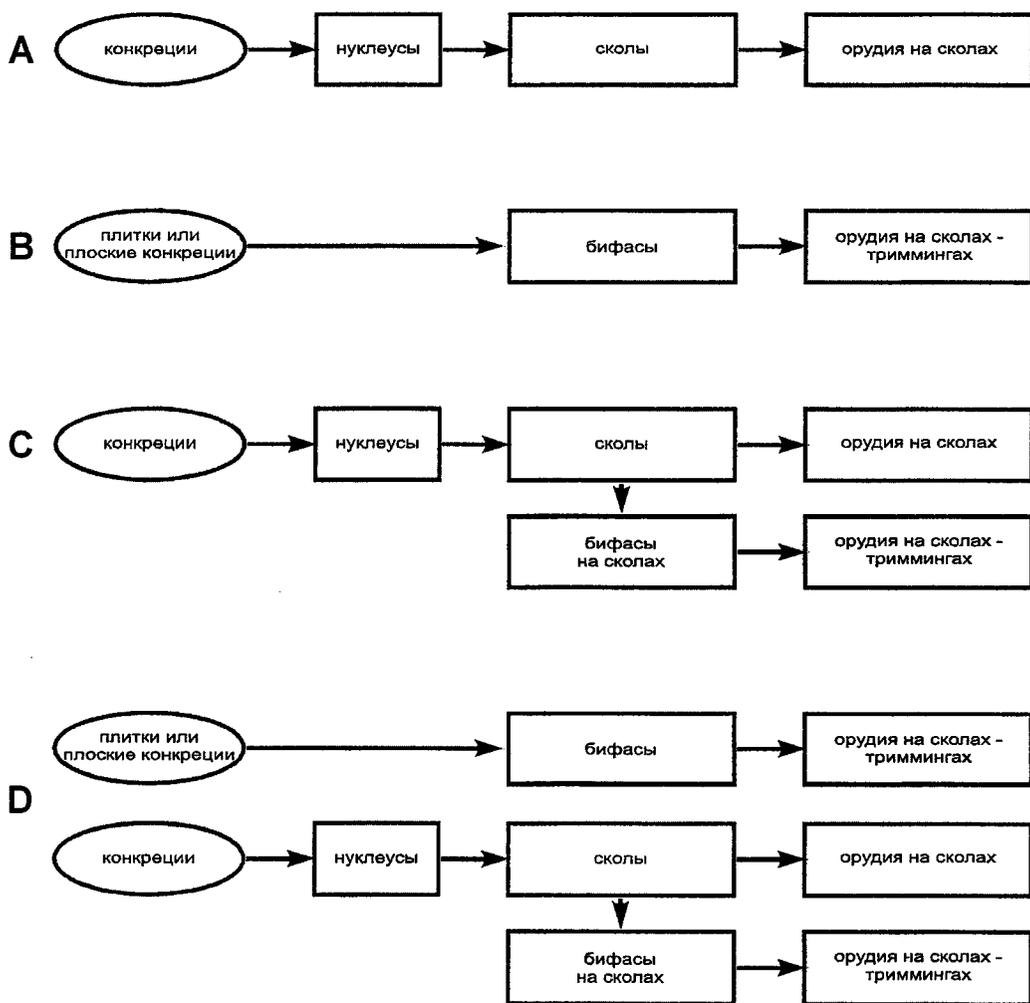

Рис. 5. Варианты технологических структур каменных индустрий среднего палеолита.
Fig. 5. Variants of the Middle Paleolithic flint technological structures.

номенклатура методов нуклеусного расщепления древнего, нижнего и среднего палеолита изложена в статье В. Чабая и В. Ситливого [Chabai, Sitlivy, 1993]. Каждый метод нуклеусного расщепления определяется специфическим набором приемов, при помощи которых происходило *управление скалыванием*. Основными из них, видимо, следует считать приемы создания *зоны расщепления* и приемы *подъема (или уплощения) выпуклости рабочего фронта* [Гиря, 1991, 1977; Гиря, Нехорошев, 1993; Нехорошев, 1993; и др.].

В принципе, морфология каменных орудий также может быть описана сквозь призму особых орудийных методов расщепления по аналогии с первичным расщеплением, однако, позиции традиционного типологического метода здесь все еще достаточно сильны. В этой связи нельзя обойти вниманием проблему выбора классификации орудий.

Типологическое мышление колеблется между двумя крайними полюсами. На одном из них находится широко известный *типо-лист Франсуа Борда*, который включает в себя схематизированные образы наиболее распространенных каменных орудий раннего и среднего палеолита Западной Европы. При этом под типом понимается «совокупность вещей, сходных по форме, по своим основным техническим показателям (типу заготовки и характеру рабочего края)» [Любин, 1966, с.12]. Типы Ф. Борда ориентированы на собирательные, идеальные образы большой совокупности каменных орудий. Они рассматриваются как равноценные и равнообъемные, поэтому между ними подразумеваются, в основном, горизонтальные связи в рамках одного таксономического уровня. Благодаря этому они легко включаются в статистические операции, индексируются. Нет нужды говорить о быстром и широком распространении типологической схемы Ф. Борда в исследованиях по раннему и среднему палеолиту. Несмотря на многочисленные критические замечания к этой схеме (закрытый характер схемы, нестрогая граница между некоторыми типами и др.) [в советской историографии: Любин, 1965; Гладилин, 1976; Григорьев, 1987; и др.], *типо-лист* образца 1961 г. по-прежнему популярен среди многих европейских и американских специалистов. Такая живучесть *типо-листа* во многом объясняется широтой типологических ячеек.

На другом полюсе типологического мышления растет раскидистое древо *классификации В.Н. Гладилина* [Гладилин, 1976; Гладилин, Ситливый, 1990]. Это сложная многоступенчатая конструкция с шестью таксономическими уровнями (секция, класс, отдел, группа, тип, разновидность), жесткой иерархией и соподчинением признаков. Благодаря строгой логической упорядоченности, эта схема легко может дополняться новыми звеньями и ветвями. Ею можно пользоваться в любой конфигурации, выбирая необходимые вертикальные или горизонтальные связи. Предельная детализация типов позволяет рельефно показывать морфологические особенности сравниваемых комплексов. На основании этой типологии В.Н. Гладилин разработал схему локальных отличий памятников раннего и среднего палеолита Восточной Европы [Гладилин, 1971; 1976; 1985]. Как и базовая классификация, схема локальных отличий многоступенчата и подразумевает фации, варианты и типы индустрий. Созданная В.Н. Гладилиным на основе своей классификации широкая панорама развития палеолитических индустрий Восточной Европы [Гладилин, 1985, с.50, рис.14] во многом привлекательна и сейчас. Безусловно, видеть горизонты палеолита Восточной Европы дальше В.Н. Гладилина можно, только стоя на его плечах. Но ...

С самого начала внедрения классификации В.Н. Гладилина в практику, возникли споры вокруг ее достоинств и недостатков. Главные аргументы оппонентов сводятся к тому, что искусственно созданный язык описания каменных изделий заранее программирует класс отличий между индустриями. В реальности между признаками нет жесткой иерархии [Шер, 1970, с.11; и др.], одинаковые признаки в одних случаях могут быть типобразующими, в других случаях – нет (например, резцовый скол – и способ получения резцов, и способ оформления рукояточной части орудий, и случайный дефект на остриях наконечников). Вызывает также сомнения универсальность таких признаков, как зубчатость и размеры орудий. Во многих случаях зубчатость связана с плохой геологической сохранностью кремней [Анисюткин, Филиппов, 1986], а размеры орудий прямо зависят от характера каменного сырья и глубины его переработки. Одним из серьезных аргументов против этой классификации является громоздкость ее типологической номенклатуры. Ни один палеолит-

чик-типолог не спутает нож типа Бокштайн с каким-либо другим изделием, зато смысл термина «скребло-нож отдела подтреугольных группы двусторонних типа естественно-обушковых» понятен далеко не каждому. Многоступенчатая классификация оправдана только в том случае, когда между отдельными объектами преобладают генетические связи, как в систематике К. Линнея [Беляева, 1996]. Скорее всего, в силу именно терминологической сложности стройная сама по себе классификация В.Н. Гладиллина не получила такого широкого распространения, как типология Ф. Борда. Последовательное применение этой схемы характерно в основном для украинских авторов [например: Кухарчук, 1989; 1991а; 1991б; Ткаченко, 2001; и др.]. Чаще используется упрощенная до уровня отдела или адаптированная к другим классификациям схема [Chabai, Demidenko, 1998; Ситник, Богущкий, 1998; и др.]. Гораздо более востребованной оказалась типология нуклеусов [Колосов, 1983; 1986; и др.].

Я не случайно уделяю классификации В.Н. Гладиллина столь подробное внимание. Самое крупное на сегодняшний день происходящее из Донбасса среднепалеолитическое собрание каменных орудий (Антоновка) обработано В.Н. Гладиллиным по многоступенчатой типологической схеме [Гладилин, 1976]. Наши типологические пристрастия, однако, всегда развивались в русле Бордовской типологии. Это единственная причина, по которой при выборе «типологической партийности», автор отдает предпочтение традиционному типу-листу. В конечном счете, противоречия между двумя типологиями не носят принципиальный характер, и многие описания орудий на уровне отдела в схеме В.Н. Гладиллина вполне могут конвертироваться в типы Ф. Борда.

Отсутствующие в схеме Ф. Борда типы двусторонних орудий могут быть описаны в рамках параллельной схемы. Типология бифасов и обушковых бифасиальных ножей разработана достаточно полно [Bordes, 1961; Bosinski, 1967; Krukowski, 1939/1948; Kulakovskaya, Kozlowski, Sobczyk, 1993; Кулаковская, Козловский, Собчик, 1994; и др.]. Из типологического листа, возможно, следует исключить позиции №5 (псевдоловаллуазские острия) и №38 (ножи с натуральной спинкой – если они не несут следов дополнительной обработки), поскольку эти изделия являются обычными технологическими сколами [Meignen, 1993, p.240].

Итак, мы вкратце охарактеризовали общую идеологию описания комплекса каменных артефактов, без детальной характеристики применяемых методов. Как видно, основной для нас является концепция структуры каменного комплекса в ее функциональном, технологическом и типологическом аспектах. Для удобства чтения книги автор не стал перегружать вводную часть обширными понятийно-терминологическими экскурсами. Акценты в применяемых терминах и понятиях, которые имеют неодинаковое чтение у разных авторов или еще не устоялись в археологическом лексиконе, расставлены в аналитической части работы. Как отмечалось выше, за скобками нашего внимания остались разнообразные методы (планиграфический, трасологический и др.) анализа палеолитических остатков, которые могут быть востребованы при обработке более полноценных в тафономическом смысле памятников.

Археологическое районирование

Выделение Донбасса и Приазовья в качестве самостоятельного территориального подразделения палеолита Восточной Европы – заслуга С.Н. Замятнина, посвятившего палеолиту данного региона одну из своих заметок [Замятнин, 1953]. Для С.Н. Замятнина такая пространственная группировка была удобным способом изложения материала и он, похоже, не вкладывал в нее какой-либо содержательный смысл. Тем не менее, оборот «палеолит Донбасса и Приазовья» оказался продуктивным и прочно вошел в археологический лексикон. Вскоре так же прочно утверждается оборот «палеолит Донбасса» как простой способ географической привязки памятников.

Подобное стихийное обособление памятников среднего палеолита Юго-Восточной Украины происходило в 50-60-е гг. на общем фоне дифференциации палеолита Украины на отдельные палеолитические регионы. Предпосылкой пространственной группировки, возможно, был опыт систематизации палеолитических памятников СССР Н.А. Береговой, в основном, по бассейнам больших рек [Береговая, 1960]. Региональный подход в украинском палеолитоведении окончательно оформился в 70-80-е гг. В качестве обособленных территориальных групп В.Н. Гладилин выделил крымскую, закавказскую, прикарпатскую, житомирскую, днепровскую, деснянскую и донецко-приазовскую групп-

пы памятников мустьерского времени [Гладилин, 1985, с.29-49]. Фактически такое же подразделение среднего палеолита Украины на отдельные регионы было закреплено в целой серии монографий и диссертационных исследований в 70-90-е гг. Самостоятельное осмысление получили памятники среднего палеолита Крыма [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993; Чабай, 1991], Поднестровья [Черныш, 1965, 1973], Закарпатья [Кулаковская, 1989], Подолья [Сытник, 1985; Ситник, 2000], Нижнего Поднепровья [Смирнов, 1972], Украинского Полесья [Кухарчук, 1993] и, наконец, Донбасса и Приазовья [Колесник, 1993]. В настоящее время это деление можно считать устоявшимся и проверенным временем.

Очевидно, что пространственные границы указанных зон определялись, в первую очередь, не качественным своеобразием включенных в них памятников среднего палеолита, а сложившейся традицией регионального изучения палеолита представителями разных школ и групп. Вместе с тем, нельзя отрицать, что имеют место существенные отличия в характере памятников среднего палеолита разных территориальных групп. Ярким своеобразием отличаются памятники западно-крымского типа, леваллуазские памятники Закарпатья, Поднестровья и Подолья, легко узнаваем «крымский микок», и т. д. Так или иначе, качественная специфика территориальных групп памятников среднего палеолита Украины редко декларируется как главный принцип группировки [Степанчук, 1991]. Это место давно занял простой и надежный географический критерий.

Некоторые авторы расширительно толкуют географический критерий группировки памятников и рассматривают их в рамках больших палеогеографических зон. Хорошо известен опыт анализа памятников бассейна Днепра и Приазовья [Борисковский, Праслов, 1964], памятников Карпатского бассейна [Кулаковская, 1989]. Недавно была сформулирована концепция палеолита всего бассейна Дона [Прас-

лов, 2001]. Под таким углом зрения индустрии среднего палеолита Юго-Восточной Украины входят в глобальную палеогеографическую сеть Большого Дона, который в качестве своих притоков включал Северский Донец, реки Северного Приазовья и, в период морских регрессий, реки Восточного Крыма. Формально в бассейн Большого Дона не попадает только группа Антоновских стоянок, которые входят в бассейн р. Волчья – левобережного притока р. Днепр. В какой-то степени такая группировка перекликается с группировкой однокультурных памятников заключительного этапа позднего палеолита Восточно-Европейской равнины не в широтном, а в меридиональном направлении, в пределах бассейнов крупных рек [Синицын и др., 1997, с.46].

Имеется опыт группировки памятников по стокам рек и при более дробном районировании палеолитических территорий. В частности, в донецко-приазовской группе мустьерских памятников В.Н. Гладылин выделил пункты левобережного притока Днепра – р. Волчья, памятники в бассейне Северского Донца и в бассейнах рек, впадающих в Азовское море [Гладылин, 1971, с.31; Гладылин, 1985, с.47-49].

Резюмируя мнения по данному поводу, отметим, что к настоящему моменту пока что нет других надежно обоснованных критериев выделения донецкого скопления памятников, кроме пространственно-географических. Распределение памятников внутри группы имеет свою логику, но внешние границы, скорее всего, отражают состояние изученности территорий. Нет оснований утверждать, что Донбасс представляет собой обособленное скопление специфических памятников. Наиболее крупное на сегодняшний день скопление среднепалеолитических памятников в Северо-Западном Донбассе содержит индустрии разнообразного типа. Поэтому при изложении корпуса памятников среднего палеолита региона в настоящем издании комплексы группируются без строгого соблюдения территориального или культурного принципа.

ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

После довольно острой дискуссии о времени и путях первоначального заселения Русской равнины, развернувшейся на страницах специализированных книг и журналов в 60-70 гг., широко распространилась точка зрения об освоении этой территории в домустьерское время человеческими коллективами, проникшими сюда в основном через западные и юго-западные каналы [Праслов, 1968; 1984; Гладилин, 1976; 1985 и др.; подробная историография см.: Гладилин, 1976, с.128-151]. Несмотря на вялотекущую полемику по данному вопросу, эта теория приобрела статус официальной концепции.

Опорные памятники, документирующие инициальный этап заселения Равнины, расположены в соседнем с Донбассом палеолитическом регионе – в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Приазовье. Они детально изучены и опубликованы Н.Д. Прасловым в 60-70 гг. [Праслов, 1968; 1984; 2001; и др.].

Самыми ранними считаются находки у с. Герасимовка недалеко от г. Таганрог. Здесь в древнем галечнике вместе с костями животных тираспольского фаунистического комплекса найдены немногочисленные окатанные каменные изделия, в том числе скребло и дисковидный нуклеус [Праслов, 1968, с.18-21; 2001, с.11-13; Praslov, 1995]. Более многочисленные коллекции происходят из местонахождений у хут. Хрящи и Михайловское, расположенных недалеко от впадения Северского Донца в Дон [Праслов, 1968, с.22-56; 2001, с.13-12; Praslov, 1995]. Неоднократные расчистки береговых обнажений на этих пунктах показали, что обработанные человеком кремневые и кварцитовые изделия залегают в древнем аллювии и *in situ* в двух ископаемых почвах внутри стратиграфической последовательности отложений третьей надпойменной террасы Северского Донца. Находки из аллювия характеризуются архаичными морфологическими чертами, близкими к клетонским памятникам Западной Европы. Наборы изделий из ископаемых почв выполнены по более совершенным технологиям и сохранили разнообразные следы использования в работе [Щелинский, 1981, с.63-67]. Четкие стратиграфические позиции находок из хут. Хрящи и Михайловское позволяют датировать их очень ранним возра-

том. В последней редакции Н.Д. Праслов датирует изделия из аллювиального комплекса временем не моложе начала донского (нижний плейстоцен, кислородно-изотопная стадия 16) оледенения, изделия из ископаемых почв – ливинским (средний плейстоцен, кислородно-изотопные стадии 12-11) межледниковьем [Праслов, 2001, с.21]. Г. Бозинский включает Герасимовку в круг наиболее древних памятников Европы (780 – 500 тыс. лет назад), а Хрящи помещает в интервале 500 – 300 тыс. лет назад [Bosinski, 1992; 1996]. Не все исследователи признают искусственный характер предметов из древнего галечника в Герасимовке и столь ранние даты изделий из отложений террасовой площадки возле хут. Хрящи и Михайловское [Roebroeks, Kolfschoten, 1995; Дороничев, 2001], однако, последние находки все же следует признать древнейшими на сегодняшний день стратифицированными артефактами на территории Русской равнины. Археологически индустрии из хут. Хрящи и Михайловское, в строгом смысле слова, не являются ашельскими, и Н.Д. Праслов справедливо определяет их нейтральным в культурологическом смысле термином «домустьерские». Пока не ясно, с какими последующими мустьерскими традициями могут быть связаны эти комплексы. Ясно только, что около полумиллиона лет назад на юге Русской равнины обитали первобытные коллективы, которые использовали каменные орудия, по своим формам отличные от традиционных ашельских изделий. В Михайловском комплексе содержатся нуклеусы, близкие к леваллуазским ядрищам среднего палеолита [Праслов, 1968, рис.14, 15], и многочисленные ретушированные орудия на сколах, однако Н.Д. Праслов склонен относить эти серии каменных орудий все же к индустриям раннего палеолита [Праслов, 2001, с.13-22].

В Донбассе памятники такой большой древности пока не найдены. Известны лишь разрозненные каменные орудия, которые, видимо, имеют отношение к началу среднего палеолита.

Критерии среднего палеолита в настоящее время строго не определены, несмотря на давнее и пристальное внимание к этому вопросу. Предложенная Г. Бозинским граница между

ранним и средним палеолитом по наличию леваллуазской техники первичного расщепления [Zosinski, 1982] устраивает далеко не всех. На северо-западе Франции известны типичные ашельские раннепалеолитические ансамбли с очень развитой леваллуазской техникой [Tuffreau, 1981, 1987]. Судя по ашельскому комплексу из Ла Гаренн [Lamotte, 1991], леваллуазская техника вырастает из техники изготовления ашельских бифасов в период, по крайней мере, не позже кислородно-изотопных стадий 10-11. Для В.Н. Гладиллина и В.И. Ситливого возрождение леваллуазских технологий – признак ашельской стадии развития палеолита [Гладиллин, Ситливый, 1990, с.21; Gladilin, Sitlivi, 1991, p.15]. Существуют крупные регионы палеолитического мира, где леваллуазские технологии не получили сколько-нибудь значительного распространения в конце среднего и в первой половине верхнего плейстоцена. Таким же условным критерием, как и леваллуазские технологии, является выделение среднего палеолита по наличию развитых отщеповых технологий [Tuffreau, 1982] или изживанию грубых рубящих орудий. Геологически очень ранняя (конец кислородно-изотопной стадии 13) отщеповая индустрия из местонахождения Хай Лодж в Англии [Ashton, 1992] по этому критерию должна быть отнесена к среднему палеолиту [Coulson, 1990], хотя она фактически синхронна французскому позднему Аббевиллю. Нельзя не согласиться с мнением А. Тюффро и П. Антуа [Tuffreau, Antoine, 1995, p.159] о том, что граница между ранним и средним палеолитом носит искусственный характер. Условность этой границы неоднократно отмечалась в литературе [Valoch, 1982; Голованова, 1994; и др.]. Тем не менее, давно очевидно, что мустье в традиционном смысле слова не может противопоставляться огромному предшествующему периоду эволюции каменных индустрий и должно войти составной частью в хронологически более широкое и культурологически более нейтральное подразделение палеолита [Bordes, 1977]. При всей своей условности термин «средний палеолит» обладает именно такими качествами. Средний палеолит не ассоциируется ни с каким конкретным вариантом мустье, пре-мустье или позднего ашеля. Это всего лишь средняя стадия между ранним и поздним палеолитом. Приведенные выше критерии среднего палеолита (леваллуазская техника, орудия на сколах и т. д.) – простая попытка

ка найти технологическое или культурологическое оправдание этой очень удобной для научной систематики хронологической стадии в трюичной схеме палеолита.

Вместе с тем, было бы ошибочным отрицать качественную определенность данной стадии в развитии палеолита. Вопрос, однако, в том, существуют ли универсальные критерии этой стадии, или же качественные критерии являются особенными для каждого варианта среднего палеолита (или отдельных палеолитических районов)? Видимо, следует признать, что каждая линия развития палеолитических традиций имеет свою отправную точку, маркирующую начало среднего палеолита. Это может быть и леваллуазская технология нуклеусного расщепления, и появление орудийных ансамблей особых типов, и что-то иное. Начальная хронологическая граница среднего палеолита как общей стадии развития палеолитических традиций размыта настолько, насколько маркирующие отдельные линии развития палеолита культурные и технологические признаки не совпадают во времени.

В контексте древнейших индустрий Русской равнины, Крыма и Закарпатья вопрос о начале среднего палеолита, по моему мнению, может быть поставлен пока только для двусторонних индустрий, которые образуют здесь фоновый тип памятников, а также для леваллуазских памятников молодого типа.

Для варианта среднего палеолита с двусторонними изделиями характерны орудийные ансамбли, состоящие из скребел, остроконечников и бифасов (особо диагностичны обушковые ножи и листовидные острия) при технике первичного расщепления, основанной на эксплуатации, в основном, различных непластинчатых нуклеусов. Яркой стилистической особенностью обладает технология изготовления плоско-выпуклых орудий. Вариант среднего палеолита молодого типа технической основой имеет преимущественно леваллуазское линейное нуклеусное расщепление, а орудийный набор включает разнообразные скребла, остроконечники и леваллуазские сколы с минимальной ретушью.

Типологическим индикатором реально наблюдаемой основы эволюционного ствола двусторонних индустрий Русской равнины выступают, видимо, комплексы с ручными рубилами [Колесник 1998; Kolesnik, 1998]. Терри-

ториальная, хронологическая и культурная связь между комплексами с крупными бифасами и отдельными вариантами мустье двустороннего предполагается достаточно давно [Гладилин, 1985, с.50; и др.], но она рассматривается в плане генетической преемственности мустье от позднего ашеля или «микока» Германии. Однако, ашель *sensu stricto* на территории Русской равнины пока что неизвестен или представлен нетипичными кремневыми собраниями, а «микок» Германии не древнее «микока» Восточной Европы. Поэтому все комплексы с рубилами (а также единичные находки рубил) выглядят логической составной частью более развитых двусторонних индустрий и, таким образом, начинают хроно-стратиграфическую колонку этого варианта среднего палеолита. Отсутствие здесь классических ашельских памятников дорисского времени облегчает маркировку начала среднего палеолита с бифасами. Известно, насколько зыбкой является грань между нижнепалеолитическими индустриями среднего или развитого ашеля и среднепалеолитическими индустриями позднего или финального ашеля в классических ашельских доменах.

Средний палеолит молодовского типа, судя по раннему зарождению леваллуазской линейной техники в нижних слоях Королево [Гладилин, 1985; Гладилин, Ситливый, 1990], несколько древнее.

Сведения о памятниках начальной поры среднего палеолита Донбасса чрезвычайно скудны и фрагментарны. На сегодня в этот список мы можем включить только четыре изолированных находки ручных рубил без стратиграфического контекста и одно стратифицированное скребло. Еще несколько крупных кремневых бифасов найдены в разное время на периферии региона.

Остановимся на этих находках подробнее.

Амвросиевка (1). Заслуженно первое место в этом списке занимает хорошо известное амвросиевское ручное рубило (рис.6, 1). Оно было поднято В.М. Евсеевым в 1935 г. в одном из отвершков балки Казенной на правом берегу р. Крынка.

Рубило изготовлено из небольшой конкреции серого мелового кремня. На одной из сторон у пятки сохранился участок вогнутой корковой поверхности. Форма орудия асимметричная, неправильно-сердцевидная. Рубило

массивное, укороченных пропорций. Коэффициент массивности – 44; коэффициент удлиненности – 107. Размеры небольшие – 10.5x7.3x3.2 см. Изделие обра-

ботано широкими попеременными сколами. Производит впечатление орудия с интенсивно подправленными лезвиями, сработанными до предела. Рубило окатано, покрыто белесой патиной, более интенсивной с одной из сторон.

Сразу после опубликования находки С.Н. Замятниным [Замятнин, 1951, с.106; 1953, с.252]; амвросиевское рубило стало своеобразным «руководящим ископаемым» раннего палеолита Восточной Европы и попало в фонд хрестоматийных памятников каменного века. Фактически это была первая официально признанная ашельская находка на Украине. Несмотря на полемически заостренную передатировку изделия мустьерским временем С.Н. Бибиковым [Бибилов, 1961, с.343], прочно укоренилось представление об орудии как о типично ашельском. Именно так оно трактуется во всех сводках по палеолиту [Борисковский, Праслов, 1964, с.14; Праслов, 1968, с.59; 1984, с.98-99; Гладилин, 1971, с.14; 1885, с.17; и др.].

Неоднократный осмотр специалистами балки Казенной, обширная шурфовка окрестностей при стационарных работах на Амвросиевском позднепалеолитическом комплексе не подтвердили наличие здесь какого-либо более раннего, чем поздний палеолит, памятника или местонахождения разрозненных находок. В данном микрорайоне вообще отсутствуют плейстоценовые отложения, древнее вюрмских. Отмеченные еще Б.Ф. Меффертом [Мефферт, 1923] лессовидный суглинок Амвросиевского костыща датируется, по определению М.Ф. Веклича и Ж.Н. Матвийшиной [Кротова, 1986, с.42], причерноморским временем; по определению Н.П. Герасименко [Герасименко, 1994, с.264] – дофинновским. Эти отложения залегают на размыве более древних плиоценовых пород.

Сведения о размыве на склоне балки Казенной геологических напластований, соответ-

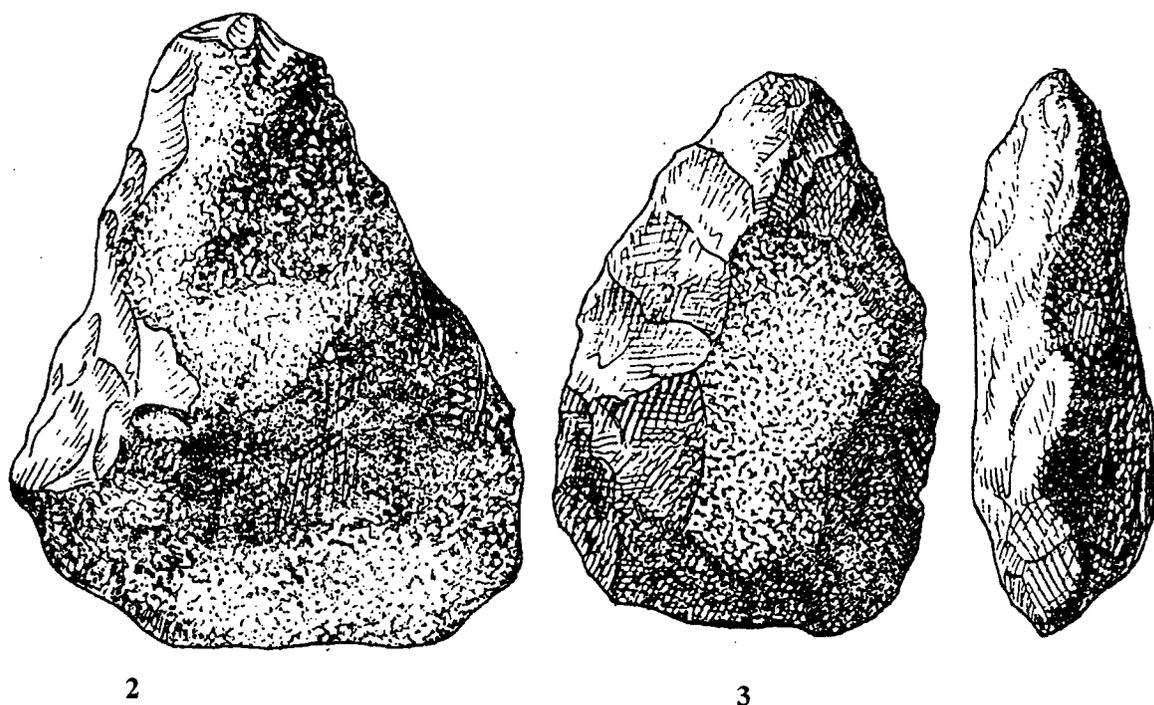
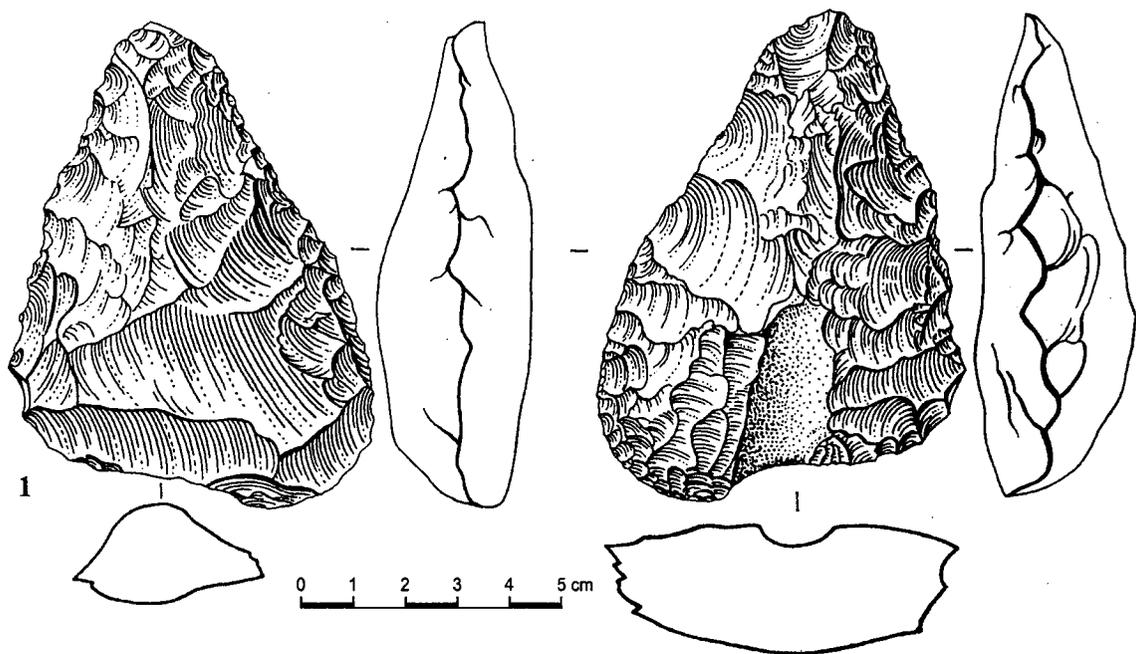

Рис. 6. Рубила из Амвросиевки (1) и Луганска (2, 3). По Н.Д. Праслову [1984] и С.А. Локтюшеву [1930].

Fig. 6. Hand axes from Amvrosievka (1) and Lugansk (2, 3). After N.D. Praslov [1984] and S.A. Loktiushev [1930].

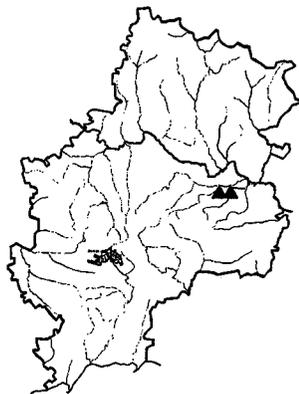
ствующих началу среднего палеолита, хорошо согласуются с фактом нахождения самого рубила в тальвеге (русле) небольшого отвершка балки среди обломков гальки и щебня, вымытых со склонов [Замятнин, 1953, с.252]. Вторичность залегания бифаса ясна также по значительной окатанности поверхности, залощенной до зеркального блеска. Окатанность и патинизация рубила более выражены, чем у кремневых изделий соседнего позднепалеолитического комплекса.

Вместе с тем, П.И. Борисковский отмечал находки нескольких кремней мустьероидного облика в отдельных удаленных от стоянки шурфах. Напомним, что во время стационарных работ на Амвросиевском комплексе он произвел обширную шурфовку окрестностей памятника. В частности, примерно в 400 м к С-З от раскопа на правом берегу балки Казенной в шурфе №33 на глубине около 60 см в слое плотной коричневой супеси «... найдено одно плоское овальное, двусторонне отесанное рубиловидное орудие» [Борисковский, 1950, с.25-26]. Есть типологически мустьерские вещи (например, конвергентное скребло с высоким сечением) и в материалах самой Амвросиевской стоянки [Кротова, 1986, рис.24, 2]. Но эти предметы, по крайней мере, скребло, имеют сходную с остальными позднепалеолитическими изделиями стоянки степень сохранности и залегают либо в позднеюрмских суглинках, либо выше них, то есть датируются, скорее всего, тоже поздним палеолитом.

На основании степени сохранности и типологических признаков рубило следует относить ко времени более раннему, чем поздний палеолит.

Облик бифаса, в целом, не мустьерский. Изготовление мустьерских рубил редко ограничивалось грубой оббивкой и, как правило, сопровождалось дополнительной ретушной отделкой. Н.Д. Праслов отмечает, что от типичных мустьерских рубил данное орудие отличается большим архаизмом, который выражается в неровности рабочих краев, асимметрии и массивности пятки [Праслов, 1968, с.60].

Луганск (2, 3). В отличие от амвросиевского рубила, научная судьба нескольких древних каменных орудий из окрестностей г. Луганска оказалась иной. В 1924-1926 гг. луганский археолог С.А. Локтюшев при раскопках курганного могильника эпохи бронзы на окраине Луганска об-

наружил немногочисленные окатанные кремневые и кварцитовые изделия. С.А. Локтюшев назвал местонахождения этих изделий Лугано-Кладбищенской, Лугано-Пороховой и Александр-

ровской 2-й стоянками раннеолитического времени и вскоре опубликовал их в малодоступном местном издании [Локтюшев, 1930]. О находках на Лугано-Кладбищенской «стоянке» сообщается, что «... в глубоких ямах под почвою было встречено в слое, залегающем непосредственно под почвою, несколько кремневых архаичного облика с грубой и неполной обработкой из больших кремневых желваков поделок. ... Слой, заключающий их, является слоем грубого суглинка мощности 68-80 снт., полным гальки и известкового щебня, подстилавшим самый нижний подпочвенный карбонатный слой 8 снт. толщ. и налегавшим на изрытый карманами и идущий вглубь мергель. В обнажении суглинистого слоя найдены грубооббитые отдельные большие кремневые поделки, которое дают представление прешельских остроконечников. ... Они темно-коричневого цвета. Один из них, обделанный определеннее, оббит лишь в некоторых местах...» [Там же, с.10]. От Александровской 2-й стоянки «... сохранилось одно лишь кварцитовое орудие. Его нашли на поверхности степного поля. Это орудие представляет ручной, миндалевидной формы, похожий на Ашельский остроконечник. Оно 8 снт. высоты, 6 снт. ширины, 3 снт. толщины, грубо отесанный и окатанный...» [Там же, с.11].

Приведенные рисунки [Там же, табл. 6,1; табл.7,1] действительно дают представление о двух небольших по размеру сильно окатанных сердцевидных бифасах, среднепалеолитического типологического возраста которых весьма вероятен. Кремневый бифас из Лугано-Кладбищенской «стоянки» (рис. 6, 2) имеет широкоую необработанную пятку. Коэффициент удлиненности – 122. Кварцитовый бифас их Александровской 2-й «стоянки» (рис.6, 3) оббит по всему периметру. Коэффициент массивности - 34; коэффициент удлиненности - 147.

Сами изделия, к сожалению, утеряны.

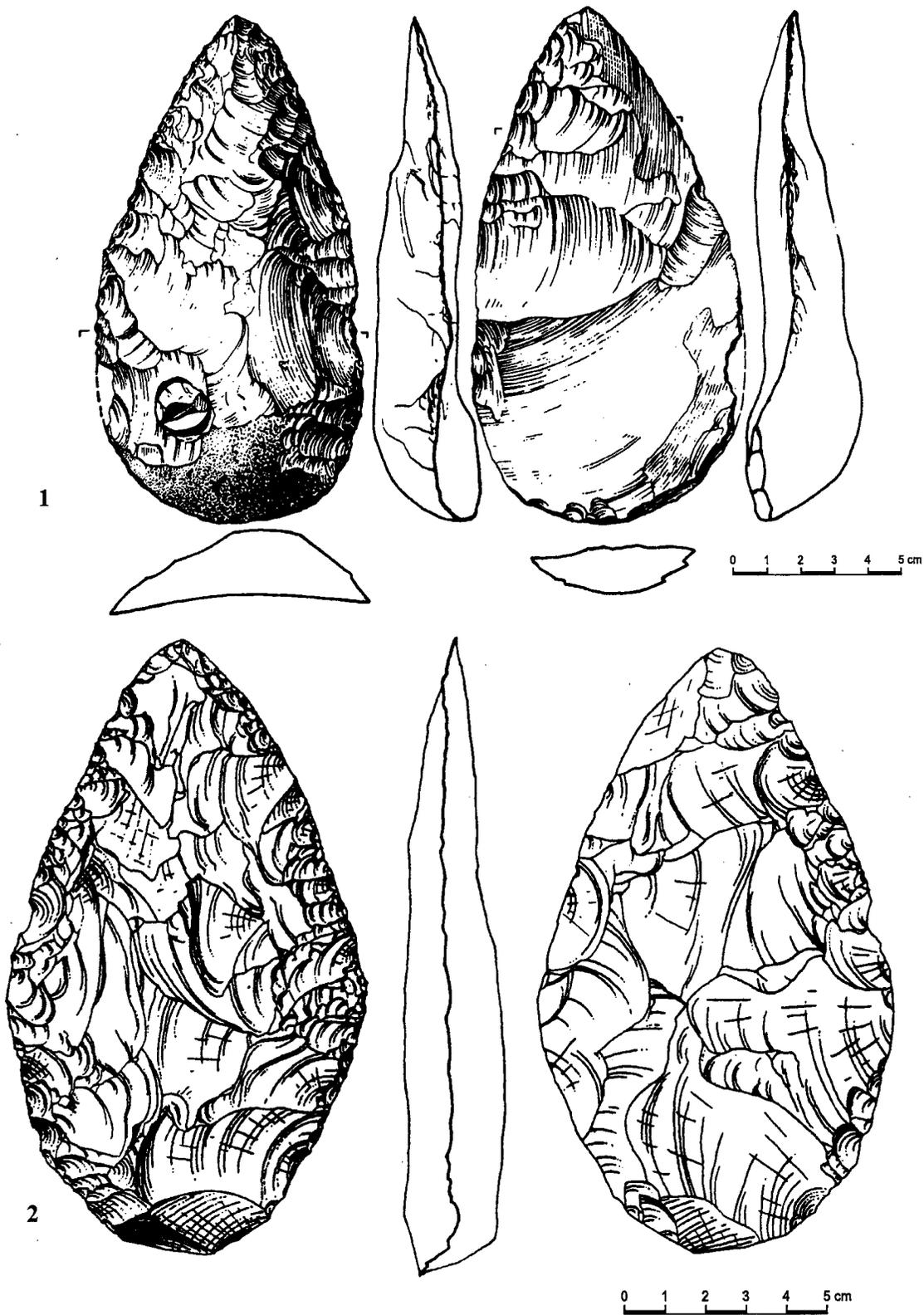

Рис. 7. Рубила из Makeевки (1) и Артемовска (2). 1 - по Д.С. Цвейбель.
 Fig. 7. Hand axes from Makeevka (1) and Artemovsk (2). 1 - after D.S. Tsveibel.

Макеевка
(4). Бифас из г. Макеевки – одна из наиболее выразительных ранних среднепалеолитических находок Донбасса (рис. 7, 1). Введен в научный оборот Д.С. Цвейбель, которая интерпрети-

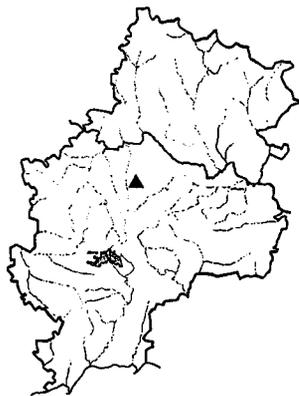
ровала его как позднеашельское-раннемус-терское орудий [Цвейбель, 1971; 1979].

Бифас был случайно обнаружен в 1971 г. при рытье хозяйственной ямы на северо-восточной окраине г. Макеевка Донецкой обл. (пос. Ханжонково). Находка была сделана на левом склоне балки Марьевской (бассейн р. Грузская, левобережный приток р. Кальмиус) в покровных суглинках на глубине около 2-х м. В 80-е гг. этот участок балки оказался полностью застроенным и автор не смог провести здесь дополнительную шурфовку. Находка была передана в Макеевский городской краеведческий музей, затем поступила в археологический музей Донецкого госуниверситета.

Форма орудия вытянуто-каплевидная. Размеры – 15.4x8.2x2.6 см. Коэффициент массивности - 32; коэффициент удлиненности - 188. Поперечное сечение плоско-выпуклое. В качестве преформы использовался крупный массивный первичный кремневый отщеп, у которого сначала при помощи широких уплощающих сколов был срезан ударный бугорок, а затем смоделирована выпуклая поверхность. Выпуклая сторона обработана удлиненными центростремительными сколами разной ширины. Края подправлены мелкими сколами. Дополнительная подправка с брюшка преформы несколько выпрямила профиль лезвий. Судя по характеру негативов сколов, при изготовлении бифасов применялся т. н. «мягкий» отбойник. Острие орудия располагается на месте ударного бугорка отщепа-заготовки, пяткой служит естественная сферическая поверхность преформы, покрытая известковой коркой. Слегка подправленная пятка и тщательно отделанное, симметричное в плане и профиле лезвие составляют как бы две самостоятельные конструктивные части орудия. Обычным для частично-двусторон-

них бифасов является расположение пятки на месте ударного бугорка отщепа-заготовки [Паничкина, 1950, рис. 12, 1; Bordes, 1961, p. 75, 4], который подвергался уплощению при выравнивании профиля.

Д.С. Цвейбель сравнивала макеевское рубило с частичными, по Ф. Борду [Bordes, 1961, p. 75, 4], бифасами удлиненно-сердцевидной формы (biface cordiform allonge). Макеевское рубило вполне соответствует этим стандартам, хотя его форма геометрически более строгая, чем у бордовских сердцевидных бифасов.

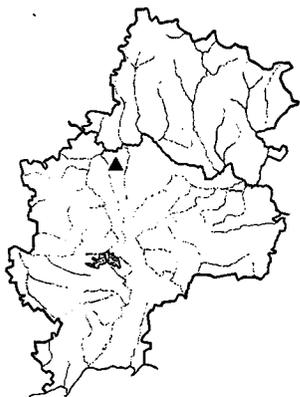
Артемовск
(5). В 1987 г. к С.И. Татаринovu в Артемовский районный краеведческий музей (Донецкая обл.) поступил выразительный среднепалеолитический кремневый бифас (рис. 7, 2)

[Колесник, 1990; 1993, с. 8; 1998, с. 7; Kolesnik, 1998, p. 83]. Судя по первичной информации, орудие было найдено в 5-ти км к юго-востоку от г. Артемовск Донецкой области в окрестностях с. Зайцево Артемовского района в бассейне р. Бахмутка (правобережный приток р. Северский Донец). Сведения об обстоятельствах находки, к сожалению, неточны и противоречивы.

Рубило – типологически бифас подромбической формы – имеет размеры 15.6x9.2x2.5 см. Коэффициент массивности – 27, коэффициент удлиненности – 169. Орудие сформировано серией центростремительных крупных плоских сколов, наносившихся мягким отбойником, а также мелкими сколами по всему периметру. Форма изделия подромбическая, с максимальным расширением в средней части и округленной в плане пяткой. Боковые, наиболее выступающие участки лезвий также несколько округлены. Профиль прямой, симметричный; линия профиля мелкоизвилистая. Поперечное сечение вытянутое линзовидное. Толщина орудия равномерно нарастает от вершины к пятке. Пятка хорошо выражена, сформирована несколькими притупляющими сколами. Края и стороны орудия симметричны. Изделие сплошь покрыто фасетками сколов,

поэтому форма исходной заготовки не восстанавливается. В качестве исходного сырья, как это видно на месте современных повреждений, использовался серый донецкий стекловидный меловой кремнь высокого качества. Одна сторона бифаса покрыта тонким налетом т. н. молочной патины, другая сторона – более плотным слоем белой патины с голубоватыми просветами. На небольшом участке просматривается естественный цвет кремня. Вся поверхность залощена, имеет «жирный» блеск.

Бифас из окрестностей Артемовска как будто обнаружен в переотложенном состоянии, то есть геологически «немой». Отсутствуют и какие-либо сопровождающие находки.

Корнеев Яр

(6). В 1981 г. список ранних среднепалеолитических памятников Донбасса пополнился еще одним пунктом: на правобережье Северского Донца автором было открыто новое местонахождение древних

каменных орудий. Оно расположено в урочище Корнеев Яр близ пос. Кирово Артемовского района Донецкой области [Колесник, 1986]. Особое значение находок из Корнеева Яра состоит в том, что здесь одно из кремневых орудий встречено в ясных геологических условиях. Стратиграфические данные позволяют считать это изделие самой ранней на сегодняшний день в донецком регионе датированной палеолитической находкой.

Корнеев Яр представляет собой глубокую древнюю балку протяженностью около 3 км. Она прорезает северный террасированный склон высокого плато, ограниченного с севера долиной р. Сухая (приток р. Бахмутка), а с востока – левым бортом долины Бахмутки. Глубина балки – 20-25 м от уровня плато. На значительном протяжении тальвег балки размыт более молодым вторичным оврагом. Этот овраг образует своеобразный продольный разрез донных аллювиально-делювиальных балочных отложений. Суммарно они состоят из современной почвы, нескольких горизонтов лессов, суглинков и ископаемых почв. Данная толща залегает на отложениях мелового возраста. Местами обнажения перекрыты осыпью и задернованы.

Палеолитические кремневые изделия обнаружены в левой стенке и осыпи донного оврага в 1 км к югу от пос. Кирово. Всего найдено четыре кремневых предмета: скребло, скол отделки и два отщепа. Скребло залегало в нижней толще донного оврага, содержащей прослой обломочного материала, на глубине 25-30 м от поверхности плато. Здесь же в осыпи оврага найден мелкий отщеп и мелкий фоссиллизированный фрагмент кости животного. Еще два отщепа обнаружены в нижней части осыпи примерно в 300-х м от находки скребла ближе к устью балки.

Скребло залегало в горизонтальном положении, брюшком кверху. Спинка орудия покрыта светло-голубоватой пятнистой патиной, более интенсивной на стыках фасеток. Патина брюшка белая, фарфоровидная. Скребло имеет хорошую сохранность, не окатано. Отщепы патинированы, слегка окатаны и забиты. Видимо, кремневые изделия попали в донное балочное заполнение из отложений высокой террасы, которые прорезаются балкой. Высота террасы над уровнем р. Сухой – 45-50 м. Эти отметки соответствуют высоте третьей террасы Северского Донца и его притоков. Она развита преимущественно на террасированном левом берегу Донца и лишь эпизодически встречается на правом [Соболев, 1936]. Отличительной особенностью третьей террасы Донца является двухфазность размывающих ее балок [Бобровник, Соболев, 1936].

В 1987 г. местонахождение осмотрела Н.П. Герасименко [Герасименко, Колесник, 1989]. Балочные отложения были описаны и атрибутированы ею по разрезу, расположенному в 50-ти м к югу от места находки скребла. Здесь в правильной стратиграфической последовательности выявлены следующие позднечетвертичные отложения:

0.0-1.4 м - голоценовый (е IV hl) чернозем выщелоченный;

1.4 – 3.5 м – бугский (е IV hl) лесс светло-палевый, легкий, крупнопылеватый, пористый, рыхлый, столбчатый, с карбонатными трубочками; переход вниз четкий;

3.5 – 4.2 м – витачевская (е III vt) ископаемая почва темно-бурая выщелоченная, сформирована при участии делювиального привноса материала, бледной, серовато-бурой окраски недифференцированного профиля; песчано-тяжелосуглинистая; с острыми ребрами отдельностей, матовыми гранями, в пун-

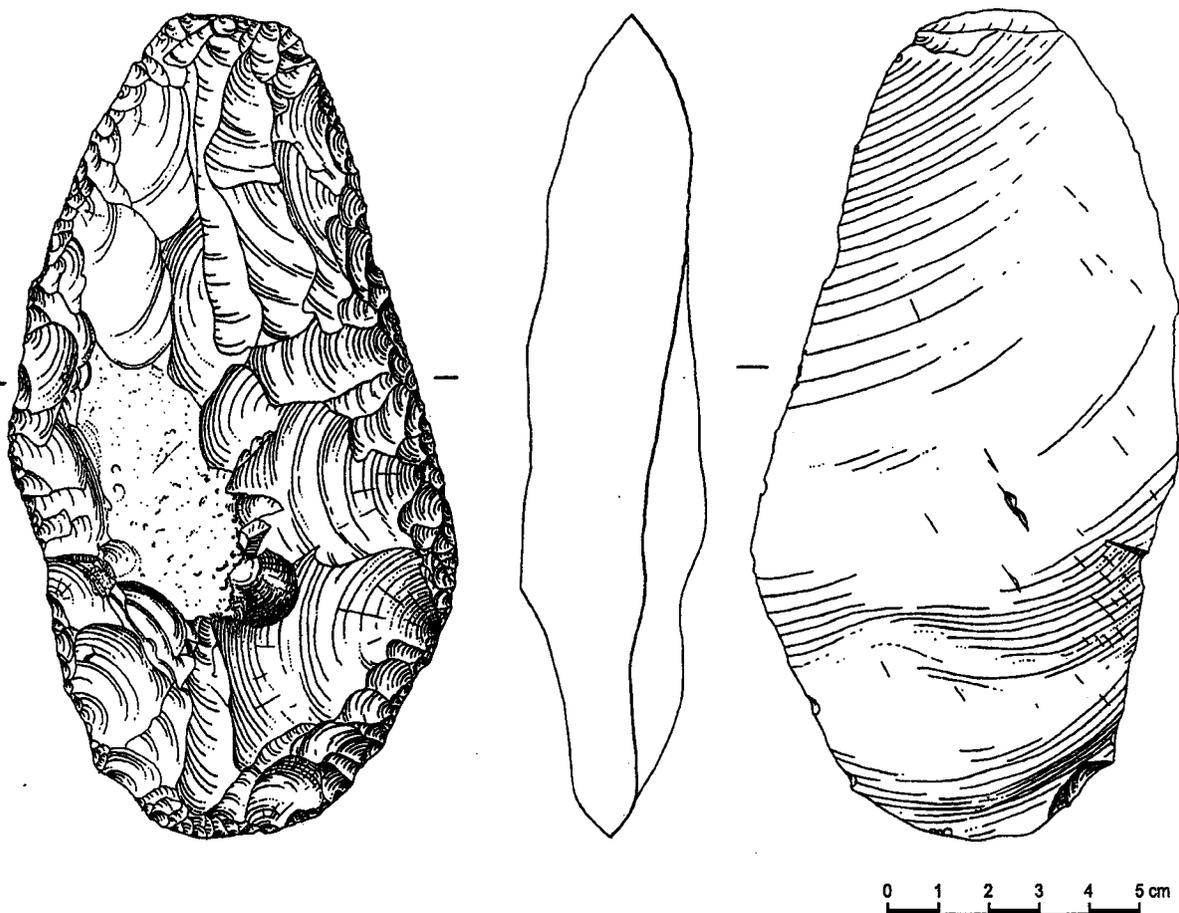
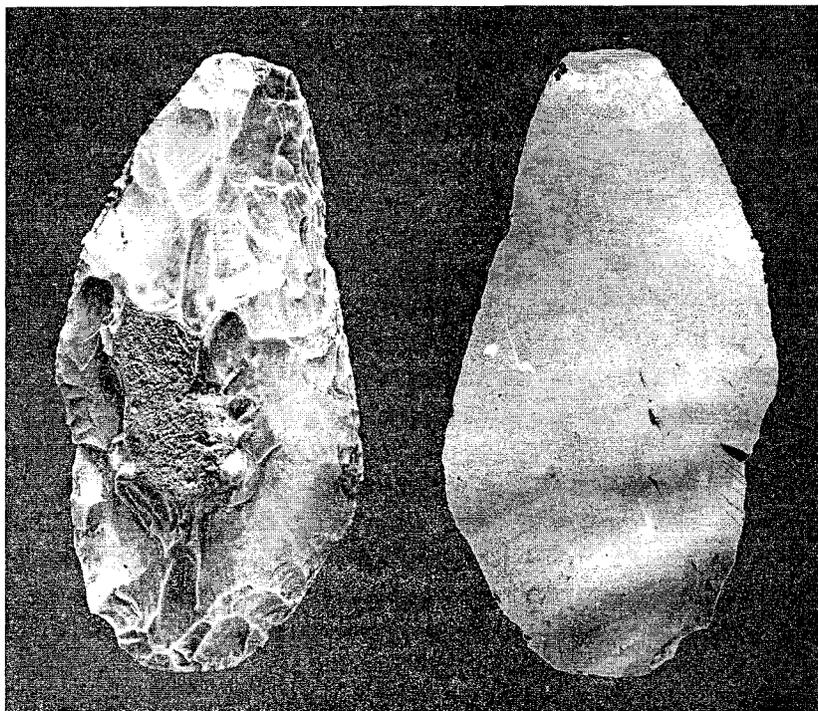

Рис. 8. Скребло из Корнеева Яра (фото Е. Ю. Гиря).
Fig. 8. Scraper from Korneev Yar (foto by E. Yu. Girya).

ктации с гидроксидами марганца; переход вниз постепенный;

4.2 – 4.5 м – витачевский (ed III vt) суглинок бурый, средний, песчаный, слоистый, с прослойками темно-серого (до черного) материала, на контакте с нижележащим слоем – с карбонатным мицелием, переход вниз четкий;

4.5 – 5.3 м – удайский (vd III ud) лесс буровато-палевый, средний, песчаный, рыхлый, бесструктурный, с карбонатными трубочками; переход вниз четкий, неровный;

5.3 – 6.3 м – прилукская (e III pl b2) ископаемая почва лугово-каштановая осолодевшая, с профилем, дифференцированным на генетические горизонты He (5.3 – 5.8 м) и Hi (5.8 – 6.3 м). He – буровато-серый, среднесуглинистый; Hi – темно-коричневый, с темными коллоидными пленками на гранях отдельностей, очень плотного сложения, тяжелосуглинистый; переход вниз заметный, ровный;

6.3 – 7.1 м – прилукская (e II plb1) ископаемая почва бурая, лесная, умеренных фаций; ее Hр горизонт довольно яркой серовато-бурой окраски, песчано-среднесуглинистый, менее уплотненный, чем Hi горизонт pl b2; призматической структуры, со штриховкой гидроксидами марганца; переход вниз постепенный;

7.1 – 8.3 м – кайдакская (e II kd3) ископаемая почва лугово-черноземная осолодевшая, с генетическим профилем, дифференцированным на He (7.1 – 7.7 м) и Hi (7.7 – 8.3 м). He – темно-серовато-коричневый, песчано-тяжелосуглинистый, плотный; Hi – темно-серый до черного, песчано-тяжелосуглинистый, плотный;

8.3 – 10.0 м – кайдакские (d II kd 1c+b1) почвенные отложения (делювий черноземной почвы) темной коричневатой-серой окраски, песчано-среднесуглинистые, рыхлые, бесструктурные, бескарбонатные, с гидроксидомарганцевыми примазками, в основании – с крошкой меловых пород и редкой кремневой галькой; переход вниз резкий, эрозионный;

10.0 – 1.4 м – кайдакская (e II kd 1b1) ископаемая почва буровато-подзолистая, ее j горизонт грязно-бурый, песчано-тяжелосуглинистый, уплотненный;

10. – 11.2 м – днепровский (vd II dn) лесс темно-палевый, средний, песчаный, частично преобразованный кайдакским почвообразованием, с призматической структурой, в карбонатном мицелии.

Ниже днепровского лесса залегают рыхлые меловые породы. Как видно, врез балки в

коренные породы произошел в конце или во второй половине днепровского времени.

Кремневое скребло залегало выше днепровского лесса в основании делювия ископаемой кайдакской черноземной почвы, которая в донном овраге обнажается на значительном протяжении. Скребло находилось в тонкой прослойке, состоящей из мелких окатанных кусочков мела и редких кремневых галек. В описанном выше разрезе данный почвенный делювий отмечен на глубине 8.3 – 10.0 м. Лессово-почвенные отложения непосредственно над местом обнаружения скребла в основной своей части скрыты значительной по высоте осыпью.

По современным представлениям, кайдакская почва региональной украинской стратиграфической схемы соответствует ресс-вюрмской межледниковой ископаемой почве верхнего плейстоцена.

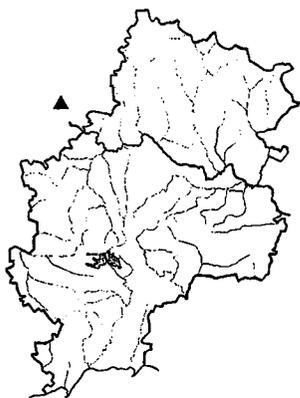
О значительной древности находок свидетельствует и их морфологический облик. Скребло имеет размеры 16.0x8.3x3.0 см (рис.8). Оно изготовлено из крупного кремневого отщепы путем односторонней обивки со стороны брюшка. Вторичная обработка полностью изменила первоначальную форму отщепы-заготовки, площадка и весь ударный бугорок полностью усечены. Энергичная обивка по периметру устранила практически всю корковую поверхность преформы, сделала орудие уплощенным и выпрямленным. Окончательная отделка выполнена мелкими сколами. Ретушь на орудии моделирующая, распространенная, типа Кина. Такую ретушь часто называют «избыточной» и связывают с т. н. «восточно-микокским» технокомплексом. Один из концов орудия (верхний, по рисунку) сформирован при помощи ядрищного способа вторичной обработки. В данном технологическом эпизоде достигался эффект понижения рельефа спинки орудия, так как все вторичные «ядрищные» сколы связаны с продольным ребром на спинке. Скребло имеет неправильно-листовидную форму, образованную двумя замкнутыми лезвиями, одно из которых выпуклое, другое слегка вогнуто. Следы использования в работе в виде выкрошенности и мелкой ступенчатой смятости заметны практически по всей окружности инструмента. На обратной, необработанной стороне вдоль самой кромки лезвий невооруженным глазом видны мелкие и мельчайшие выщерблины. Вместе с тем, В.Е. Щелинский, любезно со-

гласившийся просмотреть орудие под микроскопом, не обнаружил на лезвиях каких-либо сохранившихся микроследов сработанности. Угол заострения выпуклого лезвия колеблется от 40° до 65°, на противоположном лезвии он составляет величину около 30°. Поперечное сечение скребла приближается к форме правильного сегмента. Крупный «слепой» ударный бугорок на спинке образовался, видимо, в результате непреднамеренного удара по кремневой конкреции.

Крупные размеры скребла, характер обработки сближают его с бифасом из Макеевки. Оба орудия изготовлены из крупных массивных кремневых отщепов при помощи моделирующей оббивки и мелкой ретуши, оба уплощены, изящны по своим очертаниям и исполнению.

Архаичные технико-типологические признаки демонстрирует также отщеп размерами 7.0x8.5x2.0 см. Ударный бугорок отщеп занимает почти половину брюшка. Гладкая ударная площадка скошена к брюшку под углом 130°; на площадке видны три конуса от удара крупным отбойником. Второй отщеп меньших размеров, имеет спинку, ограниченную несколькими радиальными сколами; площадка грубо фасетирована.

Видимо, к донецко-празовской группе единичных находок начала среднего палеолита следует отнести рубило из г. Изюм, место нахождения которого пространственно примыкает к Донбассу, а также кремневые бифасы из хут. Сазонов в Подонцовье и из Беглицкой косы на морском побережье недалеко от г. Таганрог Ростовской области России. Отметим также находку треугольного бифаса из с. Балки в соседнем Нижнем Поднепровье [Колесник, 1998].

Изюм (7).

В.Н. Гладилин опубликовал небольшой кремневый бифас, найденный в 1951 г. Д.Я. Телегиным и С.Н. Одинцовой на неолитической стоянке у г. Изюм Харьковской области, но

не обративший тогда на себя должного внимания [Гладилин, 1985, с.17].

С точки зрения стандартных типологических канонов, это небольшой по размеру правильный сердцевидный бифас (рис. 9, 1). Его поверхность сформирована радиально направленными сколами, оставившими крупные пластинчатые негативы. Краевая подправка незначительна. У рубила притупленная пятка, правильное линзовидное поперечное сечение, ровный профиль. Орудие действительно «напоминает лучшие образцы позднеашельских ручных рубил» [Там же]. Коэффициент массивности - 24; коэффициент удлиненности - 140.

По сохранности, кремневому сырью и технике изготовления бифас резко отличается от сопровождающего его неолитического материала, и, видимо, был принесен на стоянку ее неолитическими обитателями.

Бифас из Сазонова [Праслов, 1985, рис.41,1] и один из бифасов Беглицкой косы [Праслов, 1968, рис.60, 1; 1985, рис.41, 4] найдены вне стратиграфического контекста, представлены обломками и их типовая атрибуция не вполне ясна. В Беглице в морском береговом обнажении у места находки обломка рубила *in situ* найден типичный черепаховидный нуклеус. Четкие стратиграфические условия залегания не оставляют сомнений в его послемикулинском возрасте [Иванова, Праслов, 1963]. Второй бифас из Беглицкой косы [Праслов, 1968, рис.61], также найденный в переотложенном состоянии, сохранился полностью и относится к одним из лучших образцов орудий подобного рода на территории Русской равнины. Это крупный (28.0x8.7x4.3 см) эффектный асимметричный листовидный бифас, изготовленный из большой плитки или уплощенной конкреции светло-серого мелового кремня. Он слегка патинирован, практически не окатан. Бифас имеет выраженную удлиненную пяточную часть, асимметричное в плане острие и поперечное сечение, близкое к плоско-выпуклому. Примечательно, что обработка уплощенной стороны предшествовала окончательному формированию выпуклой стороны орудия. Выраженная асимметрия острия в плане и плоско-выпуклая конструкция всего орудия в целом, на наш взгляд, позволяют сравнивать его с широким кругом каменных изделий класса Keilmesser. Небольшой треугольный бифас из с. Балки Запорожской области Украины на левом берегу Днепра по форме близок треугольным рубилам

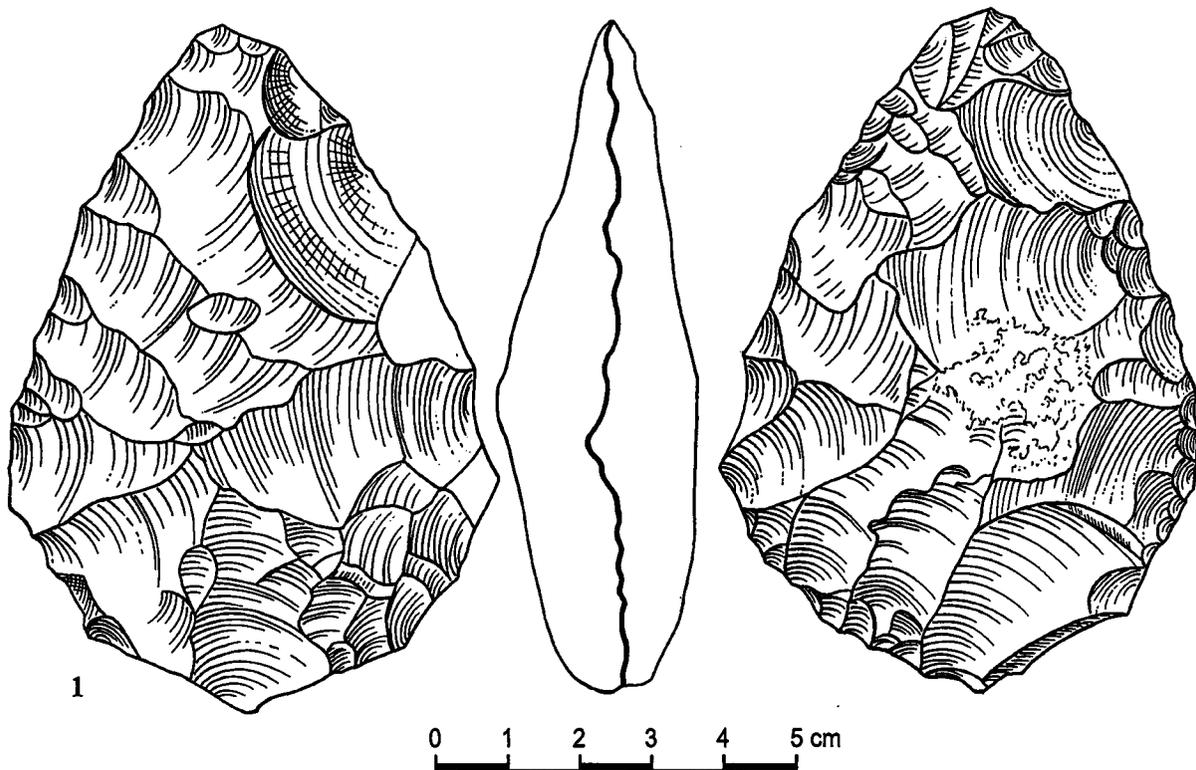

Рис. 9. Рубило из Изюма. По В.Н. Гладилину [1985].
 Fig. 9. Hand axe from Izium. After V.N. Gladilin [1985].

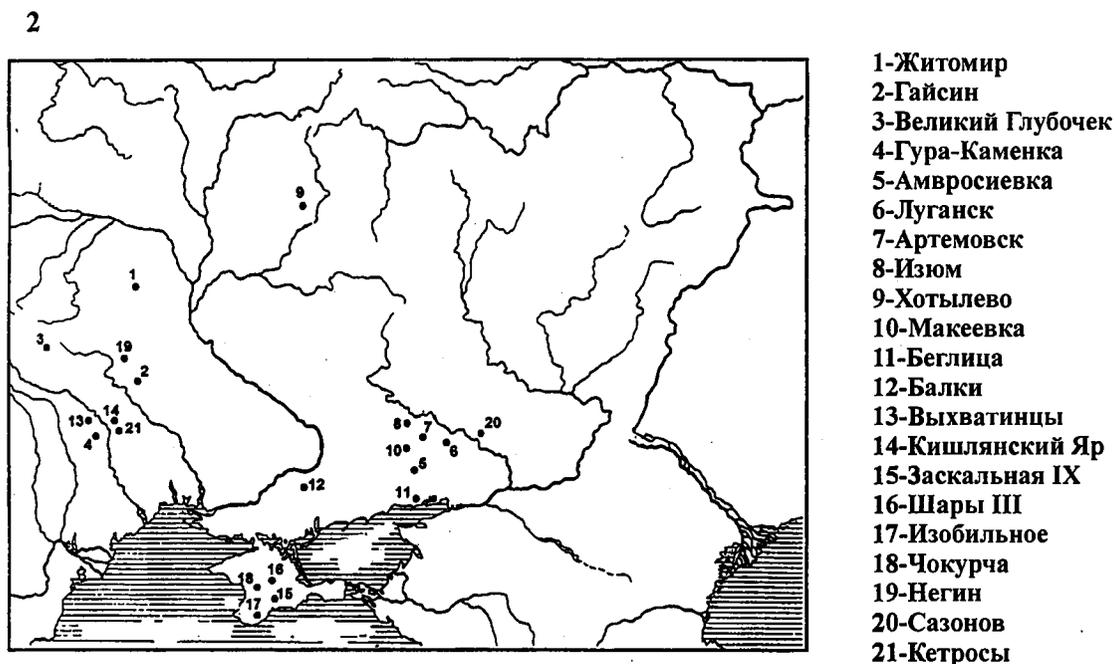

Рис. 10. Карта распространения среднепалеолитических памятников с рубилами на территории Русской равнины и Крыма.
 Fig. 10. The map of the Russian plain and Crimea Middle Palaeolithic sites with hand axes.

польских микокско-прондницких ансамблей [Chmielewski et al, 1975, fig.XVII-1, XXII-2; Kozlowski, Twardowski, 1971].

Упомянем также еще один кремневый бифас (персональное сообщение Н.Д. Праслова), найденный в 70-е гг. геологом И. Горецким в Донбассе при строительстве канала «Днепр-Донбасс».

Таковы краткие сведения об археологических памятниках Донбасса и соседнего Северо-Восточного Приазовья, сопоставимых с ранним этапом среднего палеолита. Как видно, характеристика этого периода в регионе намечается пока что лишь слабым пунктиром. Это свойственно не только Донбассу, но и, в целом, Русской равнине и Крыму, которые значительно уступают Кавказу и Закарпатья по документированности археологическими памятниками конца раннего палеолита – начала среднего палеолита.

Очевидно, что понять типологическое, хронологическое, стадияльное и культурное значение этих немногочисленных древних каменных изделий можно только на общем фоне подобных находок в рамках всей Восточно-Европейской равнины.

Список палеолитических памятников с крупными бифасами на указанной территории относительно невелик и включает находки, образующие на палеолитической карте Русской равнины скопления различной плотности (рис.10). С донецко-приазовским скоплением единичных крупных бифасов сопоставимы, прежде всего, находки в среднем течении Днепра и в верхнем Побужье на юго-западной окраине Восточно-Европейской равнины. В эту территориально обширную группу входят такие памятники, как Великий Глубочек [Сытник, 1993; 1996; Ситник, 2000; Ситник, Богуцкий, 1998], Гайсин [Праслов, 1984], Негин [Анисюткин, 2001], Выхватинцы [Сергеев, 1950; Анисюткин, Кетрату, 1993; 1999; Анисюткин, 2001], Кишлянский Яр [Анисюткин, 1992; Анисюткин, Щербакова, 1986], Кетросы [Анисюткин, 1981; 2002], Кочуров [Праслов, 1984], Гура Каменка [Черныш, 1965].

Территориально обособленно находятся Житомир [Месяц, 1962-а; 1962-б; Праслов, 1984; Кухарчук, Месяц, 1991] и Хотылево [Заверняев

Шмидт, 1961; Заверняев, 1978], давшие наиболее представительные коллекции кремневых ручных рубил, а также единичные рубила из с. Балки на левобережье Днепра [Колесник, 1998]. На местонахождении Коршево на правобережье Верхней Десны [Тарасов, 1986] найдены крупные незаконченные бифасы, которые, возможно, имеют отношение к формированию листовидных острий с двусторонней обработкой, относительно хорошо представленных на расположенной недалеко стоянке Бетово [Тарасов, 1977].

Хронологические позиции подавляющего большинства этих памятников, к сожалению, ущербны или недостоверны. Как и все донецко-приазовские бифасы, рубила из Негина, Гуры Каменки, Балок, Изобильного и Кочурова представляют собой поверхностные сборы и говорить что-либо определенное об их геологических датировках нет оснований. Находки из Корнеева Яра, Великого Глубочка, Кетрос, Житомира и Хотылево залегают в определенных геологических условиях, но первоначальный археологический и стратиграфический контексты этих комплексов сильно нарушены эрозионными процессами, последовавшими вскоре вслед за отложением культурных остатков. Тафономические модели также во многом неясны. Скребло из Корнеева Яра, как отмечалось, залегают на большой глубине в основании делювия кайдакской почвы. Коршевский ископаемый почвенный комплекс стоянки Великий Глубочек с ручными рубилами находится на глубине 5.8 – 6.5 м и определяется геологом А. Б. Богуцким как аналог кайдакской почвы [Ситник, Богуцкий, 1998]. Необходимо сделать оговорку, что А.Б. Богуцкий и А.С. Сытник коршевскую ископаемую почву и, соответственно, кайдакскую почву синхронизируют с рисской (одинцовской) интерстадиальной почвой [Ситник, 2000, с.16]. Для Житомирского комплекса М.Ф. Веклич предполагал возраст от кайдакского до прилукского этапов осадконакопления [Веклич, 1966]. По поводу геологического возраста Хотылево существует довольно много суждений. Версия наиболее ранней датировки галечника с культурными остатками – одинцовское (рисское) время [Грищенко, 1971]. Общепринятой считается датировка этого аллювия концом микулинского интерстадиала (рисс-вюрм) – самым началом валдайского (ранний вюрм) времени [Иванова, 1969; Величко, 1969; Лазуков и др., 1981]. Наиболее оптимальные условия сохран-

ности каменных индустрий отмечаются в Выхватинцах и Чокурче. Однако, в Чокурче кремневый материал из различных литологических горизонтов при раскопках был смешан в один комплекс, хотя по холоднолюбивой вюрмской фауне [Верещагин, Барышников, 1980] ясно, что отложения грота не древнее вюрма. В гроте Выхватинцы в Молдове три небольших кремневых бифаса «микоковского» облика залегают в отложениях среднего слоя, который относится Н.К. Анисюткиным к добрерупской фазе раннего вюрма [Анисюткин, 1992, с.22] или, возможно, к микулинскому времени [Анисюткин, 2001, с.149]. В целом, как видно, для стратифицированных памятников среднего палеолита Русской равнины с крупными бифасами может обсуждаться геологический возраст в пределах ресса – раннего вюрма, но большинство геологических датировок, несмотря на их относительность, группируются в пределах ресс-вюрмского времени.

Хронологический диапазон существования комплексов с подобными орудиями в пределах циркум-средиземноморского бассейна соответствует приблизительно таким же датам от ресса до раннего вюрма. Это видно из сопоставления донецких бифасов с аналогичными орудиями, происходящими из более крупных или лучше датированных палеолитических собраний.

Прежде всего, необходимо сделать оговорку, что мы рассматриваем упомянутые выше изделия как типологически самостоятельные предметы. Крупные бифасы из Хотылево вряд ли могут являться преформой листовидных наконечников [Матюхин, 1996], так как имеют тщательно обработанные симметричные края и, в целом, законченную форму.

Из донецких находок стилистически наиболее выразителен макеевский бифас. Он может сопоставляться как с плоско-выпуклыми каменными инструментами, так и с рубилами на отщепках. Изделия подобного облика представлены во многих уголках распространения позднего ашеля или раннего среднего палеолита.

Технология изготовления крупных бифасов из массивных отщепов сама по себе появляется достаточно рано. Архаичная ашельская индустрия из Тернифана в Алжире содержит около 130 рубил, из которых почти одна треть изготовлена на отщепках [Balout, Viberson, Tixier, 1967]. Примечательно, что при обработ-

ке брюшковой стороны преформы, как правило, срезались площадка и ударный бугорок. Тернифанские рубила на отщепках грубо оббитые, массивные, копьевидные [Ibid., fig. 7,8]. Похожие по технике обработки обсидиановые ручные рубила на массивных отщепках отмечены в большом количестве в поверхностных сборах в урочище Сатани-Дар в Армении [Паничкина, 1950]. Эти рубила с толстым сечением, грубооббитые, укороченных пропорций; возможно, они являются технологическим браком. По типологическим признакам они датируются З.М. Паничкиной поздним ашеlem, В.П. Любиным – верхним финальным ашеlem [Любин, 1984, с.61]. Многочисленные кремневые и кварцитовые рубила на отщепках изучались нами с В. Ситливым среди классических позднеашельских коллекций из Северо-Запада Франции, хранящихся в фондах Брюссельского Королевского музея истории и искусств.

В кругу наиболее близких технико-типологических аналогий макеевскому бифасу, прежде всего, находятся неоднократно опубликованные крупные великолепно выполненные удлиненные плоско-выпуклые бифасы из местонахождения Волверкот в Оксфорде, Англия. Так называемая индустрия Волверкот Канал (Wolvercot Channel Industry) известна с начала XX в. по обширной коллекции, которая содержит более 80 ручных рубил [Roe, 1981, p.118-119]. Большинство из этих рубил выполнены в специфической плоско-выпуклой технике и сопоставляются Д. Роем, в широком плане, с континентальным микоком, включая инвентарные типы германского микока. Бифасы делались из крупных отщепов при помощи мягкого отбойника, имеют D-образное или растянутое треугольное поперечное сечение, выраженную острийную в плане форму [Ibid., p.122-123]. В Англии, помимо эпонимного памятника, рубила типа «Волверкот» обнаружены еще на нескольких соседних местонахождениях. К сожалению, геологический возраст большинства этих находок спорен или неизвестен. Исходя из типологических аналогий и общих рассуждений о характере эволюции раннего и среднего палеолита в Англии, Д. Рой помещает эту индустрию в финал ашеля и отмечает, что единственные датированные бифасы типа «Волверкот» происходят из отложения морского пляжа в местности Хилл Хед на юге Англии и датируются поздним Ипсвичианом [Ibid., p.130]. С поздним, в

пределах ашеля, возрастом индустрии согласны большинство специалистов, которые высказывались в последнее время по этому поводу. Отложения английского Ипсвичиана принято сопоставлять с рисс-вюрмским почвенным ископаемым комплексом и датировать стадией 5e по кислородно-изотопной шкале [Roberts, Gamble, Bridland, 1995, p.166].

Близкие по форме плоско-выпуклые бифасы происходят из классического микокского слоя 6 стоянки ЛаМикок на юго-западе Франции [Peugni, 1938].

Из старых находок отметим также частично-двустороннее рубило на отщепе, найденное в среднем слое позднеашельской стоянки Сиди-Зин в Тунисе [Vaufrey, 1955; Gober, 1962]. Округлая пятка и тщательная ретушная обработка краев этого орудия весьма напоминает характер обработки макеевского бифаса. Круг типологических аналогий макеевскому бифасу можно существенно расширить, но уже этот перечень показывает, что наиболее корректные аналогии встречаются в комплексах, традиционно относимых к позднему ашелю с датировками, близкими к рисс-вюрму.

Остальные крупные донецкие бифасы обладают типологической обтекаемостью и с некоторой осторожностью могут сопоставляться со стандартными ашельскими типами. Рубила из Амвросиевки, Луганска, Изюма и Артемовска имеют утолщенную базальную часть и форму, близкую к сердцевидной или миндалевидной. Видимо, амвросиевский и луганские экземпляры попадают в вариационное поле сердцевидных бифасов, хотя не являются плоскими (то есть не имеют заостренную в профиле пятку), а изюмский и артемовский образцы напоминают миндалевидные рубила (рис. 11, I). От классических миндалевидных рубил Западной Европы их отличает отсутствие выраженной массивной пятки. Изюмский бифас во многом похож на рубило из Кочурова [Праслов, 1985, рис.41, 5]. Следует отметить, что эти бифасы могут быть охарактеризованы как неправильно-ромбовидные, так же как и бифас из Артемовска. Пожалуй, наиболее достоверна типологическая атрибуция относительно небольшого плоского треугольного бифаса из с. Балки [Колесник, 1988; Kolesnik, 1988].

Немногочисленные среднепалеолитические бифасы юга Русской равнины [Праслов, 1984; Колесник, 1988; Kolesnik, 1988], в целом,

демонстрируют определенное типологическое своеобразие. На фоне типологически нейтральных рубил, напоминающих классические сердцевидные (рис. 11, II) и миндалевидные (рис. 11, III), выделяются небольшие бифасы с вытянутым параболическим корпусом и прямым основанием в Житомирской стоянке [Кухарчук, Месяц, 1991, рис.3, 4], крупные уплощенные рубила с широкой округлой пяткой и субпараллельными в средней части краями в Хотылево [Заверняев, 1978]. Серийность этих орудий свидетельствует о том, что они делались по определенному шаблону и не являются случайными. Бифасы с параболическим корпусом по конструкции близки бифасам Семияблоневского местонахождения на Северном Кавказе. Эти находки происходят из современного речного аллювия, но по ряду аналогий с соседними палеолитическими памятниками, датированными более надежно, сопоставляются Л.В. Головановой с местным поздним ашелю [Голованова, 1994, с.99-100]. Близкие формы отмечены в пятом и шестом культурно-хронологических комплексах Королево в Закарпатье [Гладилин, Ситливый, 1990]. Есть они в ашеле Кавказского региона: в Гористави в Южной Осетии и в пещере Кударо I [Любин, 19]. Типологическая номенклатура этих бифасов неодинаковая у различных авторов. Их называют бифасами подпрямоугольных очертаний [Любин, 1998, рис.15], полуовальными базально-усеченными или базально-притупленными рубилами [Гладилин, Ситливый, 1990, с.171], миндалевидными пяточными или базально-притупленными рубилами [Кухарчук, Месяц, 1991, с.24] и т. д. Общим для них является прямое в плане основание (пятка) и удлиненный корпус в форме неправильного полуовала, параболы, треугольника или прямоугольника, причем размытость геометрических очертаний корпуса при прямой пятке стандартно повторяется (рис. 11, IV). Судя по геологии Королево-I, бифасы этого типа могут иметь дорисский возраст [Гладилин, Ситливый, 1990, с.30].

Крупные бифасы Восточно-Европейской равнины существенно разнятся между собой по коэффициенту массивности и коэффициенту сечения. На общем фоне, прежде всего, выделяются грацильные бифасы Хотылево, у целых образцов которых ширина стандартно превышает толщину в два и более раза. Остальные бифасы, как правило, имеют относительно широкое

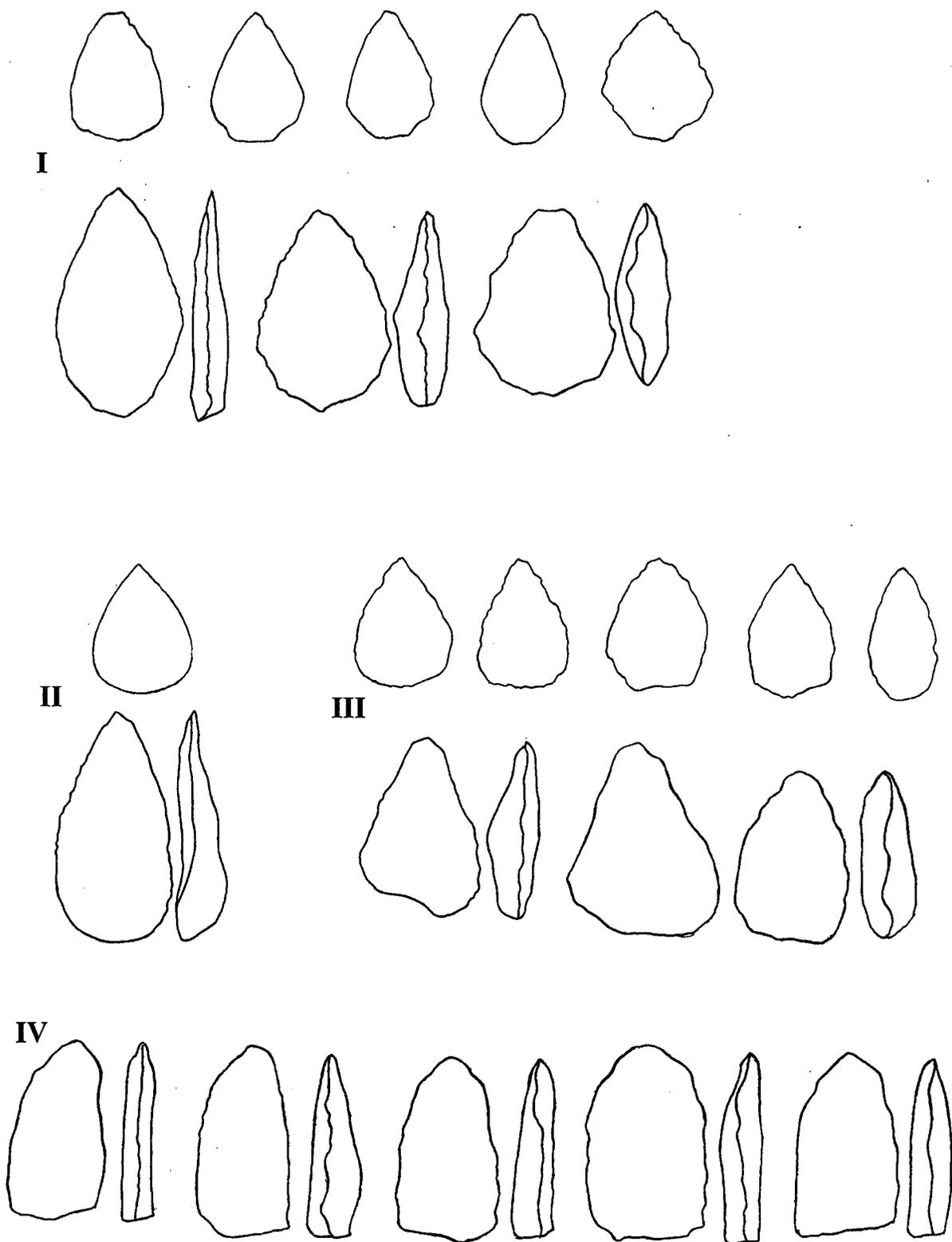

Рис. 11. Типологическая вариабельность некоторых рубил Восточной Европы.
 Fig. 11. Typological variability of the same Eastern Europe hand axes types.

поперечное сечение с соотношением ширины к толщине 2:1. В крупных собраниях бифасов близкого времени такое соотношение длины и ширины является наиболее частым [Copeland, 1989].

Разброс значений коэффициента массивности ручных рубил выражен более существенно. Он колеблется от величины 12.8 (Изобильное) до 37.4 (Великий Глубочек). Конечно, коэффициент массивности сам по себе не может быть критерием возраста рубила, однако, не вызывает сомнений тенденция грацилизации рубил во времени. Архаичные ручные рубила, как правило, имеют коэффициент массивности в районе 30-40 и по этому показателю приближаются к чопперовидным и, в целом, галечным орудиям. Ранневюрмские рубила отличаются гораздо более грацильными пропорциями и коэффициентом массивности в пределах 20 и ниже. Массивность большинства рубил развитого и позднего ашеля, как кажется, помещается в диапазоне 20-30. Большинство рубил Донбасса попадают в среднюю параметрическую группу. На этом фоне резко выделяется тонкое и изящное рубило из Артемовска, которое по коэффициенту массивности приближается к крымским прото-ножам из кремневой плитки (Заскальное IX, Изобильное).

В целом можно сказать, что крупные кремневые и кварцитовые бифасы Восточно-Европейской равнины не являются тождественными классическим ашельским образцам Западной Европы. Некоторые сердцевидные и треугольные рубила Русской равнины напоминают классические формы, но общий типологический фон всех бифасов является все же отличным от ашельского.

Морфологическое и параметрическое разнообразие перечисленных ручных рубил позволяет предполагать не только их культурную, но и хронологическую неоднородность. Представляется, что достоверно зафиксированный кайдакский (рисс либо рисс-вюрм – в зависимости от геологической корреляции) хронологический этап отражает нижнюю дату существования восточно-европейских комплексов с ручными рубилами. На этом этапе сосуществовали как комплексы с рубилами, так и уже сложившиеся чисто отщеповые комплексы без крупных рубящих инструментов.

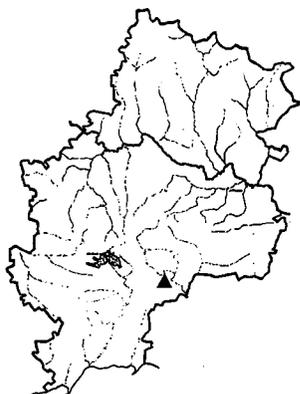
Немногочисленные на Русской равнине пункты находок ручных рубил занимают проме-

жуточное положение между памятниками Северного Кавказа и Центральной Европы. Иногда районы, расположенные западнее Русской равнины, показывают как зону, свободную от ручных рубил [Encyclopedia ..., 1988, p.172]. В действительности в Центральной Европе таких зон нет. Количество находок рубил заметно уменьшается к востоку от Рейна, на что в свое время обратил внимание С.Н. Замятнин [Замятнин, 1953], но никогда не достигает нуля. Редкие рубила известны в Польше [Kozłowski J., Kolzłowski S., 1977], Моравии [Svoboda et al., 1994], Югославии [Vukovich, 1967], в украинском Закарпатье [Гладилин, Ситливый, 1990]. С географической точки зрения, местонахождения рубил Русской равнины продолжают широкую полосу с редкими находками этих орудий, идущую от Германии через Польшу к Северному Кавказу.

Положение между двумя крупнейшими и древнейшими центрами палеолитических традиций (Западная и Центральная Европа – Кавказ и Передняя Азия) неизбежно ставит на повестку дня вопрос, затронутый в первой фразе настоящей главы. К какому из этих двух полюсов тяготеют ранние памятники среднего палеолита Русской равнины и Донбасса как составной части Равнины? В аспекте проводимого сравнительного анализа донецко-приазовских бифасов вопрос может быть сужен: какие технико-типологические параллели выглядят предпочтительней – западные или юго-восточные? Если отвлечься от того обстоятельства, что с классическим ашелем Западной Европы эти находки несравнимы, следует признать, что по мономерным признакам ни один из этих двух вариантов не может быть безоговорочно принят. Поздний ашель с рубилами достаточно полиморфен на обширных пространствах, но нигде не образует таких сочетаний. Немного оснований и для сравнения этих находок с каким-либо региональным ранним микоком. Как известно, памятники с микокским набором признаков, помимо Западной и Центральной Европы, встречаются и на Ближнем Востоке [Garrod, Bate, 1938], и в Северной Африке [Wendorf, Schild, 1977]. С большой долей осторожности все же можно допустить, что рубила Русской равнины сравнимы в большей степени с похожими изделиями из Центральной Европы, нежели из Кавказа. До появления новых памятников вопрос этот вряд ли выйдет из плоскости дискуссии.

ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. ВОЛЧЬЯ И РЕК СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

АНТОНОВКА (8)

Среднепалеолитические стоянки возле с. Антоновка Марьинского района Донецкой области длительное время служили своеобразной визитной карточкой Донецкого региона в украинских археологических изданиях по палеолиту в 70-90-е гг.

XX в. И по сей день эти памятники остаются самыми крупными в Донбассе палеолитическими объектами, а добытые на них в ходе раскопок коллекции – самыми многочисленными и полными собраниями каменных артефактов.

История исследования

Первые сведения о находках патинированных кремней из окрестностей с. Антоновка поступили в Донецкий областной краеведческий музей весной 1962 г. Учительница средней школы с. Константиновка Марьинского района Т.И. Цвелева передала в музей небольшую коллекцию архаичных по виду кремней, собранных учениками в оврагах и в заброшенной каменоломне на правом берегу р. Сухие Ялы. В это время сотрудник Института археологии АН УССР В.Н. Гладилин проводил в Донбассе поиск новых палеолитических памятников и заинтересовался находками. Осмотр участка речного берега напротив с. Константиновка привел В.Н. Гладилина к старому карьере по добыче песка на восточной окраине с. Антоновка. Войдя в карьер, В.Н. Гладилин оказался «... вдруг среди россыпи патинированных кремней. Уже при первом обследовании памятника удалось собрать коллекцию более чем из двух тысяч предметов» [Гладилин, 1974, с.8]. Этот эпизод определил и дальнейшую раскопочную судьбу памятника, и, в какой-то степени, последующие научные интересы самого В.Н. Гладилина.

Систематические раскопки памятника осуществлялись в 1963-1965 гг.

В 1963 г. после зачисток стенок песчаного карьера на месте максимального скопления кремней был заложен раскоп, ориентированный по сторонам света (раскоп I). Тогда же в ближайших окрестностях от среднепалеолитического памятника был найден еще один пункт с позднепалеолитическими кремнями. В 1964 г. прошлогодний раскоп был существенно расширен, дополнительно проводилась широкомасштабная шурфовка всего памятника. Один из шурфов ниже по склону от котлована прорезал переотложенные остатки еще одной стоянки и перерос в отдельный раскоп (раскоп II). Найденная первой и лежащая стратиграфически и топографически выше разрушенная эрозийными процессами стоянка получила название Антоновка I, залегающие под ней горизонт с культурными остатками – Антоновка II. Раскапывалась также позднепалеолитическая стоянка Антоновка III, расположенная в 300-х м к востоку от карьера [Гладких, 1967; 1969]. Полевые работы 1965 г. сосредоточились в двух начатых ранее раскопах. Дополнительная шурфовка позволила более точно установить размеры, топографию и стратиграфию всего памятника, характер залегания переотложенных культурных остатков [Гладилин, 1966; 1967; 1969].

Для изучения геологии стоянки был приглашен видный украинский палеогеограф М.Ф. Веклич. Ему принадлежат все описания геологических разрезов, определения литологии осадков, геологические датировки и корреляции.

За три полевых сезона раскопами и шурфами была вскрыта площадь 562 м кв. Раскоп I имел площадь 280 м кв., разбитый на 25 м ниже по склону раскоп II – 128 м кв. Глубина раскопов колебалась от 1 м до 7 м. Всего за время работ 60-х гг. были вырыты 96 шурфов, опущенных до основания четвертичных отложений. Размеры шурфов 0.8-2.0 м. Они составили 16 линий, полностью накрывших древний мыс с культурными остатками. Основная линия шурфов протянулась от поймы до плато, остальные 15 линий образовали поперечные пунктирные сечения четвертичных отло-

жений мыса. Установлено, что культурные остатки распространяются в виде треугольного конуса выноса, основание которого лежит на уровне поймы, а вершина упирается в уступ III надпойменной террасы. Мощность культуроросодержащего горизонта нарастает сверху вниз, от верхнего террасового уровня к пойме реки [Гладилин, 1974-а].

Фаунистические остатки были обнаружены В.Н. Гладиллиным только среди культурных остатков стоянки Антоновка II. Автор раскопок отмечал, что кремни этой стоянки не окатаны, имеют острые грани и практически не патинированы. Переотложение кремней не привело к их значительной сортировке. Кремневые изделия стоянки Антоновка I, наоборот, сильно окатаны и забиты, покрыты плотной фарфоровидной патиной. Среди сборов 60-х гг. со стоянки Антоновка I преобладают кремни крупной фракции, мелких отщепов и чешуек непропорционально мало.

Археологическая оценка полученных материалов не оставалась постоянной в работах В.Н. Гладиллина. В первых публикациях материалы из Антоновки оценивались сквозь призму традиционной бордовской типологии [Гладилин, 1967; 1969]. Однако вскоре В.Н. Гладилин отошел от этой схемы и предложил собственную оригинальную классификацию каменных орудий раннего палеолита [Гладилин, 1971]. Как известно, типо-лист Ф. Борда был рассчитан на типологические стандарты Западной Европы и не учитывал типологические вариации среднего палеолита с двусторонними орудиями из Центральной и Восточной Европы. Типология двусторонних обушковых ножей, составляющих сердцевину многих т.н. «восточно-микокских» комплексов, была предложена Г. Босинским несколько позже [Bosinski, 1967]. По типологическим и статистическим критериям бордовской схемы Антоновка формально должна была быть отнесенной к мустье типа Кина, что явно не соответствовало действительности. Этот диссонанс стал одним из побудительных мотивов для разработки В.Н. Гладиллиным оригинальной типологии каменных орудий среднего палеолита. Антоновке отводилась роль иллюстрации новой типологической схемы [Гладилин, 1974; 1976]. Следует сказать, что период конца 60-х - начала 70-х гг. был временем триумфа бордовской типологии каменных орудий среднего палеолита, и любая попытка смот-

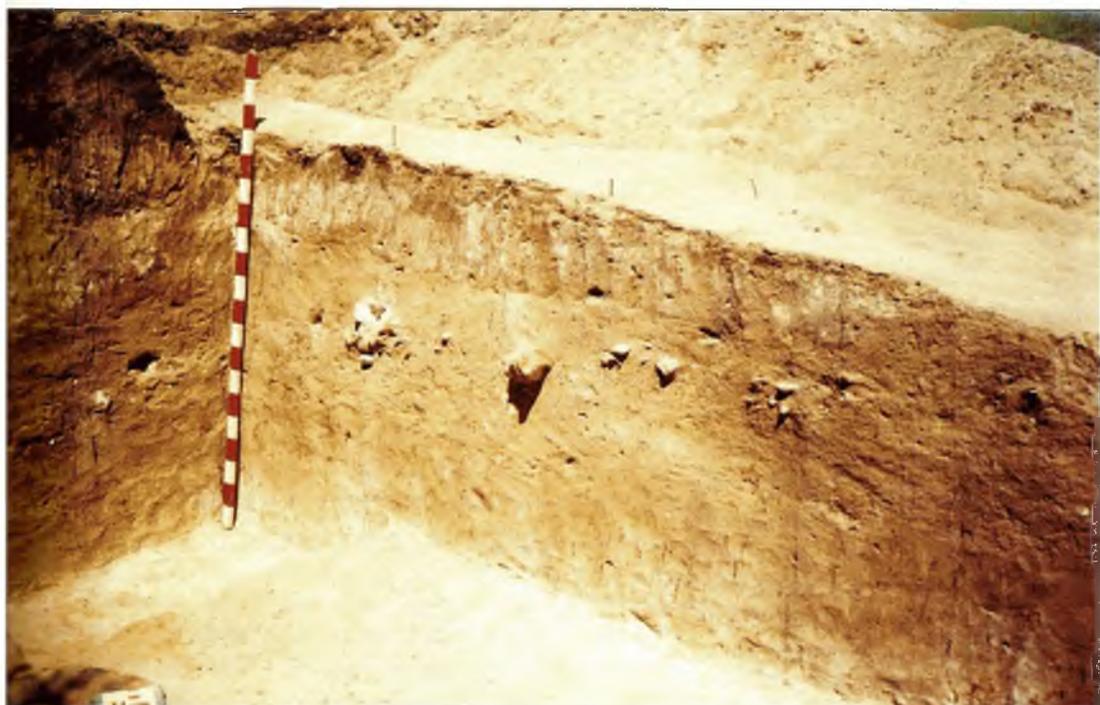
реть на восточноевропейские комплексы не с запада, а с востока требовала большого научного мужества. Параллельно с классификацией каменных орудий В.Н. Гладилин разработал схему локального членения индустрий раннего палеолита [Гладилин, 1966; 1971]. В ходе эволюции его взглядов антоновская индустрия рассматривалась сначала как вариант мустье (или леваллуа-мустье) с ашельской традиций [Гладилин, 1971, с.35-36], потом - как особый тип восточномикокской фации варианта мустье двустороннее [Гладилин, 1985, с.49-50]. Выделялась особая антоновская культура раннего палеолита Восточной Европы [Гладилин, 1971, с.37; 1974].

Вокруг классификации Гладиллина и принципов локального членения палеолитических индустрий до сих пор не умолкают споры, однако при этом сами антоновские материалы остаются как бы в тени. Масштабные раскопочные работы, исчерпывающая публикация крупной выборки материалов в монографии 1976 г., терминологически отточенные формулировки, яркий литературный стиль всех связанных с Антоновкой текстов надежно забальзамировали сам памятник и коллекцию и защитили их от возможной критики. Оппоненты высказываются не столько о самих коллекциях, сколько по поводу принципов их описания [Праслов, 1984, с.101-102; и др.].

Вместе с тем, с высоты нашего времени очевидно, что необходимы новые геологические коррекции слоя с культурными остатками антоновской индустрии, желательна оценка степени редукции кремневого комплекса, детальный тафономический анализ находок, и т. д. В принципе, это касается не только Антоновки, но и многих других памятников среднего палеолита, раскопанных и обработанных 30-40 лет назад по принятым тогда полевым и кабинетным методикам. Руководствуясь этими соображениями, в 2001-2002 гг. автор произвел незначительную по площади шурфовку стоянок. Необходимость возобновления работ на памятнике диктовалась также тем обстоятельством, что склоны карьера активно разрушаются естественными процессами, при этом на поверхности встречаются тысячи каменных поделок. За прошедшие с момента раскопок 60-х гг. неполных 40 лет карьер существенно расширился, в основном за счет эрозии, и определить место прежних раскопок можно только приблизительно

1

2

Рис. 12. Антоновка-II. Профиль раскопа 2001-2002 гг.
Fig. 12. Antonovka-II. Profile of the excavation 2001-2002.

1

2

Рис. 13. Антоновка-II. Ручное рубило (1), профиль раскопа 2001-2002 гг. (2).
Fig. 13. Antonovka-II. Hand axe (1), profile of the excavation 2001-2002 (2).

но, руководствуясь старой съемкой и планом раскопов. Новые полевые работы ограничились закладкой небольшой стратиграфической траншеи на восточном склоне карьера с целью локализации наиболее насыщенного находками слоя, а также двух больших шурфов площадью по 12 м кв. каждый. Шурф №1 на западном склоне карьера вскрыл маломощный техногенный горизонт с небольшим количеством сильно патинированного кремня; ниже залегали пески полтавского яруса плиоцена. Шурф №2 на восточном борте карьера был прирезан к стратиграфической траншее, выявившей насыщенный кремневыми изделиями горизонт почвенного делювия. Из-за большой насыщенности этого горизонта кремневыми изделиями работы в шурфе велись два полевых сезона. Шурф №2 расположен, видимо, в нескольких метрах южнее раскопа I В.Н. Гладилена. Не вызывает сомнений, что свежие на вид находки из делювия верхнеплейстоценовой ископаемой почвы соответствуют археологическому комплексу стоянки Антоновка II. Из шурфа №2 и прилегающей стратиграфической траншеи происходят 11584 кремня. Комплекс патинированных и окатанных кремневых изделия из современной почвы шурфов №№1 и 2, а также патинированные кремни из поверхностных сборов (выборка) насчитывают 109 шт. Видимо, их следует соотносить с материалами стоянки Антоновка I.

Топография памятника

Антоновские среднепалеолитические стоянки находятся на правом берегу р. Сухие Ялы,

недалеко от верховьев реки. Р. Сухие Ялы является притоком р. Волчьа, которая впадает в Днепр с левой стороны. Долина р. Сухие Ялы хорошо выработана, имеет ширину до 2 км при глубине до 40 м. Левый берег реки пологий со слабо расчлененным рельефом. Высокий правый (северный) берег реки состоит из нескольких террас, разрезан многими балками и оврагами. Речные террасы правого берега хорошо видны на топографической карте. Ясно фиксируются уровни трех террас. Они имеют следующие отметки: первая надпойменная терраса возвышается над уровнем поймы на 5-6 м, вторая надпойменная терраса – на 14-15 м, третья надпойменная терраса – на 20-25 м. Современный рельеф террас выглядит несколько сглаженным, но различия в их строении хорошо прослеживаются в произведенных шурфах.

На месте археологического памятника правый берег реки образует мысообразную возвышенность высотой до 25-30 м. Эта возвышенность доминирует над местностью и хорошо видна издалека. Древние стоянки расположены на склоне мыса с благоприятной южной экспозицией. Возможно, эти топографические особенности, наряду с другими причинами, и обусловили активное заселение данного участка местности в палеолитическое время.

Приближенный к пойме реки участок поверхность мыса почти наполовину разрушен карьером по добыче песка (рис.14). Этот карьер находится в 100 м к востоку от восточной окраины с. Антоновка. Юго-восточные склоны мыса также пострадали в результате разработ-

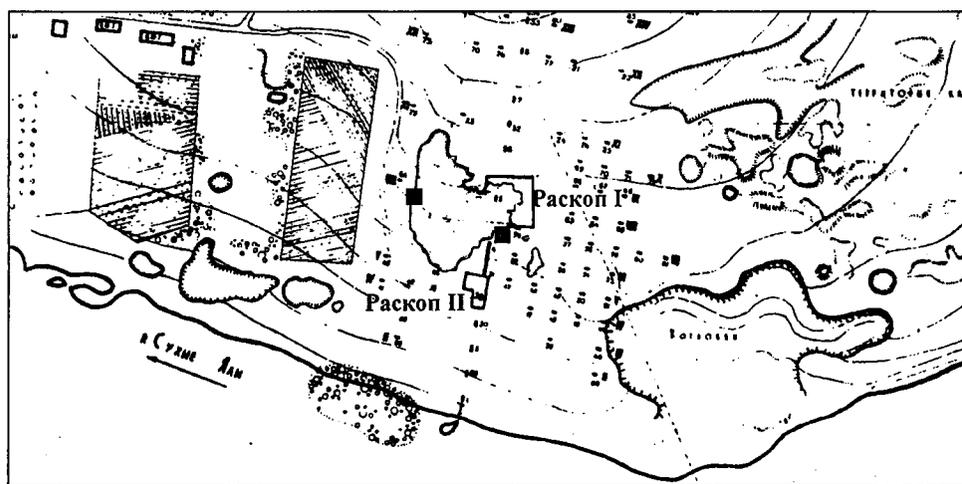

Рис. 14. Антоновка. План местонахождения.
Fig. 14. Antonovka. Situation plan.

ки карьера по добыче песчаника. Сохранившись участки мыса с переотложенными культурными остатками представляют собой небольшую часть некогда очень крупного палеолитического памятника. На основании шурфовок В.Н. Гладилин установил, что площадь распространения остатков стоянки Антоновка I достигала около 25000 м кв., а Антоновки II – более 9000 м кв. [Гладилин, 1974-а, с.19, 22]. Отдельные палеолитические кремни встречаются на полотне грунтовой дороги в восточной части села в 300-400 м к западу от карьера.

Стратиграфия памятника

Беспрецедентно масштабная шурфовка памятника в первой половине 60-х гг. позволила установить детальную стратиграфию и создать пространственную модель четвертичных покровных отложений правого борта долины р. Сухие Ялы в пределах локализации палеолитических остатков. В изданной недавно статье В.Н. Гладилин дает суммарную характеристику строения четвертичного чехла, опираясь на определения осадков, выполненные в свое время в полевых условиях М.Ф. Векличем [Гладилин, 2001].

Правый борт долины реки имеет типичное террасовое строение со слоистыми склоновыми отложениями. В.Н. Гладилин предлагает четыре генерализированных вертикальных разреза на краю III надпойменной террасы и на поверхности II надпойменной террасы. Эти разрезы отражают принципиальное строение террас и показывают относительную (усредненную) мощность включенных в них осадков.

Разрез на краю III надпойменной террасы может быть представлен в следующем виде:

0.0 – 0.3 м – современная почва – мелкопесчаная щебнистая супесь;

0.3 – 1.3 м – щебень и глыбы кварцитового песчаника, представляющие собой остатки пласта полтавской серии;

1.3 м и ниже – пески полтавской серии – разноструктурные, пестрые, с прослоями вторичного каолина.

Ниже по склону (уступ III надпойменной террасы и верхняя по склону часть II надпойменной террасы) стратиграфическая колонка более выражена:

0– 0.6 м – современная почва – обычно-

венный чернозем с делювиальным прослоем обломков кварцитовидного песчаника в нижней части;

0.6 – 2.7 м – супеси мелкозернистые желтовато-светло-серых, желтых и оранжевых оттенков с прослоями вторичных каолинов; прорезаны ходами корней растений и червоточинами; выклиниваются вверх и вниз по склону;

2.7 – 2.9 м – вторичный каолин; прорезан ходами корней растений; выклинивается вниз по склону;

2.9 м и ниже – разнозернистые и разноокрашенные пески полтавской серии с прослоями вторичного каолина и песчаников.

Еще ниже по склону этой же террасы В.Н. Гладилин описывает следующие отложения:

0.0– 1.0 м – современная почва – оподзоленный чернозем с обломками песчаника;

1.0– 1.2 м – суглинок лессовидный, крупнопылеватый, карбонатный, желто-палевый, делювиального происхождения, с обломками песчаника, количественно возрастающими в базальном горизонте; прорезан ходами корней растений и червоточинами; локализуется у края террасы и в древних промоинах несколько выше по склону;

1.2 – 1.7 м – супесь грубозернистая, желтовато-серая, делювиальная; выклинивается вверх по склону, замещаясь крупнозернистыми серыми делювиальными песками; в верхней части этих песков южной стенке раскопа I 60-х гг. отмечены следы древнего почвообразования в виде гумусного заполнения вертикальных трещин, начинающихся от подошвы лессовой толщи и идущих до базальной части песка;

1.7 м и ниже – пески полтавской серии.

Наиболее полная стратиграфическая картина вскрыта раскопом на восточной окраине карьера. В районе раскопа, расположенного у края и на уступе второй надпойменной террасы, отмечены следующие напластования:

0.0– 1.2 м – современная почва – оподзоленный чернозем с мелкими обломками кварцитовидного песчаника, не образующими выраженного прослоя;

1.2 – 1.9 м – суглинок лессовидный, крупнопылеватый, карбонатный, желто-палевый, делювиальный с обломками песчаника, сосредоточенными, главным образом, в базальной части; прорезан ходами корней растений, кро-

товинами и червоточинами; мощность увеличивается в направлении русла реки;

1.9 – 2.9 м – три горизонта делювия ископаемой почвы:

а) суглинок мелкопесчаный, карбонатный, бурый (мощность в среднем 0.4 м);

б) суглинок мелкопесчаный, карбонатный, желто-бурый с неясными прослоями менее карбонатного и более опесоченного (мощность в среднем 0.4 м);

в) суглинок мелкопесчаный, карбонатный, темно-бурый (мощность в среднем 0.2 м);

Все три горизонта разбиты морозными клиньями, заполненными суглинком вышележащего слоя и прорезанными ходами корней растений, кротовинами и червоточинами; слой выклинивается вверх по склону у края II надпойменной террасы;

2.9 – 3.6 м – супесь грубозернистая, желтовато-серая, делювиальная с обломками песчаника, количественно нарастающими книзу; прорезана ходами растений, кротовинами и червоточинами; мощность увеличивается вниз по склону;

3.6 – 3.7 м – пески мелкозернистые, разноокрашенные, неровно слоистые; отмечены в южной части раскопа;

3.7 м и ниже – пески полтавской серии разнозернистые и разноокрашенные с прослоями рыхлых железистых песчаников и мелкой кремневой галькой.

Близкая по характеру стратиграфия, но с более растянутыми по вертикали горизонтами, зафиксирована в серии шурфов, расположенных ниже по склону на уступе второй террасы и на поверхности первой террасы.

В раскопе I собрана основная коллекция стоянки Антоновка II. В своей массе каменные изделия приурочены к желтовато-серой грубозернистой супеси (2.9 – 3.6 м), где они находятся во взвешенном состоянии. В северной части раскопа и в траншее изделия залегали лишь в верхней части этого слоя. На уступе террасы они встречались во всей толще супеси, количественно нарастая книзу. Несколько прослоев аналогичных изделий по сохранности были встречены также в среднем горизонте делювия ископаемой почвы; единичные кремни залегали и выше. В.Н. Гладилин [Гладилин, 1974, с.25] отмечает стерильность нижнего горизонта делювия почвы (темно-бурый карбонатный мелко-

песчаный суглинок), перекрывающего основной культуросодержащий горизонт памятника на этом участке.

В собранной коллекции присутствуют как крупные, так и мелкие предметы. Края кремней острые, поверхность не заглажена.

Стратиграфическим репером в описанном выше разрезе выступает ископаемая почва, расслоенная, по В.Н. Гладилину, на три делювиальных горизонта. Почва перекрывает основной слой супеси с культурными остатками стоянки Антоновка II. М.Ф. Веклич определил эту почву как витачевскую. Согласно взглядам М.Ф. Веклича и представителей его школы, витачевская почва синхронизировалась с брерупским интерстадиалом [Веклич, 1968, с.217]. Исходя из этого обстоятельства, во всех последующих изданиях В.Н. Гладилин датировал материалы Антоновки II не моложе добрерупской фазы раннего вюрма [Гладилин, 1985]. Переотложенные с более высокой точки материалы стоянки Антоновка I, соответственно, датировались по косвенным признакам от конца ресса до начала вюрма.

Разрез 2001 г. осмотрела Н.П. Герасименко, которая определила следующие стратиграфические горизонты по юго-западной стенке нашего небольшого раскопа (шурф №2):

0.0 – 0.50 м – (h1 A1) горизонт (0.0-0.3 м) – темно-серый, мелкопесчано-суглинистый, уплотненный, непрочно-комковатый, с кротовинами, выполненными лессовым материалом. Переход вниз отчетливый, с гумусовыми затеками. Местами мощность увеличивается до 0.6 м. В горизонт (0.3-0.5 м) – ярко-бурый, с оранжевым оттенком, мелкопесчано-суглинистый, призматический, с коричневыми гумусово-коллоидными пленками на гранях отдельностей, плотного сложения, с обломками песчаников. Переход вниз очень четкий, местами карманообразный.

0.50 - 0.73 м – (pc-bg) – лессовидный суглинок, палево-желтый, с белесыми пятнами карбонатов, легкосуглинистый, комковато-глыбистый, слабо уплотненный, со следами колоссальной фаунистической активности: кротовины, червороины и сурчина, выполненные гумусовым материалом. Переход вниз резкий, эрозийный.

0.73 – 1.07 м – (vt_{б3}) – каштановая почва, ее В горизонт, возможно солонцовый. Местами

прослеживается и ее маломощный гумусовый горизонт темновато-серой окраски. В горизонт – коричневатый с красноватым оттенком, более темный, но менее яркий, чем В горизонт голоцена. Плотного сложения, с призматической структурой, очень сильно окаربоначен (белоглазка, затеки карбонатов по граням отдельностей). Переход вниз заметный. Прослеживаются небольшие линзы светло-серого непочвенного материала.

1.07 – 1.75 м – (vt_{b_2}) – почвенный делювий, коричневато-бурый, более светлоокрашенный, чем вышележащая почва, суглинисто-супесчаный, с колоссальным количеством обломков песчаника и с остатками переотложенного культурного слоя, насыщенного кремневыми артефактами. Бесструктурный, уплотненный, опесчаненность возрастает книзу. Переход вниз постепенный, но также прослеживаются небольшие линзы светло-палевого непочвенного материала.

1.75 – 2.11 м – (vt_{b_1}) – слабо развитая ископаемая почва, сформированная по аллювию, возможно, с эродированной поверхностью. Светло-серовато-бурая, менее яркая по окраске, чем вышележащие слои, супесчаная, неуплотненная, бесструктурная. Переход вниз отчетливый, но плавный, естественный, без перерывов, осложненный червороинами, а местами трещинами, выполненными бурым почвенным материалом, до 0,5 м глубиной.

2.11 – 2.54 м – (ud) – сизовато-серый песок глинистый, равномерно-среднезернистый, неслоистый (пойменная фация аллювия), с множеством гумусированных червороин и охристых пятен гидроксидов железа (С gl почвы).

Этот разрез несколько отличается от стратиграфии раскопа В.Н. Гладилина. В нем отсутствует супесь, витачевский стратиграфический горизонт представлен делювием и двумя почвами, которые непосредственно налагаются на аллювиальный песок. Главное отличие сводится к тому, что основное количество артефактов происходит из среднего горизонта витачевского почвенного комплекса (vt_{b_2}), тогда как в раскопе В.Н. Гладилина они, в основном, были связаны со слоем супеси, залегающим под делювием трех витачевских почв.

В указанном разрезе расщепленные человеком кремни, кроме средней витачевской почвы, в небольшом количестве залегают практически во всех стратиграфических горизонтах,

начиная с современной почвы. Немногочисленные кремни из голоценовой почвы сильно окатаны и забиты, покрыты фарфоровидной или матовой патиной, явно сортированы. В позднелеистоценовом лессовидном суглинке встречаются редкие патинированные и окатанные изделия с острыми, не забитыми краями. Иногда они образуют небольшие выдержанные по горизонтальному простиранию скопления, состоящие из искусственных изделий и обломочного материала. В нижней части каштановой витачевской ископаемой почвы (vt_{b_3}) также найдены единичные кремни, но сохранность их иная. Они имеют совершенно свежий вид, практически не окатаны и не патинированы. Положение крупных кремней преимущественно горизонтальное, хотя расположение их в культуросодержащем горизонте следует назвать хаотичным.

Основное количество кремневых поделок происходит из коричнево-бурого витачевского почвенного делювия. Концентрация артефактов в этом стратиграфическом горизонте чрезвычайно высокая. На один условный метр кубический седиментов приходится более 2000 находок. Кремни средней и мелкой фракции залегают хаотично, с произвольной ориентацией осей. Положение, параллельное общему падению кровли делювиального слоя, занимают только наиболее крупные плоские и уплощенные предметы. Позиции плоских кремней в нижней части этого горизонта более упорядоченные по отношению к основанию слоя. Пространственная модель распределения кремней в слое показывает сгущение находок в верхней части горизонта. Внешнее состояние кремней хорошее, они не подверглись какой-либо существенной физической или химической деформации. На ребрах отдельных кремней виден налет тонкой белесой патины. С нижней стороны плоские кремни покрыты известковым натеком, который частично отслаивается. Под натеком нередко образовывались звездочки марганцевых дендритов. Вместе с кремнями в почвенном делювии встречены редкие зубы копытных животных плохой сохранности. Основной культуросодержащий горизонт из коричнево-бурого почвенного делювия содержит многочисленные куски песчаника. В профиле (рис.13, 2) отчетливо видно, что песчаник маркирует всю среднюю витачевскую делювиальную толщу. Куски песчаника имеют умеренную окатанность,

часто острые грани. Количество обломочного материала заметно нарастает книзу витачевского делювия.

Нижняя ископаемая почва светло-серовато-бурой окраски (vt_{b1}) в своей верхней части также содержит единичные кремни. По внешнему состоянию эти кремни неотличимы от кремней из вышележащего витачевского делювия.

Таким образом, кремнесодержащий слой витачевского почвенного комплекса имеет вид четко выраженного горизонта основной концентрации культурных остатков на уровне среднего почвенного делювия и двух рассеянных «облаков» находок выше и ниже этого горизонта.

Разборка культуросодержащих седиментов на восточном участке шурфа №2 в 2002 г. обнажила на всю глубину северо-восточную стенку разреза. В ней хорошо видно слабое падение почвенных горизонтов в сторону поймы реки (рис.12, 2). В юго-западной стенке ясно прослеживается линзовидный характер почв и почвенного делювия. Судя по выраженному рельефу (отчетливое падение слоев в восточном направлении с параллельным увеличением мощности), юго-западная стенка образовала поперечный разрез заполнения небольшой промоины, а северо-восточная стенка шурфа – разрез, близкий к продольному. Делювиально-аллювиальным характером заполнения данной небольшой линейной депрессии, возможно, объясняется высокая плотность кремневых артефактов, которые накопились в промоине как в естественной ловушке.

Не исключено, однако, что шурф №2 расположился на самом уступе второй надпойменной террасы, и именно этим объясняется резкое падение слоев в сторону поймы реки.

Залегание в основании стратиграфического разреза 2001-2002 гг., расположенного на краю второй надпойменной террасы, пойменного аллювиального песка удайского времени показывает, что эта терраса моложе ресс-вюрма и находящаяся на ее поверхности стоянка не может иметь такую большую древность. Сформированная по аллювию ранняя витачевская почва светло-серовато-бурой окраски, как отмечалось, в своей верхней части содержит единичные кремни, попавшие в нее, скорее всего, из перекрывающего делювия. Он включает в себя многочисленный обломочный материал вперемешку с кремневыми артефактами, смытыми с

расположенных выше по склону участков этой же террасы. Вышележащая почва vt_{b3} также содержит единичные кремни. Инсталляция кремневых поделок из делювия в верхнюю и нижнюю почвы является вторичным, постгенетическим процессом (подробнее см. заключительную главу). Таким образом, объективно время существования стоянки Антоновка II укладывается в хронологическом диапазоне от удайского этапа осадконакопления до времени образования делювия почвы vt_{b2} при условии, что древняя стоянка была связана с данным террасовым уровнем. В раскопе В.Н. Гладиллина основное количество находок происходило из супеси под витачевскими почвами, то есть явно датируется древнее, чем время накопления витачевского почвенного субстрата. Эта дата может быть только удайской. Без проведения дальнейших стратиграфических исследований на памятнике пока неясно, каким образом стыкуются между собой кремнесодержащие горизонты на двух соседних раскопанных участках. Однако, не исключена возможность того, что в раскопе I 60-х гг. и в раскопе (шурф №2) 2001-2002 гг. фиксируются различные фазы размыва одной и той же стоянки удайского возраста. Разумеется, стоянка могла быть связанной и с более высоким террасовым уровнем, и залегание остатков в удайско-витачевских отложениях всего лишь отмечает время ее разрушения. Вместе с тем, в многочисленных шурфах 60-х гг. на поверхности и на уступе третьей надпойменной террасы в супеях, предположительно, удайского возраста какие-либо культурные остатки не найдены. Исходя из этого факта, стоянку логично связывать со вторым террасовым уровнем. Отсутствие следов транспортировки культурных остатков на значительное расстояние как будто подтверждает это. Раскоп II 1963-1965 гг. показывает, что интенсивный смыв культурных остатков происходил с поверхности второй террасы в делювиальные горизонты первой террасы.

Методика раскопок

В 60-е гг. культуросодержащие седименты в раскопах и шурфах разбирались послойно в пределах геологических слоев по условным горизонтам-штыкам (20 см) с отмерами от предварительно пронивелированной поверхности, как тогда было принято при раскопках нарушенных комплексов с мощной пачкой отложений. Раскоп I ориентирован по сторонам света, рас-

коп II – в соответствии с основной линией шурфов. Материал фиксировался поквратно. Отведенная под раскоп площадь раскрывалась квадратами со стороной в 2 м (раскоп I) и 1 м (раскоп II). Квадраты имели буквенно-цифровые обозначения. В 1964 г. часть материала Антоновки II в слое супеси бралась с интервалами по 5 и 10 см с целью определить рассеивание кремней по вертикали.

В 2001-2002 гг. при разборке горизонта с культурными остатками все кремневые изделия отмечались на плане (масштаб 1:10) в виде контура с обозначением глубины. Каждый кремневый предмет получал индивидуальный номер в рамках отдельного метрового квадрата. Для удобства фиксации разборка велась условными горизонтальными пластами, хотя в шурфе №2 слой с кремнями имел хорошо выраженное падение в сторону поймы реки. Этот технический прием никак не повлиял на конечную модель слоя. Нулевой репер был вынесен на высшую точку отвала карьера недалеко от места расположения шурфа №2. Мелкие и мельчайшие чешуйки фиксировались в рамках квадрата или (чаще) получали индивидуальный адресный паспорт. Редкие находки сильно разрушенных зубов животных наносились на план и отмечались также как и кремни. Толщина и относительно высокая насыщенность культуросодержащего горизонта кремневыми изделиями (около 1000 кремней на 1 м кв.) объясняет очень медленные темпы его расчистки (12 м кв. разбирались суммарно 52 дня в течение двух полевых сезонов).

Фаунистические остатки

В раскопках 60-х гг., как отмечает В.Н. Гладилин в недавней публикации [Гладилин, 2001], кости плейстоценовых животных обнаружены только в материалах стоянки Антоновка II. Кости встречались на уступе второй надпойменной террасы и в отложениях первой террасы. Количество костей животных резко возрастает параллельно с увеличением мощности четвертичных суглинков в направлении русла реки. Сохранность костей неодинаковая. На верхних участках на краю террасы встречались, в основном, зубы животных очень плохой сохранности. При извлечении из слоя они легко разрушались. Ниже по склону сохранность костей становилась лучше. В южной части раскопа I 1963-1964 гг. и в расположенных ниже по скло-

ну шурфах кроме зубов попадались также отдельные трубчатые кости и челюсти животных несколько более лучшей сохранности. По определению В.И. Бибиковой [Гладилин, 1974, с.34], суммарно в слое Антоновки II найдены костные остатки первобытного зубра (?) и крупной четвертичной лошади: 48 определимых костей минимум от 4 особей принадлежат крупному быку, 37 костей минимум от 3 особей – плейстоценовой лошади. Видовая принадлежность зубра и лошади не указывается.

В своей кандидатской диссертации В.Н. Гладилин приводит результат прокаливания костей по принятому в 70-е гг. каллогеновому методу Пидопличко [Гладилин, 1974, с. 36-37]. Работы были выполнены К.В. Капелист из Института зоологии АН УССР. Средний результат прокаливания равен 793.

В материалах раскопок 2001-2002 гг. встречались почти исключительно изолированные зубы копытных очень плохой сохранности. В одном случае рядом, встык друг к другу, находились два зуба (фрагмент челюсти-?). В основном, зубы представляют собой компактные скопление рыхлых зубных пластин, которые легко рассыпаются при расчистке. В более или мене удовлетворительном состоянии сохранились единичные зубы. Несколько мелких фрагментов трубчатых костей фиксировались в виде тлена с более плотной компактой. Всего найдено 9 зубов и их фрагментов. По определению О.П. Журавлева, они принадлежат бизону (*bison priscus*) и каким-то крупным парнокопытным.

Тафономическая модель накопления культурных остатков

Не вызывает сомнений тот факт, что культурные остатки обеих стоянок в древности были смыты со своего первоначального положения и переместились вниз по склону. Культурный слой как таковой отсутствует и все кремневые поделки и фаунистические остатки, в основном, являются более ранними по отношению к вмещающим их седиментам. Однако, степень разрушения памятников была неодинаковой.

В.Н. Гладилин отмечает, что культурные остатки стоянки Антоновка I приурочены к современной почве и концентрируются, в основном, в базальном горизонте почвы в слое кварцитовидного песчаника и в верхах подстилающего почву делювиального суглинка. Глубина

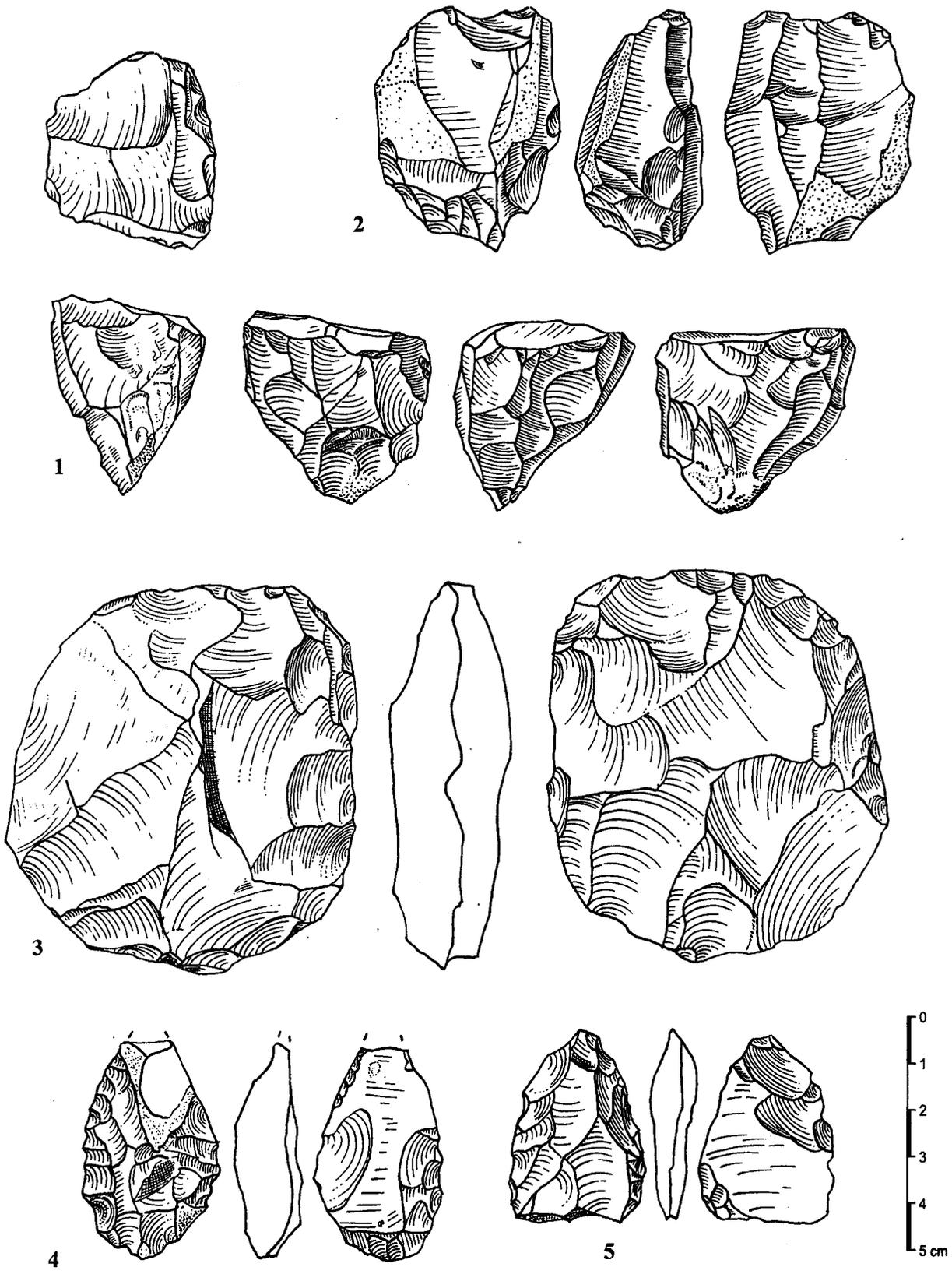

Рис. 15. Антоновка. Кремневые изделия. Материалы раскопок В.Н. Гладиллина.
 Fig. 15. Antonovka. Flint implements. After V.N. Gladilin.

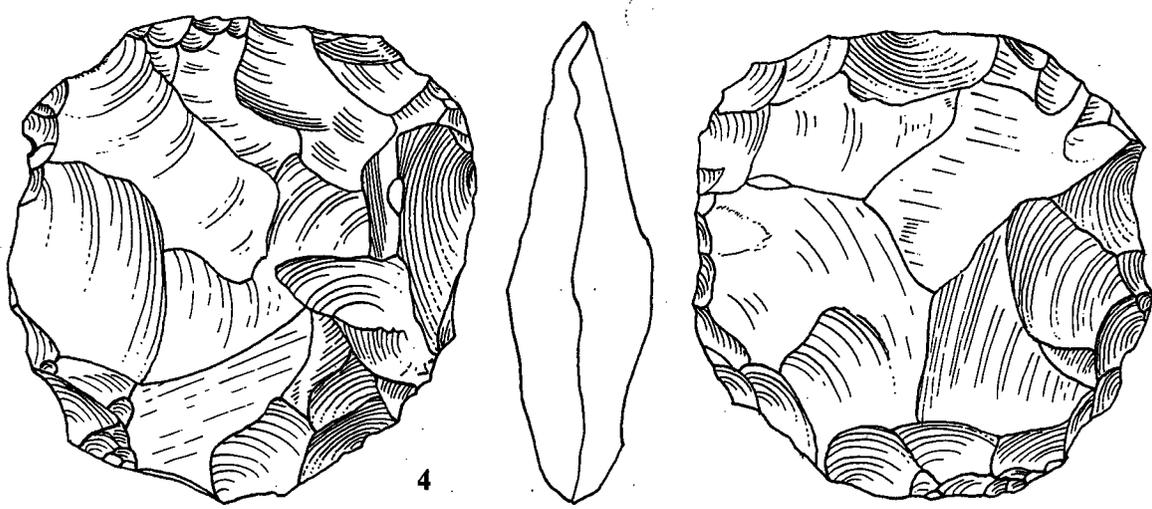
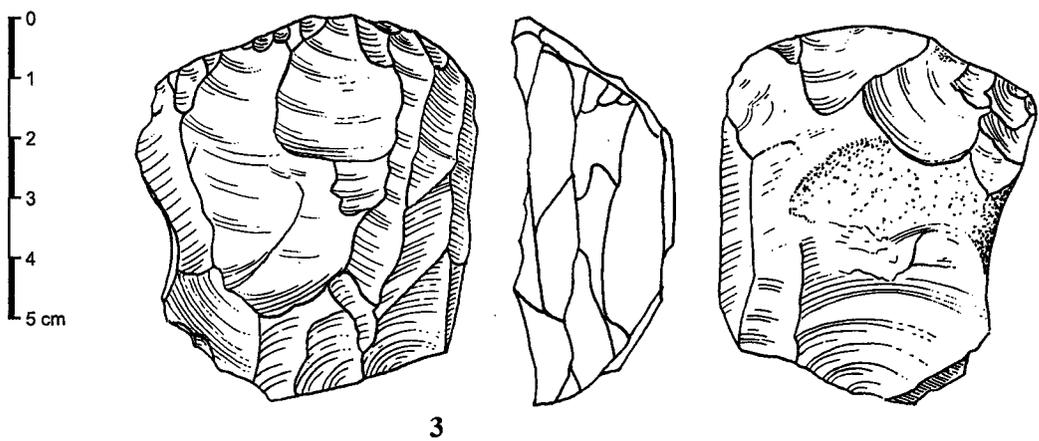
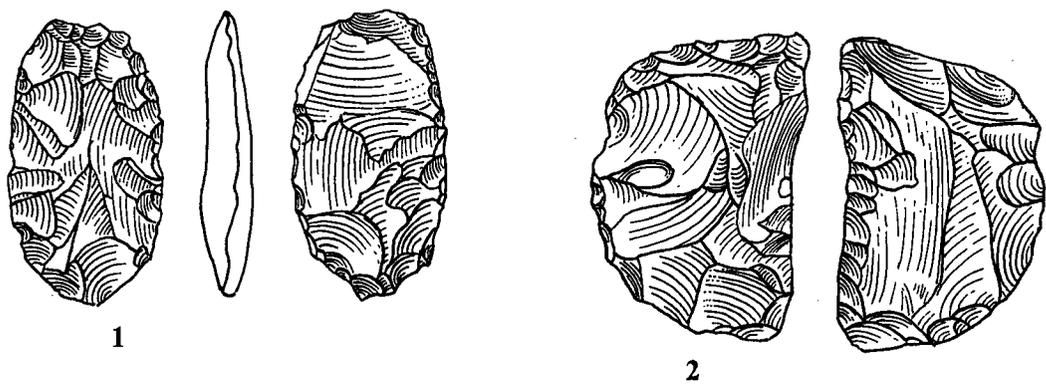

Рис. 16. Антоновка. Кремневые изделия. Материалы раскопок В.Н. Гладиллина.
 Fig. 16. Antonovka. Flint implements. After V.N. Gladilin.

залегания - от современной поверхности до 2.2 м. Везде они приурочены к делювиальным отложениям различных террасовых уровней. Эти остатки встречаются на уступе третьей террасы, на поверхности второй и первой террас. Шурфовкой выяснено, что локализация их в плане имеет треугольные очертания, характерные для конуса выноса – основанием к пойме. Кремневые изделия этого комплекса единичны на уступе третьей террасы и многочисленны на нижележащих участках склона. Видимо, первоначально стоянка располагалась у края третьей надпойменной террасы на обнажениях кварцитовидных песчаников полтавской серии. В результате разрушения культурные остатки вместе с вмещающим седиментом сместились вниз по склону и погребли собою более молодые остатки стоянки Антоновка II.

Локализация остатков стоянки Антоновка II несколько иная. Они сосредоточены на нижних участках второй террасы и на первой надпойменной террасе. Судя по удовлетворительному физическому состоянию кремней, перемещение культурных остатков не было значительным. Скорее всего, более молодая стоянка находилась на поверхности второй террасы и поэтапно смывалась вниз, начиная со времени образования слоя супеси. Усиление эрозии в удайское (супесь) и в один из этапов витачевского времени (делювий почвы vt_{b2}), возможно, привело к образованию двух стратиграфических фаций одного разрушенного слоя. Ко времени переотложения остатков стоянки Антоновка I кремневые поделки и кости животных стоянки Антоновка II уже были надежно погребены на глубине от 1 до 7 м.

Таким образом, В.Н. Гладилин предполагает достаточно редкий случай обратной стратиграфии, когда более молодые изделия оказываются в нижней части разреза, а более древние – в верхней. Наши наблюдения над стратиграфией памятника в 2001-2002 гг. не дают оснований для пересмотра этой объяснительной модели, а скорее подтверждают ее.

Сырьевая база индустрии

Изучаемая индустрия обеих стоянок основывалась почти исключительно на эксплуатации местного кремневого сырья. В.Н. Гладилин отмечает, что расщеплению подвергались кремневые желваки, происходящие из размытых отложений полтавской серии. Расщеплению

подвергались, в основном, прозрачные тонкоструктурные кремни и непрозрачные кремни более грубой структуры [Гладилин, 1976, с.35]. Подчеркивалось, что сопутствующий кремню крупнозернистый рыхлый песчаник не применялся для производства каменных поделок.

Каменные артефакты из коллекции 2001-2002 гг. в подавляющем большинстве также являются кремневыми. Согласно геологической карте Донецкой области, долина р. Сухие Ялы окаймляется отложениями мелового возраста, подходящими близко к дневной поверхности. В долине реки в непосредственной близости от памятника современных обнажений мела нет, но они могли быть открытыми и доступными в древности. Точное место расположения источников кремневого сырья до сих пор мы не знаем. Обитатели стоянки расщепляли конкреционный и валунный кремль с большим количеством органических остатков и крупных известковых включений. Использовались сырьевые группы, отмеченные В.Н. Гладилиным: тонкозернистый (халцедон-опаловый) кремль серых тонов, грубозернистый (кварцево-халцедоновый) непрозрачный кремль светлой окраски, валунный кремль желто-коричневой окраски и рыхлый темно-серый кремль с большим количеством каверн и известковых полостей. Последняя разновидность кремня мало подходила для производства орудий и представлена, в основном, обломками. Кремль первых двух разновидностей относительно вязкий, но легко поддается расщеплению. Цвет варьирует от светло-серого до темно-серого с неравномерным распределением тонов. Часть кремней имеет буроватую окраску. Помимо этого, единичными образцами представлены (предварительные определения пород выполнены Л.И. Нестеренко):

- мелкие осколки и отщепы тонкозернистого плотного серого кварцита (11 шт.),
- один отщеп из темно-серого тонкозернистого метаморфического сланца,
- чешуйка и фрагмент листовидного острия из черного тонкозернистого кремнистого сланца с большим содержанием углистого вещества,
- зубчатое скребло и фрагмент отщепы из темно-серого с фиолетовым отливом кремнистого материала каменноугольного (?) возраста,
- обломок конвергентного скребла, продольное скребло и 9 отщепов из непрозрачной

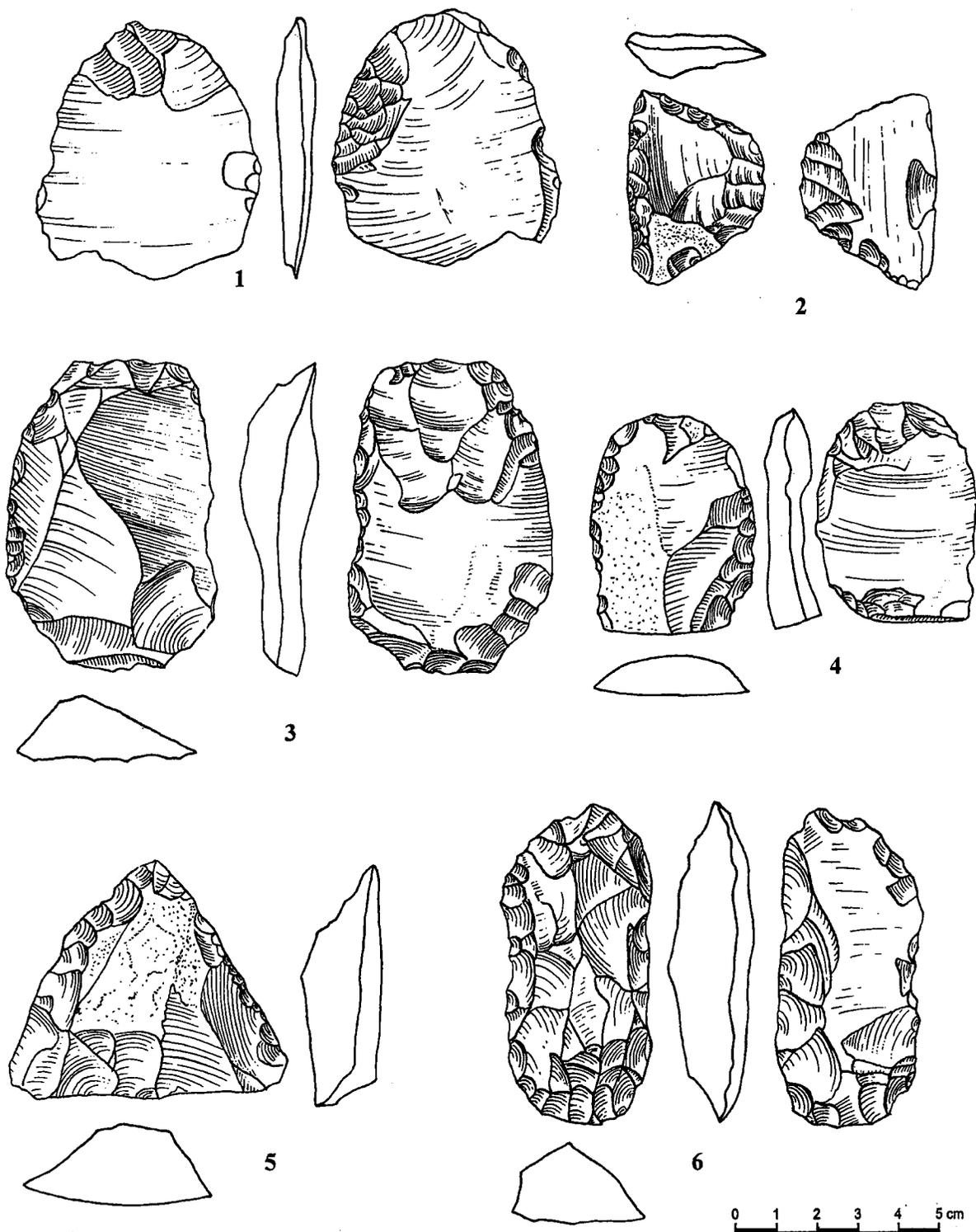

Рис. 17. Антоновка. Кремневые изделия. Материалы раскопок В.Н. Гладиллина.
 Fig. 17. Antonovka. Flint implements. After V.N. Gladilin.

яшмовидной породы буро-коричневой окраски с более светлыми включениями.

Все эти породы также имеют, в целом, местное происхождение, но указать их точное происхождение пока не представляется возможным.

Кремневая коллекция 1963-1965 гг.

Материалы раскопок 60-х гг. детально опубликованы В.Н. Гладилиным в ряде статей и в итоговой монографии [Гладилин, 1976]. Для целостности восприятия кремневой индустрии вспомним основные технико-типологические показатели этих коллекций в формате классификации В.Н. Гладилина.

В ходе раскопок обеих стоянок в 60-е гг. была собрана обильная коллекция кремневых изделий, исчисляемая десятками тысяч предметов [Гладилин, 1985, с.47]. Точное количество находок не приводится. Для целей технико-типологического анализа и в итоговых публикациях использовались «чистые» выборки – 5251 кремневый предмет из Антоновки I и 7626 изделий из Антоновки II [Гладилин, 1974, с.7; 1976, с.34].

В классе нуклеусов В.Н. Гладилиным выделены три основных отдела – примитивные (бессистемные, радиальные и радиально-двусторонние), леваллуазские (собственно черепаховидные) и протопризматические (продольные, продольно-двусторонние, пирамидальные, цилиндрические, продольно-альтернативные, бипродольно-смежные, поперечные, поперечно-двусторонние, поперечно-альтернативные, бипоперечные, и т. д.) нуклеусы. Суммарно найдено 212 пренуклеусов и 772 нуклеуса. Наибольшим типологическим разнообразием отличаются нуклеусы протопризматические. В материалах Антоновки-I и II нуклеусы радиальные и радиально-двусторонние (рис.15, 3; 16, 4) незначительно преобладают над разнообразными протопризматическими (рис.15, 1-2; 16, 3) при очень низком (менее 0.5) проценте черепаховидных ядрищ.

Типологической структуре нуклеусов и их заготовок соответствует градация отщепов и пластин. Технические показатели обеих индустрий похожи и отражают относительно низкий уровень первичного расщепления. Индекс пластин в Антоновке I составляет 4%, в Антоновке II – 9%. Индекс подправки ударных площадок широкий соответственно 19% и 31%, узкий –

6% и 8%. Коэффициент удлиненности отщепов: Антоновка I – 107; Антоновка II – 113. Коэффициент массивности отщепов: Антоновка I – 30; Антоновка II – 22. Коэффициент удлиненности пластин: Антоновка I – 210; Антоновка II – 230. Коэффициент массивности пластин: Антоновка I – 20; Антоновка II – 15.

На двух стоянках найдено 1550 изделий с вторичной обработкой. Средняя длина орудий немного превышает 6 см. Среди орудий выделяются следующие классы: рубила, наконечники, остроконечники, скребла-ножи, зубчатые, скобели, скребки, стамески, резчики, резцы и проколки с соответствующим делением на отделы, группы и типы. В коллекциях обеих стоянок самый многочисленный и типологически разнообразный класс образуют скребла-ножи – более 60%. Остроконечников не более 1%. Зубчатых орудий около 20%. Наряду с продольными и поперечными, много скребел-ножей со сходящимися лезвиями. Специфическими назывались ножи и скребла продольно-прямые и продольно-выпуклые дорсальные битерминально-утонченные (рис.19, 4), базально-арочные дорсальные (рис.17, 1, 4), овальные двусторонние (рис.16, 1) и частично-двусторонние (рис.17, 6), сегментовидные дорсальные частично-двусторонние (рис.16, 2; 17, 2; 18, 3; 19, 2, 5-6) и некоторые другие (рис.15, 4-5; 17, 6; 18, 5). Среди наконечников (листовидных острий) выделялись миндалевидные, подтреугольные (рис.18, 1) и иволистные (рис.18, 2). Учитываются также обушковые двусторонние ножи (рис.18, 4). Классификация дополняется несколькими классами комбинированных орудий. Коэффициент удлиненности орудий: Антоновка I – 140; Антоновка II – 132. Коэффициент массивности орудий: Антоновка I – 29; Антоновка II – 16.

Общая характеристика кремневой коллекции 2001-2002 гг.

В 2001-2002 гг. полевые работы на памятнике, как отмечалось, ограничились закладкой двух шурфов и сбором подъемного материала.

В шурфе №1 в техногенном горизонте найдены смешанные материалы двух стоянок, которые хорошо отличаются по степени сохранности. Обработанные кремни залегали вперемешку с обломочным материалом. Кремни более древней серии патинированные, окатанные, с поврежденными краями, следами ожелезнения и ячеистого

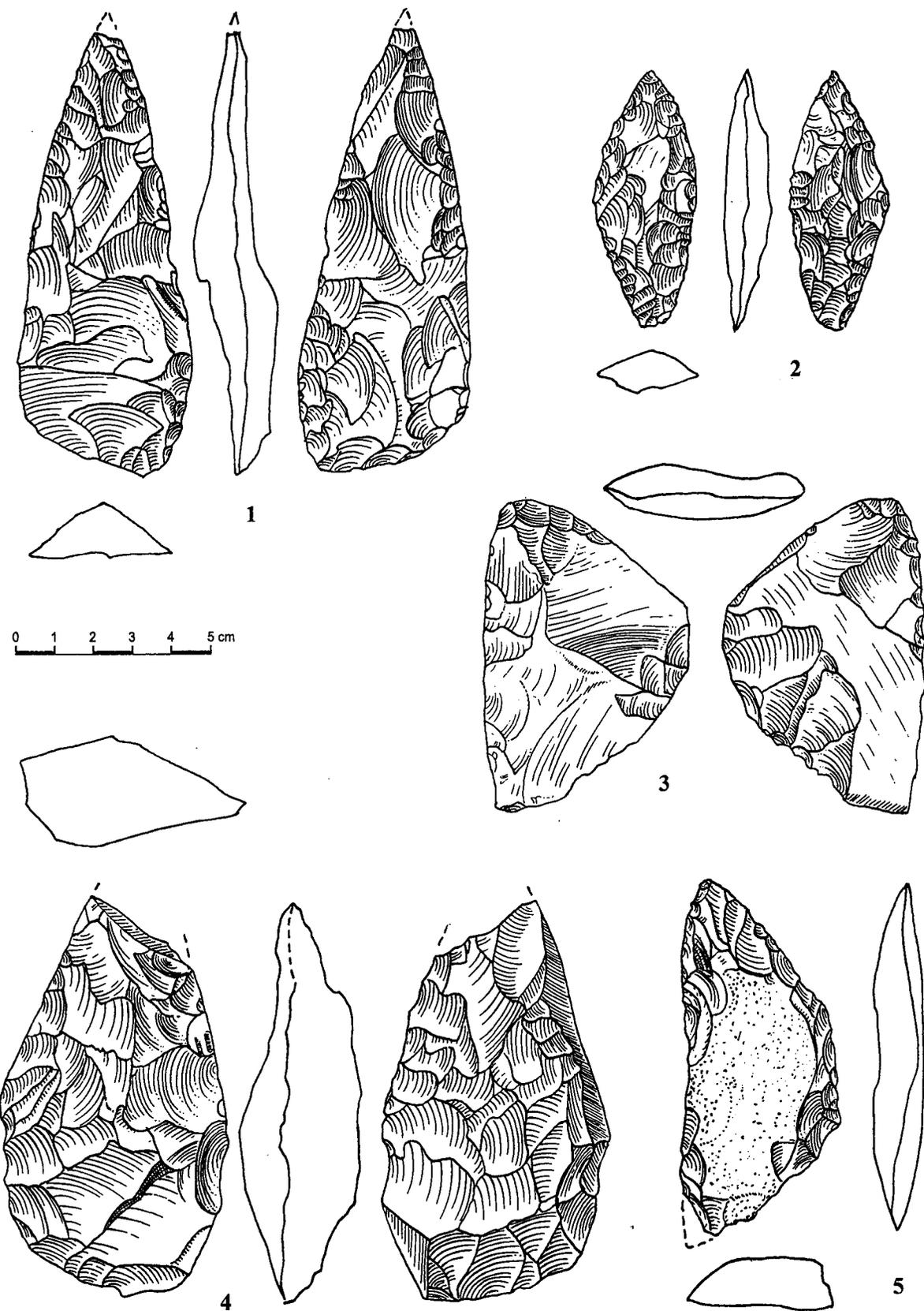

Рис. 18. Антоновка. Кремневые изделия. Материалы раскопок В.Н. Гладиллина.
 Fig. 18. Antonovka. Flint implements. After V.N. Gladilin.

выветривания. Этот условный комплекс (93 кремня) включает один остаточный односторонний радиальный нуклеус, 79 сколов, 2 вентральных отщепы, один скол формирования бифаса и 10 изделий с вторичной обработкой. Среди орудий выделяются сегментовидное двустороннее плоско-выпуклое скребло, продольное двойное прямо-выпуклое скребло с устраненным ударным бугорком, 3 зубчатых орудия, 2 обломка бифасов, 3 продольных выпуклых скребла. Неокатанных кремней 35 шт. Среди них 5 нуклевидных кусков, обожженный двусторонний радиальный нуклеус, 27 сколов, включая чешуйки, и 2 орудия. Это фрагмент двустороннего плоско-выпуклого острия и частично-двустороннее миндалевидное острие.

Окатанные и патинированные материалы стоянки Антоновка I в новейших сборах представлены также выборочными поверхностными находками. В подъемном материале: униполярный нуклеус, 4 овальных двусторонних и частично-двусторонних плоско-выпуклых скребла, 4 конвергентных скребла со следами обработки плоской стороны, 5 продольных скребел, одно продольно-вогнутое скребло с эффективным ядрищным утончением одного их концов, двустороннее зубчатое изделие.

Стоянка Антоновка II в небольшом количестве представлена подъемным материалом и иллюстрируется, в основном, статистически значимой коллекцией из стратиграфической

траншеи и большого шурфа на восточном склоне песчаного карьера (шурф №2). Общее представление о характере коллекции кремневых изделий из материалов 2001-2002 гг. со стоянки Антоновка II дает таблица 1.

Дальнейшая характеристика антоновской индустрии будет даваться исключительно на основании этих материалах.

С сожалением приходится признать тот факт, что анализируемые материалы фактически представляют собой смесь культурных остатков древней стоянки, накопленных в результате множественных посещений древними людьми террасовой площадки. Чрезвычайная насыщенность делювия находками позволяет предполагать существование здесь некогда мощного культурного слоя, распространенного на значительной площади. Коллекция дает лишь суммарное представление о доминирующем функциональном типе памятника и не отражает возможное функциональное многообразие отдельных комплексов стоянки, связанных с различными эпизодами заселения.

Технология расщепления нуклеусов стоянки Антоновка II (по материалам 2001-2002 гг.)

Анализ технологии нуклеусного расщепления базируется на совокупных данных о нуклеусах, их заготовках и фрагментах, отбойни-

	Кол-во	%
Конкреции и их фрагменты со следами оббивки	41	0.4
Пренуклеусы	25	0.2
Нуклеусы	107	0.9
Нуклевидные куски и фрагменты нуклеусов	44	0.4
Чоппинги	4	0.1
Отбойники	8	0.1
Отщепы	8519	73.4
Пластины (также реберчатые)	170 (+25)	1.7
Чешуйки	1678	14.5
Реберчатые отщепы	74	0.6
Заготовки орудий	170	1.5
Сколы формирования бифасов	68	0.6
Вентральные сколы	184	1.6
Целые орудия	170	1.5
Фрагменты орудий	49+10	0.5
Сколы подживления орудий	25+15	0.3
Сколы с ретушью (и их фрагменты)	61 (+48)	0.9
Обожженные кремни	82	0.7
Температурные «отщепы»	7	0.1
Итого:	11 584	100%

Таблица 1. Антоновка II. Состав коллекции кремневых изделий из шурфа №2 и примыкающей стратиграфической траншеи.

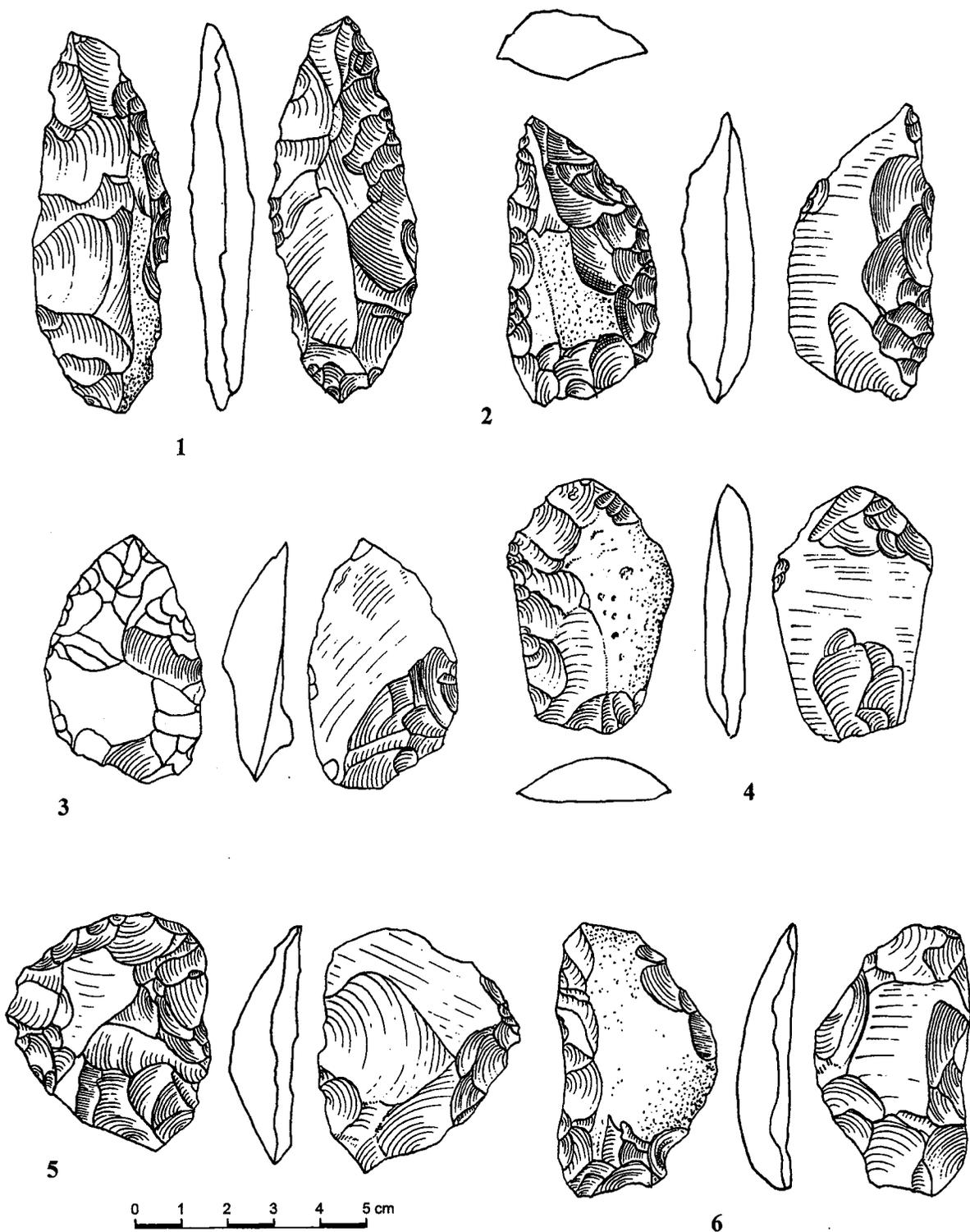

Рис. 19. Антоновка. Кремневые изделия. Материалы раскопок В.Н. Гладиллина.
 Fig. 19. Antonovka. Flint implements. After V.N. Gladilin.

ках, разнообразных сколах (технологически значимых и тривиальных), конкрециях кремней со следами оббивки.

Конкреции и их фрагменты со следами оббивки (41 шт.). В эту категорию включены, в основном, средние и мелкие фрагменты кремневых конкреций, отколовшиеся при оббивке и несущие слабо выраженные следы искусственной обработки. Фрагменты срединных участков конкреций имеют угловатые очертания, краевые фрагменты сохраняют меловую корку и, как правило, удлинённо-округлые очертания. Средний размер – 6-7 см. Только четыре конкреции со следами предварительной оббивки сохранились относительно полностью. В длину они не превышают 11 см. Форма неустойчивая, с выступами и пережимами. Шесть фрагментов раскололись по внутренним трещинам. Вряд ли по этим образцам можно судить о форме исходного кремневого сырья, так как они не прошли отбор и были выброшены после тестирования как первая фракция технологических отходов. Систематическому расщеплению подвергались, в основном, более крупные и объёмные образцы, о чем можно судить по пренуклеусам.

Нуклевидные куски (44 шт.) – угловатые куски кремня размерами до 6-7 см, со следами регулярной оббивки, не образующей определённую систему скалывания, а также фрагменты нуклеусов с неясной типовой атрибуцией.

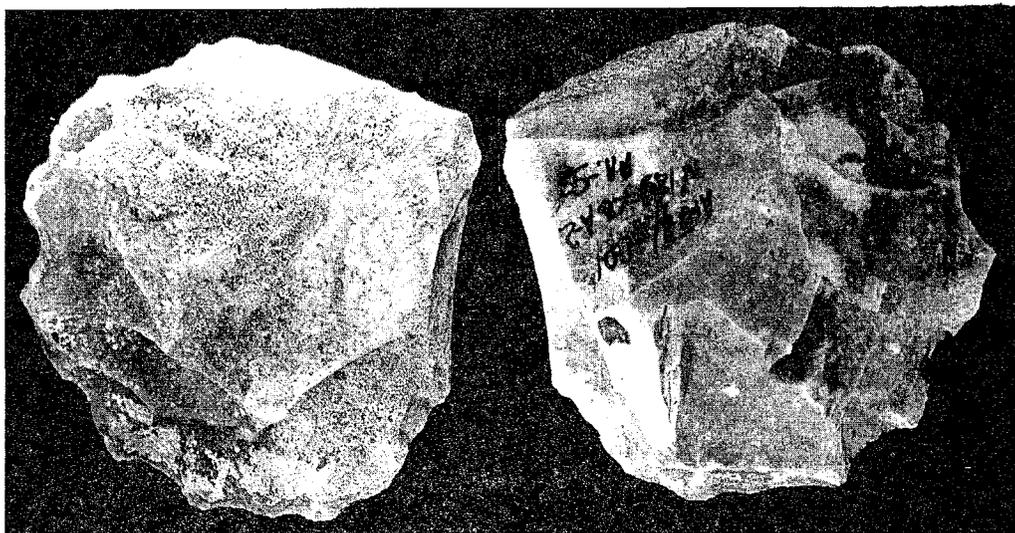
Пренуклеусов всего 25 шт. Пренуклеусы – изделия со сформированной вчерне системой скалывания (площадка – рабочий фронт – края рабочего фронта – тыл) или ее главных элементов, но без следов регулярного расщепления. Размеры наиболее крупного образца – 16x12 см, наиболее мелкого – 7x4 см. Многие из этих изделий отличаются угловатостью за счет небуранных «карнизов», оставшихся после отделения крупных отщепов. В нескольких случаях угадывается общая конструкция пренуклеусов и принадлежность их к определённому методу расщепления. В первую очередь это касается биполярных ядрищ со слабо выпуклым рабочим фронтом и выпуклой тыльной стороной. В коллекции их минимум 7 шт. Они имеют грубо оббитую тыльную сторону со следами первичной корки, удлинённый подпрямоугольный или неправильно-овальный корпус, две расположенные на концах противолежащие площадки с грубой обработкой (в одном случае площадка подготовлена мелкими сколами) и сформиро-

ванный сколами с боков рабочий фронт. Дальнейшему расщеплению помешали внутренние включения, проявившиеся трещины и ошибки расщепления (потеря контроля за формой). Наиболее крупный из всех пренуклеусов отличается формой, близкой к сферо-конической. Он имеет крупную гладкую (негатив крупного скола) площадку и объёмный (на три четверти окружности площадки) полузамкнутый рабочий фронт, покрытый крупными негативами. На вершине сформирован реберчатый участок. Обращает на себя внимание также преформа нуклеуса, изготовленная из крупного фрагмента цилиндрической конкреции буроватой окраски. На ней выделяются две поперечные гладкие площадки, с которых производилось грубое обкалывание корпуса. Еще один пренуклеус имеет уплощенную тыльную сторону, одну площадку и полуобъёмный рабочий фронт. На остальных образцах с неустойчивыми очертаниями выделены площадки и примыкающие участки фронта, но сам фронт не ограничен с боков. В дальнейшем такие преформы могли трансформироваться в нуклеусы с радиальной или полюсной организацией системы скалывания.

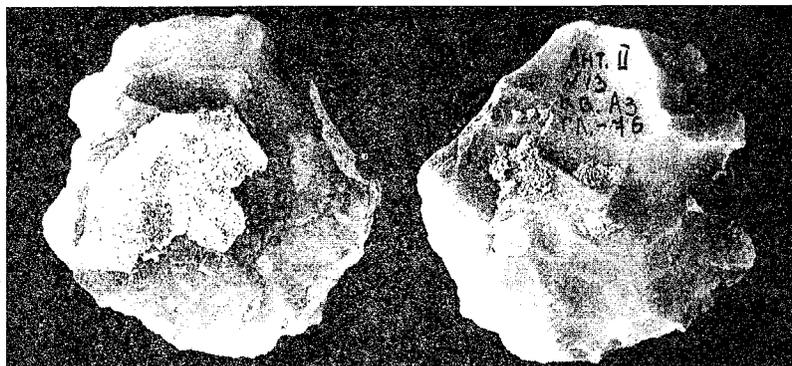
Отбойники (8 шт.), из них 6 целых и 2 фрагмента. Все – из небольших округлых кремневых конкреций. Размеры целых приблизительно одинаковы – 4-6 см. Конкреции имеют овальную или близкую к ней форму. Следы характерной звездчатой забитости образуют округлые в плане поля площадью 1-3 см кв. Эти участки в семи случаях локализируются на округлых концах конкреций и в одном случае на боковой поверхности. На одном из фрагментов выделяются два участка с такой забитостью.

Происходящие из коллекции 2001-2002 гг. нуклеусы по степени сработанности соответствуют т.н. стояночным комплексам. Набор применяемых методов расщепления в принципиальном виде типичен для большинства индустрий среднего палеолита Русской равнины и включает вариации центростремительного скалывания, полюсного скалывания со слабовыпуклых поверхностей (в основном) и полюсного скалывания с объёмных поверхностей.

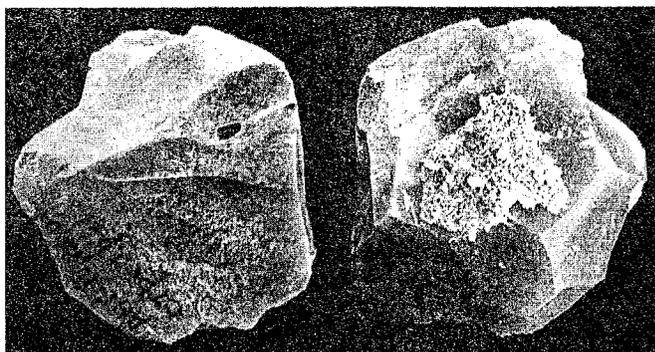
При группировке нуклеусов (107 шт.) использовались такие признаки, как положение и объёмность рабочего фронта, направление скалывания, характер площадок и тыльной стороны, зоны расщепления (место соединения функционального участка отбивной площадки и

1

2

3

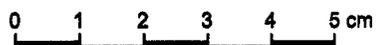
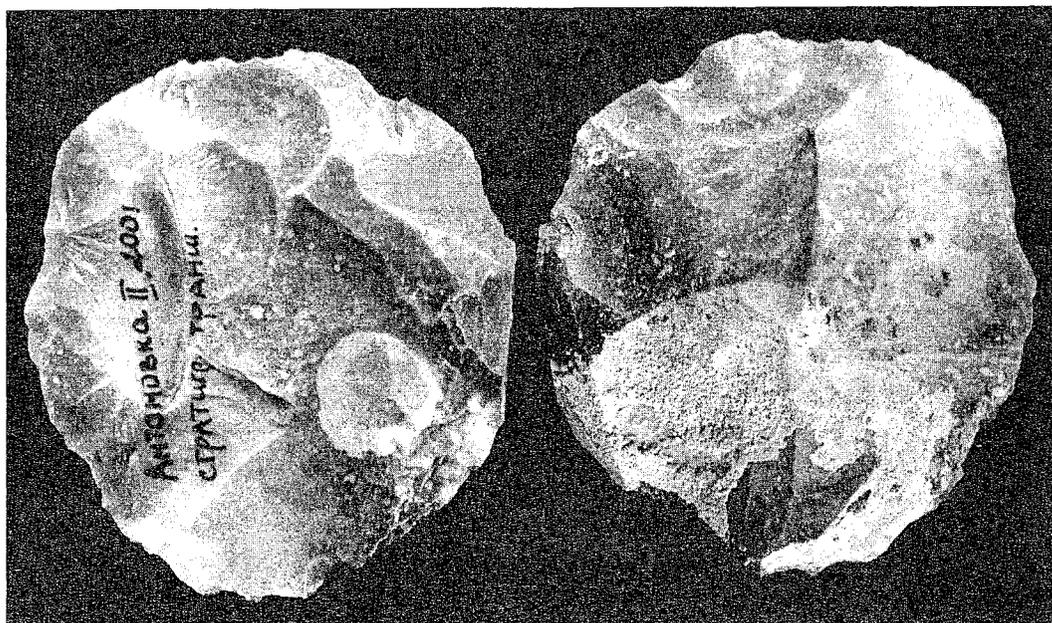
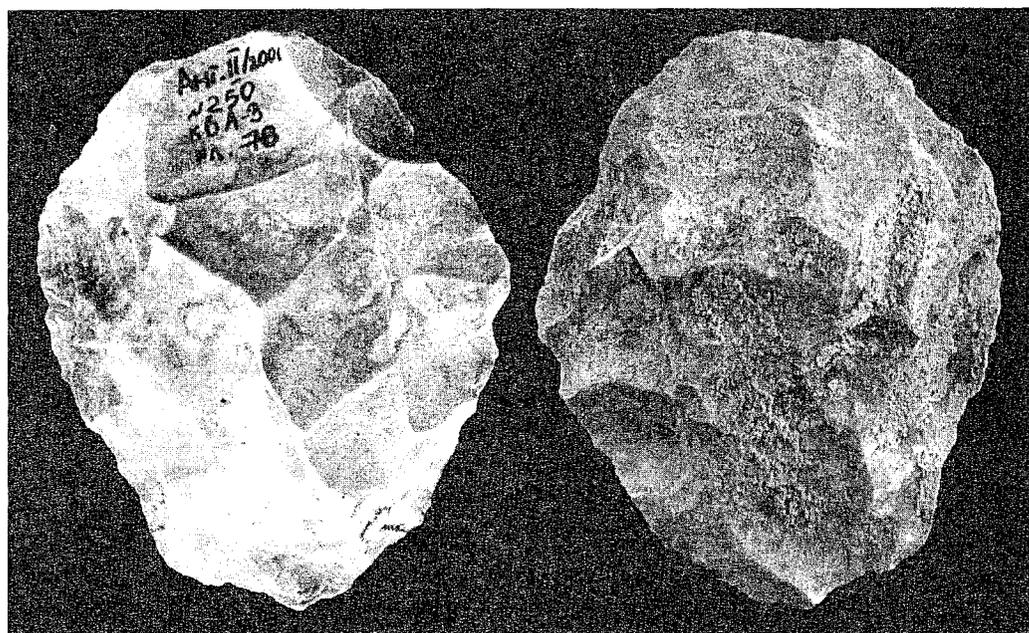

Рис. 20. Антоновка II. Нуклеусы (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 20. Antonovka II. Cores (foto by A.P. Parkhomenko).

1

2

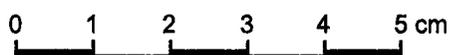

Рис. 21. Антоновка II. Нуклеусы (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 21. Antonovka II. Cores (foto by A.P. Parkhomenko).

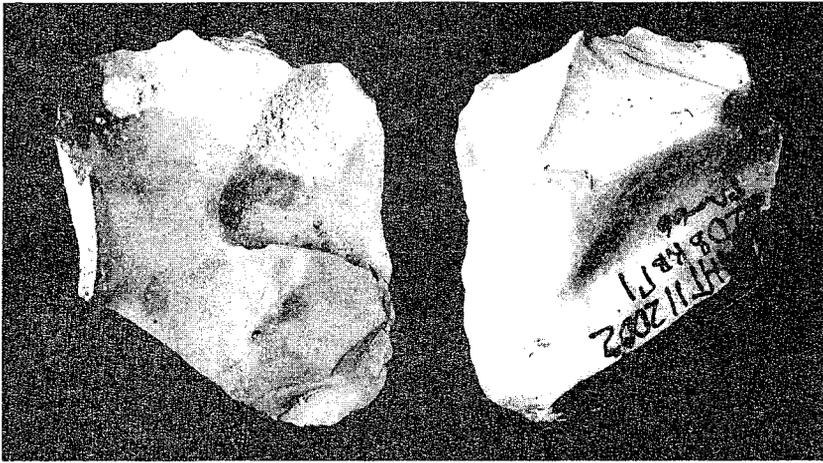
приплощадочной зоны рабочего фронта). Динамика редукции антоновских нуклеусов в ходе их расщепления проявляется при сравнении ядрищ начальных и остаточных форм, а также при анализе разнообразных служебных сколов, обеспечивавших формирование или цикличное возобновление функций рабочего фронта.

Нуклеусы с центростремительной организацией скалывания распадаются на две классические разновидности – односторонние и двусторонние. Обе разновидности документируются образцами различной редукционной стадии. В выборке этих изделий трудно выделить стадию пренуклеусов, так как систематическое расщепление начиналось после простейших операций по подготовке круговой площадки на соответствующем куске кремня.

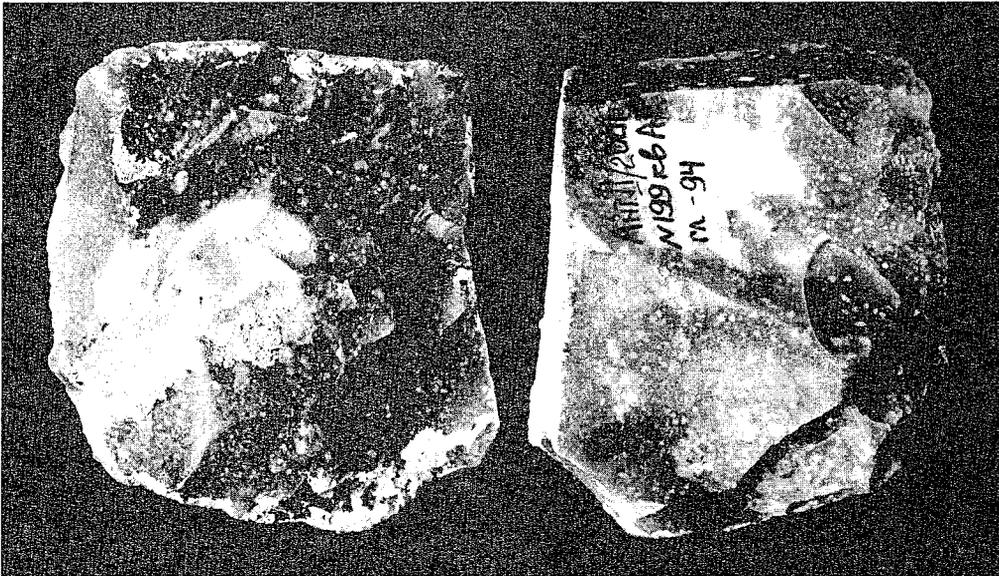
Односторонние радиальные нуклеусы (21 шт.) базировались на утилизации округлых в плане плоских конкреций или крупных бугорчатых отщепов (рис.20, 2-3). Размеры нуклеусов в начальной стадии – 8-9 см, остаточных форм – 3.5-4 см. В данной группе присутствуют 9 нуклеусов на начальной и средней стадии сработанности и 12 предельно истощенных ядрищ. Редукция нуклеусов осуществлялась за счет скалывания отщепов с уплощенной стороны при незначительной модуляции выпуклой стороны, сохраняющей первичную корку. Угол заострения площадок равен приблизительно 50° – 70° и реже бывает острее. Систематическая подправка тыла осуществлялась только на 5-ти образцах. Сохранение угла обеспечивалось естественным изгибом корковой поверхности тыльной стороны нуклеуса. Угол заострения зоны расщепления, по мере продвижения к остаточной форме, регулировался наклоном площадки по отношению к корковой стороне. При подготовке очередной поверхности расщепления создавалась площадка, поддерживающая заданную выпуклость рабочего фронта. Невозможно точно выделить основную и вспомогательные площадки. После отделения последнего скола, на остаточном нуклеусе сохранялись площадки этих сколов и рудименты предшествующих площадок. Тенденция к скалыванию заключительного центрального отщепка как будто не прослеживается. По В.Н. Гладилину, эти нуклеусы входят в группу радиальных отдела примитивных.

Двусторонние радиальные нуклеусы (15 шт.) попеременно раскалывались на обе сторо-

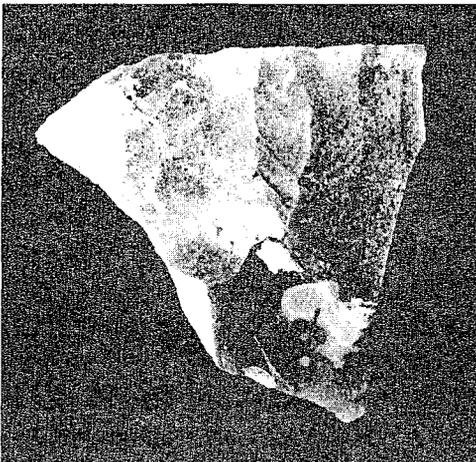
ны, поэтому приобретали дисковидное симметричное в профиле очертание (рис.20, 1; 21, 1-2). Два нуклеуса в начальной стадии расщепления имеют размеры 7-8 см. Они массивные и близки биконическим дисковидным ядрищам, в понимании Э. Боеды [Boeda, 1988]. Оба сохранили корковые участки. Угол схождения сторон в пределах 40° – 80° . Дальнейшая редукция таких двусторонних дисков могла осуществляться в двух направлениях в зависимости от организации ударных площадок. Как и у односторонних радиальных нуклеусов, этот элемент системы скалывания являлся ключевым инструментом, влияющим на динамику формы изделий. При первом варианте происходило наращивание массивности нуклеуса за счет того, что базальная часть сколов срывала большую массу кремня, чем дистальная часть, а сколы затухали, едва доходя до середины фронта. После нескольких циклов расщепления нуклеус приобретал выраженные биконические очертания. При втором варианте расщепления, когда сколы захватывали среднюю часть радиального фронта, наоборот, наблюдается тенденция к нарастающему уплощению нуклеуса. В первом случае, как правило, использовались самопроизвольно возобновляющиеся площадки с одинаковым наклоном на обе стороны. Во втором случае они специально разворачивались в одну из сторон при помощи ретуширования. Хорошо подготовленный скол захватывал значительную часть рабочего фронта, тем самым уменьшая относительную массивность нуклеуса. Если вследствие заломов этого не происходило, утилизация нуклеусов прекращалась (2 экз.). Таким образом, умение скалывать центральную часть фронта двустороннего радиального нуклеуса решающим образом влияло на его дальнейшую морфологию. При наращивании массивности биконических ядрищ рано или поздно возникала ситуация, когда дальнейшее успешное расщепление могло вестись только за счет уплощения одного из фронтов при сохранении выпуклости на второй (теперь уже вспомогательной, тыльной) стороне. На последней стадии такой нуклеус приобретал вид одностороннего радиального ядрища. Поэтому все вариации радиальных нуклеусов (односторонних и двусторонних) Антоновки логично рассматривать как технологические дериваты одного метода расщепления. Причины, которые определяли выбор приемов расщепления, видимо, носили ситуационный ха-

1

2

3

Рис. 22. Антоновка II. Нуклеусы (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 22. Antonovka II. Cores (foto by A.P. Parkhomenko).

рактиер. Радиальные двусторонние и односторонние нуклеусы, в целом, имеют геометрически правильные округлые в плане очертания и образуют морфологически очень выразительную серию. Согласно В.Н. Гладилину, данные двусторонние нуклеусы входят в группу радиально-двусторонних отдела примитивных.

Двуплощадочные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом (14 шт.). Имеют выпуклую тыльную сторону, две противолежащих (полюсные) площадки, уплощенный рабочий фронт (рис.22, 1-3). Тыл у 10-ти ядрищ полностью или частично корковый. У 6-ти нуклеусов вторые площадки играли, видимо, вспомогательную роль. У остальных экземпляров выделить главную и второстепенную площадки невозможно. На 6-ти нуклеусах отмечаются также вспомогательные боковые площадки, с которых происходило формирование и (или) возобновление выпуклости рабочего фронта (рис.22, 2). Следует отметить, что у большинства нуклеусов поддержание заданной выпуклости фронта осуществлялось поперечными сколами «с бока на фронт» (8) и только в нескольких случаях (3) – сколами «с тыла на фронт». Следы подъема выпуклости фронта при помощи скалывания продольных краевых участков фронта и прилегающих боковых участков нуклеуса на самих ядрищах не отмечены, хотя краевые сколы этого типа в коллекции есть. Большинство уплощенных двуплощадочных нуклеусов (8) относятся к остаточным формам, возможно, поэтому они демонстрируют более бедный репертуар подправки фронта, чем соответствующие служебные сколы. Судя по негативам, от этих нуклеусов отделялись укороченные отщепы с относительно тонким и прямым профилем. Сами нуклеусы отличаются угловатыми очертаниями, неустойчивыми пропорциями. По В.Н. Гладилину, это нуклеусы группы бипродольных отдела протопризматических.

Одноплощадочные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом (25 шт.) В целом, эти нуклеусы характеризуются аморфным видом. Выполнены из округлых (рис.23, 2) и угловатых фрагментов конкреций, которых примерно поровну. Система организации скалывания у большинства ядрищ (13) достаточно простая и состоит из одной площадки и примыкающего рабочего фронта. Площадки в этой группе гладкие (5) и фасетированные (8). Негативы сколов

короткие и рельефные, с выраженным крупным ударным бугорком. У другой части нуклеусов (10) базовые элементы системы скалывания дополняются подправкой рабочего фронта небольшими поперечными сколами с небольших вспомогательных боковых площадок. Основные (функциональные) площадки фасетированные (6) и гладкие (4). Поддержание выпуклости достигалось сколами «с бока на фронт» (8) и «с тыла на фронт» (2). По В.Н. Гладилину: группа продольных отдела протопризматических. В группу одноплощадочных формально входят также нуклеус с высоким треугольным сечением и грубо оббитый нуклеус, отдаленно напоминающий черепаховидное ядрище (группа черепаховидных отдела леваллуазских).

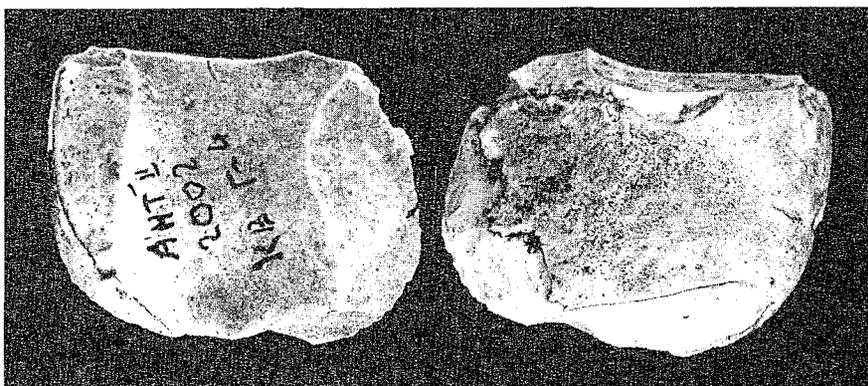
Площадочные нуклеусы с объемным рабочим фронтом (6 шт.). Заготовками для них послужили цилиндрические или яйцевидные фрагменты конкреций, форма которых определила последующий характер обработки. Из них 4 одноплощадочных (рис. 23, 1), 2 имеют небольшие вспомогательные площадки на противоположном конце. Основные площадки образованы крупными сколами и дополнительно грубо подправлены. Негативы сколов с фронта либо обычные отщеповые, либо грубопластинчатые. Выпуклый рабочий фронт охватывает половину и более боковой поверхности. Судя по двум нуклеусам с продольными реберчатыми односторонними участками, поддержание выпуклости объемного фронта планировалось специально. Размеры нуклеусов – 7-9 см в высоту. На всех сохраняются корковые участки. По В.Н. Гладилину, это нуклеусы цилиндрических и пирамидальных типов групп продольных и бипродольных отдела протопризматических.

Кубовидные нуклеусы (16 шт.) отличаются угловатыми очертаниями. Система скалывания основывалась на использовании любого ребра в месте соединения двух плоскостей, при этом негатив предшествующего скола часто служил площадкой для последующего. В группе преобладают сильно или умеренно сработанные экземпляры (12 шт.). Только 6 площадок из всего множества площадок на нуклеусах этой группы можно назвать фасетированными, остальные не подвергались систематической обработке. Показательно, что более тщательной обработке подвергались приплощадочные зоны условного рабочего фронта. Кубовидные нуклеусы могли образовываться как изначально, так и на пос-

1

2

3

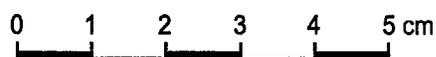
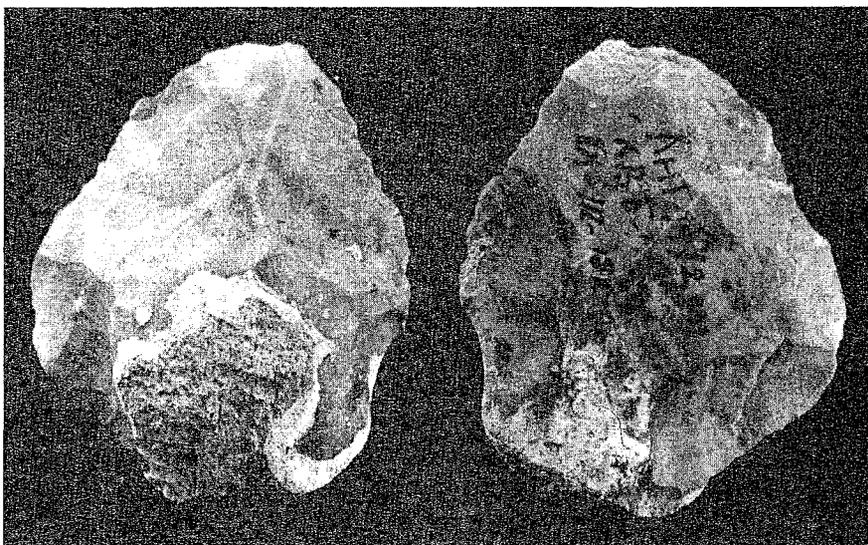

Рис. 23. Антоновка II. Нуклеусы (1-2) и рубиловидное изделие (3) (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 23. Antonovka-II. Cores (1-2) and hand axe tool (3) (foto by A.P. Parkhomenko).

ледней стадии сработанности нуклеусов других разновидностей [Baumler, 1988]. У В.Н. Гладилына нуклеусы кубовидных типов включены в различные группы и отделы.

Нуклеусы индивидуальных форм – два нуклеуса в начальной стадии расщепления с двумя встречными рабочими плоскостями с двух сторон (группа продольно-альтернативных отдела протопризматических) и два двуплощадочных остаточных нуклеуса со смежными косо расположенными площадками с двух сторон (группа ортогонально-двусторонних отдела протопризматических).

Кареноидные изделия (8 шт.) могут быть описаны как односторонние конусовидные нуклеусы высокой формы. Нуклеусы небольшие – 5-7 см по протяженности плоской стороны. Все сохранили корку на выпуклой стороне, т.е. не могут быть признаны остаточными формами. Пять из них изготовлены из массивных отщепов. Отделяемые с этих нуклеусов сколы относительно небольшие – до 4 см. Плоская сторона-площадка одного экземпляра фасетирована по краю.

Отщепы. Вместе с чешуйками (сколы и фрагменты до 1 см), эта фракция отходов расщепления в количественном смысле является основной в тафономически полноценных комплексах. Обилие местных источников обусловило неэкономное расходование каменного сырья, выразившееся в большом удельном весе сколов с сохранившейся меловой коркой, а также наличия крупных необработанных сколов (таблица 2).

Представление о доминирующей огранке дорсальной поверхности дает таблица 3 (проанализирована выборка из 720 целых сколов без меловой корки размерами 3-7 см). Доминируют сколы с однонаправленной огранкой при выраженном удельном весе конвергентной огранки. Такое соотношение типично при приблизительно равных пропорциях нуклеусов с центростремительной и полярной ориентацией скалывания. Очень низкий процент продольно-встречной огранки показывает, что вторые площадки полусных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом, как правило, использовались в качестве вспомогательных площадок для поддержания необходимой продольной выпуклости фронта. Продольно-поперечные сколы отражают относительную регулярность боковой подправки фронта, что видно и на самих нуклеусах.

Подготовка площадок и приплощадочных зон, в целом, не отличается особой развитостью (таблица 4). Немногочисленные сколы с редуцированными площадками могут быть связаны с работой мягким отбойником при получении бифасов. Индекс фасетирования площадок общий 29.6%. Индекс фасетирования площадок тонкий 13.2%. Коэффициент массивности отщепов - 24. Коэффициент удлиненности отщепов - 109.

Для целей технологического анализа более диагностичны отщепы с реберчатой поверхностью и разнообразные пластины.

Отщепов с реберчатой поверхностью 74 шт. Выделяются виды огранки:

- двускатные поперечные сколы	17
- однокатные поперечные сколы	38
- поперечные сколы только на дистальном конце	2
На 17 сколах сохранились реберчатые участки малой протяженности.	

Пластины. В категорию пластин формально входят 25 удлиненных реберчатых сколов и 170 тривиальных сколов. Реберчатые пластины имеют следующую огранку дорсальной поверхности:

- двускатная бифасиальная	8
- двускатная односторонняя	3
- поперечные сколы «с фронта на тыл»	12
- поперечные сколы «с бока на фронт»	2

Одна из реберчатых пластин с огранкой «с фронта на тыл» относится к типу вторичных, так как срезает срединную часть боковых негативов.

Огранка тривиальных пластин более разнообразна:

- продольная двускатная с естественным обушком	35
- продольная трехскатная с естественным обушком	8
- корковая	1
- продольная двускатная	56
- продольная трехскатная	19
- продольная конвергентная	8
- продольно-поперечная	6
- продольно-встречная	3
- поперечно-встречная	6
- продольная неустойчивая	18

Двускатные пластины отличаются высоким сечением, удлиненностью, часто (22) со спиралевидным профилем. На пластинах с продольно-поперечной огранкой негатив поперечного скола, как правило, расположен на дистальной части. Размеры пластин варьируют в очень широком диапазоне. В целом, стандартизация этих сколов отсутствует, и

подавляющее большинство из них следует рассматривать как технологические отходы. Обращает на себя внимание относительно большой удельный вес точечных площадок с редуцированной приплощадочной зоной (таблица 5), что может быть связано с использованием мягкого отбойника на начальных стадиях формирования бифасов. Пластины составляют 8.3% всех сколов крупнее 3 см. Коэффициент массивности пластин - 17. Коэффициент удлиненности - 225.

Таким образом, техника первичного расщепления была ориентирована на получение разнообразной отщеповой заготовки размерами от 3-4 до 6-7 см. В целом, техника первичного расщепления непластинчатая. Большинство пластинчатых сколов возникли непреднамеренно. Несмотря на значительный процент остаточных ядрищ, цикличность возобновления рабочего фронта нуклеусов была небольшой. Частично это объясняется большим удельным весом остаточных форм среди радиальных ядрищ

	1-3 см	3-5 см	5-7 см	7 см	Итого	%
Первичные отщепы	373	193	50	3	619	7.3%
Полупервичные отщепы	856	417	165	25	1463	17.2%
Вторичные отщепы	5029	1022	299	87	6437	75.5%
Итого:	6258	1632	514	115	8519	100%

Таблица 2. Антоновка II. Размерные категории отщепов.

Продольные	Продольно-поперечные	Конвергентные	Радиальные	Продольно-встречные	Обушковые	Бессистемные	Итого:
285	48	99	63	18	62	145	720
39.6%	6.7%	13.8%	8.7%	2.5%	8.7%	20.1%	100%

Таблица 3. Антоновка II. Огранка дорсальной поверхности отщепов.

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двухгранные	Всего
Необработанные	55	57	27	42	32	15	228
С пониженным рельефом	2	24	10	17	16	9	78
Грубообработанные	16	61	29	25	9	11	151
Редуцированные	-	18	34	4	12	3	71
Редуцированные с пришлифовкой	-	-	8	-	2	-	10
Итого:	73	160	108	88	71	38	538

Таблица 4. Антоновка II. Зоны расщепления отщепов.

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двухгранные	Всего
Необработанные	2	11	6	1	12	-	32
С пониженным рельефом	-	5	4	1	3	-	13
Грубообработанные	-	4	7	-	3	3	16
Редуцированные	-	2	10	-	-	-	12
Редуцированные с пришлифовкой	-	-	1	-	-	-	1
Итого:	2	22	28	2	16	3	73

Таблица 5. Антоновка II. Зоны расщепления пластин.

(до 50%), возобновление фронта которых слабо фиксируется особыми служебными сколами. Краевых сколов (*debordante*), связанных с подъемом выпуклости фронта полюсных нуклеусов, относительно немного, и они не отличаются особым разнообразием огранки. Среди этих сколов преобладают отщепы и пластины с поперечной огранкой, что говорит об устранении краевых участков фронта преимущественно продольными сколами. Степень редукции полюсных нуклеусов, в целом, незначительная – ядрищ со сложным сочетанием систем скалывания немного. Радиальные нуклеусы срабатывались, как правило, более значительно.

Для производства массивных скребел и листовидных острий часто использовались сколы, возникающие на начальных этапах нуклеусного расщепления как производственные отходы при подготовке ядрища. С какой-либо особой технологией первичного расщепления эти массивные полукорковые отщепы не связаны. Складывается впечатление, что главной целью расщепления нуклеусов в рамках всех указанных методов было не получение заготовки определенной формы, а полное совершение самого акта расщепления как такового. Отбор заготовки осуществлялся после полного расщепления нуклеуса. Сколы, возникшие на начальных этапах оббивки нуклеусов и конкреций кремня, оказывались востребованными в не меньшей степени, чем полученные при систематическом расщеплении ядрищ «целевые» сколы. Более строгий отбор проходили т.н. «сколы с ретушью», т.е. сколы, которые использовались без дополнительной обработки. В этом проявляется заметное отличие от леваллуазских технологий раскалывания камня, у которых целевой продукт нуклеусного расщепления являлся главной заготовкой для орудий.

Технология изготовления орудий стоянки Антоновка II (по материалам 2001-2002 гг.)

Реконструкция технологии изготовления орудий в антоновской индустрии основывается на анализе наиболее характерных преформ орудий, сломавшихся при обработке, а также выбракованных изделий, технологически значимых сколов обработки орудий и, наконец, законченных орудий, которые показывают конечную цель этого сектора производства.

Следует отметить, что разграничение законченных орудий и т.н. «заготовок» орудий (а,

точнее, выброшенных экземпляров) на практике проводится нелегко. На это обратил внимание еще В.Н. Гладиллин, писавший, что «трудно в каждом отдельном случае сказать с уверенностью, имеем ли мы дело с полуфабрикатами или с отходами производства» [Гладиллин, 1976, с.34]. Тем не менее, в категорию типологически самостоятельных орудий в коллекции 1963-1965 гг. вошли формы, которые в редукционных рядах могут занимать начальные, а не конечные позиции. Практически все изделия с признаками вторичной обработки получили прописку в конкретных типологических ячейках как типологически самостоятельные единицы. Взгляд на морфологию этих продуктов с точки зрения редукционных стратегий не позволяет ставить знак равенства между преформами изделий и стилистически законченными орудиями, хотя, с формальной точки зрения, любая серия предметов с повторяющимся набором общих признаков может быть признана типичной. А.Е. Матюхин, безусловно, прав, отмечая, что многие изделия, атрибутированные В.Н. Гладиллиным как «ножи», скорее всего, имеют отношение к изготовлению листовидных острий [Матюхин, 1996, с.17].

При анализе палеотехнологий кремневой индустрии Антоновки применялась методика восстановления технологических контекстов путем реконструкции редукционных рядов [Bredley, 1974, 1975; Матюхин, 1983; Гирия, Бредли, 1991; и др.]. При этом выяснилось, что некоторые типологически законченные предметы (например, многие зубчатые, часть концевых скребков и некоторые грубые скребла), скорее всего, являются промежуточной формой, необходимой для получения более сложно организованных изделий. Не настаивая на конечности приведенных цифр, я отношу к стилистически законченным орудиям 170 изделий из коллекции 2001-2002 гг. и столько же предметов - к преформам или к выбракованным орудиям. Ограниченные возможности применения трасологического метода по отношению к публикуемым материалам не позволяют провести объективную границу между функциональными орудиями и их редукционными предшественниками.

Все изделия, включенные в условную категорию «доорудий», распадаются на предметы с односторонней скребловидной обработкой (включая зубчатую), бифасиально обработанные предметы, изделия со следами выраженно-

го в разной степени ядрищного утончения и некоторые другие изделия, в которых угадывается общая конструкция законченных орудий.

Наиболее многочисленную группу преформ образуют предметы с признаками уплощения вентральной (брюшковой) стороны и технологически связанные с ними изделия.

«Скребла» на площадках сколов (6 шт.). Это массивные широкие сколы с выпуклыми протяженными достаточно крутыми (более 45°) скребловидными участками, сформированными на месте ударных площадок. Крупнофасеточной ретушью срезались не только площадки, но и прилегающие края сколов. Ретушь наносилась со стороны брюшка. Образовавшаяся кромка подправлена мелкими сколами только у двух экземпляров. Один удлиненный скол имеет скребловидную подработку на двух концах. Скребловидные участки – фактически площадки для дальнейшей обработки вентральной стороны изделий. Коэффициент массивности этих изделий - 28; коэффициент удлиненности - 115. Мне кажется, что часть т.н. «базально-арочных скребел» В.Н. Гладилина целиком ложится в эту категорию преформ. Базально-арочные скребла признаются В.Н. Гладилиным в качестве одной из специфических черт антоновской индустрии.

Изделия со следами уплощения ударного бугорка (32 шт.). Эта весьма многочисленная группа преформ отличается наличием грубо обработанных скреблообразных выпуклых участков на месте ударных площадок заготовок (вторичные площадки для сколов с брюшка) и негативами сколов, которые полностью или частично срезают ударный бугорок. Какие-либо дополнительные операции с этими предметами не производились, и обработка ограничивалась только устранением или существенным уменьшением выпуклости бугорка. Нет также следов переоформления вторичных площадок в лезвийные кромки. На 7-ми образцах бугорок подправлен одним сколом в направлении оси заготовки, в остальных случаях обработка велась систематически, в том числе и с краевых участков вторичных площадок. На месте бугорка формировались поверхности с конвергентной или субпараллельной огранкой. Параметрическая избирательность в выборе заготовок не заметна – использовались как мелкие (3-5 см), так и крупные (8-9 см) массивные сколы. Средние размеры – 5.2 см. Большая часть изделий (21) сохраняет корку. Коэффициент массивности - 27; коэффициент удли-

ненности - 118. В классификации В.Н. Гладилина аналогичные изделия описываются как разновидности специфических продольных протопризматических пренуклеусов.

Изделия со следами уплощения вентральной стороны (42 шт.) во многом похожи на отщепы с уплощенным ударным бугорком, но дополняются (реже – только ограничиваются) аналогичной обработкой дистального конца заготовки и боковыми сколами с краевых участков. При этом вентральная сторона подвергалась значительной, но не полной обработке. Полное или частичное срезание бугорка преформы и дистального изгиба обеспечивало эффект выпрямления профиля заготовки и уплощения вентральной стороны. Наиболее эффектны два экземпляра, у которых уплощение брюшковой поверхности велось сколами с двух противоположных площадок. Независимые ретушные кромки (лезвия), кроме вторичных площадок по краю вентрального поля, не отмечены. Участки меловой корки сохраняются на всех без исключения образцах. Средние размеры сколов – 5-6 см. Коэффициент массивности - 32; коэффициент удлиненности - 121.

Изделия с полностью обработанной вентральной стороной (12 шт.). Эти предметы логически продолжают ряд изделий с утончением ударного бугорка и частично обработанной вентральной поверхностью. Уплощающее скалывание производилось как с концов изделий, так и с боковых кромок. Подавляющее большинство из них (10) сохраняет известковую корку (рис.24, 4; 25, 1; 29, 1, 4). По «стратиграфии» негативов видно, что в большинстве случаев сколы с краев перекрывают сколы уплощения ударного бугорка или сколы уплощения дистального конца заготовки. Несмотря на систематическую обработку, только пять предметов (один из них представлен фрагментом) приобрели уплощенную, в целом, вентральную поверхность. Возможно, поэтому изделия попали в категорию отходов производства. Несмотря на внешнюю эффектность изделий, какие-либо следы оформления ретушных лезвий или систематической оббивки дорсальной поверхности отсутствуют. Сохраняются лишь площадки, подготовленные для нанесения сколов в вентральной плоскости и не перекрытые мелкой ретушью. Эти площадки создают впечатление моделирующей обработки, но их значение существенно технологическое.

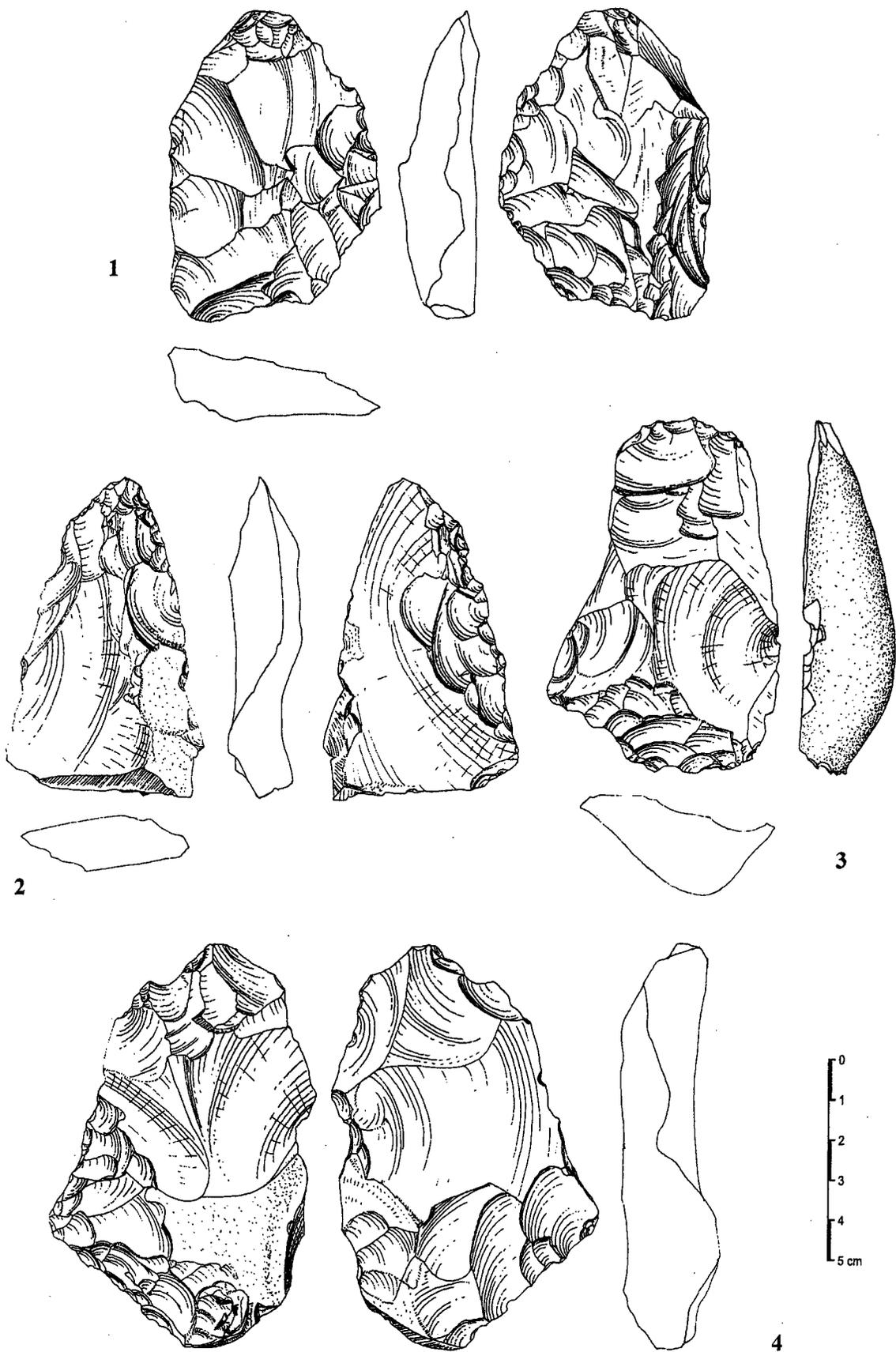

Рис. 24. Антоновка II. Заготовки бифасов.
 Fig. 24. Antonovka II. Non finished bifaces.

Производными процесса обработки вентральной стороны заготовок являются т.н. *вентральные отщепы* (сколы типа «Янус», «Комбева»). Они представлены статистически полноценной подборкой из 184 сколов. Безусловно, в коллекции таких сколов гораздо больше, но отбирались только образцы с бесспорными признаками. В основном, преобладают сколы до 3 см, хотя, по крайней мере, 10 шт. достигают размеров 4-5 см. Морфология этих сколов известна – наличие вентральных поверхностей с двух сторон. Однако в деталях сколы существенно разнятся между собой. Десять из них обладают очень тонким сечением, тончайшим перообразным окончанием и фактически лишены площадки; направление осей, там, где это видно, совпадает. Это так называемые сколы-изьянцы, произвольно выпадавшие с поверхности бугорка от хлесткого удара при скалывании [Коваль, 1996]. Вторая специфическая группа сколов совмещает в себе признаки вентральных отщепов и т.н. сколов-триммингов (сколов обработки бифасов). Их также 10 шт. Данные сколы имеют две вентральные поверхности и относительно длинные узкие тонко фасетированные площадки с характерной кромкой-«губой», образующие выраженный острый угол с дорсальной поверхностью. Это признаки обработки бифасов при помощи мягкого отбойника. Третья группа (164 шт.) включает чешуйки и отщепы преимущественно округлых или трапециевидных очертаний, с выраженными площадками. Приблизительно четверть этих сколов (35) имеет тонкое перообразное окончание, у основной части (92) оно петлеобразное. С уплощением ударного бугорка связаны не менее 42 сколов, из них, по крайней мере, 7 отделялись от участков на месте первичных площадок отщепов-преформ и имеют совпадающие оси на двух поверхностях. Не менее 3 сколов были отделены с дистальной части преформы. Остальные сколы не дают оснований для уверенной диагностики их позиции. Скорее всего, большинство из них отбивались от боковых участков преформы. Сложность диагностики объясняется тем, что на многих образцах вентральная поверхность преформы сохраняется на «спинке» в виде рудиментов со слабо выраженным рельефом. Основная часть сколов (120) имеет гладкую поверхность, т.е. относится к «первичным» вентральным отщепам. Отмечаются также следы предшествующих однонаправленных сколов

(29) и поперечных сколов (8). Последние две категории отражают систематичность вентрального уплощения изделий. Из всех определимых площадок 18% сохраняют меловую корочку, остальные тонко фасетированы. Вентральные сколы с корковыми площадками показывают большой удельный вес первичных отщепов, которые подвергались процессу уплощения.

На всех описанных преформах со следами обработки вентральной стороны, а также на орудиях с подобным типом обработки (см. выше) суммарно учтены негативы не менее чем от 130 вентральных сколов. Это несколько меньше самих таких сколов. Небольшая статистическая разница может указывать на то, что часть изделий с вентральной обработкой оказалась за пределами комплекса.

Операции подтески ударного бугорка и уплощения вентральной стороны заготовки не связаны жестко с изготовлением какого-то одного класса изделий.

Изделия с ядришной обработкой дорсальной поверхности (6 шт.). Использование этого приема индивидуально у всех образцов. Площадки образованы на концах заготовок при помощи однорядной ретуши. В одном случае площадка подправлена боковыми сколами, переходящими на боковую поверхность заготовки. Сколы утончения короткие и широкие, в одном случае – лямеллярные. Изделия с этим типом обработки имеют незавершенный вид.

Изделия с зубчатой обработкой (26 шт.) – разнообразные, в основном, крупные и массивные сколы с разнокалиберной зубчатой ретушью. Зубчатые участки образуют либо протяженные скреблообразные кромки (16), либо выглядят в виде комбинации нескольких соседних клетонских анкошей без следов дополнительной обработки (10). Все крупные сколы (10) сохранили участки первичной корки. Средняя длина сколов 7 см. Коэффициент массивности - 24; коэффициент удлиненности - 122. Зубчатые формы, скорее всего, отражают начальную стадию формирования скребловидных кромок, которые далее могли трансформироваться в скребла или служили площадками для последующей бифасиальной оббивки заготовок.

Изделия со следами нерегулярной бифасиальной оббивки (27 шт.). Это отщепы и обломки кремня, подвергшиеся незначительной модулирующей оббивке, не изменившей кардинально форму предмета обработки. В не-

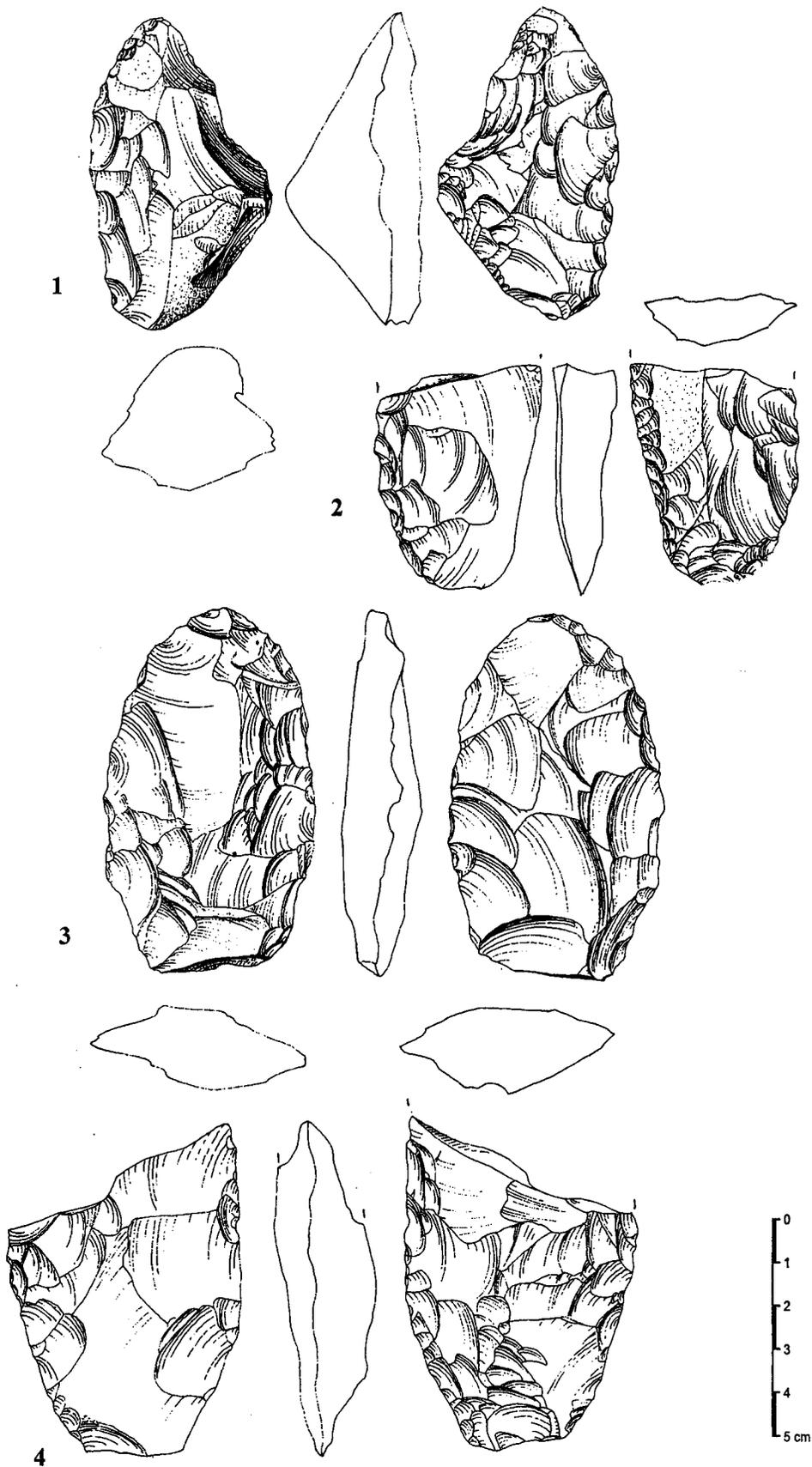

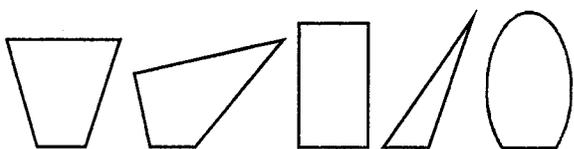
Рис. 25. Антоновка II. Заготовки бифасов.
Fig. 25. Antonovka II. Non finished bifaces.

которых предметах угадывается неправильно-овальная форма (рис.24, 4) или форма, близкая к треугольной (рис.24, 2). На ряде изделий приостряющей ретушью оформлены небольшие скребловидные участки, а также зубчатые участки, образованные крупными разрезанными сколами.

Преформы листовидных бифасов (7 шт.). По крайней мере, три из них представляют вторичные отщепы, преобразованные при помощи двусторонней краевой оббивки в изделия треугольной формы. Они сохраняют естественное плоско-выпуклое сечение и, возможно, предназначались для производства треугольных острий. Размеры двух из них относительно крупные – до 9 см в длину. Четвертый экземпляр имеет вытянутоовальные очертания (рис.25, 3); один из концов утерян. Поперечное сечение двояковыпуклое. Профиль краев извилистый, т.к. тщательная подправка периметра не была произведена. Длина - 9.5 см. В некоторых местах видны подготовленные для скалывания участки. Это заготовка бифаса наиболее приближена к законченной форме. Возможно, с производством подобных вытянутоовальных бифасов связаны две обломанные и одна целая незаконченные заготовки (рис.25, 2, 4; 29, 7). Одна из преформ имеет неустойчивые очертания (рис.24, 1).

Сколы формирования бифасов (68 шт.). Характерным для них является наличие скошенной тонко фасетированной (около 45°) площадки, оконтуренной узким валиком с вентральной стороны отщепа, расширяющийся от площадки корпус. «Козырек» и скошенность ударной площадки приняты связывать с формированием двусторонних орудий [Newcomer, 1971; Bredly, Sampson, 1986 и др.]. Часто (48) эти отщепы изогнуты в профиле. Форма сколов в плане специфична; среди целых выделяются:

- трапециевидные симметричные	12
- трапециевидные скошенные	24
- удлиненные прямоугольные	11
- неправильно-треугольные скошенные	4
- неправильно овалы	4
- неустойчивых очертаний	4

Преобладают трапециевидные скошенные сколы в форме трапеции с одним большим крылом. Доминируют перообразные окончания сколов (31) при наличии петлеобразных (15) и тупых (4). Меловая корка сохранилась только на одном образце. Зоны расщепления большинства из них – краевые участки бифасов. Размеры – от 1 до 5 см. Только три крупных скола можно связать с начальным этапом формирования бифасов; остальные, скорее всего, связаны с окончательной доводкой орудий. Один из крупных сколов имеет интенсивную вторичную сработанность по краям. Обращает на себя внимание также один крупный эффектный скол, который был нанесен с целью обработки плоской стороны небольшого листовидного плоско-выпуклого бифаса, но из-за затухания ударного импульса привел к отрыву основной массы предмета обработки. Еще один удлиненный скол обработки бифаса имеет утолщенную и расширяющуюся дистальную часть, как в случае со сколами формирования тонких бифасов. Судя по сумме признаков, обработка всех бифасов осуществлялась мягким отбойником. Не исключено, что с обработкой заготовок бифасов при помощи мягкого отбойника связана часть учтенных выше пластин с точечными редуцированными площадками.

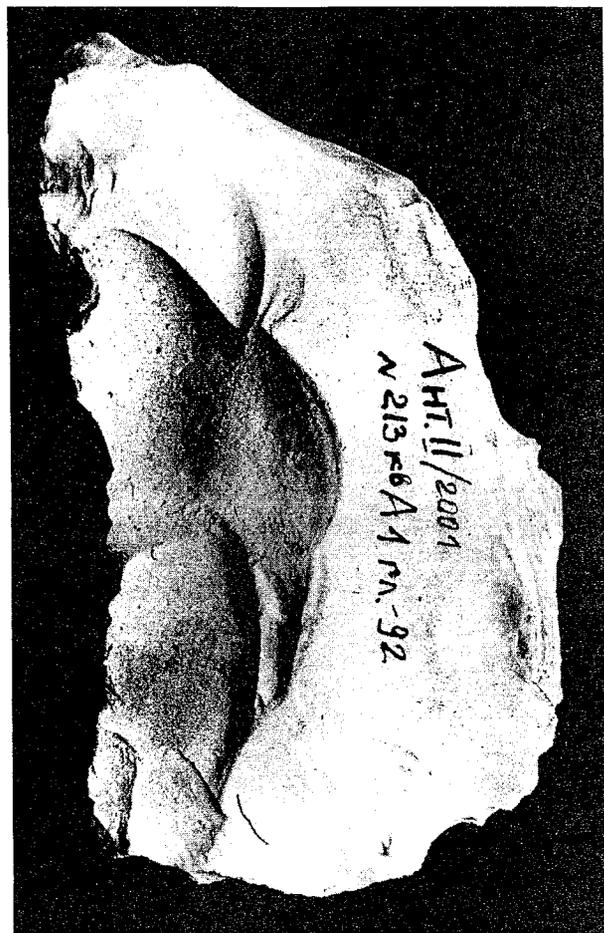
Специфическую группу образуют массивные грубо оббитые изделия с треугольным поперечным сечением (12 шт.). Форма этих изделий в плане асимметричная (рис.26, 1-2). Оббитые плоскости соединяются под углом 30° – 45°. Продольный профиль ребра, образованного боковыми поверхностями в месте их соединения, как правило, симметричен. В плане этот край прямой или выпуклый, извилистый. Противоположный ребру-«лезвию» поперечный торце-обушок сохраняет меловую корку (4), гладкий (4) или уплощен несколькими сколами (4). Обработка плоских сторон велась не только от ребра, но и от обушка. Похожие, но более массивные предметы В.Н. Гладилин описывает как специфические перпендикулярные нуклеусы. Более корректной, видимо, является трактовка их в качестве преформ сегментовидных (или треугольных) двусторонних обушковых ножей. Аналогичные формы отмечены В.П. Чабаем в ресс-вюрмских слоях Кабази-II [Чабай, в печати]. Конструктивная особенность этих ножей (обушок в наиболее массивной части и противоположащее ему прямое или выпуклое лезвие)

целенаправленно формировалась с самого начала оббивки. Лезвийные кромки не закончены, имеют извилистый профиль.

На основании морфологии описанных выше технологических отходов в антоновской индустрии можно предположить несколько моделей (или редукционных последовательностей) изготовления орудий.

Наилучшим образом документирована технология изготовления двусторонних плоско-выпуклых орудий или изделий с частичным вентральным утончением (в основном, ударного бугорка). Как отмечалось, в начальной стадии обработки изделий с вентральным утончением на дорсальной стороне скола-преформы формировались короткие или протяженные площадки, тяготеющие к концам обрабатываемого скола, т.е. к его базальной (преимущественно) или дистальной части. Вторичная площадка на базальной части преформы срезала ее первичную площадку. До отделения

вентральных отщепов преформа имела вид специфических скребел или атипичных скребков – в зависимости от длины и места расположения подготовленных площадок, а также характера ретуши. Последующие вентральные сколы устраняли выпуклость ударного бугорка и загиб дистальной части преформы. Статистически выражены заготовки с уплощением только одного ударного бугорка. Достаточно многочисленны и законченные орудия (продольные и угловатые скребла, острия и др.) с полностью или частично срезанным ударным бугорком преформы. В ряде случаев уплощение бугорка перерастало в уплощение всей вентральной поверхности, причем, судя по незаконченным изделиям, уплощению часто подвергалась и без того вполне ровная и плоская поверхность. Это служит хорошей иллюстрацией того, как стереотип плоско-выпуклой обработки оказывал довлеющее влияние на поведение древних визитеров стоянки при изготовлении ими каменных инструментов на

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 26. Антоновка II. Заготовки двусторонних обушковых ножей (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 26. Antonovka II. Non finished bifacial backed knives (foto by A.P. Parkhomenko).

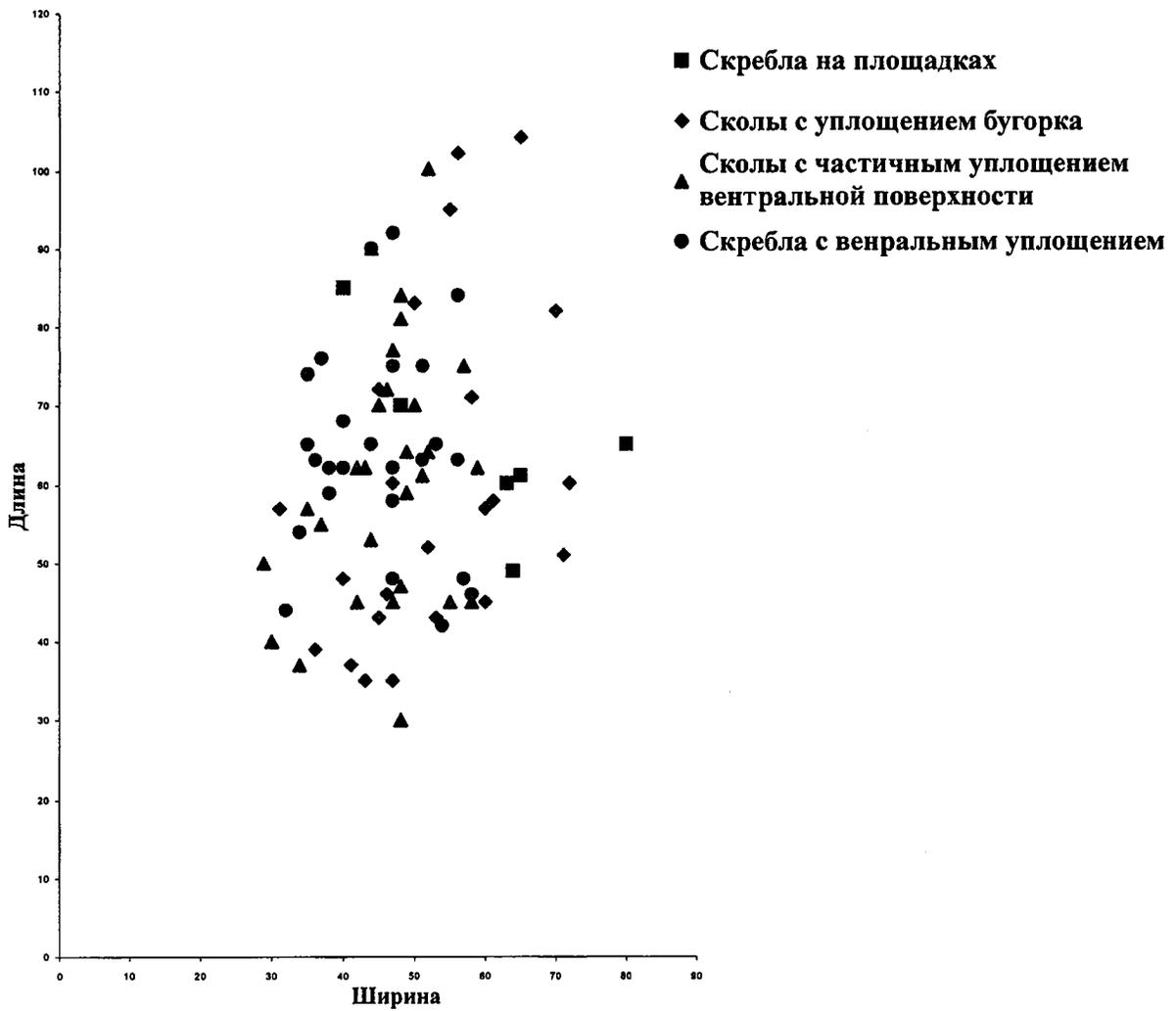

График 1. Антоновка II. Метрическая характеристика (длина, ширина) изделий со следами уплощения вентральной поверхности

массивной основе. В выбросе технологического брака оказывались многочисленные изделия с полностью или частично обработанной вентральной стороной, у которых краевые площадки на дорсальной стороне не были устранены последующим ретушированием. Окончательная доводка орудий (при производстве скребел) заключалась именно в тонком ретушировании лезвий на выпуклую сторону. Ретушь полностью нивелировала краевые площадки и заметно срезала базальные части негативов вентральной подтески. Скребла со следами утончения ударного бугорка образуют параметрически единую группу с различными заготовками этого класса изделий (график 1).

Иной сценарий дальнейшей обработки этих изделий мог заключаться в формировании бифасов листовидной формы после полного или частичного выравнивания вентральной по-

верхности. При этом в ходе формирующей оббивки выпуклой стороны плоская вентральная сторона играла роль своеобразной площадки. Систематические сколы с плоской стороны придавали изделию искомую конфигурацию. На заключительной стадии обработки при незначительной подправке изделию могло придаваться двояко-выпуклое сечение. Плоско-выпуклая конструкция также не препятствовала «выходу в свет» листовидных острий. Относительная малочисленность в коллекции законченных скребел с полностью обработанной вентральной стороной позволяет думать, что значительная, если не основная часть плоско-выпуклых изделий с уплощенной вентральной поверхностью связана именно с производством острий.

Под таким углом зрения, изделия с убранным ударным бугорком или с более выраженными следами уплощения вентральной по-

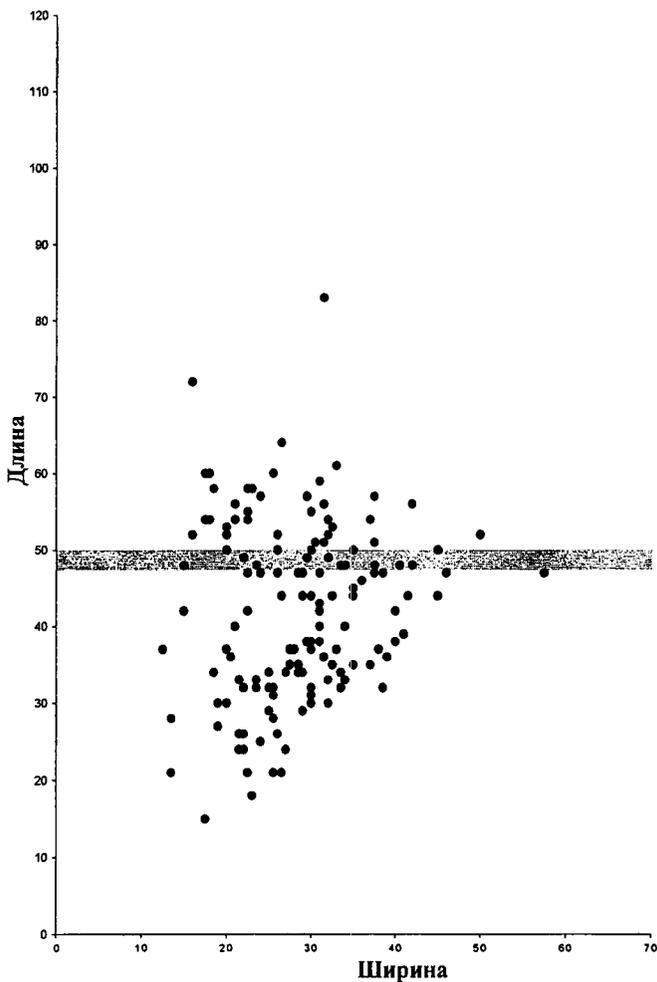

График 2. Антоновка II. Метрическая характеристика (длина, ширина) орудий.

верхности являются стадиальной формой обработки некоторых типов скребел и листовидных острий.

Второй способ получения листовидных острий с симметричным сечением прослеживается на примере обработки средних и крупных слабоизогнутых в профиле отщепов с незначительным коэффициентом массивности. Относительная прямизна профиля скола-преформы позволяла обойти стадию уплощения вентральной поверхности. Фронтом формирующего скалывания изначально выступала любая сторона, в зависимости от складывающейся ситуации. Этапу тестирования сколов перед бифасиальной оббивкой соответствует какая-то часть отщепов с нерегулярной зубчатой обработкой.

Трудно сказать с уверенностью, насколько самостоятельное значение при формировании листовидных острий имел прием альтернативной обработки краев продольных загото-

вок. Такой порядок скалывания применялся в антоновской индустрии довольно часто как способ выравнивания продольного профиля различных орудий (например, рис.26, 3). Скорее всего, реальный удельный вес этого приема оббивки острий искажен последующей тонкой доводкой орудий. Характерно, что в наиболее чистом виде прием виден на образце сломавшейся преформы (рис.25, 2).

Листовидные острия, видимо, делались также из небольших уплощенных конкреций кремня. Об этом можно судить по нескольким образцам из коллекции 1963-1965 гг. с сохранившимися участками корки на обеих сторонах изделий. Однако, в меньшей по размеру выборке 2001-2002 гг. листовидных бифасов с рудиментами корки с двух сторон нет. Не исключено, что единственное в новейших сборах небольшое сердцевидное рубило является стадиальной формой треугольного острия.

Определенно из очень массивных сколов или фрагментов с корковыми или гладкими обушками делались асимметричные двусторонние ножи с площадками для упора пальца. Обушковая конструкция преформы определяла характер обработки, которая сводилась к попеременной оббивке на обе стороны предполагаемого лезвия, противопоставленного массивной обушковой части. Обушок мог выступать как площадка при первоначальном уплощающем скалывании с двух сторон, но специально сохранялся вплоть до остаточных форм.

Ядрищный прием обработки употреблялся и как прием активной модуляции изделий (вторичная обработка), и как способ оживления сильно сработанных лезвийных кромок орудий (третичная обработка). Случаи моделирующей ядрищной обработки количественно преобладают. Обработке подвергались, в основном, концы орудий, уточнение редко значительно распространяется на корпус. Характерно применение концевое уточнение в комбинации с другими приемами, чаще всего с ретушью. В ряде случаев видна непрерывность обработки концов орудий и продольных ретушных кромок.

Орудия стоянки Антоновка II (по материалам 2001-2002 гг.)

К технологически законченным орудиям в анализируемой коллекции следует отно-

ситель изделия с протяженными тонко ретушированными кромками, интенсивно сработанными лезвиями, ретушированные изделия со следами подживления рабочих кромок. В условиях практиковавшегося на стоянке в древности экстенсивного модуса сырьевой стратегии проведенная автором граница между орудиями и их преформами, конечно, будет размытой, как об этом говорилось в предшествующем параграфе. Понятие «модель орудия» [Матюхин, 1998] отражает конечную цель производства, но для диагностики орудий одних только морфологических критериев недостаточно.

При классификации орудий использовались типологические определения рубил и типологист орудий Ф. Борда [Bordes, 1961], а также типология двусторонних обушковых ножей [Bosinski, 1967; Kulakovskaya et al., 1993]. Морфологические оттенки стандартных разновидностей орудий на сколах учтены в подразделениях типов. По возможности, приводятся типологические эквиваленты из классификации В.Н. Гладилина [1976].

Размер орудий колеблется от 1.8 до 9.7 см. По крайней мере, около двух третей орудий имеют размеры меньшие, чем 5 см (график 2).

Классификация орудий на сколах (типы 1-63) выглядит следующим образом:

6. Мустьерские остроконечники:

- мустьерский остроконечник простой 1
- остроконечник с базальным уточнением и уплощенным бугорком 1
- остроконечник с частичной подработкой вентральной стороны 1
- остроконечник с полностью уплощенной вентральной стороной 1

8. Лимасы:

- лимасы частично-двусторонние 2
- лимас атипичный 1

9. Продольные прямые скребла:

- продольные прямые скребла простые 9
- прямое продольное скребло с дорсальной ядрищной подработкой конца 1
- прямые продольные скребла с уплощенным ударным бугорком 6

10. Продольные выпуклые скребла:

- продольные выпуклые скребла простые 18
- продольные выпуклые скребла с натуральным обушком и частичным уплощением вентральной стороны 4
- продольные выпуклые скребла с частичным уплощением вентральной стороны 2

11. Продольные вогнутые скребла 3

12. Продольные прямые двойные скребла:

- продольное прямое двойное скребло с уплощенным ударным бугорком 1

13. Продольные прямо-выпуклые двойные скребла:

- продольные прямо-выпуклые двойные скребла с уплощением ударного бугорка и резцевидным сколом	2
15. Продольные выпуклые двойные скребла:	
- продольное выпуклое двойное скребло	1
- продольные выпуклые двойные скребла с частичной обработкой вентральной стороны	3
- продольные выпуклые двойные скребла с ядрищной подработкой одного конца	3
18. Конвергентные скребла	(4 фрагмента)
21. Угловатые скребла:	
- угловатые скребла простые	5
- угловатые скребла с уплощенным ударным бугорком	5
23. Поперечные выпуклые скребла	2
24. Поперечные вогнутые скребла	1
25. Скребла с ретушью с брюшка:	
- продольные прямые	2
- продольное выпуклое	1
- поперечное выпуклое	1
- поперечное прямое	1
26. Скребла с крутой ретушью	1
28. Скребла с двусторонней обработкой:	
- подовальные плоско-выпуклые скребла	8
- сегментовидные плоско-выпуклые скребла	3
- угловатые плоско-выпуклые скребла	2
30. Типичные скребки	1
31. Атипичные скребки	5
34. Атипичные резцы	3
37. Атипичные ножи с обушком	3
43. Зубчатые	20
51. Тейякские острия	1
61. Чоппинги	4
62. Прочие:	
- дисковидные изделия	16
- индивидуальные формы	7
63. Двусторонние листовидные острия:	
- иволистные	1
- вытянуто-овальные	2

Остроконечники, в целом, не характерны для описываемой индустрии. Все четыре экземпляра отличаются индивидуальными особенностями. Первый плоско-выпуклый остроконечник правильной каплевидной формы с тонкой обработкой по всему периметру имеет полностью обработанную спиралевидно изогнутую вентральную сторону (рис.27, 1). Второй остроконечник тривиален (рис.27, 2). Третий остроконечник неправильно-миндалевидной формы сохранил следы базального утончения на дорсальной поверхности и боковой подправки на вентральной стороне (рис.27, 3). Экземпляр с треугольными очертаниями (рис.27, 5) имеет полностью устраненный бугорок и утонченное

основание, симметричный продольный профиль; вероятно его использование в качестве наконечника составного орудия. По В.Н. Гладилину: остроконечник миндалевидный двусторонний базально-утонченный; остроконечник дорсальный обыкновенный; остроконечник миндалевидный частично-двусторонний тыльно-утонченный; наконечник подтреугольный дорсальный базально-заостренный.

Лимасы представлены тремя небольшими экземплярами. Один из них (рис.27, 5) имеет вытянуто-овальные очертания, следы обработки плоской стороны. Два других атипичны. Заостренный с двух концов экземпляр (рис.27, 4) – с уплощенным ударным бугорком, распо-

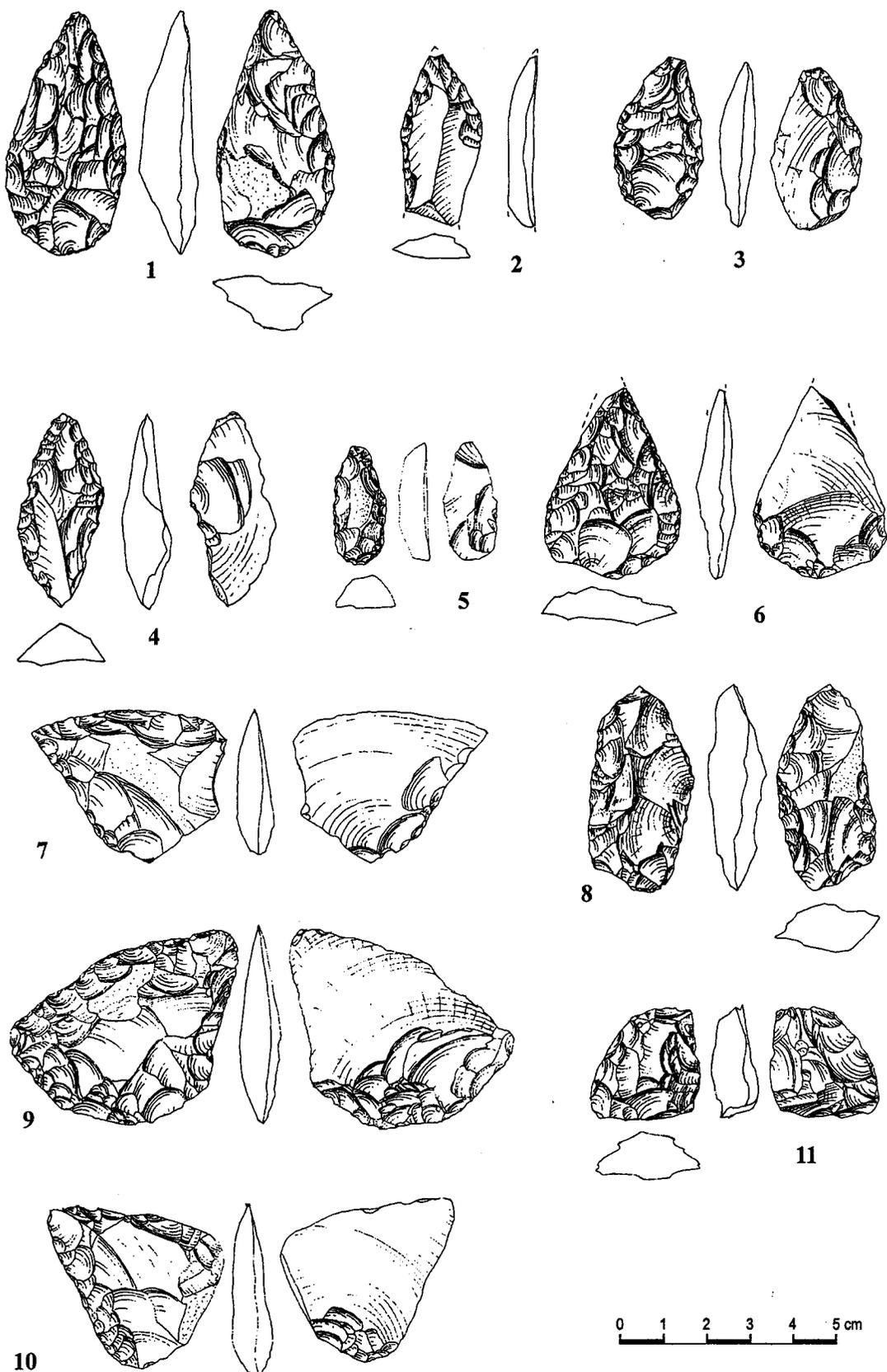

Рис. 27. Антоновка II. Орудия.
 Fig. 27. Antonovka II. Tools.

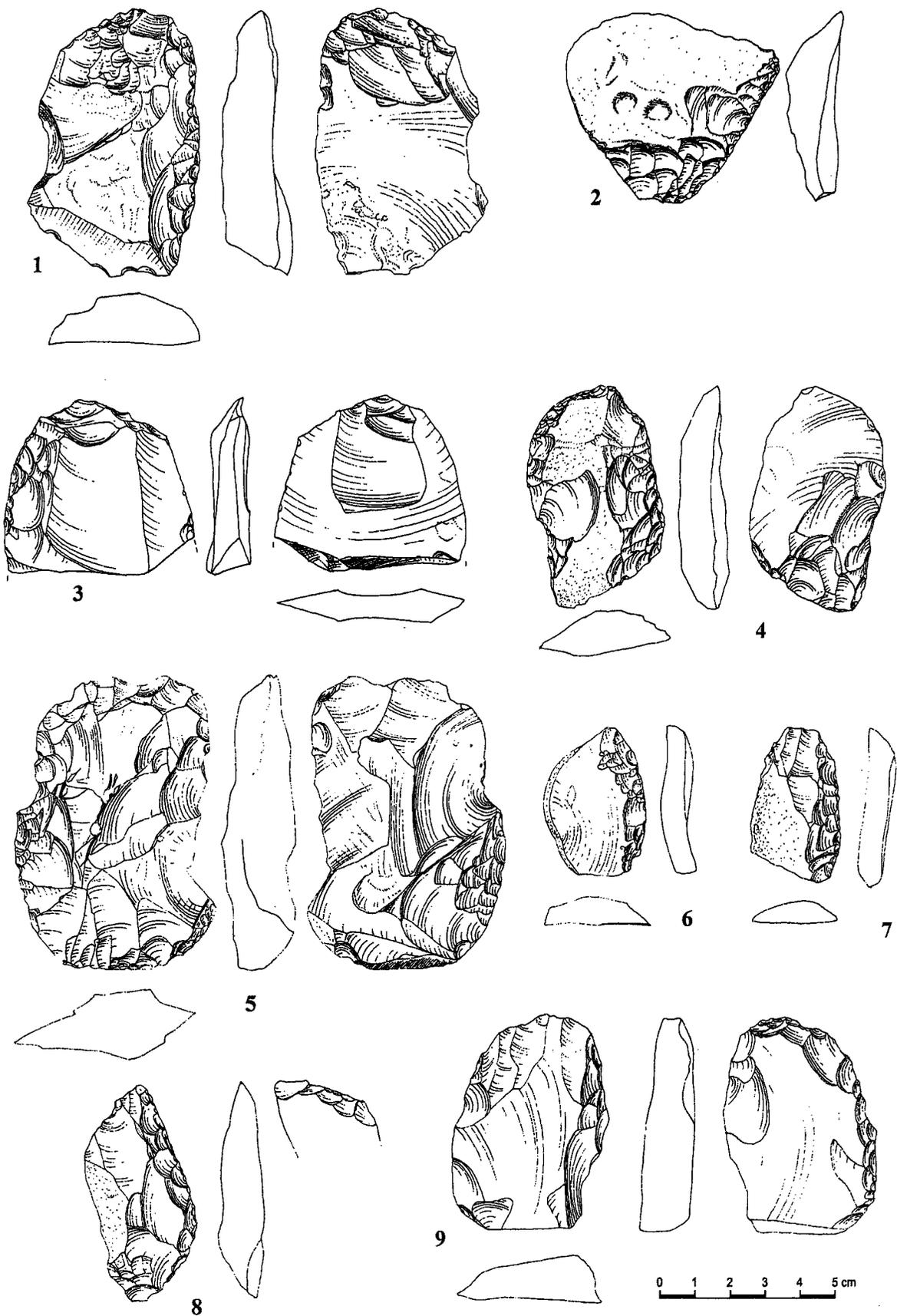

Рис. 28. Антоновка II. Орудия.
 Fig. 28. Antonovka II. Tools.

ложенным поперек длинной оси орудия. В классификации В.Н. Гладиллина лимасы атрибутируются как различные скребла-ножи овальные и лавролистные с соответствующей дробной типологической номенклатурой.

Продольные прямые скребла включают тривиальные скребла на отщепках (рис.28, 2) и статистически выраженную группу скребел со следами обработки вентральной поверхности. Простые скребла формировались преимущественно при помощи регулярной нераспространенной ретуши. Крутой моделирующей ретушью обработаны только 4 орудия. Для получения скребел использовались относительно тонкие отщепы, часто (5) с краевыми корковыми участками. Среди скребел с уплощением ударного бугорка выделяются как массивные образцы с первичной коркой (3), так и изделия из относительно тонких вторичных отщепов (3). Лезвия обработаны чешуйчато-ступенчатой (1) и пологой приострающей (5) ретушью. Присутствует также экземпляр с ядрищным утончением дорсальной поверхности; вторичная площадка утончения располагается косо по отношению к продольной оси орудия (рис.28, 8). По В.Н. Гладиллину: скребла-ножи продольно-прямые дорсальные и скребло-нож терминально-утонченное.

Продольные выпуклые скребла наиболее многочисленны в коллекции. Их основу составляют простые скребла на относительно тонких отщепках; ретушь на лезвиях краевая или распространенная (рис.28, 3, 7). Выразительную группу образуют скребла с естественным продольным обушком и сколами подтески вентральной стороны. В трех случаях подтеска устранила ударный бугорок и дистальный загиб преформы (рис.29, 5), в одном случае обработан только дистальный участок бруска. Все эти скребла отличаются массивностью. Интенсивно обработаны при помощи чешуйчато-ступенчатой и лямельлярной ретуши. Еще у двух экземпляров без обушков подправке подвергались дистальные концы вентральной поверхности (рис.28, 1). Среди продольных выпуклых скребел находятся образцы с ядрищной обработкой одного из концов (рис.28, 9). По В.Н. Гладиллину: скребла-ножи продольно-выпуклые дорсальные простые и терминально-утонченные, скребла-ножи подовальные частично-двусторонние естественно-обушковые.

Продольные прямые двойные скребла, продольные выпуклые прямо-выпуклые двой-

ные скребла с утончением ударного бугорка (рис.29, 2), *продольные вогнутые скребла, поперечные выпуклые скребла, поперечные вогнутые скребла, скребла с ретушью с бруска* (рис.28, 6) представлены единичными образцами.

Отметим *продольные прямо-выпуклые двойные скребла с утончением ударного бугорка*, которые имеют следы резцевидного костенковского подживления продольных лезвий (рис.31, 6). Оба относятся к остаточным формам.

Продольные выпуклые двойные скребла представлены также специфическими разновидностями – с ядрищной подработкой одного из концов и образцами с незначительной подправкой плоской стороны (рис.28, 4). По В.Н. Гладиллину: скребла-ножи продольно-выпуклые частично-двусторонние базально-утонченные и терминально-утонченные.

Конвергентные скребла представлены одним крупным обломком (рис.30, 8) и тремя фрагментами вершин. Несмотря на фрагментарность остатков, конвергентные скребла легко узнаваемы. Судя по сохранившимся частям, орудия формировались моделирующей чешуйчато-ступенчатой ретушью с углом наклона 30° - 50° . Лезвийные кромки ровные, подправлены мелкими сколами. Ретушь полностью покрывает дорсальную поверхность орудий. По В.Н. Гладиллину, возможно, скребла-ножи подтреугольные дорсальные обыкновенные.

Угловатые скребла обработаны моделирующей чешуйчато-ступенчатой ретушью, которая сформировала лезвия с углом наклона 40° - 80° . Сходящиеся лезвия не образуют острых концов. У некоторых скребел (4) утончению подвергались ударные бугорки и соседние участки поверхности (рис.27, 7-9; 29, 6). Наиболее крупное угловатое скребло (рис.27, 8) имеет три ретушированных лезвия и тонкий симметричный профиль. По В.Н. Гладиллину: скребла-ножи подтреугольные частично-двусторонние базально-притупленные и базально-заостренные.

Скребла с двусторонней обработкой распадаются на подовальные (рис.28, 5; 29, 3; 30, 1; 31, 3-4), сегментовидные и угловатые формы (рис.27, 11; 30, 6). У этих скребел, как и у всех плоско-выпуклых изделий, плоская сторона формировалась в первую очередь. Выпуклая сторона обработана широким набором средств:

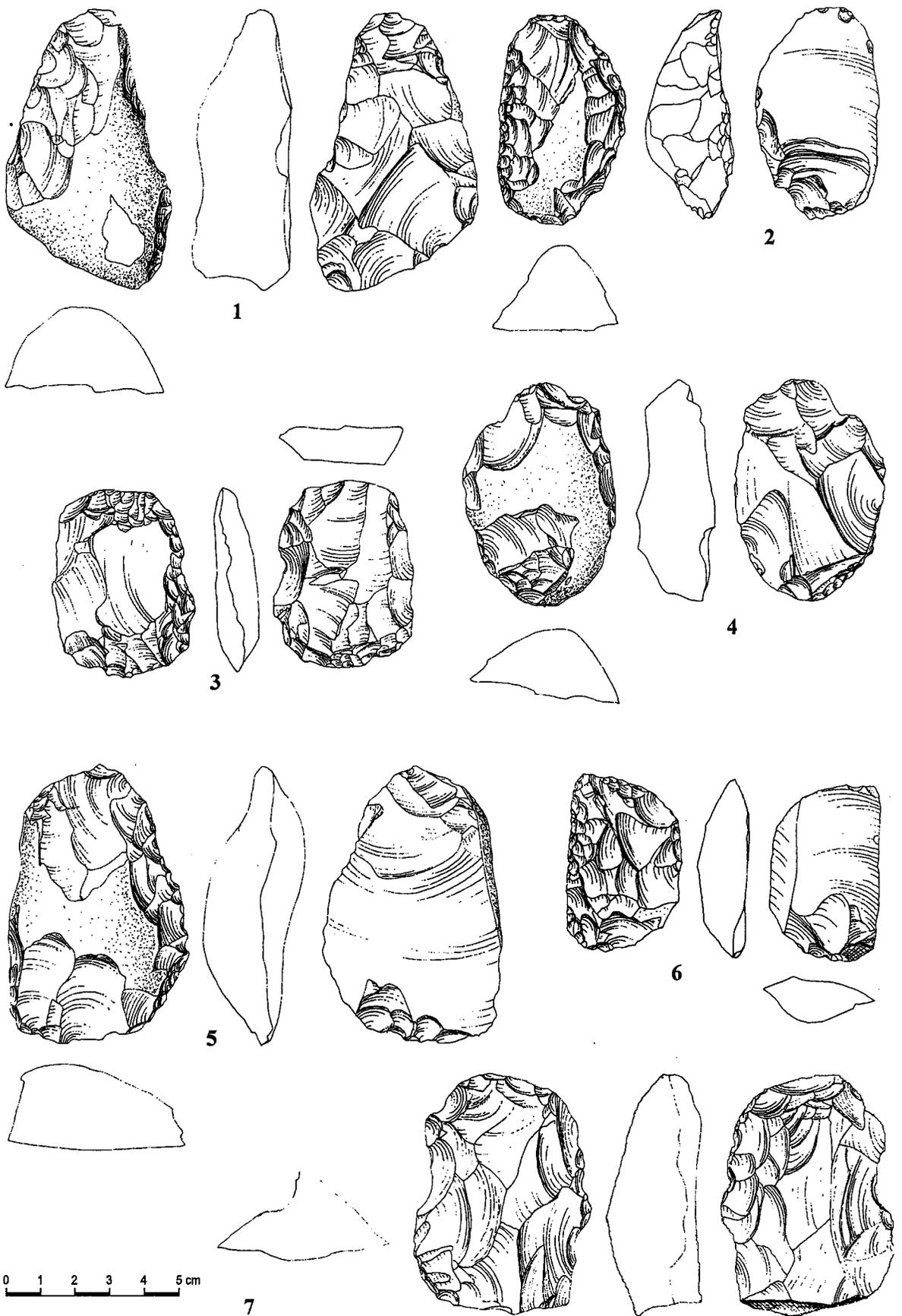

Рис. 29. Антоновка II. Орудия.
 Fig. 29. Antonovka II. Tools.

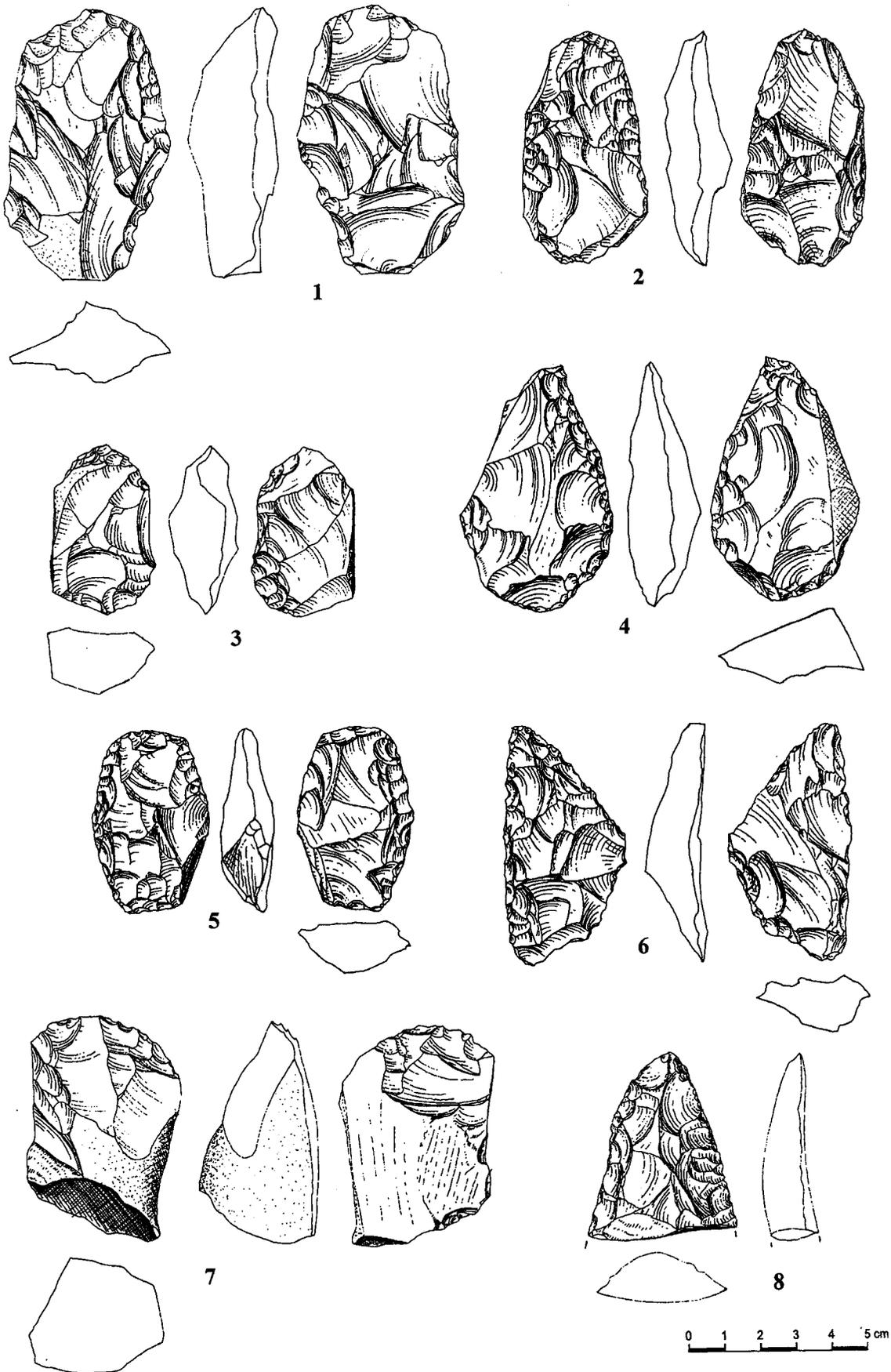

Рис. 30. Антоновка II. Орудия.
 Fig. 30. Antonovka-II. Tools.

энергичной оббивкой, чешуйчато-ступенчатой и мелкой краевой ретушью. Лезвия небольших овальных скребел несут следы интенсивной сработанности (рис.31, 3). Выкрошенные лезвийные кромки отмечаются и на угловатых плоско-выпуклых бифасах. Три небольших скребла относятся к категории остаточных (рис.27, 11; 31, 3-4). По В.Н. Гладилину: скребла-ножи овальные, подтреугольные и сегментовидные двусторонние.

Скребок типичный представлен одним экземпляром с выпуклым тонко ретушированным концом. В качестве заготовки использовался пластинчатый скол. По В.Н. Гладилину: скребок терминально-выпуклый дорсальный обыкновенный.

Скребки атипичные оформлены на неустойчивых по форме заготовках. Имеют небрежно оформленные мелкой ретушью относительно узкие участки на дистальных концах сколов. Одно небольшое изделие на первичном отщепе с круто ретушированным лезвием напоминает поперечное скребло. По В.Н. Гладилину: скрепки терминально-прямые дорсальные обыкновенные.

Атипичные резцы выполнены из угловатых фрагментов кремня и несут следы нескольких резцевидных сколов на выступающих элементах.

Зубчатые орудия, в отличие от зубчатых преформ, несут следы более или менее регулярной обработки краев и макроследы изношенности. Большинство из них близки соответствующим типам скребел. Имеются следы бифасиальной подправки лезвийных кромок (3), следы уплощения ударного бугорка (4).

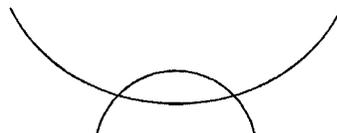
Законченных целых наконечников в публикуемой коллекции нет, не считая одного черне сформированного листовидного бифаса без тонкой отделки краев (рис.25, 3). Помимо описанных выше незаконченных форм и сколов формирования, эти изделия представлены фрагментами, несколькими обломанными орудиями и сколами поджигления.

Особо стоят четыре *чоппинговидных предмета* со спорной типологической атрибуцией. Они изготовлены из небольших яйцеобразных конкреций или фрагментов цилиндрических конкреций и имеют размеры 4-7 см. Вершины и края оббиты двусторонними сколами, придавшими обработанному участку зигзагообразный в профиле вид (рис.30, 7).

При этом скалывались неутилитарные отщепы размерами 1-3 см. Обработанный конец наиболее крупного образца несет следы смятости и забитости (сработанности-?). Признаков употребления этих предметов в качестве отбойников нет. В схеме В.Н. Гладилина чоппинговидные изделия рассматриваются как преформы нуклеусов.

Дисковидные изделия. Все изготовлены из относительно тонких отщепов и несут следы регулярной оббивки по всему периметру. У половины ударные бугорки уплощены вентральными сколами. Профиль большинства близок к симметричному. В шести случаях применялся ядрищный прием обработки (рис.30, 6). Размеры от 4 до 7.5 см. Оббивка велась, в основном, уплощающими сколами. На шести предметах мелкими плоскими сколами образованы выпуклые в плане, тонкие в профиле лезвийные кромки.

Листовидные острия. Наконечники сохранились почти полностью, за исключением небольших концевых участков. Форма одного из них, предположительно, лавролистная (рис.32, 3), двух других – вытянуто-овальная (рис.32, 4). Поперечное сечение может быть определено как плоско-выпуклое, но с геометрической точки зрения выглядит как совмещение двух дуг разного диаметра. Крупнофасеточная обработка сочетается с тонкой отделкой. Меньший экземпляр имеет выраженное острейное жало. По В.Н. Гладилину: наконечник иволистный двусторонний; наконечники миндалевидные (?) двусторонние.

Итак, всего целых орудий (или почти целых), согласно типо-листу, 155 шт.

Сколы с ретушью (59 шт.). В эту группу включены сколы с выраженными следами сработанности (ретушь утилизации) или небольшими по протяженности скребловидными лезвийными участками, покрытыми мелкими краевыми фасетками. Представлены, в основном, вторичные сколы, корка сохраняется только на 12 предметах. Пять сколов входят в категорию пластин. Использовались относительно крупные сколы – средняя длина их равна 5.8 см. Огранка большинства сколов нестабильная.

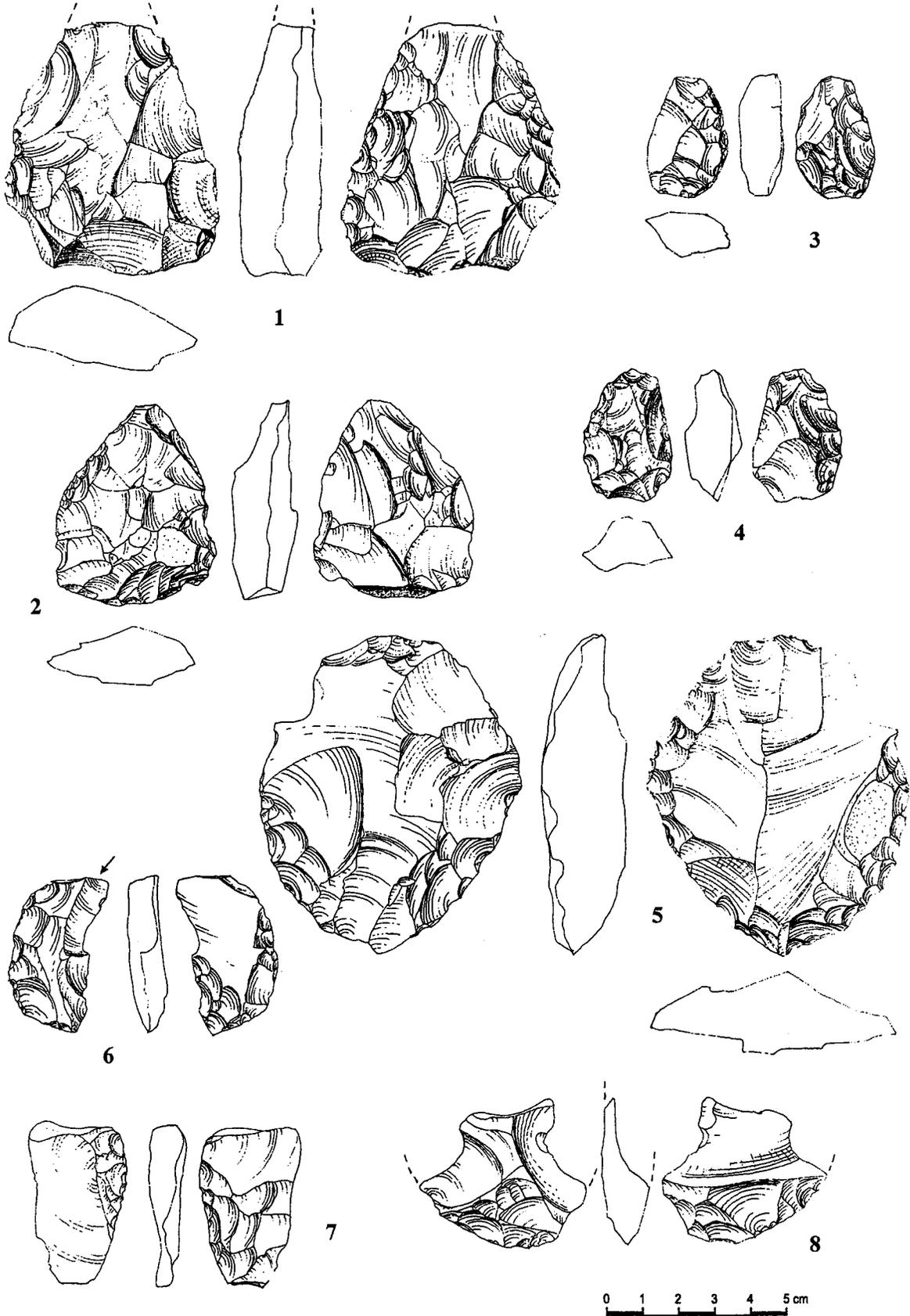

Рис. 31. Антоновка II. Орудия (1-6) и технологические сколы (7-8).
 Fig. 31. Antonovka II. Tools (1-6) and technological flakes (7-8).

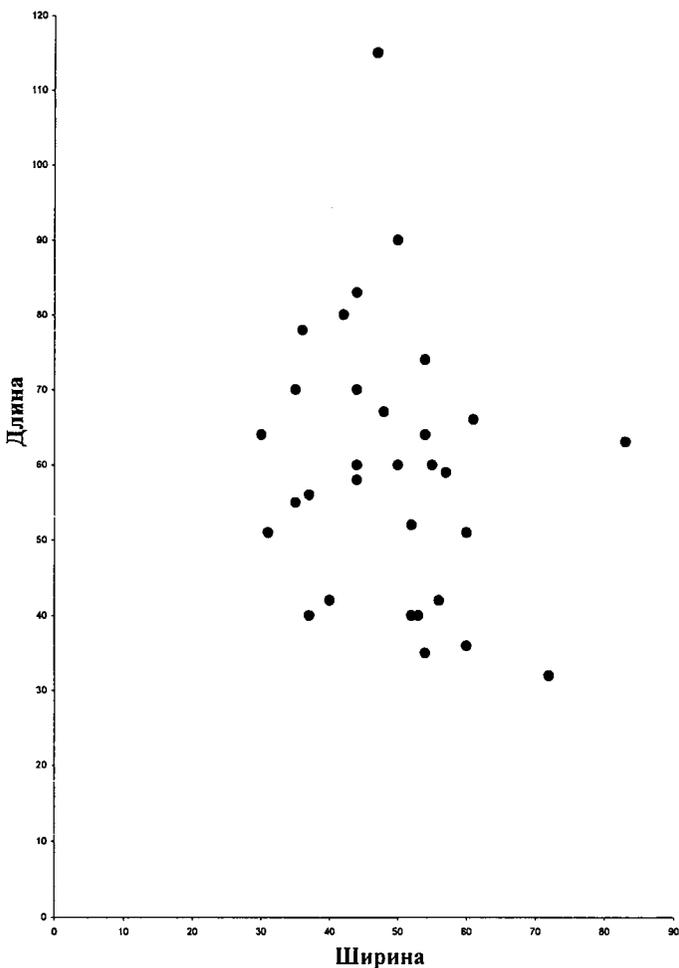

График 3. Антоновка II. Метрическая характеристика (длина, ширина) сколов с ретушью.

Относительно устойчивые размеры сколов (график 3) показывают, что заготовки для этого типа инструментов целенаправленно отбирались. Коэффициент массивности - 24; коэффициент удлиненности - 139.

Помимо целых орудий и сколов с ретушью, выделяется достаточно представительная подборка фрагментов орудий, фрагментов сколов с ретушью и специфических сколов подживления орудий.

Фрагменты скребел (49 шт.) относятся, в основном, к простым разновидностям. За исключением 9 экземпляров, все они изготовлены из тонких отщепов. Основная часть фрагментов (36) сохраняет небольшие участки продольных прямых или слабо выпуклых лезвий, сформированных регулярной приострающей ретушью. Кроме этого, один фрагмент относится к двойному продольному скреблу, три небольших фрагмента представляют вершины массив-

ных конвергентных (или угловатых-?) скребел, пять фрагментов сохранили участки выпуклых полуовальных лезвий, два фрагмента – базальные части удлиненных сколов, ретушированных с двух краев, один фрагмент – часть массивного продольного скребла с утонченной спинкой и один фрагмент - крупная часть эффективного конвергентного скребла с полностью обработанной спинкой (рис.30, 8). Торцы обломов располагаются в произвольном положении по отношению к оси орудий. На них видны следы ударных импульсов, идущих со стороны спинки (16) и брюшка (17). В 9-ти случаях торец облома заканчивается т.н. «язычком». Одна треть описываемых образцов представлена сегментами скребел в двумя торцами обломов. Только в одном случае можно говорить о преднамеренной фрагментации, оставившей следы нескольких ударов с дорсальной стороны орудия. Нет оснований связывать эти фрагменты с процессом

изготовления скребел, так как все они имеют вполне законченные и сработанные лезвия. Очевидно, они ломались в процессе использования или специально разбивались после выполнения работы.

Какая-то часть скребел подправлялась при затупливании лезвий. По крайней мере, 15 небольших сколов имеют отношение к подживлению лезвий скребел. Наиболее выразительные *сколы подживления скребел* внешне похожи на массивные и короткие резцовые отщепки (5). В отличие от сколов со сработанных скребловидных участков в рамках костенковской техники, они развернуты на вентральную сторону. Небольшие участки лезвий сбивались также ударами со стороны спинки (3) и брюшка (6) орудия.

Базальные фрагменты двусторонних листовидных острий (9 шт.). Все эти фрагменты представляют собой базальные части листовидных острий, которые обладают признаками законченных орудий (рис.32, 1-2, 5-10). Об этом свидетельствует наличие тонкой подправки краев и относительно ровный продольный профиль изделий. Фрагменты принадлежат вытянутым двусторонним листовидным остриям с округленным (8) и заостренным (1) основанием. Форма целых экземпляров могла быть миндалевидной или лавролистной. Почти половина из них (6) имеет плоско-выпуклое поперечное сечение. Торцы сломов поперечные или слегка косые. Судя по рельефу торцевой поверхности, сломы произошли от ударов или давления с боков изделий (поперечная волна с языковатым загибом в центральной части сечения – 5 экз.) и от импульсов с иным вектором силы (спиралевидная поверхность с языковатым выступом на одном из концов торца – 2 экз.). Два широких округлых основания сохранили следы комбинированных импульсов, которые привели к образованию сложных угловатых торцов слома (рис.32, 6, 9). Заманчиво связать присутствие базальных частей законченных острий (наверное, наконечников) с поступлением на стоянку копий, сломавшихся где-то на стороне (с древком приносилась зафиксированная основа кремневого острия), но такая фрагментация могла произойти и при производстве орудий непосредственно на месте стоянки.

Фрагмент вершины листовидного острия (1 шт.). Этот фрагмент орудия из черного кремнистого сланца – единственная острейшая часть листовидного наконечника. Из-

делие было относительно массивным, с симметричным профилем.

Сколы подживления и мелкие фрагменты двусторонних орудий (25 шт.). Сколы подживления отличаются от сколов формирования бифасов тем, что они срывали значительные участки двусторонне обработанного края изделия. При этом происходило не выравнивание (или уточнение) обрабатываемой кромки, а ее полное устранение на локальном участке. Края сбивались продольными и поперечными по отношению к плоскости орудия ударами. При продольном скалывании образовывались отщепы (6 шт.), отдаленно напоминающие сколы типа Прондник. Один из подобных сколов отделен поперечным ударом (рис.31, 7). Энергичные поперечные удары направлялись также в точку, удаленную от края бифаса минимум на 12-15 мм, и провоцировали отделение специфических отщепов с полупараболической вентральной поверхностью (рис.31, 8). Всего их 11 шт. Таким двояким образом сбивались округленные в плане концевые участки бифасов. Возможно, образовавшиеся торцы использовались для дальнейшего уточнения этих изделий. Остальные части бифасов, включенные в данную группу (8 шт.), морфологически менее выразительны.

Фрагменты сколов с ретушью - 48 шт. Образование такого большого, по отношению к целым сколам данного класса, удельного веса фрагментов трудно объяснить их непреднамеренным сломом во время работы.

Список рубиловидных изделий и двусторонних ножей открывает самое крупное в коллекции эффектное изделие, которое формально является небольшим (для этой категории) *плоским сердцевидным рубилом* (рис.13, 1). Орудие покрыто негативами крупных и средних центростремительных сколов с рельефной поверхностью (жесткий отбойник-?), почти лишено мелкой краевой подправки. Часть сколов заканчивается незначительными по глубине заломами. Продольный профиль симметричный, максимальная толщина в средней части корпуса. Из-за отсутствия подправки контур краев в профиле извилистый. Вершина хорошо выражена в плане. Слегка выпуклое основание в профиле острое. Поперечное сечение двояковыпуклое. Размеры: длина – 11.5 см, ширина – 8.7 см, толщина – 3.0 см. Коэффициент массивности - 26; коэффициент удлиненности - 132.

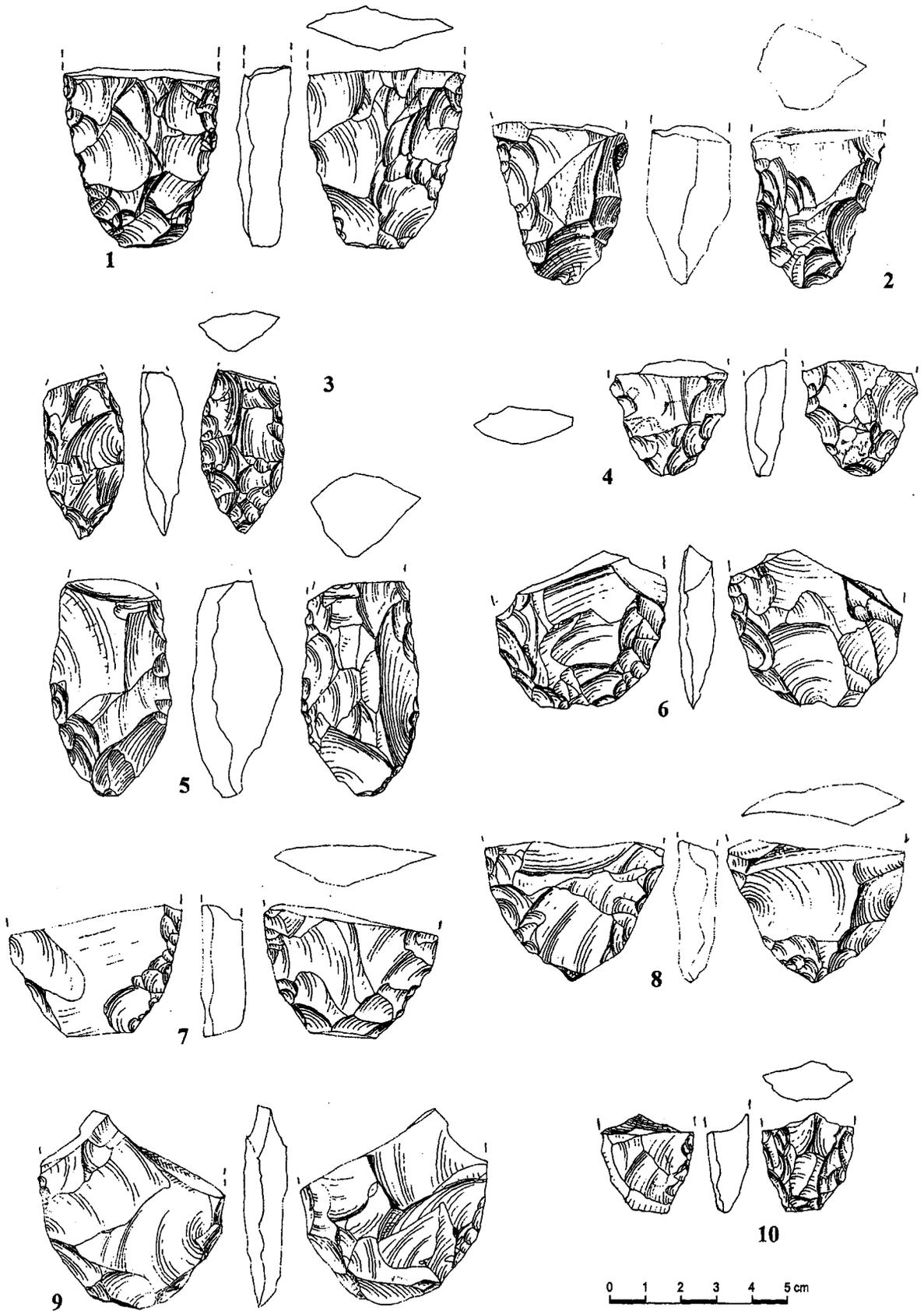

Рис. 32. Антоновка II. Фрагменты листовидных острий.
 Fig. 32. Antonovka II. Fragments of the leaf points.

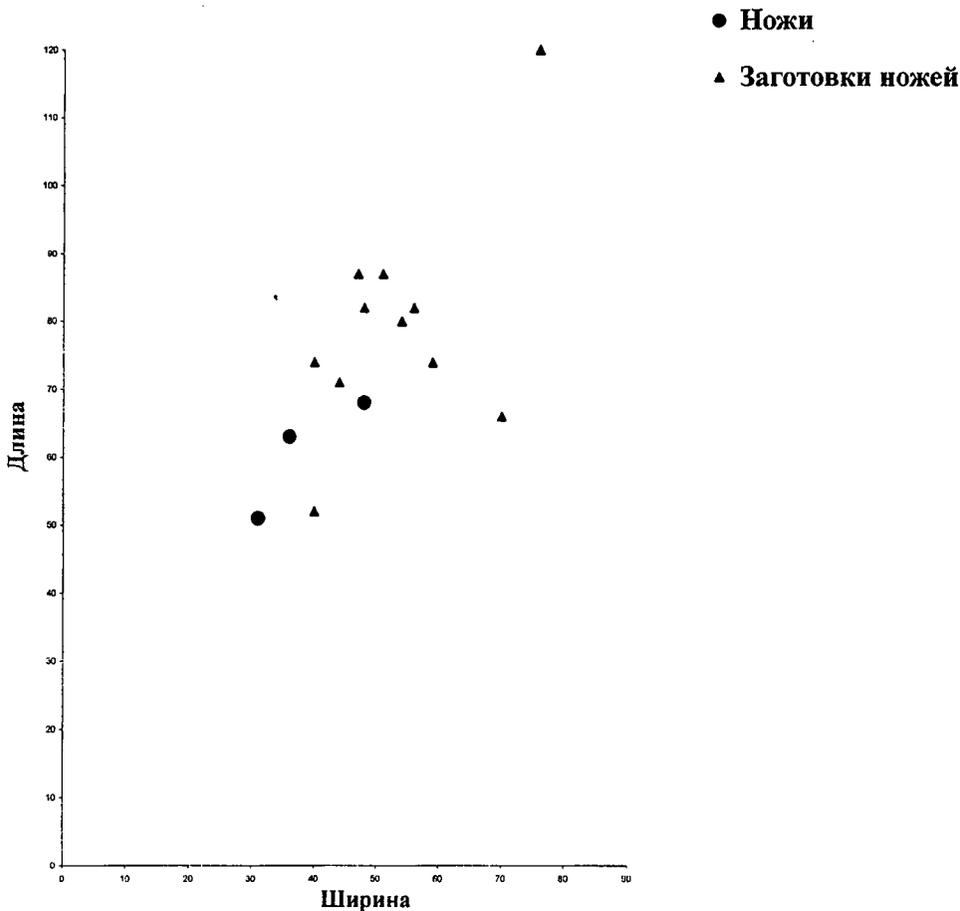

График 4. Антоновка II. Метрическая характеристика (длина, ширина) двусторонних обушковых ножей и их заготовок.

Неправильно-треугольные рубильца (4 шт.). Отличаются небольшими размерами (рис.31, 1-2). Имеют неправильно-треугольную форму. Основание прямое. Толщина равномерно нарастает к основанию. Пропорции укороченные. Профиль симметричный, поперечное сечение двояковыпуклое. В классификации В.Н. Гладиллина: рубила подтреугольные и миндалевидные двусторонние.

Подовальные рубилообразные изделия (6 шт.). Характеризуются неправильно-округлыми или овальными очертаниями, наличием выраженной массивной корковой или грубо оббитой пятки, симметричным профилем, округленной вершиной, отсутствием тонкой обработки краев (рис.23, 3). Они небольшие по величине – до 6-7 см в длину. На боках изделий в 4-х случаях сохраняются участки корки или поверхности преформы. Этот признак, а также отсутствие следов целенаправленного формирования нуклеусных пло-

щадок для скалывания по периметру изделий не позволяет оценивать их как нуклеусы. Нет также и следов тщательной подправки орудийных лезвий. Близкие по форме изделия представлены в сборах В.Н. Гладиллина и названы поперечно-выпуклыми пяточными рубилами. Вместе с тем, В.Н. Гладиллин не исключает возможность, что это все-таки нуклеусы или пренуклеусы.

Двусторонние обушковые ножи образуют численно небольшую группу (4 шт.). Все отличаются небольшими размерами (рис.30, 2-5). Судя по небольшим размерам, ножи относятся к остаточным формам, сильно измененным в ходе редукции. В пользу такого предположения свидетельствуют заметно более крупные размеры заготовок двусторонних обушковых ножей, образующих вместе с орудиями замкнутую параметрическую группу (график 4). Конструктивно ножи повторяют форму заготовок – выпуклые, тщательно

ретушированные лезвия противопоставляются массивному обушковому участку. Три из них могут быть описаны как овальные двусторонние обушковые ножи (рис.30, 2-3, 5). Один экземпляр напоминает нож типа Клаузеннише (рис.30, 4). По В.Н. Гладилину: скребла-ножи овальные двусторонние обушковые и скребло-нож миндалевидное двустороннее обушковое.

Приемы технологии подправки орудий, с учетом негативов на некоторых скреблах, включают продольные парарезцовые сколы и поперечные сколы сработанных участков ударами с вентральной или дорсальной стороны. Классическое подживление путем повторного ретуширования затупившегося лезвия, безусловно, играло большую роль в антоновской индустрии, но следы такой подправки в виде мелких чешуек с тончайшими площадками трудно диагностировать без специальных трасологических исследований. Морфологически чешуйки подправки рабочей кромки очень похожи на чешуйки первичного ретуширования лезвий.

В целом, структура орудийного ансамбля почти целиком строится на разнообразных скреблах. Законченных листовидных острий (включая фрагменты) в коллекции 13 шт. Значительная часть орудий на сколах – 56 шт. (32.9% целых орудий) – имеет следы выраженной обработки плоской стороны в виде уплощения ударного бугорка или остальных участков вентральной поверхности. Включенных в типо-лист полностью двусторонних орудий (остроконечник, скребла и листовидные острия) всего 17 шт. (10.0%). Двусторонних обушковых ножей и рубиловидных изделий в сумме 15 шт. С учетом последних, двусторонних орудий 32 шт. (18.8%).

Обращает на себя внимание наличие микроинвентаря в виде предельно сработанных радиальных нуклеусов, лимасов, двусторонних и частично-двусторонних скребел, которые несут следы интенсивного использования и подправки.

Набор типов каменных орудий из коллекции 2001-2002 гг. выглядит несколько обедненным по сравнению с типологической картиной стоянки, скрупулезно описанной В.Н. Гладилиным. Это объясняется не только разной шириной типологических ячеек, но и размерами самих собраний – исследования последних лет несоизмеримы по масштабу с работами 60-х гг. В новых сборах нет скребел с утонченным кор-

пусом (битерминально-утонченные скребла-ножи), законченных листовидных острий, сегментовидных скребел с плоско-выпуклым сечением и некоторых других изделий, входящих в типологическое ядро индустрии. Тем не менее, технико-типологическое лицо индустрии легко узнаваемо и не зависит от типологической партийности авторов раскопок.

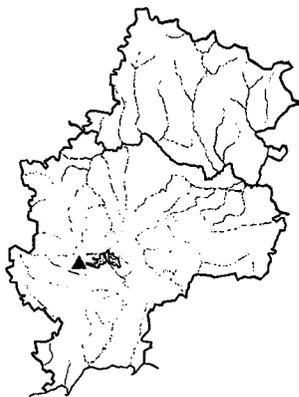
В заключении необходимо сказать, что реконструируемая структура кремневого комплекса Антоновки II не укладывается в рамки представлений о каком-то однородном функциональном типе древней стоянки. Преобладание в коллекции фракций кремневых изделий, связанных с начальным циклом кремнеобработки, в целом, характерно для комплексов с экстенсивным модусом сырьевой стратегии. В рамках этого модуса в одинаковой степени могут развиваться как разнообразные «стояночные», так и производственные комплексы. Одним из структурных индикаторов «стояночных» комплексов является наличие сработанных орудий и сколов их подправки при равномерном балансе остальных фракций инвентаря. На мастерских разного профиля орудийный цикл, наоборот, сжат до предела, зато избыточно представлены следы изготовления основного целевого продукта при непропорционально малом количестве самого этого продукта, так как производимые изделия предполагалось использовать вне площадки мастерской. В статистически полноценной коллекции из Антоновки II, с одной стороны, мы видим обильные остатки производства листовидных острий и плоско-выпуклых скребел при ограниченном количестве законченных изделий этого типа. С другой стороны, отмечены хорошо сработанные нуклеусные серии, многочисленные скребла и следы их подправки, сломавшиеся при употреблении (?) двусторонние листовидные острия, интенсивно использованные двусторонние обушковые ножи, обожженные кремни, кости (зубы) животных, незначительные следы «внутреннего импорта» готовых орудий (изделия из кремнистых пород не мелового возраста). Налицо два основных функциональных контекста (специализированная мастерская для орудий нескольких разновидностей и стоянка с полным циклом расщепления), которые могут совпадать или быть раздельными. Технологические и стилистические

контексты кремневой индустрии обеих условных функциональных групп практически неотличимы. Мне кажется, что здесь мы сталкиваемся все же с наслоением остатков достаточно долговременных охотничьих стоянок (фаза уменьшения мобильности) и специализированных мастерских (фаза увеличения мобильности) одного и того же, в смысле культурной традиции, населения. Ритм изменения мобильности мог определяться годовыми (сезонность) или межгодовыми колебаниями природно-

климатической обстановки. Косвенным подтверждением многократного заселения мысовой площадки в среднем палеолите является наличие в материалах Антоновки II небольшой серии реутилизированных кремневых изделий (сборы на более ранней стоянке Антоновка I - ?). Отметим, что в суммарной коллекции функциональный контекст мастерской явно преобладает, что было связано с доминирование тяжелых (минеральных) ресурсов на данном участке местности.

АЛЕКСАНДРОВКА (9)

Местонахождение каменных орудий у с. Александровка обнаружено Д.С. Цвейбель в 1959 г. в ходе целенаправленных поисков следов палеолита в Донбассе. Оно находится на северной окраине одноименного села Марьинского

района Донецкой области. Среднепалеолитические каменные поделки были опубликованы исследовательницей в малодоступном местном издании [Цвейбель, 1970]. Здесь воспроизводятся основные положения ее статьи и иллюстративные материалы из архива.

Памятник находится на склоне Кременной горы на вспаханном поле на левом берегу р. Осыка (приток р. Волчья) в 30 км к юго-западу от Донецка. Обработанные рукой человека кремни собраны на участке 300x100 м. Кремни древней серии выделены среди многочисленных мезолитических изделий [Цвейбель, 1984].

К среднему палеолиту относится немногим более 400 кремней. В качестве исходного материала использовался преимущественно серый валунный кремль с толстой известковой коркой. Судя по крупным кускам и отщепам, кремневые отдельности имели ветвистую форму с бугристой поверхностью. Все древние изделия покрыты глубокой молочно-белой патиной. Некоторые поделки изъедены «оспинами» выветривания. На основной массе изделий видны следы недавних механических повреждений, вызванные неоднократной распахкой памятника.

В собрании имеется два нуклеуса. Один из них относится к радиальным двусторонним. Он интенсивно сработан с двух сторон (рис.33, 1).

Самую многочисленную группу находок составляют отщепы – их всего 150 штук. Среди них выделяются 10 первичных, сохранивших корковую поверхность, 45 полупервичных и 95 вторичных. Большинство сколов имеют «архаичные» признаки – крупные ударные бугорки, асимметрию, массивность. Преобладают отщепы с поврежденными ударными площадками. Только один отщеп имеет фасетированную площадку. Огранка дорсальной поверхности бессистемная или близкая к радиальной. Сколов с субпараллельной огранкой 6%, при этом подлинных пластин нет.

Изделий со следами вторичной обработки 30 штук. Д.С. Цвейбель отмечает 7 экземпляров выемчатых орудий. Из них наиболее интересно орудий с тремя ординарными анкошами, изготовленное из радиального отщепа. Остальные изделия имеют слабо выраженные выемки, которые могут иметь и естественное происхождение.

Самостоятельную группу орудий составляют разнообразные скребла. Наиболее интересны простое выпуклое скребло (рис.33, 2), угловое (рис.33, 6), конвергентное (рис.33, 5). Заготовками для них служили массивные отщепы. Лезвия сформированы крутой ретушью. Помимо этих скребел, Д.С. Цвейбель выделила несколько продольных скребел и отщепов с ретушью (рис.33, 3, 8).

Имеется один небольшой остроконечник с втянутым жальцем (рис.33, 4).

Типологическое лицо комплекса определяют 4 бифаса. При изготовлении троих из них в качестве заготовок использовались треуголь-

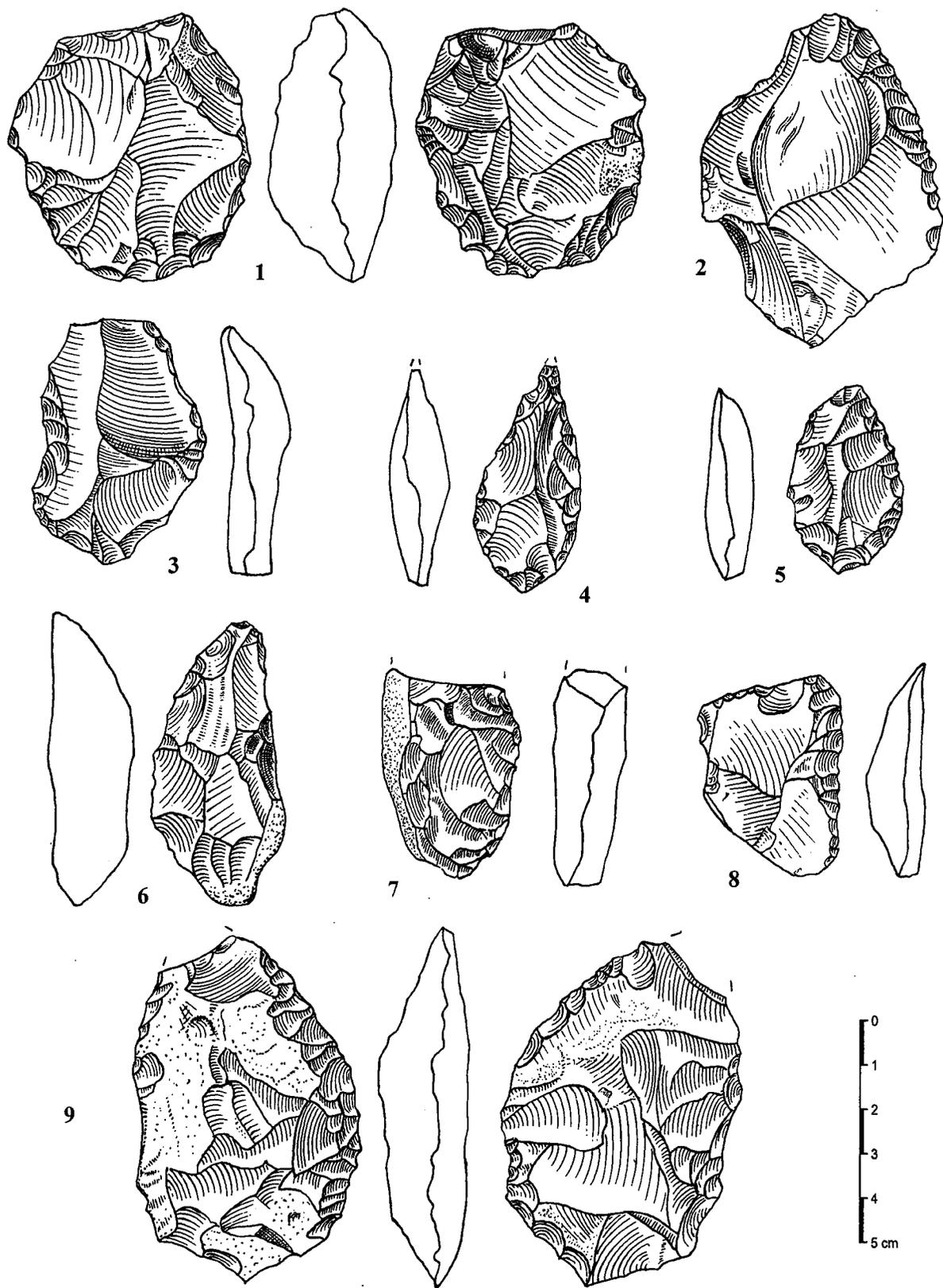

Рис. 33. Александровка. Кремневые изделия. Сборы Д.С. Цвейбель.
 Fig. 33. Alexandrovka. Flint implements. After D.S. Tsveibel.

ные отщепы, обработанные уплощающими сколами с двух сторон (рис.33, 7). Наиболее выразителен экземпляр подовальной формы (рис.33, 9). Это самое крупное в коллекции изделие. Выпуклый дугообразный край орудий тщательно оббит систематической ретушью.

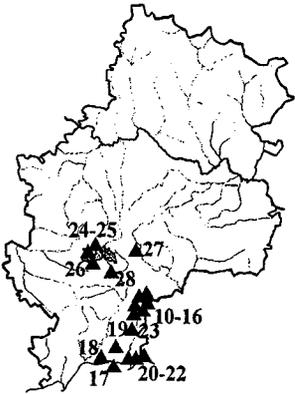
Еще один патинированный бифас имеет вытянуто-овальные очертания. На

вершине орудия выделяется плоский резцеvidный скол.

На основании низкого уровня пластинчатости и фасетажа, наличия скребел, бифасов и зубчатых орудий, В.Н. Гладилин предполагал культурную близость между Александровкой и Антоновкой и включал их в одну «антоновскую культуру» раннего палеолита [Гладилин, 1985].

ПАМЯТНИКИ МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И БАСЕЙНОВ РЕК СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Территориально обширная приазовская группа местонахождений включает изолированные среднепалеолитические находки, собранные в разное время в бассейне р. Крынка, на северном побережье Азовского моря и в верховьях р. Кальмиус.

Среднее течение р. Крынка попало в поле зрения специалистов еще в середине 30-х гг. XX в. в связи с открытием амвросиевского палеолита. В начале 50-х гг. П.И. Борисковский предпринял здесь крупномасштабные разведки; одним из мотивов этих работ был поиск сырьевой базы Костенковского палеолитического района [Борисковский, 1953, с.78-80; 1957]. Итогом этих поисков в Южном Донбассе стало открытие нескольких разновременных кремнеобрабатывающих мастерских в районе массовых обнажений кремнесодержащих пород мелового возраста у сел Новоклиновка (10), Белояровка (11) и Успенка (12) (Амвросиевский район Донецкой области). Мустьерские материалы были выделены из разновременных поверхностных сборов и из шурфов на основании степени сохранности, глубины залегания и по технико-типологическим признакам. Здесь найдены широкий остроконечник, радиальные нуклеусы, скребло и другие изделия. Они неоднократно публиковались как раннепалеолитические [Борисковский, Праслов, 1964; Праслов, 1968; и др.]. Ю.Г. Коваль, детально изучивший новые стратифицированные материалы из Новоклиновки-II и поверхностные сборы в Успенке,

предполагает более поздний возраст некоторых мустьероидных по облику патинированных кремневых изделий [Коваль, 1994].

В 1982 г. на многослойном памятнике Новоклиновка-I (13), открытом еще П.И. Борисовским, но не представленным тогда древнейшими находками, мне удалось найти несколько бесспорно среднепалеолитических орудий. Памятник находится в 1.5 км к северо-западу от с. Новоклиновка Амвросиевского района Донецкой области на высоком (около 25 м) мысовидном участке склона левого берега р. Крынка. В поверхностных сборах среди свежих на вид кремней эпохи неолита и бронзового века резко выделяется небольшая группа кремней, покрытых бело-голубой патиной со следами выветренности. Эта группа включает 12 предметов: 8 отщепов, скол отщепки, обушковый нож, массивное конвергентное скребло из первичного отщепа (рис.34, 2) и леваллуазское острие (рис.34, 1).

Разновременная кремнеобрабатывающая мастерская, содержащая немногочисленные мустьерские остатки, у с. Белояровки на правом берегу р. Крынки в устье балки Широкой (14) к середине 70-х гг. оказалась полностью уничтоженной растущим меловым карьером. В 1982 г. в отвалах карьера автор встретил только один малозначительный патинированный отщеп, а также неопределимый фрагмент кости древнего животного. Отсюда происходит патинированный радиальный нуклеус из сборов А.А. Кротовой (устная информация).

Новое местонахождение палеолитических кремней в этом же населенном пункте выявлено учителем Белояровской средней школы А.Г. Коваленко в 1980 г. Памятник находится на склоне ле-

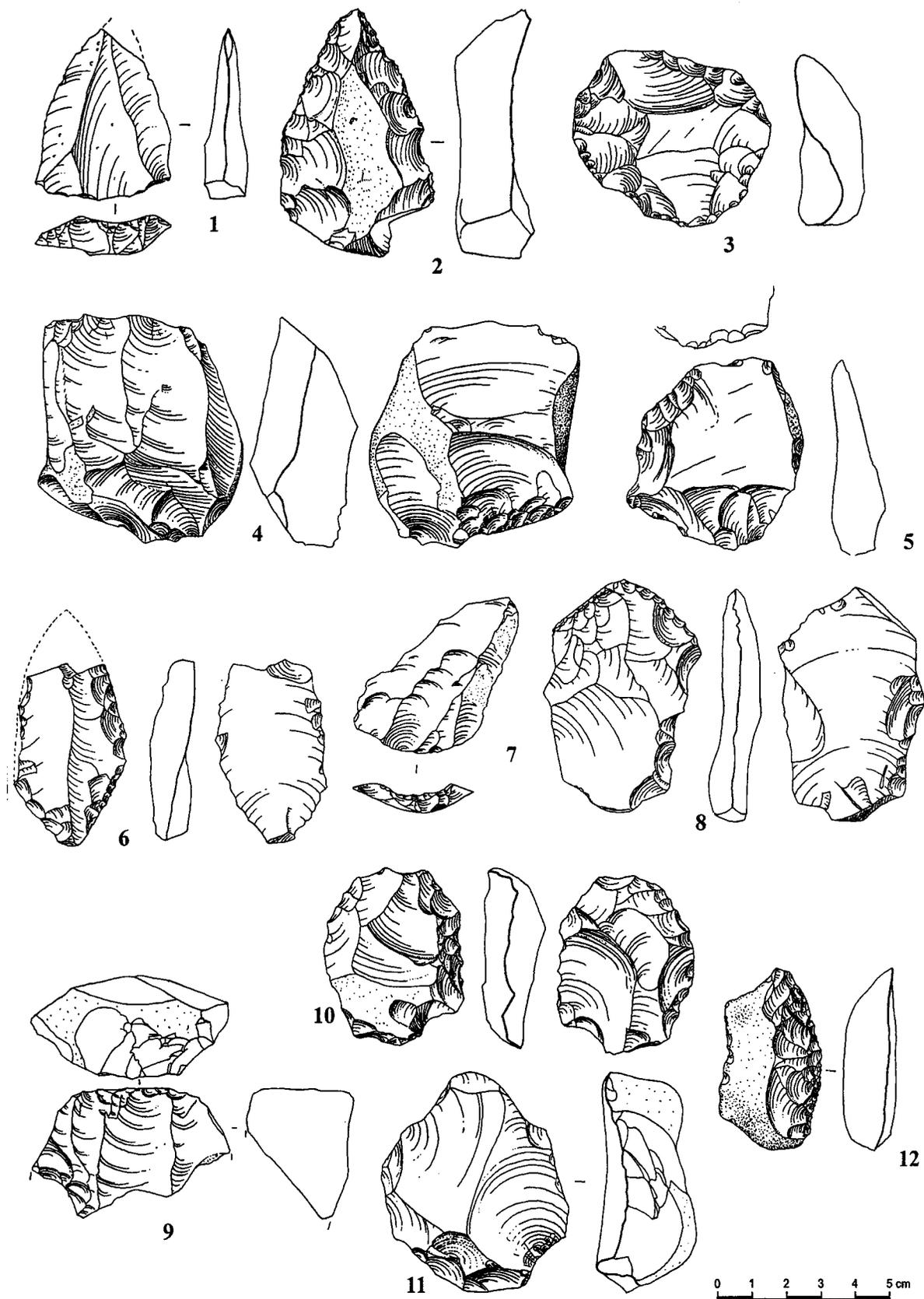

Рис. 34. Кремневые изделия из местонахождений бассейна р. Крынка.
 Fig. 34. Flint implements from the river Krynka basin sites.

вого берега долины р. Крынка на северо-восточной окраине села у животноводческой фермы (в прошлом эта часть села называлась Колпаково) и назван **Белояровка-Колпаково (15)**. Находки локализируются на западном склоне небольшой промоины на участке 70х20 м. Высота берегового склона над поймой реки - 15-18 м. Собрана коллекция из 32 кремневых изделий. Кремни глубоко патинированы, окатаны. В качестве сырья использовались небольшие конкреции низкосортного аллювиального валунного кремня местного происхождения. Большинство отщепов (17 шт.) массивные, укороченных пропорций, размерами до 3-4 см. Только на 5-ти из них имеются подправленные площадки. Одна треть сборов (10 шт.) - ядрища на различной стадии сработанности. Их средняя величина - до 5 см. Нуклеусы технически маловыразительны, но заметна тенденция к радиальному и пластинчатому необъемному скалыванию. Показательны в этом отношении два радиальных односторонних ядрища (рис.34, 11), двуплощадочный нуклеус, напоминающий нуклеусы типа Джрабер (рис.34, 9), два одноплощадочных нуклеуса с негативами пластинчатых сколов (рис.34, 10; 35, 1). Из изделий с вторичной обработкой выделяются продольное скребло с выпуклым лезвием (рис.34, 12), треугольное бифасиальное орудие (рис.35, 2), несколько отщепов с ретушью.

В 2 км вниз по течению р. Крынки от с. Успенка на правом берегу реки в устье **балки Щуровой (16)** находится разновременная кремнеобработывающая мастерская. Она была выявлена Л.Я. Крижевской еще в 1970 г. [Крижевская, 1991, с.68-69]. Памятник приурочен к высокому мысу, сложенному коренными породами. Склон мыса разрушен небольшим карьером. В 1975 г. в отвалах и осыпях карьера, а также в обнажении, нами были собраны свежие на вид неолитические изделия и несколько патинированных палеолитических кремней. Древний комплекс, помимо отщепов, включает двуплощадочный нуклеус со встречным противоположащим скалыванием (рис.34, 4), сломанный остроконечник на пластинчатом сколе (рис.34, 6), массивный скол с радиальной огранкой (рис.34, 3), отщепы с ретушью (рис.34, 5, 7-8), скобель на массивном осколке. Все кремни покрыты плотной желтовато-белой патиной, залощены до блеска.

Находки на юге Донецкой области обнаружены в основном в пределах Новоазовского

района Донецкой области и представлены единичными переотложенными кремнями, найденными под морскими береговыми обнажениями четвертичных суглинков, на морских пляжах и в бассейне р. Грузской Еланчик.

Выразительный мустьерский асимметричный остроконечник (рис.35, 4) найден автором в 1973 г. у с. **Самсоново (17)** Новоазовского района Донецкой области, в 200-х м к западу от устья балки [Колесник, 1999, рис.3]. Остроконечник хорошо сохранился, не патинирован и не окатан. Изделие найдено на морском пляже после сильного прилива. Высота берегового клифа в месте находки составляет около 8 м.

Орудие изготовлено из массивного отщепа черного мелового кремня хорошего качества (рис.35, 4). Применялась моделирующая крупнофасеточная ступенчатая ретушь и мелкая краевая подправка. Орудие обработано по всему периметру; брюшко уплощено несколькими сколами. Острие инструмента - на базальной части преформы. По размерам и технико-типологическим показателям остроконечник близок к аналогичным изделиям из среднего слоя Волчьего Грота [Бадер, 1940], верхнего слоя Киик-Кобы [Бонч-Осмоловский, 1940], грота Пролом-II [Колосов, 1979].

Наблюдения за данным участком побережья позволили дополнить коллекцию тремя архаичными отщепами и небольшим конвергентным скреблом, подправленным со стороны брюшка (рис.35, 5). Кремни найдены на линии морского прибоя в районе устья балки. Изделия глубоко патинированы, окатаны, их поверхность покрыта следами ожелезнения.

В 1995 г. одесский петрограф В.Ф. Петрунь при обследовании берегового клифа у с. **Безыменное (18)** Новоазовского района нашел в глинистой толще небольшой отщеп мелового кремня. Местонахождение локализуется в приустьевой части балки Безыменской на ее правом берегу. Отщеп с гладкой площадкой, с субпараллельной огранкой спинки.

Три типологически среднепалеолитических отщепа обнаружены автором в 1972 г. на морском побережье в г. **Новоазовск (19)** на городском пляже. Высота берегового обнажения в этом месте достигает 25 м. Кремневые отщепы патинированы и окатаны. Два из них сколо-

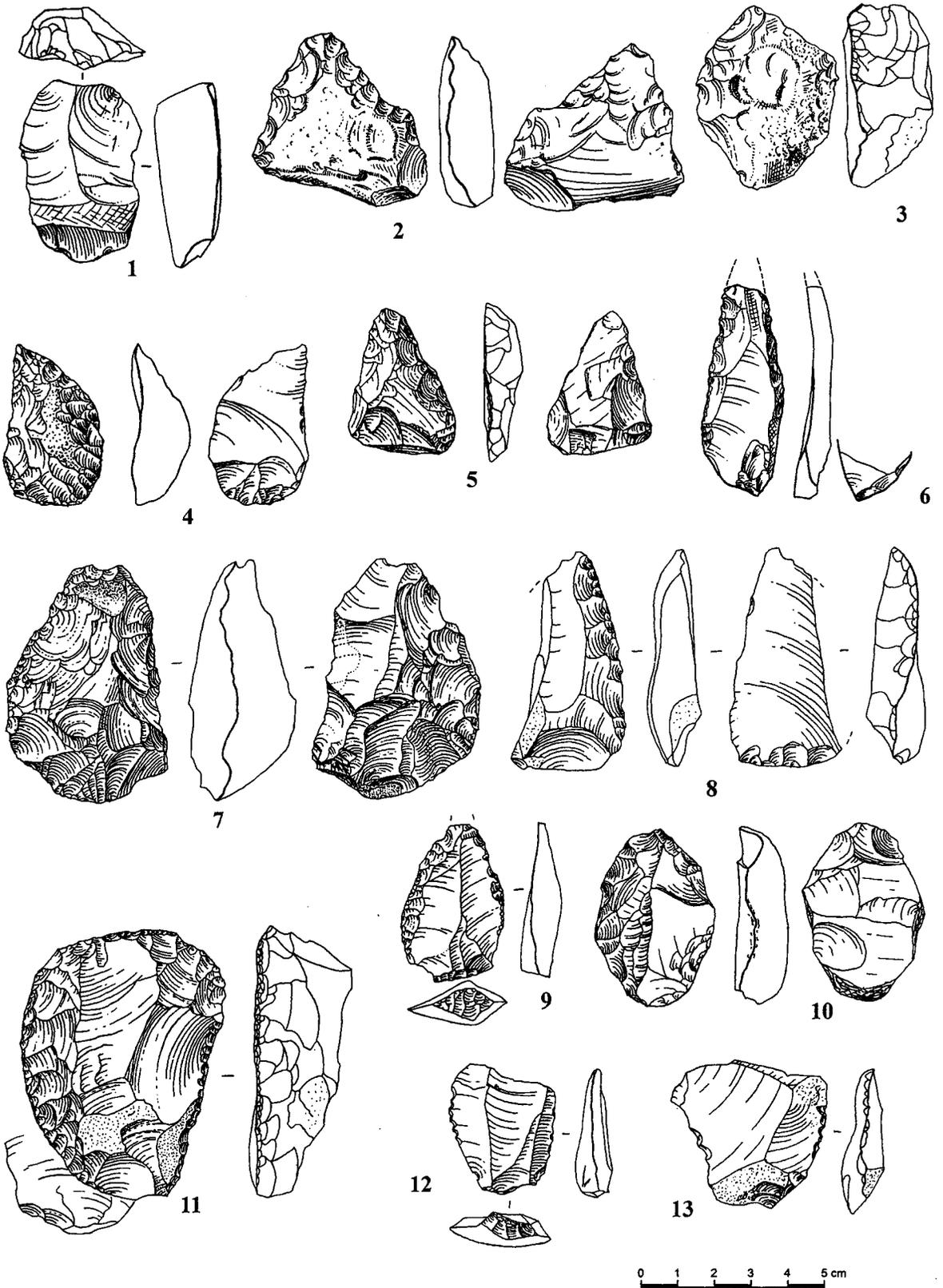

Рис. 35. Кремневые изделия из местонахождений Приазовья.
 Fig. 35. Flint implements from the North Asov sea coast sites.

ты с радиального нуклеуса (рис.35, 13), один - пластинчатого (рис.35, 12). Площадка пластинчатого скола выпуклая тонко фасетированная. Вместе с кремнями в переотложенном состоянии на линии морского прибоя найдены фрагментированные фаунистические остатки. По определению В.Е. Гарутта, здесь присутствуют плейстоценовые олень, бизон и мамонт.

В аналогичных условиях на морском пляже найден обломок патинированного скребла у **с. Обрыв (20)** Новоазовского района (рис.35, 8). Участки высокого берегового обрыва восточнее села в своих нижних слоях (черноземовидная ископаемая почва) содержат многочисленные кости бизона, но какие-либо археологические остатки здесь отсутствуют.

В 1970 г. на восточной стороне Кривой Косы в **пос. Седово (21)** Новоазовского района геолог А. Миляховецкий поднял типичное мустьерское скребло овальной формы, обработанное крутой ступенчатой ретушью (рис.35, 11). В 1976 г. в основании косы в зоне морского прибоя были найдены еще одно скребло меньших размеров (рис.35, 10) и обломанный удлиненный остроконечник с элементами ядрищной обработки на основании (рис.35, 6). Все находки сильно патинированы, окатаны, со следами ожелезнения.

Залегание окатанных среднепалеолитических по облику кремневых изделий на песчаном морском пляже в основании кос требует каких-то комментариев.

Специфика осадконакопления в северной зоне Азовского моря в период т. н. новоазовской трансгрессии (начиная с финала плейстоцена) обусловила существование ряда надводных аккумулятивных форм в виде песчано-галечных кос, длина которых нарастает с востока на запад. По литературным данным, прибрежные участки моря у основания кос со стороны дельты Дона являются наиболее активными зонами размыва [Хрусталеv, Щербаков, 1968; Алексина, Едигарян, 1971]. На поверхности современного дна в основании кос обнажаются более древние отложения, чем голоценовые.

Осадки пляжа формируются под действием прибойного потока [Справочник по литологии, 1983, с.136]. Водный поток вымывает тонкодисперсные частицы и отсортировывает крупнообломочный материал, современный рако-

винный детрит. Североприазовская прибрежная область является зоной транзита и слабой аккумуляции донных отложений [Шнюков и др., 1974, с.215]. Таким образом, восточные и юго-восточные пляжи кос являются своеобразными «ловушками», в которых накапливается разновременная крупная фракция продуктов абразии дна и береговых участков. Период среднего палеолита совпал с несколькими фазами морских регрессий, в течение которых акватория моря существенно сокращалась либо осушалась. Не исключена возможность появления в это время мустьерских поселений на освободившейся от воды суше. В современное геологическое время эти стоянки могут размываться, а кремневые изделия из них переноситься в зону морского прибоя.

Два местонахождения единичных среднепалеолитических орудий зафиксированы в бассейне р. Грузской Еланчик.

Первое из них находится на северо-западной окраине г. Новоазовск на левом берегу реки, на мысовидной площадке к северу от моста (многослойное поселение **Еланчик-1 (22)**). Орудие найдено в 1973 г. на пахоте среди многочисленных изделий бронзового века и средневековья. Высота места находки над уровнем реки - около 8 м. Изделие представляет собой небольшой патинированный бифас миндалевидной формы (рис.35, 7). Шурф, заложенный на склоне несколько выше места находки небольшого рубила, содержал только голоценовые археологические остатки.

Второе местонахождение в бассейне р. Грузской Еланчик находится в **с. Греково-Александровка (23)** Тельмановского района Донецкой области. Здесь был найден слегка патинированный мустьерский остроконечник, изготовленный на сколе с фасетированной площадкой (рис.35, 9). Находка была сделана Т.А. Шаповаловым в 1970 г. на склоне каменистой балки на левом берегу реки.

Скопление единичных нестратифицированных находок среднего палеолита, подобное приазовскому, отмечено в балочно-речной системе в верховьях р. Кальмиус.

С территории г. Донецк (**24**) происходит выразительный остроконечник с уплощенной

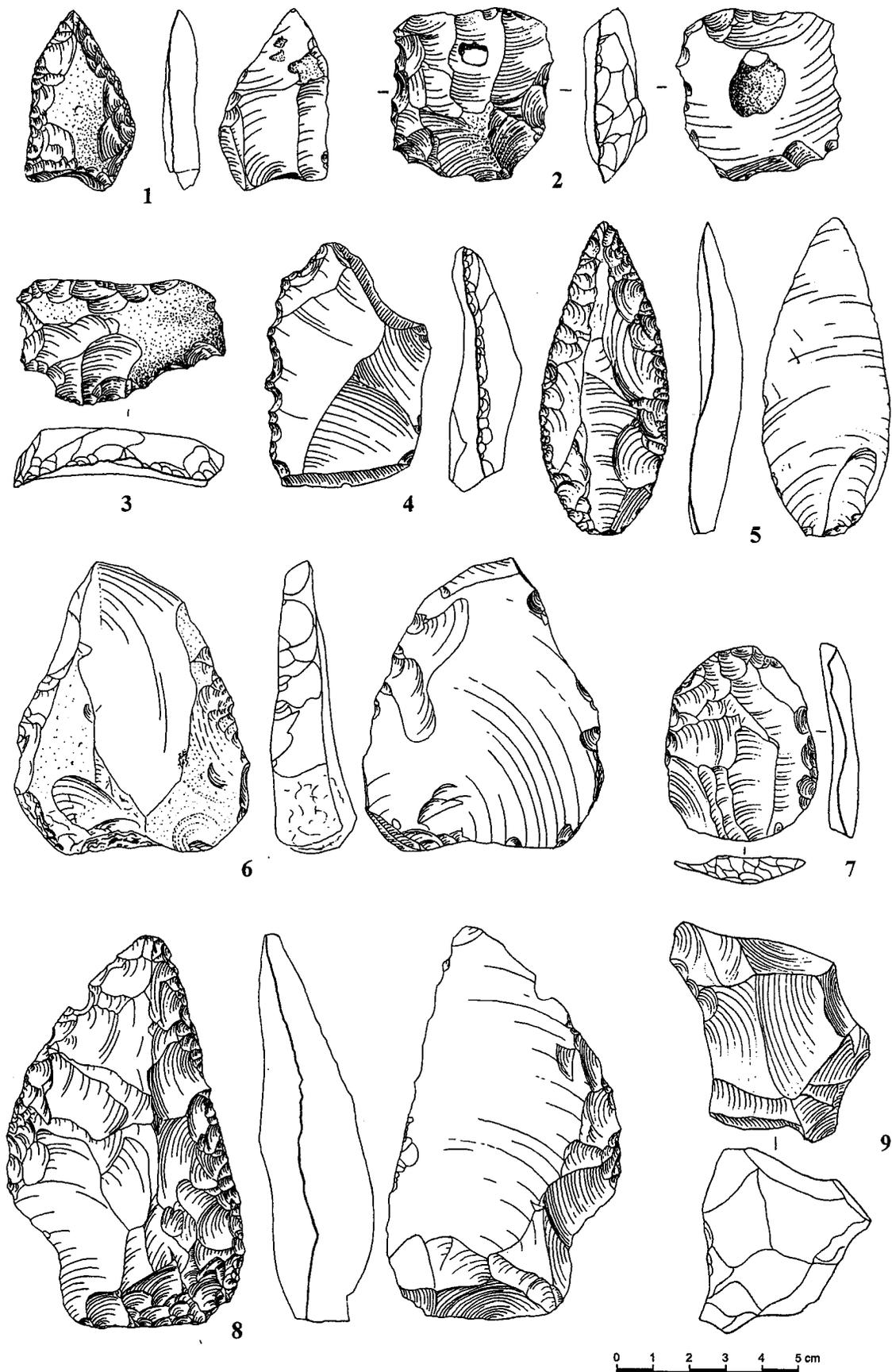

Рис. 36. Кремневые изделия из местонахождений бассейна р. Кальмиус.
 Fig. 36. Flint implements from the river Kalmius basin sites.

вентральной стороной (рис.35, 1). Изделие найдено в 60-е гг. на юго-западной окраине города в районе розовых плантаций. Точное место находки неизвестно. Поверхность глубоко патинирована, с мелкими ячейками выветривания.

Второе местонахождение в г. Донецке также локализуется в юго-западной части города в микрорайоне «Текстильшик» (25) и обнаружено в 1974 г. при охранных раскопках курганного могильника. Кремни были рассеяны на пахоте на водораздельном плато. Среди патинированных и забитых кремней выделяются зубчатое орудие (рис.36, 3-4), короткое продольное скребло на отщепе, обработанное ядрищным приемом утончения (рис.36, 2).

В аналогичной топографической ситуации, на водораздельном плато над долиной р. Кальмиус, в 1975 г. найдены расщепленные кремни у с. **Марьяновка (26)** Старобешевского района Донецкой области. Местонахождение приурочено к пахотному полю в 1.5 км к северо-западу от села. Обнаружены два крупных среднепалеолитических

орудия, покрытые фарфоровидной, местами голубоватой патиной: нож с фасетированным обушком (рис.36, 6) и массивное скребло (рис.36, 8). Скребло имеет характерную для «восточно-микоксских» изделий сегментовидную форму.

Эффективный мустьерский остроконечник происходит из г. **Макеевка (27)** Донецкой области. Остроконечник (рис.36, 5) найден в 1974 г. в суглинке на большой глубине при строительных работах на территории трамвайного парка. Орудие не окатано, покрыто молочно-белой патиной. Остроконечник обработан по всему периметру ретушью, многие фасетки которой имеют трапециевидную форму (мягкий отбойник-?).

Единичные мустьерские патинированные изделия собраны О.А. Файнвейнц в 1972 г. на левом склоне балки Гнилой у г. **Моспино (28)** Донецкой области. А.А. Кротова выделяет в сборах крупный аморфный нуклеус (рис.36, 9), скол с черепаховидного ядрища (рис.36, 7), отщепы и обломки орудий [Кротова, 1976].

ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. НАУМИХА

Одним из правобережных притоков р. Кривой Торец является р. Наумиха, стекающая к Торцу с Бахмутско-Торецкого водораздела. Эта небольшая и, видимо, молодая река (ширина водотока около 1.5-2.0 м) прорезала относительно узкую и глубокую в истоках долину длиной около 20 км. В своих верховьях р. Наумиха пересекает меловой массив. На данном участке правый берег реки крутой, часто с обнажениями скального мела; левый берег пологий и террасированный. Этот кремненосный микрорайон протяженностью до 4 км по долине систематически заселялся или посещался людьми в течение всего каменного века и здесь сформировался своеобразный археологический мегапамятник из почти двух десятков топографически самостоятельных местонахождений, многие из которых являются многослойными [Kolesnik, 1997]. Неудивительно, что в данном микрорайоне следы наиболее интенсивной эксплуатации ландшафтов

тяготеют к самым насыщенным источникам верхнемелового кремня. Концентрация разновременных памятников вокруг источников каменного сырья показывает специфическое направление адаптации коллективов охотников-собираелей каменного века к тяжелым ресурсам [Колесник, 1996]. Первоначальное освоение этого участка местности произошло в среднем палеолите и документируется минимум четырьмя различными по своему характеру пунктами на террасированном левом берегу реки, которые были найдены автором в разные годы и получили название Белая Гора-1, Курдюмовка, Озеряновка-1 и Озеряновка-3. Наиболее значимыми из них, в археологическом смысле, являются Курдюмовка и Озеряновка-1. Показательно, что в среднем палеолите в геологически близкое время кремненосный участок долины р. Наумихи осваивался поселениями древних людей, относящимися к различным культурным традициям.

КУРДЮМОВКА (29)

История исследования

В 1987 г. при проведении плановых разведок в долине р.

Наумиха (правобережный приток р. Кривой Торец, Бахмутско-Торецкое междуречье) в пределах Константиновского района Донецкой области в нескольких километрах юго-восточнее скопления неолитических

кремнеобрабатывающих мастерских нами был обнаружен бесспорно древний артефакт в стратифицированном положении. Единичный патинированный кремневый отщеп находился в стенке глубокой промоины рядом с дамбой пруда у пос. Курдюмовка Дзержинского горсовета.

Эта находка оказалась не случайной. Зачистка стенки промоины в 1988 г. показала наличие слабонасыщенного горизонта переложженных патинированных кремней на уровне залегания отщепа. При углублении геологической зачистки ниже

современной осыпи на большой глубине неожиданно был обнаружен еще один горизонт расщепленных кремней, которые отличались хорошей сохранностью и залегали в темно окрашенной ископаемой почве. Осмотревшая геологический разрез Н.П. Герасименко сообщила о ясной стратиграфической позиции находок. Перспектива обнаружения стратифицированного мустьерского памятника, несомненная значимость нижнего уровня находок побудила нас начать здесь развернутые раскопки. Они осуществлялись нами в 1989-1992 гг. и Ю.Г. Ковалем в 1995 г. Общая вскрытая площадь 1989-1992 гг. составила около 60 м кв.

Методика раскопок

Суммарно раскоп имеет вид углубленной врезки, открытой с одной стороны (рис. 37, 1). После разведочных работ 1989 г. в склон был врезан раскоп шириной 5 м и длиной 10 м. Горизонтальная расчистка отложений на глубине 8-9 м от нулевого репера показала, что древние кремневые изделия нижнего горизонта встречаются на участках, тяготеющих к отложениям русла древнего ручья и отсутствуют на основной площади раскопа. В соответствии с локализацией находок, раскоп был расширен и уг-

1

2

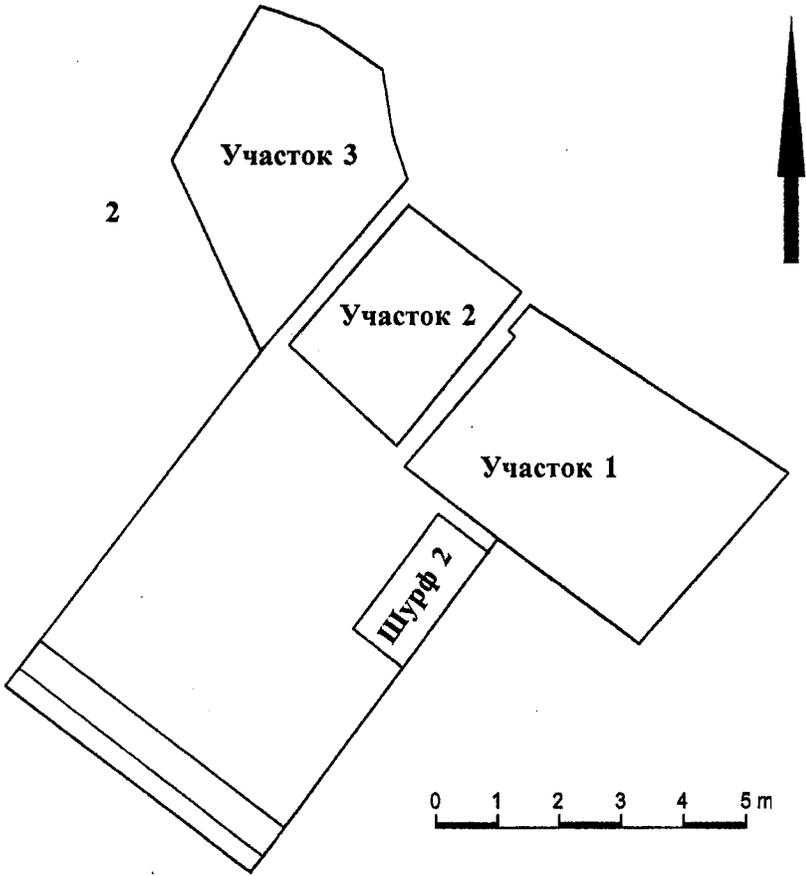

Рис. 37. Курдюмовка. Общий вид раскопа. План раскопов.
Fig. 37. Kurdiuovka. General view. Plan of the excavation.

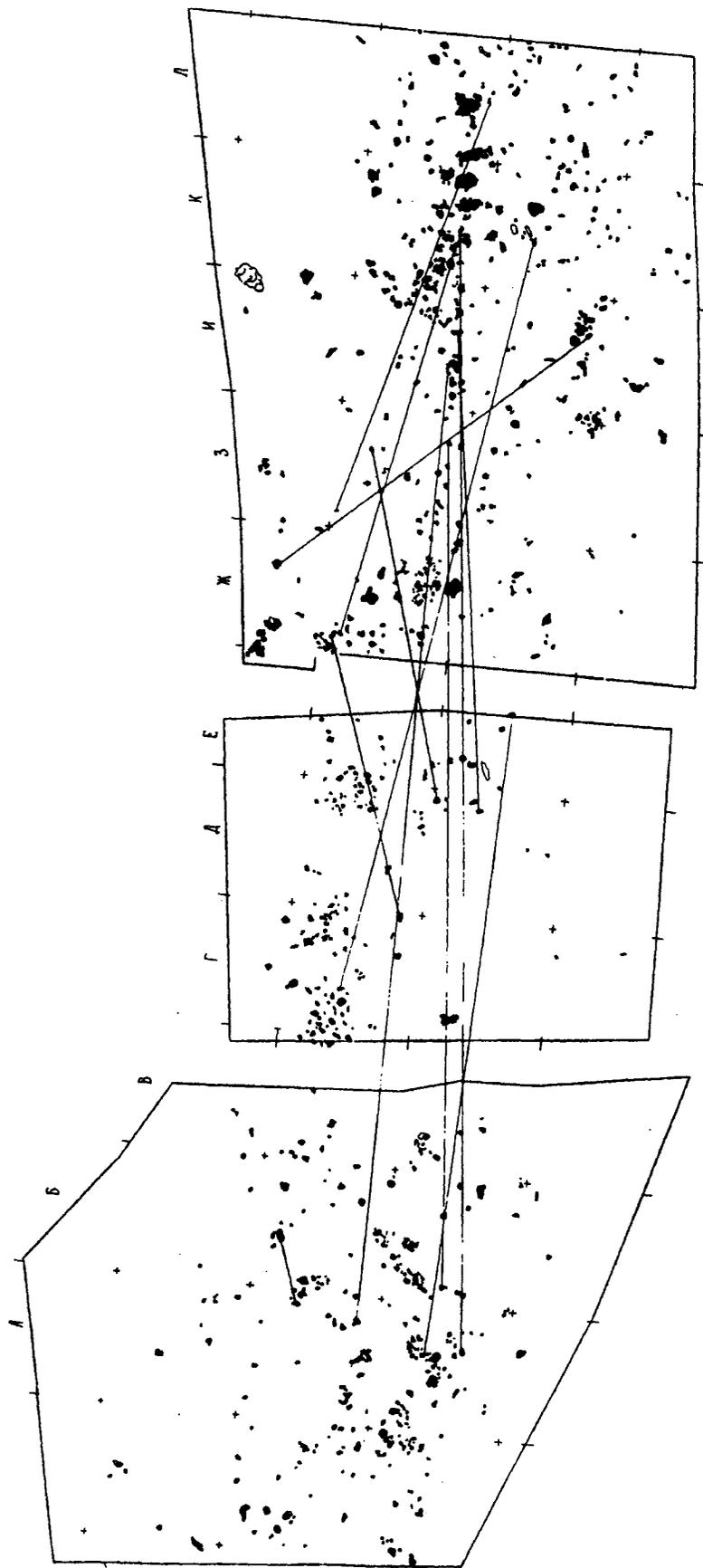

Рис. 38. Курдюмовка. Распределение находок в пределах раскопов.
 Fig. 38. Kurdiymovka. Artifacts distribution.

лублен в сторону современного водотока; образовались участки 1, 2 и 3. Благодаря разборке отложений по литологическим уровням удалось выявить особенности древнего микрорельефа и объяснить его генезис.

Из-за ежегодных весенних обвалов высоких стенок и последующих их зачисток конечная конфигурация раскопа приобрела неправильные геометрические очертания (рис.37, 2).

Фиксация находок осуществлялась по единой сетке метровых квадратов с буквенно-цифровыми обозначениями и единой системой горизонтальных и вертикальных реперов, скоррелированных между собой. Зарисовывались контуры всех артефактов с обозначением позиции и глубины с точностью до 1 см.

Стратиграфия памятника и краткий тафономический анализ

Ежегодно, с 1988 по 1992 гг., полевые работы на памятнике консультировала палеогеограф Н.П. Герасименко. Итоговый разрез 1991 г. осмотрел М.Ф. Веклич. В 1989-1991 гг. из всей пачки отложений были отобраны образцы для споро-пыльцевого анализа. В 2001 г. стратиграфия нижней пачки отложений изучалась Н.П. Герасименко и П. Эзартом.

Раскоп спроецировался на зону небольшой линейной древней депрессии, протянувшейся вдоль современного ручья. Микростратиграфия этого участка оказалась сложной и насыщенной благодаря наложению нескольких почвенных и делювиальных лессовых форм (рис. 39, А-В). Сложность строения отражена в блок-схеме (рис. 39, В). Раскоп вскрыл склоновые балочные отложения, залегающие в правильной стратиграфической последовательности с незначительными перерывами в осадконакоплении. Суммарная высота разреза составляет более 10 м. Н.П. Герасименко определяет здесь следующие отложения, охарактеризованные в стратиграфической последовательности (сверху вниз от условного репера) по стенке раскопа и по соседнему шурфу:

0.0 - 0.8 м - голоценовый (hl) техногенный горизонт;

0.8 - 2.2 м - причерноморский (vd III pc) лесс светло-палевый, средний до легкого, рыхлый, столбчатый, в карбонатной пропитке, в нижней части слоя опесчаненный, с тонкой горизонтальной слоистостью и обильным мелким

гидрооксидномарганцевым дендритом; переход вниз постепенный;

2.2 - 4.6 м - бугский (vd III bg) лессовидный суглинок темно-палевый, средний до тяжелого; уплотненный, бесструктурный, дисперсно окарбоначен, с густым дендритом гидроксида марганца, нечетко горизонтальнослоистый; переход вниз постепенный;

4.6 - 7.5 м - витачевская (e III vt) ископаемая лугово-бурая почва, с профилем дифференцированным на H (4.6 - 6.0 м) и Hp (6.0 - 7.5 м) горизонты. Нижний более уплотненный, с лучше выраженной призматической структурой, с коллоидной лакировкой на гранях отдельных. Окраска почвы темно-коричневато-бурая, темнее, чем обычно в витачевском горизонте, за счет развития луговости. Материал тяжело-суглинистый, без видимых форм карбонатов, с пунктацией гидрооксидов марганца, а в верхней части профиля с довольно плотными примазками. Переход вниз постепенный;

8.1 - 9.0 м - (по стенке А-Б): удайский (ad, vt III ud) лессовидный суглинок сизовато-палевый, тяжелый, более пылеватый, чем витачевский материал, неплотного сложения; бесструктурный, с мелкими рыхлыми карбонатными стяжениями (Рк витачевской почвы) в верхней части и с гидрооксидномарганцевым дендритом в нижней. Книзу материал становится скрытослоистым, а на контакте с нижележащим слоем выражен базальный горизонт с крошкой мела, мелкой галькой;

7.5 - 9.3 м - (по шурфу): прилукская (e III pl b2) луговая почва, темно-серая до черной, комковато-ореховая, с выделениями гидрооксидов марганца, мелкими конкрециями карбонатов, с неровными границами: верхняя разбита мелкими трещинами иссушения, а также крупными котлообразными проседаниями, связанными с повышенным обводнением в условиях промерзания (глубина котлов до 0.2 м при ширине структур в 0.4 м); нижняя граница пологоволнистая;

9.3 - 10.5 м - иллювий прилукской (e III pl b1-j) лесной почвы яркой буровато-коричневой окраски, песчано-тяжелосуглинистый, с прекрасно выраженной ореховато-призматической структурой, с вторичными карбонатными конкрециями, более редкими, чем в вышележащей почве, и с дендритом гидрооксидов марганца; переход вниз постепенный;

10.5 м и ниже - переходный горизонт прилульской лесной (е III pl b1-jp) почвы светло-бурый, песчано-среднесуглинистый, менее прочно оструктуренный, призматический, с обломками меловых пород; уходит под дно шурфа.

Обработанные человеком кремни залегают в пределах описанного разреза на нескольких уровнях, в большинстве из литологических слоев.

Самый верхний горизонт археологических находок приурочен к низам пачки бугских лесовидных отложений и залегал на 15-30 см выше и витачевской ископаемой почвы. Слой кремней выдержан по простиранию, его мощность незначительна - 15-20 см (4.5-4.7 м от нулевого репера). Эти кремни встречаются только в пределах распространения подошвы бугского леса. Находки залегают в вытянутых линзах протяженностью 2-3 м, содержащих, помимо обработанных человеком кремней, мелкий обломочный материал в виде кремневых галечек, окатанных кусочков мела и известняка. Предметы залегают в произвольном положении, но чаще в горизонтальном. Кремни окатаны, покрыты голубовато-белой и фарфоровидной патиной. На некоторых предметах забитые края, видны мелкие «оспины» ячеистого выветривания. Материал явно переотложен, хотя производит впечатление несортированного.

В витачевской почве найдено несколько единичных кремневых изделий, залегавших в почвенной толще без какой-либо концентрации. Распределение артефактов в ископаемой почве чем-то напоминает ситуацию с характером залегания кремней в памятниках т. н. лессового палеолита Южного Таджикистана [Ранов, Амосова, 1990]. Несколько мелких отщепов найдено в маленьких линзах обломочного материала. Все кремневые изделия из витачевской почвы имеют относительно свежий вид, слегка патинированы и залощены.

Наиболее богатые палеолитические остатки связаны с лессовым заполнением (удайский лесс) промоины, заключенной между витачевской и прилульской почвами.

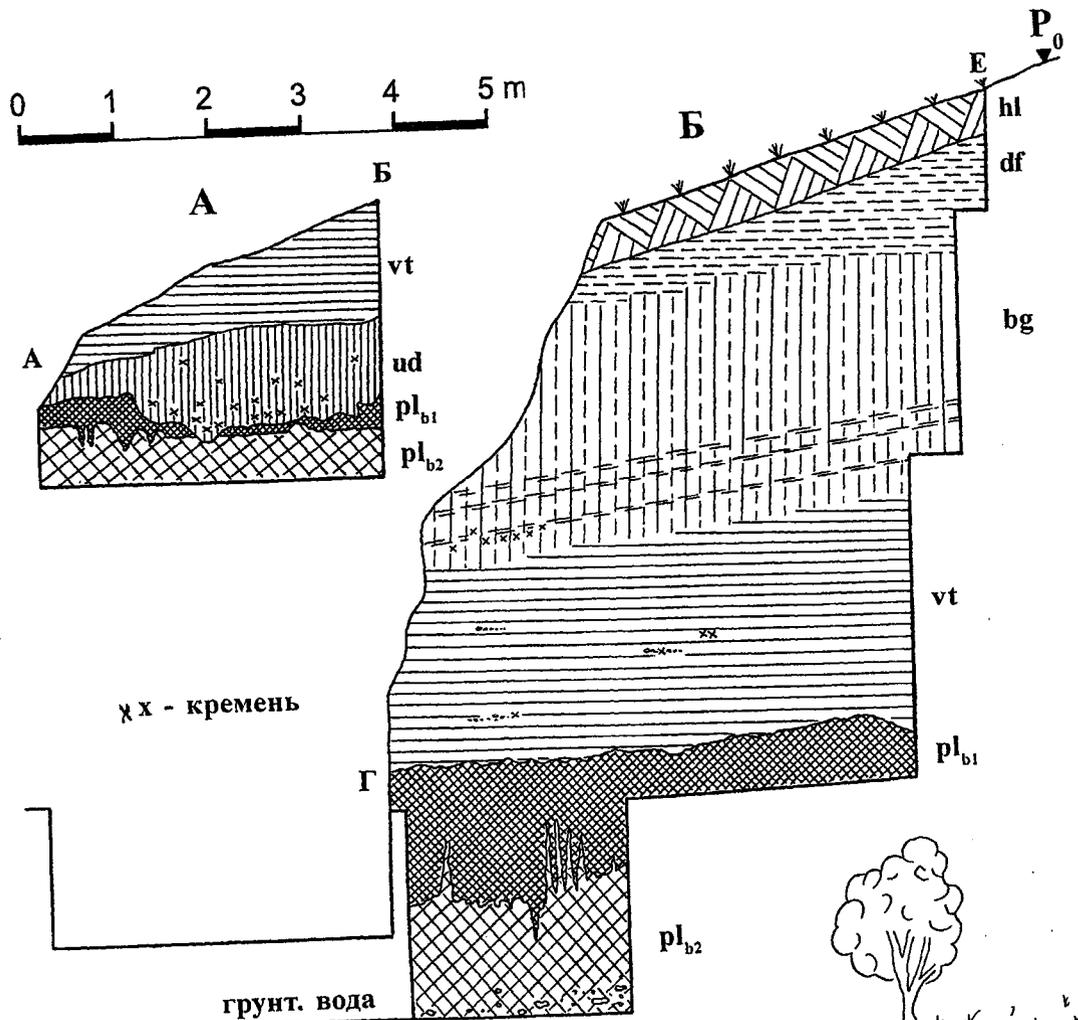
Разборка удайского лессового субстрата, продольные и поперечные профили на участках 1, 2 и 3 отчетливо демонстрируют линзовидное поперечное сечение удайских отложений. Лесс выполняет небольшую промоину в кровле прилульской почвы. Древняя промоина направлена

с северо-запада на юго-восток и располагается параллельно современному руслу р. Наумихи. Максимальная ширина промоины 4-5 м, глубина - до 1 м. Не вызывает сомнений аллювиально-делювиальный генезис лессовой линзы. В верхней части лесса встречается много мелких и мельчайших кремневых галек и меловых окатышей, куски мела и известняка. Порода пронизана мельчайшими вкраплениями окиси марганца, которые крошатся при разборке лесса и образуют линейные следы на расчищенной поверхности. На дне промоины, преимущественно в тальвеге, концентрируется большое количество марганцовистых стяжений до 2-3 см величиной. Они покрыты известковой «рубашкой».

В лессовой толще встречаются небольшие, до 40-60 см по горизонтальному простиранию, линзы из обломочного материала. Толщина линз до 6-8 см. Местами линзы образуют плотную брекчию, в которой вперемешку с естественными меловыми и кремневыми обломками разной величины (от 1 до 10-15 см) залегают древние кремневые изделия. Количество таких линз увеличивается книзу. Ближе ко дну промоины лесс переслаивается ленточными отложениями почвенного материала, смытого со склонов промоины.

Граница между удайским лессом и прилульской почвой в пределах промоины фиксируется совершенно отчетливо. В большинстве случаев между лессом и почвой присутствует неустойчивая по простиранию прослойка в виде карманов, комков или небольших блоков почвы в лессовом материале, мелкослоистые участки, линзы смешанного материала. Ноздреватая бугристая поверхность прилульской почвы, образующей стенки промоины, хорошо видна после выборки лесса (рис.42, 2).

В удайском лессе залегает большое количество палеолитических изделий из кремня и немного костей животных. Заметно залегание более мелких отщепов, чешуек кремня и мелких обломков костей в верхней части лесса. Изредка попадались и крупные предметы, в частности несколько архаичных и окатанных отщепов (рис.57, 11). Основная масса кремней концентрируется в нижней и придонной части промоины, залегая в беспорядочном положении. Нередко кремневые изделия образуют скопления, в которых предметы налагаются друг на друга. Цепочка таких скоплений расположена

А, Б - чертеж стенок

В - блок-схема раскопов 1990-1992 гг.

Рис. 39. Курдюмовка. Стратиграфия (А, Б), блок-схема раскопа (В).
 Fig. 39. Kurdiuovka. Stratigraphy (A, B), block-scheme of excavation (B).

по тальвегу промоины. В некоторых скоплениях на контакте лесса и почвы артефакты и обломочный материал заполняют округлые в плане углубления в почве диаметром 20-25 см со спиралевидным порядком расположения предметов, отражающем турбулентность водного потока. Нам не удалось проследить какой-либо определенной плоскостной ориентации кремневых предметов. Если кремь залегает на склоне промоины, он лежит согласно поверхности склона; положение кремней во взвешенном состоянии в лессовом субстрате и в линзах обломочного материала следует назвать хаотичным (рис.42, 2).

Микростратиграфические наблюдения позволяют восстановить картину переотложения палеолитических культурных остатков в неглубокую промоину. Складывается впечатление о быстрой, практически мгновенной в геологических масштабах аккумуляции лессовой линзы с кремнями и фауной. Сортировка предметов по размерным фракциям, раздельное залегание частей нескольких предметов на разных уровнях (в частности, фрагменты наконечника были найдены в кв.Д-3 и Г-4 соответственно на глубинах -852 и -819), беспорядочное положение артефактов и обломочного материала, концентрация основного количества крупных обломков и искусственно расщепленных кремней в скоплениях по руслу промоины, спиралевидные образования рисуют картину быстрого разрушения культурного слоя древней стоянки и перемещения этих остатков в промоину вместе с лессом и обломочным материалом. О быстрой накопления лессовой линзы свидетельствует свежий вид абсолютного большинства кремневых подделок, на которых отсутствуют следы окатанности, патины и механических повреждений. Фактически полностью сохранилась черепная крышка бизона с хрупкими перегородками в носовой части; сохранились также небольшие анатомические группы костей копытных животных. Восстановленные в ряде случаев связи между кремневыми фрагментами и аппликациями (рис. 38) показывают снос фактически единого археологического комплекса.

Археологические остатки подверглись также постгенетической (мерзлотной - ?) деформации. Так, в кв.А-4 найдена таранная кость бизона, раздавленная на отдельные смещенные блоки.

Из приведенного стратиграфического и тафономического анализа следует, что размыв культурного слоя памятника произошел в удай-

ское время. Культурные остатки размытого мустьерского поселения переместились в промоину, скорее всего, в виде селевой массы с основным наполнителем из удайского лесса. Размыв маломощных удайских лессов и перемещение их в делювиальную фацию весьма характерен для удайских отложений Украины [Веклич, 1968]. Однако, можно ли считать одновременными процессы образования культурного слоя и накопления-размыва удайского лесса? Веских доказательств этому нет.

Ниже удайского лесса в прилукской ископаемой луговой почве находится еще один горизонт культурных остатков, который, возможно, позволяет уточнить датировку находок из удайской линзы. Этот горизонт приурочен к контакту прилукских почвенных слоев р1 в2 - р1 в1 и связан с нижним уровнем р1 в2. Слой имеет выдержанное горизонтальное простирание, мощность около 10 см. Расчищен в пределах участков 1 и 2. Глубина от нулевого репера в секторе 1: -880-903 см. В рамках этого горизонта выделяется скопление кремней в кв. И-К-2. Оно содержит продукты расщепления четырех конкреций, две из которых восстанавливаются практически полностью. Все кремни залегают в горизонтальном положении. Скопление имеет явный планиграфический контекст (рис.40, 1). Нет сомнений в том, что данный производственный участок древней стоянки сохранился в первоначальном виде, а культурный слой в верхнем горизонте прилукской почвы, в целом, не переотложен.

Стратиграфическая ситуация осложняется тем, что промоина с удайским лессовым заполнением врезана практически до кровли горизонта в1, т. е. до уровня нижнего горизонта находок. Тальвег промоины, содержащий большое количество расщепленного кремня, идет прямо по нижнему слою. Вычлнить прилукский горизонт находок со скоплением *in situ* удалось только в камеральных условиях по чертежам и полевым заметкам о характере вмещающих отложений. Этот горизонт, как выяснилось, отличается компактной, по горизонтали, глубиной залегания и приуроченностью к почве, в отличие от остальных находок. У нас нет полной уверенности в том, что при разборке тальвега удайской линзы несколько кремней из пограничных участков прилукской почвы не попали в условный удайский комплекс. По характеру кремневого сырья, степени со-

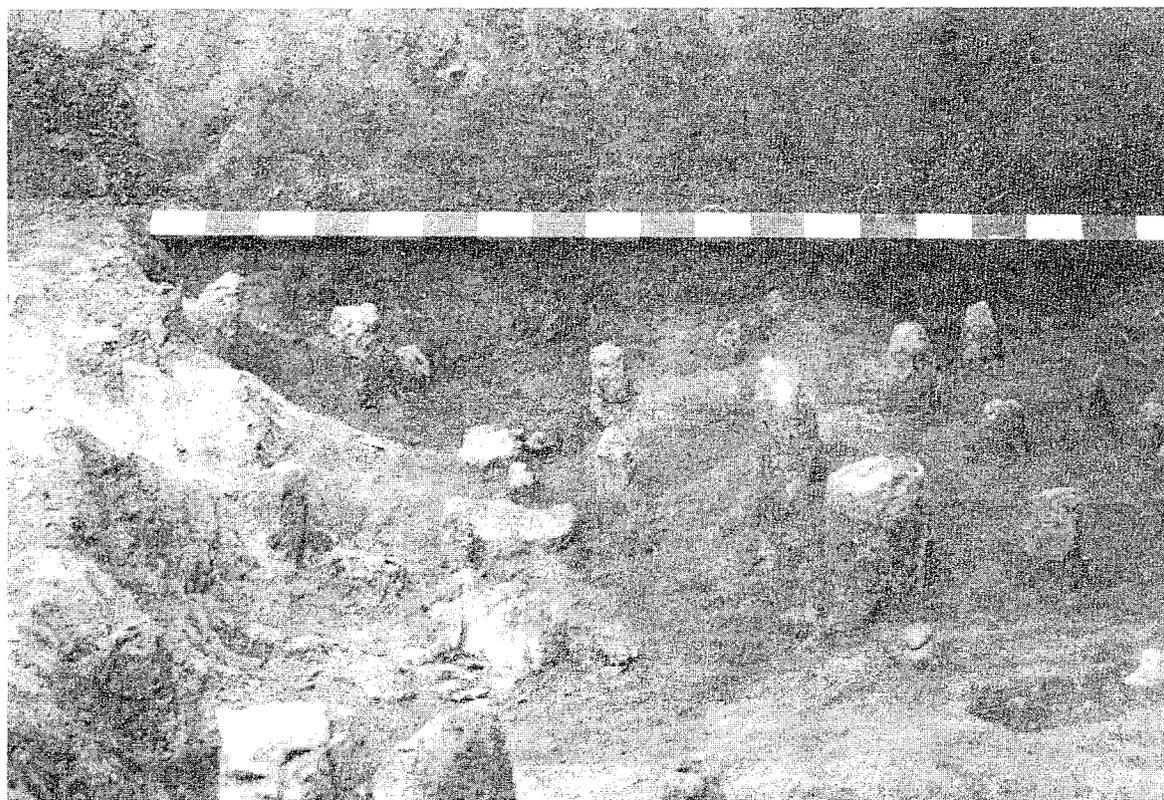
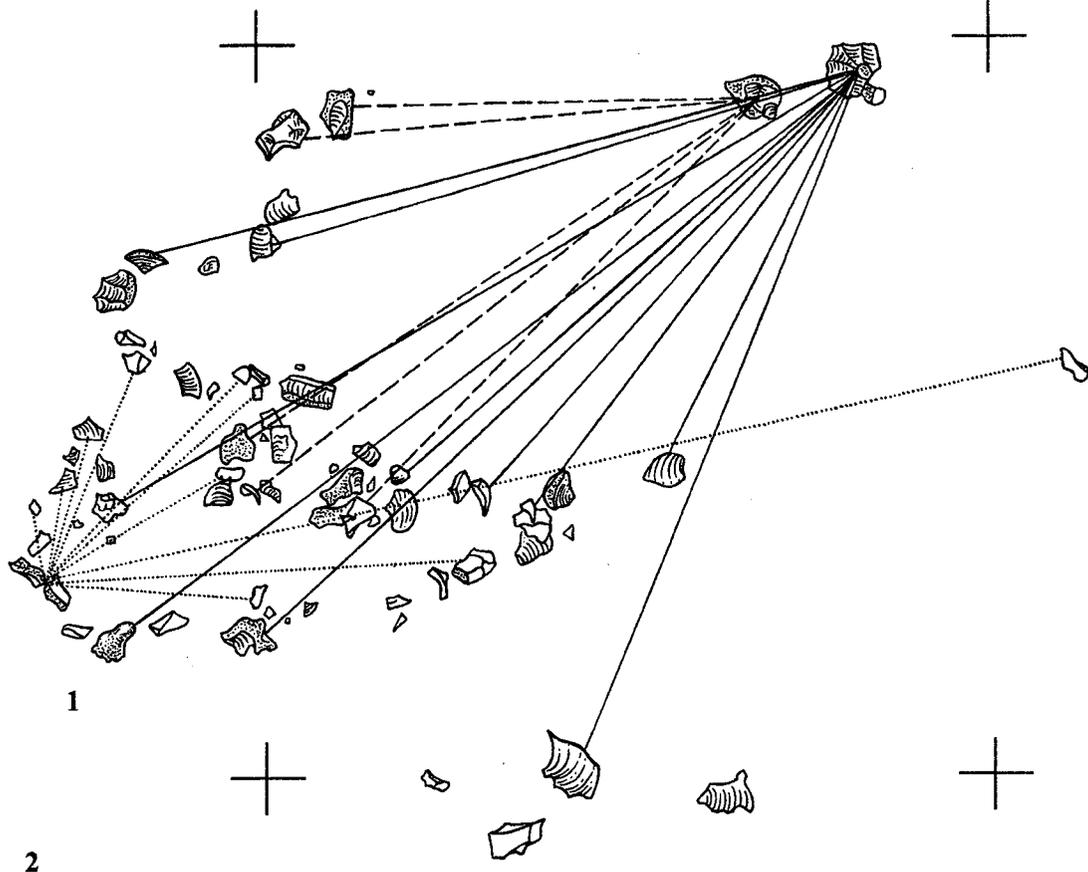

Рис. 40. Курдюмовка. План участка слоя в прилукской почве (1), расчистка слоя (2).
 Fig. 40. Kurdiuimovka. Distribution plan of the Priluki soil complex (1), excavation works in progress (2).

хранности и технико-типологическим показателям кремни из лесса и почвы практически неотличимы друг от друга.

Ясная стратиграфическая позиция прилуцкого горизонта находок позволяет с уверенностью датировать его временем, не моложе периода формирования почвенного слоя р1 в2.

Подобный возраст могут иметь и находки из удайского лесса. Нельзя отрицать возможность того, что в удайское время произошел частичный размыв прилуцкой по времени стоянки. Возможно, на поверхности прилуцкой почвы произошла врезка русла ручья, в которое вместе с удайским лессом и обломочным материалом были вовлечены культурные остатки из расположенных выше по склону участков стоянки, а также смывы прилуцкого почвенного материала. На месте раскопа удайская аккумулятивная линза наложилась прямо на участок с сохранившимся культурным слоем.

Такое объяснение кажется мне наиболее правдоподобным. Как кажется, артефакты из удайского лесса и прилуцкой почвы представляют из себя две тафономические фации единого археологического комплекса. В одном случае удалось совместить два скола, один из которых явно происходит из ископаемой почвы, другой - из лесса. Тем не менее, при описании коллекций мы будем рассматривать материалы из удайского лесса и прилуцкой почвы отдельно.

Во втором и третьем секторах раскопа нижняя часть прилуцких отложений представлена аллювиальной фацией из бурого суглинка и окатанных кусков мела разной величины. В сторону сектора 1 количество окатанных кусков мела уменьшается. В 1992 г. на участках 1 и 2 аллювий был разобран до уровня грунтовых вод. В нем найдено небольшое количество слабо окатанных и патинированных кремней, несколько обломков костей животных. Время образования аллювиальной фации, представляющей собой, видимо, пра-русло современной реки, - не позднее времени формирования почвы р1 в1, почва этой стадии в пределах раскопа повсеместно перекрывает аллювий. Следовательно, таков и возраст (по крайней мере, не моложе) включенных в аллювий кремней и фаунистических остатков.

Фауна

При разборке отложений с археологическими остатками встречено небольшое количество костей животных. Кости из удайского лес-

са желтовато-белого цвета, рыхлые, легко крошатся. Компакта относительно неплохой сохранности, но какие-либо следы нарезок не видны. Кости из аллювия более плотные, со светло-коричневой поверхностью. Все определения фауны выполнены А.К. Каспаровым в 1995 г. В 2001 г. фактически тот же видовой состав животных был определен О.П. Журавлевым.

Наиболее представительная фаунистическая коллекция собрана в удайском лессе. Суммарно здесь найдены остатки следующих животных:

- бизон (*Bison priscus*) - фронтальная и затылочная часть черепа молодого животного (рис. 41, 1), обломок позвонка и головка одного из первых ребер в связке, диафиз большой берцовой кости, первая фаланга крупной особи, два позвонка в связке, обломок большой берцовой кости, зуб верхней челюсти полувырослой особи, левая таранная кость взрослой особи;

- лошадь (*Equus caballus foss.-?*) - левая таранная кость, левая плечевая кость;

- мамонт (*Mammuthus primigenius-?*) - пластинка зуба, фрагмент таза (?);

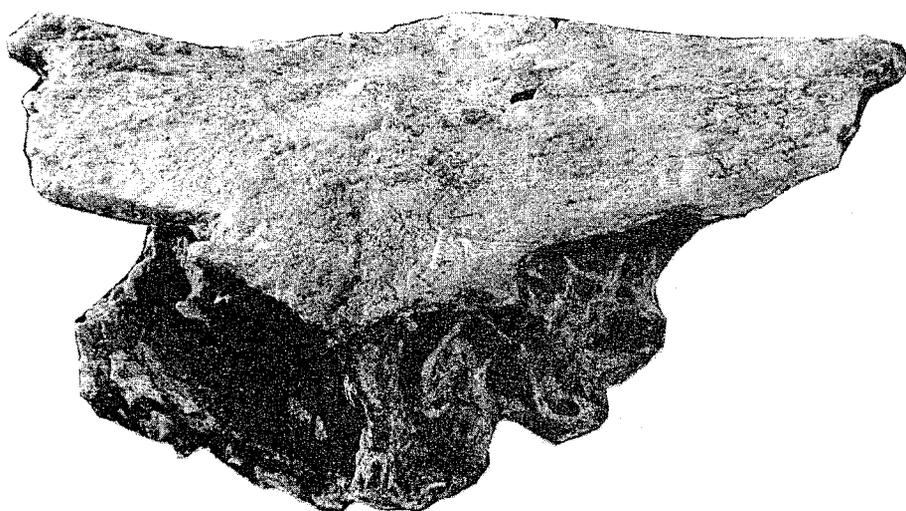
- сайга (*Saiga Tatarica*) - зуб;

- олень (*Megaloceros sp.-?*) - фрагмент диафиза плечевой кости.

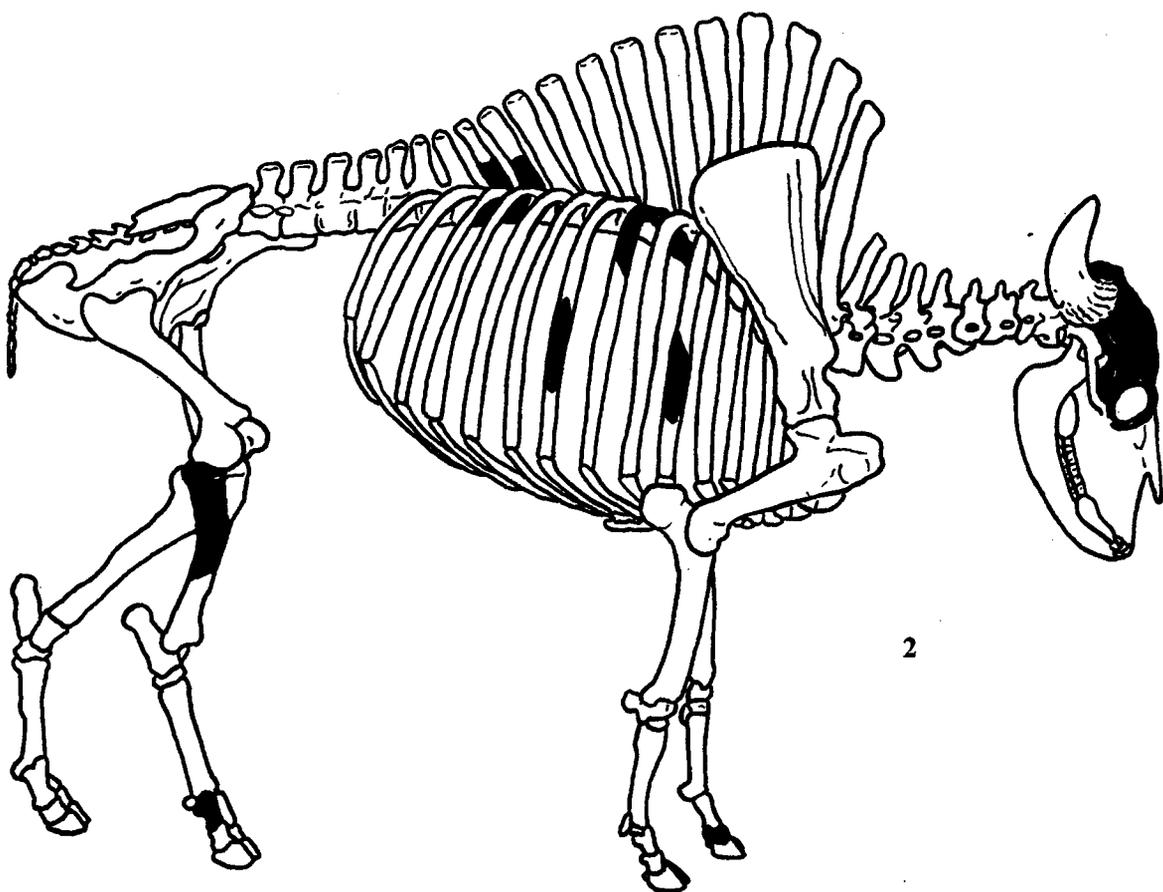
Кроме этого, в лессе найдены также обломки большой берцовой кости, плечевой кости, фрагменты ребер, позвонков, нижней челюсти, зубные пластины каких-то крупных копытных, неопределимых до вида.

В шурфе №2 в отложениях р1 в2 найдены обломок плечевой кости крупного копытного и запястная кость бизона, на участке 3 в прилуцком аллювии встречены обломок берцовой кости крупного копытного, вторая фаланга лошади.

Как видно, состав фауны из удайских и прилуцких отложений принципиально схожий. Преобладают кости бизона, который сопровождается мамонтом и копытными животными. Обращают на себя внимание небольшие анатомические группы костей бизона, которые образовались, видимо, при разделке туш и хорошо сохранились, несмотря на переотложение культурного слоя. Кости принадлежат к различным частям скелета бизона. Представлены кости головы, конечностей, остатки осевого отдела, ребра (рис. 41, 2). Складывается впечатление об утилизации всех сегментов туш бизонов, которые, видимо, добывались в непосредственной близости от стоянки мустьерских охот-

1

2

Рис. 41. Курдюмовка. Фаунистические находки.
Fig. 41. Kurdiunovka. Faunae.

ников. Нет оснований говорить о преобладании каких-то отдельных сегментов туш, как это отмечается, например, в среднем палеолите Крыма [Барышников, Каспаров, Тихонов, 1990]. Возможно, это связано с относительной малочисленностью фаунистической коллекции в материалах публикуемого памятника.

Характеристика каменного сырья

Все палеолитические комплексы местонахождения основаны на применении в сущности одного и того же кремневого сырья, которое в изобилии встречается на противоположном правом берегу реки. Правый коренной берег р. Наумиха сложен кремнесодержащими скальными породами верхнемелового возраста. В настоящее время на участке берега напротив памятника эти породы проявляются в виде редких скал и крутой высокой (до 15 м) меловой осыпи.

На поверхности осыпи встречаются многочисленные конкреции и обломки кремня. Среди них преобладают мелкие (до 8-10 см) и средние (до 13-15 см) удлинённые пальчатые конкреции, небольшие угловатые обломки, мелкие плитки. Реже встречаются округлые или кубовидные конкреции размерами до 10-15 см, которые могут представлять интерес для нуклеусного расщепления. Кремень кварцево-халцедоновый стекловидный полупрозрачный серый и светло-серый, с жирным блеском. Часто отмечается тонкая, но контрастная белесая прослойка в предповерхностной зоне и неперекристаллизованное матовое ядро. Кремень пластичный, практически без трещин и каверн.

На стоянку поступали в основном объёмные округлые конкреции, угловатые куски и небольшие пальчатые конкреции. Мелкое плитча-

тое сырье практически не использовалось. Какие-либо экзотические породы камня не отмечены.

В целом, потребность обитателей стоянки в каменном сырье полностью удовлетворялась обильными и легкодоступными запасами местного кремня среднего и высокого качества.

Коллекция из раннебугских отложений

В основании бугского лессовидного суглинка собрана незначительная коллекция кремней - 114 экз. (таблица 6).

Набор технологически и типологически значимых предметов маловыразителен. Он включает три грубые пластины (рис.44, 6), два площадочных нуклеуса со слабовыпуклым рабочим фронтом (рис.42, 10-11), отщепы с ретушью (рис.42, 3, 7), два отщепа с выемками (рис.42, 5-6), пластину с усеченными концами (рис.42, 9), массивное скребловидное орудие (рис.42, 8), отщеп с уплощенным бугорком (рис.42, 4).

Наибольший интерес представляет массивное скребловидное изделие (рис.42, 8). Это орудие не имеет определенной типологической атрибуции и, скорее всего, тяготеет к зубчатым скреблам. Вентральная сторона сформирована серией уплощающих широких центростремительных сколов. Левый (по рисунку) край обработан нерегулярной ретушью, сработан, имеет крупнозубчатый рисунок. Наиболее узкая часть усечена отвесными сколами с плоской стороны. Поперечное усечение (тронкирование) применялось и при обработке массивной пластины с выемкой, причем сколы тронкирования рассекают выемку (рис.42, 9). Не развитый, в целом, облик орудий бугского горизонта сочетается с примитивной пластинчатой техникой первичного расщепления камня. Диагностичны пластины и два

	Количество	%
Нуклеусы	3	2.6
Первичные отщепы	5	4.4
Вторичные отщепы свыше 5 см	5	4.4
Вторичные отщепы 3-5 см	37	32.4
Вторичные отщепы до 3 см	35	30.8
Куски, обломки	12	10.6
Пластины	3	2.6
Отщепы с ретушью	3	2.6
Орудия	11	9.6
Всего:	114	100%

Таблица 6. Курдюмовка. Кремневые изделия из бугского горизонта.

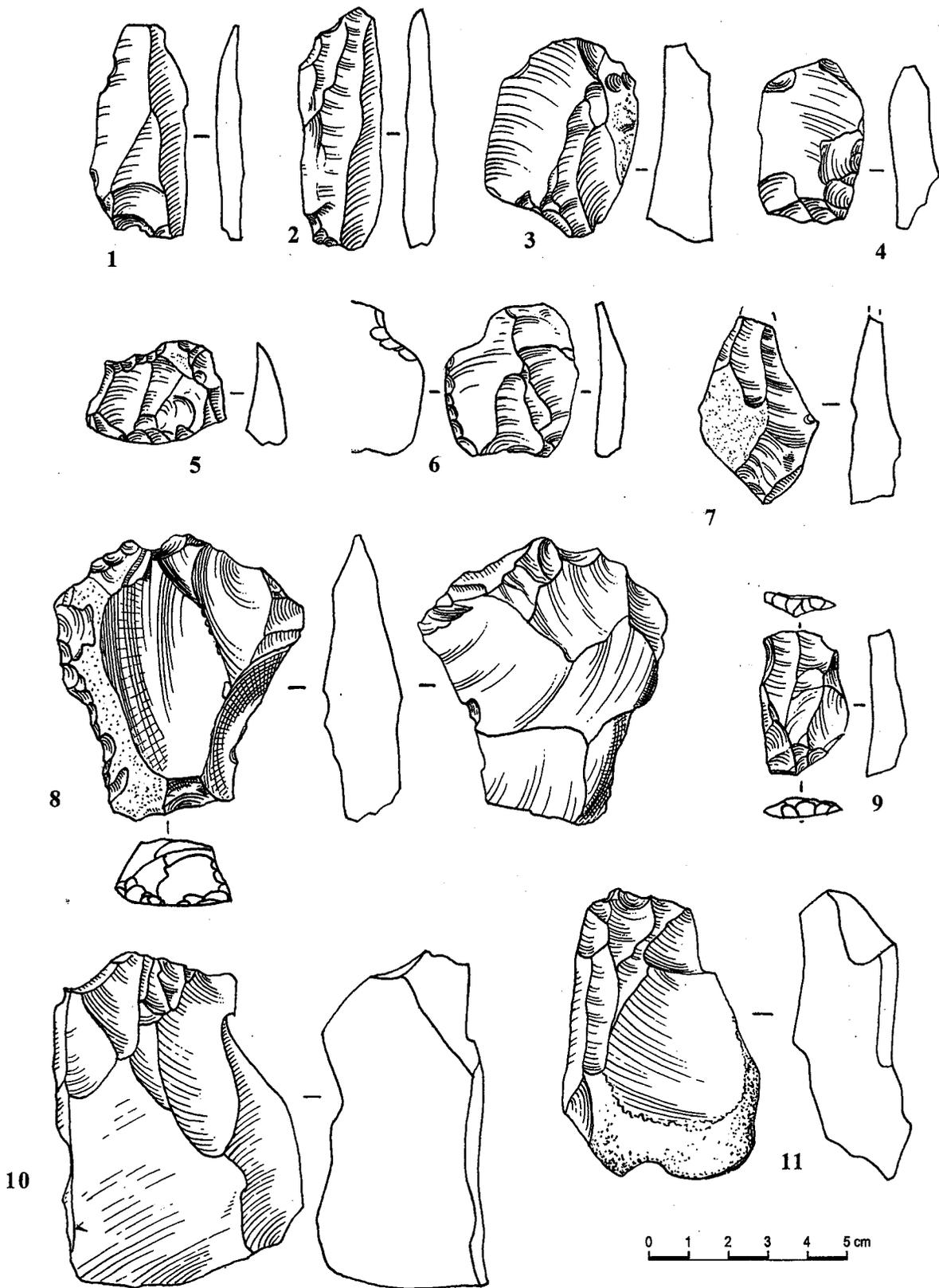

Рис. 42. Курдюмовка. Изделия из бугского лесса.
 Fig. 42. Kurdiymovka. Boug complex.

ядрища для скальвания удлиненных заготовок. На одном из них (рис.42, 11) реализован принцип встречного противоположащего скальвания.

По стратиграфическому положению данный комплекс сопоставим с бугским комплексом Белокузьминовки [Герасименко, Колесник, 1990]. Какие-либо культурные сопоставления этого материала пока что преждевременны.

Коллекция из витачевской почвы

Насчитывает всего 3 предмета. Находки встречены на глубине 7.4 м и 7.0 м. Это небольшой вторичный отщеп, обушковый с зубчатым лезвием нож и одноплощадочный нуклеус из овальной кремневой гальки. Нуклеус имеет фасетированную площадку и одну плоскую рабочую поверхность, ограниченную широкими и короткими негативами.

Коллекция из удайского лесса (общая характеристика)

Является самой многочисленной и включает 1870 кремневых предметов из материалов раскопок 1989-1992 гг. (таблица 7).

Среди нуклеусов представлены образцы на различной стадии сработанности. По крайней мере, 5 из них относятся к «заготовкам» и имеют площадки и подготовленные, но не утилизированные плоскости расщепления. «Заготовки» представляют собой явный производственный брак и мало пригодны к дальнейшей утилизации из-за ошибок расщепления или проявившегося плохого качества сырья. Нуклеусов на средней стадии сработанности и предельно истощенных ядрищ поровну - по 14 экз. каждой категории.

Как видно, коэффициент остаточных нуклеусов средневысокий - 50%. На один условный нуклеус приходится около 10 сколов средних размеров без корки. Это приблизительно соответствует подобным пропорциям в экспериментальных сериях при среднем и полном расщеплении ядрищ среднепалеолитических типов [Щелинский, 1983]. С учетом большого количества сколов с первичной коркой (37% всех средних и крупных сколов) вероятен вывод о том, что нуклеусы изготавливались и полностью расщеплялись непосредственно на месте стоянки.

Видимо, на месте изготавливались и изделия с вторичной обработкой. Судя по нескольким специфическим сколам уплощения бруска, по крайней мере, одна категория изделий - массивные зубчатые скребла - имеет явно местное происхождение. Все орудия изготовлены из того же кремня, что и нуклеусы.

Орудия составляют 1.8% всех кремней. Суммарно изделия с вторичной обработкой и т. н. отщепы с ретушью составляют 4.6% всего комплекса. Коэффициент С-Т (соотношение нуклеусов и орудий) составляет приблизительно 1:1. Технические индексы кремневой индустрии из удайского лесса: $Ilam$ - 23%; $IF1$ - 44%; IFs - 32%; коэффициент удлиненности сколов - 123.1; коэффициент массивности сколов - 20.6.

В комплексе кремневых изделий из удайского лесса представлен полный цикл кремнеобработки от подготовки и расщепления нуклеусов до производства орудий. В структуре комплекса явно просматривается доминирование начальных этапов расщепления кремня в рамках относительно полного цикла кремнеобработ-

	Количество	%
Конкреции и куски кремня	21	1.1
Конкреции со следами оббивки	21	1.1
Изделия из пальцевидных конкреций	22	1.2
Нуклеусы, в т. ч. "заготовки"	33	1.8
Сколы оживления нуклеусов	19	1.0
Отщепы с первичной коркой	154	8.2
Мелкие отщепы до 3 см, чешуйки	963	57.6
Обломки, осколки	252	13.5
Отщепы 3-7 см	205	11.0
Пластинчатые сколы	60	3.2
Мелкие технологические пластинки	17	0.9
Изделия с вторичной обработкой	33	1.8
Обломки орудий	10	0.5
Сколы формирования орудий	4	0.2
Отщепы с ретушью	53	2.8
Итого:	1870	100%

Таблица 7. Курдюмовка. Кремневые изделия из удайского лесса.

ки. Незначительная усеченность цикла (отсутствие четко выраженных следов поджигления орудий) объясняется, скорее всего, относительно небольшими размерами коллекции. Такое соотношение технологических фракций характерно для стояночных комплексов, существовавших в рамках экстенсивного модуса сырьевой стратегии [Колесник, 1996].

Краткий технологический анализ коллекции из удайского лесса

Техника первичного расщепления кремневой индустрии из удайского лесса базировалась на полярных нуклеусах с необъемной рабочей поверхностью (в основном) и нуклеусах с центростремительным скалыванием [Колесник, 2000].

Всего нуклеусов с оформленной системой сколов на рабочем фронте и подготовленными ударными площадками 28 шт.

Ядрищ с центростремительным скалыванием в коллекции 6 шт. Только один из них односторонний (рис.43, 1); по характеру снятий он приближается к веерообразному. Нуклеус изготовлен из массивного первичного отщепы. На тыльной плоской стороне сохранилась небольшая по протяженности тонко фасетированная площадка. Выпуклый центр площадки совпадает со сформированным ребром на рабочей стороне, т. е. подготовка очередного скола была закончена. Двусторонние радиальные ядрища представлены как нуклеусами на средней стадии сработанности (рис.43, 2-3, 5), так и остаточными формами (рис.43, 8). Ремонтаж показывает, что с этих нуклеусов отделялись отщепы с двугранными (рис.43, 3) и тонко фасетированными площадками, хотя на самих двусторонних нуклеусах характер площадок не столь очевиден.

Площадки хорошо выражены на нуклеусах с полюсным скалыванием. Таких нуклеусов в коллекции 21, причем документированы все этапы их расщепления. Они распадаются на двуплощадочные (рис.43, 7; 44, 1-2; 7, 1, 5) и одноплощадочные (рис.43, 4, 6; 44, 3, 5, 7; 45, 2-4, 6). Двуплощадочных 9, одноплощадочных 12. Принципиальной разницы в технологии расщепления одно- и двуплощадочных нуклеусов нет и вторые площадки, скорее всего, предназначались для снятия заломов. На примере некоторых ядрищ видно, что расщепление прекращалось тогда, когда сколы по снятию заломов оказывались безрезультатными (рис.44, 1; 45, 1).

При подготовке полюсных нуклеусов преследовалась цель создать выпуклую тыльную сторону и уплощенную рабочую. Удобная для этих целей естественная округлая форма исходного сырья требовала минимальной подправки тыльной стороны; первичная корка на обратной стороне сохраняется практически у всех нуклеусов этого типа. В некоторых случаях хорошо видно, что расщепление нуклеуса прекращалось после снятия крупного центрального скола.

Помимо радиальных и полюсных ядрищ, в коллекции присутствует один остаточный кубовидный нуклеус.

Заготовки (5 шт.) относятся как к радиальным, так и к полюсным формам.

Общая стратегия редукции нуклеусов хорошо восстанавливается в группе полюсных ядрищ. Редукционная последовательность на этапе целевого расщепления документируется у полюсных ядрищ, прежде всего, операциями по подготовке зон расщепления и приемами поднятия выпуклости фронта.

Первостепенное значение при управлении скалыванием с нуклеуса имеет подготовка зон расщепления. Как известно, зона расщепления состоит из краевого участка отбивной площадки и приплощадочного участка рабочего фронта. В курдюмовской индустрии применялся достаточно разнообразный набор приемов обработки зон расщепления. Реальное значение имеют следующие разновидности площадок и приплощадочных зон (таблица 8).

Площадки:

- корковые площадки (рис. 47, 4);
- гладкие площадки, образованные одним поперечным ударом (рис. 47, 8);
- гладкие площадки, образованные одним продольным ударом; как правило, продольная волна видна при глубине площадки не менее 3-4 мм;
- точечные площадки; в эту категорию входят также узкие не более (3-4 мм) и неглубокие (до 2 мм) площадки с неясной, чаще всего, огранкой (рис. 46, 3, 6);
- тонкофасетированные прямые площадки (рис. 46, 1; 47, 1);
- тонокофасетированные выпуклые площадки (рис. 46, 14);
- грубофасетированные выпуклые площадки;
- двугранные площадки, образованные поперечными (от фронта) ударами (рис. 47, 5);

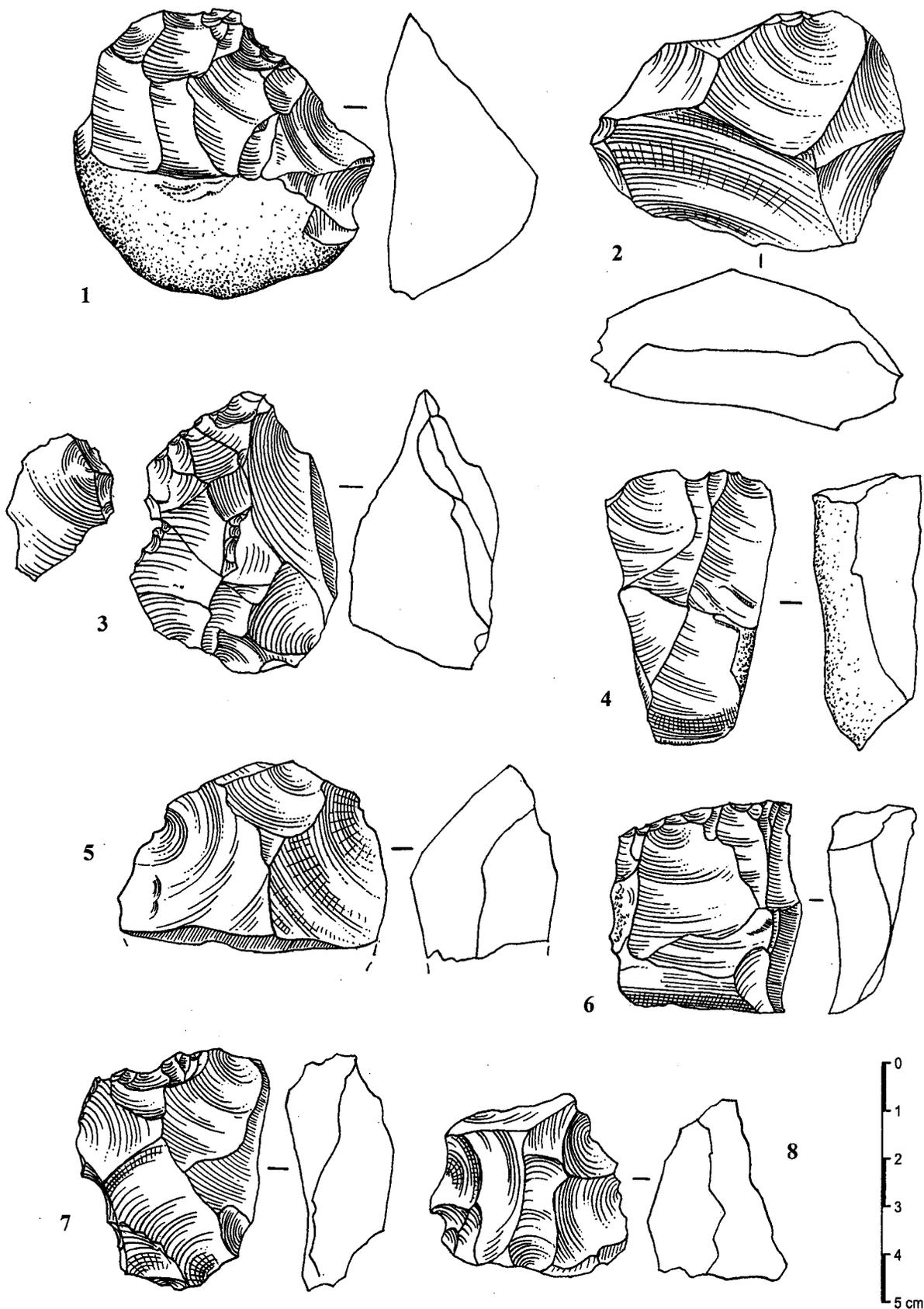

Рис. 43. Курдюмовка. Нуклеусы.
 Fig. 43. Kurdiuovka. Cores.

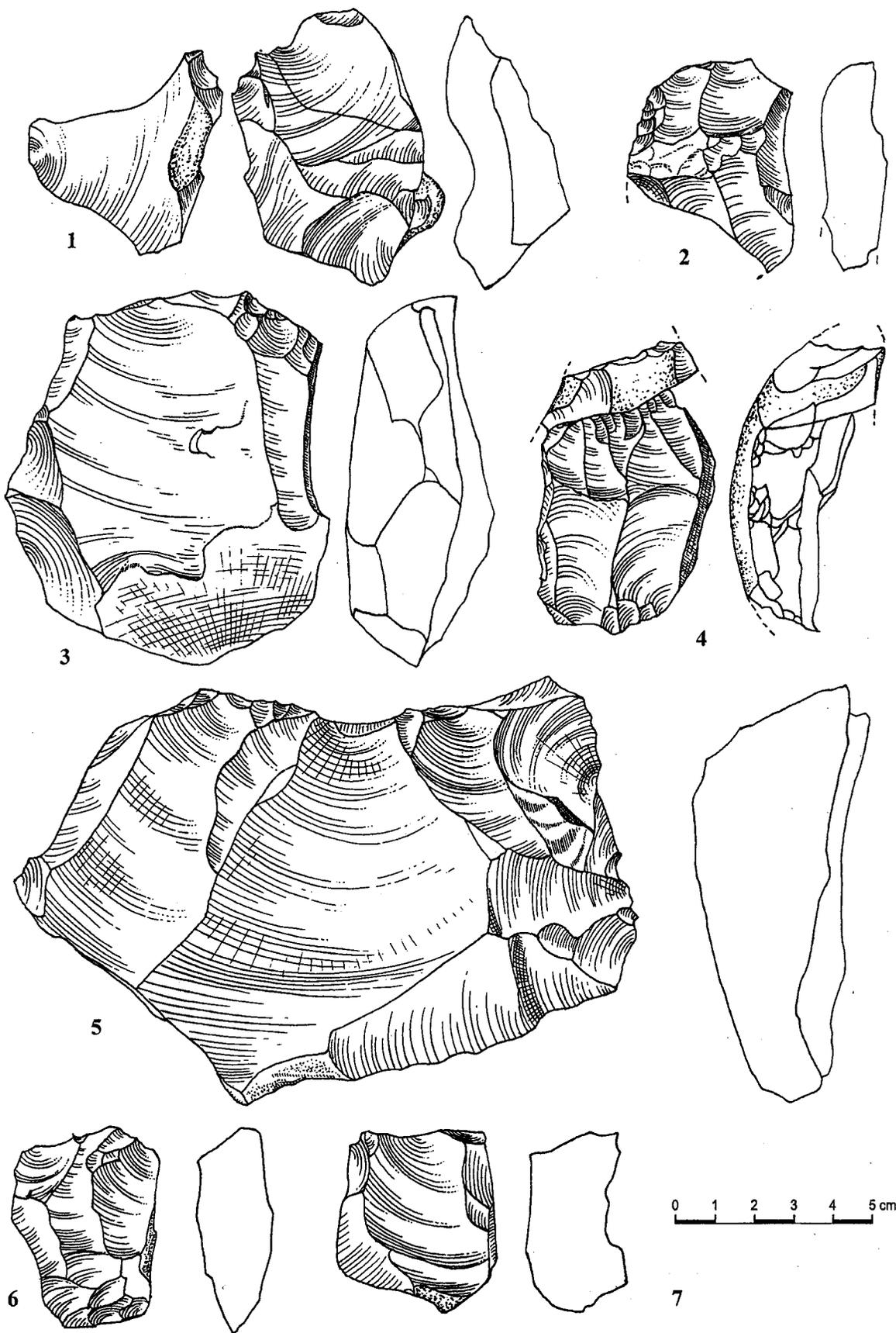

Рис. 44. Курдюмовка. Нуклеусы.
 Fig. 44. Kurdiymovka. Cores.

- двугранные площадки, образованные продольными ударами; скальвающий удар наносился по поверхности отдаленной фасетки, либо по краю отдаленной фасетки в месте соединения двух граней;

- двугранные площадки с продольной и поперечной фасетками.

Приплощадочные зоны:

- необработанные приплощадочные зоны с различной неустойчивой морфологией (рис.46, 1; 47, 1);

- необработанные приплощадочные зоны с хорошо видимым нависающим «карнизом»;

как правило, сколы с такими зонами имеют весьма глубокие (не менее 10 мм) и гладкие площадки;

- грубо отесанные зоны с частично сохранившимся «карнизом» (рис.46, 14);

- зоны со следами мелких сколов (рис.46, 15, 17);

- зоны с полностью устранимым «карнизом» и мелкой подправкой края; сочетаются в основном с точечными и неглубокими гладкими площадками; напоминают т. н. редуцированные площадки позднего палеолита, но не обладают такой же выпуклостью в плане и профиле (рис.52, 1-2).

	С карнизом	Необработанные	Грубая подправка	Грубая+ тонкая подправка	Тонкая подправка	Итого
Гладкая поперечная	11	28	25	14	3	81
Гладкая продольная	2	7	8	2	1	20
Тонкофасетированная прямая	1	13	11	8	2	35
Тонкофасетированная выуклая	1	7	4	1	-	13
Грубофасетированная прямая	1	5	8	2	1	17
Грубофасетированная выпуклая	-	2	1	-	-	3
Двухгранная поперечная	2	3	1	1	-	7
Двухгранная продольная	4	10	2	-	-	16
Двухгранная продольно-поперечная	3	1	3	2	-	9
Корковая	1	21	4	2	-	27
Точечная	-	4	11	19	11	45
Итого	25	102	78	50	18	273

Таблица 8. Курдюмовка. Зоны расщепления сколов из удайского лесса.

Эти же разновидности площадок и приплощадочных зон наблюдаются непосредственно на самих нуклеусах (таблица 9). Заметно преобладание гладких площадок, образованных одним поперечным ударом.

Отличительной особенностью технологии оформления зон расщепления в курдюмовской индустрии является относительно большой удельный вес площадок, образованных одним боковым сколом. Прием боковой подправки

	Количество	%
Гладкие поперечные	13	41.9
Гладкие продольные	2	6.5
Тонко фасетированные прямые	1	3.2
Тонко фасетированные выпуклые	2	6.5
Грубо фасетированные прямые	3	9.7
Грубо фасетированные выпуклые	1	3.2
Двугранные поперечные	1	3.2
Двугранные продольные	3	9.7
Двугранные продольно-поперечные	2	6.5
Корковые	3	9.7
Итого:	31	100%

Таблица 9. Курдюмовка. Характер площадок нуклеусов.

ударных площадок сам по себе достаточно тривиален и впервые был отмечен еще на отщепе из Бессергеновки [Громов, 1937; Праслов, 1968, с.58]. Обычно такие площадки имеют несколько боковых фасов, минимум два [Праслов, ук. соч.; Щелинский, 1999]. В Курдюмовке по крайней мере 20 площадок сколов образованы одним крупным боковым фасом.

Реконструкция техники бокового подживания ударной площадки возможна на примере одного остаточного ядрища (рис.43, 6). У этого нуклеуса подъем выпуклости фронта осуществлялся путем продольного бокового скалывания. В результате применения такого приема на нуклеусе образовался боковой торец, с которого был отделен боковой скол подживания площадки. Такой же прием подживания площадки одним боковым сколом виден на нуклеусе с центростремительной огранкой. Присутствуют в коллекции и два скола бокового подживания площадок (рис.52, 2-3). Внешне эти сколы очень близки более поздним сколам подживания площадок призматических нуклеусов.

Обращает на себя внимание большой процент точечных площадок с «перебранным карнизом» (таблица 8). Этим приемом формировалась выпуклая поверхность, непосредственно примыкающая к площадке. Скалывающий удар наносился непосредственно в образовавшееся ребро. Чаще всего этот прием практиковался при скалывании пластин.

В ходе расщепления нуклеуса постоянно возникает потребность в подъеме выпуклости рабочего фронта и в придании фронту определенных геометрических очертаний. Эта двуединая задача решалась древними обитателями стоянки несколькими взаимосвязанными способами.

На ряде ядрищ в начальной стадии сработанности хорошо видны первые крупные однонаправленные сколы в рабочей плоскости, идущие от предварительно образованной поперечной площадки. Выпуклость рабочего фронта обеспечивалась путем скалывания боковых продольных участков в плоскости, расположенной под значительным углом по отношению к рабочей поверхности фронта. Такой угол мог быть либо прямым (рис.45, 3), либо тупым (рис.43, 4). Сколов с естественным обушком или остатками такой поверхности минимум 5 шт. При снятии боковых однонаправленных формирующих-подживляющих естественно-обушковых сколов ра-

бочий фронт приобретал выпуклую параллельную или субпараллельную огранку.

Распространенным был также способ подъема фронта путем оббивки боковых участков нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом серией поперечных сколов, идущих от края фронта в сторону тыла нуклеуса (рис.45, 2). Этот способ обработки отмечен у ядрищ на различной стадии сработанности. Дальнейшая операция напоминает вышеописанный прием - образовавшийся угловой поперечно ограненный участок (фактически одностороннее ребро) срезался боковым (по отношению к фронту) продольным сколом. Таких односторонне-реберчатых сколов первого снятия 13 шт. Из них 6 сохранили известковую корку. Поперечно ограненные участки, как правило, не имеют большой протяженности. Реже встречаются односторонне-реберчатые сколы второго снятия (рис.47, 7-8) - всего их 6 шт. Они отражают относительную регулярность продольного бокового подживания нуклеусов с предварительной поперечной подработкой боковых элементов «от фронта».

Выразительными образцами представлен прием боковой подработки нуклеуса «с тыла на фронт» (рис.44, 4). Сколы наносились ударами с тыльной корковой стороны, и, в силу естественной крутизны профиля, придавали рабочему фронту ядрища значительную поперечную выпуклость. Характер огранки рабочего фронта нуклеусов при такой подправке не вызывает сомнений - он должен иметь систему продольных и краевых поперечных негативов. Сходная огранка возникает и при подправке «с бока на фронт», то есть от края фронта к его центру. Обычных сколов и пластин с продольно-поперечной огранкой в коллекции действительно много - минимум 15 шт. (рис.46, 17). На спинке этих сколов сохраняются «хвостовые» участки негативов боковых сколов. Если скол отделялся не от функциональной площадки нуклеуса, а с тыла или с бока фронта, то есть выполнял функцию подъема фронта, поперечно ориентированный негатив на его спинке располагался не сбоку, а на дистальном конце. В коллекции всего один такой скол.

Сколы формирования-подъема фронта типа «с бока на фронт» отделялись также от боковых участков нуклеусов, предварительно оббитых «с фронта на тыл» (рис.44, 1). неизбежно возникали двусторонне оббитые продольные краевые ребра. В коллекции 4 таких кра-

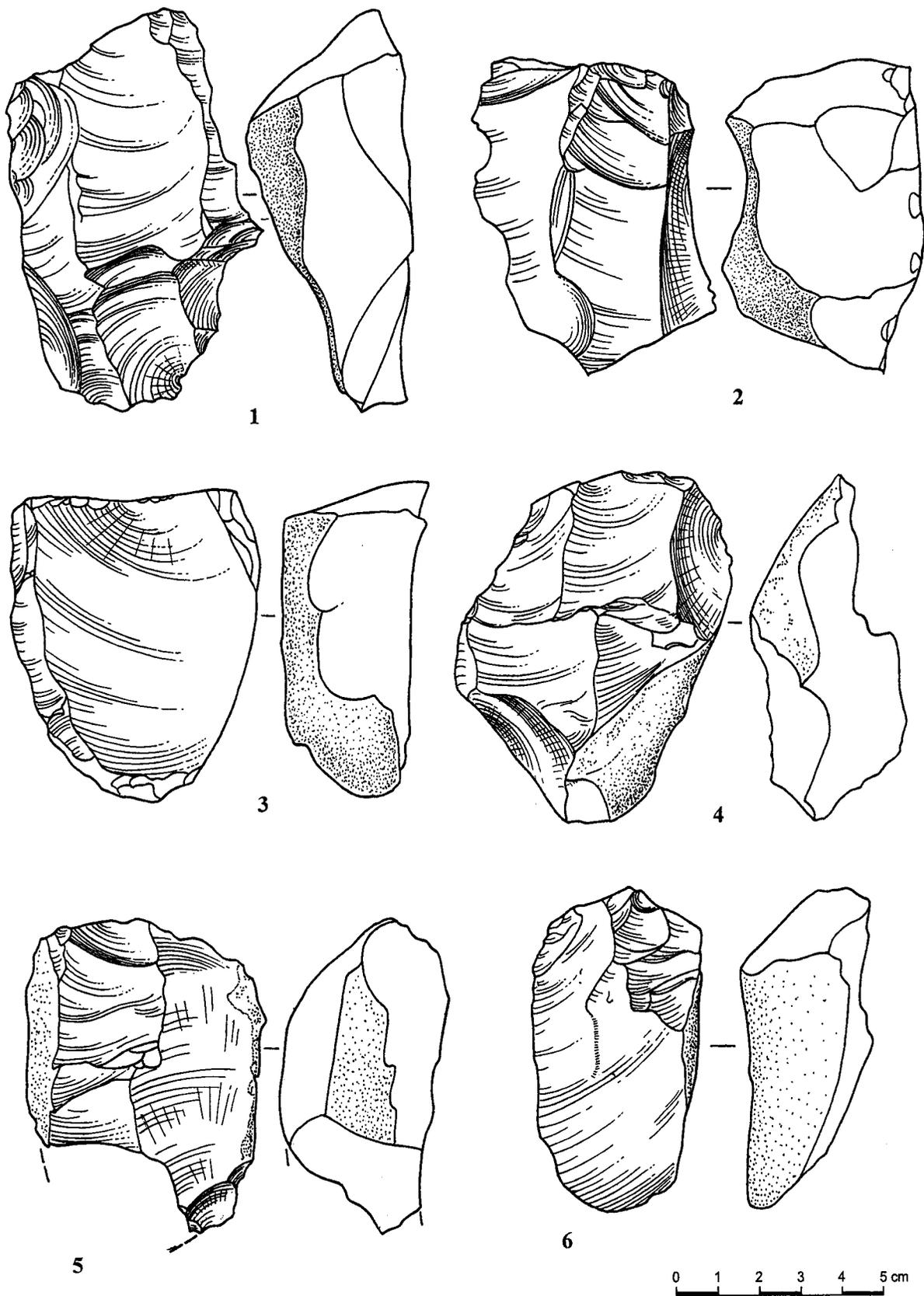

Рис. 45. Курдюмовка. Нуклеусы.
 Fig. 45. Kurdiyovka. Cores.

вых скола (рис.47, 10). Все они сохранили участки известковой корки и связаны с начальными этапами утилизации ядрищ.

Боковая продольная подправка в плоскости, перпендикулярной к фронту	3
Боковая продольная подправка в плоскости под тупым углом к фронту	8
Боковая поперечная подправка «с тыла на фронт»	3
Боковая поперечная подправка «от фронта на тыл»	3
Боковая поперечная подправка «с бока на фронт»	5

Таблица 10. Курдюмовка. Соотношение приемов обработки боковых элементов уплощенных полюсных нуклеусов.

Как видно, относительная повторяемость, то есть системность, операций по подъему выпуклости фронта уплощенных полюсных нуклеусов в одинаковой степени была связана как с продольной, так и с поперечной оббивкой боковых элементов нуклеусов.

Из-за относительно небольшого количества сравнительного материала мы не можем в полной мере реконструировать операционные цепи трансформации плоских полюсных нуклеусов лессового комплекса Курдюмовки. Просматриваются относительно короткие последовательности, связанные с каким-либо одним циклом формирования (подживления) рабочего фронта. Возможные модели подъема выпуклости фронта и возникающие при этом технические сколы показаны на рисунке. Теоретически допустимо, что все эти модели могут являться составными частями одной длинной редуцированной последовательности.

В целом, первичное расщепление ориентировалось, в основном, на получение относительно тонких сколов (рис. 48, 2, 7), многие из которых имеют удлинённые пропорции и попадают в категорию пластин (рис. 48, 9; 49, 7-13).

Пластины лессового комплекса Курдюмовки относительно многочисленны (60 шт.) – они составляют около 23% сколов размерами больше 3 см. Половина пластин представлена целыми экземплярами. Стойкий морфологический показатель пластин - прямизна профиля. Одна целая пластина имеет даже не прямой, выгнутый профиль. Изогнутость дистального

участка в профиле характерна для наиболее крупных образцов с униполярной огранкой. Огранка пластин не устойчива, многие образцы имеют двускатную спинку. Еще 17 мелких пластинок (длиной 2-3 см, шириной 0.6-0.8 мм при толщине 1-3 мм), явно связанных не с целевым расщеплением нуклеусов, а с подправкой площадок и фронта, в статистических подсчетах не учитывались.

Параллельная огранка рабочего фронта большинства нуклеусов - следствие применения полюсных методов расщепления камня. Как видно, управление скалыванием осуществлялось при помощи достаточно развитого и разнообразного арсенала технических средств. В наборе этих средств отмечается ряд специфических черт. Особое место среди практиковавшихся на стоянке способов подъема фронта занимало боковое продольное подживление. Боковые сколы отделялись в плоскости, расположенной под прямым или тупым углом к плоскости рабочего фронта. Последовательное применение этого приема приводило к появлению нуклеусов с выраженным продольно ограниченным боковым торцом. Такие торцовые элементы отмечены на трех нуклеусах (9%). Боковой торец создавал предпосылку для подживления площадки ударами сбоку (рис.43, 4). Реальный удельный вес торцевых элементов на нуклеусах показывают площадки с боковой подправкой (16.5%). Специфичными представляются площадки, образованные одним боковым сколом. Один из этих сколов (рис.52, 3) напоминает небольшой скол подживления площадки призматического торцового позднепалеолитического нуклеуса.

На общем фоне обычных мустьерских по своему характеру зон расщепления выделяется небольшая группа (19 шт.) точечных или узких гладких площадок, которые сочетаются с тщательно обработанными приплощадочными зонами. Зоны расщепления нескольких сколов (рис.46, 4; 52, 1) близки к стандартам позднего палеолита.

Таким образом, в технологии первичного расщепления публикуемой индустрии налицо явные прогрессивные новации, связанные с оформлением на нуклеусах продольно ограниченного торца (боковой элемент ядрища с уплощенным рабочим фронтом) и с боковым подживлением ударных площадок. Представляется, что эти операции имели служебный, вспомогатель-

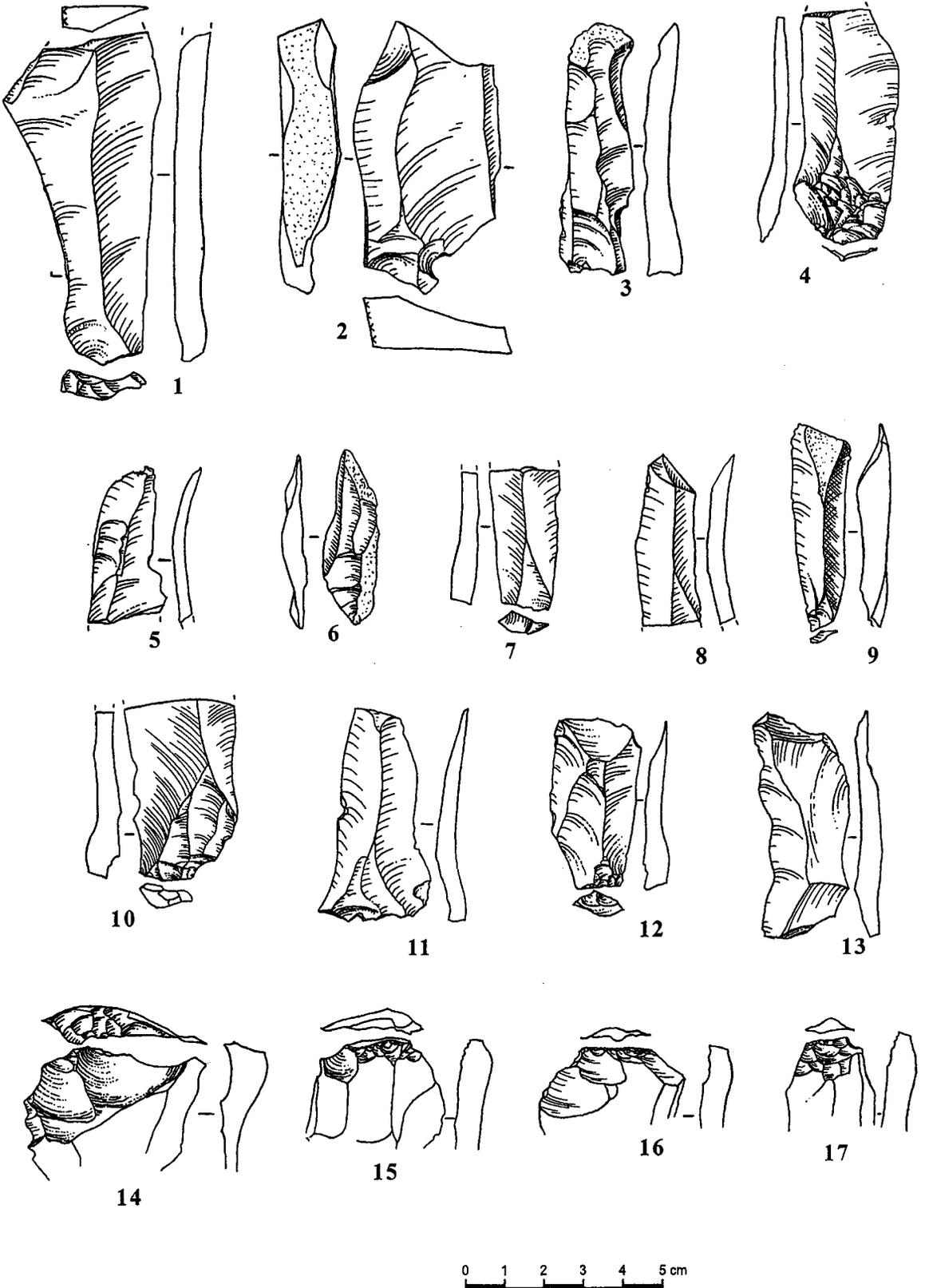

Рис. 46. Курдюмовка. Сколы.
 Fig. 46. Kurdiyovka. Flakes.

ный, а не целевой характер в отличие от некоторых грубопризматических нуклеусов пластинчатых индустрий среднего палеолита северо-запада Европы. По крайней мере, на части ядрищ из Секля [Revillon, Tuffreau, 1994, fig.2, 1; fig.5, 6-9], Риенкур-Бопома [Ameloot Van der Heijden, 1994, fig.2, 7], стоянок долины р. Ваннэ [Locht, Дераере, 1994, fig.9, 1-2] целенаправленно формировались торцовые и полуобъемные рабочие участки для снятия пластин, а также осуществлялось поджигание площадок продольными боковыми сколами. Известен в этих индустриях и служебный прием бокового продольного поджигания уплощенного рабочего фронта, аналогичный курдюмовскому. Отмечен этот прием и в материалах Шайтан-Кобы (комплекс со склона) [Колосов, 1972, рис. 15, 2; 17, 2].

Безусловно, описанная технология подготовки и расщепления площадочных нуклеусов Курдюмовки существует в общем контексте так называемых уни- биполярных рекуррентных методов расщепления среднего палеолита. Расщепление слабовыпуклых поверхностей стандартно сопровождалось активной модулирующей боковых элементов нуклеуса. Однако, трудно без натяжек «прописать» эту технологию в наборе классических рекуррентных методов. Скорее всего, речь может идти о каком-то локальном варианте известного метода или специфическом методе, но обоснование этого тезиса требует более представительного набора нуклеусов и сколов с них.

Центростремительные нуклеусы Курдюмовки расщеплялись по упрощенной схеме. При скалывании отщеп происходило самопроизвольное возобновление выпуклости фронта. С центростремительными ядрищами уверенно можно связать небольшие узкие треугольные в плане и профиле двускатные отщепы, которые срезали рельефные ребра между негативами и тем самым понижали рельеф приплощадочной зоны (9 шт.). В собрании присутствуют 11 отщепов с характерной радиальной или близкой к ней огранкой (рис.47, 3-4, 6). Из всех этих сколов только один приближается к стандартам леваллуазских черепаховидных отщепов (рис.47, 2). Остальные имеют большую массивность, неправильные очертания, гладкие или корковые площадки и сколоты, скорее всего, с обычных радиальных ядрищ.

То же самое можно сказать и о сколах с конвергентной огранкой (6 шт.). Пять из них

формально могут быть признаны атипичными леваллуазскими (рис.49, 1-5) и только одно является леваллуазским острием первого снятия, но представлено лишь ретушированным обломком (рис.54, 4). Отщеповые линейальные и острийные леваллуазские методы расщепления, видимо, не практиковались широко в кремневой индустрии Курдюмовки.

Судя по сумме признаков, при нуклеусном расщеплении использовался жесткий каменный отбойник. Следы приложения ударного импульса в виде характерных округлых трещин (начало конуса) диаметром 2-3 мм часто видны на многих ударных площадках сколов и на самих нуклеусах.

В качестве отбойников использовалась какая-то часть специфических кремневых изделий (22 шт.), выполненных из относительно небольших вытянуто-овальных или пальцевидных кремневых конкреций. Длина этих конкреций колеблется от 5 до 13 см при диаметре от 1.4 до 3.5 см. В коллекции выделяются также 2 целых таких пальцевидных конкреции без следов обработки и 44 фрагмента от других подобных образцов. Концы конкреций имеют отчетливые следы обработки либо в виде равномерной двусторонней затески (6 шт.) (рис.50, 1-3; 51, 3), либо в виде вершины нуклеуса с «площадкой» и «рабочим фронтом» (10 шт.) (рис. 51, 5-7). Часто концы конкреций просто отсечены (рис.50, 4-6) и на них образовался косой торец (6 шт.). Представлены и эти концевые сколы (рис.51, 1-3). Судя по результатам ремонтажа, такие торцы могли образовываться не одноактово, а в итоге нескольких последовательных сколов (рис.51, 4; 52, 1). В результате второго и последующих ударов получались сколы с особой морфологией (рис.51, 4). Они представляют собой фрагменты цилиндра в косом сечении и имеют замкнутый корковый ободок (7 шт.). Такие сколы создавали на торце конкреции потенциальную косую «нуклеусную» площадку.

Некоторые конкреции действительно расщеплялись как своеобразные «микронуклеусы». Сколы с них приобретали вид пластин с цилиндрической корковой поверхностью и сегментовидным сечением (7 шт.). Цилиндрические «микронуклеусы» срабатывались вплоть до ос-

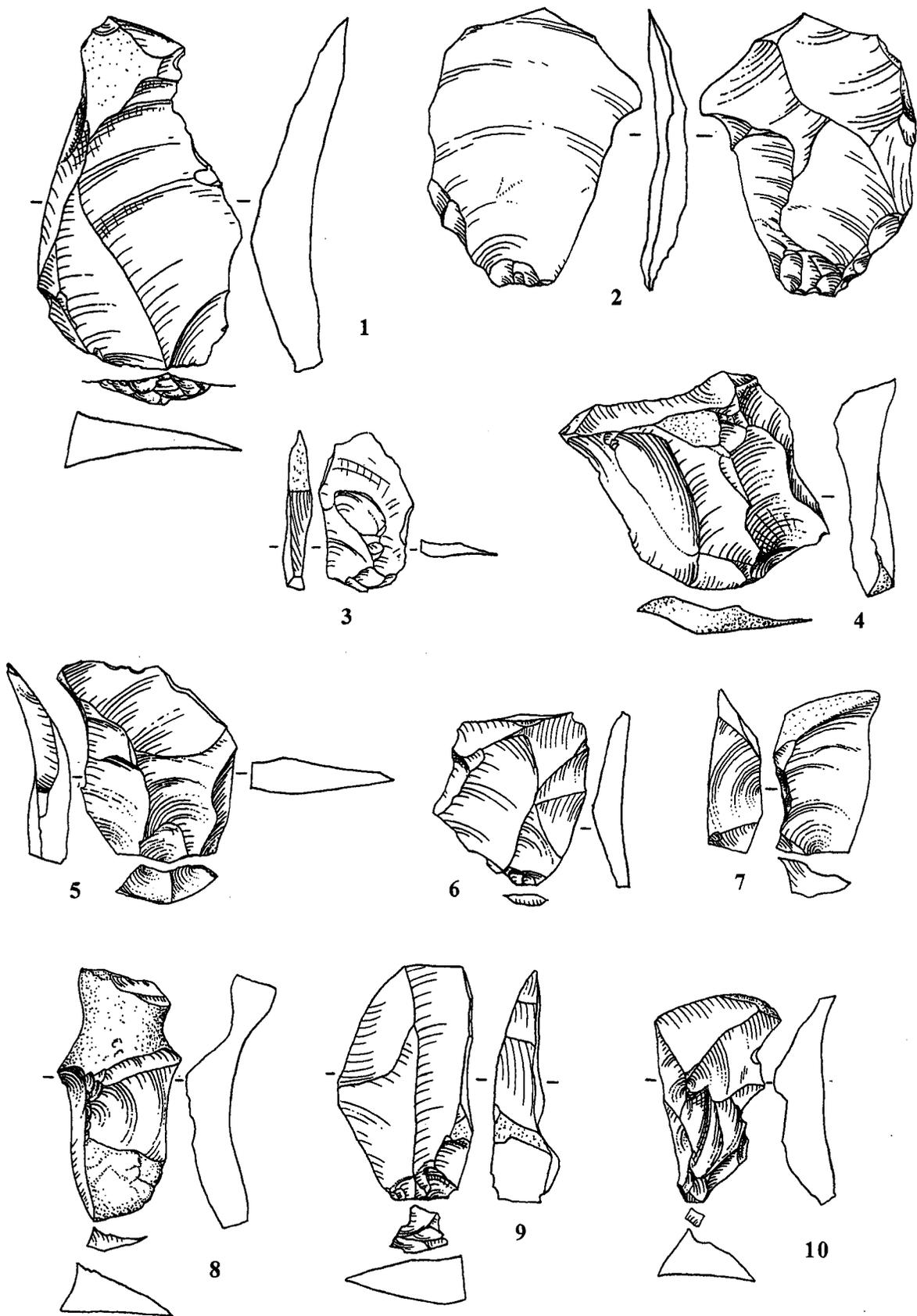

Рис. 47. Курдюмовка. Сколы.
 Fig. 47. Kurdiuovka. Flakes.

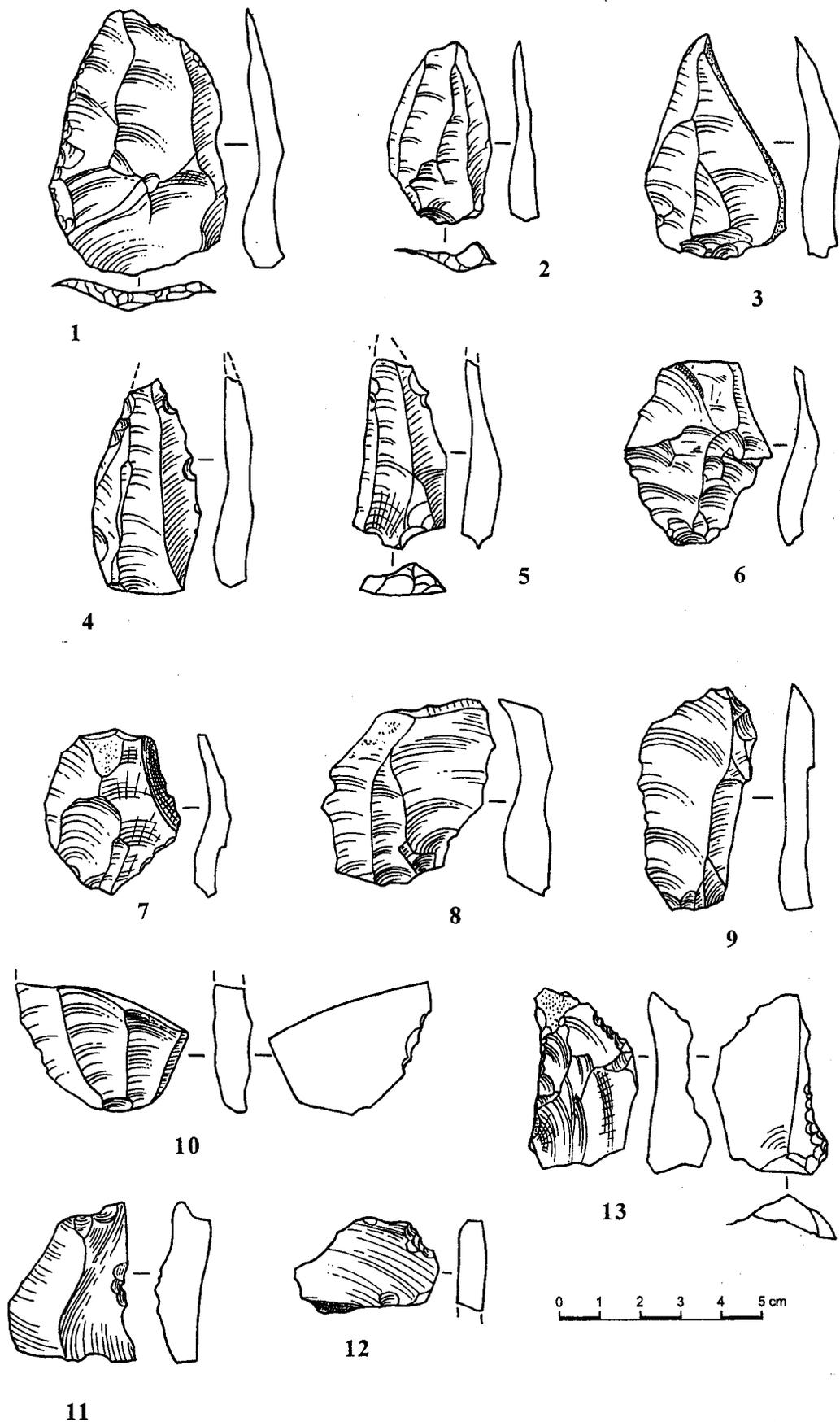

Рис. 48. Курдюмовка. Сколы.
 Fig. 48. Kurdiuovka. Flakes.

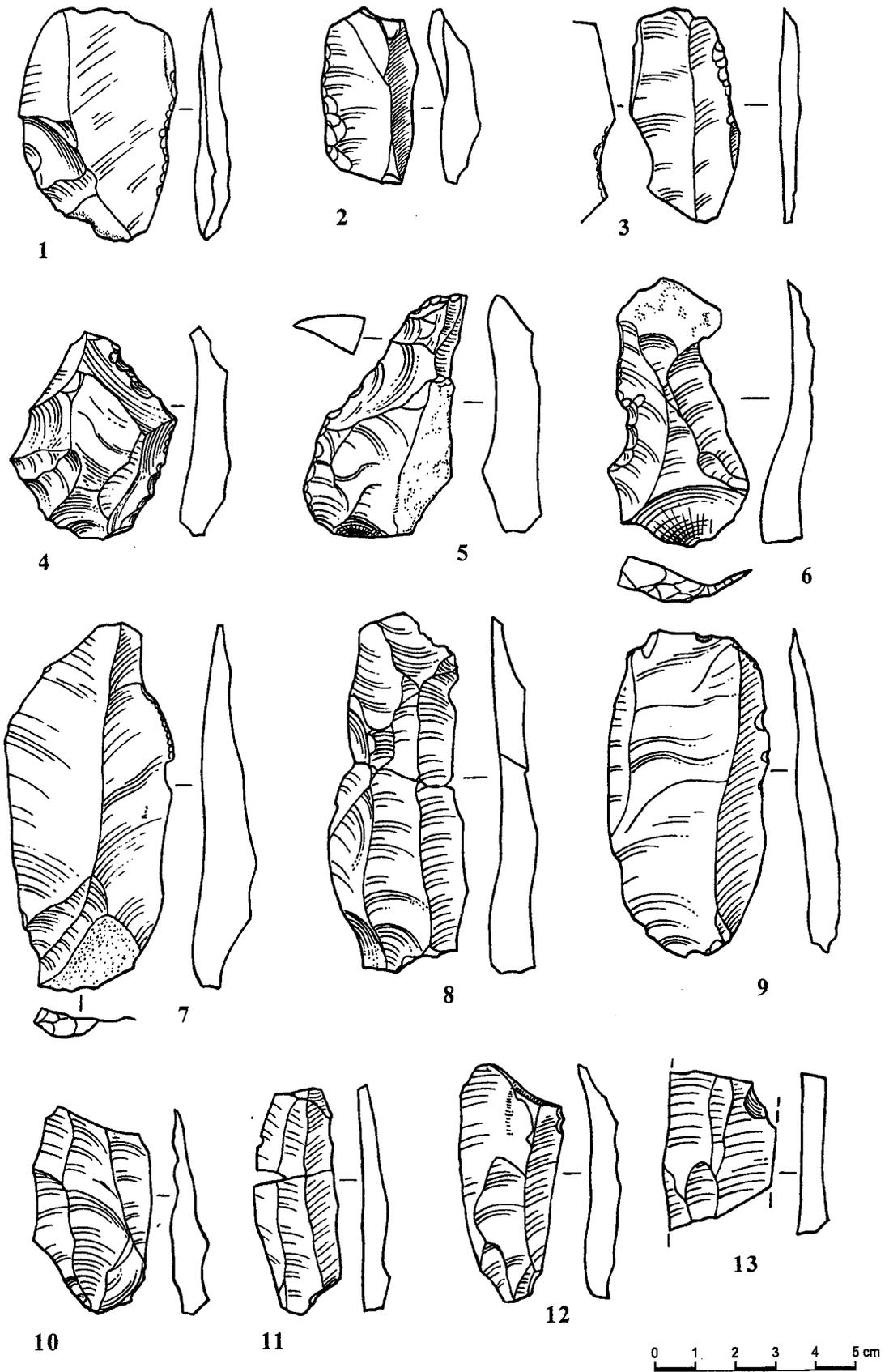

Рис. 49. Курдюмовка. Сколы.
 Fig. 49. Kurdiumovka. Flakes.

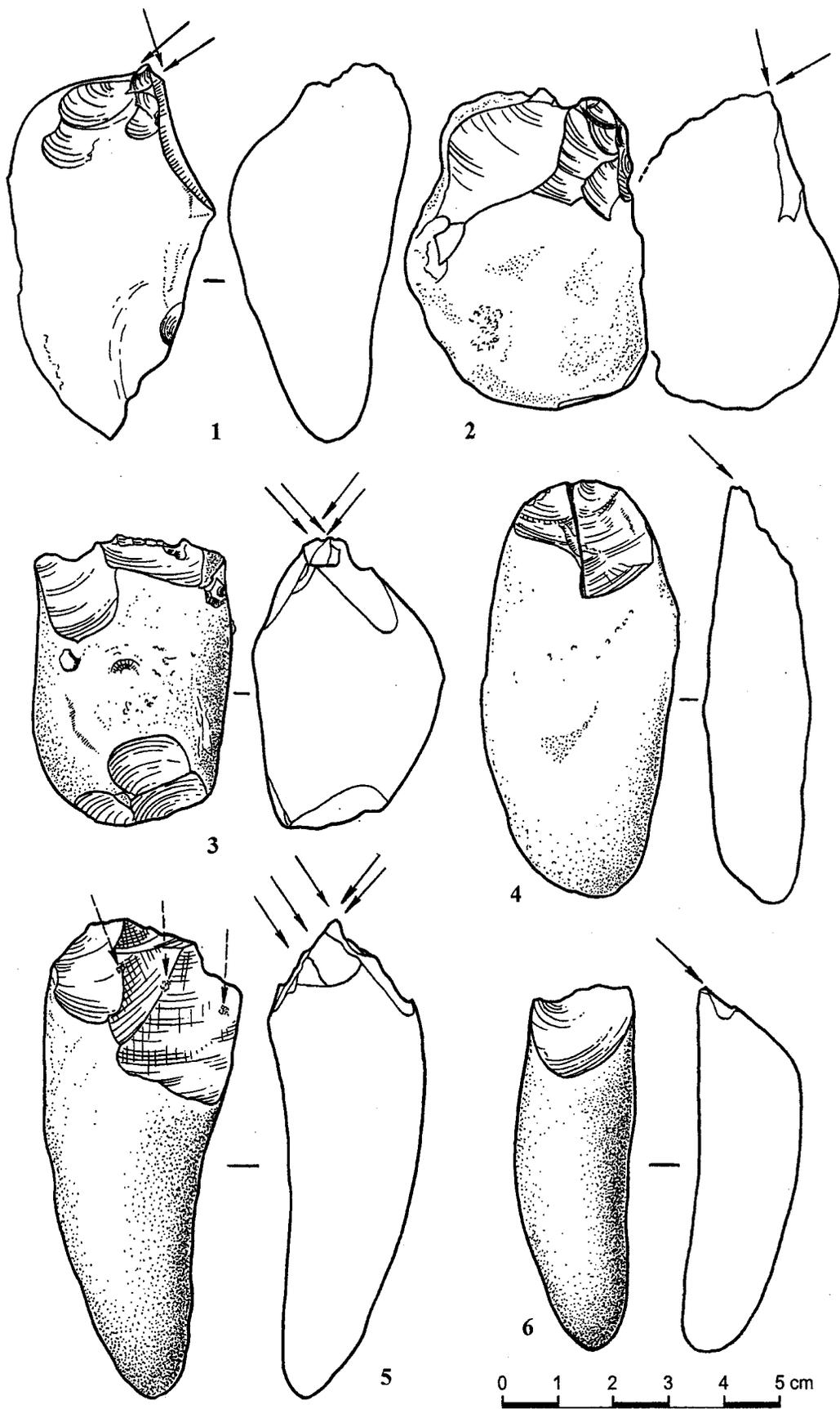

Рис. 50. Курдюмовка. Микроконкреции со следами оббивки.
 Fig. 50. Kurdiuovka. Microconcretions with traces of splitting.

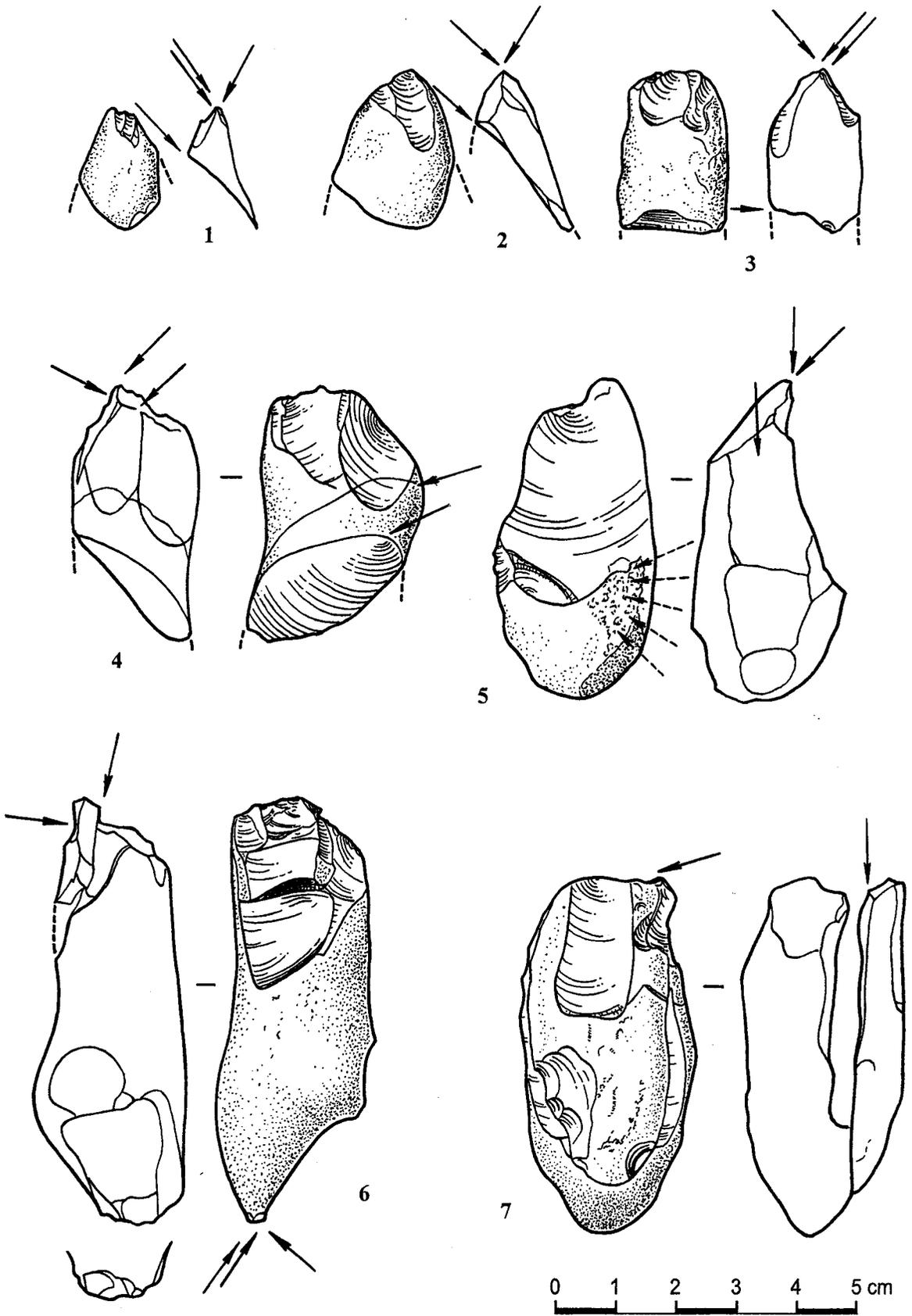

Рис. 51. Курдюмовка. Микроконкреции и их фрагменты со следами оббивки.
 Fig. 51. Kurdiuovka. Microconcretions and its fragments with traces of splitting.

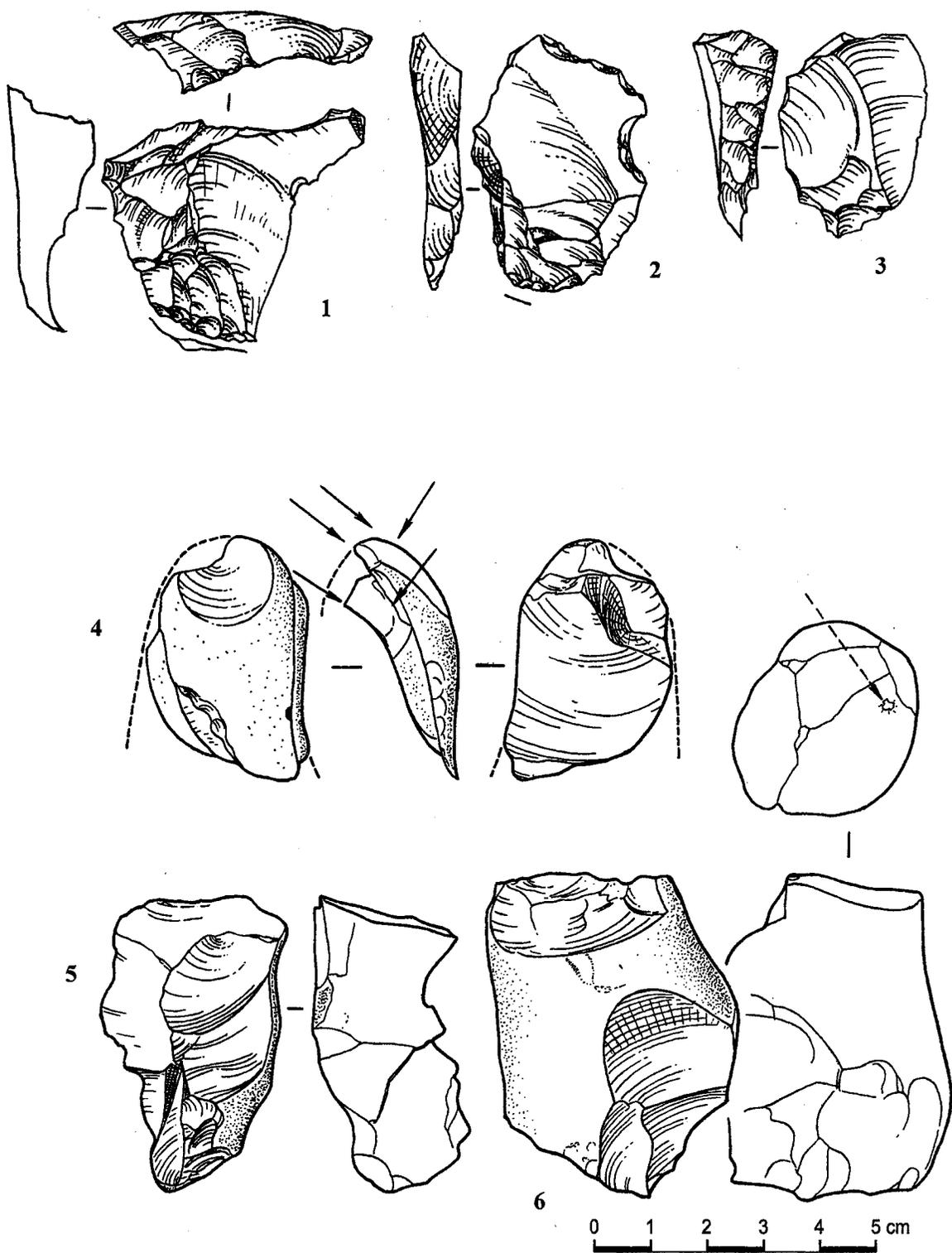

Рис. 52. Курдюмовка. Технологические сколы (1-4) и микроконкреции со следами оббивки (5-6).

Fig. 52. Kurdiymovka. Technological flakes (1-4) and microconcretions with traces of splitting (5-6).

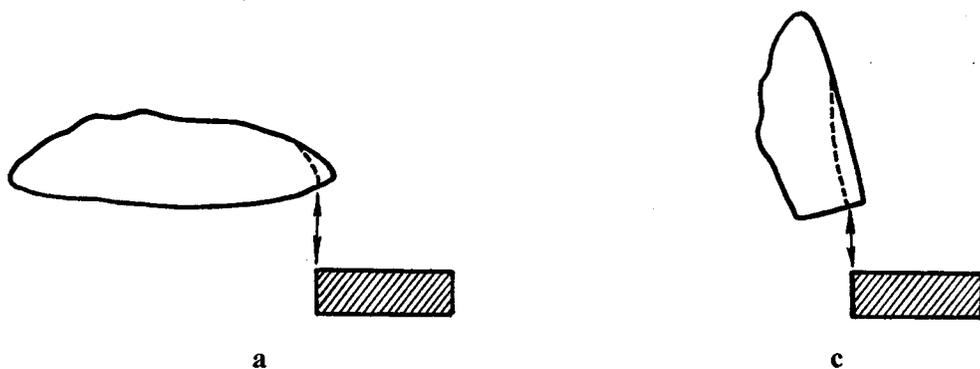
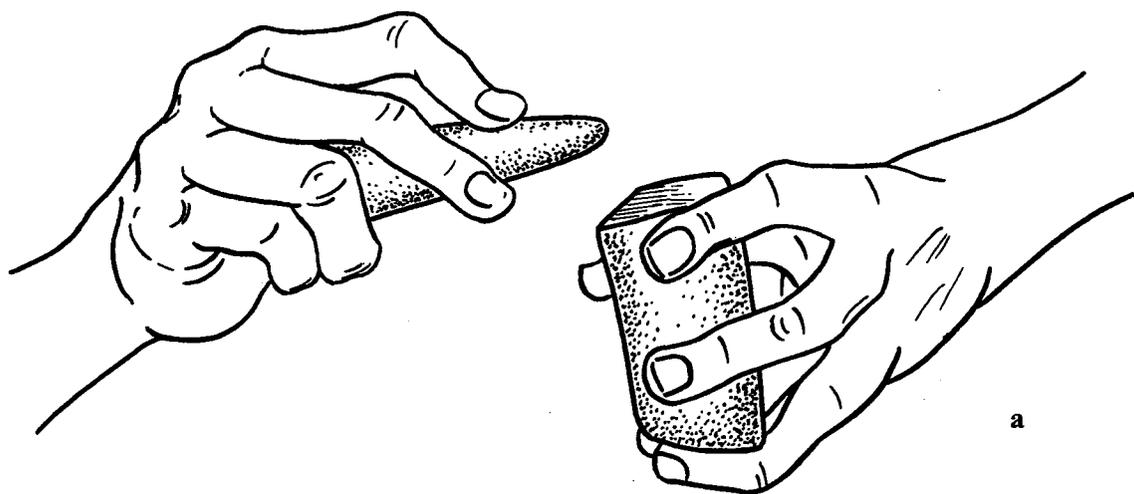

Рис. 53. Курдюмовка. Модель использования микроконкреций в качестве отбойников.
Fig. 53. Kurdiuovka. Model of the microconcretions using as a hammer stones.

таточных форм (рис.51, 5-7; 52, 2), хотя утилитарный смысл отщепиков размерами 1.5-2.0 см вызывает сомнение. Некоторые образцы «микронуклеусов» имеют ширину 1.9 см в активной зоне (рис.51, 6). В материалах стоянки полностью отсутствуют орудия таких миниатюрных размеров. Тем не менее, мы вынуждены констатировать, что расщепление этих предметов велось по технологическим нормам обычных по размеру ядрищ. На курдюмовских «микронуклеусах» создавались гладкие, двухгранные, фасетированные площадки, отмечена грубая подправка приплощадочной зоны. Единственное технологическое отличие - полное отсутствие следов предварительной огранки рабочего фронта, что вполне понятно ввиду размеров и формы конкреций. Площадочные «микронуклеусы» Курдюмовки на небольших пальцевидных конкрециях не являются чем-то совершенно уникальным. По крайней мере, в материалах позднепалеолитической стоянки Антоновка III и в среднепалеолитическом комплексе пещеры Тиемной в Польше (коллекция С. Круковского) мне попадались совершенно аналогичные вещи.

Явные следы использования этих изделий в качестве отбойников видны только на двух предметах. Речь идет о характерной звездчатой забитости на естественно-округлых выступающих участках конкреций. Известковая корочка на этих участках разрушена. Площадь зоны забитости - до 1.5 см кв. (рис.51, 5).

В остальных случаях следы забитости не столь очевидны. На одном из «микронуклеусов» участки с мелкой забитостью локализируются на выступающих ребрах ограненной поверхности на расстоянии до 1 см от края (рис.50, 5). На другом предмете условная площадка несет следы нескольких сильных ударов на расстоянии 1.5 см от края, а сам край интенсивно забит и смят (рис.52, 3). Подобные следы отмечены и на других изделиях их пальцевидных конкреций. Такая сработанность могла возникнуть при употреблении пальцевидных конкреций в качестве ретушеров-отбойников. «Нуклеусная» непреднамеренная огранка концов конкреций может быть связанной с изменением позиции отбойника при ударе - от движения по касательной до накрывающего удара (рис.53).

Возможно, на примере описанной выше серии предметов мы сталкиваемся со случаем, когда выполнение различных по своим задачам технологических операций приводило к

появлению изделий со сходной морфологией. Причина сходства объясняется, прежде всего, использованием одинаковых по форме конкреций. Видимо, ударный («микронуклеусы») и контрударный («отбойники») эффект обусловил появление на концах конкреций двух смежных поверхностей раскалывания.

Вторичная обработка осуществлялась при помощи ретуши, фрагментации, ядрищного приема обработки и приема уплощения ударного бугорка отщепа-заготовки (базальное уточнение).

Ретушь. В зависимости от толщины обрабатываемого края применялась либо типичная мустьерская ступенчатая ретушь, либо мелкая краевая ретушь. Ступенчатая ретушь многорядная, моделирующая, крупными широкими первыми фасетками (рис.54, 10). Мелкая ретушь, как правило, регулярная, пологая, разнофасеточная (рис.54, 2). На одном из скребел отмечена регулярная пологая чешуйчатая ретушь (рис.54, 8). Применение при обработке двух массивных скребел разнокалиберной крупнофасеточной ретуши привело к формированию лезвий с крупнозубчатым рисунком (рис.55, 8). Относительно низкая массивность большинства «сколов-заготовок» обусловила преимущественное применение мелкой краевой ретуши.

Фрагментация. Преднамеренная фрагментация не имеет столь явных признаков, как ретушь и должна оцениваться в комплексе с другими критериями [Любин, 1978]. Вероятно, преднамеренно были сделаны поперечные торцы-обломы на двух массивных сколах. Эти торцы использовались как площадки для дальнейшего уплощения лицевой поверхности сколов. Одна из пластин раскололась на три фрагмента, причем торцы сломов соединяются в одной точке (рис.49, 11). Выпадение мелких треугольных фрагментов часто наблюдается при экспериментальном сломе кремневых пластин [Матюхин, 1994]. Сохранились также три аналогичных мелких угловатых в плане обломка плоских вторичных сколов. Края торцов обломов имеют характерные для искусственной фрагментации «язычки» или фаски. На трех сколах отмечены торцы сломов с отчетливыми следами ударов со стороны спинки.

Ядрищная обработка. Отмечено минимум 4 изделия с этой специфической вторичной обработкой. Ядрищная обработка - это и

прием формирования орудий, и прием их подживления, переоформления. В Курдюмовке ядрищная обработка представлена в неразвитом виде и, скорее всего, была направлена на формирование орудий. Уровень технологической организации этого приема вторичной обработки орудий напоминает технику *truncated-faceted*. Только одно изделие является биполярным (рис.56, 4). Площадки оставались гладкими либо фасетировались. Вторичные сколы утончения короткие, разновеликие. Возможно, с ядрищным способом обработки орудий связан прием поперечного усечения (тронкирования) отщепов, поскольку тронкирование фактически создавало необходимую для утончения вторичную площадку.

Уплотнение ударного бугорка (базальное утончение). Этот прием отмечен на двух зубчатых скреблах и одном двояко-выпуклом скребле. Уплотняющие сколы наносились как сбоку ударного бугорка, так и по самой площадке отщепа. Срезалась только выступающая поверхность бугорка. В собрании присутствуют и сами сколы уплотнения (рис.55, 6-7, 9). Они имеют тонкое сечение, округлые контуры и напоминают миниатюрные сколы «комбева». Всего таких отщепов 3 шт. У двух из них оси огранки поверхностей не совпадают, т. е. они отделялись ударами с края, а не с центра площадки. При уплотнении ударных бугорков крупных отщепов, возможно, использовался мягкий отбойник.

Отмечается также вторичная заостряющая подработка площадок изделий и один случай применения *резцевидного скола*.

В целом, в лессовом комплексе Курдюмовки представлен обычный мустьерский набор приемов вторичной обработки орудий. Бифасиальная и избыточная «восточно-микокская» ретушь здесь полностью отсутствует.

Орудийный набор

Своеобразие методов первичного расщепления и вторичной отделки определили стилистические особенности орудийного набора лессового комплекса Курдюмовки. Орудия образуют небольшой по размеру типично мустьерский отщеповый ансамбль, состоящий из нескольких скребел, остроконечников, зубчатых и других изделий. Законченных орудий с вторичной обработкой немного - всего 33 шт. В инструментарии отсутствует какое-либо

типологическое ядро, в приблизительно одинаковой степени представлены основные мустьерские типологические группы. Многие орудия имеют яркие индивидуальные особенности. Сводный типологический выгладит следующим образом (таблица 11).

Ретушированное леваллуазское острие представлено фрагментом верхней части (рис.54, 4). Острие имеет весьма тонкий профиль и трехскатную спинку, ограненную конвергентными сколами. Пологая краевая ретушь сосредоточена, в основном, на вершине орудия. Верхний кончик острия утерян.

Атипичные леваллуазские остроконечники образуют довольно большую серию (рис.48, 1-5). Все они отличаются неправильной конвергентной огранкой и неустойчивой подтреугольной формой. Два экземпляра сохранили фрагменты первичной корки (рис.48, 2-3). Наиболее крупный образец (рис.48, 1) имеет тонкий широкий корпус с конвергентно-параллельной огранкой и выпуклую тщательно обработанную ударную площадку. Один из краев ретуширован мелкими приостряющими сколами. Следы использования в работе в виде выкрошенности и нескольких зубчатых фасеток видны на вершине еще одного предмета (рис.48, 4). Большинство атипичных леваллуазских остроконечных сколов массивные и слегка искривленные в профиле.

Обычный мустьерский остроконечник представлен одним вполне классическим образцом из тонкого асимметричного треугольного скола с тщательно фасетированной площадкой (рис.54, 2). У орудия выделяется действительно остроконечная вершина, образованная мелкой краевой ретушью. Ретушь покрывает также оба края орудия.

Два остроконечника относятся к категории атипичных асимметричных форм (рис.54, 3, 7). Один из них выполнен на относительно крупном сколе с грубо обработанной пяткой. Разнофасеточной мелкой приостряющей ретушью обработаны два сходящихся в одну точку пологих лезвия. Другой остроконечник изготовлен из искривленного в профиле тонкого коркового отщепа. Мелкая краевая ретушь с разными по величине фасетками образовала два сходящихся края, один из которых выпуклый, другой выпрямленный. Оба лезвия и вершина интенсивно сработаны, выкрошены.

Остроконечник с противоположающей ретушью (рис.54, 9) обработан только по од-

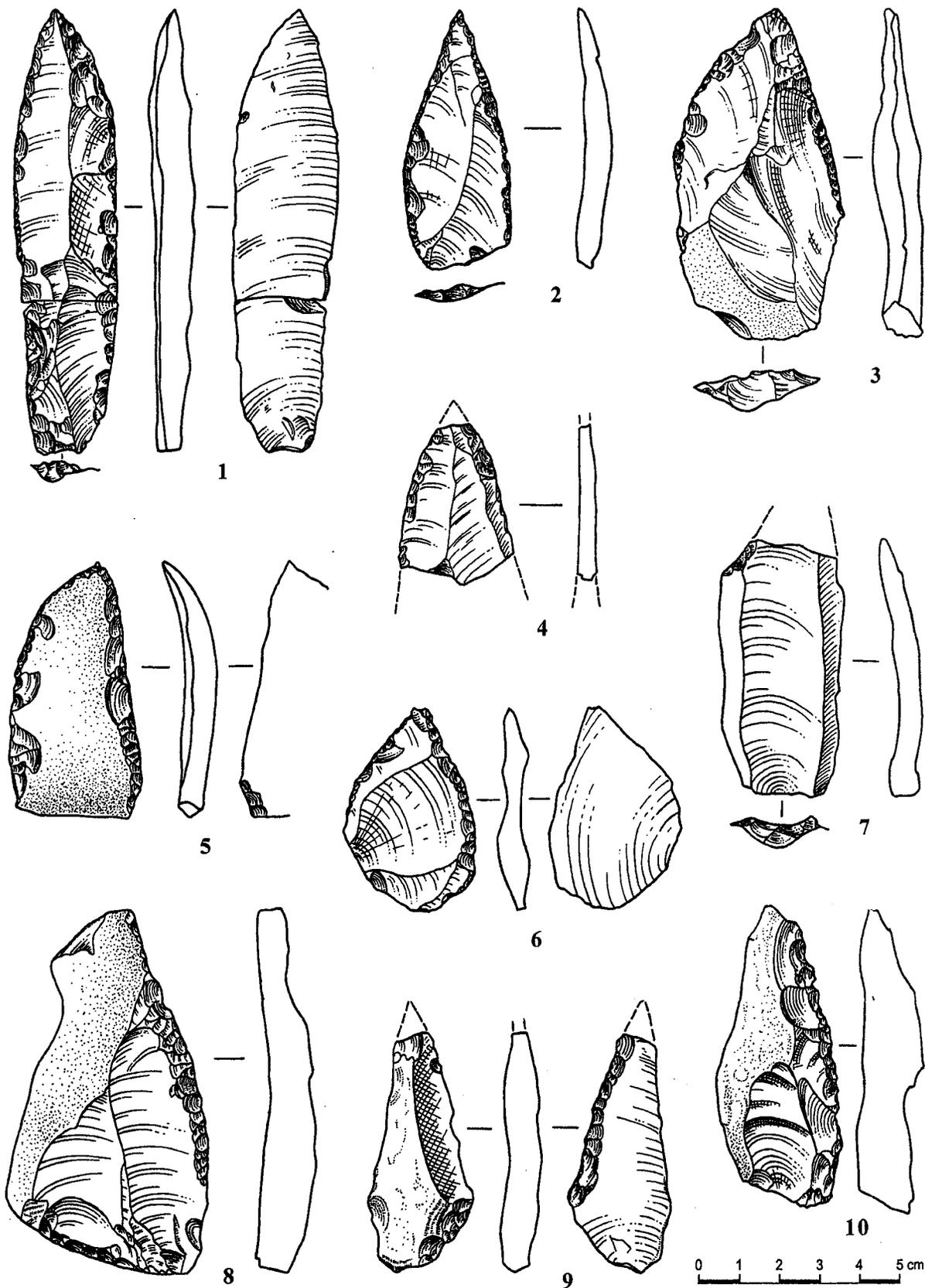

Рис. 54. Курдюмовка. Орудия.
 Fig. 54. Kurdiymovka. Tools.

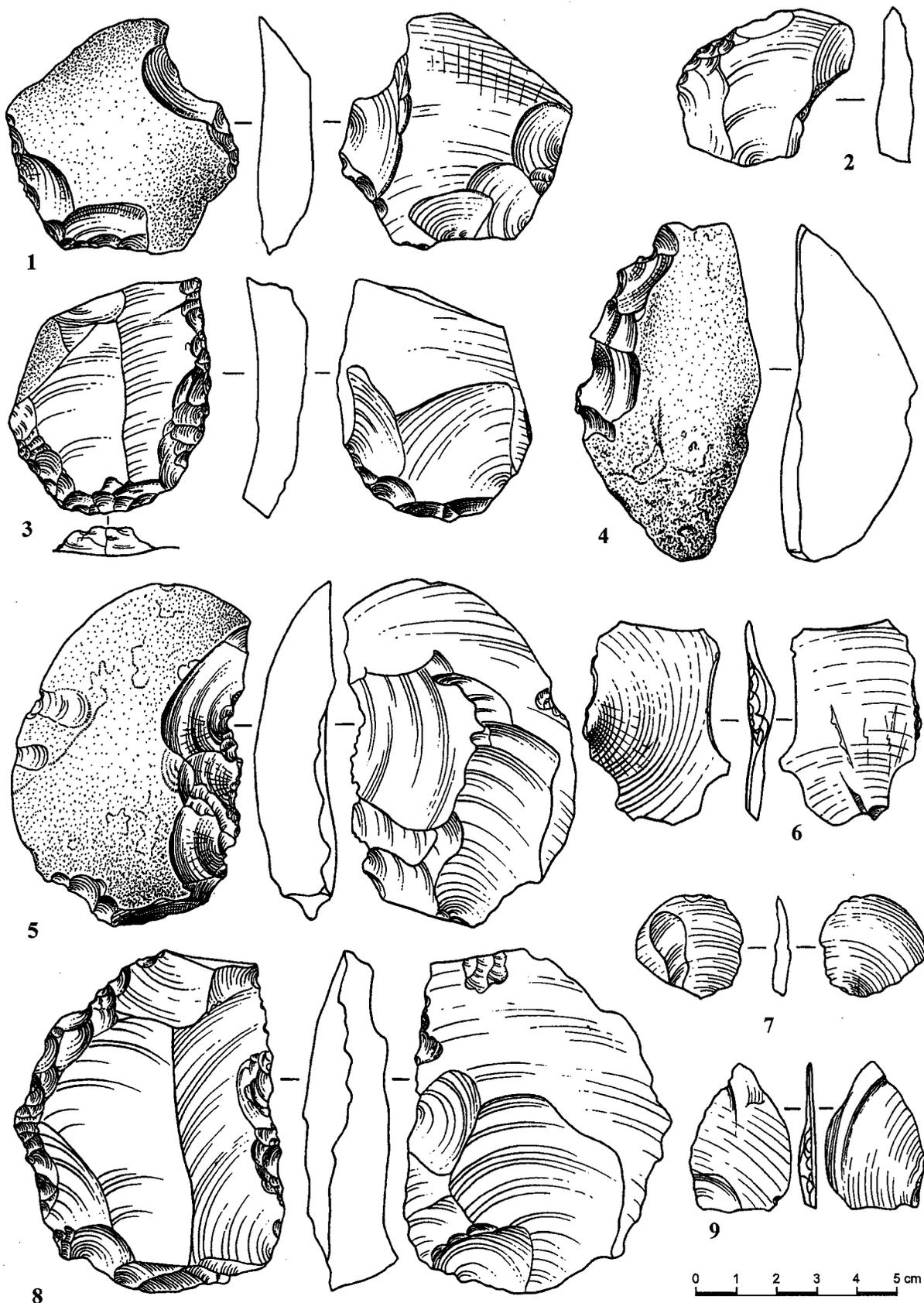

Рис. 55. Курдюмовка. Орудия (1-5, 8) и технологические сколы (6-7, 9).
 Fig. 55. Kurdiymovka. Tools (1-5, 8) and technological flakes (6-7, 9).

4. Ретушированное леваллуазское острие	1
5. Атипичные леваллуазские острия	5
6. Мустьерский остроконечник:	1
- асимметричные остроконечники	2
- остроконечник с противоположащей ретушью	1
7. Удлиненный мустьерский остроконечник	1
9. Продольное прямое скребло:	
- продольное прямое скребло с базальным утончением	1
10. Продольные выпуклые скребла:	2
- продольное выпуклое скребло с базальным утончением	1
15. Продольные двояковыпуклые скребла:	2
- продольное двояковыпуклое скребло с базальным утончением	1
21. Угловатое скребло	1
31. Атипичный скребок	1
38. Ножи с естественной спинкой	3
40. Тронкированные отщепы (преформа <i>truncated-faceted</i> -?)	3
42. Анкош:	
- анкоши на пластинах	1
43. Зубчатые орудия	4
62. Прочие:	
- «протокостенковские ножи» (<i>truncated-faceted</i>)	2
- отщеп с базальным утончением	1
- пластины с ретушью	3
- долотовидные орудия	2
Итого:	33 + 5

Таблица 11. Курдюмовка. Изделия с вторичной обработкой.

ному краю. Вершина этого орудия утрачена в древности.

Заслуживает индивидуального описания эффектный кремневый удлиненный мустьерский остроконечник, разбитый в древности на две части (рис.54, 1) Заготовкой послужила относительно крупная правильная пластина с ровным профилем и небольшой тонко фасетированной площадкой. После обработки орудие приобрело треугольное поперечное сечение и выраженное продольное ребро жесткости. Изделие обработано по всему периметру односторонней краевой и моделирующей ретушью, которая придала ему изящные геометрические очертания. Остроконечник имеет симметричный профиль, относительно симметричные края и, скорее всего, использовался как наконечник. При этом самостоятельные конструктивные детали в виде клинка и насада не выделены, что является нормальным для наконечников среднего палеолита. Орудие резко отличается от листовидных наконечников двусторонних индустрий среднего палеолита и по своему типу тяготеет скорее к удлиненным остроконечникам мустье Кавказа [Любин, 1977, рис.17, 8] или односто-

ронней кабазийской индустрии Крыма [Chabai, Read Ferring, 1997, fig.8-17, 1]. В какой-то степени допустимы типологические параллели с образцами Hummalian points Ближнего Востока [Copeland, 1985].

Скребла отличаются таким же разнообразием, как и остроконечники.

Продольное прямое скребло (рис.56, 7) оформлено на изогнутом в профиле пластинчатом сколе. Ретушь на продольном лезвии крупная, разнофасеточная и скорее напоминает ретушь утилизации.

Продольное прямое зубчатое скребло с вентральным утончением (рис.55, 5) может быть отнесено как к категории зубчатых, так и к категории скребел. Орудие изготовлено на массивном первичном отщепе стекловидного кремня. В первую очередь сколом с площадки и тремя последовательными боковыми сколами полностью был срезан ударный бугорок отщепы. Продольное лезвие сформировано несколькими крупными разреженными сколами на дорсальную сторону. Лезвие приобрело крупнозубчатый рисунок и больше специально не ретуширо-

валось. Мелкие фасетки и выщерблины образовались при интенсивном использовании орудия в работе.

Продольные ординарные выпуклые скребла (рис.54, 8, 10) имеют протяженные равномерно-выпуклые лезвия. Оба скребла изготовлены из массивных полупервичных отщепов. Лезвие на одном из них образовано пологой чешуйчатой ретушью, на другом - крутой ступенчатой ретушью.

Продольное выпуклое скребло с вентральным утончением (рис.55, 8) выполнено по той же схеме, что и продольное прямое зубчатое скребло (рис.55, 5). Таким же образом был уплощен ударный бугорок, затем ретушировано выпуклое лезвие. Оно имеет несколько извилистый рисунок. Небольшой ретушированный участок на прямом крае орудия самостоятельного значения не имеет.

Наиболее выразительной обработкой отличается продольное двояко-выпуклое скребло, оформленное приостряющей ретушью по всему периметру (рис.56, 9). В качестве заготовки послужил относительно тонкий вторичный отщеп из стекловидного кремня. Обработка края орудия по всему периметру определила его овальные очертания.

Частичные овальные очертания имеет также фрагментированное в древности продольное двояко-выпуклое скребло с базальным утончением и с элементами лицевого базального утончения (рис.55, 3). Ударный бугорок преформы был уплощен двумя сколами с углов площадки. Затем несколькими сколами была срезана первичная площадка отщепа (фасетки этих сколов перерезают одну из фасеток уплощающего скола на брюшке). С образовавшейся вторичной площадки было сколото только несколько очень коротких отщепов на дорсальную сторону орудия; реального утончения базальной части скребла эти сколы, однако, не обеспечили. Ретушь двух боковых выпуклых лезвий полукрутая чешуйчатая.

Угловатое скребло (*deje*) из небольшого тонкого вторичного отщепа (рис.54, 5) имеет выраженное острие и напоминает остроконечник. Тем не менее, формально это скребло. Ретушь регулярная мелкая приостряющая.

Атипичный скребок (рис.55, 2) - небольшой вторичный отщеп с выпуклым хорошо видимым ретушированным лезвием.

Естественно-обушковые ножи представлены тремя экземплярами (рис.49, 5; 56, 8). Ос-

нованием для отнесения изделия к этой категории является не только естественный корковый обушок, но и наличие противолежащего обушку заостренного лезвия с явными следами использования в работе. На лезвиях всех описываемых образцов имеется интенсивная выкрошенность и смятость.

Тронкированные отщепы также представлены тремя предметами (рис.56, 1, 2, 6). У одного отщепа (рис.56, 2) с тронкированного торца осуществлено маловыразительное лицевое уплощающее скалывание. Возможно, эти кремни являются незаконченными образцами *truncated-faceted*.

Единственный крупный выразительный анкош выполнен на продольном крае неправильной пластины с выпуклой ретушированной площадкой (рис.49, 6). Широкая выемка ретуширована.

Зубчатые инструменты вполне типичны. Их всего четыре (рис.55, 4). Зубчатые края образуют либо сплошную линию, либо разорванные участки. Форма этих изделий неустойчива. Зубчатое орудие подромбической формы (рис.56, 10) имеет край с чередующимися фасетками, ориентированными на обе стороны.

Так называемые «протокостенковские ножи» (рис.56, 4-5) далеки от классических образцов. Тем не менее, на них представлены все обычные для данного типа орудий элементы: вторичные площадки, ретушированные продольные края и лицевые субпараллельные сколы утончения, идущие от вторичных площадок по краям и продольному ребру орудий. Негативы этих сколов различных размеров. Одно из орудий является биполярным. Возможно, невыразительные типологические признаки объясняются тем фактом, что оба изделия представляют собой остаточные формы. В том виде, в котором они есть, типологически это скорее обычные *truncated-faceted* левантийского мустье.

Изделие с брышковым утончением (рис.55, 1) является широким и массивным корковым отщепом, у которого на дорсальной стороне созданы своеобразные вторичные площадки, идущие по периметру; с этих площадок на вентральную сторону отбивались мелкие уплощающие сколы. Видимо, это делалось для выравнивания профиля отщепа или для базального утончения, как у некоторых скребел. Однако, после этих операций изделие дальше не использовалось.

Пластинчатые ножи (рис.49, 1-3) - тонкие относительно правильные двухгранные пласти-

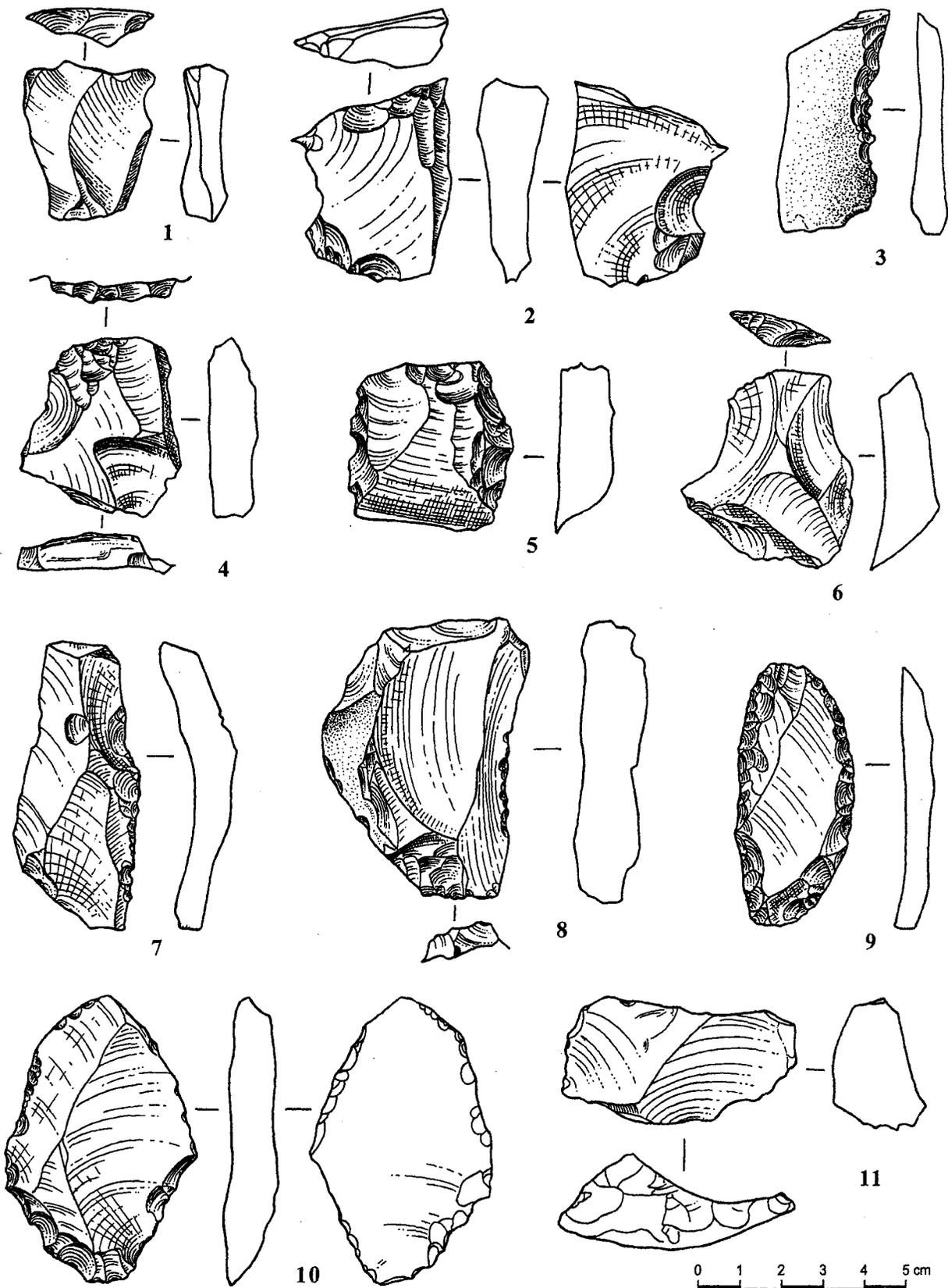

Рис. 56. Курдюмовка. Орудия.
 Fig. 56. Kurdiuovka. Tools.

ны и пластинчатый отщеп с одним продольным ретушированным лезвием. Ретушь регулярная мелкая краевая.

Долотовидные орудия представлены двумя атипичными образцами.

Весьма представительную группу составляют так называемые отщепы с ретушью (53 шт.). Как правило, они не имеют устойчивой формы или устойчивых рабочих лезвий. Следы утилизации тяготеют, в основном, к выступающим участкам и углам. В эту группу включены также отщепы и пластина с мелкими ретушированными выемками (рис.48, 10, 12-13), поскольку такого рода выемки могли возникнуть непреднамеренно при работе каменным инструментом.

Суммарно все орудия из удайского леса относятся к односторонним формам. На наш взгляд, так следует трактовать и изделия с уплощенными ударными бугорками. Подтезка брюшка играет здесь подчиненную служебную роль, не меняя плоско-выпуклую конфигурацию преформы.

Коллекция из прилукской почвы

При расчистке культурного слоя в прилукской почве найдено около 120 кремней.

Большинство из них (81 кремь) находилось в рамках небольшого скопления в пределах квадратов И-К-2 (рис.40, 1). Скопление занимало площадь менее 1 м кв. и имело форму неправильного пятна. Внешние границы скопления очень контрастные; внутри его выделяется небольшой участок с повышенной концентрацией кремней. Непосредственно рядом со скоплением находились два нуклеуса, которые оказались связанными с большинством представленных здесь сколов. Такие небольшие по размеру скопления принято называть «точками»; считается, что они были индивидуальными рабочими местами древнего мастера [Шовкопляс, 1965]. Н.Б. Леонова определяет их как скопления 1-го типа [Леонова, 1980].

Как отмечалось выше, данное скопление и, в целом, раскопанный участок культурного слоя сохранились в хорошем состоянии, фактически *in situ*. Это подтверждается компактностью залегания материалов по вертикали, а также произведенным ремонтом.

В скоплении из 81 кремня 41 предмет (50%) удалось совместить в рамках нескольких складанок. Выяснилось, что здесь нахо-

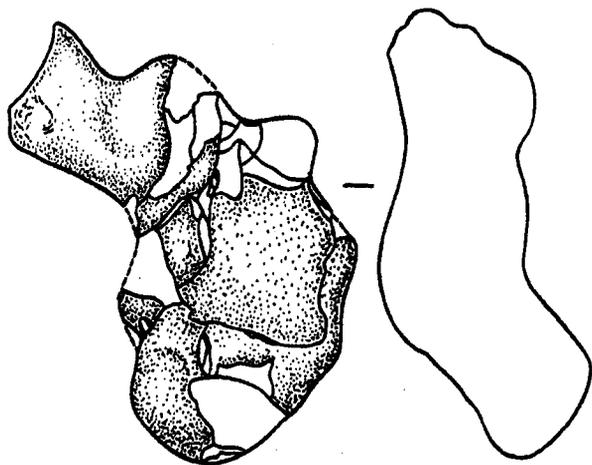
дились продукты расщепления двух конкреций и двух кремневых блоков (или кусков). Только три кремня выглядят инородной примесью.

Модель №1 - почти полностью восстановленная конкреция серого мраморовидного мелового кремня с тонкой ровной карбонатной корочкой. Состоит из нуклеуса и 8 отщепов. Размеры: 15.5x8.4x см (рис.57, 1). Форма конкреции в виде искривленного вытянутого овала. Расщепление производилось серией последовательных центростремительных сколов, наносимых без какой-либо предварительной подготовки зоны расщепления (рис.58). Только один отщеп имеет ударную площадку, созданную сколом «от фронта». Остальные площадки либо корковые (в основном), либо являются частью негатива предшествующего скола. Скалывающие удары наносились преимущественно с одной стороны и шли в порядке справа налево, если смотреть со стороны нуклеуса, сохранившей корку. Сначала был отбит крупный аморфный выступ. Затем последовала серия энергичных ударов, направленных от края к центру по касательной линии. Таких ударов было минимум девять. После четвертого удара были отделены два скола с тыльной (условно) стороны. Это подготовило площадку для последующих крупных снятий с фронтальной (условно) стороны. В итоге конкреция была оббита почти по всему периметру и образовался нуклеус с односторонней радиальной огранкой, вполне пригодный для дальнейшего раскалывания. Оббивка нуклеуса напоминает характер подготовки выпуклой рабочей поверхности леваллуазского черепаховидного ядрища, однако в восстановленной последовательности расщепления не видна попытка создать столь необходимую для линейного скалывания основную функциональную площадку. Роль площадок выполняли участки естественной корковой поверхности тыльной стороны, фактически не подвергавшиеся предварительной обработке.

Последовательность раскалывания данной конкреции кремня (снятие серии сколов в направлении «по часовой стрелке», ритмичное чередование мелких подготовительных сколов с крупными целевыми, периодический выход на тыльную сторону) является обычной технологической секвенцией расщепления радиальных нуклеусов среднего палеолита

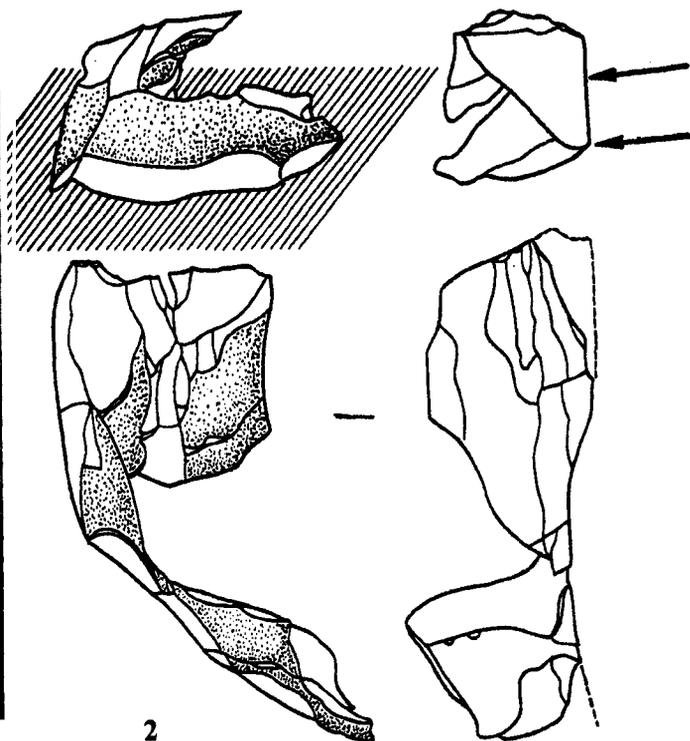
0 1 2 3 4 5 cm

1

0 1 2 3 4 5 cm

2

Рис. 57. Курдюмовка. Ремонтаж сколов и нуклеусов из скопления в прилукской почве (фото Е. Ю. Гири).

Fig. 57. Kurdiuovka. Refitting models from Priluki soil (foto by E. Yu. Girya).

[Mania, Toepfer, 1973, tafel 47-1,2; Otte, Evrard, Mathis, 1988, fig. 7-10; Roebroeks, 1988, fig. 56, 58; Степанчук, 1994].

Модель №2 отражает иную последовательность расщепления. Всего в модели 7 элементов. Форму конкреции также удалось восстановить практически полностью. Это была гантелеобразная в плане конкреция темно-серого стекловидного мелового кремня с тонкой корочкой (рис.59, А). Вначале обычным поперечным сколом была сбита одна из вершин преформы (рис.60). После этого была сделана попытка крупным сколом выровнять одну из уплощенных сторон конкреции. Затем несколькими мелкими сколами была сформирована площадка, с которой был отбит крупный первичный отщеп, захватывающий часть выпуклой стороны преформы. Из-за ошибок расщепления образовавшаяся вершина оказалась непригодной для продуктивного расщепления и была сбита несколькими косыми ударами. Наконец, с этой грубой площадки был отделен еще один крупный и широкий отщеп. В итоге этих малопродуктивных усилий на нуклеусе черне наметились грубая площадка и потенциальный рабочий фронт (рис.59, В).

Модель №3 - ремонтаж отходов расщепления куска серого мраморовидного кремня с шероховатой карбонатной корочкой на плоской стороне (рис.59, 2). Сохранились только поверхностные сколы (13 шт.), сам нуклеус в скоплении не представлен и был утилизирован где-то за его пределами. Модель хорошо отражает два этапа расщепления конкреции: подготовку площадки и подготовку торца нуклеуса для однополярного торцового скалывания. Площадка формировалась несколькими сколами, направленными с плоской корковой стороны преформы. Окончательно плоскость площадки была оформлена крупным сколом, который образовал ровное поперечное сечение вершины заготовки. Затем был обработан торцовый участок преформы. Первые субпараллельные сколы наносились с поперечной площадки вдоль торца. Цель этих сколов - формирование на нуклеусе параллельно ограниченному торцового фронта. Последняя (в рамках модели) серия сколов наносилась с плоской корковой стороны в сторону основания торцового фронта и была ориентирована поперек создаваемого фронта. В результате удаленный от площадки выпрямленный участок торцового фронта был существенно укорочен и приобрел некоторый изгиб в профиле. Эта технологическая операция предотвратила возможный залом целевых сколов с торца нуклеуса.

Модель №4 включает 7 отщепов (11 фрагментов) специфической по характеру сырья трещиноватой конкреции. Из-за плохого качества сырья при расщеплении конкреция распалась на произвольные куски, поэтому трудно сказать что-либо определенное о системе расщепления.

Модель №5 - аппликация двух крупных отщепов из крупнозернистого мраморовидного кремня.

Остальные отщепы из скопления, преимущественно мелкие, трудно связать с каким-либо складнем. Четыре из них имеют грубо обработанные приплощадочные зоны и только один - грубо фасетированную площадку.

В скоплении найдено единственное орудие (рис.54, 7). Это правильная трехгранная естественно-обушковая пластина с косо ретушированным острием (вершина утрачена). Данное изделие, скорее всего, никак не связано с описанными материалами, так как выполнено из иного качественного кремня. Площадка пластины тонко фасетирована.

Производственный смысл данного участка очевиден - здесь осуществлялась предварительная оббивка конкреций и подготовка нуклеусов. Два наполовину подготовленных нуклеуса были положены рядом с продуктами первичной обработки и по каким-то причинам оставлены. Видимо, они были специально отложены для дальнейшего использования.

Чрезвычайно важен планиграфический аспект распределения продуктов первичной кремнеобработки на данном участке культурного слоя. Материалы скопления свидетельствуют о том, что на среднепалеолитических стоянках этапы подготовки нуклеусов и их систематического расщепления могут быть так же пространственно обособлены, как и на позднепалеолитических стоянках.

Возможно, ориентация только на первичную оббивку предмета расщепления объясняет упрощенную технологию обработки первых двух конкреций (модели №№1 и 2). Площадки и зоны расщепления специально не готовились, рабочие поверхности формировались только черне.

Гораздо более развитая технология применялась при обработке плоского кремневого блока (модель №3). Приемы формирования плоских гладких площадок, огранки и загиба торцового фронта принято считать признаками позднепалеолитических технологий расщепления камня. Судя по пластине с косо ретушированным концом, древним обитателям

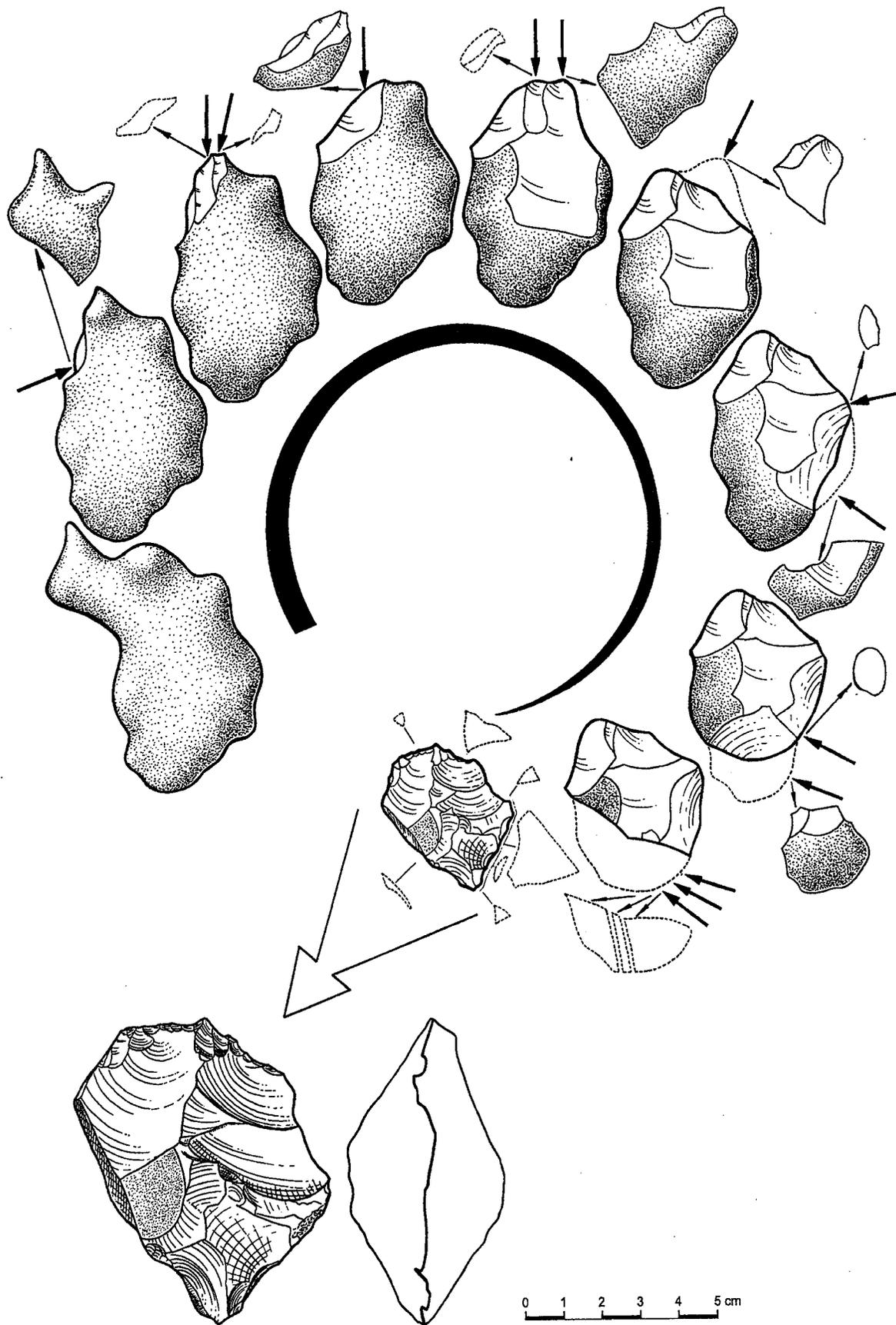
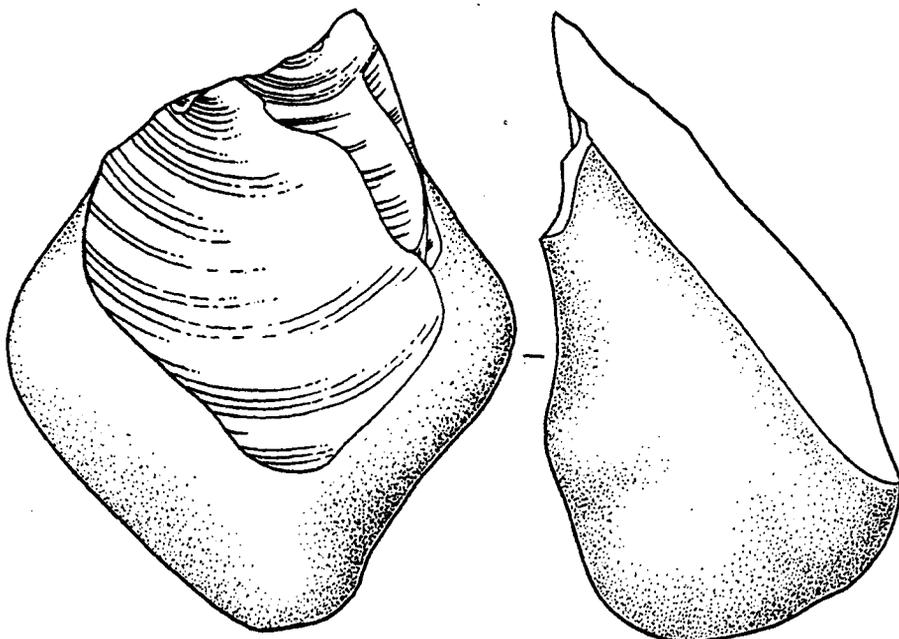
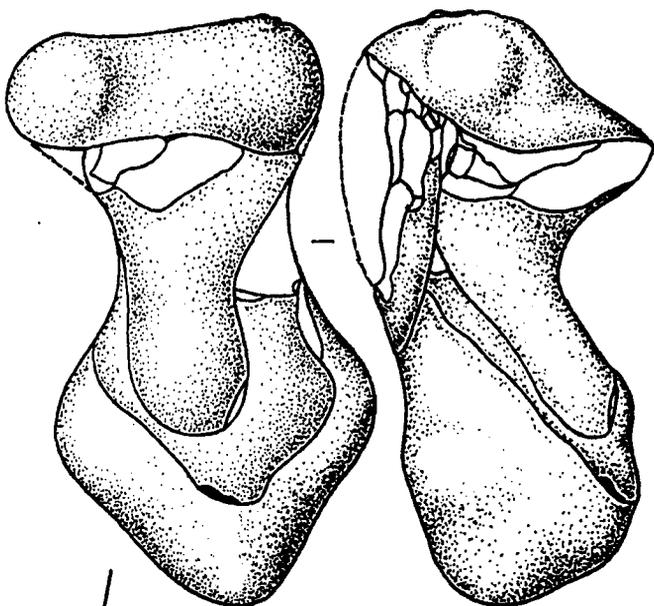

Рис. 58. Курдюмовка. Модель расщепления конкреции №1.
 Fig. 58. Kurdiuovka. Model of the concretion №1 splitting.

0 1 2 3 4 5 cm 1

0
1
2
3
4
5 cm

2

Рис. 59. Курдюмовка. Ремонтаж сколов и нуклеуса из скопления в прилукской почве (фото Е. Ю. Гиря).

Fig. 59. Kurdiuimovka. Refitting model from Priluki soil (foto by E. Yu. Girya).

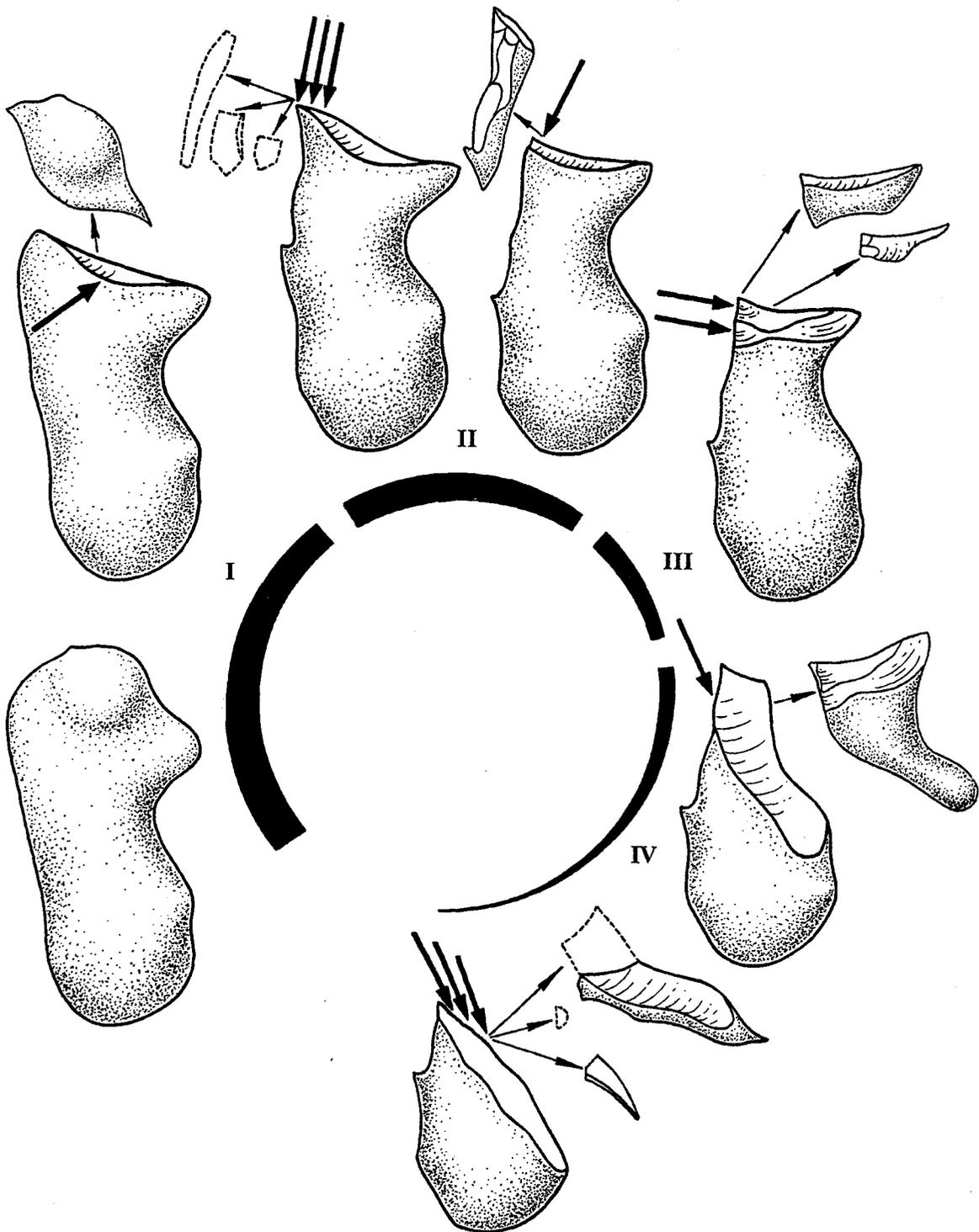

Рис. 60. Курдюмовка. Модель расщепления конкrecии №2.
 Fig. 60. Kurdiuovka. Model of the concretion №2 splitting

стоянки также хорошо было известно плоскостное параллельное расщепление.

Материалы из скопления продуктов кремнеобработки в прилуцкой почве отчетливо показывают, что выбранная древним мастером тактика расщепления нуклеуса могла варьировать в широких пределах в зависимости от формы исходного материала. Диапазон технических возможностей здесь был таким же широким, как и в индустрии из удайского лесса. И там, и там присутствуют прогрессивные технологические новации, связанные с элементами торцового расщепления. Это еще раз подчеркивает внутреннюю однородность двух комплексов.

Сравнительный анализ индустрии из удайского лесса

Очевидно, что поиск аналогий комплексу из удайского лесса Курдюмовки должен вестись среди индустрий варианта мустье одностороннее или *Mousterian typique* с выраженным пластинчатым компонентом.

В Восточной Европе этот поиск, прежде всего, приводит нас к крымским параллелям. Очевидный перевес в орудийном ансамбле каменных инструментов, изготовленных в технике односторонней обработки, подчиненное положение зубчатых изделий, малочисленность и атипичность леваллуа-острийных и леваллуа-отщеповых форм, а также преобладание в наборе различных скребел и остроконечников позволяют сравнивать эту индустрию с кругом памятников так называемого варианта мустье обыкновенное, в частности, с индустриями типа Холодной Балки.

Впервые этот тип памятников был выделен В.Н. Гладилиным и включал в себя, помимо Холодной Балки, Бахчисарайскую стоянку [Гладилин, 1976, с.101; 1985, с.51]. Отметим это культурное единство и Н.К. Анисюткин, объединив обе стоянки в мустье бахчисарайско-холоднобалкинского типа [Анисюткин, 1979]. В 80-е годы в связи с возобновлением раскопок на горе Кабази появился новый комплекс мустье одностороннее [Колосов, Степанчук, Чабай, 1988]. После открытия Кабази-II В.П. Чабай выделил западнокрымскую фазию мустье и предложил ее периодизацию [Чабай, 1987]. Сюда вошли Бахчисарайская, Шайтан-Коба, Чокруча-I Кабази-I и Кабази-II, II к.с. В так называемой «кабазийской»

культуре [Kolossoff, 1988] фигурируют те же комплексы, но без Шайтан-Кобы, поскольку этот комплекс Ю.Г. Колосов считает леваллуазским [Колосов, 1972; 1988]. В итоговой сводке по раннему палеолиту Крыма Шайтан-Коба все-таки вошла в западно-крымскую фазию и дала название ее среднему этапу [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993, с.156].

В аспекте технико-типологических параллелей Курдюмовке важно отметить наличие в 8-9 горизонтах Кабази-II, II к.с. и в нижнем горизонте Шайтан-Кобы сходного по своей структуре орудийного ансамбля с удлиненными остроконечниками, простыми продольными скреблами, близкой технологии расщепления камня. Приблизительно совпадают и технические индексы. Но это сходство носит самый общий характер, поскольку детальное сопоставление Курдюмовской индустрии с односторонними комплексами Крыма показывает ее существенные особенности (специфическое торцовое подживление нуклеусов, зубчатые скребла с базальным утончением, *truncated-faceted*).

Продуктивные результаты может дать сравнение лессового комплекса Курдюмовки с пластинчатыми индустриями среднего палеолита Западной Европы.

Основное количество эталонных индустрий среднего палеолита с пластинчатыми технологиями находятся на севере Франции и в Бельгии. В круг этих памятников входят стоянки Сант-Валери [Heinzelin et al., 1983; Tuffreau, 1987], Риенкур-Бопом [Tuffreau, 1993], Секля [Tuffreau et al., 1985; Revillon, Tuffreau, 1994, Revillon, 1994], Рокуп [Otte, Boeda, Haezaerts, 1990; Otte, 1994]. В это число включают также Порт Расин [Cliquet, 1992; Revillon, Cliquet, 1994, Revillon, 1994] на северо-западе Франции, Виннеф [Gouedo, 1994] и памятники долины р. Ваннэ [Locht, Depaepe, 1994] в Бургундии, Этутевилль [Delagnes, Kuntzmann, 1996] в Нормандии, Тончесберг [Conrad, 1990] и Рейндален [Bosinski, 1966] в Западной Германии. Хронологические позиции этих памятников приблизительно одинаковые. Большинство из них существовало в пределах кислородно-изотопной стадии 5с раннего вюрма [Van Vliet-Lanoe, Tuffreau, Cliquet, 1993, fig.80; Revillon, 1994, fig.10] или в целом датируются ранним вюрмом.

В значительной степени однообразен и технико-типологический облик этих индустрий. Из них только комплекс Виннеф связан с микокским орудийным набором, остальные фран-

цузские комплексы относятся к мустье типичному, обогащенному позднепалеолитическим компонентом. В целом, среднепалеолитические пластинчатые комплексы Западной Европы существуют в общем леваллуазском контексте и сопровождаются обычными для европейского северо-запада линейными и уни- биполярными рекуррентными методами нуклеусного расщепления. Торцовые и полубъемные пластинчатые технологии этих индустрий сравнивают с позднепалеолитическими технологиями, так как здесь инициальная фаза расщепления часто связана с подготовкой на нуклеусе продольного двустороннего ребра, как у позднепалеолитических ядрищ. Вместе с тем, в технике первичного расщепления данных пластинчатых индустрий среднего палеолита нет четкой границы между обычными леваллуазскими полярными нуклеусами со слабовыпуклым рабочим фронтом и пластинчатыми нуклеусами с торцовым или полубъемным скалыванием. Судя по результатам ремонтажа, в Рокуре [Otte, 1994, fig. 4] и Виннэфе [Gouedo, 1994, fig. 9-15] продольные реберчатые участки являются боковыми элементами обычных леваллуазских полусных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом.

Происхождение этих индустрий связывают с леваллуазскими пластинчатыми комплексами раннего среднего палеолита северо-запада Европы [Revillon, 1994].

Вследствие развитой пластинчатой технологии и большого количества пластин позднепалеолитическая группа орудий в указанных памятниках северо-запада Европы весьма обильна и включает разнообразные резцы [Amelon Van der Heijen, 1993, fig.4-5], прототипы пластин с притупленной спинкой [Conard, 1990; Loch, Depaepe, 1994, fig. 7, 7]. В Бопоме [Amelot Van der Heijen, 1993] и Рейндалене [Bosinski, 1966] значительными сериями представлены орудия с костенковским приемом обработки. Эти орудия сопровождают обычные для мустье типичного скребла и остроконечники на леваллуазской основе.

Из всех перечисленных комплексов Курдюмовка наиболее сопоставима с кремневой индустрией слоя СА Риенкур-Бопома [Tuffreau, 1993]. Помимо датировки в пределах кислородно-изотопной стадии 5с (бреруп), совпадает технологический габитус индустрий (сочетание леваллуазских и позднепалеолитических методов первичного расщепления, “мустьерская” ретушь) и общая структура орудийных ансамблей (скребла и остроконечники плюс изделия с ядрищным утончением).

Таким образом, в рамках очерченного круга памятников мустье типичного и мустье типичного с выраженным пластинчатым компонентом индустрия из удайского лесса Курдюмовки выглядит как своеобразный феномен с рядом общих и специфических деталей.

В нескольких работах П.Е. Нехорошев настойчиво относит кремневую индустрию Курдюмовки к так называемой Белокузьминовской группе памятников среднего палеолита Восточной Европы. Выделение Белокузьминовской группы памятников [Колесник, 1995; Нехорошев, 1996; 1997; 1999], возможно, имеет под собой основание (подробнее см. главу о Белокузьминовке в настоящем издании), однако, включение лессового комплекса Курдюмовки в этот клуб кажется мне проблематичным. Как отмечалось выше, слухи об особом диагностическом значении протокостенковских ножей, в качестве одного из типологических критериев группы, выглядят сильно преувеличенными.

Коллекция из прилукского аллювия

В верхней части аллювия в пределах секторов 2 и 3 собрана коллекция из 106 кремней. Искусственно расщепленные кремни залегают вперемешку с обломочным материалом и большим количеством окатанных кусков мела. Материал явно сортирован водным потоком, так как мелких кремневых сколов, составляющих количественную основу любой полноценной кремневой коллекции, непропорционально мало. Тем не менее, сохранившиеся изделия представляют все основные категории кремневого инвентаря (таблица 12).

Нуклеусы	4
Нуклевидный обломок	1
Сколы с коркой	27
Мелкие сколы отделки	22
Осколки, обломки	9
«Сколы-заготовки»	33
Пластинчатые сколы	8
Орудия	2
Итого:	106

Таблица 12. Курдюмовка. Состав кремневой коллекции из прилукского аллювия.

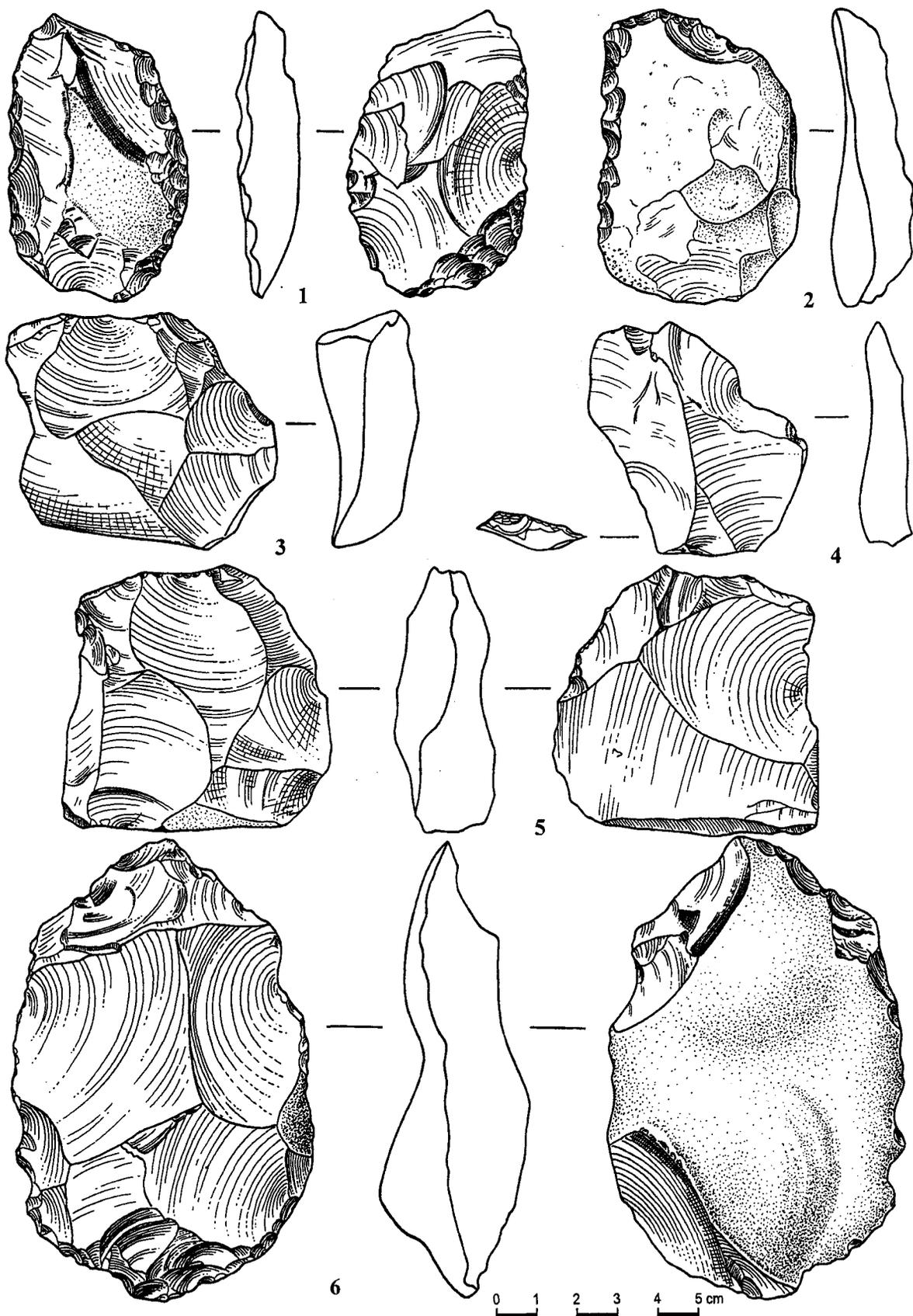

Рис. 61. Курдюмовка. Изделия из прилукского аллювия.
 Fig. 61. Kurdiuovka. Priluki complex.

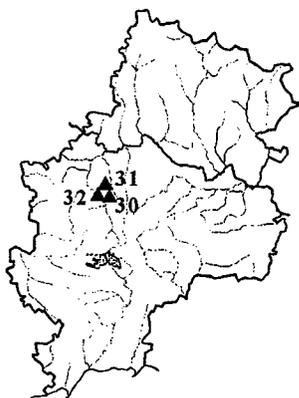
Как и во всех других курдюмовских кремневых сериях, в коллекции из аллювия доминируют отходы первичной кремнеобработки. В пределах такого небольшого количества изделий формальные технические индексы (IFs - 20%; IF1 - 28%; Iam - 7%) могут быть искаженными. Судя по нуклеусам (рис.61, 3, 5-6), грубым пластинчатым сколам и широким отщепам (рис.61, 4), техника первичного расщепления выглядит неразвитой. Среди нуклеусов выделяются два ядрища с центростремительным скалыванием (рис.61, 6), одноплощадочный нуклеус на отщепе (рис.61, 3) и трехплощадочный нуклеус с дву-

сторонней системой сколов в продольно-перекрестном направлении (рис.61, 5). Площадки нуклеусов не подготовленные, негативы сколов короткие и рельефные. Орудийный набор включает всего два изделия: угловатое скребло на массивном отщепе (рис.61, 2) и двояко-выпуклое скребло с двусторонней плоско-выпуклой обработкой (рис.61, 1). Это скребло выполнено в характерной «восточно-микокской» технике: сначала полностью сформировалась плоская сторона, затем выпуклая. Такой же характерной для большинства «восточно-микокских» комплексов является и техника первичного расщепления.

ОЗЕРЯНОВКА-1 (30)

Общие сведения

Местонахождение найдено автором и Ю.Г. Ковалем в 1992 г. во время проведения полевых работ на Курдюмовском местонахождении. Раскопки осуществлялись в 1992-1993 гг. Памятник находится на левом берегу р. Намуха в 0.8 км к западу от пос.

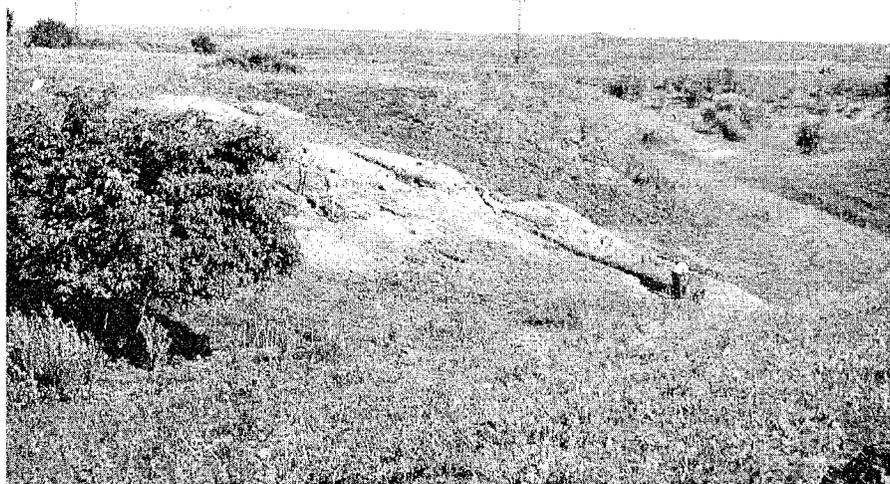
Озеряновка Дзержинского г/с на территории Константиновского района Донецкой области. Приурочен к склону высокого мыса, образованного берегом реки и небольшой балкой.

Стратиграфический и тафономический анализ

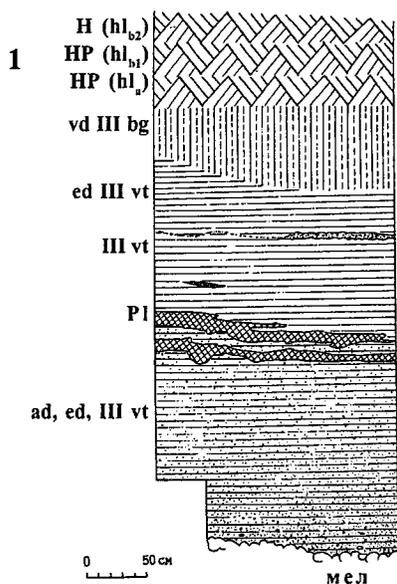
Небольшая балка, на склоне которой обнаружены палеолитические остатки, врезана непосредственно в меловую толщу и заполнена маломощными (4.5 м по тальвегу в приустьевой части) делювиальными суглинистыми отложениями. Древняя стоянка находилась, видимо, на выположенной площадке мыса, но во время последующих эрозионных врезов была разрушена. Продукты разрушения слоя были смыты вниз в делювиальное заполнение ложбины. Возможно, какая-то часть культурных остатков была смыта в русло реки и находится в его древнем или современном аллювии. Скорее всего,

смыв был направлен, согласно современному рельефу, в сторону небольшой балки, так как делювиальный шлейф с кремневыми орудиями имеет четкую пространственную локализацию на левом склоне ложбины.

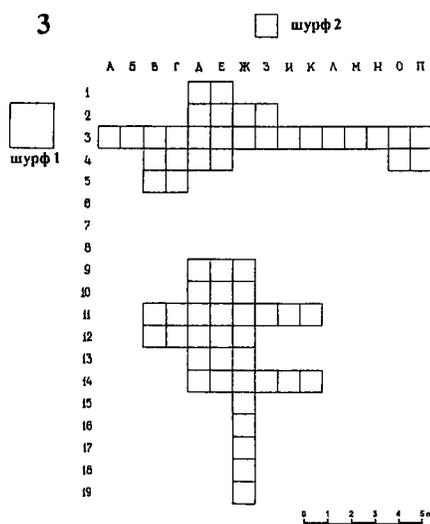
После обнаружения на размытом склоне ложбины нескольких патинированных отщепов, этот участок был изучен взаимосвязанным траншеями (рис.62, 3). Шурфовка позволила установить протяженность пятна находок размерами приблизительно 30x15 м и залегание их в переотложенном состоянии в покровных делювиальных суглинках. Древние кремневые изделия залегали на склоне в виде растянутых линз, ориентированных по склону согласно его падению. Ширина таких линз до 1 м, длина по склону - до 3-4 м. В некоторых местах кремневые поделки находились вперемешку с обломочным материалом и образовывали плотные брекчиевидные скопления. Положение кремней в скоплениях хаотичное, но часто заметна вертикальная позиция плоских предметов и направление продольных осей вниз по склону. Поперечное сечение скоплений линзовидное, что указывает на относительно быстрый процесс смыва по склону. Между скоплениями встречаются единичные кремневые изделия, залегающие, как правило, в горизонтальном положении. Все кремни покрыты снизу кальцитовой корочкой, которая легко отделяется при смещении предмета. Кремни покрыты молочной, реже фарфоровидной патиной. Под кальцитовой коркой часто сохраняется естественный темно-серый цвет кремня. Внешний вид кремней свежий. Грани практически не окатаны, заломов и заби-

2

3

Шурф. Западная стенка

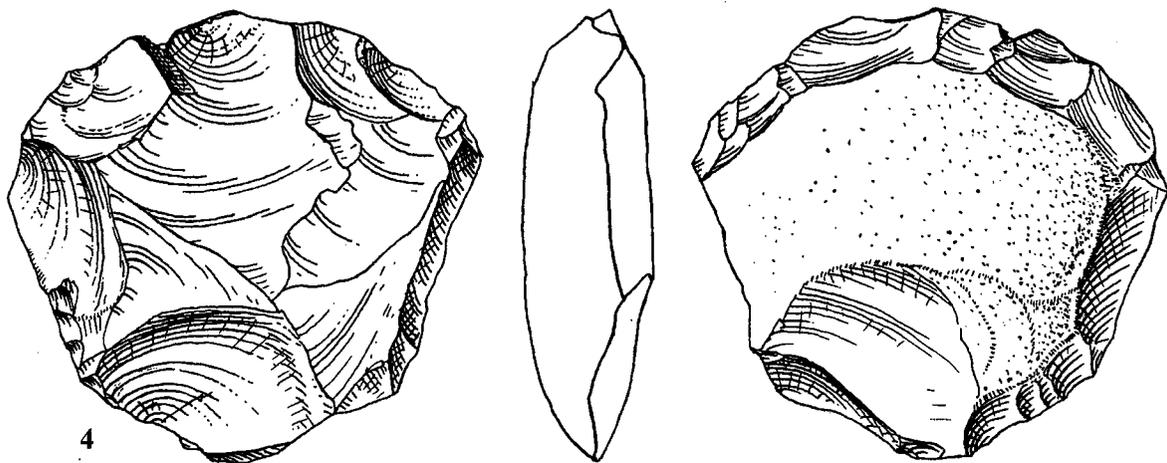

Рис. 62. Озерьяновка I. Общий вид. План раскопа. Стратиграфия.
 Fig. 62. Ozerianovka I. General view. Excavation plan. Stratigraphy.

тости нет. Глубина залегания кремневых поделок на склоне ложбины - от современной дневной поверхности до 50-60 см. В основном кремни находятся в нижней части дернового слоя на контакте с лессовидным суглинком.

На уступе террасы и в тальвеге ложбины заложены глубокие шурфы для определения общей стратиграфической ситуации и времени смыва культурных остатков. В 1993 г. разрезы в шурфах и траншеях осмотрела Н.П. Герасименко. За счет растянутости отложений в пониженных участках рельефа, шурф в тальвеге дал наиболее полную стратиграфическую картину. В западной стенке этого шурфа, по Н.П. Герасименко, определяются следующие верхнечетвертичные отложения (рис.62, 1):

0.0 - 0.2 м – (e IV hl) голоценовый Н горизонт - темно-серый, среднесуглинистый, без визуальных карбонатов; переход вниз постепенный;

0.2 - 0.5 м – (e IV hl) голоценовый Нr горизонт - темно-серый до черного, тяжелосуглинистый, слабо уплотненный, с выраженной комковато-зернистой структурой; переход вниз постепенный;

0.5 - 0.8 м – (e IV hl) голоценовый Нrk горизонт - светло-серовато-бурый, среднесуглинистый, менее уплотненный, призматический, в дисперсной карбонатной пропитке; переход вниз заметный;

0.8 - 1.5 м – (vd II bg) бугский лесс палевый, средний, глыбистый, слабо уплотненный, с дисперсными карбонатами, дендритами гидроокисла марганца, с кротовинами и червороинами;

1.5 - 4.6 м – (de III vt) витачевский суглинок ярко-бурый тяжелый до глинистого, призматический, очень плотного сложения, в верхней части мелкообломочный мел. В одном из интервалов фиксируется усиление размыва - заметен сплошной слой обломков мела и кремня. Ниже - материал более однородный. В нем три прослоя темно-бурого прилукского материала, под ними значительно возрастает опесоченность, что сопровождается осветлением и побурением материала;

4.6 - 4.8 м - меловая крошка, переходящая в коренную породу - древнее дно промоины.

Расщепленные человеком кремни залегали в шурфе, помимо современного почвенного горизонта, в меловой линзе на гл. 1.8 м и в делювии витачевской почвы на глубине от

3.0 м до 4.8 м (меловая скала). В голоценовой почве найдены крупные окатанные недиагностичные отщепы. Находки из витачевского делювия более разнообразны. Отсюда происходят 30 патинированных отщепов, 4 мелких осколков, один отщеп с зубчатой ретушью, а также 12 непатинированных осколков и отщепов со свежими гранями. Примечательно, что свежие на вид, не окатанные кремни залегали в самом низу витачевского делювия, на дне древней промоины в мелу.

Приведенный разрез показывает, что палеолитический памятник по крайней мере трижды подвергался эрозионному разрушению: в витачевское время на этапе заполнения ложбины почвенным делювием, в одну из фаз усиления эрозии в витачевское же время, и в период раннего голоцена. Последний эпизод привел к наиболее значительному разрушению памятника и к энергичному перемещению культурных остатков вниз по склону. Таким образом, при условии понимания комплекса как гомогенного, мустьерская стоянка уже существовала на террасовой площадке во время эрозионного вреза витачевского этапа и, следовательно, является как минимум более древней или синхронной витачевскому этапу осадконакопления.

В 1993 г. на площадке мыса в 35 м от скопления находок на склоне ложбины был заложен еще один шурф. Его глубина была доведена до 5.9 м. Шурф вскрыл верхнеплейстоценовые отложения в правильной стратиграфической последовательности: современную почву, причерноморский лесс, дофиновскую почву, значительные отложения бугского лессовидного суглинка, витачевскую почву и, вероятно, прилукскую почву. Археологические находки в шурфе не обнаружены.

При исследовании местонахождения собрана коллекция из 516 палеолитических кремней. Из них 470 происходят из поверхностных отложений (таблица 13), 36, как отмечалось, из витачевского делювия в нижнем шурфе. Собранные в поверхностных отложениях кремневые изделия являются однородными по технико-типологическим критериям, характеру сырья, степени окатанности и патинизации. Обращает на себя внимание присутствие в коллекции крупных нуклеусов и отщепов, орудий и отходов расщепления. Эти признаки, а также небольшие размеры памятника, случаи аппликаций отщепов на нуклеусы, отсутствие следов сортированно-

	Количество	%
Конкреция	1	0.2
Нуклеусы	7	1.5
Отщепы разных типов	201	42.8
Чешуйки, мелкие осколки	245	52.1
Отщепы с ретушью	3	0.6
Орудия	13	2.8
Итого:	470	100%

Таблица 13. Озерьяновка-1. Состав кремневой коллекции.

сти на размерные фракции позволяют предполагать гомогенность комплекса.

Орудия составляют 2.7% всего комплекса. Соотношение нуклеусов и орудий (коэффициент С-Т) - 1:1.9. Структура кремневого комплекса соответствует стояночным комплексам, образованным в условиях избытка сырьевой массы [Колесник, 1996].

Каменное сырье

Для комплекса, в целом, характерно преобладание крупных нуклеусов (в среднем 8-10 см) и орудий (в среднем 6-7 см). Макролитизм индустрии отчасти объясняется характером использованного сырья. Исходным материалом служили крупные овальные конкреции высококачественного темно-серого мелового кремня размерами до 25-30 см. Одна из таких конкреций найдена в траншее 1. Ее размеры 22x31x18 см. Подобные образцы встречаются в обнажениях третичных или раннечетвертичных глин на противоположном берегу реки в 300-х м к северу от местонахождения. Кремь без каверн и включений. Поверхность конкреций гладкая, мягко моделированная.

Техника первичного расщепления

Техника первичного расщепления основана на эксплуатации радиальных и полюсных нуклеусов. Нуклеусов с ясной типологической атрибуцией в коллекции 7 шт. Из них 2 в начальной стадии сработанности, 4 на средней стадии и 1 ядрище относится к категории остаточных. Еще один сработанный до предела нуклеус был переоформлен в дисковидное орудие (рис.66, 3). Коэффициент остаточных ядрищ составляет 14% (25% с учетом одного переоформленного в орудие нуклеуса). Все ядрища отличаются крупными размерами - до 8-10 см. Самый крупный экземпляр достигает в высоту 14 см. Выделяются три односторонних радиальных ядрища (рис.64, 1-2), один эффективный двуплощадочный нуклеус с выпуклой тыльной стороной и уплощенным рабочим фрон-

том (рис.64, 3), два одноплощадочных нуклеуса со слабовыпуклой рабочей поверхностью (рис.67, 3) и один радиальный двусторонний. Дисковидное орудие (рис.66, 3) сделано из сильно сработанного плоского биполярного нуклеуса типа Биаш.

Размеру нуклеусов соответствуют размеры снятых с них сколов. Они также отличаются значительной величиной. Средний размер сколов без корки или с незначительными участками корковой поверхности - 6 см. Из всех сколов (кроме чешуек) 31% имеют участки первичной корки на дорсальной поверхности, причем 12% относятся к категории первичных, то есть полностью покрыты коркой. Суммарный коэффициент удлиненности всех сколов относительно высокий - 130. Нескольким диссонирует с этими показателями индекс массивности сколов - 33.7%.

Характер огранки площадок сколов и оформления приплощадочных зон проанализирован в выборке из 175 сколов разного типа (таблица 13).

Как видно, в данной выборке преобладают гладкие площадки без какой-либо дополнительной обработки (38.9%). Грубо фасетированных площадок с учетом двухгранных 17.7%, тонко фасетированных всего 12.0%. Выраженные кластеры образуют зоны расщепления с гладкими площадками и необработанными приплощадочными зонами (11.4%), точечные редуцированные площадки (13.1%) и гладкие площадки с грубо обработанными зонами (10.9%). Точечные редуцированные площадки отмечены у 12 чешуек. Возможно, они являются сколами понижения рельефа приплощадочной зоны. Особую группу образуют тонко фасетированные площадки, интенсивно редуцированные со стороны приплощадочной зоны (7 шт. - 4.0%). Сами приплощадочные зоны при этом не обработаны. Редукция затрагивала центральные участки площадок в месте приложения ударного импульса. Площадки,

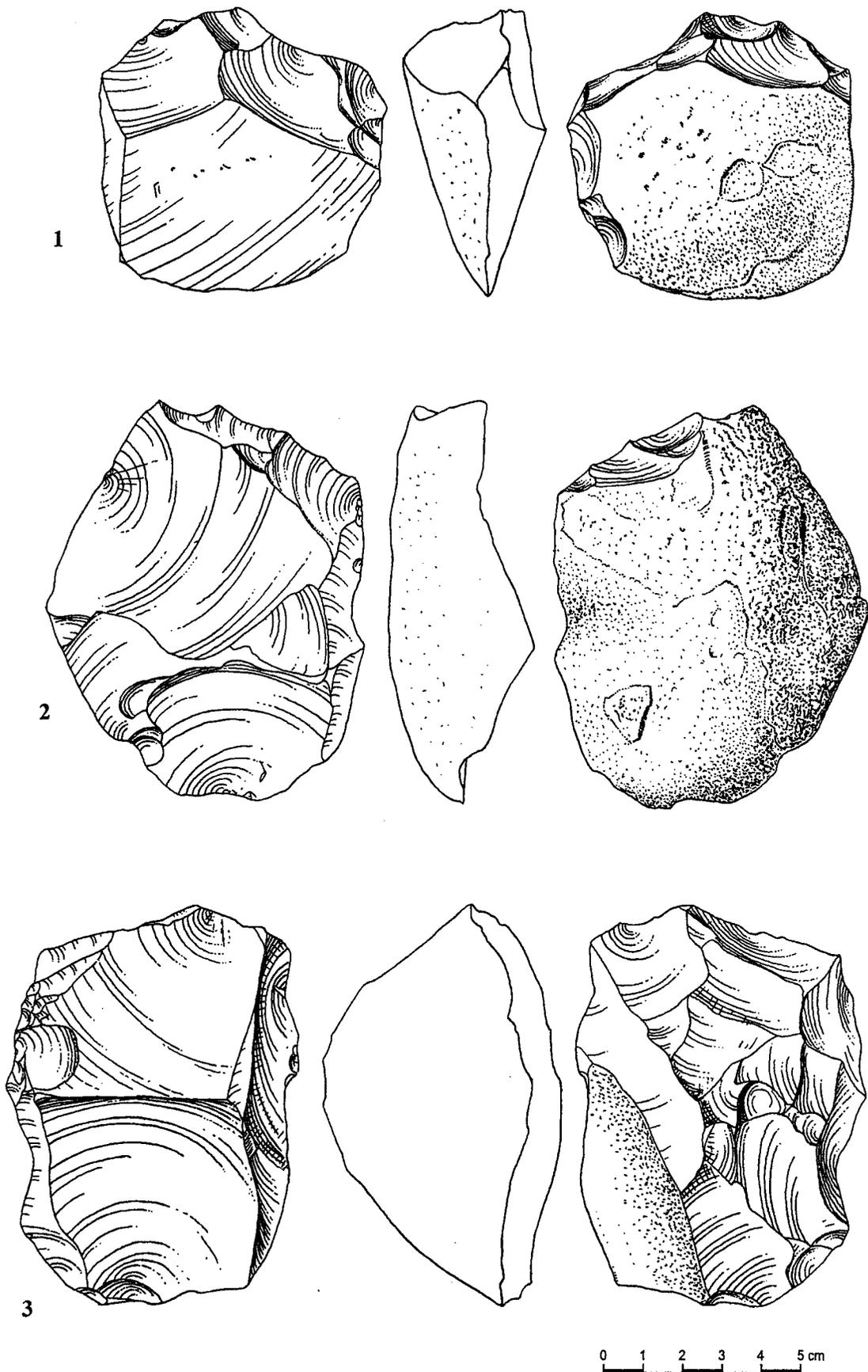

Рис. 63. Озеряновка I. Нуклеусы.
 Fig. 63. Ozerianovka I. Cores.

как правило, узкие. Данные площадки – пример “редукции наоборот”.

Огранка дорсальной поверхности определена по выборке из целых 111 сколов. Учтены все сколы, огранка которых имеет более или менее регулярный характер.

Удельный вес пластинчатых сколов с параллельной и субпараллельной огранкой относительно невысок – 15.8%, хотя сколов с подобной огранкой учтено 43 шт. (45.3%). Настоящих пластин 9.2%. Среди пластин (рис.64, 4-8) присутствуют также образцы с продольно-поперечной и встречной огранкой, которые сопоставимы с леваллуазскими пластинами. При этом следует отметить, что сколы со встречной огранкой (рис.64, 1, 5, 9), диагностирующие биполярное расщепление, занимают подчиненное положение – их всего 4.2%. Удельный вес сколов с центростремительной (28.4%) и конвергентной (16.8%) огранкой (рис.64, 2) более выражен. Краевой реберчатый скол представлен всего одним экземпляром.

Немногочисленные сколы типа Комбева (4 шт. – 3.6%), скорее всего, имеют отношение к формированию орудий.

В целом, техника первичного расщепления характеризуется обычным радиальным скалыванием и небольшим по объему, но хорошо выраженным леваллуа-пластинчатым компонентом. Приведенные показатели обычны для уни- и биполярного рекуррентного метода Биаш, возможно, в его неразвитом виде. Абсолютное доминирование конвергентной и параллельной огранки над встречной огранкой сколов свидетельствует о преобладании униполярного метода.

Изделия с вторичной обработкой

Их всего 13 шт. Морфологически устойчивые орудия производились при помощи моделирующей мустьерской чешуйчатой и чешуйчато-ступенчатой ретуши, оббивки и уплощающих сколов на вентральную сторону отщепов. Особо эффектна ретушь крупнофасеточная, моделирующая ступенчатая, типа Кина. Выделяются по крайней мере 2 мелких скола с бифасов. Видимо, 4 относительно крупных скола с брюшковой стороны крупных отщепов связаны с начальной стадией (уплощение брюшковой стороны) изготовления бифасов из сколов.

В количественно небольшом наборе орудий доминируют две основные категории – скребла и бифасы.

Остроконечник представлен только одним образцом (рис.65, 1). Острие этого орудия располагается на базальной части преформы, которая была полностью изменена энергичной ретушировкой. Дорсальная сторона орудия частично уплощена. Основание утончено ядрищным способом.

Выразительную серию составляют скребла: два крупных продольных ординарных образца со скругленными проксимальными концами (рис.65, 3-4), поперечное скребло (рис.65, 5) и двояко-выпуклое скребло с полого ретушированными лезвиями (рис.65, 6).

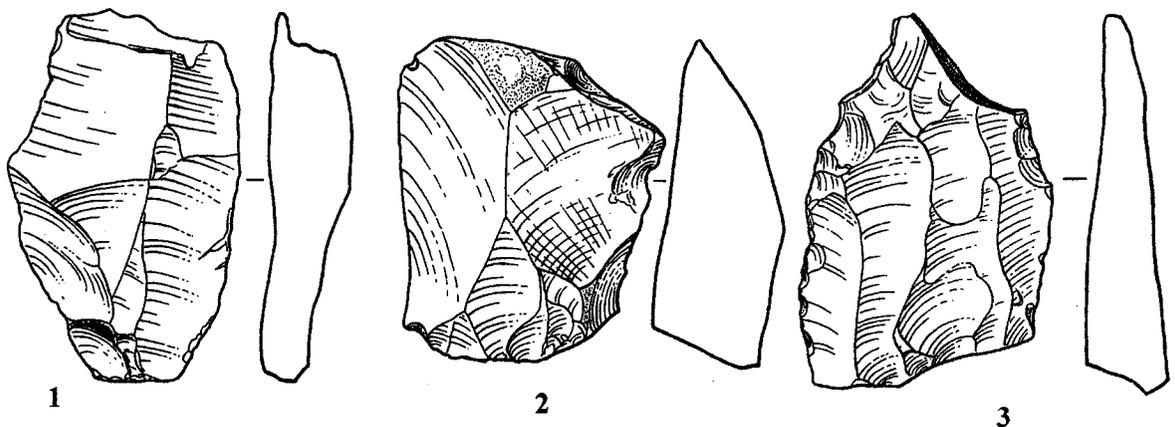
Группа бифасиальных орудий включает листовидное плоско-выпуклое изделие (67, 1), переформленный в дисковидное орудие остаточный леваллуазский нуклеус (рис.66, 3) и крупное орудие с поперечным лезвием типа сечки, выполненное из массивного коркового отщепов (рис.66, 4). Частично-двустороннее орудие (рис.65, 2) имеет неправильно-листовидную форму и может быть атрибутировано как двояко-выпуклое скребло. По форме и характеру обработки оно очень похоже на плоско-выпуклое орудие из аллювиального комплекса Курдюмовки. Второе плоско-выпуклое изделие (рис.67, 1) полностью обработано с двух сторон и сопоставимо с орудиями, которые относят к листовидным наконечникам.

Зубчато-выемчатые изделия представлены тремя предметами с аморфными очертаниями (рис.66, 1-2; 67, 2); одно из них частично двустороннее.

Коллекцию дополняет обломок бифасиального орудия и три отщепов с преднамеренной ретушью (рис.64, 3). Еще 20 отщепов имеют следы использования их в работе.

Итак, озеряновская индустрия характеризуется сочетанием очень выразительной техники получения сколов и т. н. «избыточной» ретуши, которая применялась при изготовлении крупных эффектных орудий. Техника получения крупных отщеповых и пластинчатых заготовок (рис.63, 3; 64, 1, 4-9) близко напоминает технику, которую в западноевропейской литературе называют леваллуазским рекуррентным методом Биаш [Воеда, 1988] Конструкция указанных озеряновских нуклеусов, а также размеры, пропорции, характер площадок и огранки пластинчатых сколов как будто соответствуют этим стандартам.

Два плоско-выпуклых изделия (рис.65, 2; 67, 1) очень похожи на подобное орудие из при-

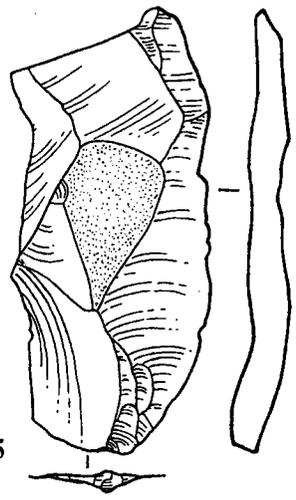
1

2

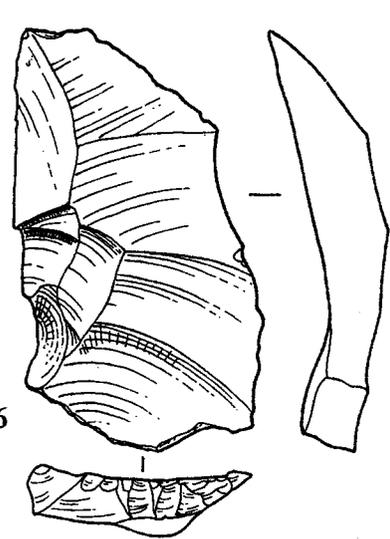
3

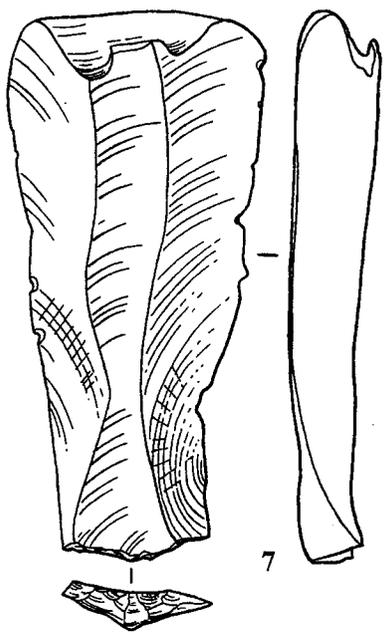
4

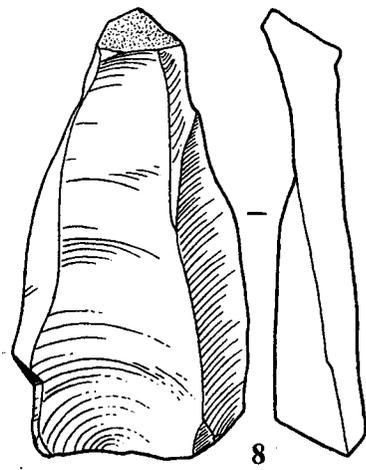
5

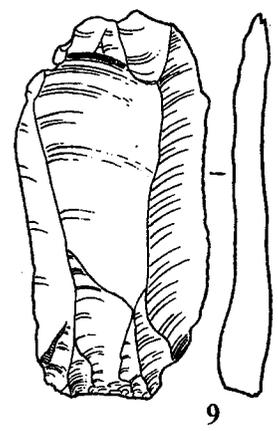
6

7

8

9

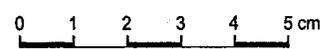
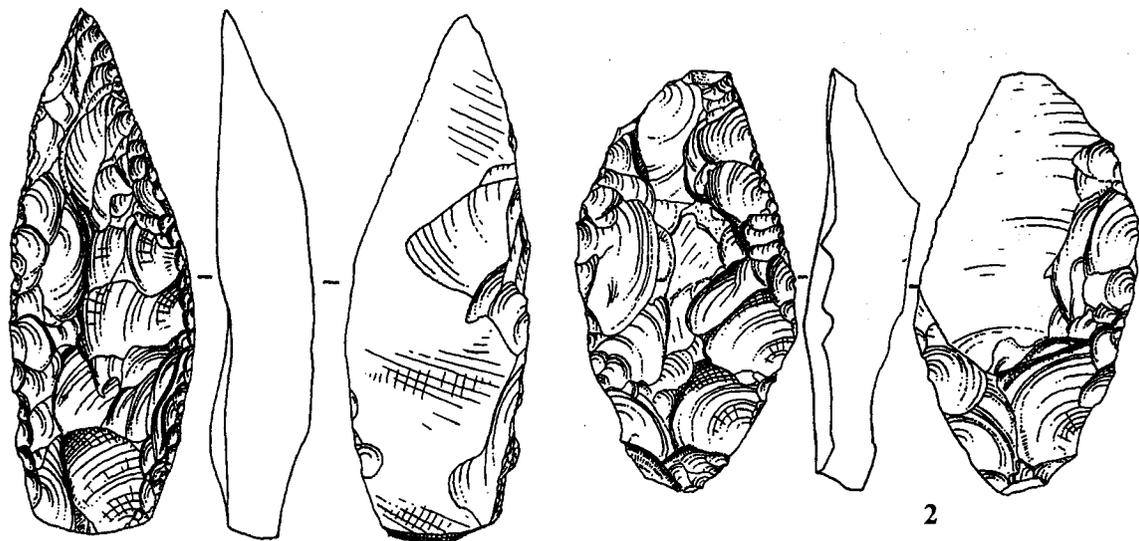
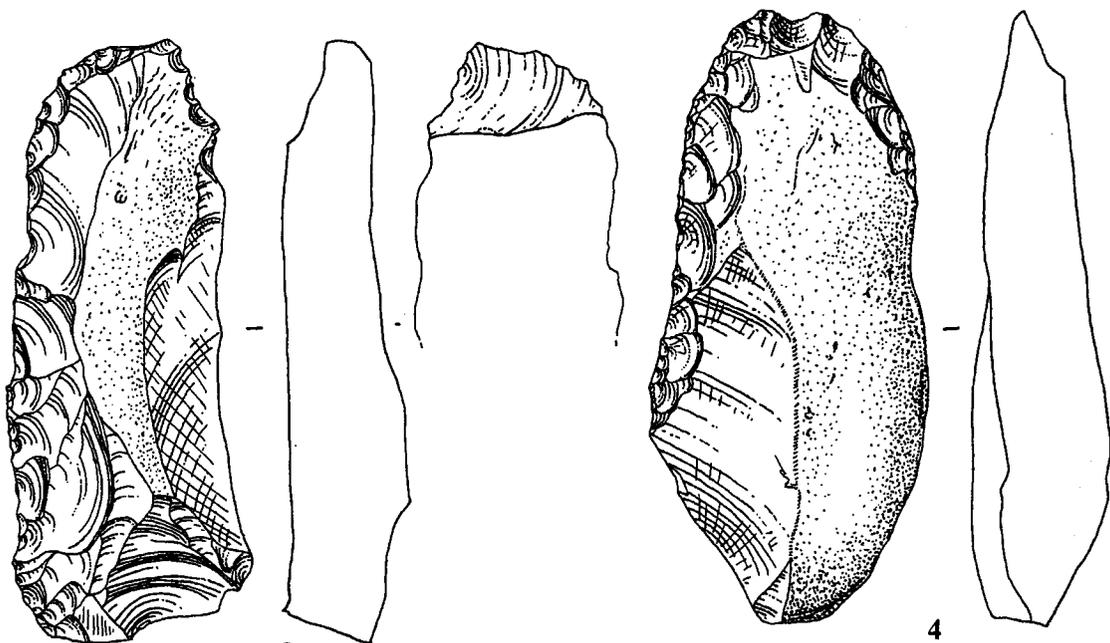

Рис. 64. Озеряновка I. Сколы-заготовки.
 Fig. 64. Ozerianovka I. Blanks.

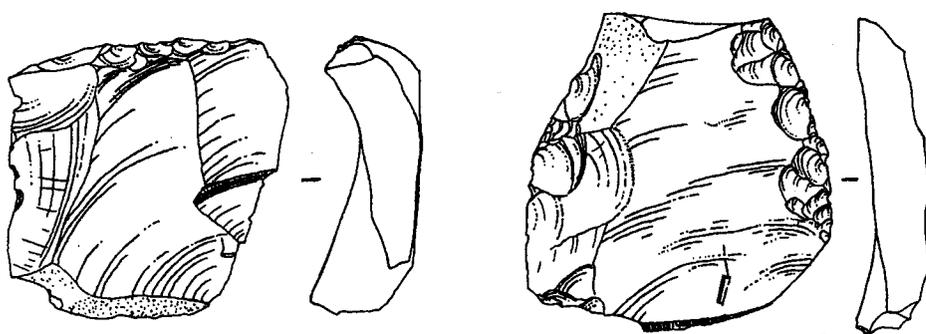
1

2

3

4

5

6

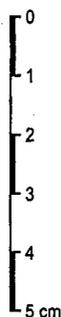
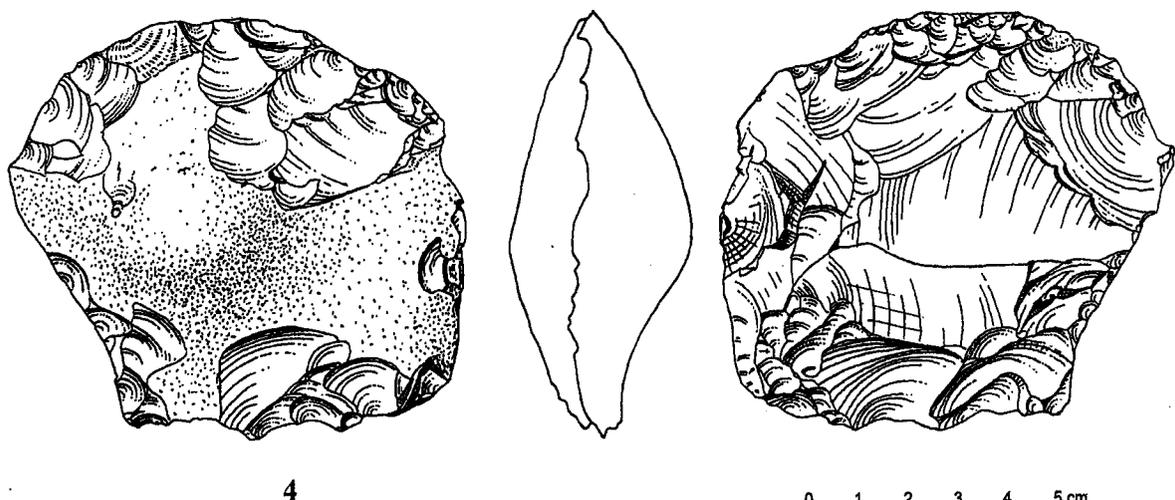
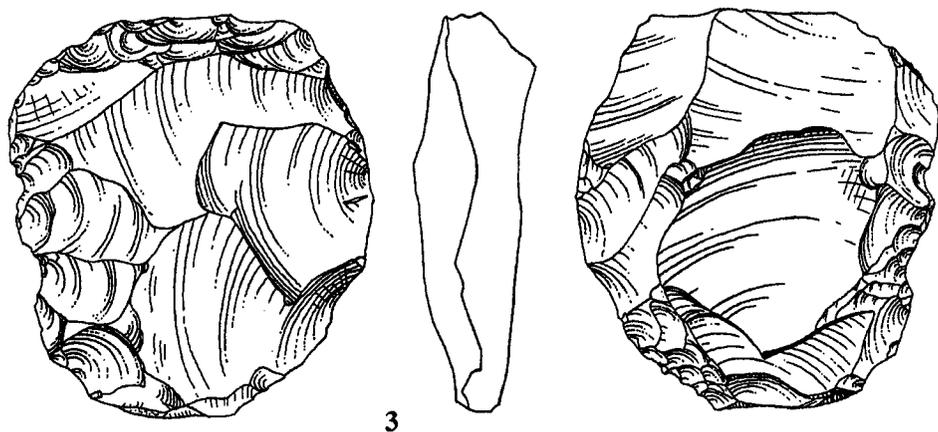
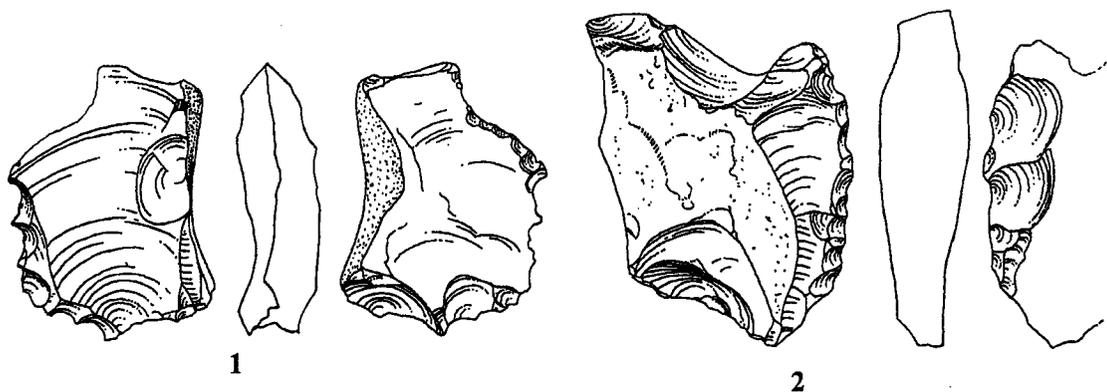

Рис. 65. Озерьяновка I. Орудия.
 Fig. 65. Ozerianovka I. Tools.

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 66. Озеряновка I. Орудия.
 Fig. 66. Ozerianovka I. Tools.

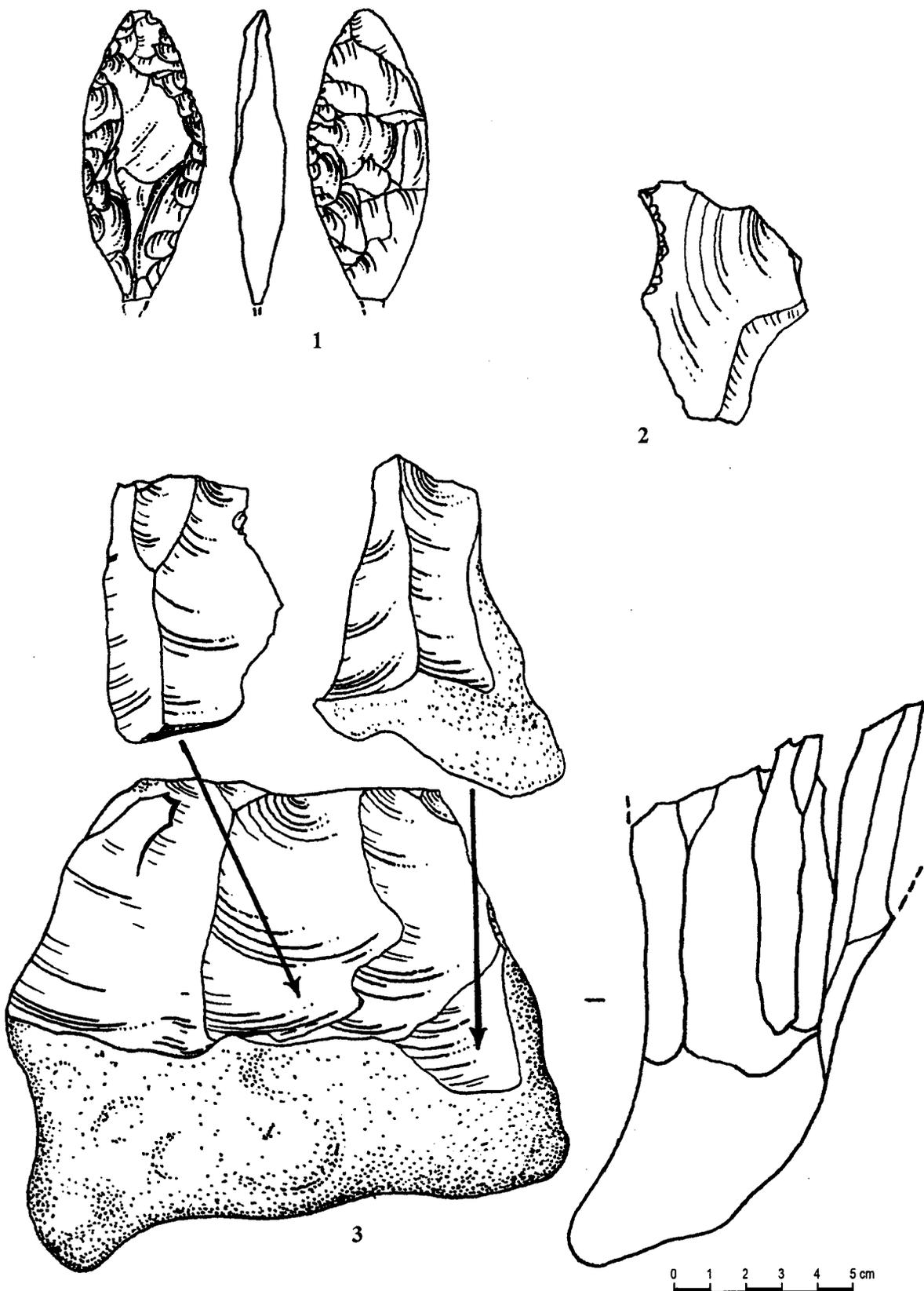

Рис. 67. Озерьяновка I. Орудия (1-2), ремонтаж скодов и нуклеуса (3).
 Fig. 67. Ozerianovka I. Tools (1-2), refitting model (3).

	Гладкие	Точечные	Корковые	Грубо-фасетированные	Тонко-фасетированные	Фас. с боков	Тонко фас.+ "перебор"	Двух-гранные	Итого:
Не обработан.	20	3	8	14	13	3	7	6	74
С пониж рельеф	9	2	8	1	1	2	-	2	25
Грубообраб.	19	6	3	-	-	2	-	-	30
"перебор"	13	1	1	-	-	-	-	-	15
Редукция	7	23	-	-	-	-	-	1	31
Итого:	68	35	20	15	14	7	7	9	175

Таблица 14. Озерьяновка I. Характеристика площадок и приплощадочных зон сколов.

	Отщепы со сл. использования	Пластины	Отщепы	Итого:
Конвергентная	4	3	9	16
Радиальная	5	2	20	27
Параллельная	6	6	31	43
Встречная	2	-	2	4
Продольно-попер.	1	3	9	13
Поперечная	1	-	2	3
Реберчатая	-	-	1	1
"комбева"	1	1	2	4
Итого:	20	15	76	111

Таблица 15. Озерьяновка I. Типы огранки сколов.

лукского аллювия соседнего Курдюмовского местонахождения (рис.61. 1). Очевидно, что дальнейший поиск аналогий озерьяновской индустрии может вестись по пути детализации признаков сходства с т. н. «восточным микоком».

Археологический облик индустрии и относительный геологический возраст осадков,

Местонахождение **Озерьяновка 3 (31)** расположено на широкой мысовидной площадке на левом берегу р. Наумиха в 2 км к западу от пос. Озерьяновка Дзержинского г/с. Высота площадки над поймой реки около 13-15 м; поверхность распахивается. На площади приблизительно 100x200 м встречаются разновременные рассеянные кремни, которые по сохранности и технико-типологическим признакам делятся на два культурно-хронологических комплекса. Первый комплекс, неолитический, представляет остатки кремнеобрабатывающей мастерской. Кремни без патины, свежие на вид. Второй комплекс резко отличается от первого. Кремни этой серии покрыты толстой, до 1-2 мм, патиной, сильно забиты и окатаны, со следами ячеистого выветривания. По технико-типологическим признакам они относятся к среднему

включающих кремни, явно диссонируют между собой. Ранняя в пределах среднего палеолита дата этого комплекса кажется наиболее вероятной. Геологическая оболочка индустрии (в диапазоне от голоцена до витачевского этапа осадконакопления), скорее всего, омоложена из-за неоднократного переотложения кремней.

палеолиту. В состав среднепалеолитической коллекции входят 12 нуклеусов, 160 разнотипных сколов и 8 изделий с вторичной обработкой – всего 180 кремней. Возможно, орудий больше, но вторичная обработка на некоторых изделиях маскируется позднейшей забитостью. Среди нуклеусов преобладают двусторонние радиальные ядрища - 8 шт. Площадочные нуклеусы (4 шт.) аморфные, неустойчивой формы, с короткими широкими негативами. Орудия представлены в основном скреблами и бифасами. Среди скребел выделяются образцы с различной конфигурацией лезвий - угловатое скребло (рис.68, 6), обломок скребла с прямым лезвием (рис.68, 2), двойное продольно-выпуклое скребло (рис.68, 8), поперечное скребло (рис.68, 4), конвергентное выпукло-вогнутое скребло. Единственное зубчатое орудие обработано разнофасеточной регуляр-

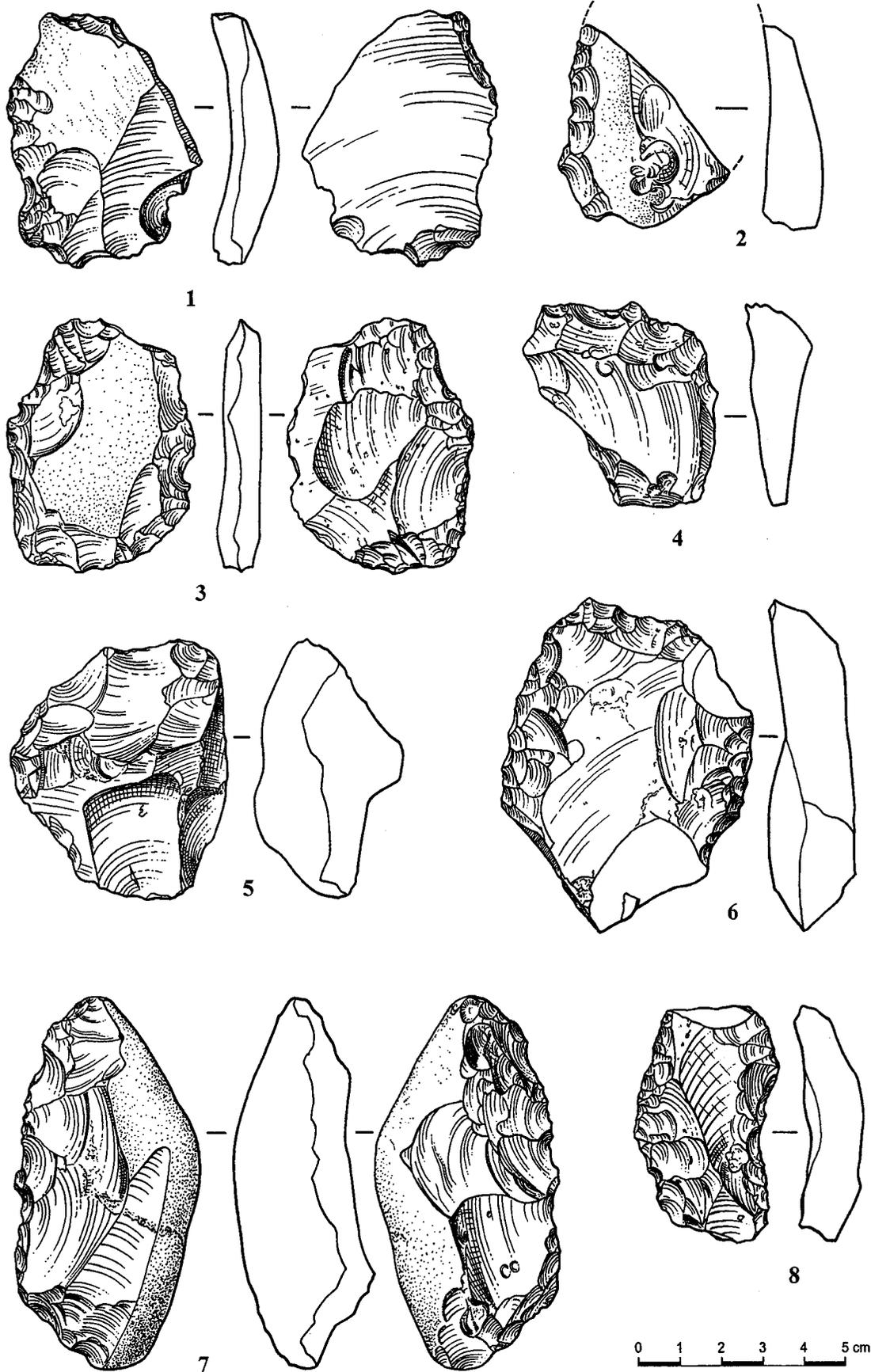

Рис. 68. Озеряновка 3. Орудия.
 Fig. 68. Ozerianovka 3. Tools.

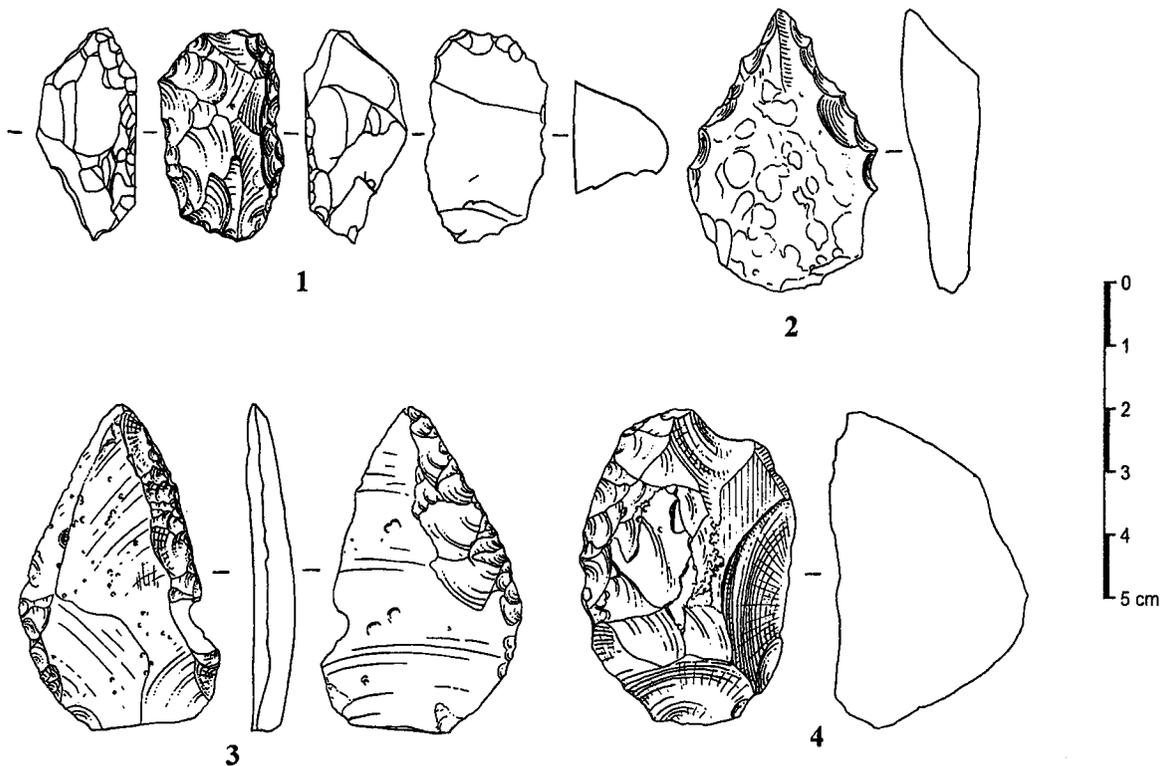

Рис. 69. Белая Гора 1. Орудия.
Fig. 69. Belaia Gora 1. Tools.

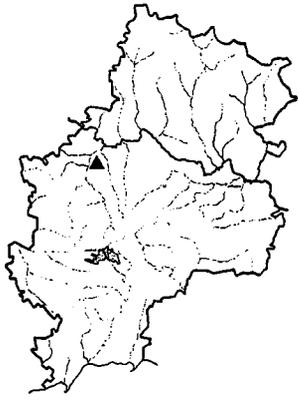
ной ретушью, чередующейся на обе стороны орудия (рис. 68, 1). Два орудия обработаны в двусторонней технике. Это двояко-выпуклое продольное скребло (рис. 68, 3) и небольшой асимметричный обушковый бифас из кремневой гальки (рис. 68, 7). Последние два изделия придают комплексу особый типологический акцент, который свойственен индустриям «восточно-микокского» круга.

Еще один сильно разрушенный геологическими процессами пункт сбора среднепалеолитических кремней в долине Наумихи выявлен на левом берегу реки на восточной окраине с. Белая Гора Константиновского района. Здесь на второй надпойменной террасе высотой око-

ло 8 м над уровнем реки находится очень крупная мезо-неолитическая кремнеобрабатывающая мастерская **Белая Гора 1** (32). Поверхность мастерской распахивается. Среди основной массы позднейших находок четко выделяется более ранняя примесь из глубоко патинированных кремней с частично разрушенной поверхностью. Патинированные кремни рассредоточены по всей поверхности террасы и не образуют какого-либо скопления. В небольшой серии (32 шт.) патинированных кремней выделяются два остаточных ядрища (рис. 69, 4), 26 отщепов и обломков, остроконечник с противоположной ретушью (рис. 69, 3), конвергентное скребло с зубчатой обработкой (рис. 69, 2) и небольшой лимас (рис. 69, 1).

ГЛАВА 5. БЕЛОКУЗЬМИНОВКА – ПАМЯТНИК В БАССЕЙНЕ р. БЕЛЕНЬКАЯ

Долина левобережного притока Казенного Торца – реки Беленькой – практически полностью

проложена в меловом массиве Бахмутско-Торецкой котловины. Весь правый берег этой небольшой степной реки состоит из меловых обнажений и осыпей, местами образующих живописные скалы. Обилие кремня в меловых породах способствовало активной эксплуатации этого микрорайона в каменном веке, в основном, с целью обработки каменного сырья. Среди серии памятников каменного века (преимущественно, это неолитические мастерские) выделяется только один палеолитический пункт, известный как **Белокузьминовка (33)** по одноименному селу Константиновского района Донецкой области.

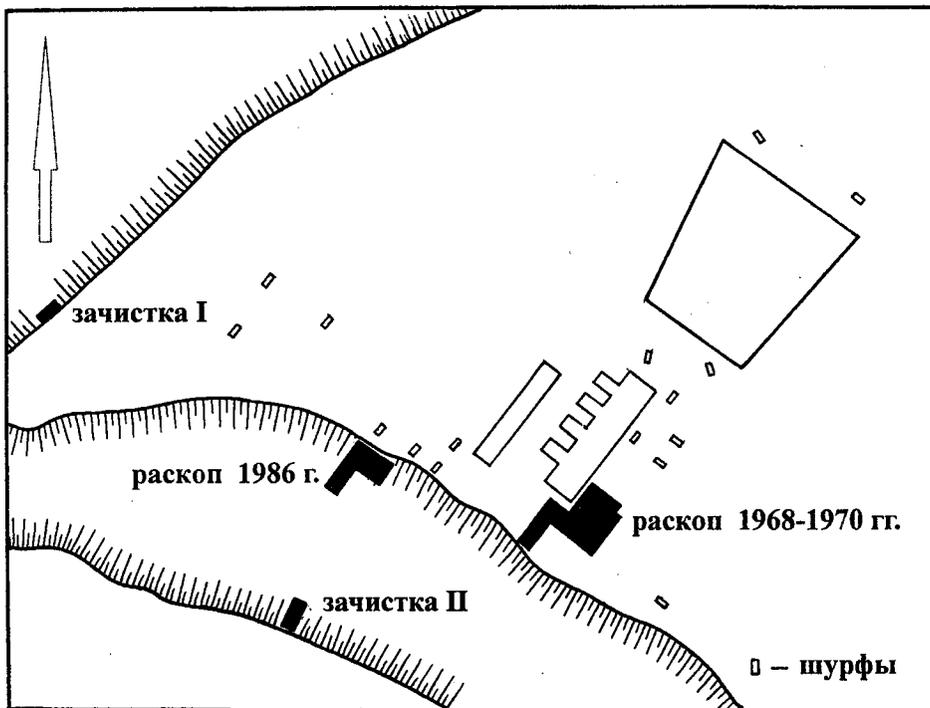
В 1965 г. во время проведения студенческой практики В.Я. Устенко (ассистент кафедры всеобщей истории исторического факультета Донецкого пединститута) по заданию Д.С. Цвейбель обследовал меловые кремненосные районы в бассейне рек Кривой Торец и Беленькая. Маршруты разведок пролегли в окрестностях сел Ашурково, Семеновка и Белокузьминовка Константиновского района Донецкой области, у г. Краматорск. На левом террасированном берегу Беленькой были найдены несколько неолитических кремнеобрабатывающих мастерских, поселение бронзового века [Устенко, 1965]. В с. Белокузьминовка у совхозного общежития (т. н. «Дом учителей») в стенке оврага В.Я. Устенко обнаружил несколько палеолитических патинированных кремней. Зачистка стенки показала, что кремни происходят из горизонта с обильными культурными остатками. Этот участок локализуется в восточной части села и занимает мысовидную площадку, оконтуренную правым берегом реки и правым берегом безымянной балки.

История исследования

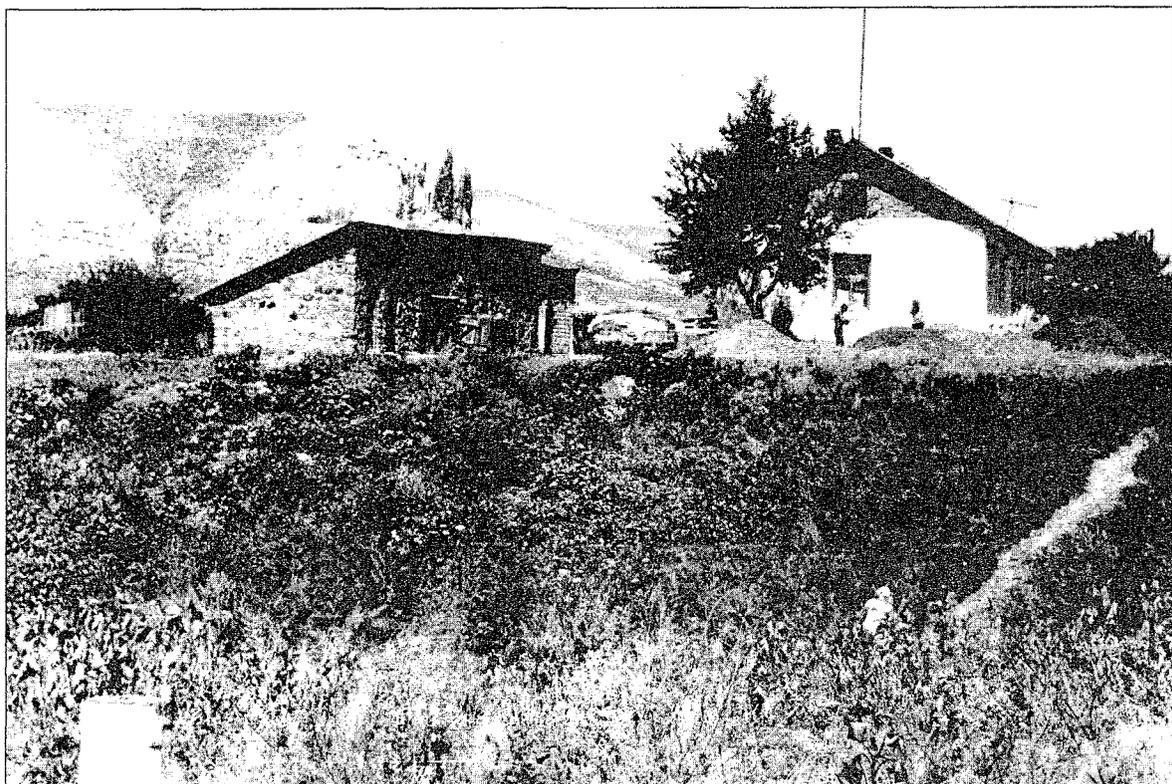
Стационарные работы в Белокузьминовке планировались в 1967 г., но трагическая гибель В.Я. Устенко накануне выезда экспедиции изменила эти планы. К раскопкам Белокузьминовки Д.С. Цвейбель приступила лишь в 1968 г. Работы велись три полевых сезона. Была вскрыта площадь 104 м кв. в непосредственной близости от «Дома учителей». От раскопа к склону балки спущена траншея (рис. 70). Общая глубина раскопа была доведена до 2-х м, квадраты V-VII (тяготеют к склону балки) углублены до 4.6 м. В пределах раскопа зондировались и другие участки, но они не дали находок обработанных кремней. Помимо раскопа, на мысовидной площадке была заложена серия шурфов, которые позволили проследить пространственную локализацию палеолитических кремней в покровных суглинках на ограниченном участке в районе совхозного общежития. За время раскопок стоянки Д.С. Цвейбель собрала большую коллекцию расщепленных кремней, многие из которых несут следы механических повреждений. На основании внешнего вида кремней автор раскопок определила зубчатый характер белокузьминовской индустрии. Первые результаты работ прозвучали в предварительном сообщении [Цвейбель, 1971] и в докладе Д.С. Цвейбель на всесоюзной археологической конференции в Тбилиси. В 1970 г. геологические разрезы стоянки консультировала И.К. Иванова. В 1972 г. материалы раскопок изучались В.П. Любиным, а в 1974 г. памятник и коллекцию изучал Н.Д. Праслов.

Дебют Белокузьминовки был непростым. Часть специалистов приняли мустьерскую датировку памятника и определение индустрии в качестве зубчатой [Гладилин, 1976; Любин, 1977, с.123], часть - нет. Н.Д. Праслов предложил свое понимание этих материалов [Праслов, 1984, с.102].

В 1986 г. для решения спорных вопросов геологии к сохранности комплекса были приняты небольшие дополнительные работы на памятнике [Герасименко, Колесник, 1989; 1992]. Раскоп 1986 г. имел площадь 24 м кв. и располагался на склоне балки в 35-ти м к западу от раскопа Д.С. Цвейбель. От раскопа в пойму балки была спущена стратиграфическая траншея (фото

1

2

Рис. 70. Белокузьминовка. Ситуационный план (1). Вид раскопов 1970 г. (2).
 Fig. 70. Belokuzminovka. Situation plan (1). Excavation view of 1970 (2).

на обложке). Осуществлены также две зачистки склонов балки. Коллекция из нового раскопа составила около 1 тыс. каменных артефактов.

Методика раскопок

Из-за значительной мощности культурно-содержащего горизонта в ходе раскопок 1968-1970 гг. кремневые изделия выбирались по условным горизонтам-«штыкам». В 1986 г. все находки фиксировались на планах в виде точек. Для удобства сравнения с материалами раскопок прежних лет, планы находок 1986 г. составлялись для каждого условного горизонта взятия мощностью в 20 см. В обоих случаях в качестве репера использовался уровень верхнего среза фундамента «Дома учителей» в его западном углу. Раскоп Д.С. Цвейбель огибал южный угол фундамента дома и траншеей доходил до склона балки. Наш раскоп расположился на склоне и прорезал балочные отложения до уровня грунтовых вод в пойме (рис.70, 1). Таким образом, был получен протяженный поперечный разрез современного правого борта балки и определена локализация ее древнего русла.

Стратиграфия памятника и краткий тафономический анализ культурных остатков

Д.С. Цвейбель различала в своих раскопах разнородные по структуре и цвету верхне-

четвертичные суглинки. После консультаций с И.К. Ивановой, Д.С. Цвейбель выделила лессовидный суглинок, залегающий до глубины 2.0 м, и ископаемую почву на глубине ниже 2.0 м без дифференциации на отдельные горизонты, хотя различия в ее строении были показаны на сводной стратиграфической колонке раскопов 1968-1970 гг. (рис.71). Темноокрашенную почву, вскрытую в нижней части разреза, Н.Д. Праслов определил как ресс-вюрмскую [Праслов, 1984, с.103].

Более детальная характеристика стратиграфии памятника выполнена Н.П. Герасименко в 1986 г. [Герасименко, Колесник, 1992]. В северо-восточной стенке раскопа определены следующие верхнечетвертичные отложения:

0.0 - 0.4 м - голоценовый (e IV hl) чернозем среднесмытый; представлены горизонты Нр/к (0.0 - 0.2 м) и Рнк (0.2 - 2.4 м). Горизонт Нр/к темно-серый, в нижней части с карбонатным псевдомицелием. До гл. 0.2 м встречаются немногочисленные кремни неолитического возраста, найден обломок кости; кремни без патины, залегают в непереотложенном состоянии. Горизонт Рнк - темновато-бурый, пылевато-среднесуглинистый, комковатый, сплошь пропитан карбонатами, с большим количеством кротовин, выполненных темно-серым гумусированным материалом. Содержит небольшое количество патинированных отщепов и оскол-

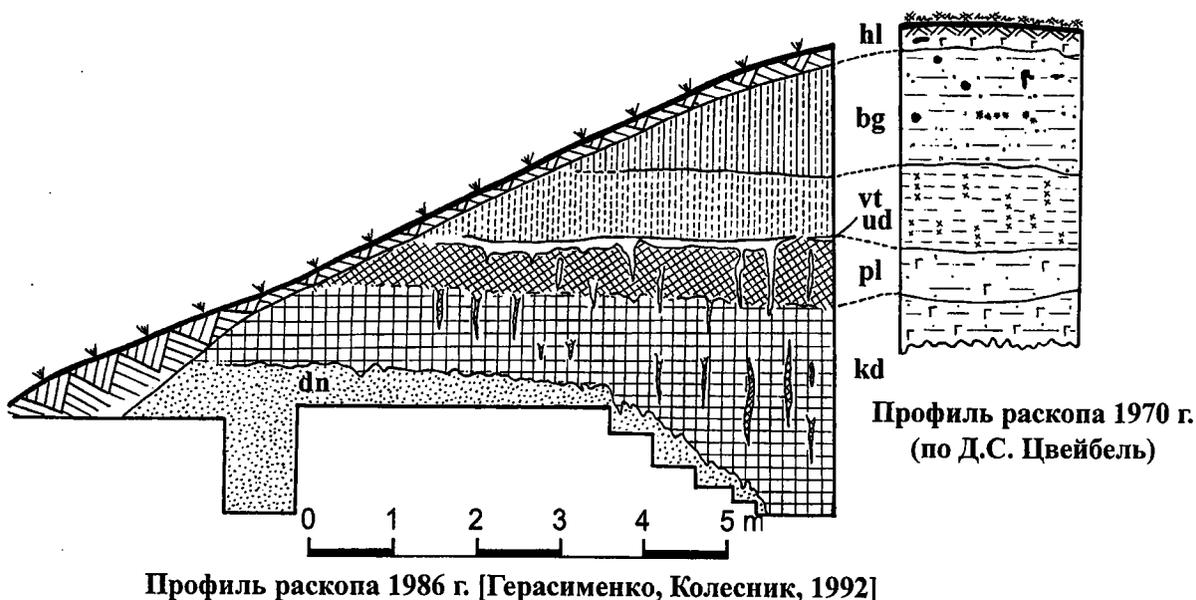

Рис. 71. Белокузьминовка. Стратиграфия памятника.
Fig. 71. Belokuzminovka. Site stratigraphy.

ков, видимо, поднятых из нижележащих суглинков землеройными животными.

0.4 - 1.5 м - бугский (vd III bg-f) лессовидный суглинок светло-буровато-палевый, средний, пылеватый, с глыбистыми и столбчатыми отдельностями, содержит большое количество карбонатных новообразований. Встречаются кротовины, выполненные материалом чернозема; переход вниз очень постепенный. Содержит весьма многочисленные остатки кремневой индустрии.

1.5 - 1.9 м - бугский (vd III bg-c) лессовидный суглинок, близкий к вышележащему, но с появлением серовато-сизых оттенков, несколько плотнее, с пунктацией гидроокисдно-железисто-марганцевыми соединениями. В большом количестве содержит выцветы мелкокристаллического гипса. Переход вниз постепенный. Количество обработанных кремней существенно уменьшается.

1.9 - 2.7 м - витачевский (e III vt) горизонт, представлен тремя короткопрофильными почвами, сформированными при участии склоновых процессов. Почва заключительной стадии почвообразования (1.9 - 2.15 м) по габитусу близка к лессам, отличается от них более темной бурой окраской, появлением на гранях отдельностей коллоидных пленочек, а также более тяжелым гранулометрическим составом. Материал комковато-призматический, содержит мелкие выцветы гипсов. По морфологическим признакам почву можно отнести к бурым полупустынным. Почва поздней стадии оптимума (2.15 - 2.45 м) серовато-бурой окраски, тяжело-суглинистая, комковато-глыбистой структуры, пропитана карбонатами, содержит выцветы гипсов, проникающие из вышележащей почвы и с боковым привносом, с тонкопотечной нижней границей. Почва ранних стадий оптимума (2.45 - 2.70 м) наиболее яркой бурой окраски, тяжело-суглинистая, опесоченная, плотного сложения, призматической структуры, также включает многочисленные гнездышки мелкокристаллического гипса. Нижняя граница языковатая. Карбонатный иллювий прослеживается под ней в виде сплошного прослоя мучнистых углесолей кальция. Почва поздней стадии оптимума с признаками оглинивания материала, слабого гумусонакопления, слабого выщелачивания карбонатов и засоления сформована, вероятно, в условиях континентального, но достаточно теплого климата под открытыми незалесенными

ландшафтами. Почва ранних стадий оптимума может быть по сумме признаков сопоставлена с темно-бурыми почвами, выделенными для витачевского этапа в северной части современной степной зоны [Веклич, Сиренко та ін., 1973; Сиренко, Турло, 1986]. В этих почвенных слоях залегают разрозненные кремневые изделия.

2.7 - 2.8 м - удайский (vd III ud) лессовидный суглинок, прослеживается пятнами между языками витачевского почвенного материала, буровато-палевый, тяжелый, слабо уплотненный, без четкой структуры, карбонатный, проникает в нижележащую толщу по узким ветвящимся трещинам (жилам) длиной до 1.3 м. Суглинок содержит единичные кремни.

2.8 - 3.5 м - прилукская (e III pl) лугово-каштановая почва. Четкая дифференциация на генетические горизонты отсутствует. Количество гипса меньше, чем в витачевском горизонте. Почвенный материал серый с буроватым оттенком, среднесуглинистый, структура пылеватая-комковатая; толща пронизана карбонатными трубочками; переход вниз постепенный. В прилукской почве встречаются единичные кремни, как мелкие, так и средние. Замечено, что более пагинированные кремни попадают в суглинистом заполнении трещин.

3.5 - 4.2 м - кайдакская (e II kd-b2) лугово-черноземная почва. Н горизонт (3.5 - 4.0 м) - темно-серый до черного, среднесуглинистый, комковато-зернистый, рыхлый, с явно вторичной карбонатной пропиткой, мелкокристаллическим гипсом. Равномерное распределение гипса по профилю свидетельствует о боковом его привносе. В интервале 4.0 - 4.2 м (горизонт Нр) гумусовая окраска бледнеет. Нижняя граница горизонта неровная. Встречаются единичные кремни без патины, которые залегают и в трещинах, и в почвенной породе.

4.2 - 4.5 м - днепровский (dp) лесс желтовато-палевый, легкий, бесструктурный, пропитан карбонатами в дисперсной форме, содержит гумусированные кротовины. Археологически стерилен.

Как видим, в разрезе раскопа 1986 г. горизонты залегают в правильной стратиграфической последовательности, свидетельствующей об отсутствии продолжительных перерывов в осадконакоплении. Невыраженность среднеплейстоценового тясминского (московского) горизонта, следующего за днепровским лессом, характерна для восточной части Украины и

объясняется переработкой первичного мало-мощного тясминского лессового горизонта последующим почвообразованием [Веклич, 1968; Веклич, Сіренко та ін., 1973]. В целом, на изучаемом участке склона в днепровско-бугском отрезке плейстоцена преобладала аккумуляция мелкозема. Следующие за бугскими отложения последующих стадий пленигляциала в разрезе отсутствуют. Таким образом, разрез полностью покрывает «мустьерский» отрезок хроностратиграфии верхнего плейстоцена.

Ниже по склону балки в ее устье на правом берегу на месте небольшого глинокопного карьера в 1986 г. выполнена зачистка №1 глубиной 6 м. Она вскрыла неполный разрез отложений верхнего и среднего плейстоцена. Схематично Н.П. Герасименко определяет здесь следующие отложения:

0.0 - 0.7 м - черноземная почва;

0.7 - 2.2 м - бугский лессовидный суглинок;

2.2 - 3.4 м - делювий витачевских почв двух стадий;

3.4 - 3.6 м - днепровский светло-палевый лессовидный суглинок;

3.6 - 6.0 м - завадовская коричневато-бурая лесная почва.

Археологические остатки в виде нескольких мелких кремневых отщепов встречены лишь в витачевском делювии.

В зачистке №2, расположенной на левом берегу балки напротив раскопа 1986 г., под современной почвой (0.0 - 0.7 м) до гл. 4.5 м пройден легкий желтовато-палевый лесс, аналогичный днепровскому лессу из раскопа.

Раскопом и зачистками не вскрыт полный разрез аллювия террасы, что не позволяет без дополнительных исследований точно установить ее возраст. Однако, он явно доднепровский, не моложе завадовского (т. е. начала среднего плейстоцена).

В последнепровское время в террасу была врезана балка, вскрытая раскопом 1986 г. и прилегающей к нему траншеей. Направление тальвега балки не ясно. В фазу затухания эрозии происходило выполнение балки мелкоземом, а затем формирование полнопрофильной кайдакской почвы. Последняя сформировалась на слабо опесоченном материале, что возможно при дальнейшем замедлении процессов смыва. Делювий балки, вскрытый на небольшой площади, не содержит находок обработанных крем-

ней. Они встречаются непосредственно в материале почвы над аккумулятивным заполнением балки.

Смыв несколько усилился во время образования прилукской и особенно витачевских почв, о чем говорят запесоченность, характер новообразований, изменение мощностей и выраженности генетических горизонтов этих почв. Сильная нарушенность прилукских отложений мерзлотной деформацией и малое количество находок затрудняют определение степени переотложенности этих кремней.

Не вызывает сомнений переотложенность кремневой индустрии витачевского времени. Своеобразным показателем сортировки этого материала является наличие нескольких мелких и мельчайших чешуек в витачевском делювии, вскрытом ниже по склону зачисткой №1. В пределах раскопа витачевские горизонты, наоборот, содержат очень небольшое количество мелкой кремневой фракции.

В бугское время интенсивность делювиального смыва уменьшалась от времени накопления нижней толщи к верхней. Делювиальный индекс бугского лессовидного суглинка в целом незначительный. Верхняя толща суглинка накапливалась в условиях, исключающих размыв и перенос культурных остатков.

Такова стратиграфическая оценка отложений Белокузьминовки по результатам работ в 1986 г.

Как отмечалось, полученные результаты хорошо коррелируются со стратиграфическими наблюдениями Д.С. Цвейбель (рис. 71). Исследовательница выделяла лессовидный суглинок, залегающий до 2 м, и мощную нижнюю ископаемую почву. В раскопе 1986 г. бугский лессовидный суглинок прослеживается до гл. 1.9 м, ниже залегают пачка из нескольких ископаемых почв разной сохранности с редкими лессовыми прослоями. Такое совпадение горизонтов не случайно, так как раскопы разных лет разделены сравнительно небольшим расстоянием и врезаны в участки мысовидной площадки с одинаковой абсолютной высотой.

Стратиграфические исследования Белокузьминовки в 1986 г. являются ключом к разделению основной коллекции 1968-1970 гг. на отдельные комплексы. Деление материалов по стратиграфическому основанию, в основном, совпадает с делением по археологическим критериям и степени сохранности кремней. В со-

ответствии с этим мы разделяем сборы всех лет по стратиграфическим горизонтам и рассматриваем их как самостоятельные коллекции. Выделяются бугская (гл. 0.4 - 2.0 м), витачевская (2.0 - 2.7 м), прилуцкая (2.8 - 3.5 м) и кайдакская (3.5 - 4.2 м) коллекции.

При исследовании памятника выявлены определенные планиграфические закономерности в распределении культурных остатков в разновозрастных отложениях.

Границы распространения раннебугского комплекса установлены, в основном, работами 1968-1970 гг. Серия шурфов размерами 1.0 x 1.5 м и произведенная тогда зачистка стенки водопроводной траншеи в юго-западной части мыса позволяют локализовать скопление культурных остатков в бугском лессовидном суглинке на участке приблизительно 70x50 м. Это скопление вытянуто вдоль правого борта современной балки. В его центре располагается «Дом учителей»; здесь же Д.С. Цвейбель производила свои основные раскопки. Этот участок склона представляет собой выположенную поверхность с незначительным понижением в сторону поймы реки. Раскоп 1986 г. прорезал периферию скопления в бугском суглинке с такой же высокой концентрацией палеолитических кремней. Вниз по склону к пойме насыщенность бугского суглинка кремневыми изделиями резко уменьшается. В зачистке №1 в бугском суглинке кремневые изделия не найдены; нет их и в обнажении суглинка выше по склону балки за «Домом учителей». Раскопами вскрыта лишь небольшая часть верхнего горизонта находок, однако почти половина площади скопления занята современными постройками и недоступна для исследований.

Кремни из бугского суглинка залегают во взвешенном состоянии, с произвольной ориентацией осей и плоскостей многих мелких предметов. Отмечается заметная вертикальная концентрация кремневых изделий на глубине 0.6 - 0.8 м. и на глубине 1.4 - 1.6 м. Крупные кремни залегают в основном горизонтально. Кремни интенсивно патинированы (фарфоровидная патина с матовым отливом), часто с механическими повреждениями, температурными трещинами и мелкими ячейками поверхностного выветривания. Какой-либо сортировки на размерные фракции нет: крупные и мелкие кремни залегают вперемешку. Чешуек и мелких осколков значительное количество.

Существуют различные мнения по поводу сохранности культурных остатков Белокузьминовки вообще и, в частности, кремней из покровного лессовидного суглинка. Отсутствие привычных атрибутов культурного слоя, растянутость находок по вертикали и их плохая внешняя сохранность ассоциируются с активным постгенетическим разрушением слоя. Степень этого разрушения оценивается по разному, от небольшой, по И.К. Ивановой [Цвейбель, Колесник, 1987, с.4], до весьма значительной, по Н.Д. Праслову [Праслов, 1985, с.103; 2001, с. 30].

Важным обстоятельством, проясняющим природу образования бугского горизонта культурных остатков, является характер вертикального распределения кремней в толще суглинка. В 1986 г. удалось проследить концентрацию кремней на гл. 0.6 - 0.8 м и на гл. 1.4 - 1.6 м. Концентрация материалов на тех же глубинах определяется и по описи 1968-1970 гг. Скорее всего, уровни концентрации кремней отмечают первоначальное положение двух культурных слоев бугского времени.

Движение культурных остатков в лессово-почвенном материале вверх и вниз из первоначального горизонта накопления является нормальным состоянием для многих памятников открытых ландшафтов. Как известно, в условиях медленной седиментации отложений погребенный культурный слой испытывал влияние различных процессов. Наибольший разрушительный для слоя эффект был связан с некоторыми криогенными явлениями в фазу похолодания и деятельностью землеройных животных в фазу потепления климата. Криогенные процессы деформации слоя проявляются в солифлюкционном перемещении, появлении мерзлотных трещин и в эффекте вытаивания [Демек, 1977], при котором происходит массовое перемещение мелких предметов в верхнюю толщу седиментов. Первоначально компактный слой остатков увеличивается в мощности и включается в соседние горизонты седиментов. Похожий тафономический эффект дают также различные землеройные животные.

Подобные характеристики целиком применимы не только по отношению к находкам из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки. Аналогичная ситуация отмечена нами при раскопках позднепалеолитической мастерской Висла Балка в Подонцовье [Колес-

ник, Леонова, 2002]. Расщепленные кремни залегают здесь в горизонте мощностью до 1 м, начиная от современной почвы до причерноморского лесса. При этом основной уровень концентрации кремней связан с глубиной 0.6 м - с одним из верхних горизонтов переработанного голоценовым почвообразованием лесса. На этой же глубине распределяется основное количество связей между многочисленными аппликациями. Интересно, что детали одной складанки могут находиться на расстоянии более 0.6 м по вертикали. Без сомнения, уровень концентрации кремней и системы связей маркирует здесь первоначальное положение палеолитического горизонта культурных остатков, который в результате постгенетической деформации был растянут по всему профилю современной почвы.

Преимущественное постгенетическое «прораствание» слоя вверх имеет место и в голоценовых комплексах. Так, на раннеолитической стоянке Матвеев Курган в Приазовье взвешенные культурные остатки залегают во всей толще современной почвы мощностью до 1 м, в то время как достоверные остатки *in situ* в виде очагов и жилых конструкций находятся в основании почвы, в раннеолитических по возрасту седиментах [Крижевская, 1989].

Подобным образом, возможно, произошло накопление культурных остатков в двухметровой пачке бугских лессовидных суглинков Белокузьминовки. Столь значительное перемещение кремней по вертикали может объясняться активизацией криогенных процессов на втором этапе бугского периода осадконакопления. Этот период был связан с максимумом похолодания и отличался особо экстремальными климатическими условиями. Своеобразным показателем суровых климатических условий этого периода является разрушение поверхности многих кремневых изделий в виде ячеистого шелушения. Специфические чешуйки шелушения довольно многочисленны в коллекции из бугского лесса [Цвейбель, Колесник, 1992].

Таким образом, автор склонен считать два уровня концентрации находок в бугском лессе остатками двух слоев сильно разрушенной криогенными процессами палеолитической стоянки, а не своеобразным конусом выноса. Проведенный Н.П. Герасименко анализ бугских седиментов исключает возможность размыва и переноса остатков в это время.

Скорее всего, стоянка бугского времени появилась на берегу реки тогда, когда заполнение древней балки мелкоземом было уже завершено, и склон берега представлял собой выложенную террасовую площадку.

Вся нижележащая пачка почвенно-лессовых отложений, судя по поперечному разрезу склона современной балки, имеет слабый наклон в сторону предполагаемого тальвега древней балки, т. е. является ее аккумулятивным заполнением. Делювиальный индекс этих отложений хорошо выражен и включенные в них археологические остатки явно переотложены с каких-то более высоких несохранившихся участков террасы реки. Судя по макропризнакам почвенных седиментов, переотложение носило характер плоскостного смыва. Характерно залегание кремней в почвенных отложениях не на всей площади раскопов, а преимущественно на участках, тяготеющих к современному склону балки. В раскопе 1968-1970 гг. находки кремней ниже 2-х м были связаны только с южными квадратами, хотя многие квадраты были прокопаны Д.С. Цвейбель до гл. 4.6 м. Видимо, все включенные в витачевские, прилукскую и кайдакскую почвы кремневые изделия, несмотря на их гораздо более лучшую, по сравнению с бугскими кремнями, сохранность, следует оценивать как горизонтально перемещенные остатки, накопленные в аккумулятивном заполнении древней балки. Сохранность этих кремней прямо пропорционально зависит от скорости переотложения. Более свежие на вид кремневые изделия залегают в нижней части почвенной пачки, которая накапливалась быстрее, чем последующие отложения.

Таким образом, мы предполагаем два варианта переотложения культурных остатков в Белокузьминовке – постгенетическое вертикальное переотложение для бугских кремней и сингенетическое горизонтальное переотложение для всех нижележащих почвенно-лессовых отложений и включенных в них остатков.

Если после вертикального переотложения еще можно восстановить начальную пространственную локализацию культурных остатков, то горизонтальное переотложение полностью уничтожает первоначальный планиграфический контекст. Без проведения специальных дополнительных исследований не ясно, происходят ли делювиально перемещенные кремни из нескольких одновременных стоянок (синхронных этапам

осадконакопления) или из одной стоянки, которая периодически размывалась в разные отрезки времени. Обе версии теоретически допустимы в одинаковой степени. Исходя из общей стратиграфической ситуации, технико-типологических различий между кремнями из отдельных почвенных горизонтов и неодинакового индекса делювиального смыва, мы предполагаем одновременность включенных в витачевскую и прилуцкую ископаемые почвы материалов и рассматриваем их как самостоятельные археологические комплексы. Возможно, кремни из верхов кайдакской почвы имеют прилуцкий возраст и попали вниз по мерзлотным трещинам.

Для упрощения восприятия материалы раскопок разных лет рассматриваются суммарно в рамках выделенных комплексов.

Сырьевая база

Сырьевой основой всех комплексов является местный верхнемеловой кремь, который в большом количестве встречается на противоположном правом берегу р. Беленькая. Особо обильные россыпи кремня отмечаются на по-

верхности меловой осыпи вокруг высокой (около 70 м) меловой скалы, расположенной приблизительно в 0,7 км к северо-востоку от стоянки. В меловой толще содержится несколько прослоев кремня в форме небольших ветвистых конкреций. Наиболее крупные и объемные конкреции имеют размеры до 15 - 20 см. Кремь преимущественно серый и темно-серый стекловидный, кварцево-халцедоновый, с тонкой карбонатной корочкой. Пластические свойства кремня высокие, он легко колетса в любом направлении. Более детальная характеристика кремневого сырья затруднительна, так как практически все происходящие из раскопов кремни покрыты плотной патиной.

Единственным экземпляром представлен окремнелый известняк, также происходящий из отложений мелового возраста.

Коллекция из бугского лесса

Кремневые материалы из этого стратиграфического слоя однородны не только по степени сохранности, но и по технико-типологи-

	Количество	%
Конкреции и куски кремня без следов обработки	123	1.3
Конкреции со следами оббивки	91	0.9
Пренуклеусы	20	0.2
Куски и фрагменты пренуклеусов	72	0.7
Нуклеусы и их фрагменты	169	1.7
Отбойники	3	0.1
Отщепы тривиальные	6145	62.8
Чешуйки и мелкие осколки	1119	11.5
Пластины (включая реберчатые)	711 (+5)	7.3
Пластинчатые отщепы	62	0.6
Реберчатые сколы	91	0.9
Заготовки орудий	25	0.3
Орудия	334	3.4
Зубчатые предметы	360	3.6
Фрагменты орудий	73	0.6
Отщепы с ретушью	257	2.6
Вентральный скол	1	0.1
Скол формирования бифаса	1	0.1
Сколы подживления орудий	31	0.3
Температурные «сколы»	25	0.3
Обожженные кремни	46	0.5
Итого:	9764	100%

Таблица 16. Белокузьминовка. Состав коллекции кремней из бугского лесса.

ческим критериям. Как отмечалось, горизонты концентрации кремней отмечены на глубине 0.6 - 0.8 и 1.4 - 1.6 м. Поскольку мы предполагаем преимущественное криогенное постгенетическое движение кремней вверх из первоначального горизонта накопления культурных остатков, границу между условными горизонтами в современном состоянии следует проводить по основанию верхнего уровня концентрации, то есть на глубине около 1 м.

Всего в бугском лессовидном суглинке найдено 9764 кремня (таблица 16), из них 9203 шт. – в раскопах 1968-1970 гг., 561 шт. – в раскопе 1986 г.

Техника нуклеусного расщепления кремневой индустрии из бугского лессовидного суглинка.

Технология нуклеусного расщепления документирована большим количеством пренуклеусов, нуклеусов на различной стадии сработанности, «целевыми», тривиальными и служебными сколами. Кремневая индустрия существовала в условиях избытка сырьевой массы, поэтому в ней велика доля неутилизованных отходов начального цикла расщепления. Сырье перерабатывалось достаточно полно.

Конкреции и их фрагменты без следов обработки (123 шт.). Наиболее крупные достигают в длину 10 см. Поверхность мягко моделирована. Корпус конкреций удлиненный или объемный. Присутствие в коллекции небольшого количества неиспользованных конкреций свидетельствует о поступлении на стоянку части сырья без предварительного тестирования на месте меловых обнажений.

Конкреции и куски кремня со следами предварительной оббивки (91 шт.) относительно многочисленны. Обработка не носит системный характер и ограничивается несколькими пробными сколами.

Пренуклеусы (20 шт.). В качестве исходных форм использовались плоские кремневые конкреции (5), массивные первичные отщепы (5), угловатые куски кремня (3) и цилиндрические или пальцевидные конкреции (7). Максимальные размеры пренуклеусов – 12.5 см. Форма предмета непосредственно влияла на характер последующей обработки. На плоских конкрециях и массивных отщепках создавались поперечные площадки и уплощенный рабочий фронт (рис. 76, 7), на угловатых кусках просматривается ситуационное

расположение основных элементов системы расщепления, края цилиндрических конкреций оббивались как чоппер или на них формировались поперечные площадки и продольные ребра. Судя по пренуклеусам, при отборе сырья предпочтение отдавалось уплощенным отдельностям, которые в дальнейшем трансформировались в полюсные нуклеусы с уплощенным или слабовыпуклым рабочим фронтом. По крайней мере, 5 пренуклеусов имеют черне сформированную конструкцию. Это четырехугольная заготовка с уплощенным фронтом и выпуклым тылом и четыре удлиненные объемные заготовки с поперечной площадкой. На двух объемных заготовках оформлены продольные ребра.

Куски нуклеусов или пренуклеусов (43 шт.) – части нуклеидных изделий разных типов, отколовшиеся по естественным трещинам.

Фрагменты нуклеусов или пренуклеусов (29 шт.) – части нуклеидных изделий, расколовшиеся при их искусственном расщеплении.

Отбойники (3 шт.). Два из них – классические округлые кремневые конкреции размерами 5-6 см с интенсивно забитыми краевыми участками. Третий отбойник – нуклеидный кусок с участком корковой забитой поверхности. Площадь функциональных участков колеблется от 1 до 5 см кв. У наиболее массивного образца интенсивная работа привела к уплощению забитого участка.

Среди нуклеусов выделяются атипичные леваллуазские черепаховидный и острыйные ядрища, маловыразительные радиальные формы, многочисленные и разнообразные площадочные нуклеусы с уплощенным или слабовыпуклым рабочим фронтом и несколько разновидностей грубых нуклеусов с объемным (или торцевидным) скалыванием. Основное количество ядрищ может быть описано в рамках типологии среднего палеолита.

Атипичный черепаховидный нуклеус (1 шт.). Имеет неправильно-овальный плоский корпус с уплощенным рабочим фронтом и слабовыпуклой тыльной корковой стороной, одну фасетированную площадку (рис. 73, 4). Рабочий фронт оббит от краев к центру. Сохранились негативы крупных центральных сколов, отделенных от основной площадки. Сработан предельно полно.

Одноплощадочные нуклеусы с уплощенным и слабовыпуклым рабочим фронтом и конвергентной огранкой (7 шт.). Отличаются неправильно-треугольной формой, имеют одну выпуклую в пла-

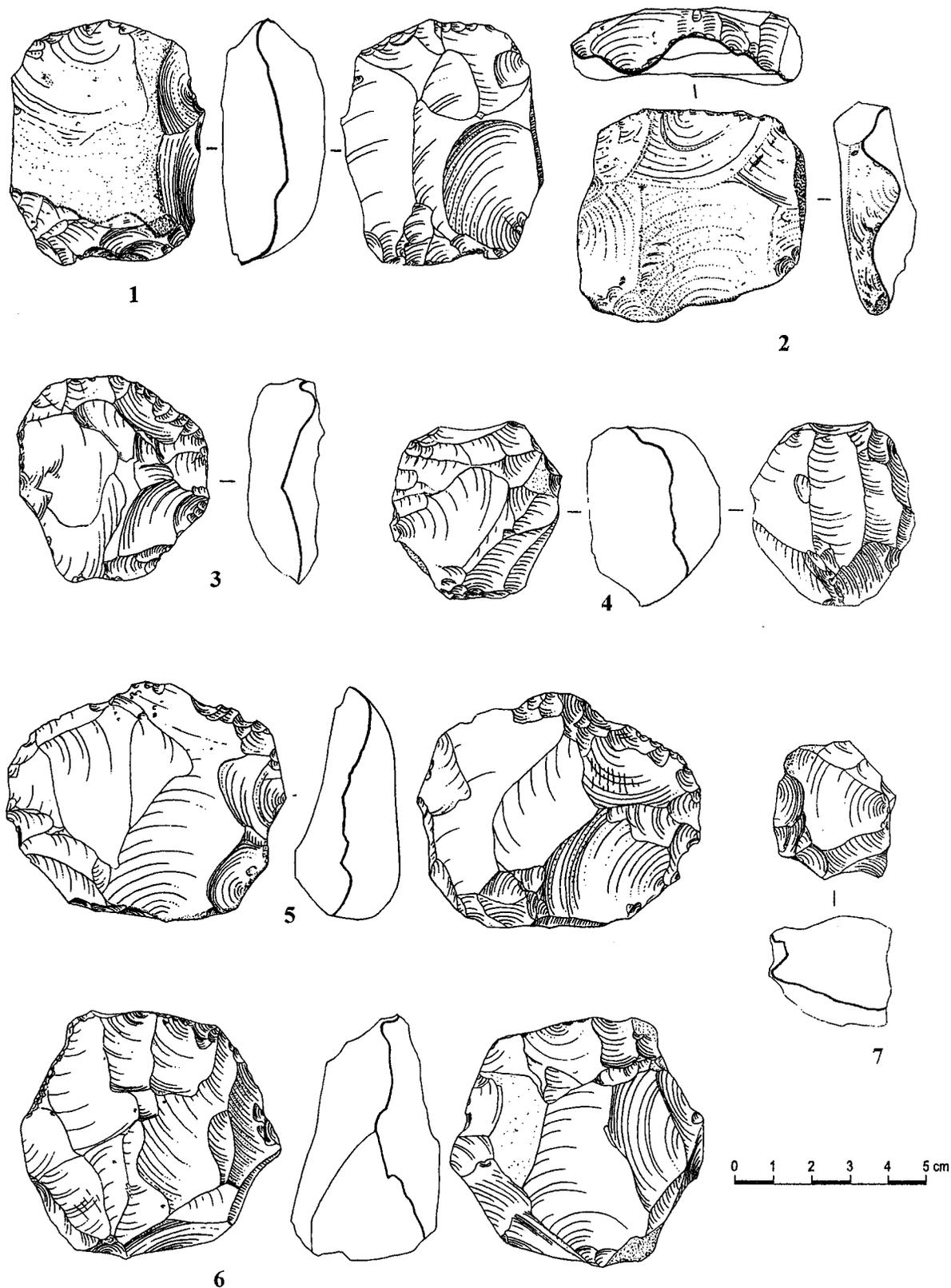

Рис. 72. Белокузьминовка. Нуклеусы из бугского лесса.
 Fig. 72. Belokuzminovka. Cores of the Boug complex.

не площадку. На предельно сработанном плоском образце (рис. 75, 7) на узком основании оформлена небольшая вспомогательная площадка. Устойчивая подтреугольная форма, выпуклая площадка и конвергентная огранка рабочего фронта позволяют рассматривать эти нуклеусы в качестве самостоятельной разновидности. Рабочий фронт уплощен (3) или имеет слабую выпуклость (4). Заготовками служили отщепы или плоские куски кремня. Два нуклеуса в начальной стадии расщепления (рис. 75, 5-6). Видно, что их треугольный в плане рабочий фронт формировался сколами со смежных краев при наличии поперечной площадки. Негативы сколов на остаточных образцах удлиненные с параллельной или конвергентной огранкой.

Радиальные односторонние нуклеусы (2 шт.). Представлены сильно сработанными формами. Изготовлены из отщепов. Организация скалывания необычная – целевое расщепление осуществлялось на дорсальную сторону отщепа-заготовки. На вентральной стороне сохранились остатки площадок.

Радиальные двусторонние нуклеусы (9 шт.), в целом, маловыразительны (рис. 72, 3-6). На одном из образцов (рис. 72, 6) оформлена система скалывания, близкая к веерообразной. Остаточный образец (рис. 72, 4) приближается к шаровидной форме.

Одноплощадочные нуклеусы с уплощенным и слабовыпуклым рабочим фронтом (22 шт.). В качестве исходных форм использовались плоские конкреции и крупные первичные отщепы. Форма нуклеусов приближается к прямоугольной или неправильно-трапециевидной (рис. 73, 1-4, 8). У 9-ти нуклеусов фронт уплощен, у остальных имеет заметную выпуклость. Поперечная выпуклость обеспечивалась продольными сколами с основной площадки, срезающими край фронта и образующими своеобразный торец (3), поперечными сколами «с тыла на фронт» (5) и «с бока на фронт» (3). Размеры относительно устойчивые – 5-6 см в длину. Тонкая обработка площадок отмечена только у 3 образцов. Негативы сколов широкие тонкие, слабоизогнутые удлиненные. Предельно сработанных нуклеусов всего 4.

Двуплощадочные нуклеусы с уплощенным и слабовыпуклым рабочим фронтом (35 шт.). Эти нуклеусы, безусловно, образуют типологическое ядро коллекции ядрищ (рис. 73, 5, 7; 74, 1-7; 75, 1). Форма в плане неправильно-прямоугольная, подквадратная, неправильно-трапециевидная. Тыльная сторона преимущественно выпуклая (26) и

сохранила участки первичной корки (23). Это доказывает использование в качестве исходного материала массивных первичных сколов или плоских отдельностей кремня. В нескольких случаях (4) выпуклость тыльной стороны специально формировалась и поддерживалась. Деление полярных площадок на основные и вспомогательные, в основном, не вызывает сомнений, однако, в 6-ти случаях площадки равновеликие, как и сколотые с них отщепы и пластины. Отчетлива заметна тенденция к прекращению утилизации после снятия последнего центрального скола. Это может рассцениваться как свидетельство цикличности скалывания (не в смысле ориентации на конечный «целевой» скол, а в смысле цикличности повторения всех операций по возобновлению фронта; последний центральный скол – не самоцель расщепления, а всего лишь технологический индикатор завершения цикла). Приблизительно половина нуклеусов сработана до предела.

Двуплощадочные нуклеусы с противоположащим скалыванием (4 шт.). Только у одного нуклеуса скалывание с одной стороны выглядит как способ подправки тыла, у остальных – это самостоятельные системы скалывания (рис. 72, 1). Площадки фасетированы. Подправка фронта осуществлялась поперечными сколами «с бока на фронт» (2) и «с тыла на фронт» (1). Нуклеусы с таким скалыванием принято называть нуклеусами типа Джрабер [Любин, 1961].

Трехплощадочные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом (3 шт.) представляют собой вариант двуплощадочных полюсных нуклеусов, у которых с боковых «вспомогательных» (сделанных для подъема поперечной выпуклости фронта) площадок происходило отделение сколов, по размерам и пропорциям не отличающихся от сколов с «основных» площадок. Морфологически похожи на двуплощадочные полюсные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом (рис. 72, 2).

Нуклеусы продольно-поперечные полюсные с уплощенным рабочим фронтом (9 шт.). Совмещают две независимые системы скалывания на двух сторонах. Площадки гладкие (2), корковые (1), грубо фасетированные (4) и тонко фасетированные (4). Как правило, сочетаются две однополюсные системы скалывания (рис. 75, 2-3). В одном случае двуполюсная встречная система сочетается с однополюсной на другой стороне (рис. 75, 4).

Нуклеусы одно- и двуплощадочные с объемным рабочим фронтом (10 шт.). В прин-

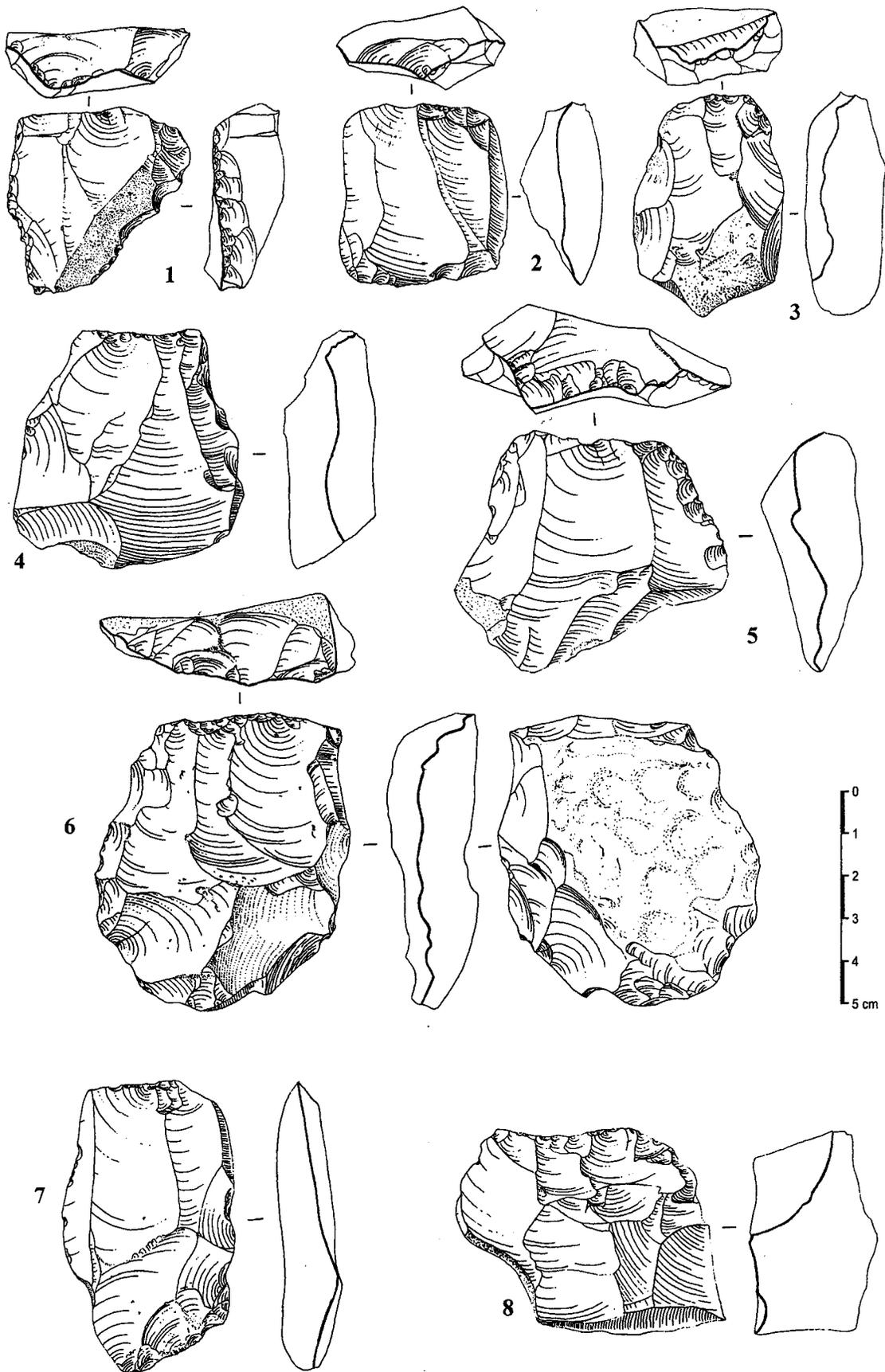

Рис. 73. Белокузьминовка. Нуклеусы из бугского лесса.
 Fig. 73. Belokuzminovka. Cores of the Boug complex.

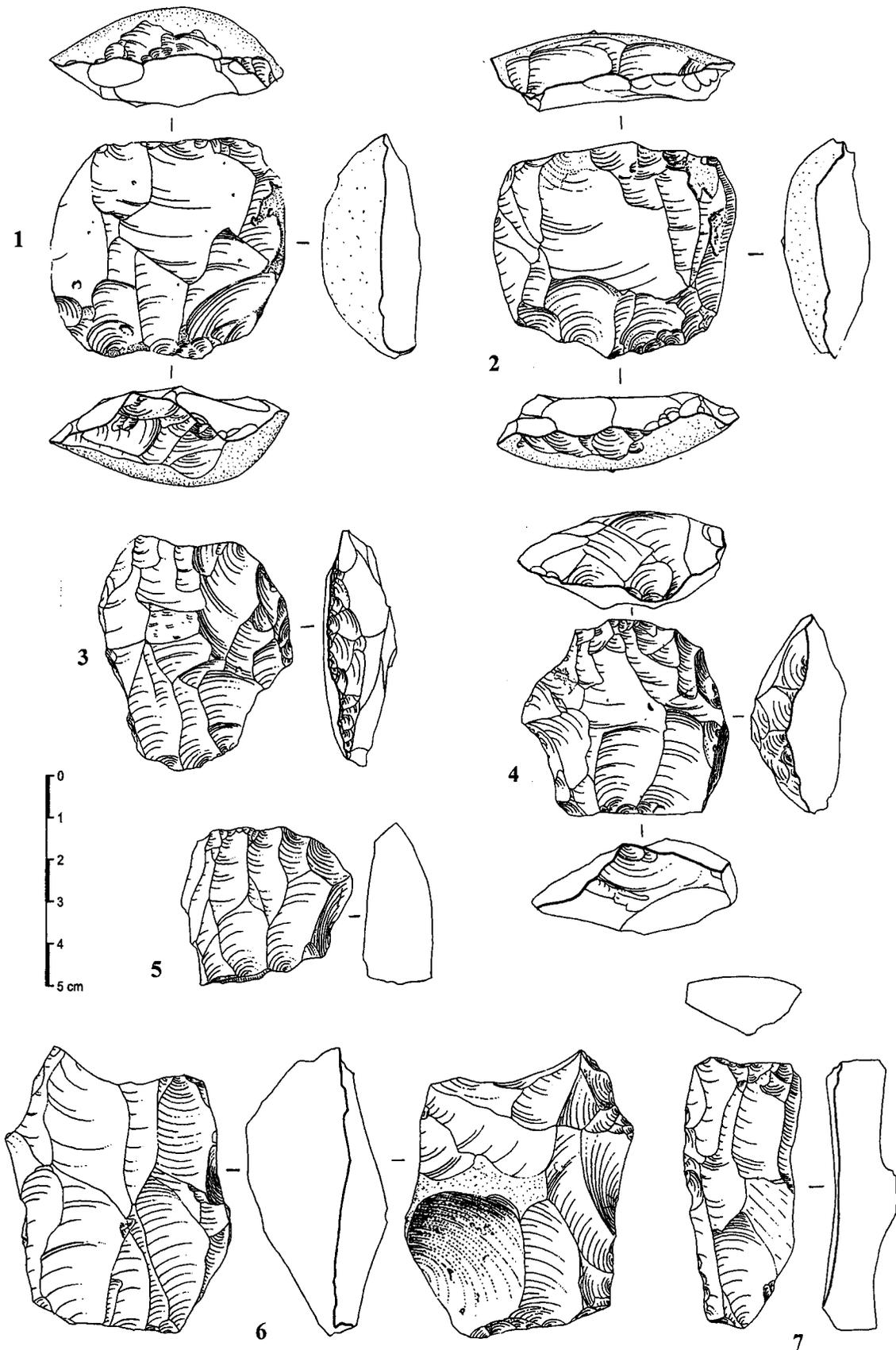

Рис. 74. Белокузьминовка. Нуклеусы из бугского лесса.
 Fig. 74. Belokuzminovka. Cores of the Boug complex.

ципиальном виде это одноплощадочные нуклеусы с поперечной площадкой и удлиненным объемным корпусом (рис. 76, 2-6). Площадки на более узком основании (3) играли вспомогательную роль. У этих нуклеусов отмечается тенденция к скалыванию по всему периметру поперечной площадки, т.е. к призматической огранке рабочего фронта, хотя только один нуклеус имеет грубую круговую оббивку. Два экземпляра сохранили продольные грубо оббитые односторонние реберчатые участки.

Торцевидные нуклеусы (5 шт.) придают всему комплексу из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки особую технико-типологическую окраску (рис. 76, 1-2). В эту группу входят один нуклеус в начальной стадии сработанности и четыре остаточных ядрища. Нуклеус в начальной стадии изготовлен из массивного отщепы с участками корковой поверхности. Остаточные ядрища имеют торцовую огранку, но явно трансформированы из сильно сработанных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. Грубые и короткие торцовые негативы перекрывают все предшествующие сколы на боковых участках этих нуклеусов. Торцовое скалывание выступает здесь как попытка извлечь максимум выгоды их уплощенных нуклеусов с выработанным потенциалом.

Об этом же свидетельствуют и немногочисленные служебные *продольные боковые-торцовые сколы поджизнения нуклеусов* (8 шт.). Они являются ярким индикатором своеобразного приема переориентации системы скалывания. Эти сколы срывали боковые участки уплощенных в ходе утилизации нуклеусов. Судя по остаткам поверхностей, нуклеусы имели уплощенный рабочий фронт, корковую (4) или оббитую (4) тыльную сторону, одну (4) или две (4) полюсные площадки. Предшествующий подъем выпуклости фронта производился по-

перечными ударами «с тыла на фронт» (2) или короткими продольными сколами в торцовой плоскости (6). В ходе этой обработки формировались боковые-торцовые участки, которые удалялись крупными, как правило, изогнутыми сколами. Без сомнения, на предмете обработки образовывались торцовые элементы, которые провоцировали применение торцового метода расщепления.

Представлены еще 5 естественных обломков нуклеусов с похожим оформлением боковых участков.

Вряд ли описанные нуклеусы и служебные сколы могут служить достаточным аргументом для выделения в белокузьминовской индустрии самостоятельного торцового метода получения заготовок, хотя технология обработки торцовых участков, без сомнения, была хорошо знакома древним обитателям стоянки. Если в лессовом комплексе Курдюмовки похожая технологическая новация не выходила за пределы служебного приема поддержания выпуклости уплощенного фронта, то в белокузьминовской индустрии, похоже, мы видим первые шаги становления торцового метода получения пластинчатых заготовок.

Нуклеусы аморфные (46 шт.). Образуют численно очень большую группу. Отличаются бессистемной оббивкой, т.е. отсутствием четкой организации системы скалывания.

Кубовидные нуклеусы (11 шт.). Все образцы сильно сработаны (рис. 72, 7) и могли получиться при предельном истощении нуклеусов, раскалываемых разными методами.

Отщепы. В эту категорию отходов расщепления входят тривиальные сколы, возникшие преимущественно на начальных этапах обработки. Из них 5883 отщепы происходят из раскопов Д.С. Цвейбель (таблица 17), 262 отщепы найдены в раскопе 1986 г.

	1-3 см	3-5 см	5-7 см	>7 см	Итого	%
Первичные отщепы	95	32	63	32	222	3.8
Полупервичные отщепы	639	368	112	91	1210	20.5
Вторичные отщепы	3457	773	168	53	4451	75.7
Итого:	4191	1173	343	176	5883	100%

Таблица 17. Белокузьминовка. Метрическая характеристика тривиальных отщепов из раскопов 1968-1970 гг. (бугский лесс).

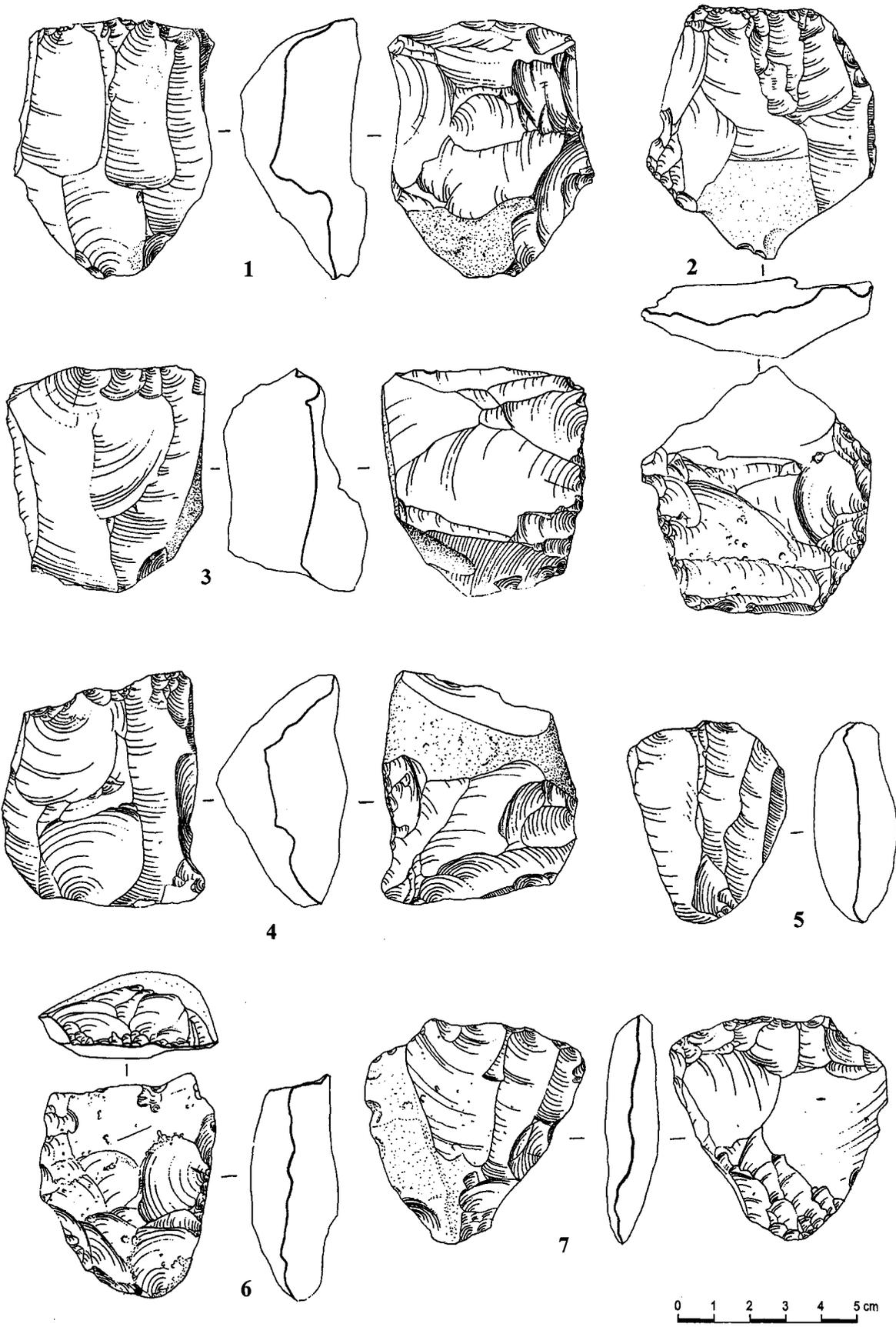

Рис. 75. Белокузьминовка. Нуклеусы из бугского лесса.
 Fig. 75. Belokuzminovka. Cores of the Boug complex.

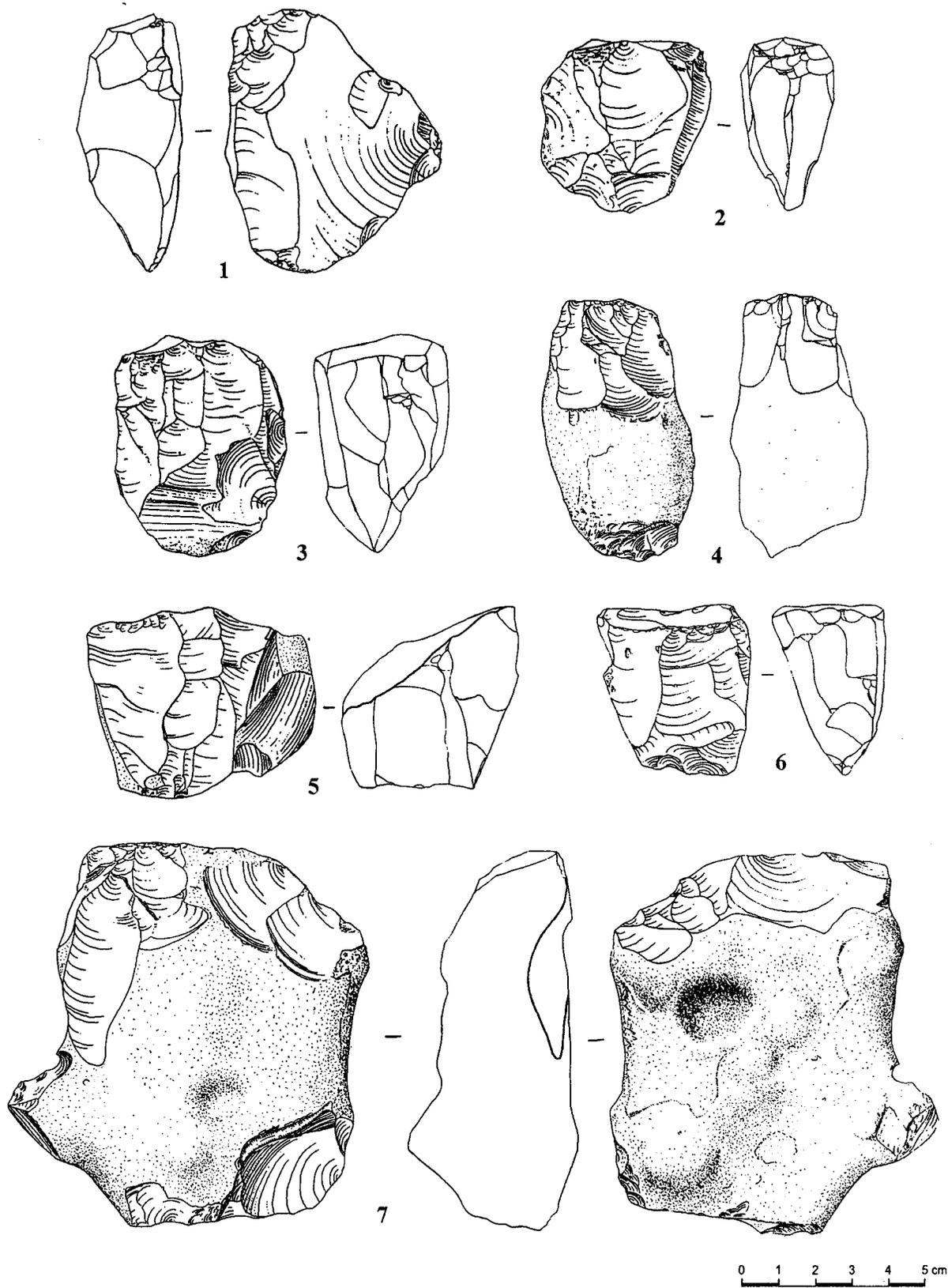

Рис. 76. Белокузьминовка. Нуклеусы из бугского лесса.
 Fig. 76. Belokuzminovka. Cores of the Boug complex.

Продольная	Продольно-поперечная	Конвергентная	Радиальная	Продольно-встречная	Обушковая	Бессистемная	Итого:
187	22	34	8	18	27	92	388
48.2%	5.7%	8.7%	2.1%	4.7%	6.9%	23.7%	100%

Таблица 18. Белокузьминовка. Огранка дорсальной поверхности отщепов из бугского лесса.

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двухгранные	Всего
Необработанные	47	52	18	20	14	1	152
С пониженным рельефом	9	22	5	23	32	-	91
Грубообработанные	21	19	5	35	35	-	115
Редуцированные	-	7	9	4	6	2	28
Редуцированные с шлифовкой	-	2	-	-	-	-	2
Итого:	72	97	34	82	87	3	388

Таблица 19. Белокузьминовка. Характеристика зон расщепления отщепов из бугского лесса.

Относительно низкий удельный вес сколов с первичной коркой и доминирование мелких сколов отражает значительную глубину переработки каменного сырья, несмотря на близость меловых выходов. Отщепы в выборке из целых вторичных сколов более 3 см в длину (таблица 18) включают сколы с относительно небольшим процентом продольно-встречной и продольно-поперечной огранки. Индекс фасетирования общий 43.1%, индекс фасетирования тонкий – 22.4%.

Помимо продольных торцовых-боковых сколов поджигления нуклеусов, в коллекции выделяются *отщепы* (83 шт.) и *пластины* (5 шт.)

с *реберчатой огранкой* дорсальной поверхности. Среди них различаются:

- удлиненные сколы (10 отщепов, 5 пластин) с симметричной двускатной (бифасиальной) огранкой вдоль всего ребра или на отдельном его участке. В двух случаях при оформлении ребра применялся прием редуцирования площадок. Большинство сколов аморфны;

- мелкие сколы с площадок, срывающие зоны расщепления разнообразных нуклеусов (28 шт.). Эти зоны оформлялись редуцированием площадки (2), понижением приплощадочной зоны фронта (5) или грубой оббивкой (19), иногда (2) сохраняют карниз;

- краевые участки рабочего фронта с по-

Однонаправленная	Продольно-встречная	Конвергентная	Радиальная	Продольно-поперечная	Обушковая	Итого:
35	5	7	1	10	12	70
50%	7.2%	10%	1.4%	14.3%	17.1%	100%

Таблица 20. Белокузьминовка. Типы огранки дорсальной поверхности пластин из бугского лесса.

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двухгранные	Всего
Необработанные	1	8	2	9	8	-	28
С пониженным рельефом	-	-	2	6	2	-	10
Грубообработанные	2	7	3	2	4	1	19
Редуцированные	-	4	7	-	1	-	12
Редуцированные с шлифовкой	-	-	-1	-	-	-	1
Итого:	4	19	14	17	15	1	70

Таблица 21. Белокузьминовка Характеристика зон расщепления целых пластин из бугского лесса.

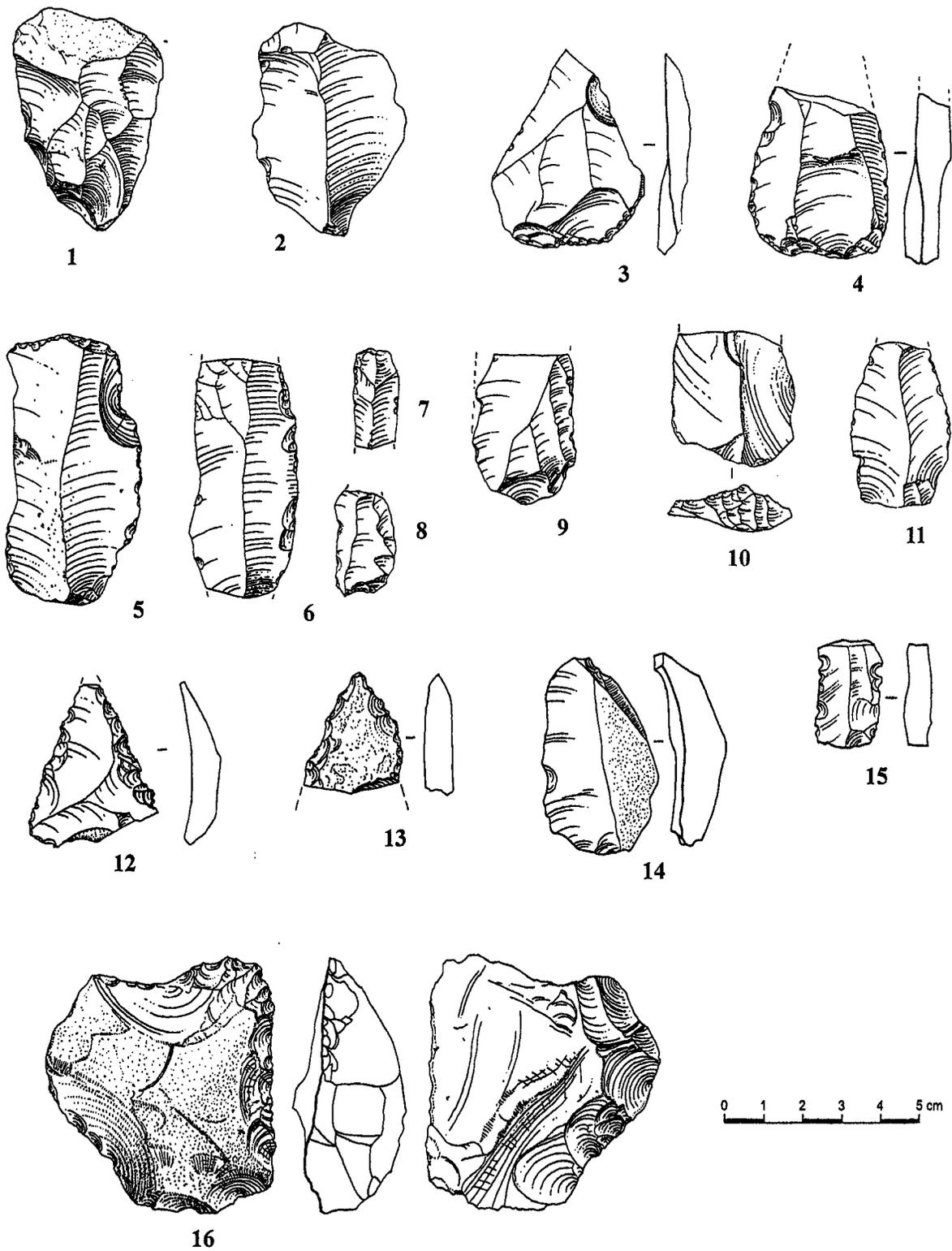

Рис. 77. Белокузьминовка. Отщепы (1-4), пластины (5-11, 15), остроконечники (12-13) и скребло (16) из бугского лесса.

Fig. 77. Belokuzminovka. Flakes (1-4), blades (5-11, 15), points (12-13) and scraper (16) of the Boug complex.

перечной огранкой «с края на фронт» (17 шт.). Отделялись продольными сколами от краевых участков функциональных площадок. Боковые вспомогательные площадки, с которых осуществлялся подъем выпуклости уплощенного фронта, фасетированные (12) или гладкие (5). Все сколы имеют асимметричное поперечное сечение (в виде вытянутого треугольника);

- краевые участки рабочего фронта с продольно-поперечной огранкой (9 шт.) выполняли ту же роль, что и описанные выше сколы, но срывали участки с иной огранкой;

- односторонние реберчатые сколы (24 шт.) - сколы с одной гладкой гранью.

Большинство этих сколов связаны с формированием объемных рабочих поверхностей нуклеусов, подъемом выпуклости уплощенного рабочего фронта и обновлением ударных площадок нуклеусов с полярными площадками.

Реальное значение объемного и пластинчатого скалывания показывают пластины и пластинчатые отщепы.

Пластины и пластинчатые отщепы составляют весомую часть всех сколов. Индекс пластин равен 22.5% по отношению ко всем сколам более 3 см в длину, включая пластинчатые отщепы и отщепы с ретушью. Из 711 целых и обломанных пластин (рис. 77, 1-7, 9) только 50 шт. имеют ширину менее 1 см (рис. 77, 7). Коэффициент массивности пластин 18, коэффициент удлиненности целых экземпляров – 322. Целых пластинчатых отщепов 62 шт. Не исключено, что часть фрагментированных пластинчатых отщепов учтены в категории пластин. Среди типов огранки целых пластин (таблица 20) ощутима доля продольно-поперечных и обушковых. Пластины с продольно-встречной огранкой составляют всего 7.1%. Это существенно ниже, чем удельный вес соответствующих отщепов (4.7% - см. таблицу 18). Обращает на себя внимание наличие зон расщепления позднепалеолитического типа (точечные редуцированные) у 10% пластин (таблица 21). Некоторые такие пластины (представленные, правда, базальными обломками) практически неотличимы от пластин позднего палеолита.

Техника первичного расщепления основывалась на утилизации плоских и объемных нуклеусов, таким образом сочетая в себе основные технологические элементы двух палеолитических периодов. Среди нуклеусов, в целом,

преобладают различные вариации площадочных ядрищ с уплощенным рабочим фронтом. Очевидно, что двух- и трехплощадочные продольно-поперечные нуклеусы, типа Джрабер являются технологическими дериватами обычных ядрищ с полюсными площадками. Вариантность нуклеусов с полюсными площадками отражает значительную интенсивность расщепления в рамках уни- и биполярного методов расщепления. Таким образом, есть основание говорить о тренде редукции полюсных нуклеусов от биполярных с уплощенным фронтом к двухплощадочным с несколькими системами скалывания. Отмечен также стандартный тренд редукции типа Зобишта (от уни- биполярных нуклеусов к шаровидным). Тенденция к подъему продольной выпуклости уплощенного или слабовыпуклого фронта сколами со второй вспомогательной площадки придавала большинству нуклеусов некоторые геометрические очертания. Подъем выпуклости фронта в поперечном сечении обеспечивался преимущественно сколами с боковых вспомогательных площадок. Статистически выраженные служебные краевые (иногда их использовали для оформления обушковых ножей) и целевые сколы срезали эти поперечно ограненные поверхности. Некоторые предельно истощенные плоские нуклеусы переоформлялись в торцевидные и приспособлялись для снятия пластин позднепалеолитического типа. При среднепалеолитической, в целом, технике расщепления, отмечаются явные элементы позднепалеолитических технологий, которые выражаются в обработке ударных площадок методом редукции. Позднепалеолитическая технология реализовывалась также при расщеплении грубых объемных нуклеусов с круговой площадкой. Представленные в коллекции нуклеусы этой разновидности, в целом, маловыразительны, но реальный удельный вес призматической техники расщепления отражают многочисленные пластины с устойчивой параллельной огранкой и редкие, но выразительные двускатные реберчатые пластины. Связать их с конкретной разновидностью нуклеусов не представляется возможным, но значительная величина угла схождения реберчатых граней (около 80-90°) соответствует, скорее всего, объемным, а не краевым поверхностям.

Многочисленность аморфных нуклеусов свидетельствует о расточительном расходовании каменного сырья.

*Технология вторичной
обработки изделий
из бугского лесса*

Технология вторичной обработки кремней из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки также может быть охарактеризована достаточно подробно. Орудия изготавливались при помощи ретуши, ядрищного утончения, фрагментации, тронкирования и оббивки [Цвейбель, Колесник, 1992].

Ретушь. В Белокузьминовке использовалась чешуйчатая, чешуйчато-ступенчатая, реже ступенчатая, субпараллельная, а также плоская ретушь. Преобладала чешуйчатая многорядная ретушь, которая выпрямляла края обрабатываемых изделий (скребла). Субпараллельная ретушь связана, в основном, с оформлением долотовидных орудий и резцевидных скребков. Образовывала как пологие, так и крутые узкие лезвийные кромки. Распространенная моделирующая ретушь единична, ретушь типа Кина практически не применялась.

Ядрищное утончение практиковалось широко. Основной признак этого приема – сопряженность сколов утончения со специально подготовленными площадками [Гвоздовер, 1961]. Отмечено 59 заготовок и законченных изделий с этим видом обработки. Утончение в Белокузьминовке всегда производилось с лицевой стороны и с площадок, приуроченных к концам заготовок. Заготовками служили широкие массивные сколы с коэффициентом массивности 29, коэффициентом удлиненности 117. В ходе последующей обработки массивность уменьшалась, удлиненность, наоборот, возрастала. Редко использовались площадки-границы. В подавляющем большинстве случаев площадки создавались при помощи ретуши. Как правило, это однорядная ретушь, формирующая площадки с углом наклона 30-80°. Ширина вспомогательных площадок чуть меньше или равна ширине конца заготовки, редко площадки загибаются и охватывают продольные края орудий. Площадки в плане преимущественно выпуклые. Нередко площадки утончения полностью срезают первичные площадки преформы, несколько укорачивая длину заготовки. Морфология изделий с ядрищным утончением определяется характером огранки краевых участков или всей дорсальной поверхности. В Белокузьминовке это:

- естественные корковые или гладкие необработанные края сколов-заготовок, не пере-

крытые фасетками ретуши или сколами утончения;

- продольные прямые или выпуклые края с первичной ретушью, которая перекрывает краевые грани отщепа-заготовки;

- гладкие продольные краевые грани-негативы, образовавшиеся при скальвании (с целью подживления затупившегося лезвия) плоских краевых резцевидных отщепков;

- продольные краевые грани-негативы от сколов подживления, перекрытые сверху фасетками вторичной ретуши;

- негативы ядрищных сколов на центральных участках дорсальной поверхности; срезают концевые участки фасеток первичной или вторичной ретуши;

- негативы ядрищных сколов на центральных участках дорсальной поверхности, частично перекрытые фасетками первичной или вторичной ретуши;

- негативы сколов, идущие от продольного края орудия на поперечный тронкированный конец (или наоборот).

Отделение вторичных сколов с наклонных площадок не всегда преследовало цель утончения орудий. Можно указать на небольшое количество инструментов, у которых ядрищной обработкой оформлены симметрично заостренные в профиле концы, характерные для долотовидных орудий позднего палеолита. Несмотря на некоторую вариантность, в целом, ядрищная обработка связана с получением скребел и ножей.

Фрагментация. Критерии искусственной фрагментации строго не определены [Любин, 1978]. Ясно, что известные нам признаки искусственной фрагментации не исчерпывают всего многообразия приемов преднамеренного рассеечения кремня и не всегда им адекватны. Торцы со следами конусов удара и выраженной раковистостью условно следует называть фрагментацией путем удара, торцы с растянутой волной и язычком разной формы – фрагментацией путем слома давлением. Оба этих набора признаков широко представлены в публикуемых материалах.

Тронкирование – способ вторичной обработки каменных инструментов, выражающийся в отвесно-ретушном усечении их концов. В Белокузьминовке такой обработке подвергались как отщеповые, так и пластинчатые заготовки, примерно поровну. Тронкирование придавало

орудиям известные геометрические очертания. Дополнительная обработка, кроме тронкирования как правило, не применялась. Это дает основание рассматривать *tronque* в качестве самостоятельных законченных орудий. Ретушь однородная однонаправленная, иногда разновеликая, отвесная.

Резцевидный скол применялся для получения типичных и атипичных резцевидных изделий. Скалывание производилось без подготовки микроплощадок. Скалываемые участки не ретушировались.

Несмотря на близость источников кремня и незначительную глубину переработки сырья, преформ орудий найдено очень мало. Отчасти это объясняется сильной забитостью многих изделий, отчасти – технико-типологическим характером индустрии, ориентированной на получение односторонних орудий, почти исключавших предшествующие стадияльные формы. Из немногочисленных преформ орудий можно выделить изделия с начальными признаками ядрищной обработки и плоско-выпуклые дисковидные заготовки.

Наглядно виден порядок обработки орудий с *ядрищным утончением*. Выделяются, по крайней мере, 20 предметов со следами ядрищной обработки базальных участков сколов. Эти предметы с грубо оформленной площадкой, часто на месте первичной площадки отщепы-преформы, и с короткими негативами сколов утончения, тяготеющими к продольному ребру орудий (рис. 84, 1-8). Некоторые изделия частично ретушированы, большинство отражают самый начальный этап обработки. В дальнейшем они трансформировались в специфические скребла. Важно отметить, что в начальной стадии обработки этого класса изделий усилия были сосредоточены на утончении концов и понижении рельефа центрального продольного ребра.

Дисковидные отщепы с плоско-выпуклым поперечным сечением (5 шт.). Основой для них послужили крупные и массивные первичные отщепы, которые оббивались по всему периметру на дорсальную сторону, в результате чего приобретали скреблообразный вид. Грубая оббивка придала большинству крупнозубчатые очертания. У всех образцов слегка подправлена плоская брюшковая сторона. Вряд ли эти предметы можно считать законченными орудиями.

Изделия с вторичной обработкой из бугского лесса

Диагностика типологической структуры орудий из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки относится к числу наиболее спорных вопросов среднего палеолита Донбасса, так как активное вертикальное перемещение кремневых артефактов в древности на этом местонахождении привело к значительной деформации поверхности каменных предметов, в первую очередь наиболее тонких краевых участков. Явные следы вторичной обработки в виде ретуши, фрагментации, ядрищного утончения и др. в ряде случаев маскируются вторичной псевдоретушью, которая придавала краям характерные зубчатые очертания или сминала их. По этой причине некоторый скепсис может вызывать выделение таких изделий из относительно тонких сколов, как проколки, атипичные скребки, отщепы с ретушью. От зубчатых повреждений страдали не только мелкие сколы, но и крупные объемные предметы. Нельзя сказать, что подобные следы видны на всех без исключения кремневых артефактах из бугского лесса Белокузьминовки, однако разграничить подлинные зубчатые изделия от псевдозубчатых предметов не представляется возможным. Проблема заключается в том, что эти две группы изделий имеют похожую морфологию; по крайней мере, морфологические критерии отличий реальных и мнимых зубчатых орудий пока что очень условны. Скептический взгляд Н.Д. Праслова на зубчатые орудия этого памятника, конечно, имеет под собой основание [Праслов, 1984, с. 102]. В данной ситуации необходимо либо все зубчатые предметы описать как полноценные артефакты, либо поступить наоборот. Несмотря на то, что среди зубчатых предметов есть образцы с очень выразительной морфологией, и они в действительности могут являться подлинными зубчатыми орудиями, автор предпочитает воздержаться от оперирования ими в качестве искусственно обработанных изделий. Размытость границ между настоящими и псевдозубчатыми предметами, а также постгенетическая деформация многих кремневых изделий из бугских отложений объясняет причину, почему в разное время в предварительных публикациях материалов Белокузьминовки указывалось разное количество артефактов.

С формально-типологической точки зрения в категорию орудий должны быть включены 334 предмета.

6. Мустьерские остроконечники	3
9. Продольные прямые скребла	9
10. Продольные выпуклые скребла	9
11. Простое продольное вогнутое скребло	1
12. Продольные прямые двойные скребла	3
13. Продольное прямое выпуклое двойное скребло	1
15. Продольные выпуклые двойные скребла	3
17. Продольные выпукло-вогнутые двойные скребла	2
18. Конвергентные скребла	4
23. Поперечные выпуклые скребла	7
24. Поперечное вогнутое скребло	2
28. <i>Скребла с двусторонней обработкой:</i>	
- скребла с частично-двусторонней обработкой	2
31. Атипичные скребки	11
32. Резцы	10
33. Атипичные резцы	12
35. Атипичные проколки	13
36. Ножи с обушком	4
37. <i>Атипичные ножи с обушком:</i>	
- ножи из краевых сколов	7
- ножи с косыми ретушированными обушками	9
- ножи с подправленными обушками и обушками-гранями	32
38. <i>Ножи с естественной спинкой:</i>	
- ножи с прямыми или выпуклыми необработанными обушками	45
- ножи с прямыми или выпуклыми подправленными обушками	13
- ножи с изогнутыми обушками, подправленными в верхней части	11
40 Усеченные сколы	59
62. <i>Прочис:</i>	
- долотовидные изделия	16
- резцевидные скребки	19
- дисковидные изделия	8
- изделия с ядрищной обработкой	19

Таблица 22. Белокузьминовка. Состав орудий из бугского лесса.

Остроконечники. Этот тип изделий представлен единичными образцами. Остроконечники нетипичны для бугского комплекса – выделяются всего два орудия из отщепов треугольной формы (рис.77, 12) и один фрагмент (рис.77, 13).

Скребла обильны и разнообразны. Ретушь подавляющего большинства из них краевая нераспространенная, чешуйчатая, реже – чешуйчато-ступенчатая. На некоторых образцах ретушированные кромки несут следы зубчатых повреждений (рис. 78, 6). Относительно многочисленны продольные прямые (рис.78, 9, 12; 79, 5, 7, 11-15) и выпуклые (рис.78, 8; 79, 1-4, 8-9) скребла, двойные продольные прямые (рис.79, 6) и выпуклые (рис.79, 9-10) скребла. Специфичны *конвергентные скребла*, у которых сходящиеся лезвия не соприкасаются в одной точке (рис.78, 1, 11). *Поперечные скребла* изготов-

лены из массивных первичных отщепов (рис.78, 3-7, 10). *Скребла с частично-двусторонней обработкой* немногочисленны, но эффективны. Одно крупное массивное скребло изготовлено из первичного отщепа (рис.77, 16). Лезвие прямое, закругляющееся по краям. Обработано регулярной распространенной чешуйчатой ретушью. Противоположный лезвию массивный обушковый участок утончен с тыльной стороны по типу скребел Кина. Второе скребло имеет вытянутые сегментовидные очертания и подправленную вдоль выпуклого края вентральную сторону. Такие формы весьма характерны для антоновской индустрии и диссонируют с односторонним, в целом, белокузьминовским ансамблем.

Резцы. В эту категорию включены резцевидные изделия с трансверсальным сколом (7) и угловым сколом с гладкой площадки (3). За-

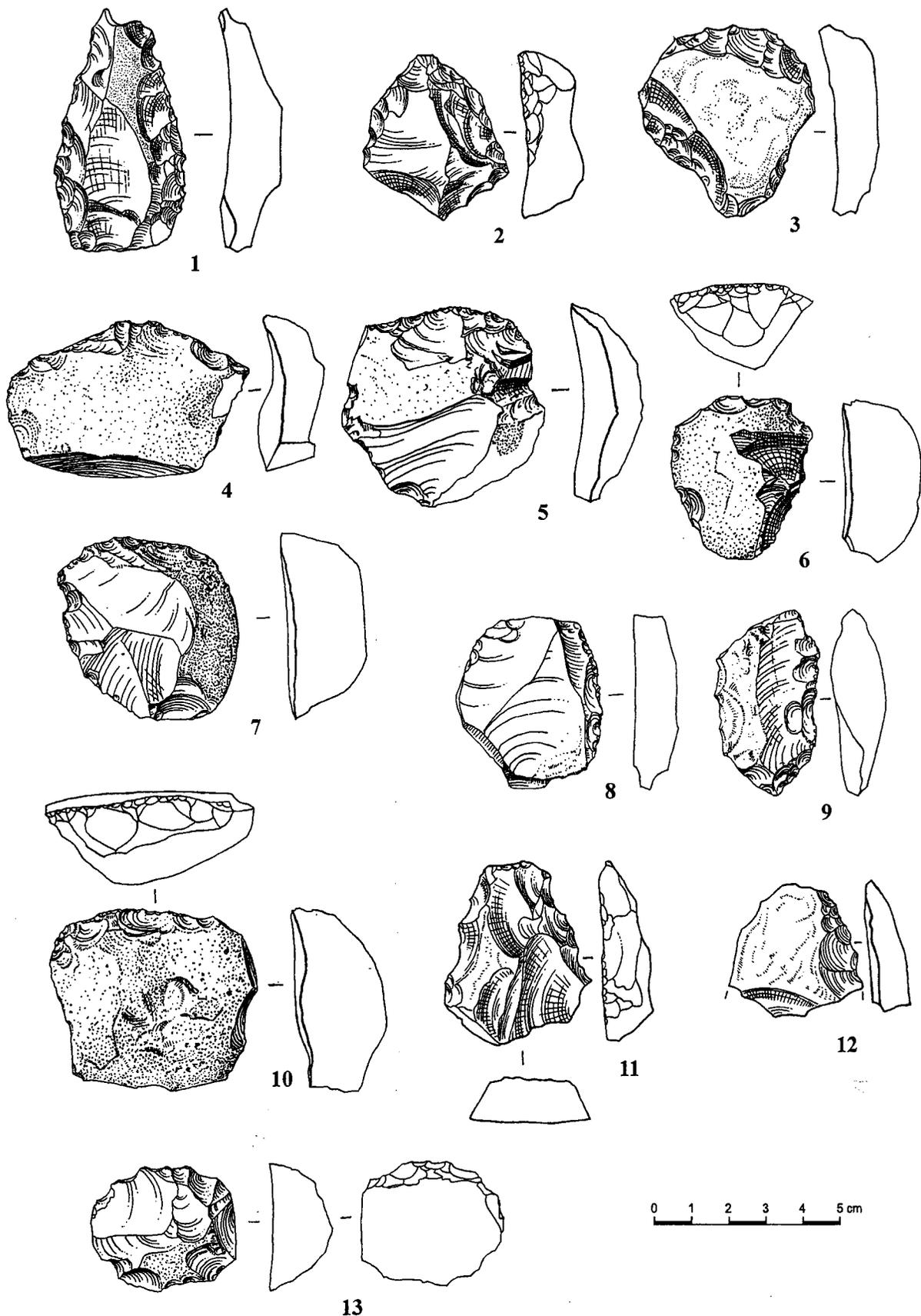

Рис. 78. Белокузьминовка. Скребла из бугского лесса.
 Fig. 78. Belokuzminovka. Scrapers of the Boug complex.

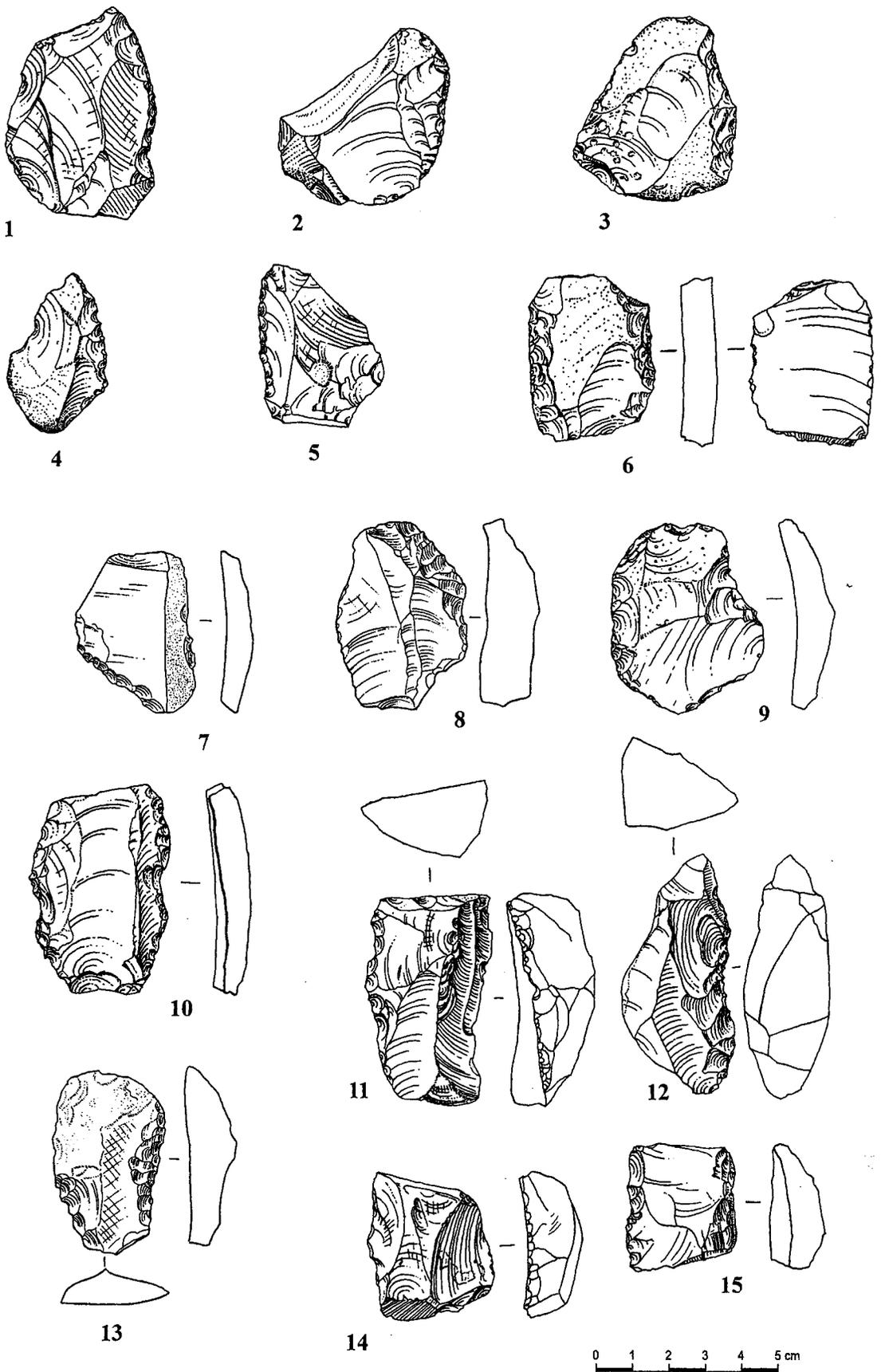

Рис. 79. Белокузьминовка. Скребла из бугского лесса.
 Fig. 79. Belokuzminovka. Scrapers of the Boug complex.

готовками служили пластинчатые сколы. Ретушь при формировании кромок или площадок не применялась. Несмотря на грубость обработки, близки угловым и трансверсальным резцам позднего палеолита (рис.80, 1-4, 7).

Атипичные резцы. Это изделия с плоскими невыразительными резцевидными сколами (7) или с очень узкими резцевидными сколами вдоль краевых участков. Ретушь не применялась. Скорее всего, резцевидные негативы образовались случайно (рис.80, 5).

Обушковые ножи чрезвычайно характерны для индустрии из бугского лесса. Основанием для диагностики удлиненных обушковых сколов в качестве типологически значимых орудий служит наличие следов сработанности на участках, противоположных обушку, и повторяемость формы изделий. Разумеется, в условиях переотложенности комплекса критерий сработанности лезвийной кромки имеет относительную ценность, однако, заметная стандартизация самих сколов, явная, во многих случаях, искусственная сработанность лезвий позволяют надеяться, что выделенные типы отражают реальную картину орудийной деятельности древних обитателей стоянки. В соответствии с типологическими канонами следует различать следующие разновидности стандартных типов обушковых ножей:

- типичные ножи с выпуклой ретушированной спинкой и прямым лезвием (рис.80, 14);

- ножи с подправленными обушками и обушками-гранями (рис.81, 1, 5-8, 10);

- ножи из краевых (*debordante*) сколов. В качестве преформы использовались служебные сколы, возникающие при устранении краевых реберчатых поверхностей на нуклеусах с уплощенным рабочим фронтом (рис.81, 4). Обушковая форма скола идеально подходила для этого;

- ножи с косыми ретушированными обушками (рис.80, 15-17) - отличаются неправильно-треугольной или трапецевидной формой, грубо оббитым косым обушком. Размеры 4-7 см. В качестве заготовок использовались пластинчатые и отщеповые сколы с высоким сечением. Ножи имеют выраженную вершину;

- ножи с прямыми или выпуклыми корковыми необработанными обушками (рис.81, 2-3, 12). Отличаются относительно крупными размерами – до 6-7 см, массивностью за счет высокого профиля, удлиненными пропорциями. Большинство ножей этой разновидности изго-

товлено из обушковых сколов с двускатной спинкой;

- ножи с прямыми или выпуклыми корковыми подправленными обушками (рис.81, 9, 11). Размеры 5-7 см. Обушки – крутые или отвесные – ретушированы нерегулярными сколами;
- ножи с изогнутыми корковыми обушками, подправленными в верхней части (рис.80, 18-20), имеют следы обработки обушка на ограниченном участке возле условной вершины.

Тронкированные сколы образуют численно большую группу (рис.82, 1-10). Общий признак изделий – наличие отвесноретушных торцовых участков, расположенных поперек (48) или несколько косо (19) по отношению к продольной оси заготовки. Поперечное усечение производилось сколами как с брюшка (47), так и со спинки (12). Морфологические особенности ретуши *tronque* хорошо различимы на массивных орудиях. Это ретушь однорядная, регулярная, отвесная. «Калибр» ретуши меняется в зависимости от толщины орудия. Тронкированные участки не использовались в работе. Они предназначались для создания аккомодационных элементов. Представлены базальные (26), медиальные (28) и дистальные (5) части сколов. Соотношение длины и ширины подавляющего большинства изделий близко к 1:1. Распадаются на две параметрические категории. Первая включает орудия длиной 5-6 см, вторая – до 3-4 см. Использовались преимущественно вторичные сколы с субпараллельной огранкой. Практически на всех изделиях видны следы использования в виде поврежденных продольных рабочих кромок.

Долотовидные изделия составляют морфологически хорошо выраженную группу. Отличаются наличием узкого выступающего участка, обработанного пологой субпараллельной ретушью с дорсальной стороны (рис. 8-11). У 5-ти образцов видны следы изношенности в виде мелких плоских резцевидных сколов на обратной стороне лезвий. Исходным материалом служили тонкие в сечении отщепы.

Резцевидные скребки объединяют различные по очертанию вытянутые орудия с высоким узким лезвием (рис.80, 12-13). Исходным материалом служили удлиненные сколы и осколки с высоким треугольным сечением (12) и массивные отщепы (7). Рабочие кромки обработаны крутой субпараллельной ретушью; некоторые фасетки фактически приближаются к

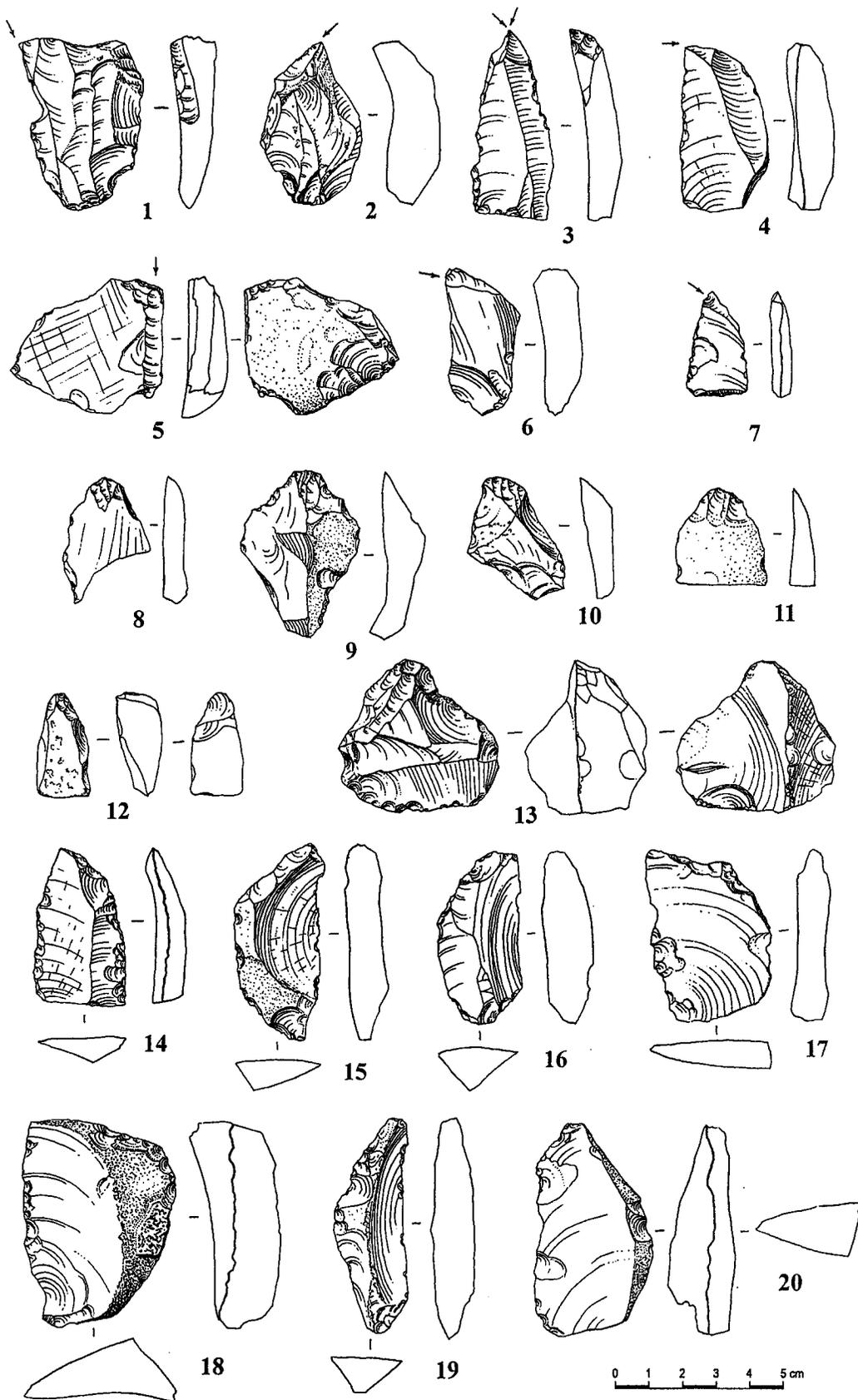

Рис. 80. Белокузьминовка. Резцевидные изделия (1-7), долотовидные орудия (8-11), резцевидные скребки (12-13) и обушковые ножи (14-20) из бугского лесса.
 Fig. 80. Belokuzminovka. Burins tools (1-7, 12-13), adz tools (8-11) and backed knives (14-20) of the Boug complex.

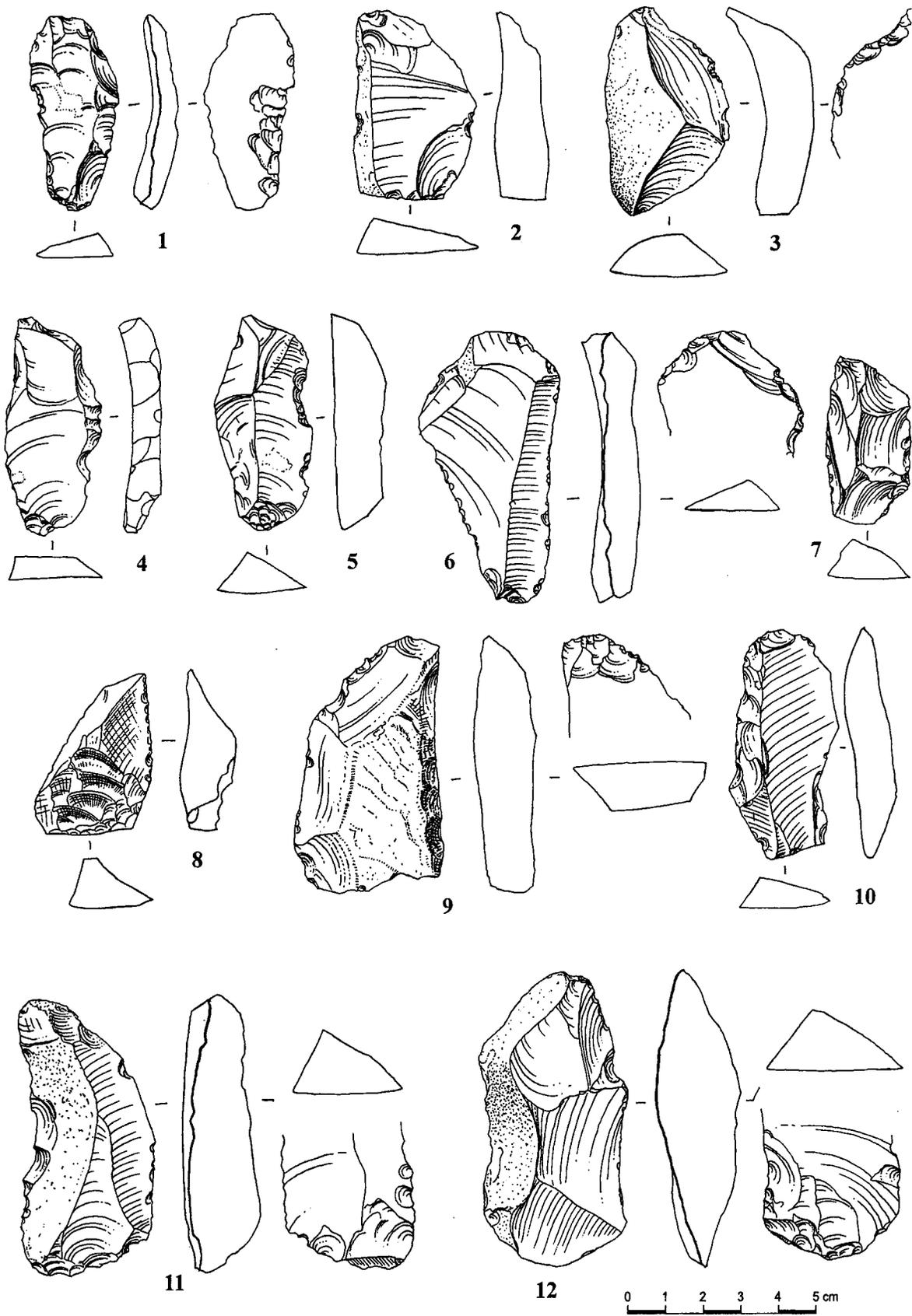

Рис. 81. Белокузьминовка. Обушковые ножи из бугского лесса.
 Fig. 81. Belokuzminovka. Backed knives of the Boug complex.

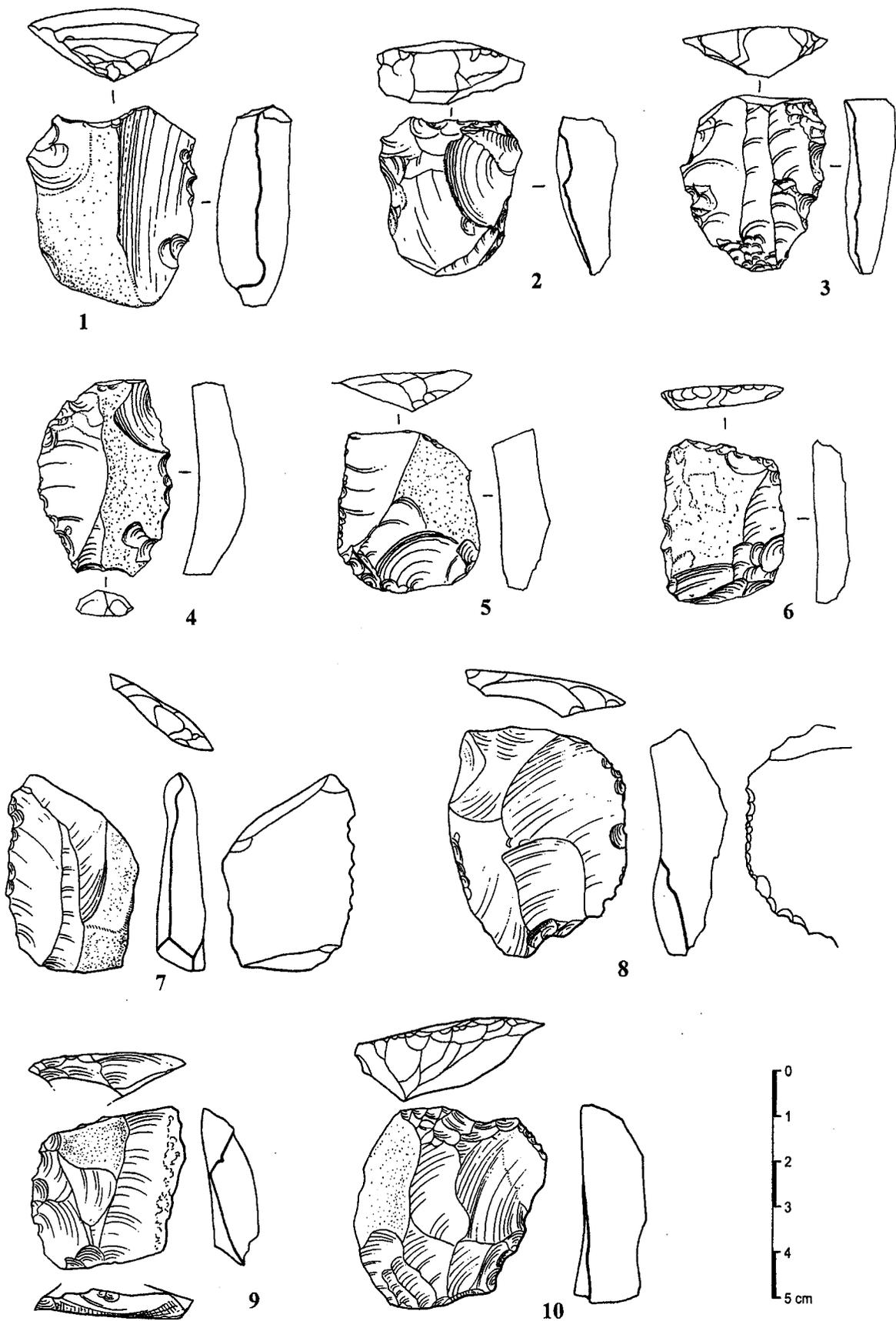

Рис. 82. Белокузьминовка. Тронкированные изделия из бугского лесса.
 Fig. 82. Belokuzminovka. Truncated tools of the Boug complex.

негативам коротких резцовых отщепков. В четырех случаях узкий рабочий участок контрастно выделен небольшим лицевым анкошем. У трех орудий сбоку лезвия со стороны вентральной поверхности нанесены широкие плоские сколы, которые сделали кромку приостренной, клювовидной в профиле.

Дисковидные изделия немногочисленны (рис. 83, 1-3). Изделия относительно крупные - до 5-6 см - несут следы регулярной обработки. Контуры орудий овальные или округлые. От двусторонних радиальных нуклеусов отличаются тонким сечением, тщательной обработкой краев. Не исключено, что часть этих изделий отражает «орудийный» этап использования предельно сработанных ядрищ с радиальным скалыванием.

Изделия с ядрищной обработкой образуют типологическое ядро всей индустрии, поэтому остановимся на их описании и анализе более подробно.

Терминология приемов ядрищной обработки зародилась независимо в разных странах. В Польше связанная с ядрищной обработкой терминологическая традиция была сформирована С. Круковским в 20-30-е гг. на основе анализа т. н. ножей прондницкого типа, получивших название по долине р. Прондник (Pradnik) в карстовом районе Краковско-Ченстоховской Юры Южной Польши. По С. Круковскому, обязательным элементом прондника является т. н. полутылец (poltylec) - косо или поперечно срезанный верхний конец орудия [Krukowski, 1939-1948]. Фактически это вторичная площадка, с которой осуществлялись либо формирующие, либо подживляющие продольные краевые плоские резцевидные сколы и сколы, утончающие верхний конец орудия. Среди прондников С. Круковский выделял также односторонние экземпляры орудий на отщепках с ядрищной подработкой одного или двух концов [Там же, fig. 46, 9-a, b]. Для С. Ковальского прондники - это только орудия с продольными краевыми плоскими резцевидными (pararylcowumi) сколами [Kowalski, 1967]. В настоящее время среди польских специалистов, вслед за С. Круковским, преобладает мнение, что плоский краевой резцевидный скол циклично возобновлялся как при производстве, так и при подживлении верхней части лезвия, так называемого, по С. Круковскому, dzioba (клюва) [S. Kozłowski, J.K. Kozłowski, 1977; Shild, Wendorf, 1977; Sobczyk,

1992; Kulakovskaia, Sobczyk, Kozłowski, 1993; Кулаковская, Собчик, Козловский, 1993; и др.]. В материалах стоянки Булен III в Германии сколы подживления лезвий связаны не только с бифасиальными ножами, но и со скреблами [Joris, 1994]. В России в связи с выделением ножей костенковского типа сложилась иная терминологическая традиция. Типология скребел и ножей с ядрищной обработкой такая же динамичная область, как и типология асимметричных бифасов. Приоритетной в этой области была работа П.П. Ефименко по Костенкам 1, в которой впервые был описан специфический тип ножей с подтеской концов [Ефименко, 1958, с.230]. Аналогичные изделия были отмечены М.Д. Гвоздовер в материалах Авдеевской позднелепелитической стоянки и впервые названы «ножами костенковского типа» [Гвоздовер, 1961]. После работ М.Д. Гвоздовер этот термин прочно укоренился в русскоязычном археологическом лексиконе и неоднократно вызывал различные дискуссии. С.А. Семенов на основании трасологического анализа удачно определил режущую функцию этих орудий, но считал подтеску способом выпрямления костенковских пластин [Семенов, 1953, с.81-83]. Редукция ножей костенковского типа в ходе резцевидной подправки лезвий детально описана В.И. Беляевой [Беляева, 1977]. Исследовательница считает, что интенсивная подправка ножей была вызвана дефицитом кремневого сырья в Костенковском палеолитическом районе [Беляева, 1993]. В наиболее развитом виде ядрищный прием обработки применялся при получении специфических скребел с полностью утонченным корпусом [Любин, Джафаров, 1986]. Б. Бредли связывает костенковские ножи с особой технологией обработки орудий [Bredley, 1997]. В англоязычной литературе общепринят термин truncated-faceted, предложенный Б. Шредером в своей диссертации [Schroeder, 1969]. Практически одновременно Р. Солецкий ввел синонимичный термин Nahr Ibrahim technique на основании материалов разрушенного грота Nahr Ibrahim возле Бейрута [Solecki, Solecki, 1970]. Оба этих термина в равной степени популярны и описывают изделия на сколах с ядрищной подработкой одного или двух концов. Терминология ядрищной обработки, выработанная на ножах костенковского типа, оказалась очень продуктивной и к настоящему времени распространилась весьма широко. Успешный поиск

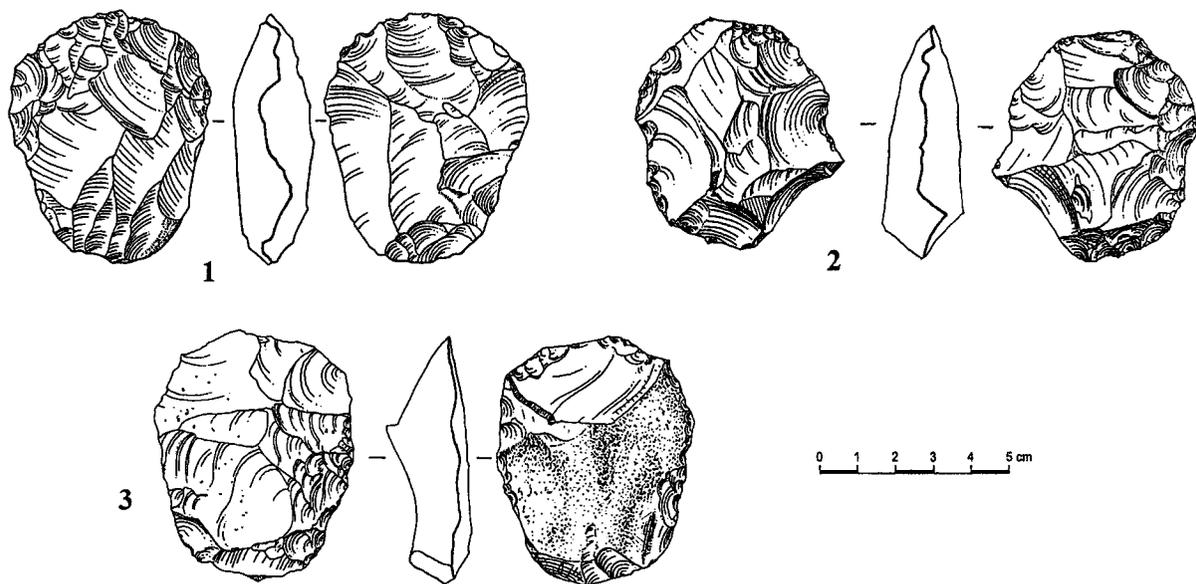

Рис. 83. Белокузьминовка. Бифасиальные изделия из бугского лесса.
Fig. 83. Belokuzminovka. Bifacial tools of the Boug complex.

следов этой технологии стал своеобразной типологической модой. Вслед за Россией, ножи костенковского типа стали находить в среднем палеолите Западной и Центральной Европы [Bosinski, 1966; Ulrix-Closset, 1975; Turq, Marcilland, 1976; Debenath, 1988; Escutenaire, 1997; и др.]. Французские специалисты говорят о ножах и скреблах костенковского типа [Turq, Marcilland, 1976], немецкие археологи - о костенковском типе обработки концов орудий [Bosinski, 1973]. Логическим завершением этой своеобразной экспансии термина «технология костенковского типа» является тезис о причинах морфологической вариабельности орудий: эти изделия разнообразны, потому что отражают различные этапы трансформации [Беляева, 1977] или, что одно и то же, попадали в слой на различных стадиях срабатывания [Амирханов, 2000].

Такой подход строится на признании универсальности метода ядрищной обработки. С технологической точки зрения это совершенно справедливо - везде имеет место выраженное в различной степени утончение края или всей дорсальной поверхности параллельными сколами со специально созданной площадки. Везде ядрищная обработка орудий в миниатюре повторяет расщепление полюсных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. Вместе с тем, производственный контекст применения этого метода в отдельных индустриях имеет существенное раз-

личие. В граветтских индустриях позднего палеолита он был направлен на оживление лезвий специфических ножей путем скалывания краевых резцевидных отщепков [Гвоздовер, 1961, 1998; Беляева, 1977], в левантийском мустье [Solecki, Solecki, 1970; и др.], мустье загросско-го типа [Dibble, 1984; Dibble, Holdaway, 1993; Baumler, Speht, 1993; Solecki, Solecki, 1993; Любин. Джафаров, 1986; и др.] и в короревской индустрии позднего палеолита Сибири [Абрамова, 1979] этим приемом утончали концы орудий или достигали эффекта полного утончения корпуса скребел, т.е. целенаправленно понижали их массивность. Различная направленность пока что не дает оснований для выделения самостоятельных методов ядрищной обработки, тем более, что в некоторых индустриях все эти контексты могут совпадать. Видимо, следует говорить о различных вариантах применения одного метода обработки (с целью утончения концов орудий, устранения затупившихся продольных лезвийных кромок и для понижения массивности корпуса), которые могут отражать как культурно-стилистические особенности отдельных индустрий, так и различную степень редукции орудий в рамках одного комплекса. По отношению к Белокузьминовке более применим второй подход [Колесник, 1994].

В разделе о вторичной обработке описана вариантность обработки орудий с ядрищным утончением в Белокузьминовке. Такая вариан-

тность обработки дорсальной поверхности орудий не случайна. «Стратиграфия» следов отражает последовательность применения различных вариантов метода ядришной модуляции и различную степень редукции орудий. Возможна группировка орудий по степени сложности обработки. Руководствуясь этим принципом, все изделия с ядришной обработкой из бугского лесса Белокузьминовки можно разбить на:

- изделия в начальной стадии обработки – описаны в разделе о технологии изготовления орудий как преформы изделий с ядришной модуляцией и здесь не учитываются;

- truncated-faceted и bi-truncated-faceted (5 шт.) – изделия с систематически ретушированными продольными прямыми или выпуклыми лезвиями (скребла) и утонченными концами орудий (рис.85, 4, 7-8; 86, 4, 7-9). В ряде случаев видно, что обработка концов и лезвийных кромок осуществлялась одновременно как одна технологическая задача (рис.85, 7; 87, 8). Обработка тронкированных участков ограничивалась концами орудий и не распространяется далеко на спинку. Эта обработка целиком относится к вторичной формирующей обработке;

- орудие с заостренным в профиле и выпуклым в плане концом, которое, видимо, несло самостоятельную функциональную нагрузку (1 шт.) – рис.87, 7;

- скребла с утонченным корпусом (7 шт.). Морфологически отличаются наличием продольных крутых ретушированных лезвий без следов их подживления резцевидными сколами и негативами крупных встречных сколов с двух площадок, которые были ориентированы на устранение массивности корпуса, возникшей вследствие интенсивной подправки лезвий (рис.85,3; 86, 5-6). Ретушная, а не резцевидная подправка лезвий приводила к сужению корпуса изделий и к увеличению поперечной выпуклости. Все скребла относятся к сильно сработанным образцам. В данном случае при помощи ядришной обработки решалась технологическая задача понижения выпуклости корпуса, т.е. его утончение;

- костенковские ножи (5 шт.). Важный морфологический элемент этого типа орудий – наличие негативов краевых резцевидных сколов, которые привели к обновлению продольной кромки (рис.85, 1-2, 5; 86, 1, 3.). Мелкая краевая ретушь на продольных лезвиях перекрывает негативы краевых сколов оживления

лезвий. Ядришная обработка выступает здесь в качестве средства возобновления затупившихся лезвийных кромок, т.е. как третичная обработка.

В ряду этих форм возможна реконструкция последовательности обработки от простых к наиболее сложно организованным орудиям – к костеновским ножам или скреблам с утонченным корпусом.

Фрагменты орудий (73 шт.). Представлены фрагменты орудий со скребловидными лезвиями (27) – с преобладанием прямых или слабывпуклых лезвийных кромок, фрагменты тронкированных сколов (3), причем, все линии разломов продольные, фрагменты пластинчатых орудий с мелкой краевой ретушью (6), фрагменты концевых участков орудий с ядришной обработкой (6), а также фрагменты с неясной атрибуцией. Орудия с ядришной обработкой были относительно крупные – до 4 см в ширину. Площадки ретушированные (4) и гладкие (2), с углом наклона в 70°. Ретушь отмечена только на двух этих фрагментах. Только в одном случае сколы утончения перекрывают ретушированную поверхность, в остальных случаях они тяготеют к продольному ребру и явно преследовали эффект утончения конца орудия.

Сколы оживления орудий (31 шт.) – сбитые участки скребловидных кромок (16), острые участки орудий с выраженным жалом или острием (9), небольшие концевые участки сильно редуцированных truncated-faceted (6). Скребловидные кромки отделялись ударами со спинки и брюшка орудия. Сколотые площадки орудий типа truncated-faceted очень узкие, практически истощены до предела (рис.85, 9). Отделенные от них сколы утончения привели к образованию карнизов (4), которые не погашались мелкими сколами, а устранялись вместе с самой площадкой (рис.85, 10).

Предметы с зубчатыми краями чрезвычайно обильны. В эту категорию автор включил 360 предметов с выраженным зубчатым рисунком краев, хотя следы зубчатости видны на гораздо большем количестве образцов. В контексте белокузьминовской индустрии они образуют наиболее многочисленную группу кремней и уже только из-за этого заслуживают описания. Сразу оговорюсь, что описание сколов с псевдозубчатой (в подавляющем большинстве) обработкой, в основном, имеет значение для анализа морфологии комплексов со значитель-

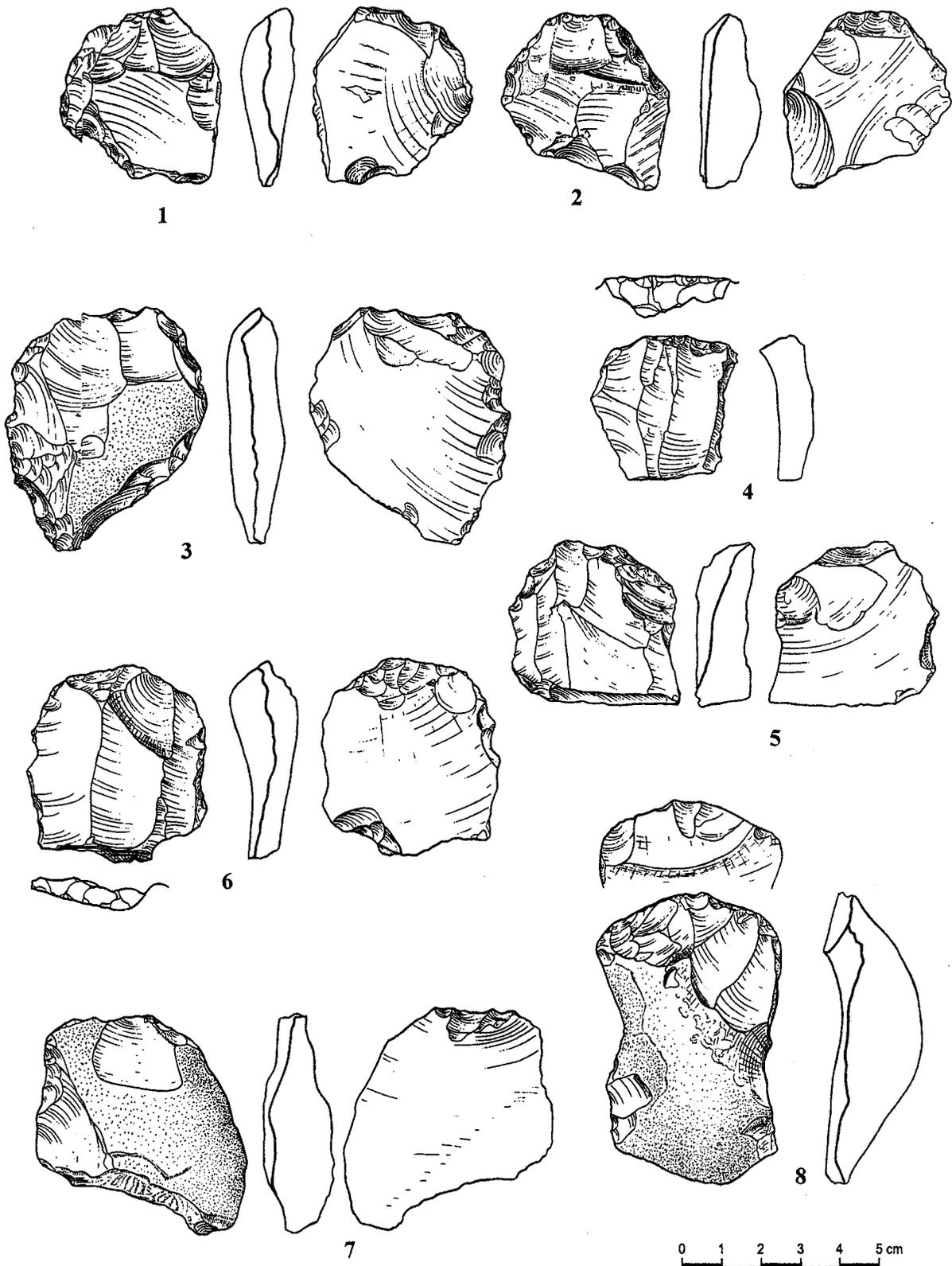

Рис. 84. Белокузьминовка. Заготовки изделий с ядришным утончением из бугского лесса.
 Fig. 84. Belokuzminovka. Non-finished tools with nucleo-shape treatment of the Boug complex.

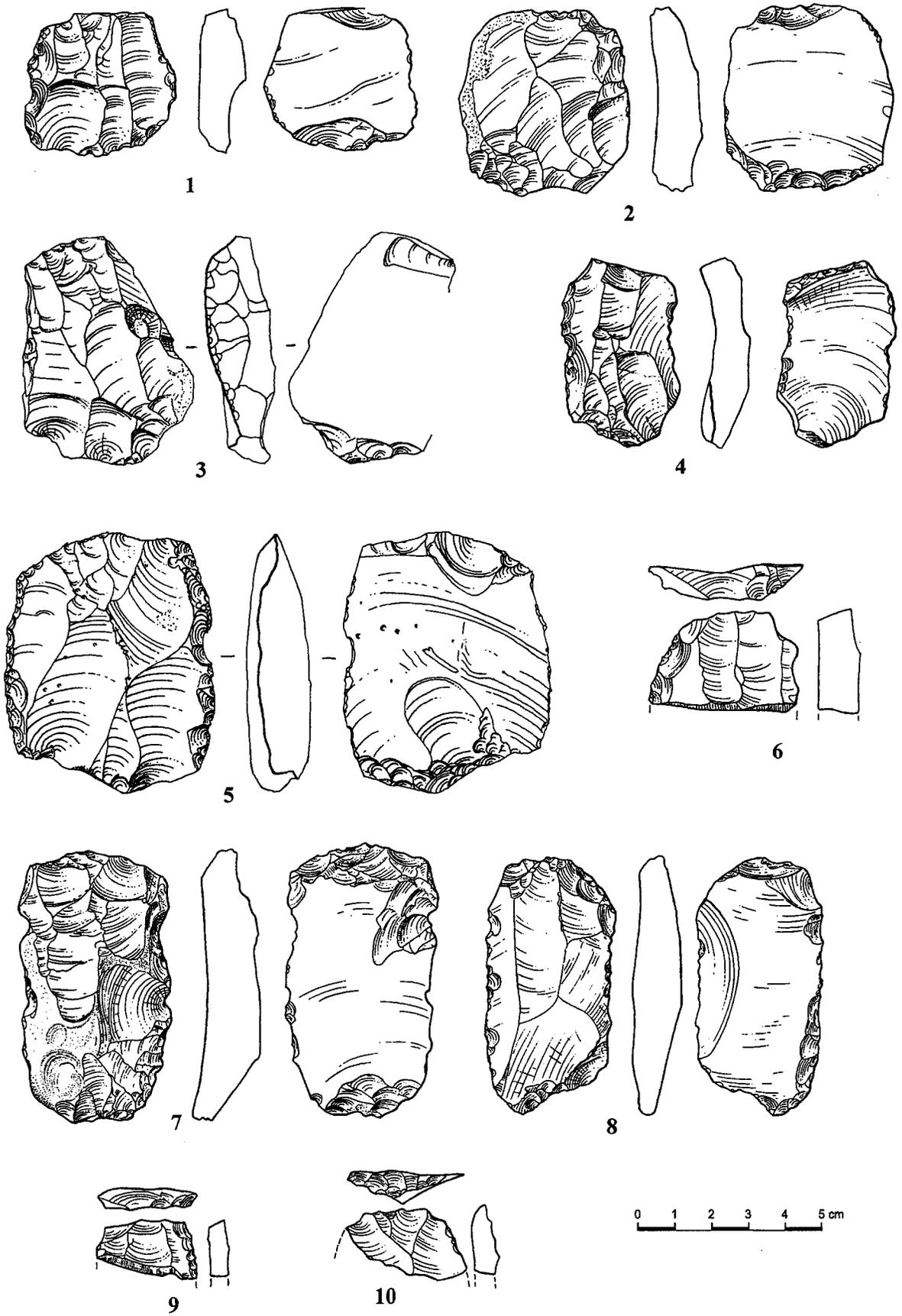

Рис. 85. Белокузьминовка. Изделия с ядрищым утончением из бугского лесса.
 Fig. 85. Belokuzminovka. Truncated-faceted tools of the Boug complex.

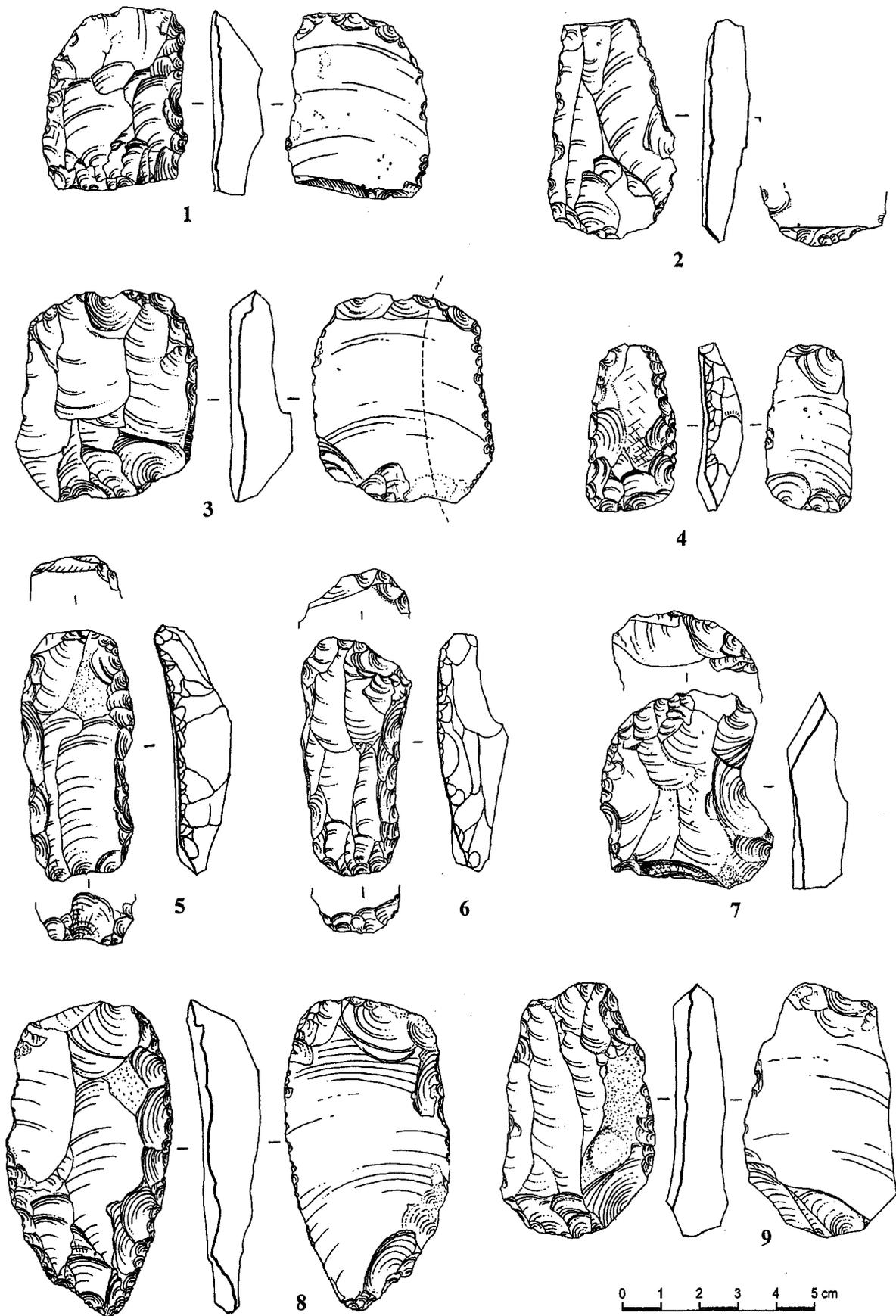

Рис. 86. Белокузьминовка. Изделия с ядрищным утончением из бугского лесса.
 Fig. 86. Belokuzminovka. Truncated-faceted tools of the Boug complex.

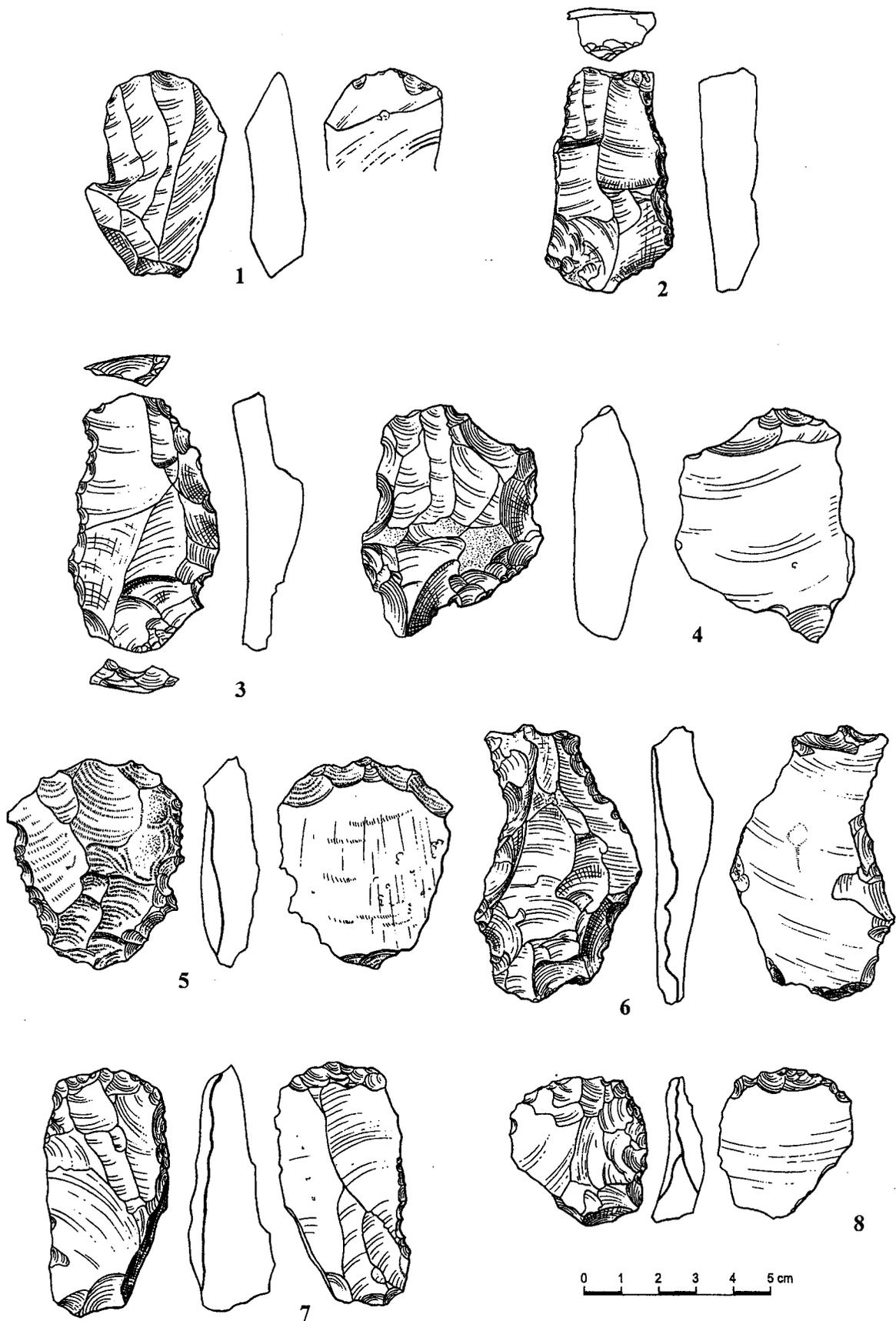

Рис. 87. Белокузьминовка. Изделия с ядрищным утончением из бугского лесса.
 Fig. 87. Belokuzminovka. Truncated-faceted tools of the Boug complex.

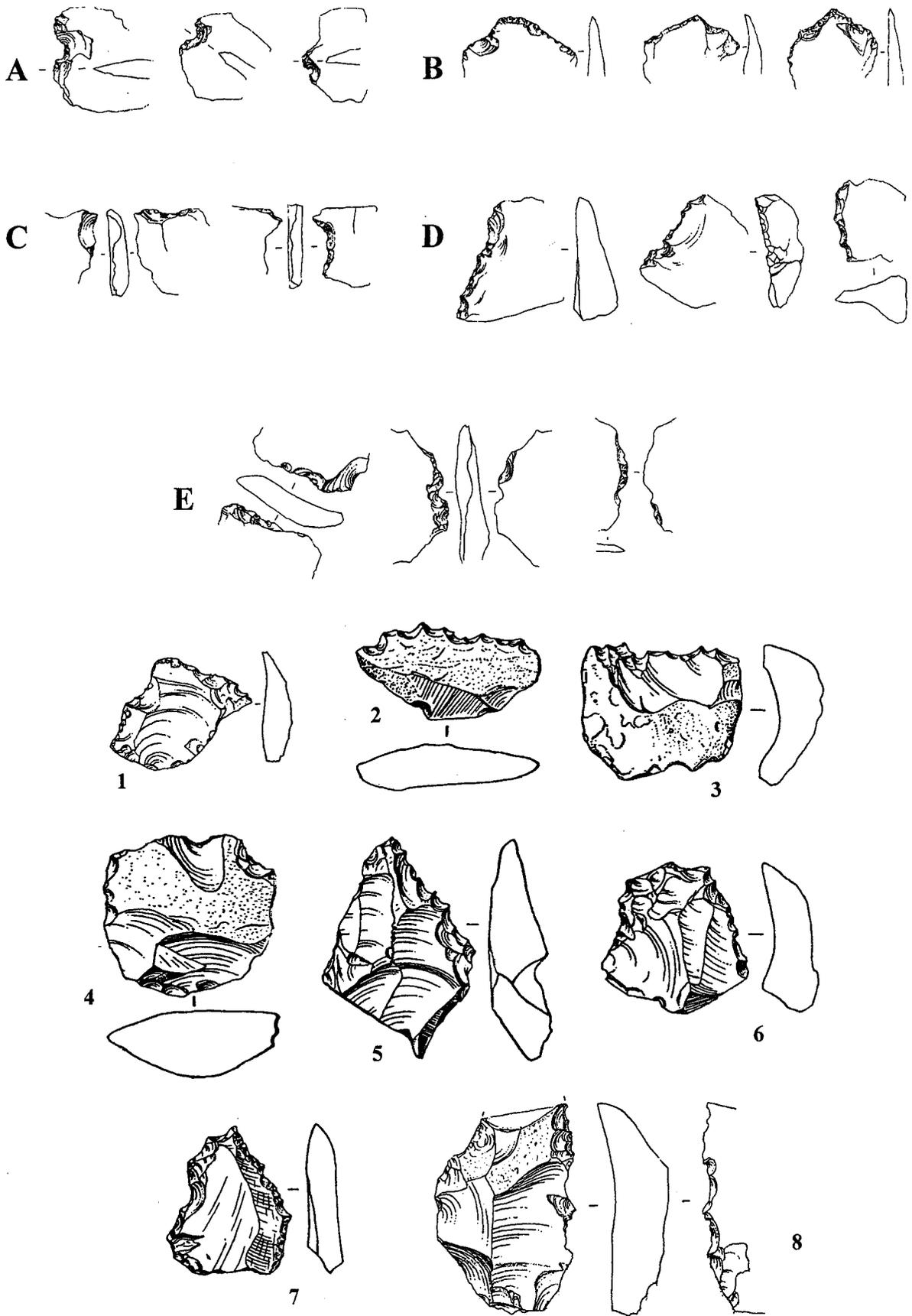

Рис. 88. Белокузьминовка. Морфология псевдозубчатых участков (А-Е). Зубчатые предметы (1-7).
 Fig. 88. Belokuzminovka. Pseudo-denticulate pieces of the Boug complex.

ными признаками постдепозиционной деформации. Зубчатость подавляющего большинства сколов отражает не столько особенности обработки или использования орудий, сколько археолого-тафономическое состояние комплекса. Наиболее типичными зубчато-выемчатыми краями являются участки с глубокими рваными анкошами (рис.88, А), тупоугольные острия с мелкой краевой разнокалиберной ретушью (рис.88, В), «клювы» с чередующейся ретушью (рис.88, С), скребловидные «лезвия» (рис.88, D) и участки с чередующимися разнокалиберными фасетками (рис.88, Е). Охарактеризовать эти предметы в качестве орудий как конструктивное целое не представляется возможным. По отношению к некоторой части из них возможно формальное определение «зубчатое скребло» [Любин, 1977]. Остальные можно описать только как совокупность «рабочих элементов» [Бонч-Осмоловский, 1940; Коробков, Мансуров, 1972]. Морфология зубчатых предметов Белокузьминовки сопоставима с кремнями из разрушенных слоев мустьерского времени [напр.: Анисюткин, Филиппов, 1986, с.5] или из экспериментальных серий с естественной деформацией. В то же время отдельные кремневые изделия из бугского лесса Белокузьминовки отличаются интенсивной зубчатой обработкой (рис.87, 3-6; 88, 1-8) и нельзя полностью исключать вероятность их искусственного происхождения.

Как видно, ансамбль орудий из бугского лесса базируется на обушковых ножах с мини-

мумом обработки, тронкированных сколах и разнообразных скреблах, ядро которых составляют эффективные скребла с ядришным утончением. Подавляющее количество орудий изготавливались из сколов, полученных в рамках среднепалеолитической технологии расщепления нуклеусов. Орудия на правильных пластинах позднепалеолитического типа единичны, если не уникальны. Позднепалеолитическая группа орудий включает грубо оформленные резцевидные изделия, долотовидные изделия, атипичные скребки, проколки.

Коллекция из делювия вичевских почв

Этот стратиграфический горизонт (1.9 – 2.7 м.) содержит 521 кремь.

Все кремни их витачевского делювия покрыты фарфоровидной глянцевой или молочной пагиной, окатаны или залощены. Забитости и механических повреждений на кремнях немного, существенно меньше, чем в бугском лессе.

Кремни залежали в многочисленных линзах обломочного материала и дисперсно во всей толще почв. Характерно залегание ряда предметов в вертикальном и наклонном положении, что согласуется с участием делювиальных процессов в формировании почв. В 1986 г. на глубине 2.46 – 2.50 м зафиксирована выдержанная по простиранию линза артефактов с диаметром около 1 м., уходящая в нераскопанную часть отложений. Представлена в основном крупная фракция каменного инвентаря, мелких сколов и осколков непропорционально мало.

	количество	%
Конкреции со следами обработки	12	2.4
Обломки кремня	16	3.1
Пренуклеусов	2	0.4
Нуклеусы	14	2.7
Фрагменты нуклеусов	7	1.4
Пластинчатые сколы и их фрагменты	26	5.1
Краевые сколы поджигления нуклеусов	4	0.8
Отщепы и осколки размерами свыше 5 см.	11	2.2
Отщепы и осколки размерами от 3 до 5 см.	140	27.5
Отщепы и осколки размерами от 1 до 3 см.	208	40.8
Чешуйки	20	3.9
Изделия с вторичной обработкой	50	9.8
Итого:	521	100%

Таблица 23. Белокузьминовка. Состав кремневой коллекции из витачевского горизонта.

Палеолитические кремневые остатки накопились в витачевских почвах в результате неоднократных эпизодов плоскостного смыва и представляют собой, конечно, условный тафономический комплекс. Из-за переотложения культурных остатков, включенных в делювий витачевских почв, соотношение категорий кремневого инвентаря и, соответственно, некоторые общеструктурные индексы (процент орудий, коэффициент С-Т) будут заведомо искаженными. Остальные технические индексы также носят условный характер.

Тем не менее, кремневые изделия производят впечатление однородного по своим технико-типологическим показателям материала, и мы будем рассматривать их суммарно.

Всего в витачевском горизонте найдены две заготовки нуклеусов, 14 ядрищ на различной стадии сработанности и 7 фрагментов, 3 из которых имеют следы естественных трещин. Среди нуклеусов 1 в начальной стадии расщепления, 10 сработаны приблизительно наполовину и 3 расщеплены практически до предела. Из 7 фрагментов ядрищ 2 небольших обломка относятся к остаточным формам. Таким образом, коэффициент остаточных ядрищ не превышает 24 %. Из всех сколов размерами свыше 1 см 29 % сохранили более или менее заметные участки первичной корки. Эти данные свидетельствуют о незначительной глубине переработки каменного сырья и, соответственно, незначительной степени редукции нуклеусов.

Техника первичного расщепления основывалась на применении нескольких основных методов – кубовидного, центростремительного и параллельного расщепления со слабывпуклых поверхностей. Наиболее распространенным был параллельный метод скалывания с нуклеусов с уплощенным или слабывпуклым рабочим фронтом. Полусные нуклеусы представлены 12 образцами, 8 из которых относятся к двуплощадочным полярным ядрищам, 4 – к униполярным. В качестве исходной формы использовались конкреции с округленной поверхностью, поэтому тыльная сторона требовала минимальной подправки. Униполярный и биполярный методы развивались как близкие, но самостоятельные методы расщепления. Это видно по характеру оформления некоторых биполярных нуклеусов, которые изначально конструировались как двуплощадочные.

Двуплощадочные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом. Наиболее крупный биполярный нуклеус в начальной стадии срабо-

танности (рис.89, 8) имеет подчетыреугольный в плане слабывпуклый рабочий фронт, две полярные площадки и специально оформленную выпуклую тыльную сторону. Площадки оформлены широкими сколами и дополнительно не фасетировались. Начальная выпуклость фронта обеспечивалась сколами со всех четырех краев, в том числе в направлении «от края фронта к центру». С начальным этапом эксплуатации подобных ядрищ связаны относительно крупные сколы с продольно-поперечной или поперечной огранкой спинки. В коллекции их относительно немного – всего 9 шт. Судя по одному из остаточных биполярных нуклеусов (рис.89, 5), в таком же порядке мог осуществляться и подъем выпуклости фронта в ходе последующего целевого расщепления. Подправка краевых участков фронта у большинства средне- и сильно сработанных биполярных нуклеусов, однако, иная. Она осуществлялась снятием продольных сколов с угла площадки, которые срезали краевые участки рабочего фронта со сформированной параллельной огранкой. Вместе с краем уплощенного фронта такие сколы срезали прилегающий к нему участок тыльной или боковой стороны. Поскольку тыльная сторона почти всех биполярных нуклеусов сохранила участки известковой корки, понятен относительно большой удельный вес (17 %) естественно-обушковых сколов. Прием подъема выпуклости рабочего фронта краевыми продольными сколами виден на нескольких остаточных нуклеусах (рис.89, 6), а также их фрагментах. Большинство ударных площадок биполярных нуклеусов тщательно фасетированы. В результате такой подправки площадки приобретали выпуклость в месте приложения удара. В одном случае отмечено дополнительное фасетирование площадки боковыми сколами (рис.89, 6). Один миниатюрный биполярный нуклеус выполнен из мелкой цилиндрической конкреции. В целом, нуклеусы этой разновидности предназначались для скалывания относительно широких и тонких пластин и отщепов с субпараллельной уни- и биполярной огранкой.

Униполярные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом представлены одним целым образцом (рис.89, 2) и 3 фрагментами. Форма этих нуклеусов в плане неустойчивая, площадки гладкие или грубо фасетированные, негативы сколов чаще всего короткие и рельефные. Тыльные стороны корковые, боковые элементы

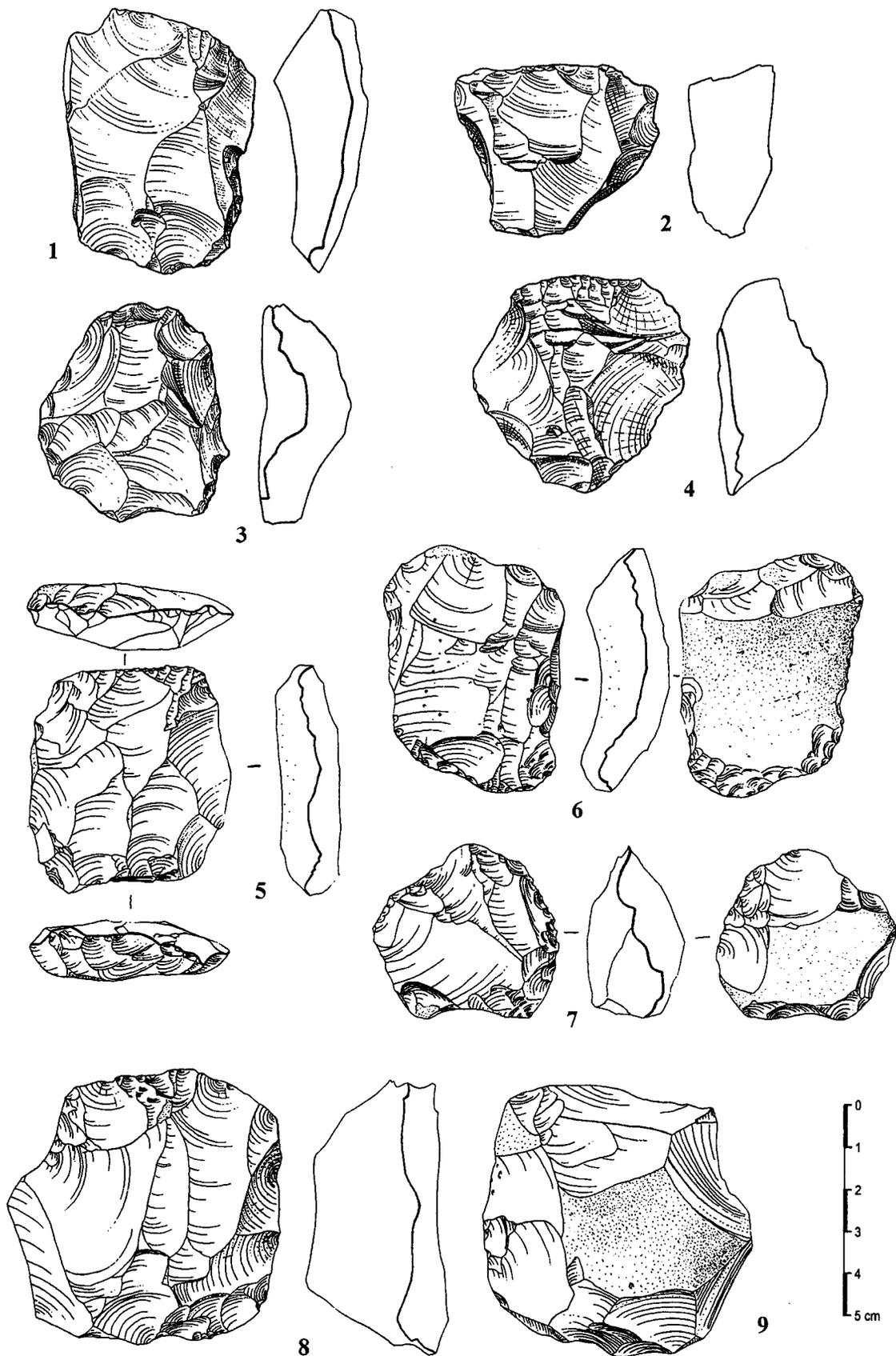

Рис. 89. Белокузьминовка. Нуклеусы из витачевского горизонта.
 Fig. 89. Belokuzminovka. Cores of the Vitachevo complex.

фактически не обрабатывались. Возможно, этот метод расщепления применялся для тестирования кусков кремня или является неудачной попыткой изготовления двуполосных нуклеусов.

Нуклеусы с радиальной огранкой (5 шт.), также как и ядрища с полярными площадками, относятся к двум разновидностям. Наиболее сложноорганизованной является технология расщепления нуклеусов из крупных отщепов (рис. 89, 3-4). При расщеплении таких нуклеусов уплощенная брюшковая сторона сохранялась как площадочная часть, в то время как целевое скалывание осуществлялось на выпуклую дорсальную сторону. Плоская сторона содержит по краю несколько изолированных ударных площадок. Сохранились подготовленные к использованию тонко фасетированные выпуклые площадки. Один из трех центростремительных нуклеусов на отщепе является остаточным. Скалывание с двух других центростремительных нуклеусов велось попеременно на обе стороны при этом ударные площадки самовозобновлялись (рис. 89, 7). Судя по негативам сколов и подготовленных к скалыванию участков, отщепы отличались массивностью и конвергентной огранкой.

Три кубовидных нуклеуса также предназначались для скалывания коротких и массивных отщепов. Все площадки этих нуклеусов гладкие, располагаются бессистемно в зависимости от позиции предшествующего скола. Характерен принцип взаимозаменяемости площадок плоскостей расщепления.

Отщепы размерами свыше 3 см. имеют более разнообразную огранку, чем отщепы из бугского лесса. Представлены следующие разновидности огранки:

- однонаправленная 60;
- однонаправленная полуторковая 22;
- конвергентная 4;
- продольно-встречная 11;

- радиальная 14;
- поперечно-продольная полуторковая 1;
- двускатная «на ребро» 1;
- полуторковая со встречным скалыванием 5.

Огранка пластин менее разнообразна. Выделяются такие типы огранки:

- однонаправленная 16;
- продольно-поперечная 2;
- продольно-встречная 2.

Характер зон расщепления сколов отражен в таблице 24. В этой выборке проанализированы зоны расщепления крупных вторичных сколов.

Как видно, прием редукции площадок не получил широкого развития в условной индустрии витачевского горизонта стоянки Белокузьминовка.

Индекс пластинчатости (ILam) составляет 20 %. Индекс подправки общий (IFI) 36 %, индекс тонкого фасетирования (IFs) – 26.3 %. Коэффициент массивности сколов довольно высок – 27. Коэффициент удлиненности – 127.

Орудийный набор выразительный и своеобразный. Он состоит, главным образом, из различных ножей и скребел, тронкированных сколов, зубчатых изделий.

Орудия из витачевского горизонта относительно крупные (в среднем 5-6 см.), массивные. Усредненный показатель массивности изделий с вторичной обработкой – 27.1.

При изготовлении орудий использовалась формообразующая чешуйчатая, чешуйчато-ступенчатая и зубчатая ретушь, фрагментация, тронкирование и ядрищный прием обработки. Особой эффективностью отличается ядрищный прием, который имеет различной по степени сложности исполнение – от утончения основания орудия (рис.90, 1, 9) до утончения всего корпуса изделия (рис.90, 8).

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двухгранные	Всего
Необработанные	6	11	-	7	19	-	43
С пониженным рельефом	5	2	2	2	6	2	19
Грубообработанные	14	19	6	1	5	2	47
Редуцированные	-	3	1	1	-	-	5
Редуцированные с пришлифовкой	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	25	35	9	11	30	4	114

Таблица 24. Белокузьминовка. Зоны расщепления сколов из витачевского делювия.

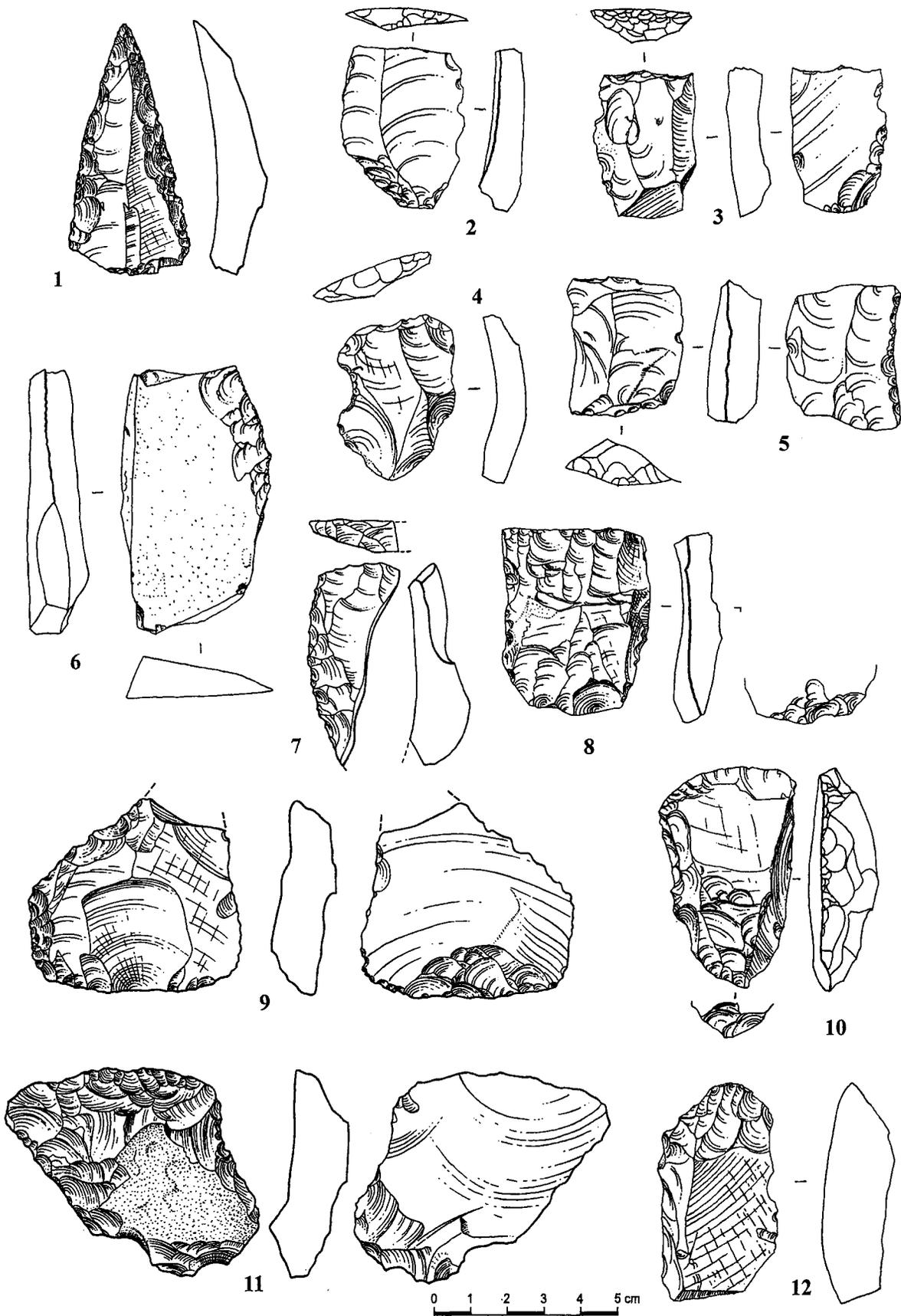

Рис. 90. Белокузьминовка. Орудия из витачевского горизонта.
 Fig. 90. Belokuzminovka. Tools of the Vitachevo complex.

Мустьерский *остроконечник* представлен всего одним выразительным экземпляром (рис.90, 1) с хорошо выраженным острием. Орудие сделано из дистальной части крупной изогнутой в профиле пластины. Основание представляет собой торец облома, который послужил вторичной площадкой для нескольких сколов утончения.

Продольное прямое скребло (рис.91, 1) изготовлено из широкого пластинчатого отщепка. Фрагментировано.

Продольных выпуклых скребел 3 шт. Одно из них выполнено на тонкой кремневой плитке (рис. 90, 6) и относится к атипичным образцам.

Угловатое скребло (рис.90, 11) специфично. Два хорошо выраженных сходящихся под острым углом лезвия дополняются своеобразным «черенком», утонченным несколькими сколами с брюшковой стороны орудия. Оба лезвия обработаны моделирующей распространенной ретушью, которая полностью срезала первичную корку отщепка-заготовки.

Тронкированные орудия составляют численно небольшую, но выразительную подборку. Всего их в коллекции из данного культурно-стратиграфического комплекса 6 шт. (рис.90, 2-5). Основой для них послужили широкие пластинчатые сколы с уни- (5) и биполярных (1) нуклеусов. Во всех случаях тронкирующие сколы регулярные, с различными по размеру фасетками. У *tronque*, изображенном на рис.90, 3, массивный тронкированный конец обработан многорядной ступенчатой ретушью. В четырех случаях сколы наносились с плоской стороны обрабатываемого предмета, в одном случае – и со стороны брюшка, и со стороны спинки. У экземпляра на рис.90, 5 поперечное усечение конца было осуществлено после уплощения брюшковой поверхности. Судя по ретуши утилизации на некоторых образцах, а также по наличию ретушированной выемки (рис.90, 4), тронкированные изделия представляют собой самостоятельный тип орудий. Поперечное усечение имело, видимо, аккомодационный смысл.

Обушковый нож представлен одним массивным экземпляром с поперечно ретушированным обушком (рис.91, 9). Поперечное сечение орудия треугольное. Лезвие со следами интенсивной работанности.

Зубчато-выемчатые предметы вполне выразительны. Всего их 9 шт. (рис.91, 4, 6-9). Они

имеют вид скребел с крутыми зубчатыми лезвиями. Формально два зубчатых предмета являются поперечными (рис.91, 6, 7), одно – продольным (рис.91, 4). Остальные относятся к комбинированным формам.

Типологической индивидуальностью отличаются скребло с двумя зубчатыми лезвиями (рис.91, 2 – обломанное конвергентное скребло - ?) и скребло с двумя сходящимися под тупым углом лезвиями (рис.90, 9). Основание последнего орудия утончено одним крупным сколом с вторичной площадкой.

При помощи ядрищного приема обработки сделаны четыре орудия, которые могут быть атрибутированы как *скребла с утонченным корпусом* (рис.90, 7, 10) и как типичный костенковский нож (рис.90, 8) Два из скребел представлены обломками – продольным (рис.90, 7) и поперечным, срезающим концевой участок. Лезвия на всех скреблах продольные выпуклые, отличаются крутизной. Сколы утончения покрывают почти всю дорсальную поверхность изделий. Орудия выполнены их массивных отщепов. Дорсальная поверхность ножа костенковского типа полностью покрыта лямеллярными сколами утончения. Одна вторичная площадка была создана на месте первичной площадки скола-заготовки, вторая расположилась на месте торца поперечного облома. Специфично *скребло с униполярным лицевым утончением*. Вторичная площадка образует острый в профиле и выпуклый в плане край, частично приостренный ретушью. Этот участок мог иметь самостоятельный функциональный смысл.

Типологический ансамбль дополняют два *массивных скребкообразных инструмента* с высокими выпуклыми поперечными лезвиями (рис.91, 3, 5) и еще одно *ориньяквидное скребковидное орудие* с выступающим в плане приостренным поперечным лезвием, обработанным субпараллельной ретушью (рис.90, 12). Группа сколов с ретушью включает леваллуазский скол (рис.91, 8), краевой скол, переоформленный в обушковый нож (рис.91, 10), пластины (рис.91, 11, 12).

Сравнительный анализ индустрий из бугского лесса и витачевского почвенного делювия

Как видно из описания и статистических данных, индустрии из делювия витачевских почв и бугского лесса чрезвычайно близки по технологическим и типологическим параметрам.

рам. Техника первичного расщепления индустрии из лесса основывается на тех же методах плоскостного расщепления, но дополняется заметным позднепалеолитическим компонентом. Снизу вверх растет индекс пластин при приблизительно равном показателе фасетажа и коэффициента массивности сколов. Ансамбль орудий сохраняет принципиальную структуру, но остроконечники фактически исчезают, развивается ассортимент позднепалеолитических типов, растет удельный вес обушковых ножей. Можно сказать, что фиксируются две ступеньки прогрессивной эволюции одного культурного феномена.

Если принять во внимание состояние сохранности кремней этих двух условных тафономических комплексов и естественный характер основного количества «зубчатых изделий», от приставки «зубчатое мустье» по отношению к Белокузьминовке [Цвейбель, 1971; Векилова, 1973, с.47; Гладилин, 1976, с.102; и др.], видимо, следует отказаться. Это сразу уводит нас от процедуры сопоставления Белокузьминовки с индустриями среднего палеолита, которые декларируются как памятники зубчатого мустье. Таких памятников достаточно много и расположены они в различных уголках палеолитической ойкумены. Они связаны как с пещерными полостями, так и с лессовыми площадками. Не оспаривая вероятность культурного значения некоторых зубчатых изделий, отмечу, все же, что в подавляющем большинстве случаев зубчатость коррелируется с особыми условиями седиментации или различными постдепозиционными процессами.

С археологической точки зрения, в целом, индустрия из бугского лесса Белокузьминовки может быть определена как переходная между средним и поздним палеолитом индустрия с доминированием среднепалеолитического компонента. Не случайно она описывается в сводке среднепалеолитических памятников Донбасса. О предпочтительности среднепалеолитической археологической датировки этой индустрии свидетельствует преимущественно отщеповая (с плоских или слабовыпуклых поверхностей) техника первичного расщепления и преобладание обушковых ножей и скребел в орудийном ансамбле. Позднепалеолитическая слагающая выражена в упрощенном объемном скалывании пластин и в осязаемой доле позднепалеолитических типов орудий (атипичные скребки, проколки, резцевидные изделия и др.).

В культурно-типологическом смысле комплекс из бугского лесса сопоставим, во-первых, с индустриями переходного типа, основанными на применении смешанных нуклеусных технологий среднего и позднего палеолита, а, во-вторых, с индустриями, содержащими похожий набор каменных инструментов.

Наиболее близкой аналогией лессовому комплексу Белокузьминовки является стоянка Шлях в Поволжье. На это впервые обратил внимание автор раскопок стоянки Шлях П.Е. Нехорошев [Нехорошев, 1997; 1999]. Со стоянкой Шлях Белокузьминовку объединяет близкий уровень развития техники первичного расщепления и похожий состав орудий. В 8-м горизонте стоянки Шлях присутствуют полюсные нуклеусы с уплощенным рабочим фронтом, немногочисленные радиальные ядрища, торцовые нуклеусы, сколы с усеченными концами, скребла обычных разновидностей, обушковые ножи, скребла с ядришной обработкой спинки; остроконечники редки, скребки и резцы атипичны. Если отвлечься от второстепенных отличий (более выраженный пластинчатый компонент в Шляхе, более разнообразный набор инструментов в Белокузьминовке), трудно найти более подходящих аналогий обоим памятникам. Возраст 8-го горизонта Шляха по двум AMS датам предварительно определяется в пределах 45000 – 46000 тыс. лет назад [Нехорошев, 1999, с.87], что несколько древнее предполагаемого возраста комплекса из бугского лесса Белокузьминовки. Тем не менее, в пределах предварительной оценки абсолютного возраста позиции двух стоянок достаточно близки. Поэтому вполне обоснованно не только объединение двух индустрий в один формальный т.н. Белокузьминовский тип памятников, но и предположение об одном историко-культурном пласте.

Вторая составляющая взглядов Н.Е. Нехорошева на Белокузьминовскую группу памятников более проблематична. Как известно, П.Е. Нехорошев предложил включить в названную группу также донецкие памятники Звановка и Курдюмовка. Краеугольным камнем такого объединения является наличие во всех комплексах «протокостенковских» ножей, остроконечников с утонченным корпусом, тронкированных сколов. Однако, в бугском комплексе эпонимной стоянки остроконечники атипичны и редки, тронкированные сколы единичны в лессовом комплексе Курдюмовки (при наличии се-

эти типичных остроконечников), набор орудий из Звановской мастерской вообще крайне мал для каких-либо сопоставлений, остроконечники с базальным утончением представлены по одному образцу в витачевском комплексе Белокузьминовки, в 8-м горизонте Шляха и в Звановке. Единственным перекрестным основанием для сравнения комплексов являются изделия с ядрищным утончением. Вместе с тем, слухи об особом диагностическом значении протокостенковских ножей в европейских индустриях среднего палеолита выглядят сильно преувеличенными. Классические по исполнению костенковские ножи и скребла с утонченным корпусом в небольшом количестве присутствуют во многих двусторонних индустриях Русской равнины: в Рихте [Смирнов, 1986], Антоновке [Гладилин, 1976], Сухой Мечетке, Черкасском. Костенковские скребла и ножи серийно представлены во многих непохожих индустриях среднего палеолита Западной Европы [Ulrix-Closset, 1990, fig.5, 7; Tuffreau, Ameloot-Van Der Heijden, 1991, fig.4, 6; Lumley de, 1969, fig.337, 9; Richter, 1997, taf.46, 1-2; и др.] и не могут в отрыве от других оснований быть надежным культурным индикатором.

Более правдоподобным выглядит сравнение Белокузьминовки и Шляха с молдавской пещерной стоянкой Бутешты [Кетрару, 1970, 1973]. В этом комплексе содержатся разнообразные скребла, обушковые ножи, тронкированный скол, эффектные скребла с утонченным корпусом, атипичные скребки и резцы, есть также зубчатые формы – едва ли не весь формальный перечень орудий из Белокузьминовки. Остроконечники не характерны; техническая основа – площадочные (в том числе полюсные) нуклеусы с уплощенным фронтом и радиальные ядрища. В Бутештах нет торцовых нуклеусов и менее, чем в Белокузьминовке, выражена позднепалеолитическая группа орудий, но это вполне допустимая разница хронологического порядка. На основании единственного фрагмента бифаса и псевдо-прондника (фактически скребло с утончением спинки и корпуса) Н.К. Анисюткин сопоставляет Бутешты с румынской стоянкой Рипичени-Извор [Анисюткин, 2001, с.127]. Вряд ли такое сравнение правомочно. Исходя из сказанного, я предлагаю включить в Белокузьминовскую группу памятников грот Бутешты, ограничить группу пока только тремя памятниками (Белокузьминовка, Шлях,

Бутешты) и реконструировать последовательность развития этого культурного феномена в таком порядке (безотносительно к хронологии): Бутешты – витачевский комплекс Белокузьминовки – 8 горизонт Шляха – бугский комплекс Белокузьминовки.

Сочетание в индустрии из бугского лесса Белокузьминовки технологий нуклеусного расщепления среднего и позднего палеолита перекликается с набором технологий не только Шляха, но и более широкого круга памятников. Как правило, их относят к началу или ранней поре позднего палеолита. Это такие памятники, распространенные по всей Евразии, как Кульчивка, 3 слой [Савич, 1975], Богуница [Oliva, 1984], Бокер-Тахтит [Volkman, 1983] и многие другие. Технологические реминисценции среднего палеолита выражены в них в виде переживания леваллуазских техник нуклеусного расщепления при наличии вполне сформированного объемного расщепления. В ряде работ позднепалеолитическое расщепление рассматривается в качестве технологической новации, связанной с аккультурацией аборигенного неандертальского населения пришлыми людьми современного анатомического типа [напр.: Коен, Степанчук, 2000, с.51]. Конечно, вариантов проявления аккультурации может быть много. Вызревание в Белокузьминовке торцовой пластинчатой техники на базе эксплуатации плоских нуклеусов среднего палеолита показывает, что новые прогрессивные технологии могут иметь имманентные корни в индустриях со среднепалеолитическим уровнем организации. В связи с Белокузьминовкой, однако, больше удивляет не рост позднепалеолитического компонента, а, наоборот, само существование среднепалеолитических технологий в столь позднее для среднего палеолита время.

Произошедшие недавно коллизии с датировкой стратиграфических горизонтов верхнего и среднего плейстоцена Украины заставляют нас по-новому оценить стадийное значение каменной индустрии из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки. Раньше, исходя из актуальных на то время датировок, мы оценивали эту среднепалеолитическую по облику индустрию в хронологическом смысле как поздне- или финально-мустьерскую [Цвейбель, Колесник, 1992; Герасименко, Колесник, 1994]. Теперь она должна быть отнесена в круг тран-

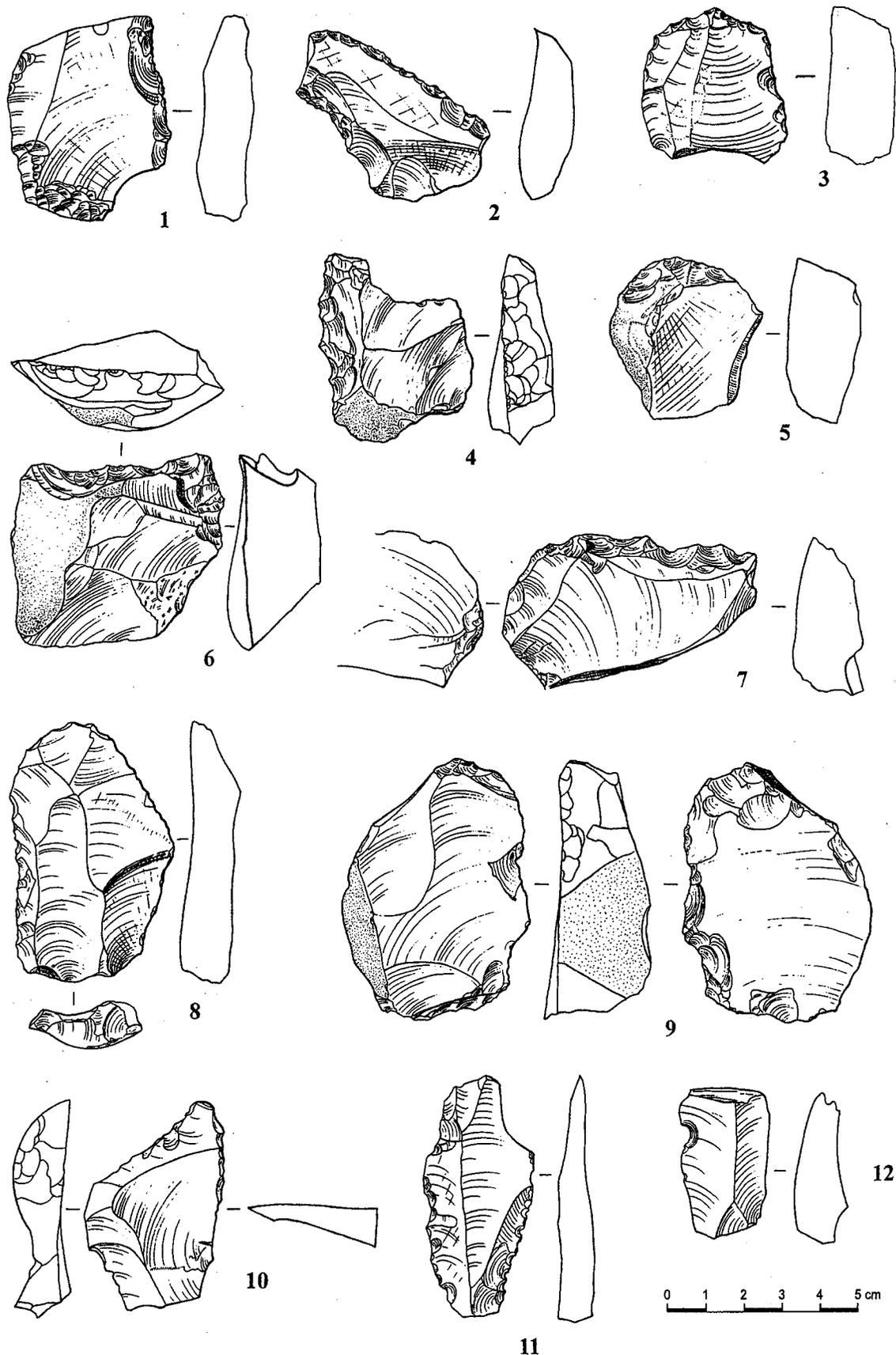

Рис. 91. Белокузьминовка. Орудия из витачевского горизонта.
 Fig. 91. Belokuzminovka. Tools of the Vitachevo complex.

зитных по возрасту пятников. Если датировки раннебугских отложений Украины возрастом 29-25 тыс. лет назад получают свое дальнейшее подтверждение, комплекс из верхнего стратиграфического горизонта Белокузьминовки может занять ключевое место в дискуссии о характере и времени перехода от среднего палеолита к позднему в этом секторе Восточной Европы.

В сводной работе по периодизации позднего палеолита Северного Причерноморья В.С. Станко по стратифицированным комплексам датирует первый период массового распространения памятников позднего палеолита концом молодого-шекснинского – началом ошашковского времени [Станко, Свеженцев, 1988], что соответствует началу бугского стратиграфического горизонта верхнего плейстоцена в соответствии с новыми корреляциями схемы М.Ф. Веклича. Наиболее ранними, судя по кремневому инвентарю из подъемного материала, являются Зеленый Хутор I и II, а также Кулударь в Нижнем Поднестровье [Станко, 1980; Сапожников, 1994]. Эти памятники, к сожалению, не имеют геологических определений и, тем более, радиоуглеродных дат. Стоянки Ненасытец III в Надпорожье [Смирнов, 1972] вместе с Владимировкой (10-7 сл), Осокоровкой (VI-Va сл.) и Сагайдаком I относятся к заключительному этапу ранней поры позднего палеолита и синхронизируются с VII и VIII слоями Молодово V, с 6 слоем Кормани IV и с комплексами первой хронологической группы позднепалеолитических памятников Молдавии [Станко, Григорьева, Швайко, 1989, с.90]. Указанные горизонты Молодово V и Кормани IV [Черныш, 1973; 1977] залегают в брянской ископаемой почве. Самые ранние на юго-западе Русской равнины датированные позднепалеолитические горизонты, соответствующие слоям IX-X Молодово V и 7 слою Кормани IV [Черныш, 1973; 1977], залегают ниже этой почвы. Таковыми, возможно, являются горизонт IV-а Осокоровки [Пидопличко, 1956], стоянка Лески [Смолянинова, 1990]. В эталонной последовательности раннего этапа позднего палеолита на стоянке Молодово V радиоуглеродный возраст по древесному углю слоя IX составляет 28-29 тыс. лет назад [Синицын и др., 1997, с.58]. Абсолютные датировки древнейших позднепалеолитических поселений III культурного слоя стоянки Брынзены I, стоянки Климауцы II в Молдавии дают очень широкий разброс значений и продолжают диску-

тироваться в настоящее время [Chirica, Borzias. Chetrau, 1996]. Наиболее древние памятники позднего палеолита Восточной Европы связаны все-таки с Крымом и с Костенковским палеолитическим районом. Палеолитические памятники Среднего Дона имеют серийные радиоуглеродные даты и отличаются самой обоснованной хронологией. Обеспеченность культурных слоев радиоуглеродными датировками достигает здесь 75% [Синицын и др., 1997, с.38]. Памятники наиболее ранней хронологической группы (древняя группа) датируются в пределах 32-36 тыс. лет назад и сопоставимы с древнейшей позднепалеолитическими памятниками Европы [Величко, 1979; Синицын и др., 1997, с.27]. М.В. Аникович [Аникович, 2000, с.11] относит самые ранние памятники к добрянскому, кашинскому (33-40 тыс. лет назад), этапу средневалдайского мегаинтерстадиала, по Е.П. Зарриной и И.И. Краснову [Заррина, Краснов, 1977]. Подобный возраст могут иметь и ранние ориньякские и восточно-селетские комплексы Крымского полуострова. Ориньякские слои H-G стоянки Сюрень I по радиоуглероду датируются возрастом не менее 30 тыс. лет [Чабай, 2000, с.62; Демиденко, 2002]. Восточно-селетские слои B-C стоянки Буран-Кая III датируются каким-то отрезком времени в пределах интервала 30-38 тыс. лет назад [Pettitt, 1998; Чабай, 2000, с.64]. Все эти даты соответствуют брянскому (Денекамп) интерстадиалу или времени, чуть более раннему.

Иными словами, если археологический возраст публикуемых коллекций соответствует возрасту включающих ее седиментов, белокузьминовская индустрия существовала в окружении индустрий уже сложившегося позднего палеолита и по понятным причинам не сопоставима с ними в археологическом плане. Круг аналогий и сопоставлений целиком уходит в предшествующую эпоху или ложится на переломную грань двух эпох.

Коллекция из прилукской почвы

Коллекция из прилукской почвы (2.8 – 3.5 м.) относительно немногочисленная и включает 183 кремня (таблица 25).

Кремни из этого стратиграфического уровня за редким исключением залегают в почвенном материале в горизонтальном положении. Лишь единичные кремни встречены в лесовом заполнении мерзлотных трещин. Крем-

ни, как правило, не окатаны и не забиты, покрыты бело-голубой и молочной патиной. Поверхность большинства кремней залощена; на некоторых отмечаются участки с вторичными повреждениями и псевдозубчатыми краями. Замечено, что более патинированные кремни встречаются в суглинистом заполнении трещин.

Из 48 крупных сколов 20 сохранили участки первичной корки. Коэффициент массивности этих сколов - 28.7. Индекс пластинчатости - 13%. Фасетаж общий - 37%. Орудия с вторичной отделкой составляют 6%. Соотношение нуклеусов и орудий приблизительно 1:1. Низкий удельный вес чешуек свидетельствует о естественной сепарации находок и делювиальном переносе мелкой фракции кремней.

Техника первичного расщепления базировалась на двух основных рекуррентных методах – параллельном и центростремительном.

Радиальные нуклеусы представлены двумя атипичными образцами и одним крупным фрагментом. Отбивные площадки на этих ядрищах специально не готовились, приплощадочные зоны грубо подправлялись либо оставались неподготовленными. Наиболее выразителен двусторонний сильно сработанный нуклеус с центростремительным скалыванием (рис.93, 2).

Полюсные нуклеусы с необъемным рабочим фронтом (5 шт.) включают одноплощадочные и двуплощадочные образцы (рис.92, 3-5). Два из них в начальной стадии сработанности. На них видна попытка сформировать одну поперечную площадку и слабовыпуклый рабочий фронт. Тыл нуклеуса сохра-

нял естественную корку. Крупный одноплощадочный образец отличается грубо подправленной площадкой (рис.92, 4). Тыльная сторона подработана с боков. Цикл скалывания завершился отделением крупного центрального пластинчатого по пропорциям отщеп. Остальные полюсные нуклеусы также отличаются грубо обработанными площадками. Подъем выпуклости фронта во всех случаях обеспечивался поперечными сколами «с тыла на фронт». В ходе такого подживления на ядрищах формировались продольные односторонние реберчатые участки. Скалывание таких ребер производилось с рабочей площадки и приводило к появлению удлиненных односторонних поперечно огранных реберчатых отщепов. Всего их материалах из прилукской почвы 2 экз. Сколов подживления с двусторонней огранкой несколько больше - 5 шт. Один из них срезал выпуклый фасетированный участок и наверняка связан с подживлением площадки. Остальные (3) могут быть связаны как с площадками, так и с краевыми участками фронта, сформированными на начальной стадии. По крайней мере, 2 из них сохранили участки первичной корки. Поддержание рабочих свойств нуклеуса достигалось не только подъемом фронта, но и переориентацией системы скалывания. Один из таких полюсных нуклеусов с вторичным рабочим фронтом, расположенным на противоположной стороне, по своей конструкции напоминает нуклеусы типа Джрабер (рис.92, 5).

Типологически отдельно стоит эффективный нуклеус конусовидных очертаний (рис.92,

	Количество	%
Нуклеусы	9	4.9
Сколы подживления нуклеусов	7	3.8
Отщепы свыше 3 см	48	25.9
Отщепы до 3 см	81	43.8
Чешуйки, осколки	10	5.4
Пластинчатые сколы и их фрагменты	6	3.2
Орудия и их обломки	12	6.5
Отщепы с ретушью	9	4.9
Заготовки орудий	2	1.1
Скол формирования бифаса	1	0.5
Итого	183	100%

Таблица 25. Белокузьминовка. Состав коллекции кремней из прилукской почвы.

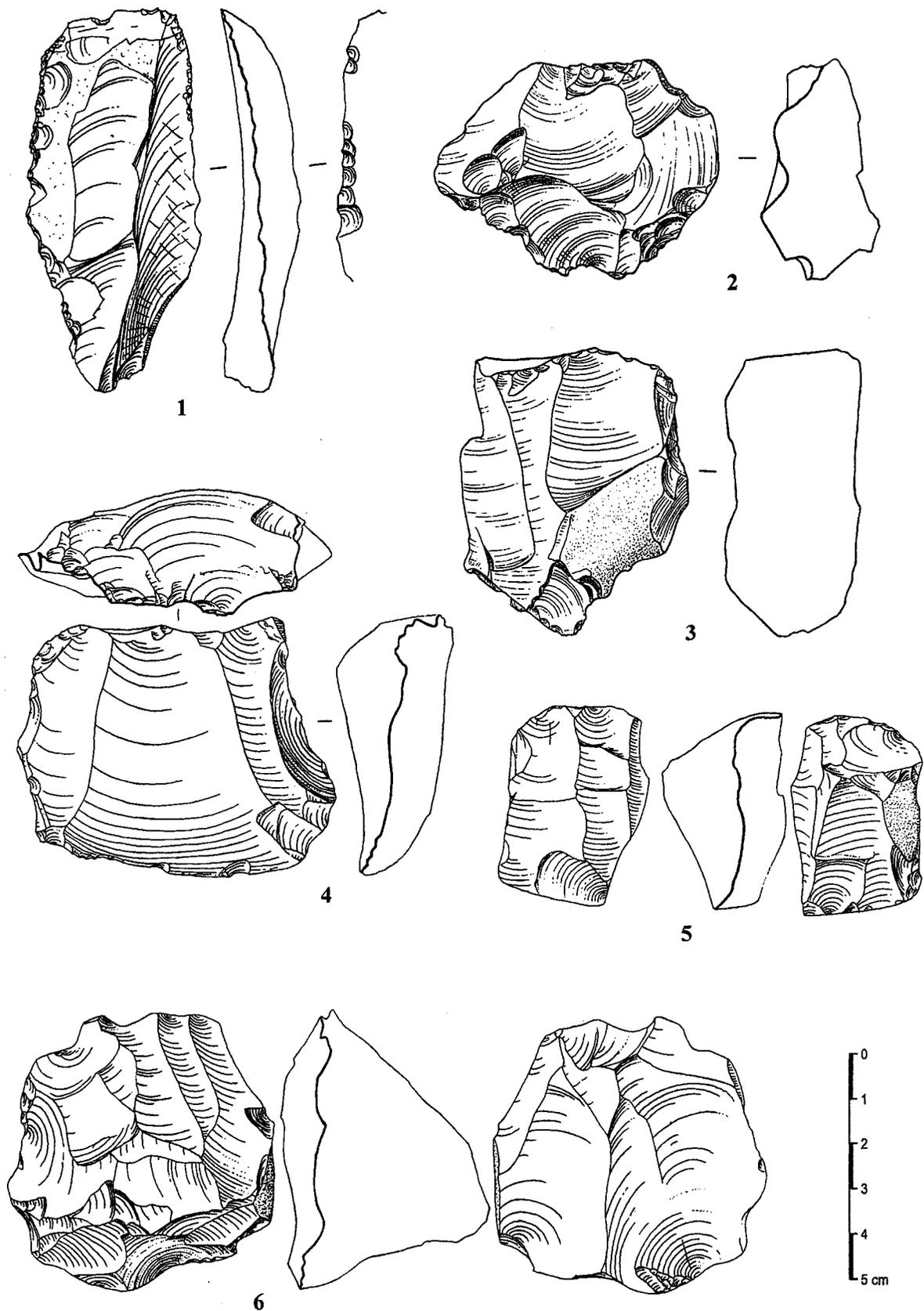

Рис. 92. Белокузьминовка. Изделия из прилукской почвы.
 Fig. 92. Belokuzminovka. Flint implements of the Priluki complex.

б). Он имеет одну плоскую сторону, оббитую радиально-конвергентными сколами, и одну выпуклую, скорее напоминающую фронт объемного призматического ядрища. Эта выпуклая конусовидная сторона огранена фасетками удлиненных, в двух случаях пластинчатых сколов. Плоскую сторону нуклеуса трудно представить как площадку. Видимо, в данном случае мы имеем дело со специфическим дисковидным ядрищем. Присутствует также один продольный скол с похожего нуклеуса. Этот скол захватывает конвергентно ограненный бок нуклеуса и его конусовидное основание.

Из 42 определенных площадок сколов 5 грубо фасетированных, 3 тонко фасетированных, 13 гладких, 4 точечных, 7 корковых, 2 гладких с боковым сколом, 10 двускатных. Обращает на себя внимание относительно высокий удельный вес двускатных площадок. Зоны расщепления обрабатывались в основном с помощью грубой подтески (11), которая понижала рельеф приплощадочной зоны. В двух случаях отмечается редукция площадок позднепалеолитического типа, которая сформировала выпуклые в профиле приплощадочные зоны; применялись мелкие «сминающие» сколы. Два небольших по размеру удлиненных скола напоминают так называемые леваллуазские сколы понижения рельефа приплощадочной зоны и, видимо, связаны с формированием рабочей поверхности леваллуазских нуклеусов.

Арсенал приемов вторичной обработки выглядит несколько обедненным. Как кажется, применялась «избыточная» моделирующая ретушь, а также бифасиальная обработка. Об изготовлении двусторонних орудий свидетельствует скол формирования бифаса. Это небольшой по размеру трапецевидный в плане отщеп со встречной огранкой и типичной для подобных сколов острой в профиле площадкой с т. н. «губой». Сохранился также массивный удлиненный бифас в начальной стадии формирования. Он имеет неправильно-ромбическое сечение и форму в плане, близкую к овальной. На одной из сторон было подготовлено снятие наиболее рельефного участка.

Орудийный набор небольшой. Прежде всего, обращают на себя внимание два массивных поперечных скребла и небольшой овальный бифас с тонким сечением. Одно из этих скребел изготовлено из массивной двускатной пластины (рис.93, 4). Скошенное вправо крутое

лезвие оформлено на базальной части преформы субпараллельной ретушью. Один из краев сработан со стороны брюшка. Торцовый дистальный конец другого скребла на удлиненном первичном отщепе (рис.93, 5) обработан крутой ретушью с заломами, сильно сработан. Базальная часть заготовки усечена.

Овальное двустороннее орудие (рис.93, 8) сделано при помощи уплощающих центростремительных сколов, по всему периметру подправлено мелкой краевой ретушью. Сечение правильное линзовидное. Возможно, этот инструмент изготовлен из остаточного радиального или черепаховидного ядрища. К группе частично-двусторонних орудий относится плоско-выпуклое скребло на массивном первичном отщепе (рис.93, 6). Конструктивно это скребло является сегментовидным.

Выделяется *асимметричный остроконечник* (конвергентное скребло -?) с выпуклым приостренным и прямым притупленным лезвиями (рис.93, 1). Орудие изготовлено из крупного относительно тонкого отщепа с первичной коркой. Сохранился также обломок острого *остроконечника*, ретушированного мелкими крутыми краевыми сколами с заломами (рис.93, 7). Особой эффектностью отличается *зубчатое скребловидное орудие* (рис.93, 9). Крутое выемчатое лезвие в виде ломанной линии обработано регулярными разновеликими фасетками. Заломов со стороны брюшка на лезвийной кромке нет. Два орудия входят в группу скребков на отщепах (рис.93, 3). Орудийный набор дополняют крупный *пластинчатый нож* (рис.92, 1), *обушковый нож на полупервичном отщепе*, *долотовидное орудие с широким поперечным лезвием*, *отщепы с ретушью*.

Коллекция из кайдакской почвы

В кайдакской почве на гл. 3.5 - 4.25 м найдены 28 отщепов разных типов, обушковый нож, небольшой остаточный нуклеус, а также эффектный крупный остроконечник (обнаружен в 1970 г. на гл. 4.4 м) – всего 31 кремь.

Стратиграфическое значение немногочисленных кремней из кайдакской почвы пока не ясно. Как уже отмечалось, большинство кремней встречены в лессовом заполнении трещин, пронизывающих верхний горизонт почвы, т. е. внедрены из вышележащих отложений. В мерзлотных трещинах кремни находятся в различном положении, часто в верти-

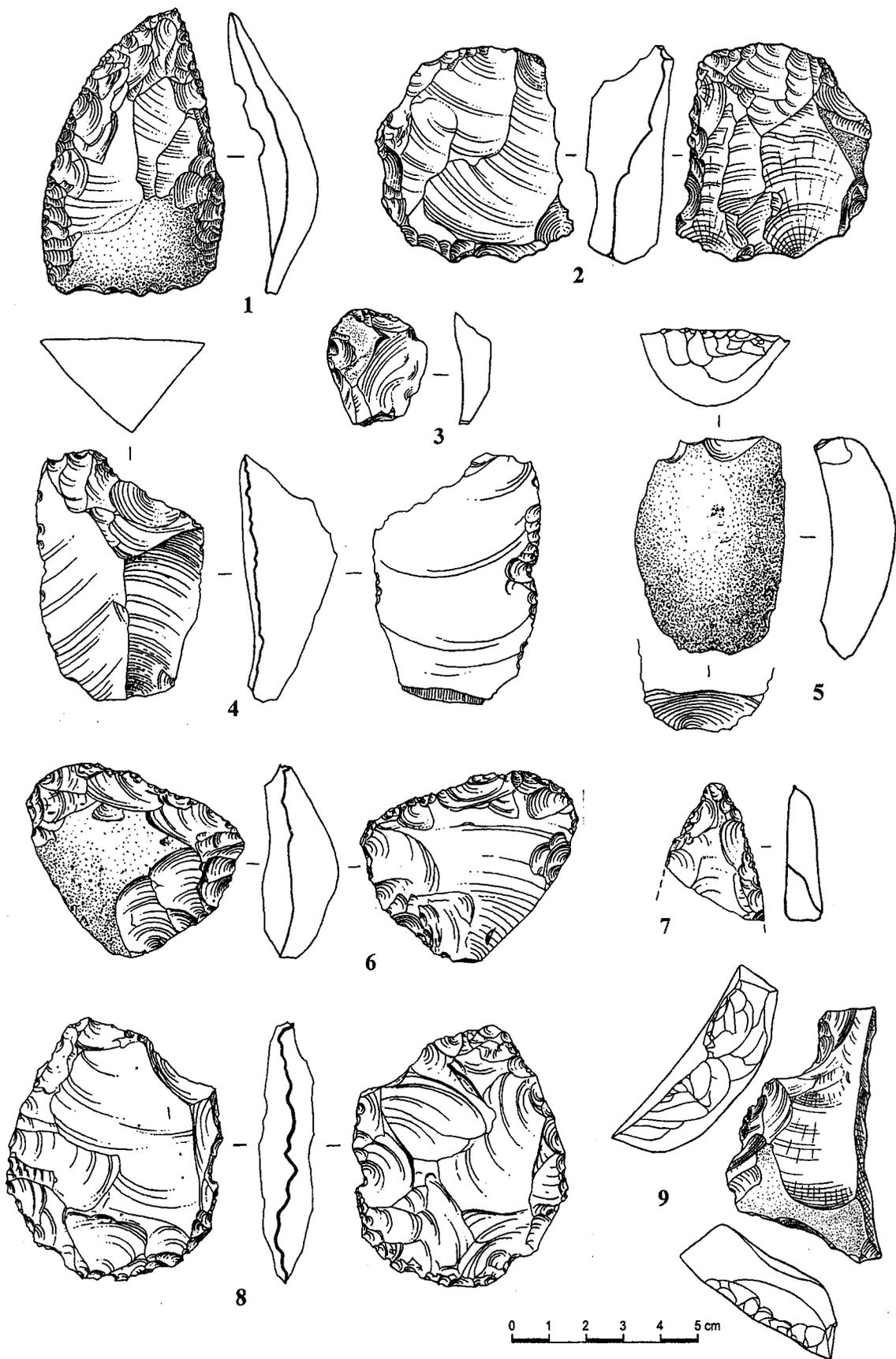
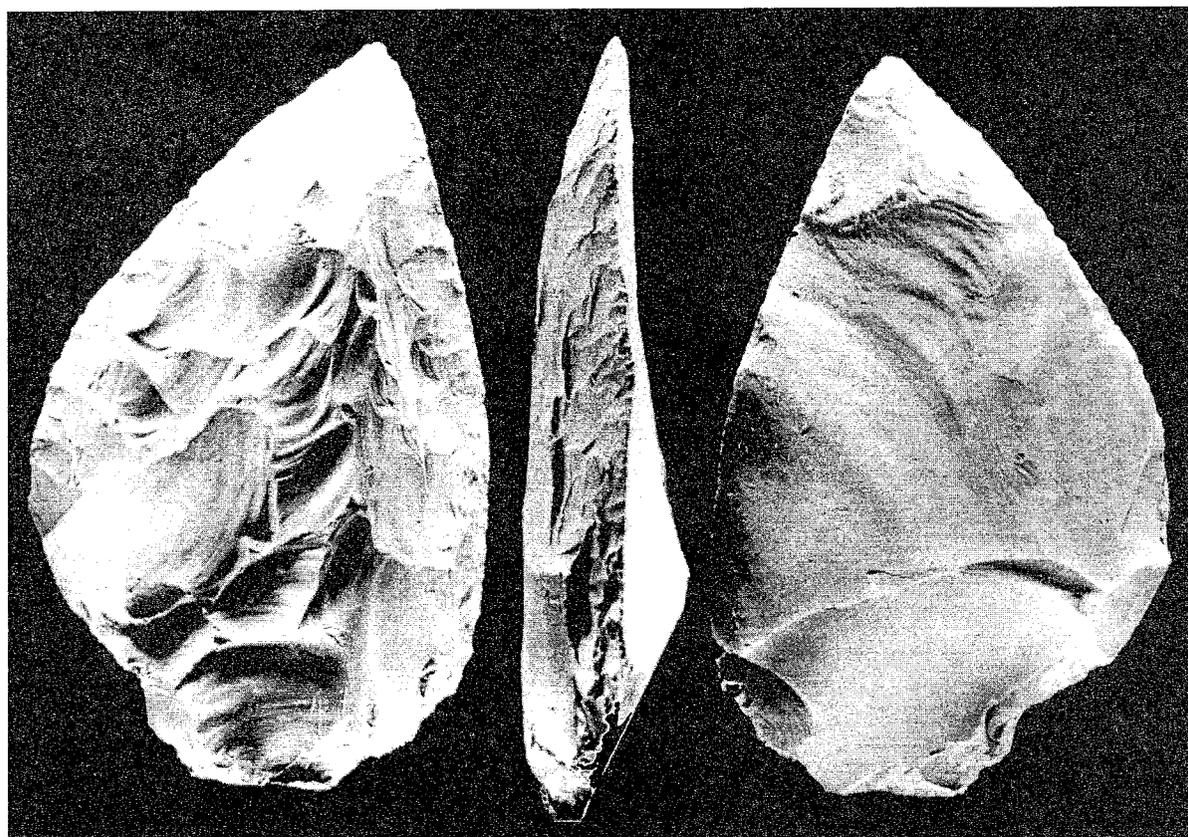
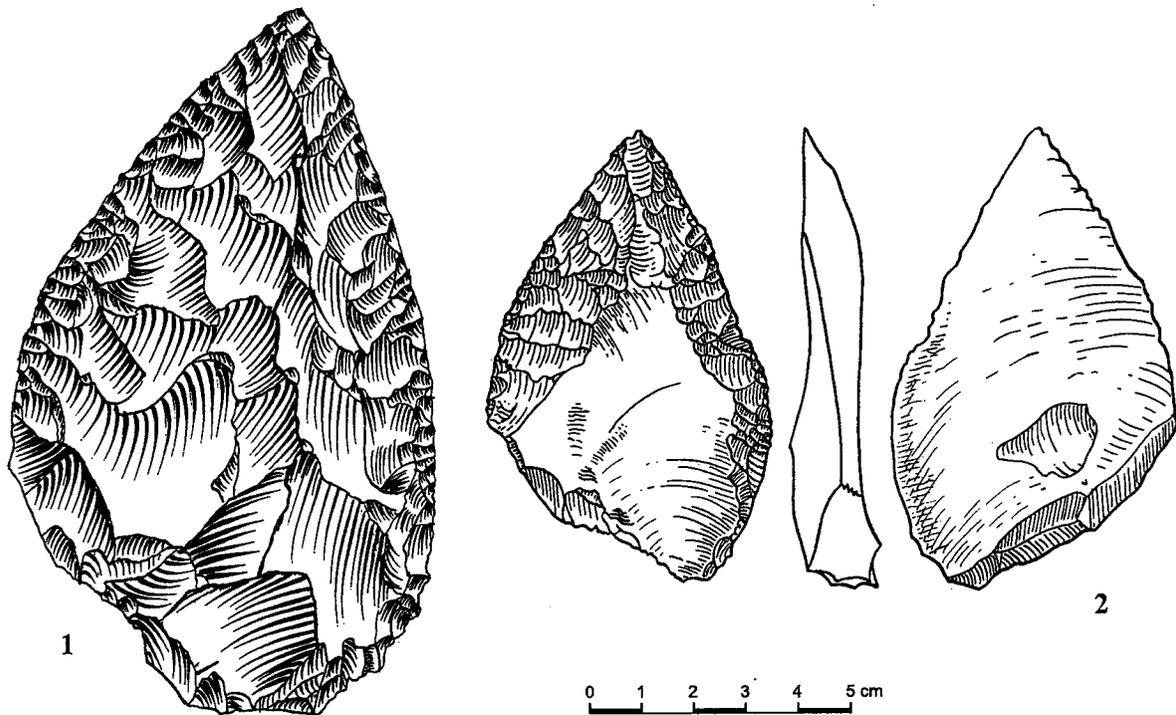

Рис. 93. Белокузьминовка. Орудия из прилукской и кайдакской почв.
 Fig. 93. Belokuzminovka. Flint implements of the Priluki and Kaydaki complexes.

3

Рис. 94. Белокузьминовка. Остроконечник из кайдакской почвы и его аналогия.
 Fig. 94. Belokuzminovka. Point of the Priluki complex.

кальном. Многие кремни покрыты кальцитовой корочкой с нижней стороны. Все кремни имеют хорошую внешнюю сохранность, иногда покрыты тонким белесым налетом патины. В раскопе 1986 г. кремни не встречались ниже уровня проникновения трещин. В то же время часть предметов, в том числе нуклеус, залежали в горизонтальном положении в почвенном субстрате. Определенно в ископаемой почве (со слов Д.С. Цвейбель) найден остроконечник в 1970 г.

Все кремневые изделия демонстрируют среднепалеолитические технико-типологические признаки.

Отщепы имеют укороченные пропорции, гладкие и корковые площадки, нерегулярную огранку дорсальной поверхности. Вместе с тем, два тонких пластинчатых отщепа хорошо огранены, у одного из них фасетированная выпуклая площадка. Нож - обушковый отщеп со следами ретуши на продольном лезвии.

Черепашковидный (?) нуклеус (рис. 93, 2) имеет на уплощенной, предельно сработанной стороне (левая по рисунку) негативы двух крупных центральных округлых в плане отщепов, предварительно ограненных сколами от края к центру. Вторая слабовыпуклая сторона нуклеуса огранена встречными сколами с двух площадок. Обе площадки грубо оббиты. Выпуклость этого фронта увеличена серией поперечных сколов «с тыла на фронт». Эти сколы явно перерезают один из центральных негативов на плоской стороне, т. е. биполярное скалывание является вторичным по отношению к черепашковидному. Образовавшаяся при подъеме фронта зубчатая скребловидная кромка сильно смята, покрыта мелкими выщерблинами, т. е., вероятно, использовалась в работе. Возможно, этот нуклеус отражает редукцию расщепления от линеального черепашковидного метода к биполярному рекуррентному методу Биаш.

Остроконечник (конвергентное скребло - ?) (рис.94, 1, 3) по характеру обработки относится к т. н. плоско-выпуклым формам. Последовательность обработки стандартная и очень выразительная: первоначально широкими тонкими сколами мягким отбойником была сформирована плоская сторона, затем моделирующей чешуйчатой ретушью на дорсальную сторону орудия была придана остроконечная форма. Такой прием двусторонней отделки ха-

рактерен для многих «восточно-микокских» индустрий. Основание орудия уплощено с брюшка и подработано ядрищным способом со спинки. После утончения базальной части остроконечник приобрел симметричный профиль и вполне мог использоваться как наконецник метательного оружия. Орудие свежее на вид, практически без патины, слегка залощено. Остроконечник справедливо сопоставляется Н.Д. Прасловым с аналогичным орудием (рис.94, 2), найденным на южном берегу Крыма у бухты Новый Свет возле г. Судак [Праслов, 1984, с.103]. Новосветский остроконечник связывается с карангатскими морскими отложениями [Гвоздовер, Невеской, 1961; Векилова, 1971, с.146]. Карангатская трансгрессия Азово-Черноморского бассейна наступила вслед за узунларской регрессией и синхронизируется с рисс-вюрмом [Шнюков, Григорьев, 1974], со временем кайдакского почвообразования [Веклич, 1982].

Несмотря на единичность кремневых изделий из прилукской и кайдакской почв, их культурная атрибуция с известной долей вероятности может связываться с двусторонними среднепалеолитическими индустриями Русской равнины. В пользу этого свидетельствуют относительно низкий уровень пластинчатости, высокий коэффициент массивности сколов и орудий, наличие т. н. «избыточной» ретуши, бифасиальной и плоско-выпуклой обработки, набор орудий специфических типов. В этом плане, прежде всего, показательны конвергентные и асимметричные формы. Детальное сопоставление указанных материалов с известными двусторонними комплексами пока невозможно, но общий набор т. н. «восточно-микокских» признаков налицо.

Как видно, культурно-стратиграфическая колонка Белокузьминовки содержит самостоятельные подразделения в виде индустрий из прилукской почвы (1), выгачевского почвенного комплекса (2) и бугского лесса (3). Находки из нижних горизонтов памятника отличаются от выше лежащих и по ряду признаков сопоставимы с «восточно-микокскими» древностями. Находки из двух верхних условных комплексов во многом похожи друг на друга и демонстрируют определенную динамику развития специфической традиции кремнеобработки.

ГЛАВА 6. ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

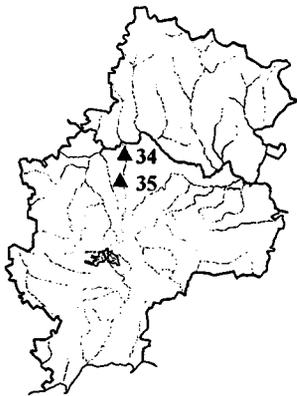
В данную главу объединены менее значительные памятники среднего палеолита обозначенного региона, рассредоточенные в различных уголках Донецкой и Луганской областей. Группировка памятников осуществлена, в основном, в соответствии с бассейнами крупных и мелких рек, при этом учитывались не столько гидрографические, сколько археологические критерии – количество пунктов в пределах одного водотока, размер коллекций, характер сохранности памят-

ников. Вначале описываются памятники с количественно более крупными или геологически датированными коллекциями, затем пункты сборов единичных предметов. Географический охват главы неизбежно получился широким, а группировка памятников – нестрогой.

Основанием для датировки средним палеолитом основного количества включенных в главу пунктов являются технико-топологические критерии и характер сохранности изделий.

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. БАХМУТКИ

ЗВАНОВКА (34)

В 1969 г. один из учителей Звановской средней школы (ст. Звановка Артемовского района Донецкой области) передал артемовскому археологу С.И. Татаринovu несколько кремней, подобранных на высоком коренном бе-

регу р. Бахмутка на участке напротив западной окраины села. Среди находок выделялись несколько крупных патинированных кремней, выполненных в раннепалеолитической технике. Находки заинтересовали специалистов в области каменного века – Д.С. Цвейбель и А.А. Кротову. В этом же году на высоком меловом останце коренных пород напротив пешеходного мостика через реку ими была собрана небольшая коллекция кремней. Вторичный осмотр памятника в 1970 г. дополнил прежние сборы несколькими кремнями. На поверхности останца по его гребню была выполнена серия неглубоких шурфов в виде пунктирной линии, идущей от вершины к склону. Шурфы показали, что под маломощным современным дерновым слоем обнажаются породы мелового возраста.

В 1976 г. С.И. Татаринov обратил также мое внимание на этот памятник. Сравнительно недалеко от мелового останца у мостика, в 150-ти м к северу, мне удалось найти еще один участок с каменными изделиями палеолитического времени. Этот участок связан с террасированным отрезком левого берега Бахмутки, прорезанным серией молодых оврагов с глиняными и меловыми стенками (рис.95, 1). Древние кремни залегали в стенках и осыпях истоковой части нескольких оврагов, на уровне тыльного шва второй надпойменной террасы. Выше по склону приблизительно метрах в 200-х южнее останца с находками 1970 г. (напротив маслобойного цеха на юго-западной окраине Звановки) в зоне небольшой депрессии была найдена небольшая неолитическая кремнеобрабатывающая мастерская, почти полностью разрушенная растущим оврагом. Последующие полевые работы сосредоточились на северном участке этой группы местонахождений каменного века, в восточной части оврагов с палеолитическими кремнями. Сбор подъемного материала, шурфовка и раскопки осуществлялись в 1977-1978, 1980-1981 гг.

В 1987 г. стратиграфия памятника изучалась Н.П. Герасименко.

Небольшие дополнительные поверхностные сборы производились на памятнике нами вместе с Ю.Г. Ковалем в 1992 г.

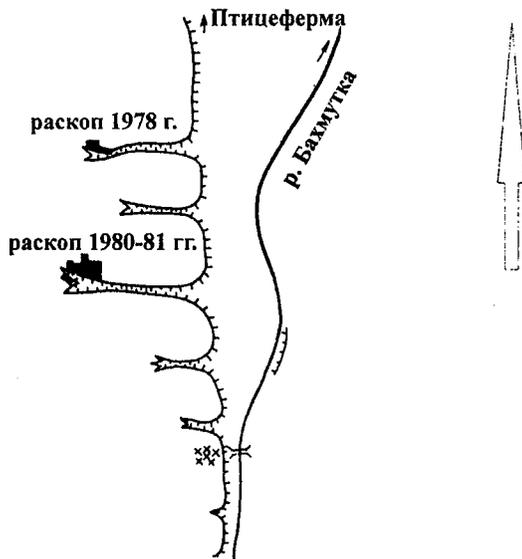
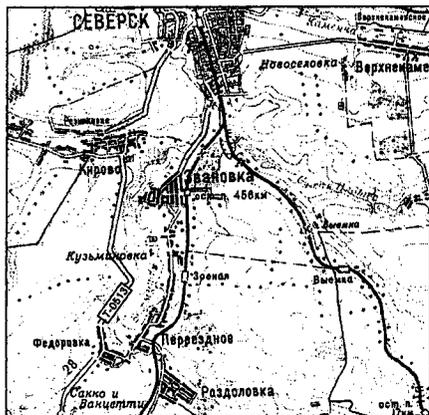

Рис.95. Звановка. Местоположение памятника.
Fig.95. Zvanovka. Situation plane.

В настоящей публикации местонахождение у пешеходного мостика и в северных оврагах возле ст. Звановка будут рассматриваться как два независимых памятника, так как они существенно различаются по условиям залегания, степени сохранности и характеру каменного инвентаря.

Коллекция 1969-1970 гг.

(пункт сбора у пешеходного мостика)

В 1969-1970 гг. Д.С. Цвейбель и А.А. Кронова собрали коллекцию из 120 кремней. Все они залегали в переотложенном состоянии в современном дерне или на размытой поверхности плиоценовой коры выветривания. Кремни покрыты толстой - до 1 мм - фарфоровидной патиной, окатаны и частично забиты. Сохранились, в основном, крупные и средние по размеру кремни, что свидетельствует о значительной сортированности комплекса.

Оценка техники первичного расщепления затруднена ввиду отсутствия выразительных ядрищ. Один остаточный бессистемный нуклеус и два нуклевидных обломка не позволяют воссоздать технику первичного расщепления.

Значительно больше для понимания техники расщепления дает анализ сколов (89 шт.), составляющих 76 % коллекции. Относительно большой удельный вес первичных (23 шт.) и полупервичных (15 шт.) сколов по-

казывает доминирование на памятнике начальных этапов кремнеобработки. Массивность сколов (толщина некоторых доходит до 1.5 см), а также присутствие в коллекции снятий длиной до 9-11 см свидетельствуют о крупных размерах кремневых конкреций и нуклеусов. Сколы преимущественно коротких пропорций. Коэффициент удлиненности сколов составляет 121. Преобладают широкие гладкие площадки. Индекс подправки общий составляет 17%. Только лишь 5 массивных сколов по своим пропорциям соответствуют условному критерию пластин. На нескольких сколах отмечена субпараллельная огранка (рис.97, 2). Видимо, применявшаяся на местонахождении в древности техника первичного расщепления была весьма примитивной, основанной на раскалывании многоплощадочных ядрищ с гладкими площадками; техника необъемного параллельного скалывания занимала подчиненное положение.

Орудий с явными следами использования или вторичной обработки всего 12 шт. Выделяются обломанное продольное скребло с выпуклым лезвием (рис. 97, 1), округлое скребло на массивном первичном отщепе (рис.97, 4). Скребло с двумя выпуклыми продольными лезвиями, долотовидное орудие на массивном отщепе (рис.97, 3), скобель (рис.97, 7), поперечное скребло (рис.97, 8), два естественно-обуш-

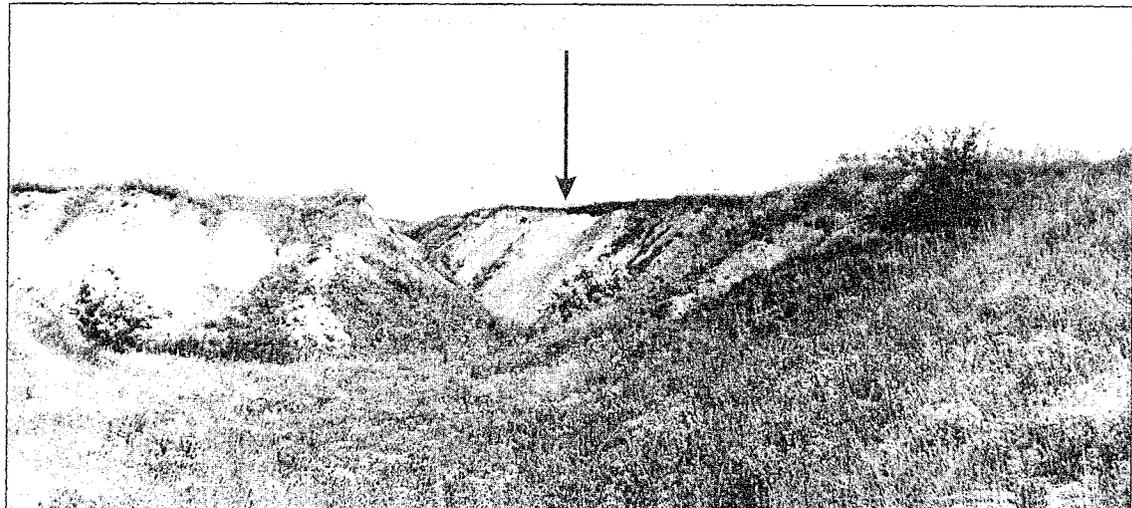

Рис. 96. Звановка. Общий вид.
Fig. 96. Zvanovka. General view.

ковых ножа со сработанными лезвиями (рис.97, 5, 9), шесть зубчатых изделий различной конфигурации (одно из них выполнено на плоском обломке кремневидного сланца (рис.97, 6)). Как видно, в инструментарии преобладают различные мустьерские скребловидные орудия.

Методика раскопок 1977-1978, 1980-1981 гг.

Все раскопы и шурфы на северном участке местонахождения имели вид врезанных в склон углубленных зачисток с одной открытой в сторону оврага стороной (рис.96, 2). Общая вскрытая площадь составила 190 м кв. Все кремневые изделия отмечались на планах в виде контуров в масштабе 1:10, с указанием относительной глубины и индивидуального номера. Из-за значительного перепада глубин на склоновых участках раскопа приходилось фиксировать кремни на останцах до окончательной разборки седиментов (рис.96, 3).

Стратиграфия раскопов 1977-1978, 1980-1981 гг.

Левый берег реки у ст. Звановка сложен отложениями мелового возраста, перекрытыми сверху незначительными по мощности четвертичными суглинками и супесями, иногда песком. Меловая толща выклинивается в сторону долины реки параллельно с нарастанием мощности четвертичных осадков. В районе палеолитического местонахождения высота берега равна 20-25 м. Это соответствует высоте второй надпойменной террасы правобережных притоков Северского Донца. По данным С.С. Соболева, р. Бахмутка имеет также третью и четвертую речные террасы, неодинаково выраженные на разных участках долины [Соболев, 1936, с.80]. В районе местонахождения покровные суглинки и супеси имеют мощность от 1 до 3-4 м; местами на поверхность выходит мел в виде небольших грив.

Раскопки затронули участки памятника, которые разрушаются тремя молодыми растущими оврагами (рис.97, 1). Расщепленные древним человеком кремни встречаются в восточной части оврагов на расстоянии 100-120 м от поймы реки. Судя по подъемному материалу и результатам шурфовок, местонахождение протянулось на 150-200 м вдоль левого берега реки и занимает относительно выположенный участок террасы между птицефермой и меловым

останцом у пешеходного мостика. Единичные палеолитические кремни встречаются на размывах суглинков на расстоянии до 1 км от мостика вверх по течению реки. Показательно, что овраги размывают поверхность второй надпойменной террасы и практически не поднимаются выше по склону.

Кремневые изделия залегают в переотложенном состоянии на контакте меловых и четвертичных отложений. От условия залегания зависит сохранность находок: как правило, кремни, происходящие из песка и супеси, имеют плотную фарфоровидную патину, в отличие от свежих на вид кремней, залегающих непосредственно на меловой поверхности. Резкой границы по степени патинизации между патинированными и непатинированными изделиями нет. Иногда на одном кремне непатинированные участки соседствуют с участками, покрытыми плотной патиной. Видимо, различия в залегании и степени сохранности кремней объясняются неодинаковой скоростью разрушения и переотложения слоя культурных остатков в древности на различных участках памятника. Этому способствовал расчлененный рельеф местности, типичный для меловых выходов Донбасса. В древности поверхность местонахождения представляла собой наклонную в сторону реки площадку из рыхлого мела, почти свободного от какого-либо почвенного покрова. Площадку разрезали неглубокие промоины, служащие зоной аккумуляции песков и супеси. Мел содержал большое количество отпрепарированных эрозией кремневых конкреций, которые привлекали внимание древнего человека как материал для изготовления орудий.

По всей вероятности, практически одновременно с накоплением культурных остатков на меловой поверхности, происходил их размыв и делювиальный снос в промоины и западины в мелу. Рассеянные по всей площади местонахождения расщепленные кремни смывались вниз и концентрировались в протоках. Наглядно такую картину иллюстрирует стратиграфическая ситуация, запечатленная раскопом 1980-1981 гг. (рис.98) Основная масса находок залегают на мелу, подковообразно огибая небольшую меловую возвышенность. Сохранность кремней хорошая. Очевидно, современный овраг наложился на древний рельеф и вследствие понижения базиса эрозии разрезал аккумулятивное заполнение древней промоины. Такая же ситуация повторяется и в других оврагах. Из-за си-

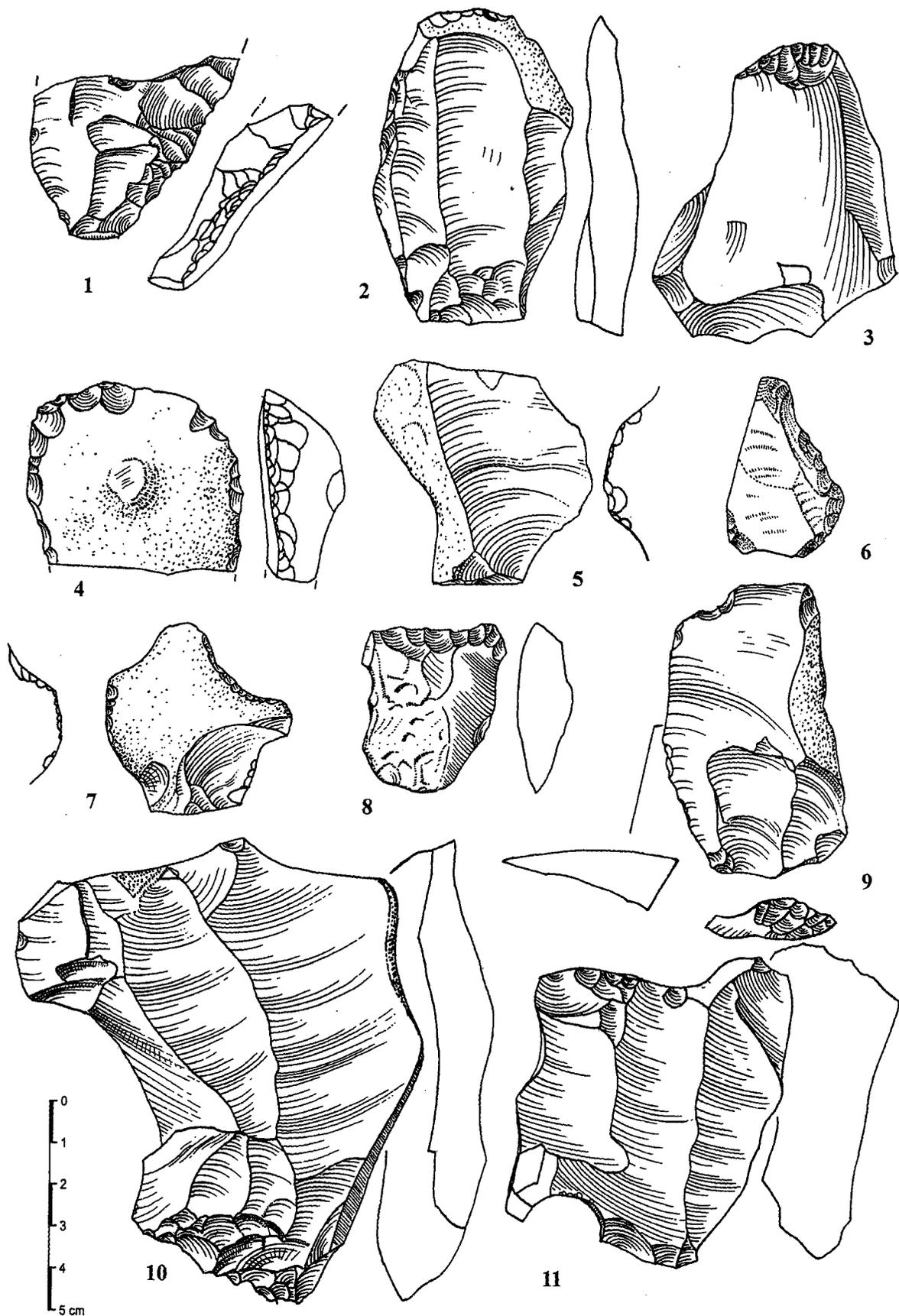

Рис. 97. Звановка. Коллекция 1969-1970 (1-9), нуклеусы (10-11).
 Fig. 97. Zvanovka. Collection of the 1969-1970 (1-9), cores (10-11).

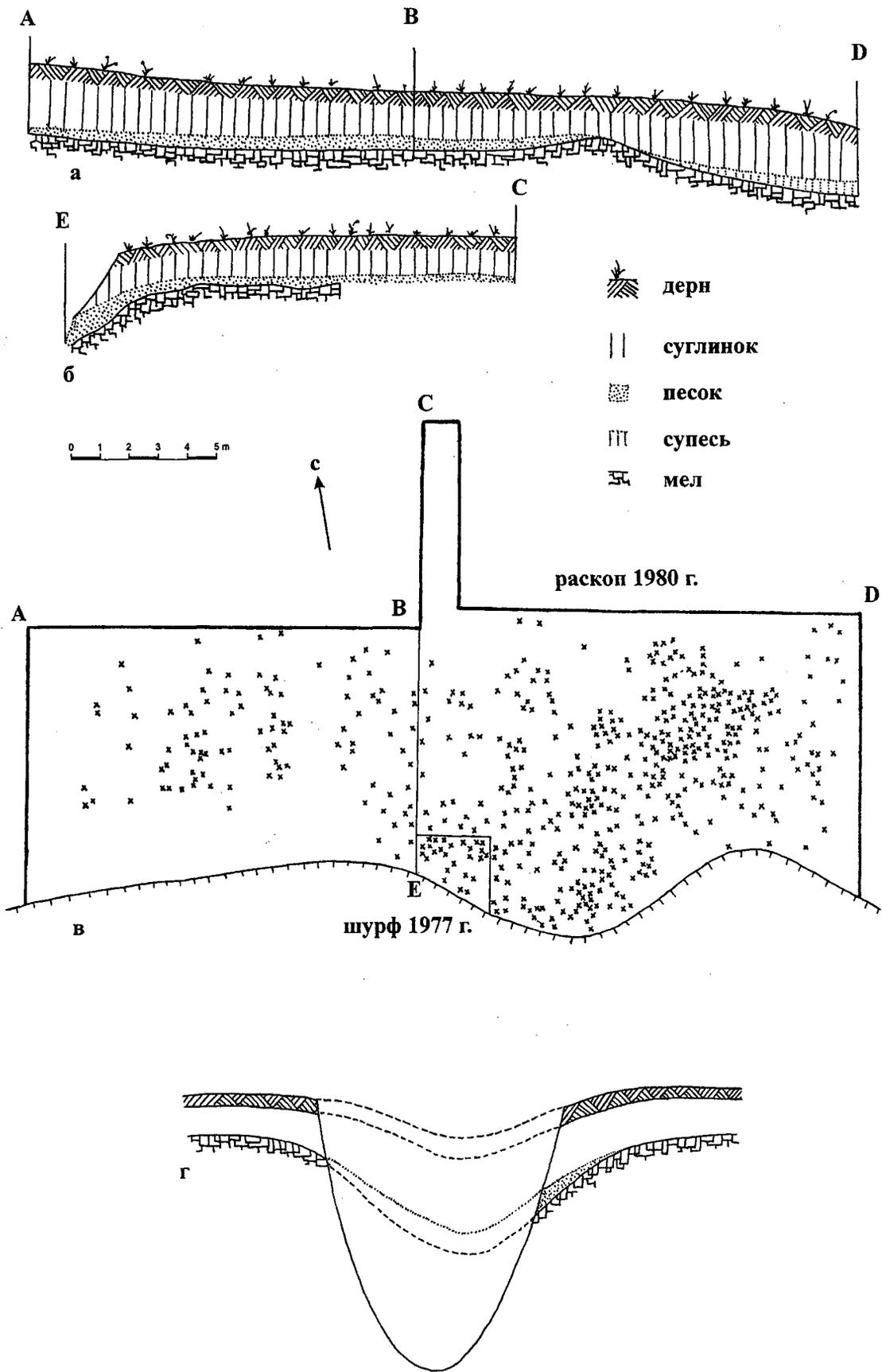

Рис. 98. Звановка. Стратиграфия и план находок.
 Fig. 98. Zvanovka. Stratigraphy and distribution plane.

стематического перемещения тальвегов современных оврагов в южном направлении, южные участки древних аккумулятивных линз практически полностью размыты (рис.98, 5). Сохранились в основном северные склоновые участки аккумулятивных линз.

Стратиграфическая картина неодинакова на различных участках местонахождения. Наиболее полная колонка, позволяющая определить стратиграфическое значение палеолитических остатков, прослеживается в овраге с раскопом 1978 г. Осмотревшая в 1987 г. Звановское местонахождение Н.П. Герасименко определила здесь следующие отложения:

0.0 – 0.6 м (e IV hl) – чернозем обыкновенный среднесмытый;

0.6 – 1.6 м (vd III vt) – лессовидная супесь, палевая, легкая, пылеватая, пористая, рыхлая, бесструктурная, в обильном карбонатном мицелии; нижняя граница заметная;

1.6 – 2.8 м (ed III vt) – почвенные отложения (делювий темно-бурой почвы) серовато-бурой окраски, тяжелосуглинистые, бескарбонатные, переход вниз постепенный;

2.8 – 3.4 м (d III vt) – базальный горизонт делювиальной толщи с обломками и крошкой меловых пород, более светлой, чем вышележащие, бурой окраски, сложены легкой супесью, рыхлой, бескарбонатной, переход вниз четкий;

3.4 – 4.5 м (d III ud) – лессовидная супесь палевая, легкая, пылеватая, мелкозернистая, карбонатная, в верхней части без крошки меловых пород, ниже – с большим ее содержанием; врезана в мел.

Все стратиграфические горизонты разреза, кроме голоценового, имеют выраженный делювиальный индекс. Заполнение балки лессово-

почвенным делювием произошло, в основном, в витачевское время. Расщепленные человеком кремни залегают в удайской лессовидной супе-си под горизонтом витачевского почвенного делювия. Скорее всего, археологический комплекс имеет удайскую геологическую датировку, так как признаки более древних лессово-почвенных отложений в разрезе не зафиксированы.

Коллекция из северного участка местонахождения

На северном участке местонахождения найдены исключительно кремневые остатки палеолитического времени. За все годы работ здесь собрана коллекция из 1089 кремней.

Каменное сырье

В качестве исходного сырья использовался местный верхнемеловой кремний, в основном, темно-серого и черного цветов. Кремний хорошо раскалывается, практически не содержит каверн. Встречается в виде уплощенных крупных (до 40 см и более) конкреций неправильной формы, с ноздреватой рельефной поверхностью, часто образующей различные выступы и ответвления. Реже попадаются относительно небольшие овальные конкреции. Многие конкреции расколоты по естественным трещинам. В кремневой массе, помимо мелких светло-серых неперекристаллизованных остатков фауны, заметны точечные вкрапления и хаотично расположенные нитевидные прожилки красного цвета. Из-за этих включений кремний в сколе часто приобретает пеструю окраску. Кремний темно-серого и черного цвета имеет, как правило, тонкую карбонатную корочку. У многих образцов отмечается своеобразный

	Кол-во	%
Конкреции со следами оббивки	29	2.7
Заготовки нуклеусов	20	1.8
Нуклеусы	25	2.3
Нуклевидные куски	29	2.7
Отбойник	1	0.1
Отщепы с ретушью	12	1.1
Сколы разных видов, их фрагменты	711	65.3
Чешуйки и мелкие осколки	130	11.8
Обломки, осколки	121	11.1
Изделия с вторичной обработкой	11	1.1
Итого:	1089	100%

Таблица 26. Звановка. Состав кремневого комплекса.

микрорельеф корки в виде мелких соломообразных выступов. Основой для совсем небольшого количества изделий (менее 1%) послужил светло-коричневый кремь с шероховатой темно-коричневой коркой и оранжевым предповерхностным слоем. Кремь всех разновидностей в настоящее время в значительном количестве обнажается в меловых осыпях непосредственно на месте археологического памятника. Видимо, в древности местный кремь был также легко доступен для человека, как и сейчас.

В коллекции представлены продукты расщепления преимущественно начальных этапов кремнеобработки (таблица 26).

Структура кремневого комплекса

Структура кремневого комплекса Звановского местонахождения может быть представлена в виде принципиальной схемы, в которой заметно абсолютное доминирование фракции, связанной с начальным циклом кремнеобработки. Орудия единичны, нет следов их изготовления или поломок. Зато серийно представлены нуклеусы на различной стадии оформления, причем половина из них относится к заготовкам. Количество сильно сработанных нуклеусов минимально, коэффициент остаточных нуклеусов равен 9. Среди сколов разного вида весьма значителен удельный вес крупных сколов с сохранившейся коркой. Крупные и очень крупные (свыше 10 см) сколы при их относительно небольшом количестве (56 шт.) составляют почти половину физической массы всей собранной на местонахождении кремней. Чешуек и мелких сколов отделки относительно немного; правда, это обстоятельство может объясняться переотложенностью комплекса. Условных «сколов-заготовок» (сколы с относительно регулярной огранкой, без корки или с незначительными корковыми участками, сравнительно тонкие) немногим более 100 штук [Жолесник, 1989, с. 124], причем значительная часть их представлена обломками. Иными словами, на один нуклеус приходится чуть более 4 целых и фрагментированных «сколов-заготовок». Даже с учетом небольшого количества орудий, такое количество потенциальных сколов-заготовок является непропорционально малым. Среди фрагментов «заготовок» преобладают обломки правильных пластинчатых сколов. Соотношение нуклеусов и целых «сколов-заготовок» - 1:2. Орудия с выраженной вторичной обработкой составляют

всего 1.1%. Коэффициент С-Т (нуклеусы - орудия) - 1:0.3. Из всех отщепов, осколков и обломков кремня более 60% имеют следы в разной степени сохранившейся известковой корочки, причем 35% сколов относятся к виду первичных, то есть полностью покрыты корочкой. Цикл расщепления кремня явно не полный. Следы поджигления нуклеусов выражены слабо, нет каких-либо следов изготовления или переоформления орудий. Глубина переработки сырья очень незначительная. Каменное сырье расходовали крайне расточительно, неэкономно. Модус сырьевой стратегии ярко выраженный экстенсивный. Скорее всего, большинство крупных сколов и обломков кремня накопилось на этапе первичной дезинтеграции конкреций. Этот этап обработки камня документирован наиболее полно. Количество конкреций со следами пробных сколов, нуклевидных кусков и заготовок нуклеусов более чем втрое превышает количество собственно нуклеусов. Нарисованная картина в целом характерна для мастерских по первичному расщеплению кремня [Жолесник, 1990-а].

Таким образом, Звановка - это *кремнеобрабатывающая мастерская начального цикла расщепления*. На мастерской производились нуклеусы, которые утилизировались где-то в другом месте. Незначительная часть ядрищ, возможно, сознательно расщеплялась на месте для получения «сколов-заготовок». Априорно ясно, что здесь не следует ожидать каких-либо выраженных следов поджигления фронта нуклеусов, а цикличность их расщепления может быть самой минимальной. Реконструкция длинных операционных цепей объективно невозможна. Очевидно, что экстенсивный модус сырьевой стратегии и функциональная специфика памятника вуалируют истинные параметры палеотехнологии расщепления камня, отражают ее в несколько искаженном или упрощенном виде.

Анализ морфологии продуктов расщепления подтверждает тезис об относительно простом наборе технических средств отделки и расщепления нуклеусов, а также изготовления орудий труда.

Как известно, существенное влияние на внешние параметры продуктов первичной кремнеобработки оказывает, прежде всего, характер исходного каменного сырья. Форма кремневых кусков, блоков и конкреций определяет выбор

приемов расщепления, тактику их применения, и, в конечном счете, морфологию продуктов первичного расщепления. При раскалывании больших по размеру аморфных конкреций с различными выступами, отверстиями и пережимами неизбежно образуется значительное количество крупных угловатых отщепов, осколков и обломков кремня. Именно такие характеристики применимы по отношению к Звановскому кремневому комплексу. Из-за особенностей кремневого сырья и неэкономного его использования, начальное формообразование нуклеусов сопровождалось здесь массовым выбросом крупных краевых фрагментов конкреций, которые составляют одну из самых выраженных в количественном и весовом отношении фракций коллекции.

Краткий технологический анализ

С учетом сбора подъемного материала в 1992 г., всего на местонахождении найдено 25 нуклеусов и 19 пренуклеусов. Морфологическая граница между нуклеусами и их заготовками весьма условна, так как большинство нуклеусов находится в начальной стадии сработанности. Технологические критерии перехода от заготовок к нуклеусам (наличие хотя бы одного целевого скола: [Гирия, 1997]) на материалах мастерской весьма условны, так же, как условно само понятие целевого скола по отношению к материалам среднего палеолита. Приблизительно половина ядрищ прошла хотя бы один цикл снятий; два нуклеуса условно можно отнести к остаточным формам. Таким образом, коэффициент остаточных ядрищ, как говорилось, в индустрии не превышает 9.

Все нуклеусы, за исключением шаровидных форм, имеют уплощенный или слабовыпуклый рабочий фронт.

С формально-типологической точки зрения, выделяются три шаровидных ядрища со слабоорганизованным порядком скалывания (рис. 101, 2), 12 нуклеусов с центростремительным скалыванием и 10 ядрищ с полюсными площадками, и, соответственно, субпараллельной огранкой рабочего фронта; два нуклеуса имеют две смежные площадки.

Только три нуклеуса не имеют сохранившихся участков меловой корочки. Естественная поверхность конкреции сохраняется, как правило, на тыльной стороне нуклеусов, поскольку у плоских нуклеусов одна из сторон чаще

всего не являлась активной зоной и почти не подвергалась модуляции.

Радиальные ядрища представлены односторонними радиальными (8 шт.) и двусторонними (4 шт.) формами. Все односторонние нуклеусы имеют корковую тыльную сторону, слегка подправленную с краев для придания ей геометрически правильной сферообразной формы (рис. 99, 3, 6; 102, 1-2). Участок с такой подправкой являлся потенциальной площадкой для функциональных сколов в рабочей плоскости и нередко использовался именно в таком качестве. Подправка осуществлялась крупными и средними по размеру сколами. Рудименты этих тыльных краевых участков нуклеусов сохраняются на площадках сколов в виде гладкой или грубо фасетированной поверхности. Прием специального оформления площадок на двусторонних дисках менее заметен, но в одном случае он документирован дополнительным тонким фасетированием двугранного участка (рис. 99, 1). На отмеченном нуклеусе сохранились следы неудачного скалывания отщепом, который мог срезать среднюю часть рабочего фронта с радиально ограниченной поверхностью. Судя по расположению ребер жесткости, т.е. ребер огранки, скол приобрел бы контуры и огранку скола с т.н. черепаховидного ядрища. Еще один радиальный нуклеус с одной выделенной гладкой площадкой и подработанной тыльной стороной по характеру огранки рабочей поверхности напоминает черепаховидное ядрище (рис. 102, 1). Эти примеры еще раз показывают, насколько условна отмечаемая многими исследователями граница между радиальными и т.н. леваллуазскими черепаховидными нуклеусами. Естественный эффект центростремительной огранки при целевом радиальном скалывании создавал в центре рабочего фронта нуклеуса равномерно выпуклую поверхность, которая не могла пройти мимо внимания древнего мастера, хорошо знавшего связь между формой этой поверхности и формой скола. Однако это не дает нам оснований диагностировать в Звановке черепаховидное леваллуазское скалывание в качестве самостоятельного метода первичного расщепления.

Двусторонние нуклеусы (рис. 99, 2, 4; 101, 1; 102, 3) отличаются аморфными очертаниями, огранены преимущественно негативами крупных сколов. Один из них (рис. 102, 3) напоминает дисковидные ядрища. Подготовка площадок для скалывания велась эпизодически.

Более организованное расщепление полюсных нуклеусов требовало в Звановской мастерской приблизительно такого же, как и у радиальных ядрищ, несложного управления формой зоны расщепления и поверхности фронта. По крайней мере, таковыми являются сохранившиеся площадочные нуклеусы со слабовыпуклой рабочей плоскостью и сколы с них. Полюсных нуклеусов всего 10 шт. Представлены 5 одноплощадочных нуклеусов (рис.97, 11; 99, 5; 100), 2 двуплощадочных со встречным направлением сколов в одной плоскости (рис. 97, 10), 2 двуплощадочных со смежными площадками в одной плоскости и 1 двуплощадочный во встречном направлении (рис.101, 3) в двух плоскостях (напоминающий нуклеусы типа Джрабер). Вторая площадка на одном из нуклеусов (рис.97, 10) носит явно вспомогательный характер. Остальные двуплощадочные ядрища, по нашему мнению, отражают эффект переориентации однополюсного скалывания при повторении цикла расщепления. Видимо, метод однополюсного расщепления со слабовыпуклой плоскости был наиболее популярным у древних посетителей мастерской.

На полюсных нуклеусах суммарно учтено 13 отбивных площадок. Среди них:

- гладкие (образованных одним сколом) 5;
- корковые 2;
- грубо фасетированные 5;
- тонко фасетированные 1.

Естественно, что на этих площадках нуклеусов выделяются двугранные и тонко фасетированные участки, которые обеспечивают более разнообразный спектр форм площадок сколов.

Подъем выпуклости фронта полюсных нуклеусов производился не только мелкими сколами со вспомогательной полюсной площадки, но и приемом редукции боковых элементов яд-

рищ. На одном нуклеусе боковой участок срезался продольными сколами с функциональной площадки, на другом образце выпуклость фронта увеличивалась за счет поперечных сколов, идущих с тыльной стороны на фронт. Как отмечалось, относительная неразвитость приемов подъема выпуклости фронта объясняется, скорее всего, тем обстоятельством, что из-за экстенсивной сырьевой стратегии количество циклов снятия с нуклеусов было небольшим. Нуклеусы трансформировались незначительно и, в основном, сохраняли первоначальную конструкцию.

Итак, нуклеусы Звановской кремнеобрабатывающей мастерской предназначались для получения коротких отщепов с разнообразной огранкой и относительно небольшого количества пластин. Не вызывает сомнения факт, что сколы отделялись при помощи ударной техники, в соответствии с техническим уровнем среднего палеолита.

Реальный удельный вес операций по подготовке зон расщепления, подъему рабочего фронта нуклеусов, типов огранки фронта, последовательностей расщепления показывает анализ морфологии сколов. Проанализирована выборка из 208 разнотипных сколов, включая пластины. В основном, это вторичные и полупервичные (с незначительными участками известковой корки) отщепы и пластины размерами от 3 см до 10-12 см.

Огранка подсчитана для 188 полностью сохранившихся сколов. Соотношение типов огранки показывает таблица 27.

Как видно, целых сколов с параллельной и близкой к ней огранкой относительно много. Таковую же огранку имеют еще 5 фрагментов сколов. Однако критериям истинных пластин (сколы, у которых параллельная огранка сочетает-

	Кол-во	%
Параллельная и субпараллельная огранка	27	14.4
Конвергентная огранка	24	12.8
Радиальная или близкая к ней огранка	24	12.8
Двуполюсная встречная огранка	3	1.6
Продольно-поперечная огранка	3	1.6
Поперечная огранка	1	0.6
Бессистемная огранка	106	56.6
Итого:	188	100%

Таблица 27. Звановка. Типы огранки сколов.

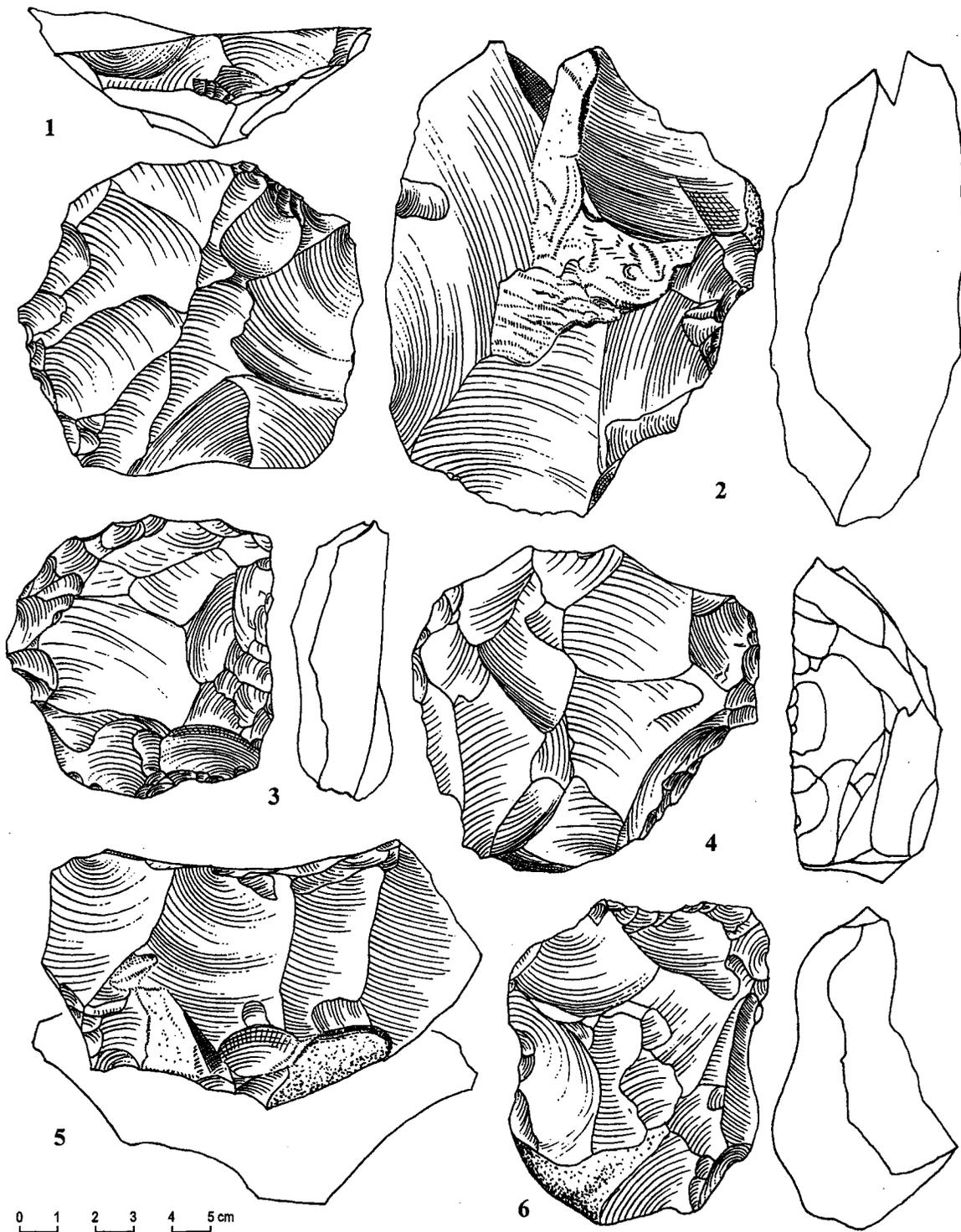

Рис. 99. Звановка. Нуклеусы.
 Fig. 99. Zvanovka. Cores.

ся с соотношением длины и ширины не менее чем 2:1 – см.: [Любин, 1977]) соответствуют только 12 сколов (рис.103, 2, 6, 10). Некоторые из них отличаются параллельно-конвергентной огранкой (рис.103, 13). Индекс пластин составляет очень небольшую величину – 6.4%. Очевидно, что часть коротких сколов со смещенной осью и с неправильной конвергентной огранкой (рис.103, 5) отделялась от радиальных ядерщ. Подлинных конвергентных сколов нет, присутствуют только атипичные образцы (рис.103, 1, 8). Среди сколов с центростремительной огранкой только один отщеп с двугранной площадкой можно идентифицировать как атипичный черепаховидный (рис.103, 4).

Общий коэффициент удлиненности всех проанализированных сколов - 122. Коэффициент массивности – 28.1.

Нам не удалось выделить ни одного служебного реберчатого скола, хотя на одном из нуклеусов оформлены два боковых реберчатых участка с целью подъема выпуклости фронта. Нет также отщепов с явной морфологией сколов подживания ударных площадок. Подъем выпуклости фронта в нескольких случаях осуществлялся продольными краевыми сколами с субпараллельной огранкой и корковым обушком (5 шт. – 2.7%). Боковую подправку или переориентацию направления скалывания показывают также 4 отщепы с поперечной или продольно-поперечной огранкой (2.1% учтенных сколов). Как видно из таблицы 27, встречную огранку, возникшую при подживлении фронта с дополнительной второй площадки, имеют всего лишь 3 скола, т.е. 1.6% учтенных сколов.

Подавляющее большинство сколов (без учета мелких отщепов) связаны с этапом первичного оформления фронта расщепления и сохраняют меловую корку. Каких-либо устойчивых морфологических типов они не образуют, т.к. срезают участки поверхности конкреций с самым разнообразным рельефом.

Таким образом, всего 6.3% сколов могут свидетельствовать о применении второго цикла снятий. Понятно, что речь идет о полюсных нуклеусах, поскольку скалывание с радиальных ядерщ носит перманентный, а не циклический характер. Среди полюсных нуклеусов по крайней мере 4 образца имеют следы переориентации направления скалывания или подготовки ко второму циклу снятий. Это составляет 40 % полюсных нуклеусов. Как видно, на один среднестатистический полюсный нуклеус со следами повторного цикла целевых сколов в среднем приходится 3 служебных скола подъема фронта, что отражает вполне нормальную пропорцию.

Зоны расщепления характеризуются по выборке из 208 сколов (таблица 28). Подготовка отбивных площадок и приплощадочных зон отличается крайней простотой, несмотря на разнообразие огранки площадок. Не удалось выделить ни одной редуцированной площадки. Абсолютно доминируют необработанные приплощадочные зоны (56.7%) и зоны с грубой подправкой (25.0%). Случаи тонкой подправки единичны (5.3%). Среди площадок преобладают гладкие (38.9%) и корковые (21.6%) образцы. Выделяются двугранные (рис.103, 1, 4) и выпуклые фасетированные площадки. Тщательно фасетировались отбивные площадки преимущественно

	Корковые	Гладкие	Точечные	Грубофасетированные	Тонкофасетированные	Двугранные	Всего
Необработанные	32	40	19	11	10	2	118
С пониженным рельефом	2	16	7	5	1	-	27
Грубообработанные	11	23	5	11	3	-	53
Редуцированные	-	2	2	-	1	-	5
Редуцированные с пришлифовкой	-	-	-	-	-	-	0
Итого:	45	81	33	26	15	2	208

Таблица 28. Звановка. Характеристика зон расщепления сколов.

Рис. 100. Звановка. Одноплощадочный нуклеус.
Fig. 100. Zvanovka. Unipolar core.

но у непластичатых сколов. Грубо фасетированных площадок 16.3%, тонко фасетированных – 7.2%. Возможно, такие низкие показатели фасетажа объясняются учетом всех сколов, в том числе возникших при начальных операциях по раскалыванию кремневых конкреций.

Исходя из сказанного, можно предполагать, что основным методом расщепления площадочных нуклеусов был метод униполярного скалывания со слабовыпуклой рабочей плоскости. Вторые полярные площадки возникали как техническое средство подъема выпуклости фронта, применявшееся в ходе подготовки рабочей поверхности нуклеуса. Изначальное понижение рельефа боковых участков рабочего фронта осуществлялось продольными краевыми сколами и редко поперечными.

Срабатывание нуклеусов с центростремительной огранкой приводило не к уплощению корпуса, а, наоборот, к увеличению его относительной выпуклости. Такой эффект возникает в том случае, когда скалывающий удар наносился на удаленный от края участок. В свою очередь, это вызвано упрощенным подходом к подготовке площадок.

Изделия с вторичной обработкой

Орудия Звановской кремнеобрабатывающей мастерской включают несколько индивиду-

альных изделий, которые могут быть описаны в пределах мустьерского типо-листа. Орудий всего 11 штук. Размеры орудий от 4 до 7-8 см. За исключением одного изделия орудия односторонние. Набор приемов вторичной обработки достаточно разнообразен. Наиболее интенсивно обработанные образцы формировались при помощи не крупной моделирующей ретуши. В качестве служебных приемов использовалась фрагментация, ядрищное утончение, усечение базальной части скола.

Выделяются следующие кремневые изделия.

Скребла поперечные – 2 экз. Одно из них изготовлено на массивном полупервичном отщепе (рис. 104, 7), отличается крутым выпуклым лезвием. Два других поперечных скребла (рис. 104, 9-10) меньших размеров, напоминают грубые концевые скрепки более поздних эпох каменного века.

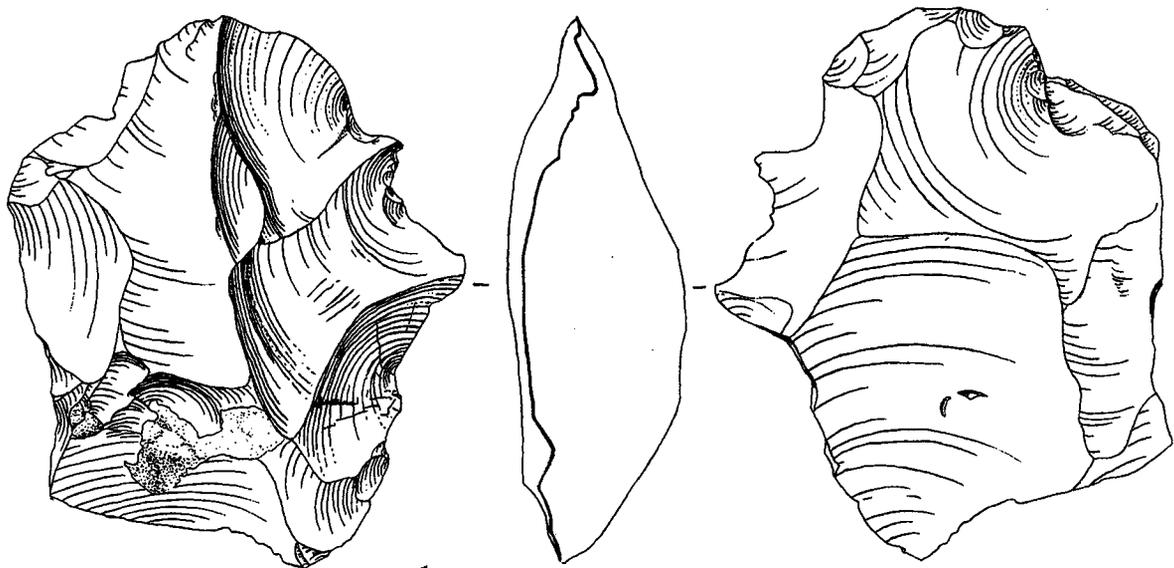
Скребло конвергентное (рис. 104, 1) имеет неправильно-треугольную форму. Изготовлено из дистальной части крупного пластинчатого скола. После слома основание орудия (торец облома) было существенно утончено мелкими сколами в ядрищной технике. При этом торцовая площадка не подвергалась дополнительной ретушной правке. Оба края скребла слегка выпуклые. Орудие в профиле изогнуто.

Скребло угловатое (рис. 104, 4) отличается относительно крупными размерами. Форма отщеп-заготовки была сильно изменена распространенной моделирующей ретушью. Прямая боковая кромка орудия притуплена мелкой ретушью. Аналогичные по форме эффективные скребла с косыми лезвиями известны в индустрии мустьерской стоянки Носово I в Приазовье [Праслов, 1972, с. 80, рис. 4, 7-10].

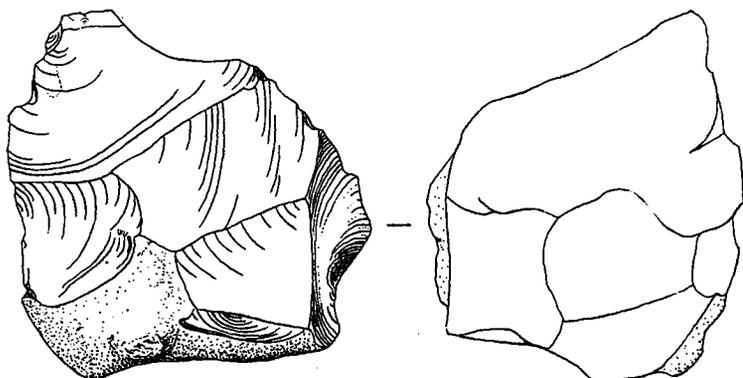
Скобель (рис. 104, 6) характеризуется широкой v-образной поперечной выемкой с интенсивно сработанными краями.

Ножи обушковые представлены экземплярами с ретушированным и естественным обушками (рис. 104, 3, 5). Вершина орудий имеет конвергентные очертания, противоположные обушку края интенсивно сработаны.

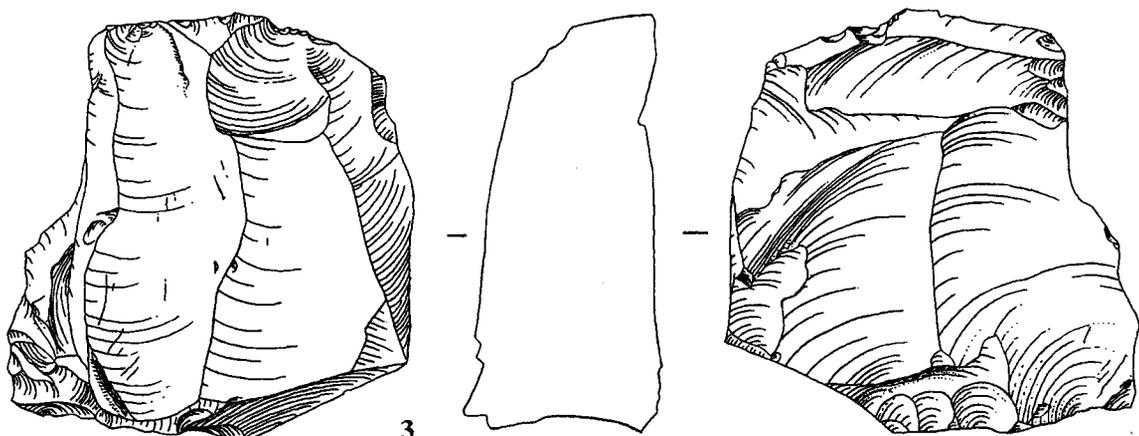
Относительно крупный нож (рис. 104, 2) на сколе с биполярной субпараллельной огранкой обработан ядрищным способом на одном из концов. В результате, базальный край скола был заострен в профиле. Пологое выпуклое продольное лезвие инструмента покрыто мелкими фасетками ретуши.

1

2

3

Рис. 101. Звановка. Нуклеусы.
Fig. 101. Zvanovka. Cores.

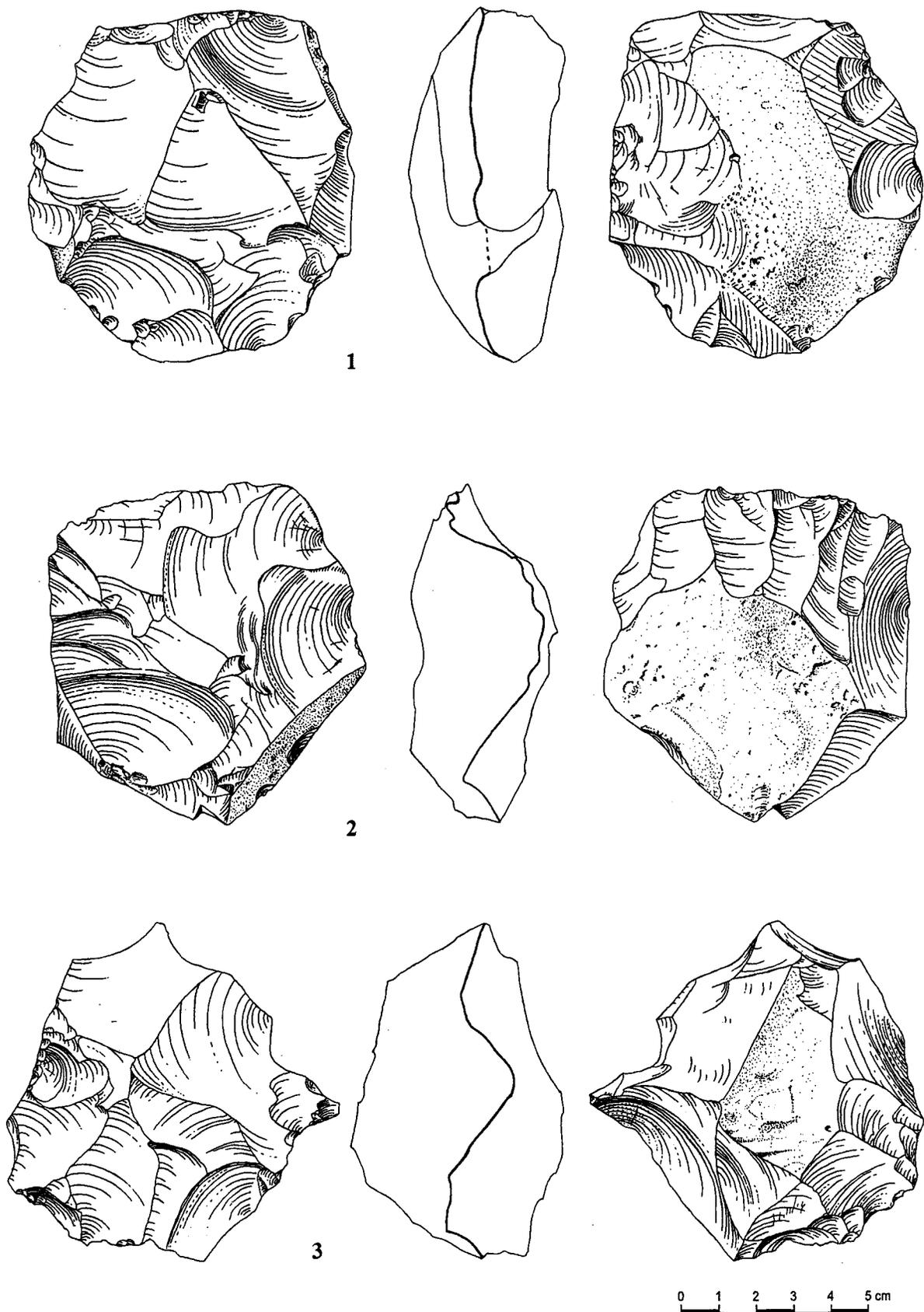

Рис. 102. Звановка. Нуклеусы.
 Fig. 102. Zvanovka. Cores.

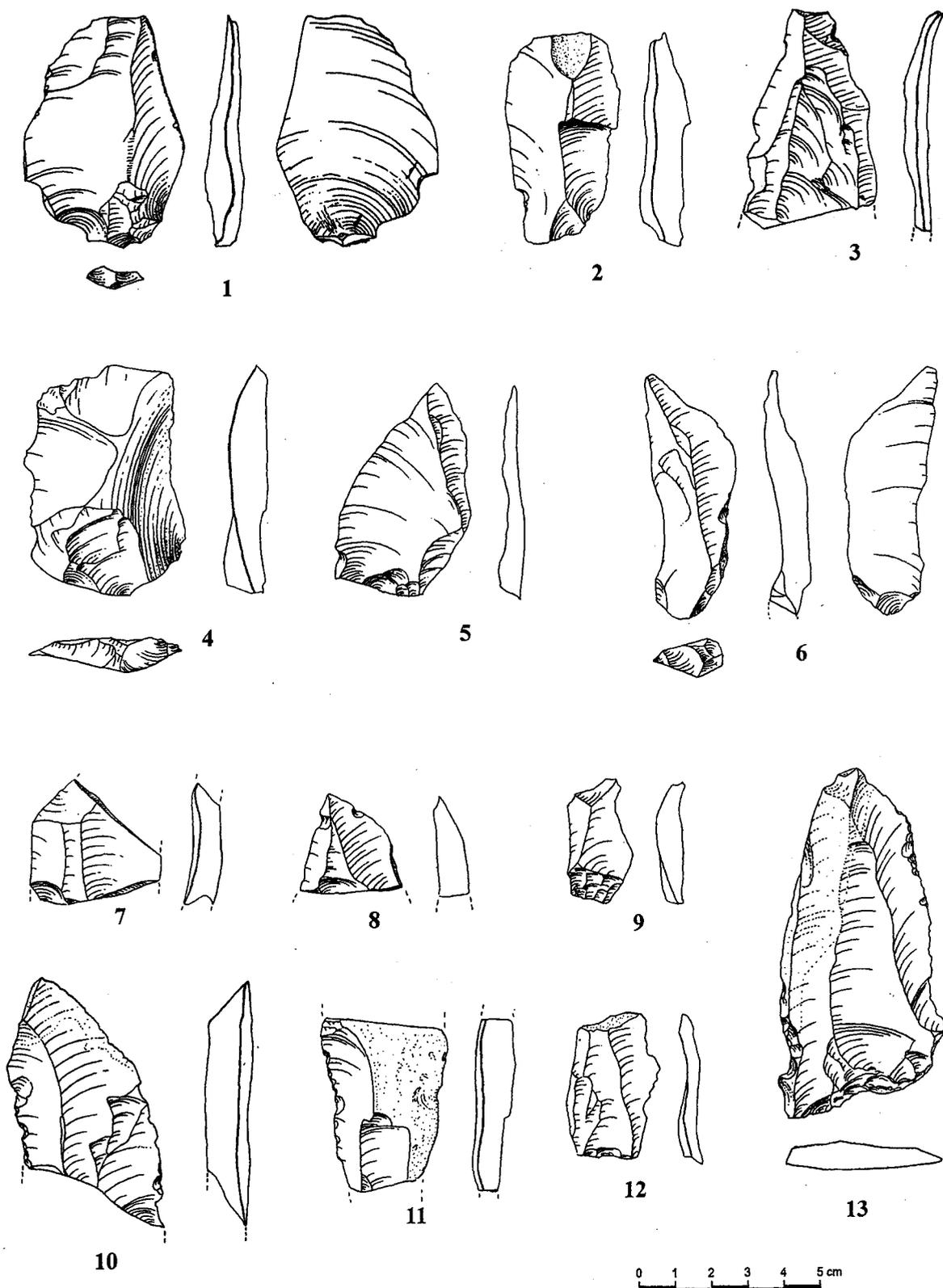

Рис. 103. Звановка. Сколы и их фрагменты.
 Fig. 103. Zvanovka. Blanks and its fragments.

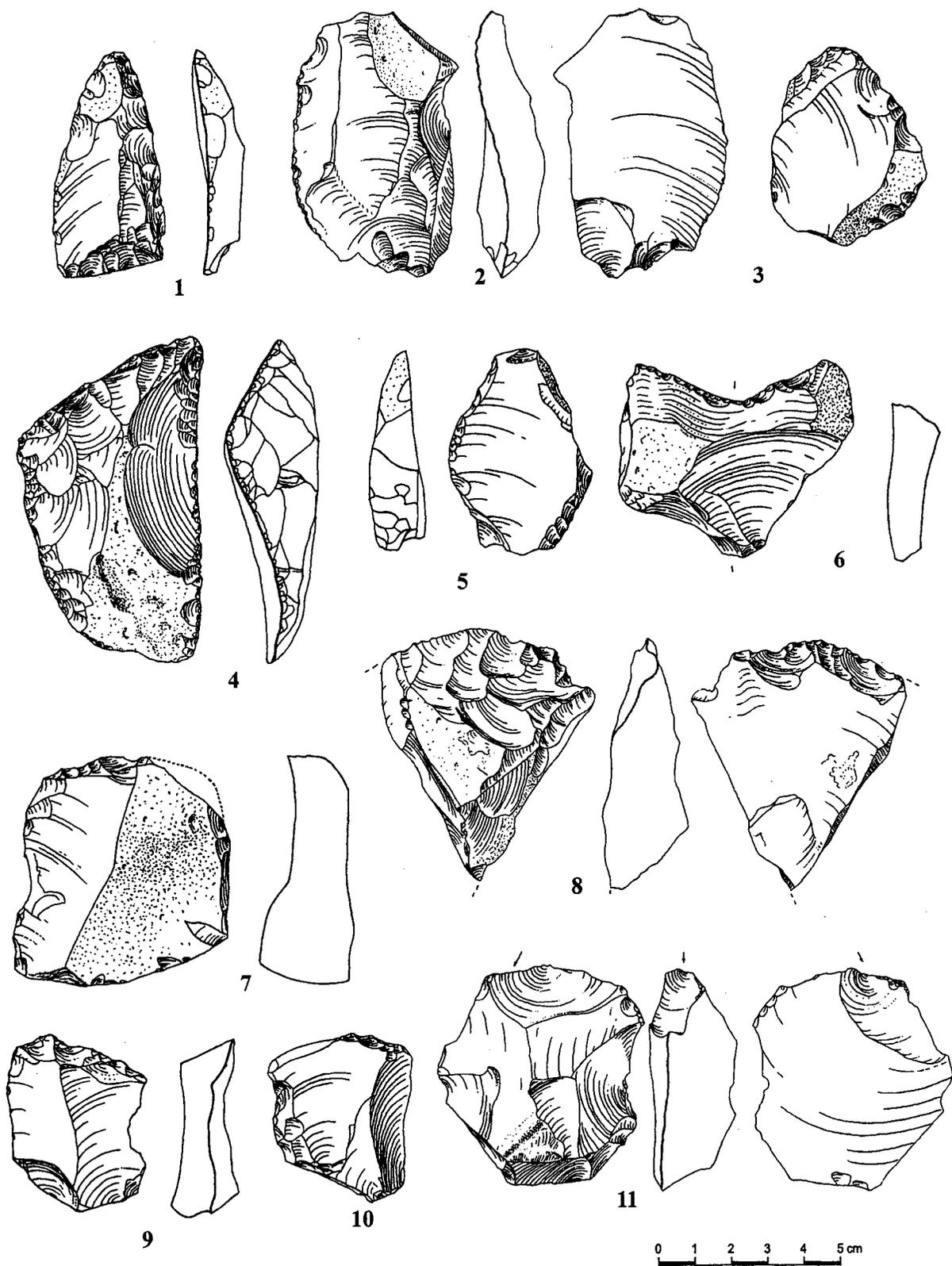

Рис. 104. Звановка. Изделия с вторичной обработкой.
 Fig. 104. Zvanovka. Tools.

К орудиям индивидуальных форм относятся фрагмент тонкого частично-двустороннего изделия с выпуклым краем (рис.104, 8) и массивное резцевидное изделие, изготовленное на отщепе с центростремительной огранкой (рис.104, 11). У последнего экземпляра широкий плоский резцевидный скол направлен на брюшковую сторону предмета.

Список функциональных орудий дополняют две крупные пластины с мелкой краевой ретушью по краям (рис.103, 10, 13), а также 12 отщепов неустойчивой формы с выраженной ретушью утилизации.

Как видно, процент орудий с высоким уровнем морфологической организации незначителен. Фактически это только конвергентное скребло с утонченным основанием и угловатое скребло. Остальные орудия делались с ми-

нимальными усилиями. Скорее всего, применение упрощенной технологии обработки большинства орудий в данной индустрии связано с функциональной особенностью всего комплекса, ориентированного на изготовление и частичное расщепление нуклеусов в условиях избытка сырьевой массы. Разумеется, такого количества орудий недостаточно для сравнительного анализа каменного инвентаря Звановской мастерской.

Единичные окатанные кремневые изделия среднепалеолитического облика найдены С.И. Татариновым в 1976 г. на высоком склоне левого коренного берега Бахмутки в районе с. **Покровского (35)** Артемовского района. Находка – крупное овальное патинированное скребло и два окатанных отщепа.

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА р. КРИВОЙ ТОРЕЦ

Река Кривой Торец вместе с притоками Сухой и Казенный Торец образует одну из крупнейших водных систем Северо-Западного Донбасса, которая была заложена еще в третичный период [Соболев,

1936]. Четвертичная история Кривого Торца связана с формированием террас и зависела от неоднократного изменения базиса эрозии. Эти колебания определялись как общей тенденцией врезки речного русла, так и локальным ритмическим движением земной поверхности со

знаком «+» и «-» [Заморій, 1950]. Те же процессы происходили и в среднем течении Северского Донца, непосредственной частью которого является Торецкая речная система. И там, и там в современный речной аллювий вовлекалась более древняя аллювиально-делювиальная фракция с переотложенными культурными остатками эпохи среднего палеолита.

В современном речном аллювии р. Кривой Торец на сегодняшний день отмечены два таких участка с древними каменными изделиями. В отличие от Северского Донца, палеолитические кремни происходят не из современных надводных аллювиальных форм (косы и пляжи), а из донного аллювия. Оба русловых местонахождения проявились в ходе дренажной очистки и углублению русла реки. Одно из них находится в г. Дружковка, другое - в г. Константиновка Донецкой области.

ДРУЖКОВКА (36)

Местоположение, история исследования

Древние кремневые и халцедоновые изделия этого необычного археологического объекта происходят из песчано-глинисто-гравийного аллювия, который накоплен в виде вала высотой 3-4 м на левом берегу реки в западной части г. Дружковка в начале ул. Чапаева. Вал накапливался вдоль русла реки параллельно с

углублением очистного канала. Честь открытия этого памятника принадлежит дружковскому краеведу П.Н. Пергалю. Собирая среди поднятого на поверхность аллювиального гравия декоративные окатанные куски халцедона и окаменелого дерева, он обратил внимание на обработанные рукою человека кремни и в 1986 г. сообщил об этом в Донецкий областной краеведческий музей. Среди сборов П.Н. Пергалю

нам удалось выделить несколько бесспорно древних изделий. Частые целенаправленные экскурсии П.Н. Пергало к валу из аллювиального материала, иногда с участием автора, позволили существенно пополнить коллекцию новыми кремневыми изделиями, фрагментами костей древних животных.

На данном участке течения долина Торца достигает ширины 800 м. Русло проходит вдоль левого борта долины. Склон долины плавно выполаживается к пойме и имеет сглаженный рельеф.

В русле реки на данном участке течения залежали не только палеолитические изделия. Поднятая земснарядом со дна реки пульпа содержит также множество современных костей животных, мелкие, почти не окатанные и не патинированные мезо-неолитические кремни, разновременные фрагменты керамики. Отобранная нами коллекция резко контрастирует с этими находками по своей сохранности. Среднепалеолитические кремни сильно окатаны и покрыты толстой (более 1 мм) пестроцветной глянцевой патиной желто-буро-коричневой окраски. Встречаются также изделия с темно-коричневой, зеленоватой и белесой патиной, придающей кремням эффектный цветовой колорит. Края изделий в древности не были забиты и повреждены. Действие речного потока огладило грани, но сохранило микрорельеф и морфологические особенности каменных изделий легко «читаются». Некоторые крупные кремни имеют следы современных повреждений.

Среди фаунистических остатков также можно выделить кости современных и древних видов. Древние кости темно-коричневого и черного цветов, твердые, минерализованные, тяжелые. О плейстоценовом возрасте говорит и их видовой состав. По определению А.В. Каспарова, из аллювия происходят зубы крупной лошади (2 особи), бизона (3 особи), крупного кабана (1 особь) и шерстистого носорога (1 особь). Разумеется, связь между древними кремнями и остатками плейстоценовой фауны имеет сугубо гипотетический характер.

Общая характеристика коллекции

Выделенные кремневые изделия (293 шт.) по характеру сырья, цвету патины, степени окатанности и технико-типологическим показателям составляют единую группу. Процентное соотношение основных категорий инвентаря

как будто соответствует обычному «стоячно-му» балансу нуклеусов, орудий, отщепов и мелких сколов отделки (таблица 29).

Нулеусы	8
«Сколы-заготовки»	68
Мелкие сколы отделки	156
Чешуйки, мелкие осколки	35
Орудия и их обломки	23+3
Итого:	293

Таблица 29. Дружковка. Состав коллекции.

Индустрия основана на валунном, видном, местном аллювиальном кремне. Он желто-табачного цвета или серый мраморовидный. Пластичность этого сырья несколько уступает свойствам кремня из меловых отложений. Возможно, этим обстоятельством отчасти объясняется очень высокий коэффициент массивности сколов - он составляет 35.3. Этот показатель целиком ложится в критерии 4-й группы памятников, выделенных Н.К. Анисюткиным по массивности сколов, и сопоставим с подобным показателем аллювиального комплекса из хут. Хрящи в Приазовье [Анисюткин, 1968, с.6]. Коэффициент массивности орудий из Дружковки несколько ниже массивности сколов - 27.8.

Техника первичного и вторичного расщепления

Сколы из Дружковки в большинстве своем укороченных пропорций, широкие, с нерегулярной огранкой, с гладкой или грубо фасетированной площадкой (рис.106, 2-10). Индекс подправки площадок общий составляет 33.0%, индекс тонкого фасетирования - 12.9%. Индекс пластинчатости также чрезвычайно низкий - 4.7%. Среди сколов преобладают отщепы с соотношением длины к ширине 1:1. Каких-либо леваллуазских сколов нет вообще. Несколько сколов с субпараллельной огранкой (рис.106, 1-2, 5) очень короткие и массивные.

Описанные сколы отделялись от примитивных по своему характеру нуклеусов. В коллекции их 8 шт. Среди нуклеусов пять радиальных, один кубовидный (рис.105, 3), один грубо конвергентный (рис.105, 2) и еще один, напоминающий остаточный конвергентный (рис.105, 5). Наиболее правильный двусторонний радиальный нуклеус (рис.105, 4) интенсивно сработан. Тыльная сторона конвергентного нуклеуса

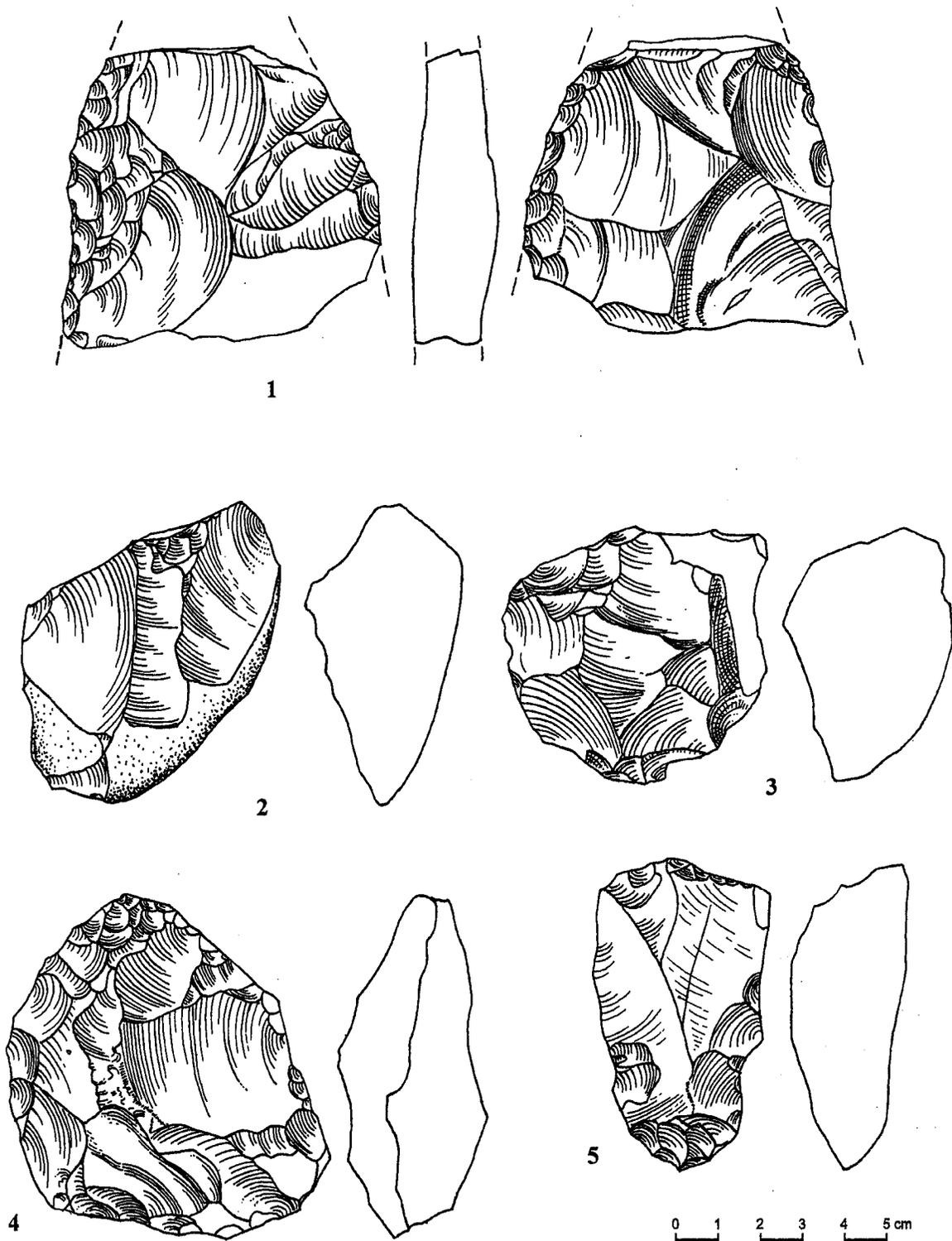

Рис. 105. Дружковка. Фрагмент бифаса (1), нуклеусы (2-5).
 Fig. 105. Druzhkovka. Fragment of biface (1), cores (2-5).

(рис.105, 5) обработана серией сколов, которые придали ей выпуклые очертания. Конвергентных сколов, которые бы соответствовали этому ядрищу, в коллекции нет. Площадки нуклеусов фактически не фасетированы.

В качестве заготовок для орудий использовались не только сколы с нуклеусов. Для этих целей применялись также мелкие кремневые гальки и обломки кремня, т. е., в строгом смысле слова, дружковская индустрия не является пол-

ностью отщеповой. Принято считать, что отщеповый характер каменного инвентаря является существенным признаком большинства индустрий среднего палеолита [Bosinski, 1967; 1982; Tuffreau, 1982; Гладилин, Ситливый, 1990].

Изделия с вторичной обработкой

Большинство орудий из Дружковки выполнены на массивных отщепах. В списке типов Ф. Борда это следующие орудия:

8. Лимас	1
9. Продольные прямые скребла	4
10. Продольно-выпуклые скребла	2
13. Двойное продольной прямо-выпуклое скребло	1
14. Двойное продольное вогнуто-выпуклое скребло	1
15. Двойные продольные выпуклые скребла	2
19. Конвергентные выпуклые скребла	3
21. Угловатое скребло	1
23. Поперечное выпуклое скребло	1
Обломки скребел	3
38. Нож с естественной спинкой	1
40. Зубчатое	1
62. Прочие	3
Бифасы	2

Таблица 30. Дружковка. Состав коллекции орудий.

Основу инструментария составляют разнообразные скребла. Среди них преобладают простые и конвергентные формы. Скребла и лимас обработаны при помощи крутой моделирующей ступенчатой мустьерской ретуши. Отдельные лезвия или участки лезвий скребел сформированы т. н. ретушью Кина и полу-Кина.

Лимас небольших размеров, с очень высоким сечением (рис.107, 12). Сформирован крутой ступенчатой ретушью. Одна из вершин орудия приострена в плане, имеет треугольное поперечное сечение.

Ординарное продольное прямое скребло (рис.107, 1) выполнено на первичном отщепе. Второе типологически такое же скребло изготовлено из небольшой кремневой гальки (рис.107, 2). Третий экземпляр, фрагментированный в древности, со следами ядрищной обработки одного из концов (рис.107, 4). Утончение корпуса было проведено до формирования лезвия, так как фасетки лезвия перекрывают продольный негатив на спинке орудия. Четвертый образец ординарного продольного скребла - единственный инструмент с мелкой краевой ретушью (рис.106, 1).

Продольные выпуклые скребла отличаются большой массивностью и крутизной лезвий. Представлено орудие крупных размеров, с протяженным крутым лезвием (рис.108, 3), а также скребло с очень крутым, фактически отвесным лезвием (рис.108, 4). В обоих случаях преформой служили краевые отщепы.

Двойное продольное прямо-выпуклое скребло (рис.107, 7) морфологически близко к подобному скреблу с одним вогнутым лезвием (рис.107, 3).

Двойные продольные выпуклые скребла (рис.107, 5, 11) отличаются размерами и массивностью. Крупный и массивный экземпляр представлен большим обломком.

Относительно большую серию составляют массивные *конвергентные скребла*. Один экземпляр отличается удлиненными пропорциями (рис.108, 2); левое (по рисунку) лезвие этого инструмента крутое, правое - пологое. Два других фрагментированных образца (рис.107, 6; 108, 5) из массивных корковых отщепов обработаны крутой ступенчатой ретушью.

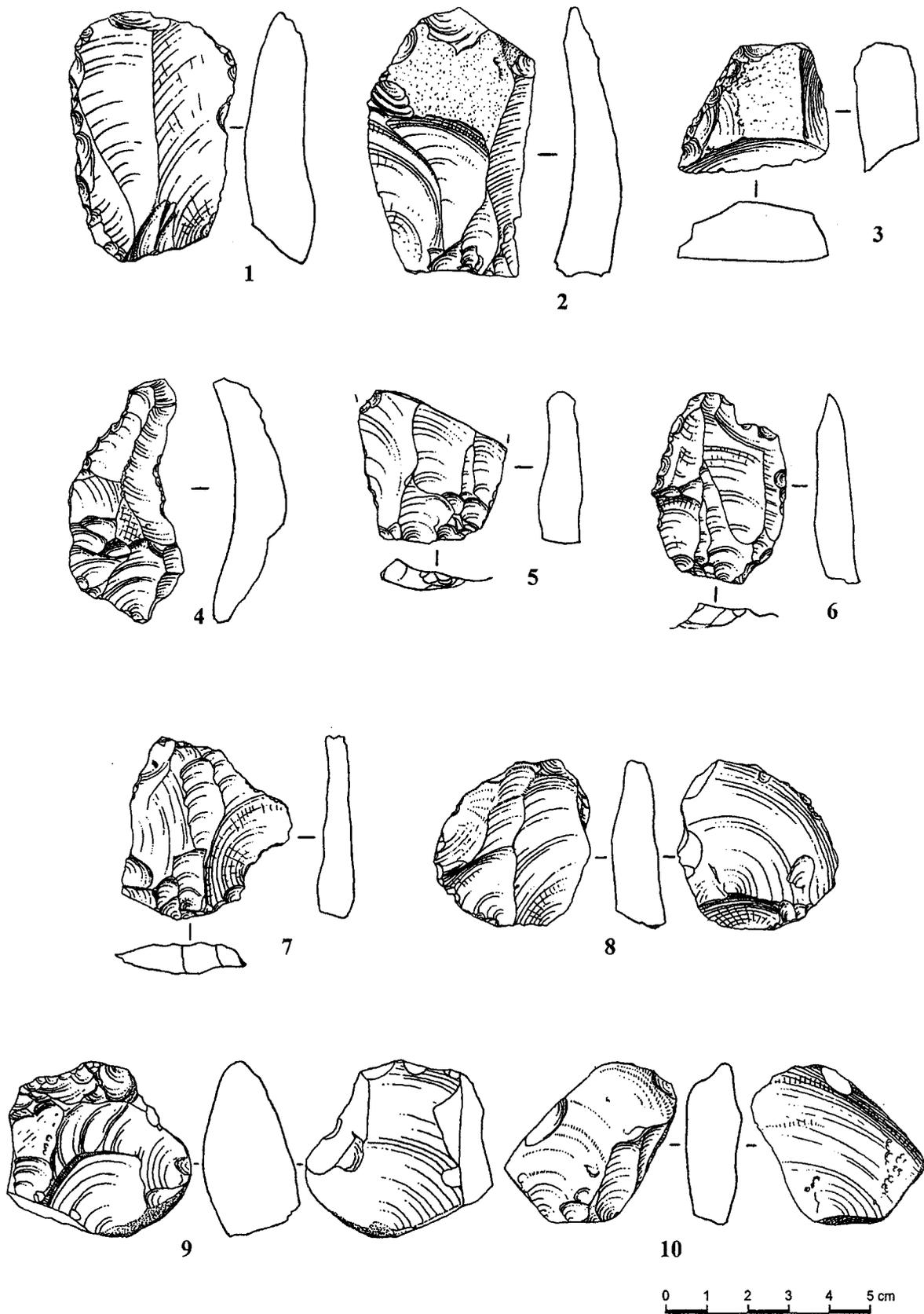

Рис. 106. Дружковка. Кремневые сколы.
 Fig. 106. Druzhkovka. Flint flakes.

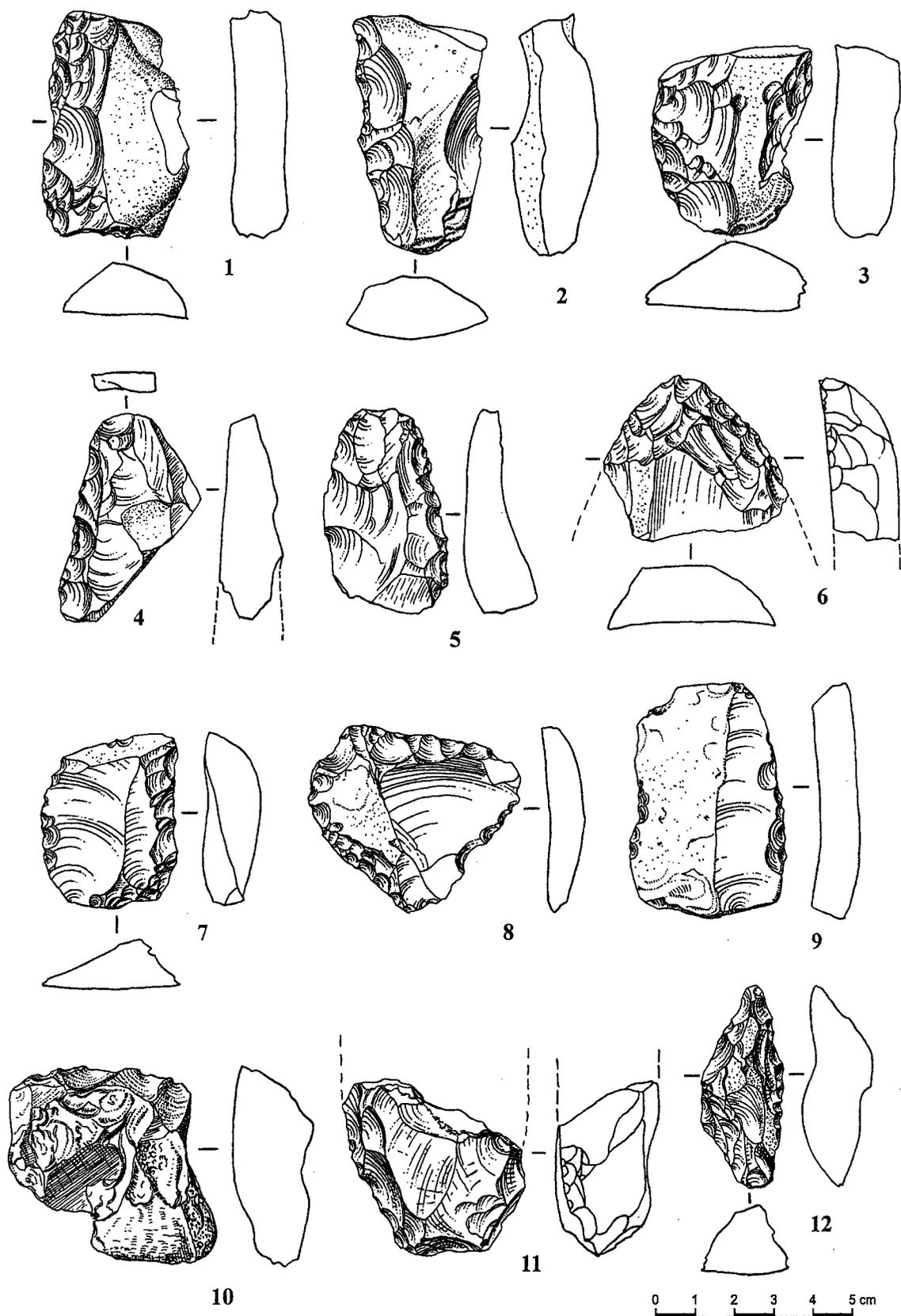

Рис. 107. Дружковка. Изделия с вторичной обработкой.
 Fig. 107. Druzhkovka. Tools.

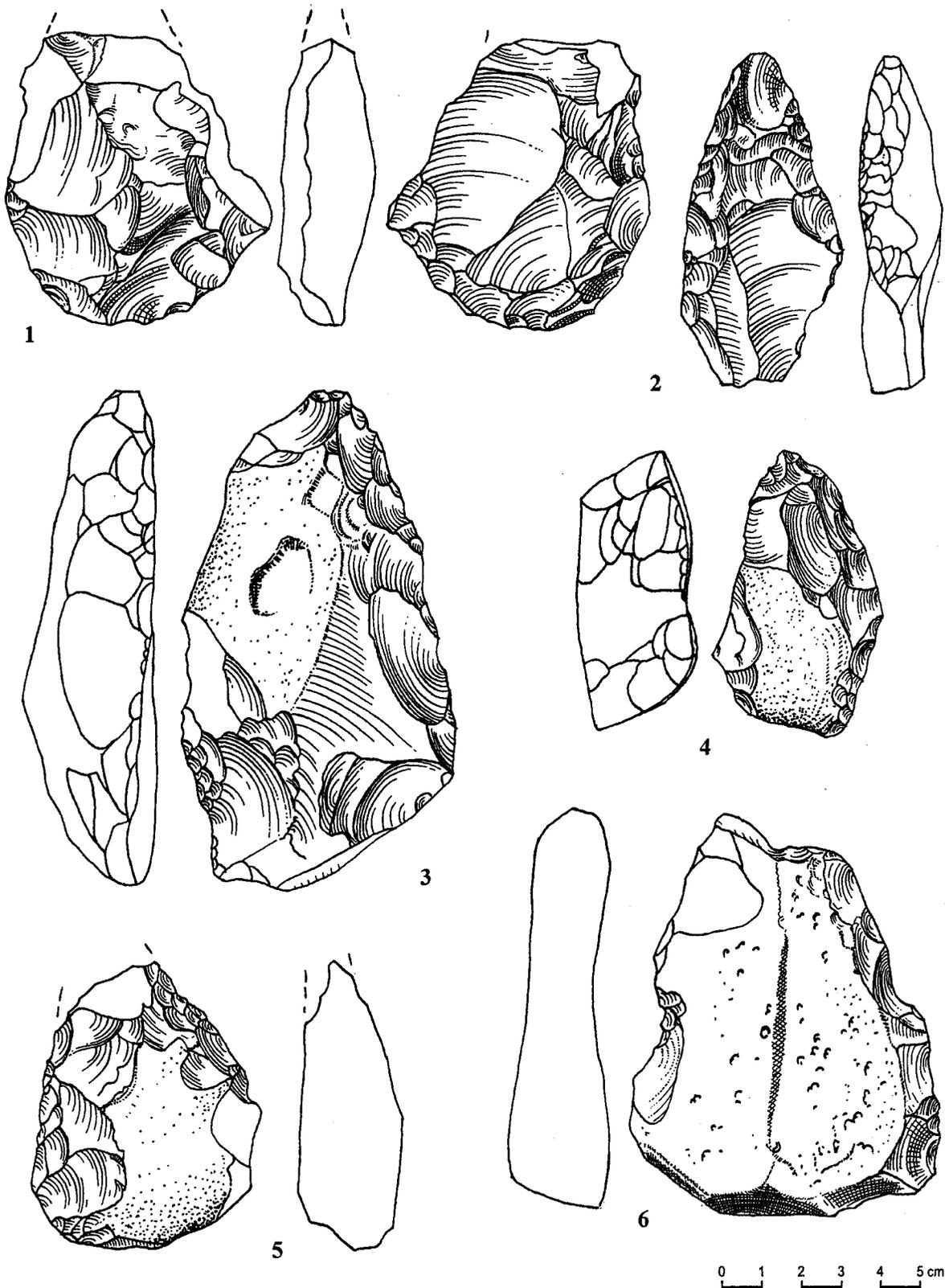

Рис. 108. Дружковка. Изделия с вторичной обработкой.
 Fig. 108. Druzhkovka. Tools.

Угловатое скребло представлено атипичным экземпляром (рис.107, 8).

Поперечное скребло (рис.107, 10) изготовлено из куска халцедона. Лезвие скребла образовано серией крупных фасеток, интенсивно сработано.

Скребловидное зубчатое орудие (рис.108, б) выполнено из относительно крупной кремневой плитки.

Пластинчатый двускатный нож с натуральной спинкой (рис.107, 9) имеет хорошо выраженную ретушь утилизации на продольном лезвии.

Особую типологическую окраску всему комплексу придают два бифаса, представленные крупными обломками. Первый бифас в форме небольшого рубила (рис.108, 1) имеет плоско-выпуклое поперечное сечение, выраженную притупленную пятку, асимметричный профиль. От второго экземпляра (рис.105, 1) сохранился крупный медиальный фрагмент с современными обломами. Этот бифас, видимо, был крупным симметричным в плане и профиле рубилом с тонким линзовидным поперечным сечением. Он образован широкими уплощающими сколами и краевой ретушью. По размерам, сечению и характеру обработки орудие сопоставимо с бифасом из г. Артемовск.

Таким образом, комплекс из Дружковки представляет собой сочетание примитивной техники первичного расщепления, «шарантоидных» скребел и бифасов. В широком смысле слова, это признаки т. н. «восточно-миококских» индустрий.

Несколько предположительно мустьерских кремневых и халцедоновых артефактов найдены в 1985 г. в г. Константиновка (37) при очистке русла Кривого Торца [Колесник, 1989]. Во время осмотра местонахождения происходила очистка русла реки в районе стекольного завода. Выброс пульпы осуществлялся в отстойнике в месте пересечения ул. Ломоносова и запруженной балки к востоку от дамбы. Обработанные кремни и халцедоны сконцентрированы в месте выброса пульпы вместе с крупной аллювиальной фракцией. Изделия из валунного кремня сильно окатаны и залощены, покрыты маслянистой желто-коричневой патиной. Халцедоновые изделия также окатаны, с белой патиной. Судя по технико-типологическим признакам, из аллювия Торца подняты атипичные кремневые мустьерские остроконечники (рис.109, 2-3), халцедоновый отщеп леваллуазского типа (рис.109, 1) и еще несколько менее выразительных отщепов.

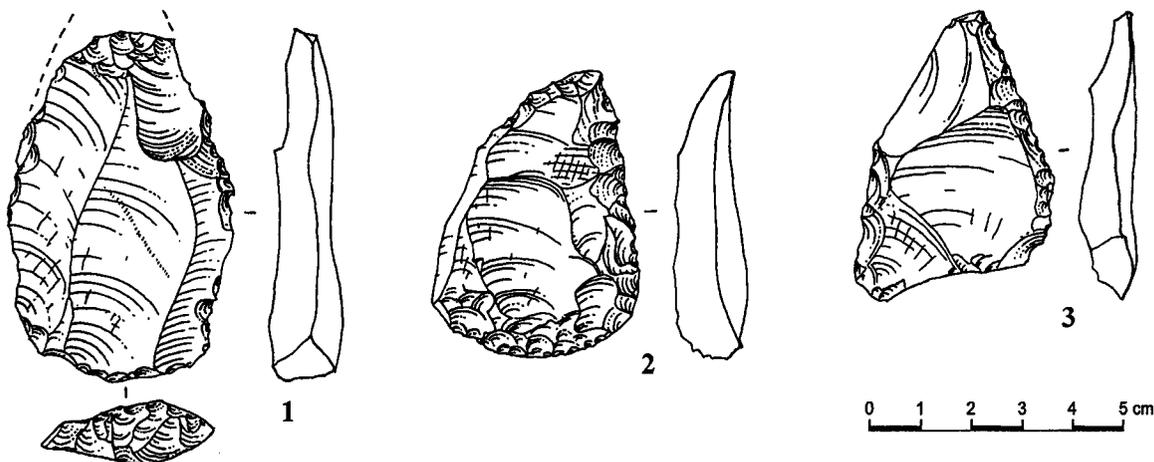

Рис. 109. Константиновка. Кремневые (2-3) и халцедоновое (1) изделия.
Fig. 109. Konstantinovka. Flint (2-3) and chalcidony (1) pieces.

ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Особую тафономическую группу местонахождений среднего палеолита составляют пункты сбора переотложенных каменных изделий, происходящих из древнего и современного аллювия Северского Донца. Подобные по условиям залегания находки связаны с руслом самого Донца и его правобережным притоком - р. Кривой Торец (Дружковка и Константиновка). В группу т.н. «русловых» местонахождений входят четыре выявленных в разное время пункта в Донецкой и Луганской областях.

Этот своеобразный тип археологических памятников Донбасса впервые обратил на себя внимание специалистов в связи с находками мустьерских кремневых орудий в урочище **Красный Яр (38)** близ Луганска в 30-е гг. XX в. Находки древних каменных орудий на песчано-гравийном пляже на правом берегу реки в указанном урочище были сделаны еще в 1925 г. сотрудником Луганского краеведческого музея А.С. Альбрехтом. В 1933 г. на местонахождении побывал С.Н. Замятнин, который определил мустьерский возраст находок [Замятнин, 1953, с.231-239]. В 1936-1937 гг. самостоятельные сборы кремней здесь проводил С.А. Локтюшев [Локтюшев, 1940, с.65-58]. Находки кремней в 20-30-е гг. сопровождалась находками фауны верхнеплейстоценовых животных. В.И. Бибикова определила в сборах зубы шерстистого носорога и дикой лошади. В 1974-1976 гг. местонахождение неоднократно посещалось сотрудником Северско-Донецкой экспедиции института археологии АН Украины А.А. Кротовой, которая собрала здесь небольшую коллекцию окатанных отщепов (рис.110, 3-6).

Поскольку находки из Красного Яра в 30-50-е гг. были одним из немногих мустьерских памятников юга Русской равнины, суждения по поводу его характера и датировки высказывали многие специалисты.

Отмечая тот факт, что кремневые изделия находятся в переотложенном состоянии, С.Н.

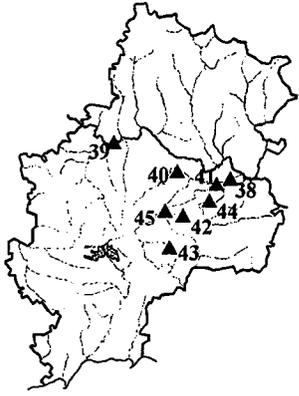
Замятнин и С.А. Локтюшев высказали предположение, что река вымывает их из подстилающих русло слоев. Более обстоятельно эту точку зрения развил луганский палеогеограф П.И. Луцкий. По его мнению, кремни из ресс-вюрмского галечника при размыве второй террасы переместились вниз, попав в галечник вюрмского времени (рис.110, 1-2). После поднятия уровня воды в реке в современную геологическую эпоху этот галечник оказался расположенным под водой и активно размывается в наши дни. Поднятие уровня воды в Донце происходило, возможно, за счет тектонического движения Кряжа в четвертичное время - опускания его северных и южных склонов [Заморій, 1950]. Однако, не все специалисты согласны с этой точкой зрения.

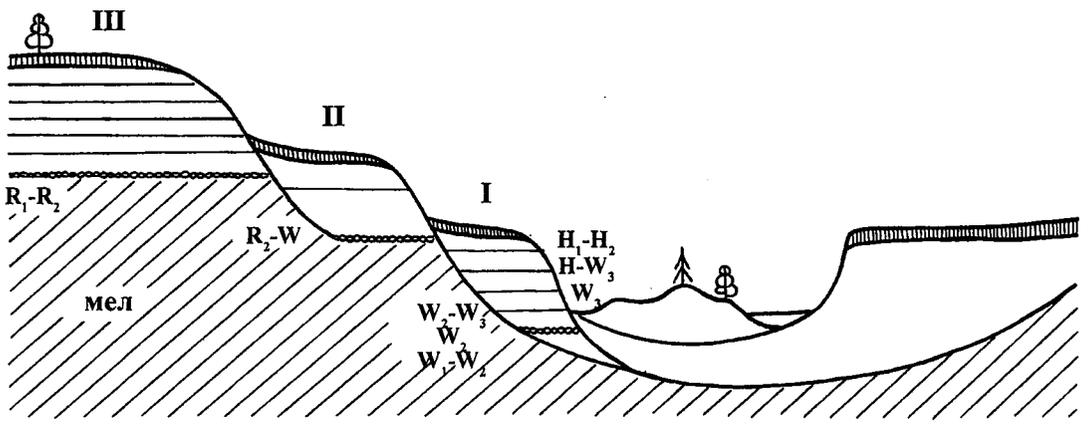
В старых работах датировки этого комплекса также были противоречивыми. Так, С.Н. Замятнин относил его к развитому мустье [Замятнин, 1953, с.238], П.П. Ефименко - к «сравнительно ранней поре мустьерской эпохи» [Ефименко, 1953, с.212], П.И. Борисковский считал, что инвентарь памятника - «типичный мустьерский, включающий удлиненные пластины позднемустьерского облика» [Борисковский, 1953, с.82].

Коллекция из Красного Яра небольшая, но очень выразительная. Исследователи отмечают развитость, если не преобладание, т. н. протопризматической техники первичного расщепления [Борисковский, 1953, с.212; Гладиллин, 1976, с.99], а среди орудий - присутствие многочисленных изделий с двусторонней обработкой (рис.111, 7, 9). Помимо этих орудий, С.А. Локтюшев опубликовал обычные мустьерские скребла и остроконечники (рис.111, 1-5).

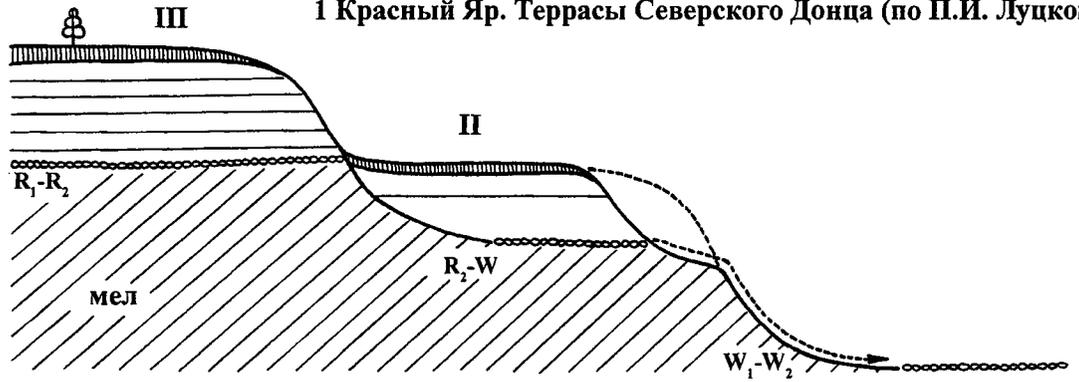
Находки в современном и древнем аллювии Донца не исчерпываются только лишь местонахождением в урочище Красный Яр. Отмечено еще три подобных пункта сбора единичных находок.

Самый западный из них находится в урочище **Пережат (39)** у с. Стародубовка Славянского района Донецкой области. Урочище Пережат - песчано-гравийная отмель Донца, тяготеющая к правому коренному берегу в месте крутой излучины русла. На кромке отмели с северо-западной стороны залегают перемытые ос-

1 Красный Яр. Террасы Северского Донца (по П.И. Луцкому)

2 Красный Яр. Схема переотложения мустьерских кремней (по П.И. Луцкому).

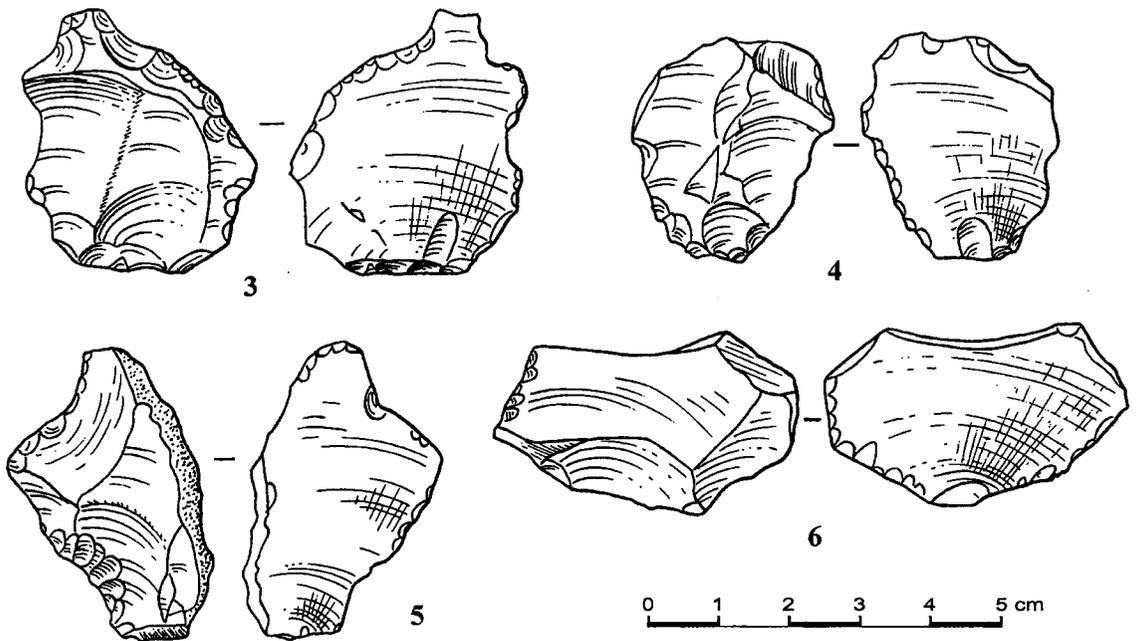

Рис. 110. Красный Яр. Стратиграфия (1-2), по П.И. Луцкому. Кремневые изделия из сборов А.А. Кротовой (3-6).

Fig. 110. Krasny Yar. Stratigraphy (1-2), after P.I. Lutski. Flint flakes (3-6), after A.A. Krotova.

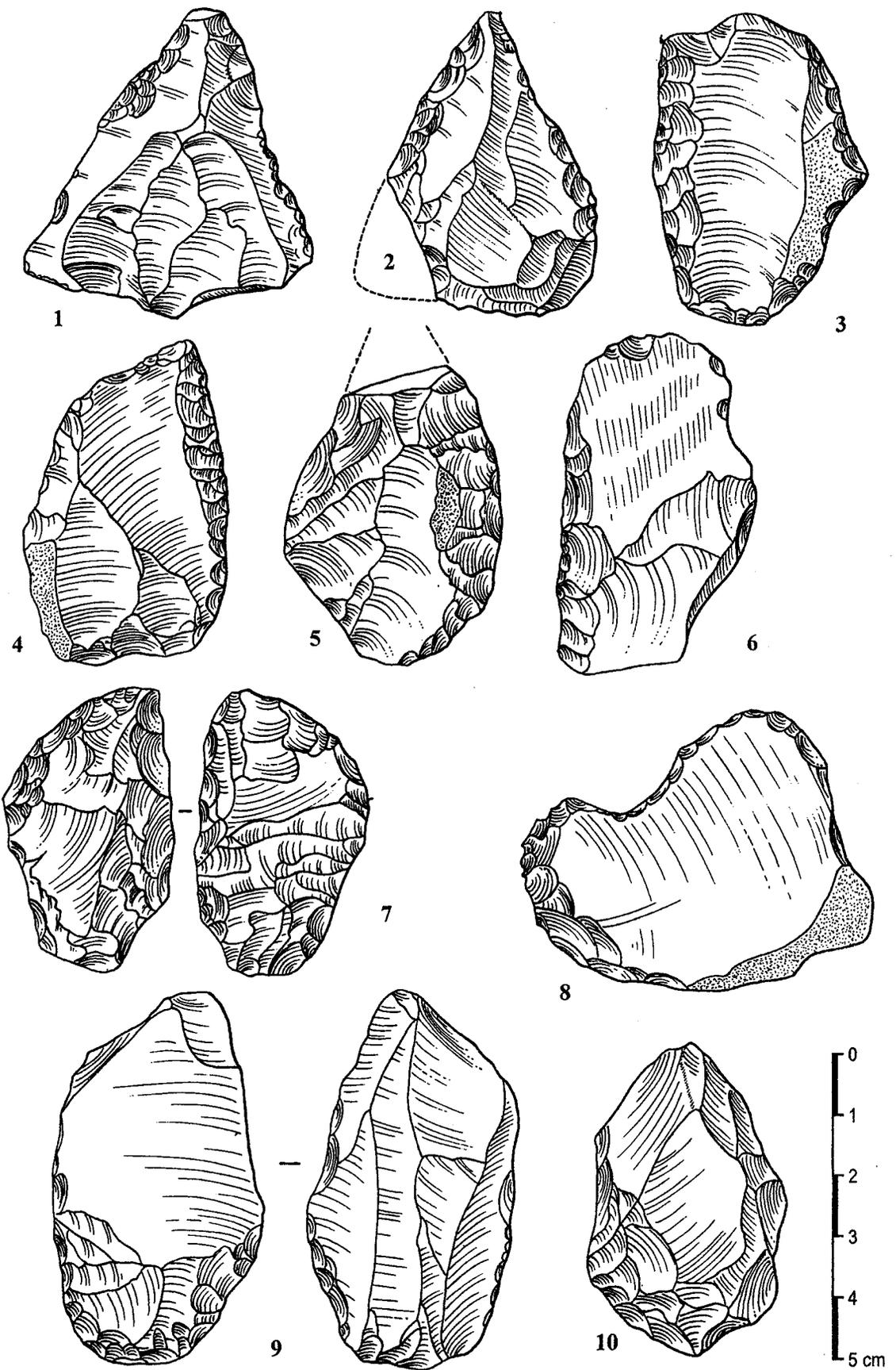

Рис. 111. Красный Яр. Кремневые изделия, по С.А. Локтюшеву [1940].
 Fig. 111. Krasny Yar. Flint tools, after S.A. Loktiushev [1940].

тачки различных археологических эпох. В подъемном материале (сборы С.М. Дегерменджи) наряду с нео-энеолитическими предметами, представленными изделиями из высококачественного черного кремня и керамикой хорошей сохранности, встречены несколько сильно окатанных отщепов из валунного кремня и типичное угловатое скребло из темного мелового кремня (рис.112, 1).

В начале 80-х гг. А.И. Пинчук, краевед из Луганской области, собрал в окрестностях г. Рубежное (40) обширную коллекцию разновременных каменных изделий. Одно из местонахождений относится, видимо, к среднему палеолиту. В аллювиальных песчано-гравийных наносах Донца, нарушенных во время строительства жилого микрорайона в северо-восточной части города, была собрана коллекция окатанных до зеркального блеска кремней. Высокое положение песчано-гравийных наносов позволяет связывать местонахождение с аллювием одной из древних террас Донца. Среди находок выделяются небольшой бифас с тонким сечением и выраженной пяткой (рис.112, 2), два продольных скребла с выпуклым (рис.112, 6) и вогнутым (рис.112, 5) лезвиями, двояко выпуклое скребло (рис.112, 3), обломок бифаса (рис.112, 4), отщепы (рис.112, 8).

В 2-х км от урочища Красный Яр выше по течению реки на небольшой правобережной отмели возле турбазы «Донец» (41) в 1975 г. А.А. Кротова обнаружила еще один пункт сбора среднепалеолитических кремней. Коллекция из не патинированных, но окатанных до блеска кремней состоит из 24 отщепов и обломка конвергентного скребла, оформленного на плоской конкреции (рис.48, 9).

Складывается впечатление, что генезис местонахождений среднепалеолитических кремней в русле Северского Донца и его правобережного притока р. Кривой Торец приблизительно одинаков. Каменные изделия транспортировались водным потоком вместе с песчано-гравийным материалом и накапливались на западных и северо-западных участках пляжей и отмелей, обеспечивая их формирование и рост. В песчано-гравийную массу прибрежных аллювиальных форм вовлекались как породы из древних галечников в основании ложа реки, так и относительно молодые донные отложения. Со-

временный мощный водоток Донца активно перемещает свой аллювиальный материал и часто образует надводные аллювиальные формы. Происхождение древних галечников в основании современного русла Донца вполне удовлетворительно объясняется концепцией Замория-Луцкого. В течение четвертичного периода Донецкий кряж неоднократно испытывал локальные орографические движения [Бондарчук, 1963].

Водный поток Кривого Торца менее значителен и древний аллювий находится здесь в погребенном состоянии.

Возможно, однако, что среднепалеолитические кремневые изделия происходят не только из древних речных галечников, которые размываются современным руслом реки. Описанная тафономическая ситуация может иметь и более простое объяснение. Судя по залеганию мустьерских культурных остатков *in situ* в прилукской почве Курдюмовки непосредственно над отложениями речного аллювия, во время фазы понижения базиса эрозии мустьерские поселения могли возникать в широкой пойме непосредственно на уровне аллювия предшествующей фазы. Люди селились на поверхности сухого дна рядом с углубленным водотоком. По этим косвенным данным, понижение базиса эрозии могло иметь место во время, предшествующее времени формирования верхних горизонтов прилукской почвы.

В любом случае, попадание кремней в современный аллювий было связано с последующей фазой поднятия уровня водотока.

Сравнение технико-типологических характеристик коллекций из речного аллювия указывает на определенные черты сходства между ними. Прежде всего, обращает на себя внимание присутствие в половине из этих собраний различных бифасов и изделий с «избыточной» ретушью. В стратифицированных донецко-приазовских комплексах среднего палеолита подобные изделия чаще всего находятся в нижней части или в основании культурно-стратиграфической колонки. Исходя из этих аргументов, автор склонен относить все перечисленные аллювиальные комплексы к одному из ранних этапов локального среднего палеолита.

На правобережье Северского Донца известны еще две единичные находки орудий

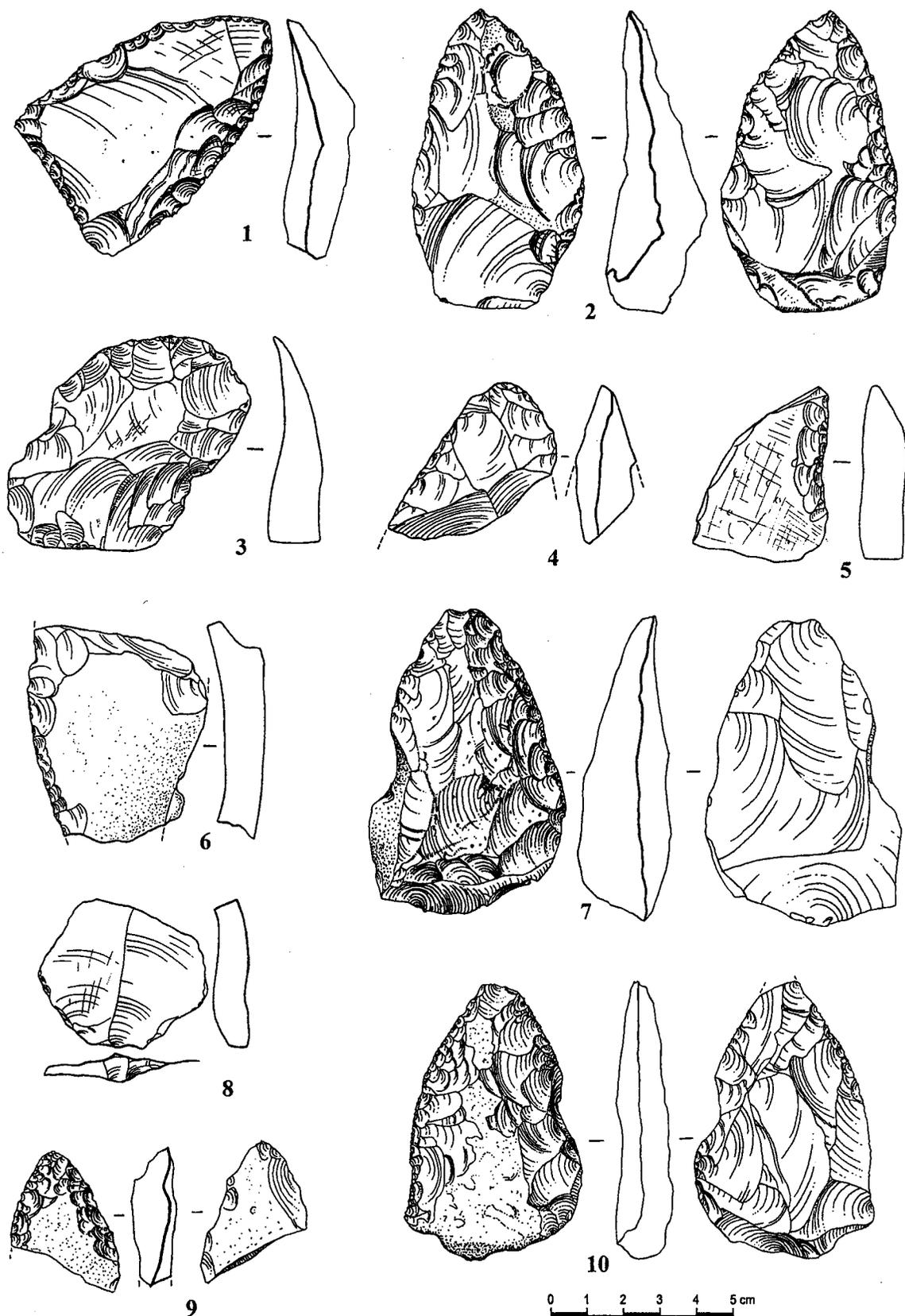

Рис. 112. Кремневые изделия: Перекат (1), Рубежное (2, 3-6), Бобриково (7), т/б «Донец» (8-9), Войтово (10).

Fig. 112. Flint tools: Perekat (1), Rubezhnoe (2, 3-6), Bobrikovo (7), camp «Donets» (8-9), Voytovo (10).

среднего палеолита. В фондах Луганского краеведческого музея хранится небольшой бифас, происходящий из сборов И.А. Пислария в 1976 г. в с. **Бобриково (42)** Антрацитовского района Луганской области в бассейне р. Нагольная (рис.112, 7). Орудие изготовлено из крупного отщеп, имеет неправильно-ромбическое поперечное сечение. Поверхность покрыта фарфоровидной патиной, окатана. Двусторонний кремневый плоско-выпуклый остроконечник хорошей сохранности найден В.Ю. Выборным в 1982 г. в осыпи оврага у с. **Войтово (43)** Станично-Луганского района в бассейне р. Евсуг (рис.112, 10).

Наконец, еще два пункта среднего палеолита открыты разведками С.Н. Брагченко и И.А. Пислария в 1975 - 1976 гг. в Луганской области. Первый пункт представлен находкой обломанного патинированного мустьерского остроконечника у с. **Долгое (44)** Славяносербского района [Писларий, Брагченко и др., 1976]. Он найден севернее села на разрушенном поселении бронзового века.

Второй пункт выявлен у с. **Булгаковка (45)** Кременского района [Кротова, 1976]. С.Н. Брагченко нашел здесь 9 патинированных кремневых изделий, среди которых выделяется веерообразный нуклеус и треугольный отщеп с фасетированной площадкой.

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. ДЕРКУЛ

В эту группу включены своеобразные каменные индустрии, основанные на применении кварцита. Все они располагаются на востоке Луганской области в бассейне р. Деркул (левобережный приток Северского Донца).

В этом районе Задонецкой равнины отложения мелового возраста погребены на значительной глубине и на поверхности не обнажаются. Кварцит бучакского яруса палеогена залегает на левобережье Северского Донца в песчаных и глауконитовых отложениях [Бондарчук, 1963] в виде сплошных монолитных пластов и жил из блоков до 1 м в поперечнике при толщине до 20-30 см, а также больших округлых конкреций и валунов размерами от 20 до 50 см. Кварцит желтого цвета, плотный, крупнозернистый, в пределах одной жилы кварцит часто переходит в сливной песчаник. Плиты и валуны покрыты толстой (до 4-5 мм) песчаниковой коркой. По пластическим свойствам бучакский кварцит близок к кремню, но существенно более хрупкий, чем кремень и не дает такого тонкого острого прочного края. Тонкие края сколов легко разрушаются при значительной физической нагрузке, выкрашиваются и тупятся. Зернистость кварцита препятствовала изготовлению орудий

мелких размеров. По этой причине местный кварцит был менее подходящим материалом для производства орудий, чем донецкий кремень. Он мог составить конкуренцию кремню в основном как сырье при изготовлении относительно крупных инструментов.

Локализация естественных источников кремня на правобережье Северского Донца, а кварцитовых выходов на левобережье способствовала частичному, а иногда и полному замещению кремня на кварцит (на мастерских) при изготовлении орудий не только в каменном, но и бронзовом веке в зоне распространения кварцита.

Название «Деркул» впервые появилось в археологическом лексиконе в 1924 г. после плодотворной поездки П.П. Ефименко в Восточную Украину. Небольшие сами по себе материалы Деркульской стоянки были поданы первооткрывателем как классические мустьерские находки [Ефименко, 1935].

Эпонимная стоянка находится на правом берегу **р. Деркул (46)** недалеко от места впадения ее в Северский Донец у хут. Колесникова Станично-Луганского района Луганской области. «...Деркул, перед вхождением в долину Донца, течет в хорошо выработанной долине, ограниченной пологими склонами водораздела возвышенности. Современное русло Деркула находится ближе к правой стороне долины и, напротив хут. Колесникова, река огибает обширное, всхолмленное дюнами песчаное поле, представляющее собой остаток подлуговой террасы. Несколько дальше по течению ... река снова подходит к склону водораздела, полого спус-

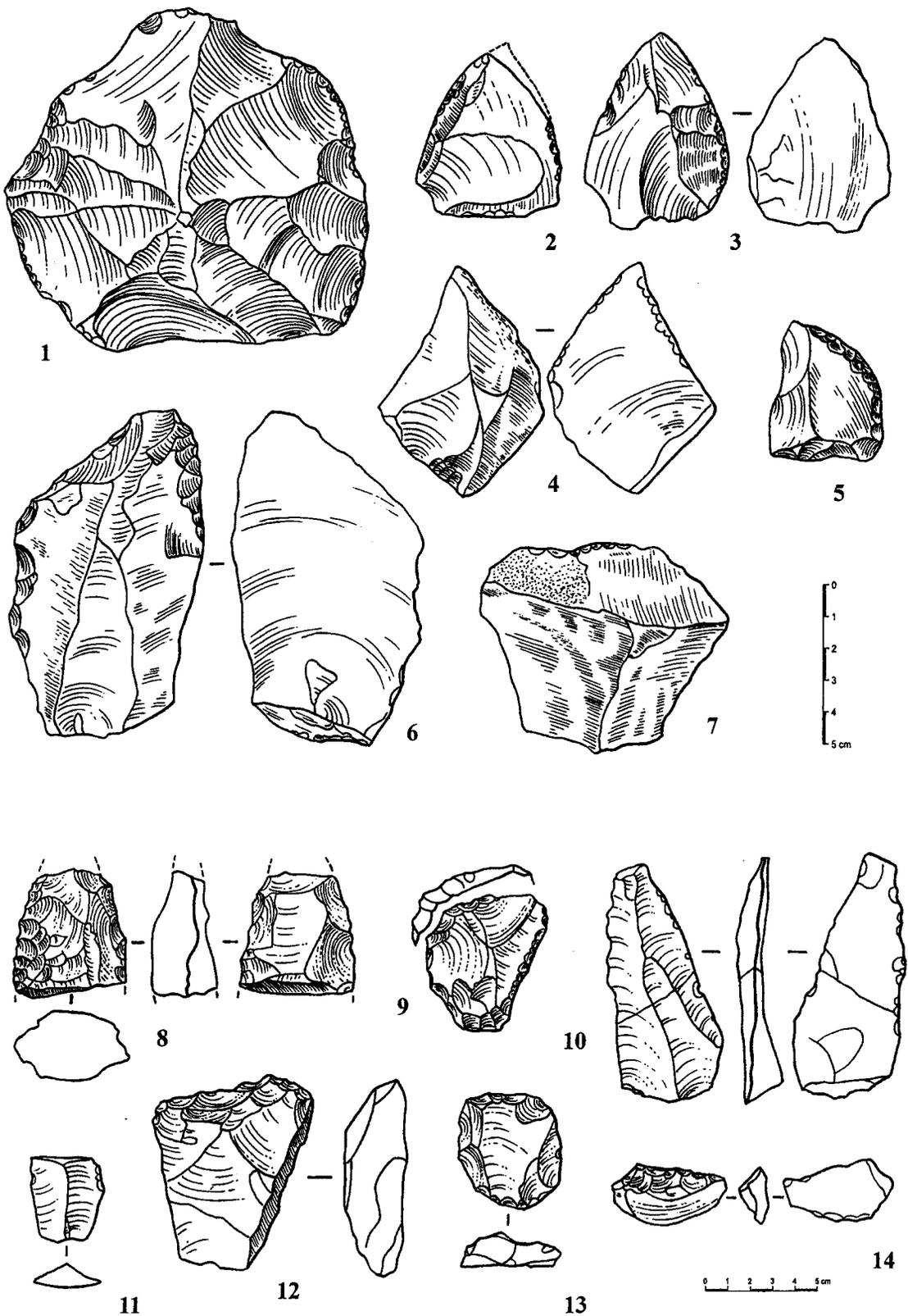

Рис. 113. Деркул. Кремневые и кварцитовые изделия, по П.П. Ефименко [1935] и В.Н. Гладилину [1965].

Fig. 113. Derkul. Flint and quartzite implements, after P.P. Efimenko [1935] and V.N. Gladilin [1965].

кающегося к реке, и на излучине энергично подмывает ее окраину, образуя здесь хороший естественный разрез» [Ефименко, 1924, с.5]. В нем обнажаются пески, перекрывающие мергель и мел. Каменные изделия залегали на глубине около 1 м в горизонтально-слоистых песках, которые П.П. Ефименко датировал рисским оледенением, исходя из представлений того времени о возрасте мустье [Ефименко, 1935, с.19].

В 1924 г. П.П. Ефименко собрал на осыпи берегового обнажения небольшую коллекцию кремневых и кварцитовых изделий. Среди находок выделялись крупный кварцитовый радиальный нуклеус (рис.113, 1), крупный кварцитовый левалуазский скол (рис.113, 6), широкий треугольный в плане кремневый остроконечник (рис.113, 3), скребло (рис.113, 2), нож (рис.113, 5), массивный отщеп с ретушью (рис.113, 4), пластины.

В 1925 г. при зачистке берегового обнажения был найден обломок кости крупного плейстоценового млекопитающего - мамонта или носорога.

Мустьерская датировка Деркульской стоянки не была принята однозначно всеми специалистами по палеолиту. Критическое мнение по этому поводу высказал С.Н. Замятнин, в 1933 г. совершивший поездку по Донбассу и Приазовью [Замятнин, 1953]. Апеллируя к позднейшей примеси в комплексе, которую не отрицал и П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин предположил неолитический возраст находок и отнес памятник к типу мастерских по аналогии с соседними мастерскими крупных кварцитовых орудий [Локтюшев, 1940].

В 1963 г. В.Н. Гладилин, начавший свою полевую практику на Луганщине, обратился, прежде всего, к Деркульской стоянке. Новые сборы практически не отличались от прежних находок по технико-типологическим показателям [Гладилин, 1965]. Большинство находок 1965 г. составляют кремневые и кварцитовые сколы с радиальных и полусных нуклеусов. Из орудий следует отметить небольшой обломок кварцитового бифаса (рис.113, 8), крупное рубящее орудие типа чоппера (рис.113, 12). Кварцитовое скребло (рис.113, 9) и поперечное кремневое скребло (рис.113, 14) представляют обычные для среднего палеолита типы орудий.

На основании ряда признаков В.Н. Гладилин отнес деркульскую индустрию к варианту мустье двустороннее [Гладилин, 1976, с.99].

Геологическая датировка Деркульского местонахождения строго не определена. П.П.

Ефименко предположительно относил находки к максимальному распространению рисского оледенения [Ефименко, 1935, с.19], П.И. Лазуков датирует памятник риссом - рисс-вюрмом; Г.Ф. Мирчинк и В.Н. Гладилин - рисс-вюрмским межледниковьем [Мирчинк, 1944, с.45; Гладилин, 1965, с.176].

Деркульское местонахождение входит в ареал распространения в лесостепной полосе междуречья Дона и Северского Донца специфических индустрий каменного века, основанных на использовании кварцитового сырья. Думается, что дискуссия вокруг этих памятников далека от своего завершения.

Почти одновременно с открытием Деркульского местонахождения в среднем течении Северского Донца была обнаружена большая группа неолитических стоянок и поселений бронзового века, содержащих обильные и разнообразные изделия из кварцита [Локтюшев, 1930; 1940-6]. В начале 30-х гг., в связи с приездом С.Н. Замятнина на Луганщину, проводятся сборы на мастерских по первичному расщеплению кварцита в бассейне Деркула [Замятнин, 1953, с.241-248] и в других местах. Из всех собранных материалов только кварцитовые индустрии неолитических стоянок и поселений бронзового века имеют более или менее определенные датировки. Остальные коллекции обработанных кварцитов, не сопровождаемые керамикой или кремневыми изделиями, могут датироваться только по технико-типологическим критериям.

Опыт работы с материалами больших кремнеобрабатывающих мастерских показывает, что поверхностные сборы, как правило, составляют разновременный конгломерат, своего рода культурно-хронологическую взвесь, которая распадается на отдельные хронологические фракции по мере накопления сведений при изучении гомогенных или стратифицированных комплексов.

Таксономическое значение Деркульского местонахождения позволяют оценить два новых пункта сбора кварцитовых изделий в бассейне р. Деркул.

Первый из них был найден Н.П. Тарасенко в 70-е гг. на правом (украинском) берегу Деркула в 2-х км к западу от с. **Титовка (47)** Рос-

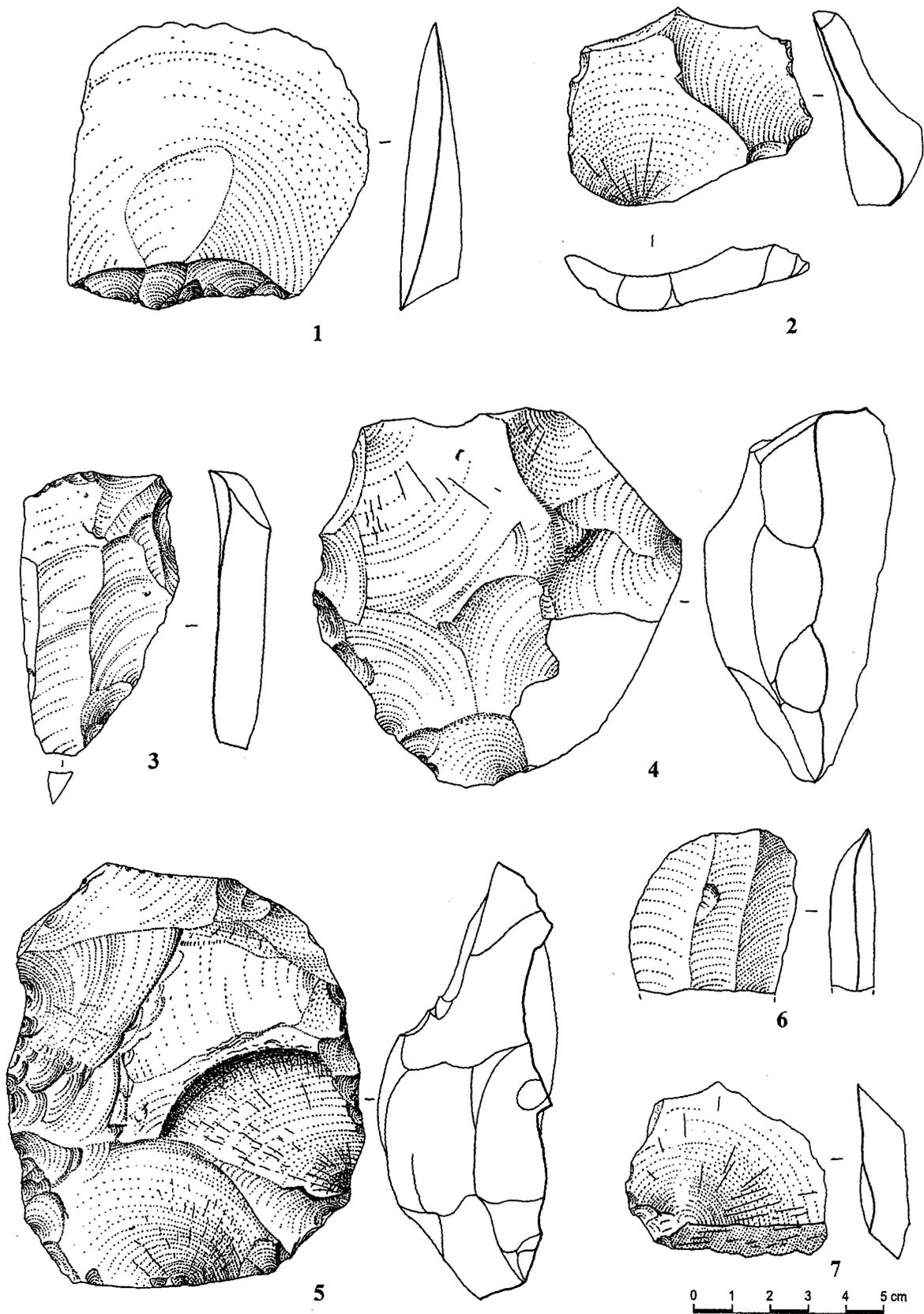

Рис. 114. Титовка. Кварцитовые изделия.
 Fig. 114. Titovka. Quartzite implements.

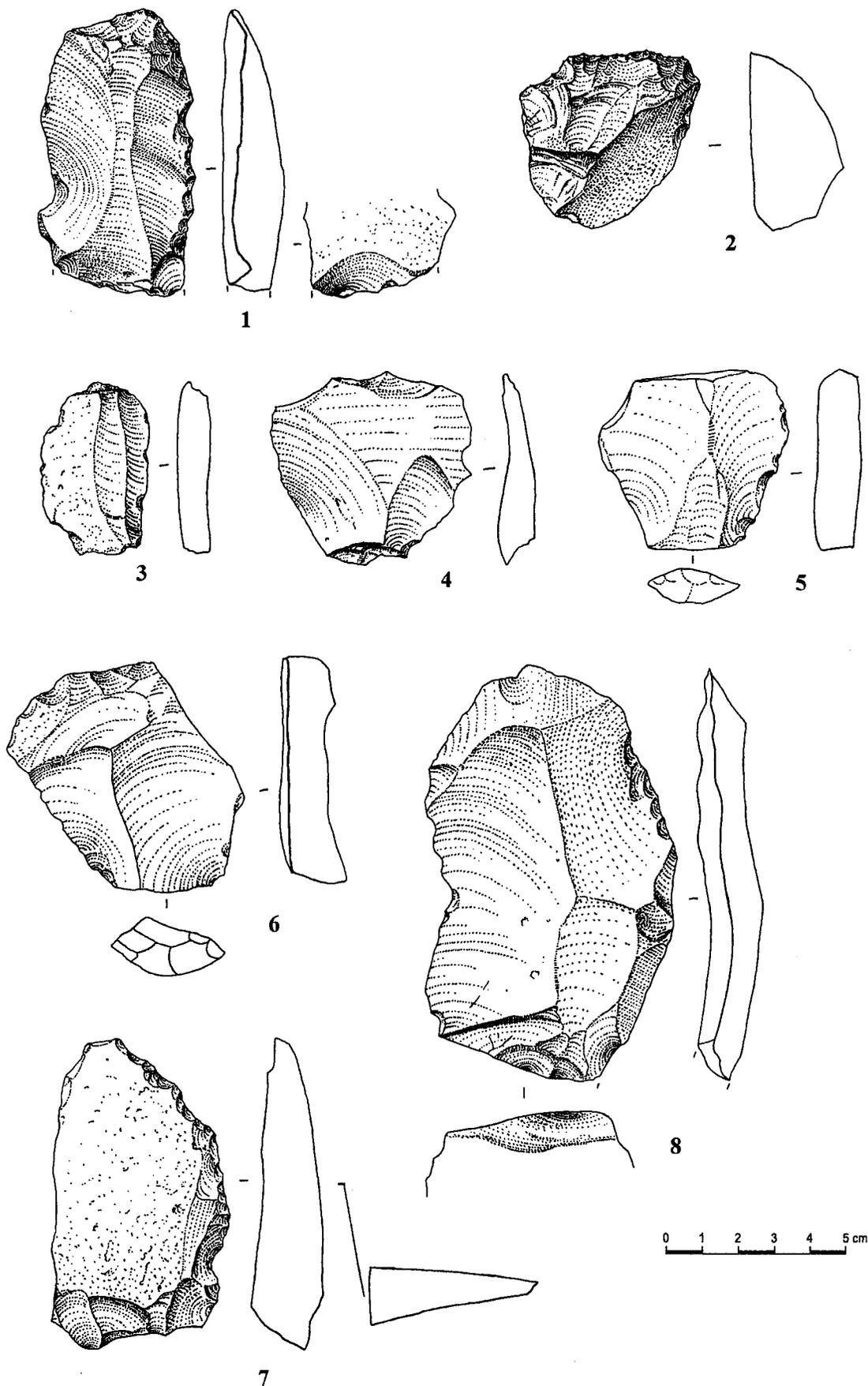

Рис. 115. Титовка. Кварцитовые изделия.
 Fig. 115. Titovka. Quartzite implements.

товской области России. На высоком участке склона долины в месте обнажения коренных пород Н.П. Тарасенко собрал небольшую коллекцию расщепленных кварцитов (25 шт.). Изделия слегка окатаны, покрыты белесой патиной, имеют следы выветренности. Помимо отщепов с простыми и фасетированными площадками (рис.114, 1-2, 7), коллекция содержит массивный двусторонний радиальный (рис.114, 5) и черепаховидный (рис.114, 4) нуклеусы, два обломанных массивных поперечных скребла (рис.115, 2, 6), продольное зубчатое скребло на

леваллуазском сколе с усеченной базальной частью (рис.115, 1), зубчатое (?) изделие на первичном сколе (рис.115, 7), крупный леваллуазский отщеп с маловыразительной ядришной обработкой базальной части (рис.115, 8), а также ординарные отщепы (рис.114, 6; 115, 3-5).

Второй памятник выявлен автором в 1982 г. на левом берегу р. Чугинка (правобережный приток Деркула) в 0.8 км от устья, в 0.7 км к востоку от с. Чугинка Станично-Луганского района Луганской области.

ЧУГИНКА (48)

Местоположение памятника

Крутой северный (левый) склон Деркула достигает в районе с. Чугинка высоты до 20 м и содержит многочисленные обнажения с несколькими ярусами кварцитовых жил. Пункт сбора расщепленного кварцита локализуется на небольшом мысообразном выступе весьма крутого склона берега реки и связан непосредственно с месторождением кварцита. Здесь обнажаются крупные плиты размером до 1 м в поперечнике и более мелкие валуны. Размер обнажения приблизительно 20x30 м. Таковы же и размеры местонахождения расщепленных кварцитов. Плиты залегают косо с падением в сторону реки. Корковое покрытие плит преимущественно ровное. Толщина корки незначительная. Кварцит крупнозернистый желтый с более светлыми известковистыми вкраплениями.

Общая характеристика коллекции

На этом небольшом участке склона собрана коллекция из 327 кварцитовых изделий. Они залежали непосредственно на размытых палеогеновых отложениях, почти лишенных дернового покрытия. По степени сохранности коллекция распадается на три условных группы. Первая группа (17 шт.) объединяет кварциты свежие на вид, не окатанные, естественного желтого цвета. Вторая группа, основная (285 шт.), - это окатанные, частично выветренные кварциты, покрытые «жирной» кремовой и белесой патиной. Третья группа (25 шт.) - пемзообразные (за счет потери известковых участков), рыхлые, относительно легкие, сильно выветренные и патинированные предметы со стертymi ребрами. Разрушенная патина имеет темно-серый цвет. Микрорельеф поверхности этих изделий

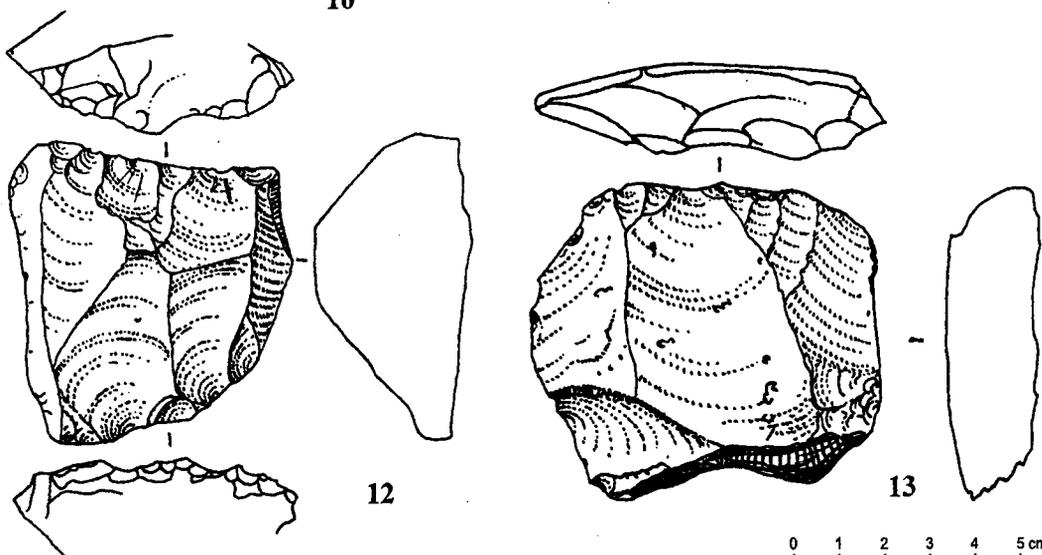
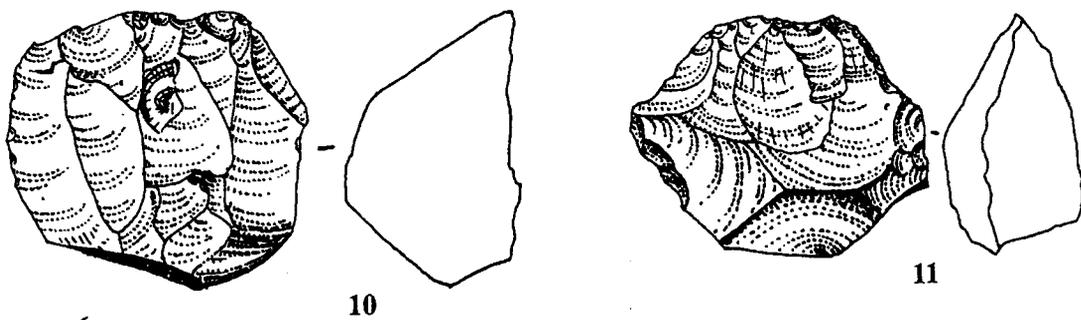
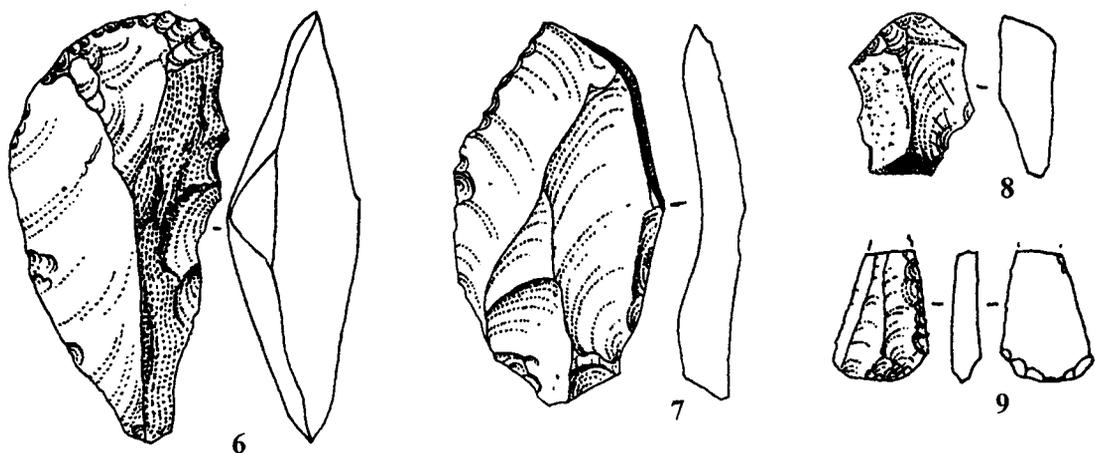
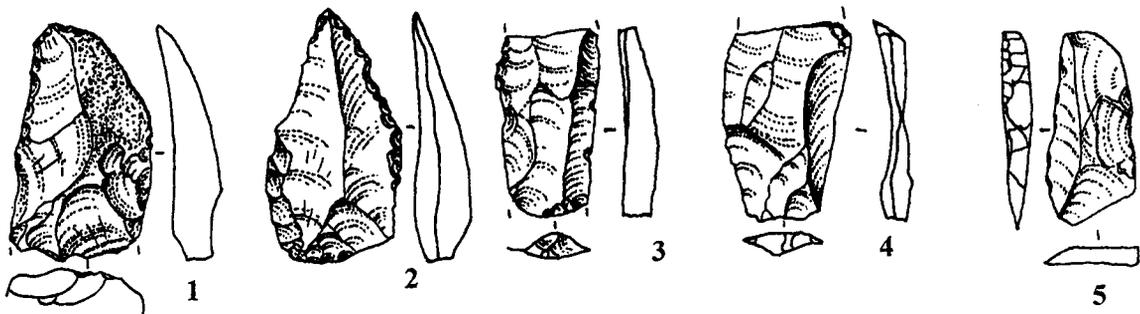
утерян из-за окатанности и ячеистого выветривания. Технично-типологически первые две группы вполне совместимы, между ними нет и четкой границы по степени сохранности. Третья группа представлена отщепами и отличается более грубым обликом. Изделия первых двух условных групп встречаются преимущественно в верхней и средней части местонахождения. Пемзообразные кварциты залежали, в основном, в нижней части обнажения, осыпаясь по склону почти до поймы реки.

На местонахождении в древности раскалывались кварцитовые плиты и крупные валуны, полностью вымытые эрозией из глауконитовой толщи, а также обнаженные края крупных плит. Предположительно, кварцитовое сырье могло расчищаться или извлекаться из материнской породы при помощи простейших инструментов, сделанных из крупных плоских отщепов.

Макронуклеусы	2
Нуклеусы	4
Макросколы	42
Сколы до 3 см	27
Мелкие сколы	242
Изделия с вторичной обработкой	10
Итого:	327

Таблица 31. Чугинка. Состав коллекции кварцитовых изделий.

Группа не окатанных кварцитов (17 шт.) включает мелкие сколы, биполярный нуклеус со слабовыпуклым рабочим фронтом (рис.116,12), нуклевидный обломок, два крупных плоских скола леваллуазского типа, плас-

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 116. Чугинка. Кварцитовые изделия
 Fig. 116. Chuginka. Quartzite implements.

тину с тонко фасетированной площадкой (рис.116, 4), два «остроконечника» (рис.116, 2, 9), ординарные отщепы.

Пемзообразные кварциты (25 шт.) представлены, в основном, крупными и массивными отщепами. Коэффициент удлиненности этих отщепов 82, коэффициент массивности – 35.2. Площадки преимущественно гладкие или грубо фасетированные. Огранка нерегулярная.

Основное количество кварцитов (285 шт.) относится ко второй условной группе. Их вполне достаточно для технико-типологической характеристики комплекса.

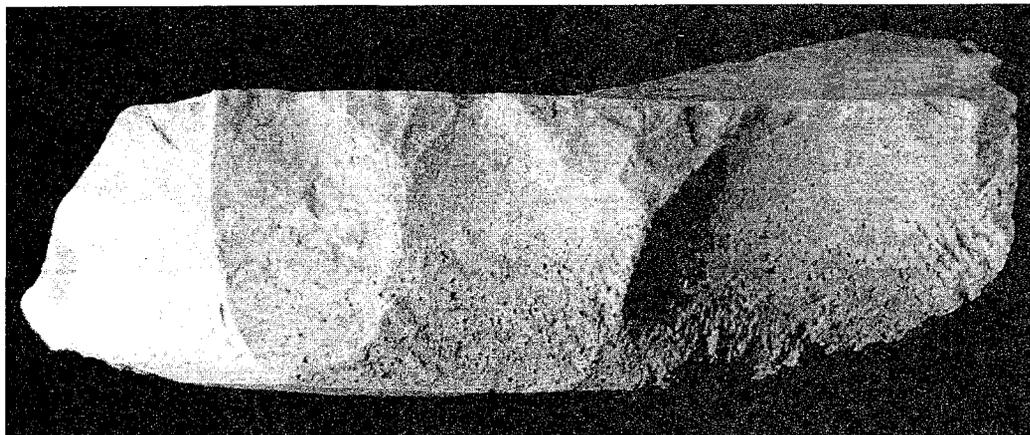
Технологический анализ

Техника первичного расщепления восстанавливается вполне отчетливо. Она была двухэтапной. Прежде всего, хорошо прослеживается дробление крупных плит на более мелкие куски и отщепы. Такую обработку трудно назвать обычным расщеплением, поскольку она требовала весьма значительных физических усилий. От плит очень сильными поперечными ударами один вслед другому отбивались крупные и массивные отщепы, сохраняющие корку на отбивной площадке и утолщенном дистальном конце. Они образуют своеобразное поперечное сечение кварцитовой плиты с рудиментами двух параллельных корковых плоскостей. Длина подобных отщепов соответствует толщине плит и достигает 20 см и более. Ударные площадки при таком «скальвании» специально не готовились, так как в этом не было необходимости. Ровная поверхность плиты не требовала дополнительной подправки. Площадки, по крайней мере, 34 сколов разной величины представляют собой необработанную корковую поверхность.

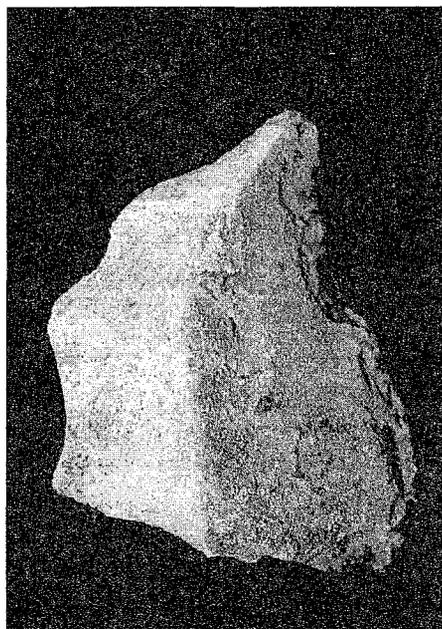
При дроблении краевых участков плит образовывались отщепы двух основных разновидностей. Сколы первого вида имеют подовальные очертания, укороченные (ширина больше длины) пропорции, сегментовидное продольное сечение, корку по периметру или на дистальном участке. Их всего 20 штук. Максимальная ширина до 17 см. Они явно связаны с дроблением краевых участков плит, которые имеют округлый в профиле рельеф. Возможно также, это были края больших округлых валунов. Сколы второго вида, видимо, срывали утолщенные торцевые края плит или участки их плоской боковой поверхности. Эти сколы (15

шт.) имеют корковый обушок и униполярную огранку. Длина их до 22 см. Сколов, полностью покрытых коркой, немного – 14 шт. Очевидно, что декортикация плит носила случайный характер. По крайней мере, 12 сколов относятся к типу краевых с очень высоким поперечным сечением. Судя по значительным размерам (от 7 до 16 см), они возникали на начальном этапе обработки сырья и вместе с крупными естественно-обушковыми отщепами отражают попытки ограничить ширину рабочего фронта на «нуклеусе»-плите. Конечно, при первичном раскалывании плит образовывались и другие крупные массивные отщепы с менее выраженной морфологией. По крайней мере, две плиты со следами поперечных сколов по краям сохранились в положении *in situ* и уходят в монолитную часть палеогеновых отложений. В современном состоянии эти плиты-«нуклеусы» обнажаются на склоне, приблизительно, на 40 см. К процессу дробления таких стационарных блоков скорее подходит термин «выламывание» отщепов и кусков. В коллекции расщепленных кварцитов представлены также два крупных нуклеидных обломка и один остаточный макронуклеус длиной 27 см. Он получился после полного раскалывания небольшой кварцитовой плиты. Этот нуклеус имеет удлиненный корпус, гладкую площадку и негативы четырех расположенных в ряд сколов на вытянутом рабочем фронте (рис.117, 1).

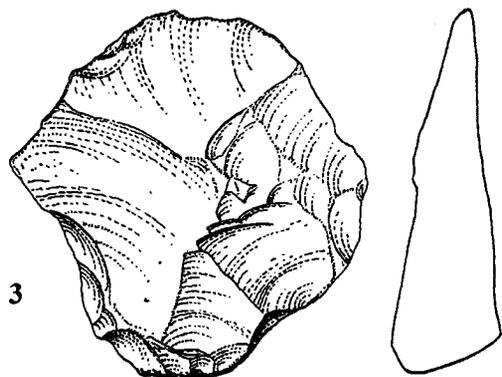
С другой стороны, из крупных обломков и отщепов формировались нуклеусы обычных среднепалеолитических разновидностей. Морфологически они ясно выражены. Целевое расщепление велось как с радиальных ядрищ, так и с полюсных нуклеусов с необъемным или слабо объемным рабочим фронтом. Радиальное ядрище представлено одним массивным двусторонним экземпляром (рис.116, 11). Нуклеусы с утолщенным рабочим фронтом предназначались для снятия пластинчатых сколов и линейных отщепов. Соответственно, выделяются одноплощадочный нуклеус с субпараллельной огранкой рабочего фронта и выпуклой тыльной стороной (рис.116, 10), двуплощадочный нуклеус с выпуклой тыльной стороной (рис.116, 12) и остаточный черепаховидный нуклеус с корковой тыльной стороной (рис.116, 13). Расщепление последнего было остановлено после снятия крупного центрального удлиненного скола с черепаховидной огранкой дорсальной поверхности. Этот нук-

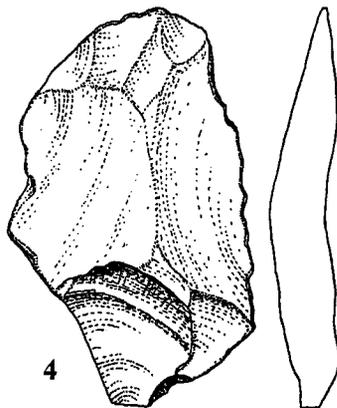
1

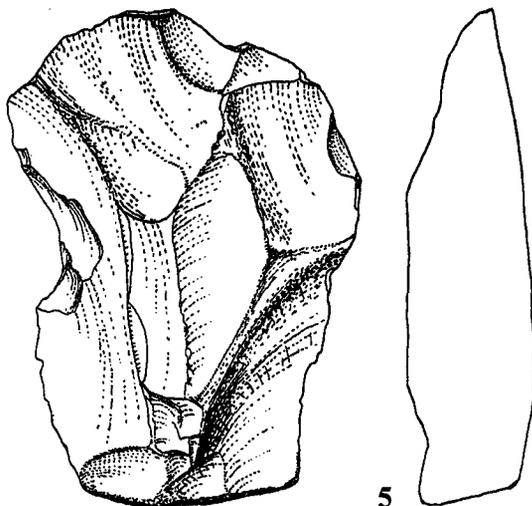
2

3

4

5

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 117. Чугинка. Кварцитовые изделия (фото А.П. Пархоменко).
Fig. 117. Chuginka. Quartzite implements (photo by A. Parkhomenko).

леус имеет сферическую корковую тыльную поверхность и одну фасетированную площадку. Площадки всех полюсных нуклеусов фасетированы, на некоторых участках весьма тонко. Характеру нуклеусов соответствует характер снятых с них сколов. Вторичных сколов размерами до 7-8 см в коллекции 42 шт. Пластинчатые сколы представлены правильными образцами с тонко фасетированными площадками (рис.116, 3, 4). Всего таких сколов 15 шт. Пять сколов имеют треугольные очертания и огранку, близкую к конвергентной (рис.116, 2). Огранка 9 отщепов близкая к центростремительной (рис.117, 3-5). Мелкие краевые сколы (рис.116, 5,7) связаны с расщеплением уни- и биполярных нуклеусов. Из всего 2 экз. Один из этих сколов (рис.116, 5) был снят после цикла боковой подправки рабочего фронта. Точные показатели подправки площадок подсчитать трудно из-за окатанности многих изделий. Как видно, здесь практиковались линеальный черепашковидный, радиальный и уни-, биполярные рекуррентные методы первичного расщепления.

Изделия с вторичной обработкой

Изделий с вторичной обработкой или со следами использования в работе немного - всего 10 шт. Охарактеризуем их суммарно, без деления на комплексы по степени сохранности. Ретушь минимальная, часто краевая и нерегулярная. Скорее всего, в основном это ретушь утилизации. В орудийном наборе присутствуют скребловидные изделия, сколы с ретушью, орудие типа сечки и конвергентно-остроконечные изделия. Продольное скребло на сколе с радиальной огранкой имеет усеченную базальную часть (рис.116, 1). Выделяются также два «остроконечника» на сколах с конвергентной огранкой (рис.116, 2, 9), 3 ножа из краевых леваллуазских сколов (рис.116, 5, 7), скребловидное орудие (рис.116, 8). У одного из «остроконечников» с утраченной вершиной (рис.116, 9) основание (базальная часть скола) усечено и с образовавшегося тронкированного торца отделены несколько коротких сколов в дорсальной плоскости; один их краев ретуширован. Так же ретуширована одна из пластин (рис.116, 3). Сечка выполнена на массивном треугольном отщепе, имеет интенсивно сработанное выпуклое поперечное лезвие (рис.116, 6). В целом, набор орудий маловыразительный, что, видимо, объясняется производственной направленностью памятника.

Специфично изделие из крупного (19x21 см) широкого относительно тонкого отщепа, у которо-

го широкий заостренный в плане поперечный скребловидный край имеет интенсивные следы сработанности (рис.117, 2). Не исключено, что этот плоский предмет использовался для откапывания кварцитовых плит из материнской породы.

Функциональный тип памятника

Как видно, обычный «стояночный» компонент в виде утилизированных нуклеусов, целевых сколов с них и орудий с упрощенной вторичной обработкой составляет минимальную часть всего комплекса. Основная часть коллекции - это крупные отщепы и обломки кварцита. Такое соотношение не удивительно, так как памятник расположен на крутом береговом склоне у выходов сырья. Какая-либо выраженная поселенческая активность на этом месте маловероятна. В основном, имела место экстенсивная переработка кварцитового сырья на участке его локального обнажения.

Основываясь на структуре коллекции и характере каменных изделий, логично определить этот памятник как специфический производственный комплекс, в пределах которого происходило дробление кварцитовых плит на крупные куски и отщепы, а также частичное использование образовавшихся кусков. Возможно, отсюда уносились не только куски кварцита, но и подготовленные нуклеусы. Предположительно, часть обнажившихся плит и валунов расчищалась и извлекалась из глауконита при помощи больших отщепов, которые использовались как своеобразные совки. Сочетание аспекта мастерской по первичному расщеплению с примитивной добычей каменного сырья не является уникальным для среднего палеолита. В частности, подобные производственные комплексы (правда, связанные с более сложной шахтной добычей кремня) отмечены в Египте в местности Назлет Сафага [Vermeersch, Paulissen, Van Peer, 1995].

В заключении следует сказать, что нельзя полностью исключать возможность инородной примеси в описанной коллекции, поскольку памятник представлен исключительно поверхностными сборами.

Сравнительный анализ индустрии

Деркульское местонахождение и пункты сбора подъемного материала возле сел Титовка и Чугинка объединяют приблизительно одинаковый уровень техники первичного расщепления, основанной на радиальных, леваллуазских

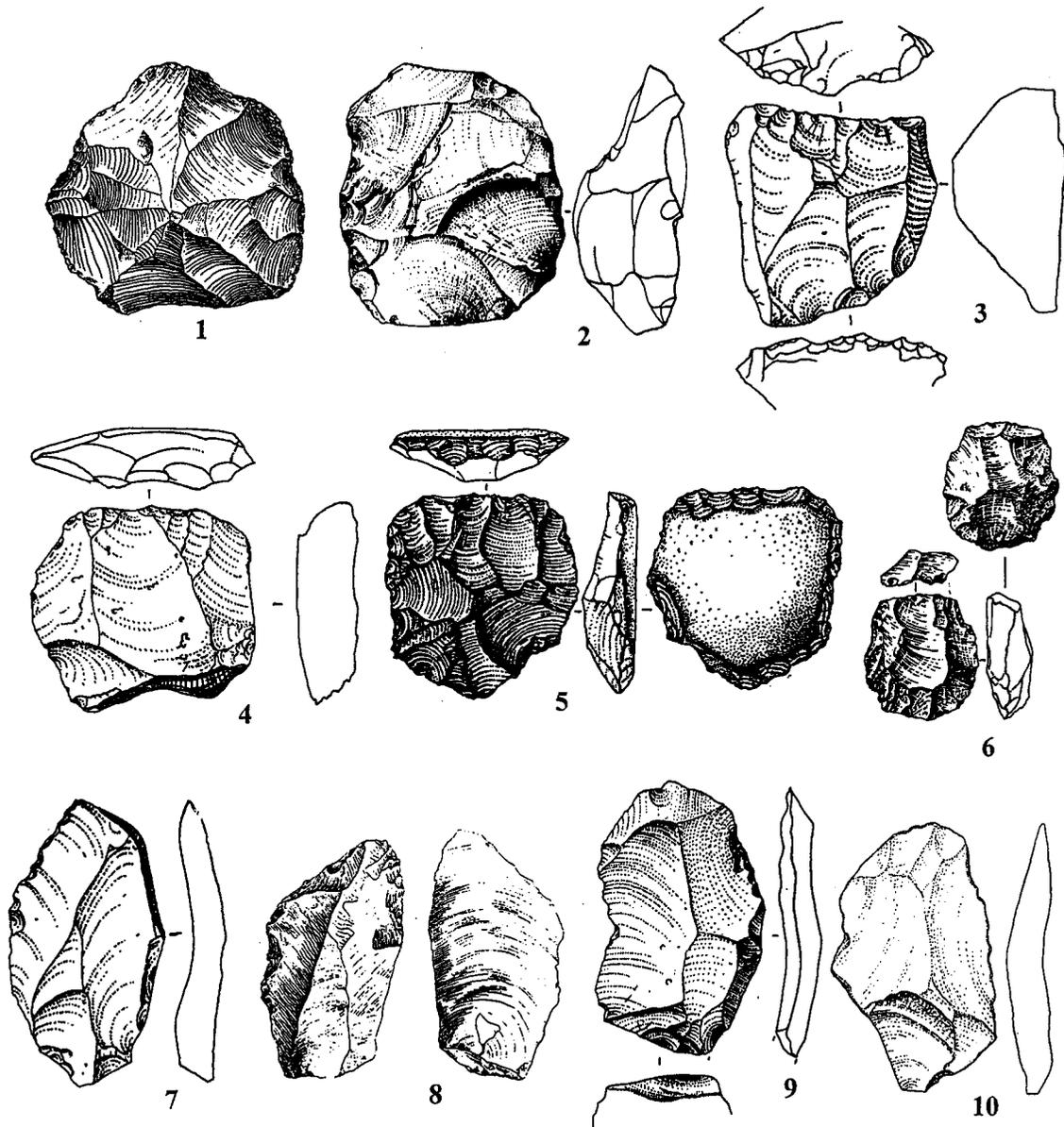

Рис. 118. Характерные кварцитовые изделия из Титовки, Чугинки и Калитвенки (5-6 - по А.Е. Матюхину [1987]; 1, 8 - по П.П. Ефименко [1935])

Fig. 118. Typical quartzite cores and flakes of the Titovka, Chuginka and Kalitvenka (5-6 - after A.E. Matiukhin [1987]; 1, 8 - after P.P. Efimenko [1935]).

черепаховидных и полюсных нуклеусах с необъемным фронтом, наличие грубых пластин и конвергентных сколов, атипичный состав скребел и «остроконечников», односторонний в целом характер изделий. Единственный обломок бифаса и чопперовидное изделие найдены В.Н. Гладилиным на Деркульской стоянке в подъемном материале. Особо подчеркнем присутствие во всех трех комплексах крупных линейных леваллуазских сколов либо нуклеусов для них. Этот метод первичного расщепления в целом мало характерен для среднего палеолита донец-

ко-приазовского региона и серийно представлен только в кварцитовых индустриях. В Титовке и Чугинке крупные леваллуазские отщепы часто имеют усеченную базальную часть. Более детальное сравнение комплексов пока невозможно, но приведенные факты свидетельствуют если не о единстве, то, по крайней мере, о технико-типологической и, видимо, культурной близости этих материалов. Логично называть эти местонахождения *памятниками деркульского типа*.

Происходящие из памятников деркульского типа нуклеусы (разумеется, портативные)

достаточно уверенно идентифицируются в рамках типологии среднего палеолита. Крупные леваллуазские сколы также вполне соответствуют классическим образцам. Сопоставление описанных кварцитовых изделий с вторичной обработкой со стандартными мустьерскими типами орудий не столь очевидное и простое. В меньшей степени это касается скребел. Кварцитовые же «остроконечники» скорее напоминают свои кремневые прототипы, чем являются таковыми. Тем не менее, в целом, упомянутые каменные ансамбли местонахождений с кварцитами в бассейне р. Деркул находят наиболее обоснованные аналогии среди материалов среднего палеолита.

Происходящие из неолитических стоянок и поселений бронзового века Подонцовья наборы кварцитовых изделий несколько иные. Для последних характерны правильные широкие пластины, призматические нуклеусы с круговой площадкой, сегментовидные бифасиальные вкладыши для серпов, топоры-транше и овальные топоры-резаки, крупные и широкие концевые скребки, резцы. Кварцитовых изделий, подобных находкам на памятниках деркульского типа, на стоянках и поселениях нет, если не брать во внимание грубые отщепы и некоторые крупные пластины. Важно отметить, что на позднейших стоянках и поселениях кварцит никогда не вытесняет полностью кремь.

Сравнение же памятников деркульского типа с материалами мастерских по обработке кварцита эпохи неолита - бронзового века не позволяет проводить столь резкую границу между ними. На этих мастерских встречаются отдельные типы вещей, которые внешне напоминают изделия среднего палеолита. Таковыми являются, в частности, «дисковидные» нуклеусы, массивные отщепы с широкими площадками из сборов С.Н. Замятина [Замятин, 1953, рис.8,4; 9] на мастерских ухт. Нижне-Герасимовский в Подонцовье. Некоторое технологическое сходство со средним палеолитом, «архаизм» материалов мастерских неолита – бронзы объясняется характером кварцитового сырья. Это вызвано тем, что первоначальное дробление плит и валунов, которое документируется наибольшим количеством остатков, требовало самых несложных приемов обработки. Их применение создает иллюзию «палеолитической простоты» в области технологии расщепления. Технологически более сложноорганизованное производство представлено редкими бракованными за-

готовками либо вообще отсутствует. Тем не менее, именно конечный продукт расщепления позволяет расставлять столь необходимые всему комплексу хронологические акценты. Найденные на мастерских неолита – бронзового века Подонцовья «палеолитические» по внешнему виду бифасиальные кварцитовые изделия фактически являются преформами сегментовидных вкладышей серпов или овальных топоров и легко отличаются от орудий среднепалеолитических типов. Разница между памятниками деркульского типа и позднейшими мастерскими фиксируется, прежде всего, на уровне целевых продуктов расщепления. Несмотря на технологическую близость основного количества операций, эта разница вполне осязаема.

Близкие по характеру памятники известны в бассейне р. Калитвенка в пределах Ростовской области России. В течение ряда лет А.Е. Матюхин исследовал серию мастерских кварцитовых изделий в месте впадения Калитвенки в Северский Донец [Матюхин, 1984; 1987; 1995; 1996]. В многочисленных калитвенских памятниках, как и в чугинском комплексе, присутствуют нуклеусы среднепалеолитических типов, в том числе черепаховидной формы, орудия на отщепах (рис.118), специфические простейшие инструменты для откапывания кварцитовых плит [Матюхин, 1987]. Отличия касаются присутствия здесь бифасов. Пока это наиболее восточная точка распространения кварцитовых индустрий в междуречье Дона и Днепра.

Разумеется, до появления надежного геологического обоснования возраста кварцитовых индустрий бассейна Деркула, принадлежность их к среднему палеолиту не может быть безоговорочно принята. Пока речь идет только о вероятном возрасте этих находок, исходя из наиболее предпочтительных технико-типологических аналогий в кругу памятников среднего палеолита. Ситуация с датировкой осложняется возможной более поздней примесью, о вероятности которой писали практически все авторы, касающиеся данной темы. Все же я думаю, что на пути от декларации к констатации среднепалеолитического возраста памятников деркульского типа, хотя бы половина дороги уже пройдена.

Этими пунктами исчерпывается список памятников среднего палеолита Донецкой и Луганской областей Украины, известных автору на момент издания настоящей сводки.

ГЛАВА 7. ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДОНБАССА

ТАФОНОМИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Тафономический анализ имеет фундаментальное значение при обосновании гомогенности палеолитических комплексов и степени их сохранности. Это базовая процедура, без которой все последующие археологические интерпретации значительно девальвируются либо вообще не имеют смысла. Залегание археологических остатков в стратиграфически или планиграфически компактном виде еще не означает наличие сохранившегося культурного слоя [Rigaud, Simek, 1987]. Тафономические аргументы особо актуальны при работе с палеолитическими памятниками в регионах со сложной геологией и слабой аккумуляцией четвертичных осадков. К числу таких районов, безусловно, относится Донбасс.

Опорными памятниками среднего палеолита Донбасса, имеющими определенный геологический контекст, являются Антоновка, Белокузьминовка, Звановка, Курдюмовка, Корнев Яр и некоторые другие местонахождения. Подавляющее большинство этих памятников сохранились в сильно разрушенном состоянии. В Донбассе в более или менее удовлетворительном, с геологической точки зрения, виде сохранился только небольшой обрывок горизонта находок в древнеюрмской ископаемой почве стоянки Курдюмовка. Судя по незначительному разбросу глубин залегания кремней, ясному планиграфическому контексту, этот участок не испытал значительной деформации и к нему может быть применено понятие “культурный слой”. Остальные комплексы претерпели существенную деформацию различного генезиса и представляют собой условные тафономические объекты.

Геологическая сохранность среднепалеолитических остатков Северо-Восточного Приазовья иная и здесь известны древние поселения с хорошо законсервированными культурными слоями [Праслов, 1968].

В теории культурного слоя основными элементами подлинного культурного слоя (положение *in situ*) принято считать собственно культурные остатки (артефакты) и так называемый “заполнитель”, который представляет собой переработанную органико-минералогичес-

кую смесь [Александрова, 1990]. Заполнитель состоит из преобразованной смеси естественных осадков и связанной с деятельностью человека измененной органики (кости животных, зола, остатки растительной пищи и пр.). Культурный слой как археологический феномен является совокупностью этих двух слагающих его элементов. В теоретическом смысле, разрушение культурного слоя древнего поселения в первую очередь связано с замещением вмещающих седиментов, вымывом заполнителя и с изменением первоначального пространственного положения древних артефактов, а также с разрушением самих этих артефактов.

Современный исследователь палеолита в основном сталкивается с остатками разного рода поселенческих объектов, которые сформировались под влиянием одновременно действующих факторов консервации и разрушения всех слагающих элементов культурного слоя. При этом баланс процессов консервации и разрушения культурных остатков может быть разным. Многолетняя практика изучений донецких памятников среднего палеолита показывает, что для оценки их тафономического состояния важно понимание не столько процессов консервации культурных остатков, сколько механизмов их разрушения. Это было вызвано тем обстоятельством, что в Донецком регионе в верхнем плейстоцене баланс аккумуляции и смыва континентальных осадков был, в целом, неблагоприятным для сохранения палеолитических остатков. Процессы естественной консервации артефактов и первичного “заполнителя” в большинстве случаев подавлялась различными факторами, искажающими первоначальный тафономический контекст археологических комплексов. Остановимся на этом вопросе подробнее.

В процессе разрушения культурного слоя можно выделить три основных этапа, связанных с преобладанием тех или иных деструктивных факторов. Целесообразно различать сингенетические (одновременные накоплению и формированию слоя), эпигенетические (непосредственно следующие за оставлением людьми древнего поселения) и постгенетические (вхо-

дящие в следующую геологическую фазу) процессы разрушения слоя. Синонимичные приставки эпи- и пост- в данном случае отражают различные временные интервалы и различный генезис процессов деструкции культурного слоя после его образования. Часто процессы разрушения слоя после его образования недифференцированно называют постдепозиционными [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. Первый, сингенетический, этап обусловлен сочетанием естественных и антропогенных факторов; одновременно с естественной седиментацией и накоплением культурных остатков на жилой поверхности происходила их непреднамеренная искусственная деформация (перекопы, очистка пола жилищ, вторичное использование каменных орудий и т. д.). В последующем имели место, в основном, только природные процессы. Второй этап (эпигенетический) ассоциируется с поверхностными процессами эолового, делювиального, криогенного и иного генезиса (выветривание, растрескивание пород, делювиальный снос, солифлюкция, вытаивание ледяных жил и т. д.) и приводил к наиболее масштабному разрушению слоя и культурных остатков. Они подвергались горизонтальному сносу, иногда весьма значительному, проваливались в линейные (ледяные жили, полигональные трещины) или точечные (котлованы вытаивания) структуры. Третий этап деформации (постгенетический) был связан с различными сценариями, обусловленными тем, что культурные слои или уже измененные горизонты культурных остатков погребались различными седиментами и становились вложенной частью геологического тела. Реальное значение на этом этапе имели тектоническая деформация, мерзлотное растрескивание, деятельность землеройных животных, движение предметов вверх при глубоко промерзании грунта, оползневые процессы, размыв береговых обнажений, образование промоин в толще культуросодержащих седиментов и т. д. Наибольшее влияние оказывали, как кажется, два фактора: деятельность землероев и образование ледяных линз под плоскими предметами. Под действием этих агентов происходило своеобразное “вспучивание” слоев и горизонтов при преимущественно вертикальном перераспределении предметов.

Резкой границы между тремя названными условными этапами разрушения культурного слоя нет, так как процесс седиментации но-

сит хотя и ритмичный, но перманентный характер, а различные деструктивные факторы проявляются чаще всего в комплексе.

В современном состоянии переотложенные среднепалеолитические культурные остатки встречаются в Донбассе в виде нескольких специфических фациальных комплексов. Принадлежность археологических комплексов к конкретному тафономическому типу определяется характером процессов, которые преимущественно влияли на их формирование. В данном случае термин “фация” употребляется в традиционном геоморфологическом контексте как одновременные (с геологической точки зрения) отложения различного генезиса. В контексте археологии среднего палеолита Донбасса, прежде всего, имеют место аллювиальные и делювиальные археолого-тафономические комплексы с близким характером генезиса. При этом типе переотложения культурного слоя так называемое заполнение слоя полностью разрушается, так же как и первоначальное положение предметов. Вероятно смешение нескольких комплексов.

Аллювиальные комплексы

К ним относятся комплексы из Дружковки, Красного Яра под Луганском, Константиновки и Рубежного, урочища Перекат и турбазы “Донец”. Общим для них является залегание каменных артефактов и костей плейстоценовых животных в современном речном аллювии или на поверхности современных донных или надводных (отмели) наносов. В Константиновке и Дружковке древние изделия залегали в современном речном аллювии и были подняты на поверхность при очистке русла реки. В г. Рубежное палеолитические каменные орудия происходят из древнего аллювия, обнаженного на поверхности высокой террасы Северского Донца. В Красном Яре, в урочищах Перекат и у турбазы “Донец” патинированные и окатанные кремни и древняя фауна (Красный Яр) находились на поверхности современных аллювиальных наносов в виде речных кос и отмелей; эти наносы, скорее всего, формируются за счет размыва и переноса погребенного древнего аллювия Донца. Следует полагать, что палеолитические остатки попали в современный речной поток в результате многократных перемещений, фазы которых совпадали с локальными тектоническими колебаниями земной поверхности со знаком “-”. В подавляющем большинстве слу-

чаев кремни окатаны и покрыты специфической темно окрашенной или яркой пестроцветной патиной, кости животных сильно фоссилизованы и тоже окатаны. Из-за длительного пребывания в воде поверхность кремней пропиталась окислами железа и марганца и приобрела красную, бурую или коричневую окраску, которая просматривается под патиной. Безусловно, аллювиальные комплексы из современных речных наносов не образуют полноценных коллекций из-за возможной примеси и неясных геологических датировок. Все донецкие аллювиальные комплексы выделены искусственно (в первую очередь по физическим характеристикам и технико-типологическим признакам) среди разнородных археологических материалов.

Делювиальные комплексы

Комплексы этого тафономического типа представлены такими выразительными памятниками, как Курдюмовка (находки из удайского лесса), Озеряновка, Звановка, Корнеев Яр, Антоновка, находками из делювия ископаемых почв Белокузьминовки. В зависимости от скорости переотложения и характера поверхности смыва палеолитические остатки образуют либо линейные структуры в форме заполнения промоин и небольших балок, либо поля с невыраженными в плане границами. Заполнение локальных линейных депрессий, как правило, четко ограничено по простиранию. Для этого варианта характерно сочетание плоскостного смыва культурных остатков с накоплением остатков в аккумулятивных линзах небольших овражков и промоин, при этом основное количество материала концентрируется в русле либо в придонной части промоин (Звановка, Курдюмовка, Озеряновка). Несмотря на полное разрушение планиграфического контекста, во всех перечисленных комплексах восстанавливаются связи между деталями аппликаций. Наиболее многочисленные аппликации происходят из Курдюмовки. Это свидетельствует об относительной скорости накопления делювиальных линз. Вероятность гомогенности таких комплексов очень высока. Судя по хорошей внешней сохранности кремней, наличию фаунистических остатков и серии аппликаций кремневых отщепов и нуклеусов, лессовый комплекс Курдюмовки накопился в условиях очень быстрого и кратковременного потока, который

можно представить как водно-грязевую, селевую массу. Связи между деталями аппликаций в плане полностью соответствуют направлению русла промоины и не выходят за ее пределы. Размах между деталями аппликаций по глубине фактически соответствует мощности лессовой линзы. Есть веские основания предполагать син- или эпигенетический характер накопления культурных остатков в небольших делювиальных линзах.

В более спокойных условиях отлагались в балочном делювии каменные артефакты в Корнеевом Яру и в ископаемых почвах Белокузьминовки. Относительно медленный плоскостной смыв привел к сортировке материала и переносу мелкой фракции кремней вниз по склону на более значительное расстояние. Кремни отличаются заглаженной поверхностью при сохранении остроты ребер. В подобных, видимо, условиях накапливались переотложенные кремни на склонах речных террас в Антоновке. В Антоновском местонахождении В.Н. Гладилин предполагает случай обратной стратиграфии, когда залегающие на высокой речной террасе более ранние кремни были смыты вниз и перекрыли относительно более молодые отложения с кремнями на нижней речной террасе [Гладилин, 1976].

Если гомогенность комплексов, накопленных в узких промоинах или в небольших балках, почти не вызывает сомнений, предположение о гомогенности материалов из ископаемых почв Белокузьминовки и супесей почв Антоновки имеет характер версии.

Отдельно стоит вопрос об одновременно геологических седиментов и включенных в них археологических остатков в комплексах делювиальной фации. Осадки и каменные изделия могут быть как одновременными, так и разновременными по времени образования. В подавляющем большинстве случаев по отношению к делювиальным комплексам справедлива формула: "артефакты не моложе седиментов". Решающее значение при решении этого вопроса имеет характер самих седиментов и полнота стратиграфического разреза. Надежным признаком более раннего, чем включающие геологические осадки, времени накопления каменных изделий является аномальная слоистость отложений (Озеряновка I) или присутствие в делювиальном субстрате разреженных элементов предшествующих осадков (Белая Гора 3Д) [Коваль, Колесник, 1999].

Интересный палеонтологический объект был изучен археологическими методами комплексной экспедицией в 1990 году возле г. Антрацит Луганской области. Здесь разнообразные палеонтологические остатки накапливались в тальвеге древнего оврага. Многократное наложение донных балочных осадков привело к образованию полосы костей, насыщенной по вертикали [Кротова, Колесник, Герасименко, Белан, 1996].

Перечисленные выше тафономические комплексы сформировались в результате преимущественно плоскостного (или горизонтального) сингенетического или эпигенетического перемещения остатков древних поселений. При постгенетической деформации происходило формирование комплексов иного рода. Ведущую роль в формировании этих комплексов играли процессы вертикального перемещения культурных остатков.

Комплексы с вертикальным перемещением культурных остатков

Специфическими тафономическими объектами являются комплексы, сформированные в ходе преимущественно вертикального постгенетического перемещения каменных артефактов, происходящего в результате криогенных процессов и деятельности землеройных животных.

В Донбассе наиболее типичная ситуация в этом смысле отмечается в бугском лесе на стоянке Белокузьминовка. В данном стратиграфическом горизонте мощностью около 2-х м кремневые изделия образуют два относительно хорошо выраженных горизонта концентрации находок с размытыми верхними и нижними границами. Видимо, заключенные в раннебугский лессовидный суглинок культурные остатки этого поселения первоначально образовывали два компактных по вертикальному простиранию горизонта находок, которые соответствовали двум эпизодам интенсивного заселения поверхности мысовидной площадки. В условиях сурового климата второй половины бугского этапа осадконакопления широкое развитие получили различные криогенные процессы. Они привели к инсталляции части кремней в вышележащие и нижележащие седименты. Движение кремней вверх по профилю объясняется эффектом вытаивания [Демек, 1972], вниз по

профилю – проваливанием в мерзлотные трещины. Механизм движения предметов при вытаивании основан на том, что накапливаемая под нижней стороной костей и кремней влага при замерзании медленно толкает их вверх. К перемещению предметов вверх и вниз из первоначального слоя приводит и деятельность землеройных животных. В итоге выше и ниже основного горизонта кремней формируется рассеянное по вертикали “облако” находок [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. Эти вторичные горизонты слоя отличаются от основного инициального горизонта относительно слабой насыщенностью каменными изделиями, но резко превосходят его по мощности. В условиях вертикального переотложения сам первоначальный горизонт также утолщается, теряет контрастность верхней и нижней границ. Эти составные горизонты я предлагаю называть А, В и С-горизонтами слоя, понимая под В-горизонтом среднюю, наиболее насыщенную артефактами прослойку, соответствующую позиции древнего культурного слоя. А-горизонт располагается сверху первоначального уровня культурных остатков, а С-горизонт – снизу. Резкой границы между всеми этими горизонтами нет. В Белокузьминовском разрезе С-горизонт первого бугского слоя и А-горизонт второго бугского слоя фактически сливаются (рис. 119, А).

Движение культурных остатков в лессовопочвенном материале вверх и вниз из первоначального горизонта накопления является нормальным состоянием для многих памятников открытых ландшафтов. Подобные характеристики целиком применимы не только по отношению к находкам из бугского лессовидного суглинка Белокузьминовки. Похожая ситуация имеет место на стоянке Бетово в бассейне Десны [Тарасов, 1977; 1990]. Здесь в культуросодержащем горизонте толщиной до 1 м наибольшая концентрация находок отмечена на среднем уровне и ближе к основанию. Отсюда же происходит и основное количество костей животных. Несмотря на вертикальную растянутость горизонта находок, в Бетово достаточно обоснованно выделяется планиграфически обособленный производственный центр по обработке кремня, предполагаются остатки жилого сооружения. Аналогичная ситуация с растянутым по вертикали горизонтом находок отмечена нами при раскопках позднепалеолитической мастерской Висла Балка в Подонцовье [Колесник, Леонова, 2002]. В

Амвросиевской стоянке культурные остатки в виде горизонтально лежащих кремней и костей животных отмечены на уровне 0.5-0.7 м, выше находки залегают во взвеси и отличаются (кремни) более сильной патиной [Кротова, 1986, с.42]. На стоянке Третий Мыс в Нижнем Подонье культурный слой представляет собой своеобразную взвесь толщиной 10-15 см с наивысшей концентрацией находок в средней части [Хайкунова, 1996]. Преимущественное постгенетическое «прораствание» слоя вверх имеет место и в голоценовых комплексах. Так, на раннеолитической стоянке Матвеев Курган в Приазовье взвешенные культурные остатки залегают во всей толще современной почвы мощностью до 1 м, в то время как достоверные остатки *in situ* в виде очагов и жилых конструкций находятся в основании почвы, в раннеолитических по возрасту седиментах [Крижевская, 1989]. На мезолитической стоянке Вязовок 4а в заполнении жилища 1 наивысшая концентрация кремней всех размерных фракций приходится на нижнюю толщу отложений [Гавриленко, 2000].

Спецификой вертикального постгенетического переотложения культурных остатков древних поселений является частичное или полное разрушение органико-минералогического заполнителя культурного слоя при непороговой деформации первоначального планиграфического контекста. Перемещение предметов вверх, как правило, сопровождалось незначительными горизонтальными отклонениями [Холюшкин, Холюшкина, 1985, с.38; Гавриленко, 2000, с.21]. Планиграфический контекст принципиально восстановим в ходе ремонтажа продуктов расщепления кремня. Реконструированная пространственная позиция В-горизонта слоя сохраняет свое стратиграфическое значение. Связь между А, В и С-горизонтами слоя доказывается данными ремонтажа, там, где его удастся провести. В частности, в похожем на белокузьминовский сильно растянутом по вертикали профиле позднелеолитического местонахождения Висла Балка в Подонцовье нам удалось совместить детали многочисленных аппликаций с разницей в глубине залегания до 70 см и более. При этом основной горизонт (В-горизонт), реконструируемый по вертикальной концентрации кремней и сгустку связей между деталями аппликаций, отмечается на глубине около 50 см. Столь значительное вертикальное переотложение кремней существенно не исказило общую планиграфи-

ческую картину древней мастерской и горизонт находок сохранил хорошо заметные структурные элементы в форме различного вида скоплений бытовых и производственных остатков. Как правило, в расщепленных слоях кремни из В-горизонта отличаются наиболее «свежим» видом, залегают в горизонтальном положении, представлены всеми размерными фракциями. В сильно растянутых слоях сохранность всех кремней может быть одинаково плохой. В мезолитических [Гавриленко, 2000, с.20] и неолитических [Цетлин, 1988] расщепленных слоях отмечается увеличение доли крупных предметов на уровне В-горизонта слоя. В нашей практике такой эффект также отмечен в культуросодержащем горизонте Вислой Балки [Колесник, Весельский, 2002].

Деформация краевого участка культурного слоя хорошей сохранности могла иметь место, когда слой выклинивался и подходил близко к современной поверхности. Генезис деформации краевых участков слоя приблизительно такой же, как и у комплексов с преимущественным вертикальным переотложением культурных остатков.

Не исключено, что в Антоновке II мы также сталкиваемся с вторичной взвесью каменных изделий, залегающих в нижней части ископаемой почвы над слоем крупнозернистой супеси. Эта супесь содержит огромное количество кремневых поделок и имеет явный делювиальный генезис. Таким образом, вторичному вертикальному переотложению здесь подверглись культурные остатки, уже перенесенные до этого склоновыми процессами или водным потоком (рис. 119, В).

Если не принимать во внимание приведенную выше тафономическую модель постгенетической деформации слоя поселений под открытым небом, можно ошибочно принять А и С-горизонты слоя за самостоятельные стратиграфические горизонты или даже горизонты обитания. Особо велика такая опасность на многослойных памятниках с незначительным стратиграфическим разрывом между реальными слоями.

Комплекс с накоплением культурных остатков на денудационной поверхности

Этот тафономический тип представлен в Донбассе пока единичным случаем на местонахождении у с. Черкасское в Славянском

районе [Колесник, Весельский, 1997]. Этот памятник расположен на холмообразной возвышенности на поверхности древней речной террасы. Возвышающийся останец сложен отложениями доплиоценовых пород и бронирован сверху плитами песчаника толщиной 0.7-0.8 м. Они выходят на дневную поверхность либо перекрыты незначительным дерновым слоем. Плиты не образуют сплошной покров, а разделены трещинами шириной до 1 м и более. На месте трещин сформировались промоины глубиной до 1.5-2.0, иногда до 3.0 м. Они заполнены разновременными голоценовыми и финально-плейстоценовыми (?) отложениями. Кремневые и кварцевые изделия среднепалеолитической серии сохранились либо непосредственно на поверхности самих плит, либо (в основном) в нижней части заполнения промоин. Очевидно, что среднепалеолитические кремни длительное время накапливались и сохранялись на поверхности останца, по крайней мере, до финала плейстоцена, когда они во время активизации фазы эрозии, в основном, были смыты в обнажившиеся трещины.

Случаи залегания палеолитических по облику кремней на денудационной поверхности в непогребенном состоянии характерны для регионов, в которых баланс накопления и смыва плейстоценовых отложений был неблагоприятным для консервации культурных остатков. К районам с фактически полным доминированием денудационных процессов на протяжении всего плейстоцена традиционно относят Арало-Каспийское пустынное плато на Красноводском полуострове, Джанак, Устюрт, Мангышлак, районы Центрального Казахстана [Мурзаев, 1957]. Как известно, памятники палеолитической эпохи представлены здесь почти исключительно нестратифицированными местонахождениями, часто со смешанными материалами из поверхностных сборов [Абрамова, Мандельштам, 1977; 1984; Медоев, 1970; Вишняцкий. Любин, 1995 и др.].

Наиболее типичные деструктивные процессы, приведшие к образованию перечисленных выше фациальных археологических комплексов Донбасса, показаны на рис. 119. Эти варианты син-, эпи- и постгенетического разрушения культурных остатков древних поселений показывают возможные

тафономические модели в чистом виде. В реальности, скорее всего, имело место сочетание нескольких деструктивных факторов, действие которых было последовательным во времени. Вероятно, наиболее типичным было сочетание эпигенетического плоскостного смыва и последующего постгенетического расщепления накопившегося горизонта находок по вертикали.

Такие постдепозиционные процессы деформации культурного слоя, как эоловое выветривание, солифлюкция, образование полигональных структур и т. д., если и имели место в среднем палеолите Донбасса, то выражены слабо, поэтому археолого-тафономические признаки данных фациальных комплексов здесь не анализируются. Различного рода деформации культурного слоя палеолитических поселений, связанные с деградацией многолетней мерзлоты [Грибченко, Куренкова, 1997; Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с.72-74; Амирханов, 2000, с.67-102; и др.], как правило, касались памятников, расположенных значительно севернее Донбасса, в иной палеогеографической обстановке. Эоловое воздействие на стабильность ландшафтов в Донецком регионе проявляется в основном уже в голоцене в относительно ограниченном районе долины Северского Донца.

Приведенная обобщающая тафономическая характеристика памятников показывает, что среднепалеолитические комплексы Донбасса, в целом, сформировались в результате сложных процессов накопления и разрушения культурного слоя при общем доминировании деструктивных процессов и их комбинаций. Такое положение следует признать типичным для районов с относительно маломощным чехлом четвертичных лессов вне зоны многолетней мерзлоты и весьма расчлененными ландшафтами. Очевидно, что большинство памятников среднего палеолита региона претерпевали значительную естественную деформацию и сохранились в сильно измененном виде. Хорошо консервированные культурные слои являются скорее исключением, чем правилом. По отношению к культурным остаткам подавляющего большинства этих памятников не применимо понятие "культурный слой", за исключением, как отмечалось выше, небольшого фрагмента слоя из нижней ископаемой почвы Курдюмовки. Во

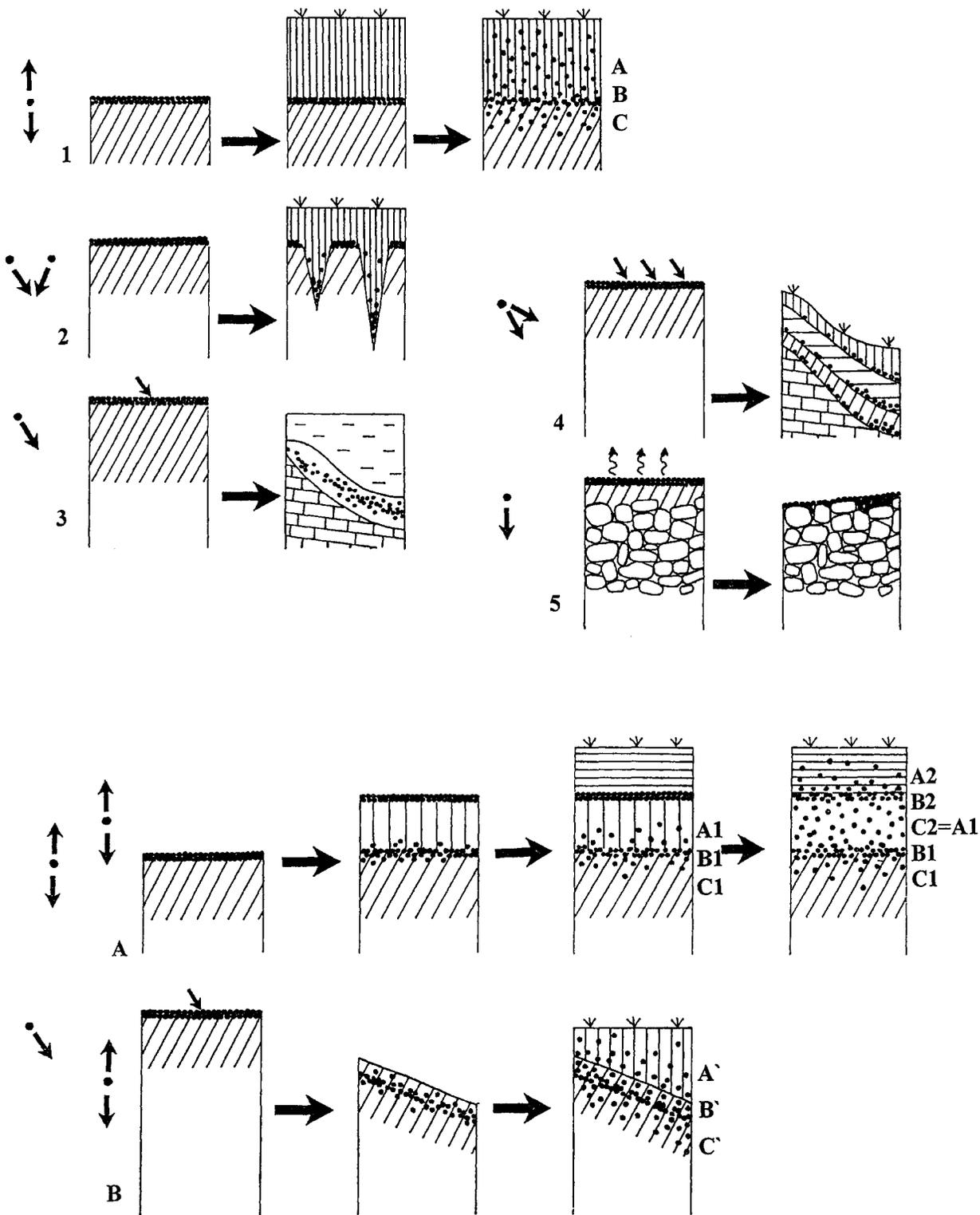

Рис. 119. Тафномические модели памятников среднего палеолита Донбасса. 1-5 – основные варианты переотложения каменных артефактов. А – модель накопления горизонта находок в Белокузьминовке; В – модель накопления горизонта находок в Антоновке II.
 Fig. 119. Taphonomic models of the Donbass Middle Palaeolithic sites.

всех остальных случаях имеют место либо горизонты находок, либо линзы находок различного происхождения и различной степени гомогенности.

Применение строгих тафономических критериев делает более прозрачной информационную ценность отдельных памятников. Процессы консервации слоя были такими же комплексными, как и процессы деструкции, и также нуждаются в тщательном обосновании. Абсолютно законсервированные поселенческие комплексы в археологии палеолита достаточно редки и связаны с очень быстрым накоплением седиментов или с разовым влиянием какого-то

катастрофического фактора. Во всех остальных случаях имеет место сочетание процессов консервации и деструкции, причем процессы консервации культурных остатков являются временным эпизодом или частным случаем глобального процесса их изменения и разрушения. Это заставляет нас каждый раз детально анализировать степень гомогенности комплексов и более осторожно относиться к предлагаемым различными авторами тафономическим реконструкциям. “Культурные слои” многих памятников не выдерживают тафономической критики, что, к сожалению, часто снижает достоверность конечных выводов.

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

На сегодняшний день в Донбассе учтено 7 памятников среднего палеолита, имеющих определенный стратиграфический контекст. Общая характеристика стратиграфических горизонтов верхнего плейстоцена Донбасса (по схеме М.Ф. Веклича с учетом актуальных датировок) дана во вводной главе книги. Ниже суммируется стратиграфическая оценка всех имеющихся в регионе среднепалеолитических остатков.

Для изучения стратиграфии среднего палеолита в регионе опорными являются разрезы у п. Курдюмовка Дзержинского горсовета и у с. Белокузьминовка Константиновского района Донецкой области. Эти разрезы содержат лесовые и почвенные отложения верхнего плейстоцена в правильной стратиграфической последовательности от рисс-вюрмских до вюрмских и содержат различные по богатству археологические остатки в нескольких горизонтах. Более лакунарны в археологическом отношении разрезы у п. Кирово и ст. Звановка Артемовского района и у с. Антоновка Марьинского района Донецкой области; археологические материалы локализуются в них в делювиальных горизонтах различной мощности.

Самую древнюю геологическую датировку в Донбассе имеет находка из Корнеева Яра у п. Кирово. Крупное кремневое скребло обнаружено в балочном делювии кайдакской почвы. Отложения поздней стадии кайдакского этапа представлены также в белокузьминовском разрезе [Герасименко, Колесник, 1992]. Здесь они выполняют небольшую древнюю балочку, врезанную в толщу днепровского лесса. Стратиграфическое значение малочисленных кремневых изделий из кайдакской почвы Белокузьми-

новки не ясно. Скорее всего, они внедрены в эту почву по мерзлотным трещинам из вышележащего прилукского почвенного горизонта.

Согласно Н.П. Герасименко, тяминский лесс, разделяющий два мощных ископаемых педокомплекса, сохранился в разрезах Донбасса в виде маломощного горизонта. В регионе лесс археологически “немой”.

В Донбассе и Приазовье широко развита прилукская ископаемая почва, сформированная в условиях, близких к современным. Интенсивное развитие почвенных процессов способствовало относительно хорошей консервации палеолитических кремней. Свежий вид имеют кремневые поделки из прилукской почвы Белокузьминовки. Полностью сохранился участок культурного слоя в прилукском почвенном горизонте Курдюмовки. Сохранность этих кремней также очень хорошая.

Удайский лесс представлен в донецких археологических склоновых разрезах, в основном, делювиальной фацией [Герасименко, Педанюк, 1991]. В делювиально-аллювиальных аккумулятивных заполнениях промоин, выполненных удайским лессовидным суглинком, сохранились археологические остатки в Курдюмовке и Звановке. В Курдюмовке, скорее всего, они имеют более ранний позднеприлукский возраст. За счет интенсивно выраженного сноса удайские горизонты содержат много обломочного материала. Археологические материалы оставляют впечатление очень быстрого размыва и аккумуляции удайского лессового субстрата. Соответственно на плакорах удайский лесс сохранился в виде маломощных горизонтов.

Хорошим маркирующим репером верхнеплейстоценовых отложений Донбасса служат

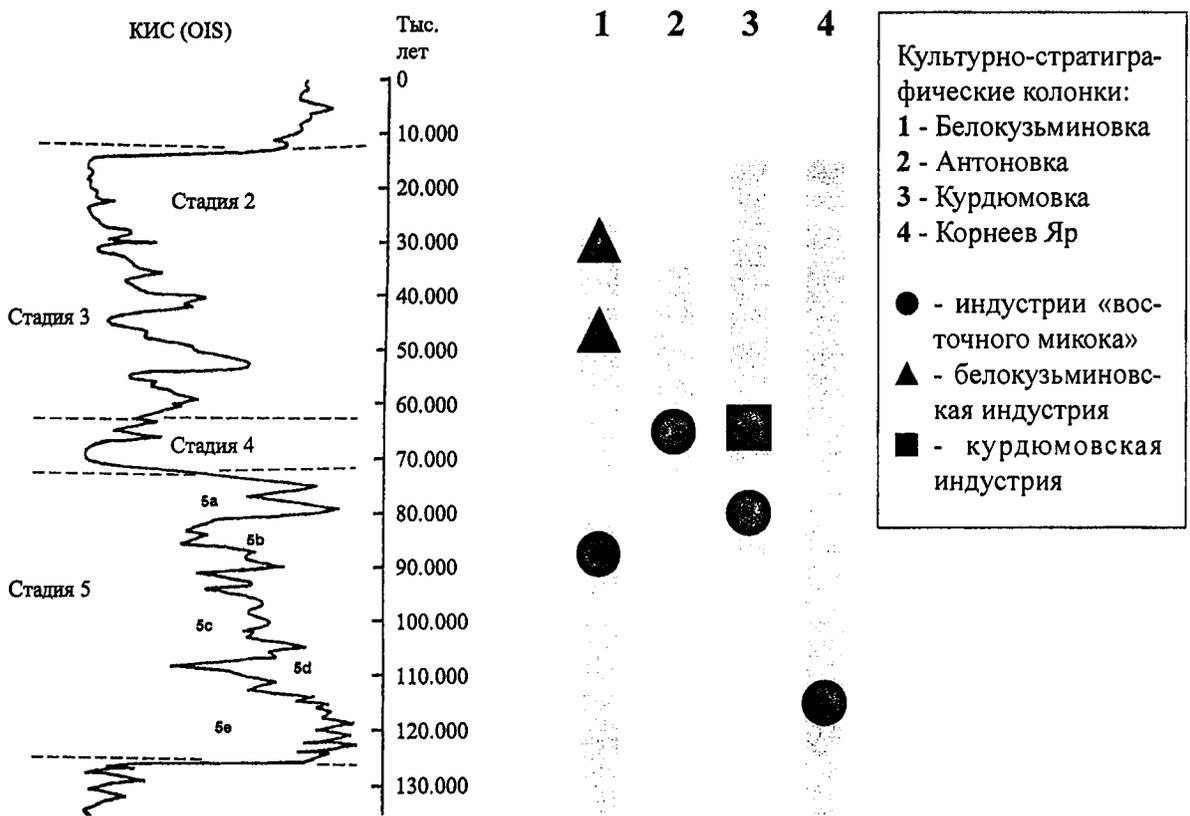

Рис. 120. Корреляционная стратиграфическая таблица памятников среднего палеолита Донбасса.
Fig. 120. Correlation scheme of the Donbass Middle Palaeolithic sites stratigraphy.

витачевские почвы. В том или ином виде они представлены практически на всех стратифицированных археологических памятниках региона. В Белокузьминовке выделяется три делювия короткопрофильных витачевских почв: полупустынная, степная и лесостепная. Три витачевских почвенных и делювиальных горизонта вскрыты раскопом в Антоновке. Вскрытые на археологических памятниках почвы формировались при значительном участии склоновых процессов, поэтому их делювиальный индекс выражен в значительной степени. В Белокузьминовке и Курдюмовке кремневые изделия залегают в витачевских почвах во “взвешенном” состоянии, в Антоновке - в виде линз перемытых кремней или в виде растянутого по вертикали горизонта. В Белокузьминовке в витачевском археологическом комплексе заметны следы естественной сортировки кремневых артефактов.

Следующим самостоятельным стратиграфическим горизонтом, включающим среднепалеолитические остатки, является бугский. В регионе он представлен толщей лессовидных суглинков мощностью в несколько метров. Му-

стьерские археологические остатки, залегающие в бугских отложениях, различны по своей сохранности. Кремни из раннебугского уровня Курдюмовки сильно окатаны и явно сортированы, белокузьминовская индустрия из бугского суглинка сильно растянута по вертикали, поверхность кремней значительно повреждена. Особенности бугского осадконакопления позволяют дать в целом благоприятный прогноз гомогенности археологических остатков, хотя физическая сохранность кремней, как правило, очень плохая.

Позднебугские отложения в регионе археологически стерильны.

Перекрывающий бугские отложения дофиновский горизонт уже не содержит мустьерских находок. На сегодняшний день самым ранним позднепалеолитическим памятником с дофиновской датировкой (определение Н.П. Герасименко) является кремнеобрабатывающая мастерская Белая Гора-3 в Контсантиновском районе Донецкой области [Коваль, Колесник, 1999]. Культуросодержащий горизонт этого памятника сформировался в раннедофиновское время

на основании витачевского делювия. Позднедофиновским временем, по Н.П. Герасименко, датируется Амвросиевское костище [Герасименко, 1996].

Основное количество стратифицированных памятников позднего палеолита залегает в следующем стратиграфическом горизонте - в причерноморском лессе и включенных в него

почвах [Кротова, 1983, с.6; Кротова, 1986 с.62; Герасименко, 1996].

Таким образом, раннебугские отложения являются пограничными между средним и поздним палеолитом в региональной стратиграфической колонке. Культурные остатки среднего палеолита укладываются в стратиграфическом интервале от кайдакского до раннебугского (рис. 120).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Использование в среднем палеолите региона принципиально однородных источников верхнемелового кремня, широко распространенных на окраинной территории Донбасса, затрудняет поиск экзотического сырьевого компонента в каменных индустриях стоянок и, соответственно, выяснение пространственного диапазона сырьевой базы. До создания региональной литотеки и проведения количественной и качественной характеристики всех источников кремня вопрос о размахе перемещения продукции кремнеобрабатывающих мастерских может ставиться лишь в обзорном плане. Эта проблема касается не только среднего палеолита, но и более поздних периодов каменного века. Поэтому вопрос об "импорте" сырья и отдельных каменных изделий не обсуждается и автор принимает допуск о местном происхождении кремневого материала и кремневой продукции. Такой допуск оправдан тем обстоятельством, что основное количество среднепалеолитических комплексов располагается на выходах качественного кремневого сырья или в непосредственной близости от них. Кварцитовые индустрии на левом берегу Северского Донца также базировались на местном сырье. Случаи использования иного каменного сырья в среднем палеолите Донбасса единичны и их статистическое значение невелико.

Хорошая обеспеченность местных индустрий каменным сырьем провоцировала применение экстенсивного модуса сырьевой стратегии. Это означает, что глубина переработки сырья, в целом, не должна быть значительной, также как и степень редукции всего комплекса. Для целей технологических реконструкций это имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, возможна хорошая сохранность следов начальных этапов расщепления нуклеусов и изготовления орудий, не искаженных последующим формообразованием. С другой стороны, маловероятны длинные редукционные последовательности и общий тренд редукции комплекса во многом остается неясным.

Технологии первичного расщепления

Технологическая вариабельность первичного расщепления индустрий среднего палеолита донецкого региона достаточно монотонна и укладывается в нормальную для Русской равнины и Крыма комбинацию уни- и биполярных нуклеусов с необъемным (или слабо выпуклым) рабочим фронтом и радиальных ядрищ при некотором дополнении кубовидных ядрищ и нуклеусов позднепалеолитических типов. Экзотическим дополнением выглядит черепаховидная технология расщепления нуклеусов в памятниках деркульского типа.

Основным методом подготовки и расщепления нуклеусов был т. н. рекуррентный уни-, биполярный метод. Этот метод расщепления реализован практически во всех местных индустриях среднего палеолита. Исполнение этого метода на практике отличается некоторыми деталями. Прежде всего, отметим вполне классическое расщепление нуклеусов в рамках этого метода в индустрии Озеряновка 1. Образовавшиеся сколы отличаются крупными размерами, продольно и продольно-поперечной огранкой. В материалах Антоновского комплекса уни- и биполярные нуклеусы многочисленны, но маловыразительны. Площадки обрабатывались грубо, форма нуклеусов неустойчивая. Наибольший удельный вес нуклеусы с полюсными площадками и слабовыпуклым рабочим фронтом занимают в белокузьминовской индустрии. Эти нуклеусы отличаются высокой стандартизацией. Нуклеусы интенсивно срабатывались, при этом полюсная организация скалывания сохраняла свое значение вплоть до остаточных форм. В результате появлялись некоторые специфические модификации (Джрабер, продольно-поперечные и др.) в рамках того же метода. Отмечена тенденция к торцовому скалыванию сильно сработанных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. Похоже, что эти торцовые уча-

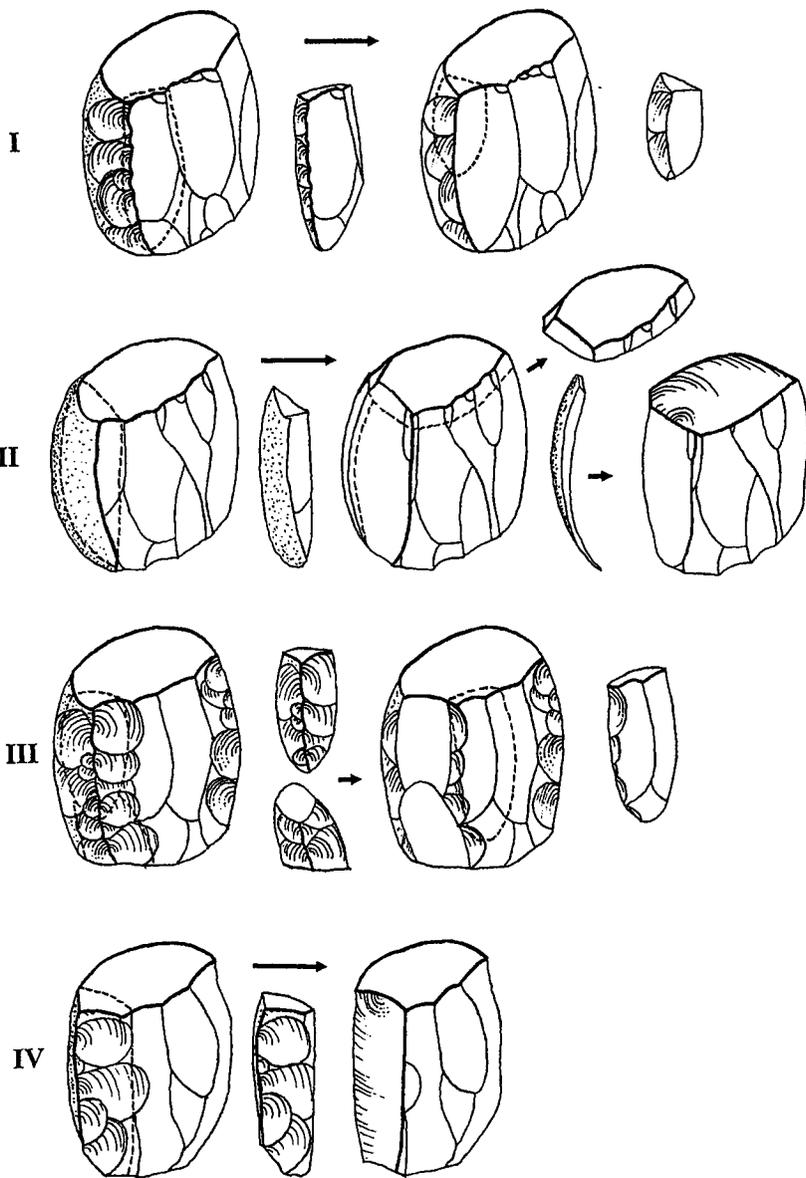

Рис. 121. Технологическая модель расщепления нуклеусов в лессовом комплексе Курдюмовке.
Fig. 121. Technological model of the Kurdiymovka Uday loess complex core reduction.

стки выполняли основную (целевую), а не вспомогательную нагрузку, как в Курдюмовке. В лессовом комплексе Курдюмовки прием подъема фронта продольными сколами приводил к оформлению продольно огранных торцов, с которых скалывались боковые сколы подживления ударной площадки (рис. 121). Ремонтаж одного из нуклеусов (модель №3) из прилуцкой почвы Курдюмовки показывает, что торцовая огранка нуклеусов не было случайным эпизодом в технологии первичного расщепления этой индустрии.

В неразвитом виде приемы позднепалеолитических технологий первичного расщепления камня видны в индустрии из бугского лес-

са Белокузьминовки на примере нуклеусов с объемным рабочим фронтом. У этих нуклеусов имеется удлиненный объемный корпус со следами формирования продольных ребер, поперечные площадки. Не удивительно, что представлены и вполне позднепалеолитические сколы – реберчатые пластины, пластины с высоким сечением и искривленным профилем, сколы с редуцированными площадками.

Леваллуа-острийные и черепаховидные технологии первичного расщепления камня не получили особого развития в среднепалеолитических индустриях Юго-Восточной Украины. Более или менее серийно черепаховидные нуклеусы выделяются среди кварцитовых из-

делий памятников деркульского типа. Из-за невысокого качества сырья кварцитовые черепаховидные ядрища и центральные целевые сколы с них имеют несколько огрубленный облик. Судя по немногочисленным находкам на местонахождениях в бассейнах Деркула и Калитвенки, эти нуклеусы сохраняют корку на тыльной стороне, то есть делались из крупных отщепов или мелких валунов. Пропорции нуклеусов приземистые. Линеальные сколы отличаются широкими площадками, центростремительной или более сложной огранкой. Они относительно массивные, с ровным профилем. Конвергентно-параллельная огранка базальной части и радиальная огранка дистальной части некоторых кварцитовых сколов – показатель второго и последующих циклов снятий с линеальных нуклеусов. При линеальном расщеплении так же характерна подправка возобновленного рабочего фронта одним поперечным сколом в нижней части поверхности, как на экземпляре из Титовки. Таким образом, редукция кварцитовых черепаховидных нуклеусов из местонахождений деркульского типа протекала в русле стандартной последовательности расщепления линеальных черепаховидных леваллуазских ядрищ. Более детальная характеристика этой технологии, к сожалению, невозможна из-за ограниченного количества материала в бассейне Деркула.

Единичные леваллуазские черепаховидные отщепы из Курдюмовки, Звановки и Белокузьминовки отличаются небольшими размерами, низким показателем массивности, прямой профилем, тщательно оформленными площадками. Отсутствие сколов подживления черепаховидного фронта и неустойчивый характер самих черепаховидных нуклеусов заставляет предполагать случайность этих элементов. Черепаховидные поверхности и соответствующие отщепы могли возникать на остаточной стадии редукции обычных ядрищ как с параллельной, так и с радиальной огранкой. Такое направление редукции возможно при условии уплощения одной из сторон нуклеуса, что подтверждается многочисленными остаточными формами. Этот технологический прием показывает условность деления технологий среднего палеолита на рекуррентные и линеальные.

Радиальное расщепление в наиболее рафинированном виде представлено в Антонов-

ке. Радиальные ядрища отличаются правильными геометрическими очертаниями, использовались предельно полно.

В качестве заготовок многих радиальных односторонних ядрищ использовались массивные первичные отщепы, которые в ходе редукции сохраняли тыльную выпуклую корковую сторону. Массивные корковые отщепы выступали как преформы также при получении плюсных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом. В обоих случаях вентральная сторона отщепов-преформ служила первичной поверхностью, которая моделировалась в определенном рабочем фронте в зависимости от расположения площадок. На начальной стадии обработки неизбежно возникали разнообразные вентральные сколы, в ряде индустрий служащие показателем особых методов первичного расщепления. В контексте донецких индустрий среднего палеолита (как в односторонних, так и в двусторонних) обработка вентральных поверхностей отщепов-преформ, похоже, не имела самостоятельного технологического акцента и выполнялась как промежуточная операция при целенаправленной огранке уплощенного фронта радиального или площадочного нуклеуса. По крайней мере, не зафиксировано ни одно орудие из вентральных сколов. Эти сколы редки в односторонних индустриях и чрезвычайно обильны в “восточно-микокских” коллекциях, где они связаны со специфическими приемами вторичной обработки.

Практиковавшиеся в производственном комплексе возле с. Чугинка приемы первоначального дробления крупных кварцитовых плит на более мелкие блоки, возможно, являются отдельной технологией. Прослеживаются простые способы управления поверхностью скалывания, то есть это расщепление не было бессистемным. Управление скалыванием проявлялось в снятии угловых элементов, получившихся при грубой оббивке плит. Это приводило к сужению обрабатываемой поверхности в заданном месте и помогало скалывать крупные предварительно оформленные массивные отщепы, которые являлись одним из целевых продуктов расщепления. Не исключено, что плиты могли дробиться ударами о другую плиту по принципу “block on block”. По крайней мере, из всех донецких индустрий применение этого приема в Чугинском комплексе наиболее вероятно.

Технологии изготовления орудий

Технологии изготовления орудий на сколах в среднепалеолитических комплексах Донбасса также отличаются разнообразным набором средств и методов. Они являются частью различных “длинных” линейных и нелнейных технологий, в зависимости от общей технологической структуры индустрии. “Короткие” технологии здесь очень редки из-за редкости и низкого качества плитчатого сырья.

При оценке “длинных” технологий в индустриях “восточно-миокского” круга Донбасса складывается впечатление, что между методами нуклеусным расщеплением и типом ретушированных орудий не существовало жесткой связи – целью дробления ядрищ было не столько получение сколов-заготовок заданной формы, сколько раскалывание само по себе. Основой для такой оценки служат публикуемые материалы из Антоновки, а также частично обработанная коллекция из Черкасского [Колесник, Весельский, 1997: Kolesnik, Veselsky, Evtushenko, 2001]. Орудия делались в основном из достаточно крупных и массивных сколов, образующихся как при подготовке ядрищ, так и на начальной и средней стадиях их утилизации. Ретушированных орудий из мелких сколов немного. Относительно тонкие и выпрямленные в профиле крупные и средние по размеру сколы с геометрически упорядоченной огранкой в большинстве своем не ретушировались и, скорее всего, применялись без дополнительной обработки. По отношению к этим сколам, вне всякого сомнения, может применяться термин “целевой скол”. В данной ситуации можно было бы предположить наличие двух параллельных “длинных” непластинчатых технологий, основанных на различных методах расщепления – для грубых сколов-заготовок и для сколов, которые использовались без значительного ретуширования. Однако парадокс заключается в том, что целевая дифференциация (в смысле их дальнейшего использования) сколов была связана с параметрами самих сколов, но не с методом их получения. Отбор преформы для орудий ретушной серии показывает относительную независимость выбора технологии изготовления орудий от конкретных моделей нуклеусного расщепления.

Одновременно следует отметить частую повторяемость приемов нуклеусного расщепления при изготовлении орудий. Это касается, в первую очередь, фабрикаций плоско-выпуклых инструментов, в ходе которой при уплощении вентральной стороны копировались отдельные приемы обработки радиального ядрища. То же самое можно сказать и о ядрищном утончении концов орудий, в основном скребел (повторение приемов полюсного расщепления).

В рафинированном виде в “восточно-миокских” индустриях можно выделить несколько операционных последовательностей, связанных с изготовлением орудий. Наиболее обоснованные реконструкции возможны на основе статистически обработанной антоновской коллекции. Прежде всего, хорошо документирована технология изготовления плоско-выпуклых орудий с полным или частичным уплощением вентральной поверхности (рис. 122). Наиболее типичный случай – устранение ударного бугорка и последующее ретуширование участков дорсальной поверхности. Таким образом делались разнообразные частично-двусторонние скребла и немногие остроконечники. Более сложное исполнение этого метода обработки орудий было связано с полным уплощением брюшковой стороны отщепы-префомы. Полное уплощение вентральной стороны ассоциируется с изготовлением скребел и листовидных острий. В принципе, эти приемы обработки можно рассматривать как самостоятельные, хотя и близкие между собой методы изготовления орудий, поскольку во многих индустриях среднего палеолита обработка вентральной стороны ограничивается только устранением ударного бугорка, а полное уплощение вентральной стороны – сугубо “восточно-миокский” технологический признак. Помимо метода вентрального уплощения, в Антоновке просматриваются и другие технологические контексты изготовления бифасов – путем альтернативного и двустороннего ретуширования относительно тонких отщепов, а также путем оббивки небольших конкреций или кусков кремня.

В индустриях, основанных на применении преимущественно пластинчатых технологий первичного расщепления, сопряженность “целевого скола” с конкретным методом расщепления в рамках “длинных”

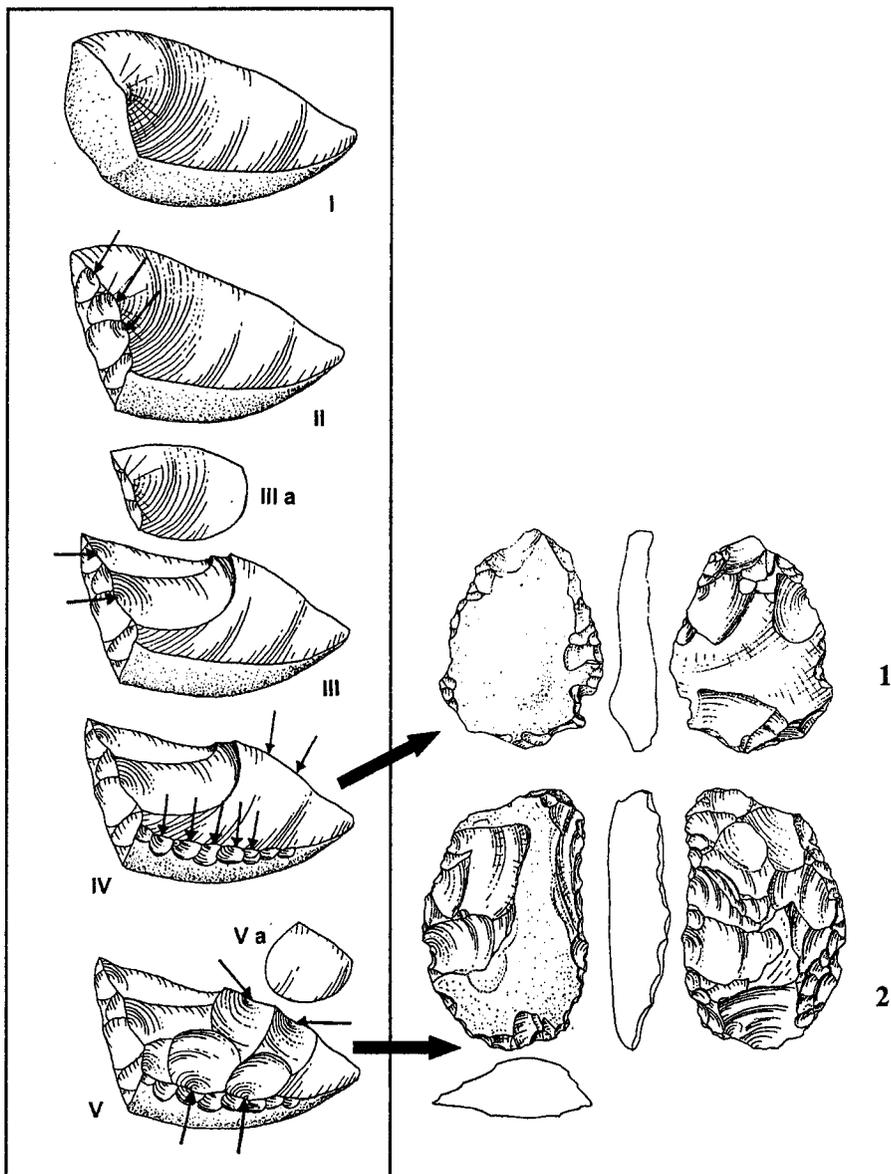

Рис. 122. Модель изготовления плоско-выпуклых орудий. 1-2 - Черкасское.
 Fig. 122. Model of the plane-convex tools preparation. 1-2 Cherkasskoye.

линейных технологий более осязаема. Вторичной обработке подвергались в основном сколы, целенаправленно сформированные в ходе расщепления нуклеуса, то есть подверженные осознанной стандартизации. В сравнении с “восточно-микокскими” индустриями, пластинчатые, в частности, белокузьминовская, индустрия отличается гораздо более четкой дифференциацией по критериям: “граница между целевым сколом и отбросами расщепления”, “метод расщепления – тип скола-заготовки” и т. д.

Яркой особенностью белокузьминовской индустрии является ядрищный прием обработки орудий. Технологически он напоми-

нает характер расщепления полюсных нуклеусов. В качестве заготовки для орудий всегда использовались отщепы. Использование этого приема в Белокузьминове было поливариантным – и для начального формирования корпуса продольных скребел, и для обновления их затупившихся лезвийных кромок (костенковское подживление). В ходе редукции скребла с ядрищной обработкой могли меняться от truncated-faceted до скребел с утонченным корпусом и ножкой (скребел) костенковского типа. Такой тренд редукции скребел достаточно специфичен и может называться трендом редукции белокузьминовского типа (рис. 123).

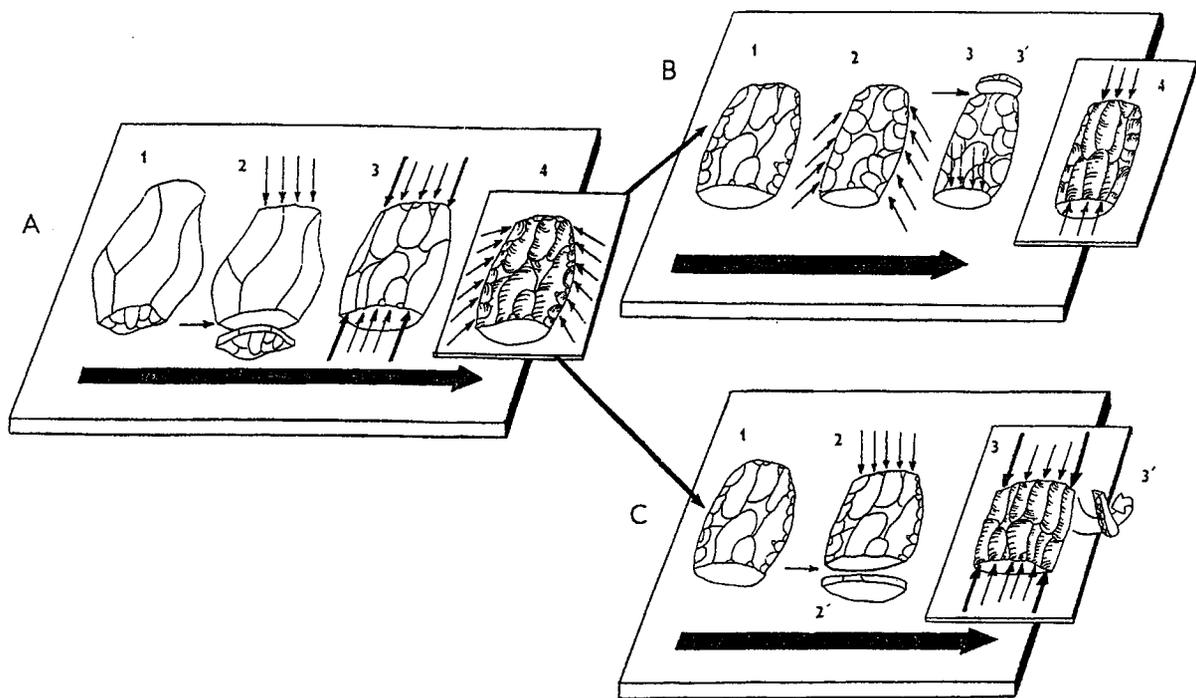

Рис. 123. Модель редукции орудий с ядрищной обработкой в бугском комплексе Белокузьминовки.
 Fig. 123. Model of the Belokuzminovka Boug loess complex truncated-faceted tools reduction.

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Вопрос о локальных отличиях палеолитических памятников является краеугольным камнем во многих исследованиях по палеолиту. Диапазон мнений на этот счет очень широк. В крайне сжатом виде можно отметить, что в русскоязычной историографии за несколько десятилетий был пройден путь от полного отрицания каких-либо локальных особенностей в индустриях раннего палеолита [Замятнин, 1951] к признанию двух глобальных этно-культурных зон [Формозов, 1959] и, далее, к крайне дробной иерархии локальных отличий [Гладилин, 1966; 1976]. В Западной Европе после классических работ Ф. Борда, в целом, была принята система деления памятников на несколько вариантов мустье [Bordes, 1950]. Эта система с незначительными изменениями широко применялась при анализе материалов, но вызвала известную дискуссию между Ф. Бордом и Л. Бинфордом [Binford, Binford, 1966]. Дискуссия стимулировала появление в англоязычной литературе т. н. концепции интенсивности заселения [Dibble, Rolland, 1982], которая в настоящее время приобретает все более широкий круг сторонников. Согласно этой концепции, многие технико-типологические отличия (воспринимаемые

нами как стилистические) между каменными индустриями объясняются различной степенью редукции комплексов в зависимости от интенсивности использования ресурсов.

Сложность проблемы заключается в том, что связь между стилем и технологией носит системный характер (любая технология стилистична, и наоборот) и развивается по законам самоорганизации. Культурно-стилистические особенности проявляются в том случае, когда для решения стандартной производственной задачи осуществляется выбор одной технологии из многих, исходя из сложившихся стереотипов поведения. Несколько раз повторенная в разных контекстах технология становится традиционной или культурной нормой. Так называемые “локальные” особенности каменных индустрий фактически отражают различные варианты использования технологий, ставшие нормой для отдельных популяций древних людей. Использование вентральной поверхности нуклеуса-отщепы – особый способ получения заготовок типа “Янус-Комбева” в одном из культурно-хронологических комплексов Королево [Усик, в печати]; в антоновской индустрии технология утончения вентральной стороны пре-

формы использовалась для изготовления очень выразительных двусторонних и частично-двусторонних орудий. Как видно, практически одна и та же технология, примененная в разных производственных контекстах, привела к появлению стилистически ярких, но непохожих комплексов.

Вторая проблема, с которой приходится сталкиваться при рассмотрении локальных особенностей памятников среднего палеолита, лежит в гносеологической плоскости и связана с различным состоянием изучения тех или иных культурных традиций. В настоящее время при анализе индустрий с двусторонними орудиями все более отчетливо проявляется объединительная тенденция. Процесс включения в понятие “микок” (часто все еще с географической приставкой) всех восточноевропейских памятников с двусторонними орудиями фактически близок к завершению. При этом наблюдается преимущественная генерализация признаков сходства-отличия [Евтушенко, 1999; Колесник, 1999; и др.] в ущерб их детализации [Кухарчук, 1995; и др.]. Односторонние индустрии, как мне кажется, по-прежнему рассматриваются дифференцированно и с упором на их особенности. По этой причине невозможна градация односторонних и двусторонних индустрий среднего палеолита Восточной Европы по универсальным принципам. Показательна в этом смысле ситуация с изучением среднего палеолита Крымского полуострова, переживающая, возможно, свое ренессансное состояние. Рекомбинация индустрий в новые культурные таксоны с позиции концепции интенсивности заселения настолько далеко уводит нас от многоступенчатой иерархической схемы локальных отличий образца 1985 г., что прежняя группировка памятников и ее принципы существенно обесцениваются. “Крымский микок” в различных проявлениях фактически поглотил все местные двусторонние комплексы и показал относительную ценность прежних “культур” и индустрий (как самостоятельных культурных таксонов). Вместе с тем, следует отметить, что понятие “культура” как простой инструмент группировки памятников еще сохраняет свое значение в ряде работ по среднему палеолиту [Ситник, 2000; Степанчук, 1991; и др.]. Динамика развития терминов, отражающих локальные особенности каменных индустрий, все же показывает, что выживают только наиболее крупные таксоны. Это

такие широкие термины, как “путь развития” [Григорьев, 1966], “вариант” [Bordes, 1950; Гладылин, 1976], “технокомплекс” [Clark, 1967], “тип памятников” и некоторые другие, не требующие дальнейшего строгого структурирования по восходящей или нисходящей линии.

Руководствуясь этими принципами, допустимо различать в среднем палеолите Донбасса такие самостоятельные культурные феномены, как памятники антоновского типа (вариант “восточный микок”), Белокузьминовку (вариант “леваллуа пластинчатое”), Курдюмовку (вариант “мустье типичное”) и памятники деркульского типа (особый вариант среднего палеолита-?), не соподчиняя их в иерархической зависимости.

Основным, фоновым типом среднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины являются ансамбли с двусторонними орудиями. В круг этих памятников входят Антоновка I и II, Александровка, Черкасское, Дружковка, Красный Яр, Рубежное, Озеряновка I, находки из прилукского горизонта Белокузьминовки, прилукского аллювия Курдюмовки, а также местонахождения единичных орудий Еланчик I, Бобриково, Войтово. Эти памятники встречаются фактически на всей территории региона. Для них характерны такие технико-типологические признаки, как отщеповая техника первичного расщепления, основанная на приблизительно равном количестве радиальных и площадочных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом, обилие плоско-выпуклых, конвергентных и листовидных орудий при ограниченном количестве остроконечников, выраженный шарантский компонент.

Одна из особенностей т.н. “восточно-микокских” индустрий заключается в том, что при общих весьма рельефных “родовых признаках” все они обладают очень яркими неповторимыми чертами. Их сравнение проводится в более широком вариационном пространстве, чем сравнение признаков сходства-отличия леваллуазских или пластинчатых индустрий среднего палеолита. Это объясняется спецификой морфообразования каменных изделий ретушной серии в двусторонних комплексах: практикуемая во многих индустриях отщеповая заготовка неустойчивой формы (часто массивная) допускала возможность создания гораздо большего количества форм (включая редукционные), чем пластина или леваллуазский отщеп. Таким же мно-

формы использовалась для изготовления очень выразительных двусторонних и частично-двусторонних орудий. Как видно, практически одна и та же технология, примененная в разных производственных контекстах, привела к появлению стилистически ярких, но непохожих комплексов.

Вторая проблема, с которой приходится сталкиваться при рассмотрении локальных особенностей памятников среднего палеолита, лежит в гносеологической плоскости и связана с различным состоянием изучения тех или иных культурных традиций. В настоящее время при анализе индустрий с двусторонними орудиями все более отчетливо проявляется объединительная тенденция. Процесс включения в понятие “микок” (часто все еще с географической приставкой) всех восточноевропейских памятников с двусторонними орудиями фактически близок к завершению. При этом наблюдается преимущественная генерализация признаков сходства-отличия [Евтушенко, 1999; Колесник, 1999; и др.] в ущерб их детализации [Жухарчук, 1995; и др.]. Односторонние индустрии, как мне кажется, по-прежнему рассматриваются дифференцированно и с упором на их особенности. По этой причине невозможна градация односторонних и двусторонних индустрий среднего палеолита Восточной Европы по универсальным принципам. Показательна в этом смысле ситуация с изучением среднего палеолита Крымского полуострова, переживающая, возможно, свое ренессансное состояние. Рекомбинация индустрий в новые культурные таксоны с позиции концепции интенсивности заселения настолько далеко уводит нас от многоступенчатой иерархической схемы локальных отличий образца 1985 г., что прежняя группировка памятников и ее принципы существенно обесцениваются. “Крымский микок” в различных проявлениях фактически поглотил все местные двусторонние комплексы и показал относительную ценность прежних “культур” и индустрий (как самостоятельных культурных таксонов). Вместе с тем, следует отметить, что понятие “культура” как простой инструмент группировки памятников еще сохраняет свое значение в ряде работ по среднему палеолиту [Ситник, 2000; Степанчук, 1991; и др.]. Динамика развития терминов, отражающих локальные особенности каменных индустрий, все же показывает, что выживают только наиболее крупные таксоны. Это

такие широкие термины, как “путь развития” [Григорьев, 1966], “вариант” [Bordes, 1950; Гладылин, 1976], “технокомплекс” [Clark, 1967], “тип памятников” и некоторые другие, не требующие дальнейшего строгого структурирования по восходящей или нисходящей линии.

Руководствуясь этими принципами, допустимо различать в среднем палеолите Донбасса такие самостоятельные культурные феномены, как памятники антоновского типа (вариант “восточный микок”), Белокузьминовку (вариант “леваллуа пластинчатое”), Курдюмовку (вариант “мустье типичное”) и памятники деркульского типа (особый вариант среднего палеолита-?), не соподчиняя их в иерархической зависимости.

Основным, фоновым типом среднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины являются ансамбли с двусторонними орудиями. В круг этих памятников входят Антоновка I и II, Александровка, Черкасское, Дружковка, Красный Яр, Рубежное, Озеряновка I, находки из прилукского горизонта Белокузьминовки, прилукского аллювия Курдюмовки, а также местонахождения единичных орудий Еланчик I, Бобриково, Войтово. Эти памятники встречаются фактически на всей территории региона. Для них характерны такие технико-типологические признаки, как отщеповая техника первичного расщепления, основанная на приблизительно равном количестве радиальных и площадочных нуклеусов с уплощенным рабочим фронтом, обилие плоско-выпуклых, конвергентных и листовидных орудий при ограниченном количестве остроконечников, выраженный шарантский компонент.

Одна из особенностей т.н. “восточно-микокских” индустрий заключается в том, что при общих весьма рельефных “родовых признаках” все они обладают очень яркими неповторимыми чертами. Их сравнение проводится в более широком вариационном пространстве, чем сравнение признаков сходства-отличия леваллуазских или пластинчатых индустрий среднего палеолита. Это объясняется спецификой морфообразования каменных изделий ретушной серии в двусторонних комплексах: практикуемая во многих индустриях отщеповая заготовка неустойчивой формы (часто массивная) допускала возможность создания гораздо большего количества форм (включая редуцированные), чем пластина или леваллуазский отщеп. Таким же мно-

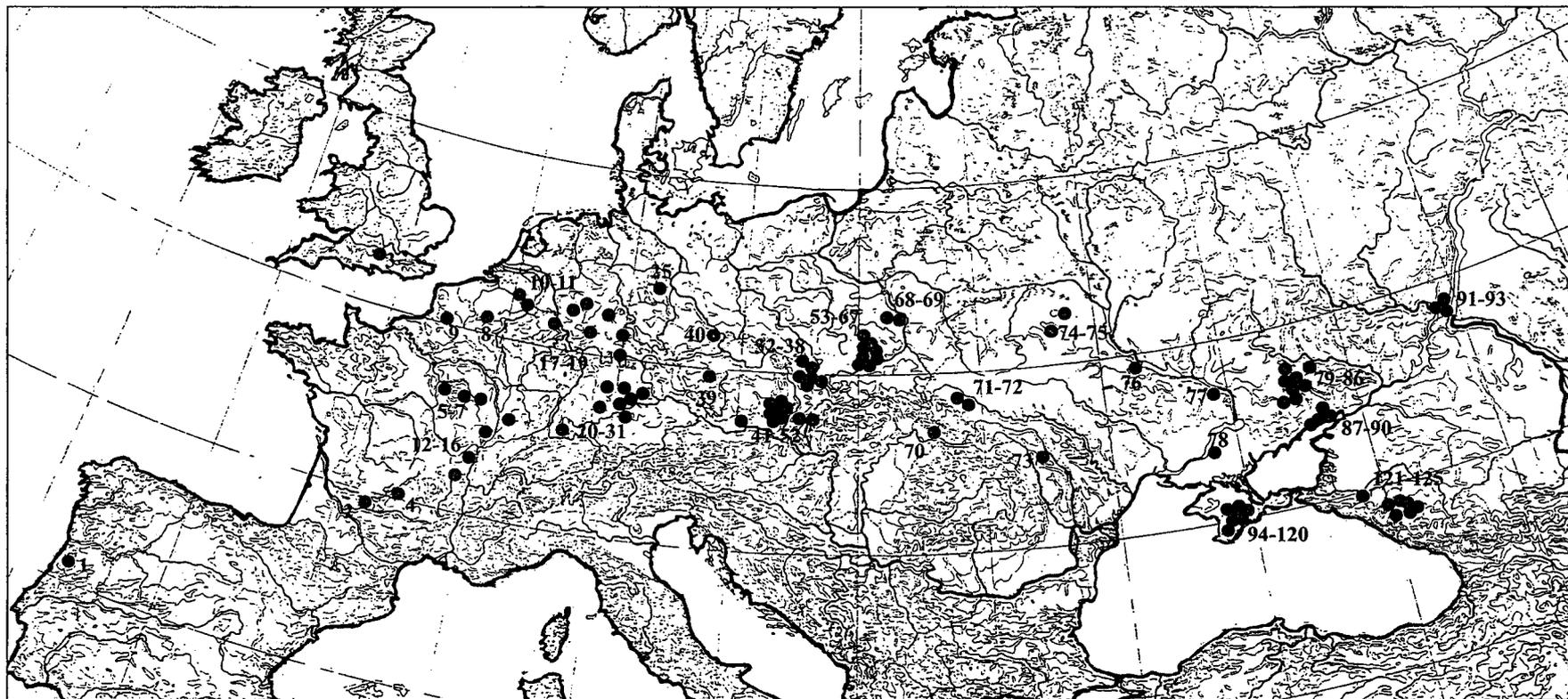

Рис. 124. Карта микокских памятников Европы.

1 – Galirea Pesada; 2 – La Micoque; 3 – sites of the „Wolvercot Channel Industry” type; 4 – Les-Eyzis; 5 – Vilmor-sur-Vanne; 6 – Mensil-le-Zarts; 7 – Jermollet; 8 – Riencourt-les-Bopom; 9 – Monte-de-Beuvry; 10 – Doctor; 11 – Ramiollet; 12 – Champlost; 13 – Bissy-sur-Fley; 14 – Blanzay; 15 – Frett; 16 – Frizlar; 17 – Balve II-III; 18 – Buhlen III B; 19 – Rurshain; 20 – Bockstein; 21 – Fogelgerd; 22 – Grosse Grotte IX; 23 – Höhler Stein-Schambach; 24 – Klausennische; 25 – Königsau A, D; 26 – Lichtenberg; 27 – Sesselfelsgrötte; 28 – Mouern; 29 – Kosten; 30 – Kartstein; 31 – Abri Schulerloch; 32 – Dzierzyslaw I; 33 – Pietraszyn 49; 34-36 – Pietrowiece Wielkie 8, 23, 76; 37 – Cyranuv 3; 38 – Makuv 15; 39 – Gudenus Cave; 40 – Dresden Plauen; 41 – Tman; 42 – Zamarovce; 43 – Myjava; 44 – Kulna; 45 – Obora; 46 – Bortov; 47 – Boskovice; 48 – Doubravica; 49 – Rajecsko; 50 – Horakov; 51 – Obcany; 52 – Trobsko; 53 – Tunel Wielki; 54 – Ciemna; 55 – Wylotne; 56 – Koziamia; 57 – Nietoperzowa; 58 – Krakow-Zwierzyniec; 59 – Krakow-ul. Korcniaka; 60 – Krakow-Wawel; 61 – Piekary I; 62 – Piekary II; 63 – Piekary III; 64 – Kobyliany; 65 – Bisnik; 66 – Okennik; 67 – Diadova Skala; 68 – Kobyliany; 69 – Zwolen; 70 – Королево; 71 – Иезупиль; 72 – Колодив; 73 – Выхватинцы; 74 – Житомир; 75 – Рихта; 76 – Канев; 77 – Орел; 78 – Балки; 79 – Антоповка; 80 – Александровка; 81 – Макеевка; 82 – Белая Гора I; 83 – Белокузьминовка, нижний слой; 84 – Озерьяновка I; 85 – Черкасское; 86 – Рубежное; 87 – Безыменное; 88 – Носово; 89 – Рожок I; 90 – Беллица; 91 – Сухая Мечетка; 92 – Челюскинец; 93 – Занкино Пепелище; 94 – Изобильное; 95 – Кабази II, III; 96 – Кабази V; 97 – ГАБО; 98 – Староселье; 99 – Кник-Коба; 100 – Волчий Грот; 101 – Чокурна I; 102-106 – Ак-Кая I-V; 107-114 – Заскальная I-VII, IX; 115 – Красная Балка; 116-117 – Пролом I-II; 118 – Сары-Кая I; 119 – Сары-Кая IV; 120 – Бураи-Кая; 121 – Ильская; 122 – Мезмайская; 123 – Баракаевская; 124 – Барацха; 123 – Монашская; 124 – Губский павес; 125 – Мотузка.

По: Koulakovskaya et al., 1993; Kozlowski, Kozlowski, 1977; Chmielewski, 1975; Farisy, Tuffreau, 1986; Marcy, 1991; Farisy, 1995; Desbrosse, Tavoso 1970; Desbrosse, Texier 1973; Huguenin, 1988; Farisy, 1985; Richter, 1999; Mania, Toepfer, 1973; Conard, Fischer, 2000; Burdukiewicz, 2000; Степаичук, 1999; Голованова, Хоффекер, 2000; Колесник, 1999; Егтушенко, 1999; Fajer et al., 2000; Oliva, 199; Колосов и др. 1993; Marks, Chabai, 1998; Marks, Monigal, Chabai, 1999; и др.

Fig. 124. Map of the European Micoquien sites distribution.

говариантным материалом для производства бифасов была и кремневая плитка. Поэтому до выяснения универсальности крымской модели “микока” (зависимость индустриального типа от глубины переработки сырья) автор воздерживается от проведения детального сравнительного анализа антоновской индустрии.

Донецкие комплексы с двусторонними орудиями входят в круг памятников, протянувшихся широкой полосой от атлантического побережья Западной Европы до Волги [Кулаковская и др., 1994] и Северного Кавказа. Композиционно эта полоса образует единое целое. Этот своеобразный “микокский коридор” (рис.124) связан с равнинными и низкогорными ландшафтами и обтекает основные горные массивы Западной, Центральной и Восточной Европы с севера, незначительно проникая в область Карпат, Судет, Бюккских гор и Северного Кавказа. Распределение памятников в рамках полосы имеет вполне определенный характер. На общем дисперсном фоне выделяются скопления стоянок различной плотности в верховьях Дуная в Баварии, вокруг Брно в Моравии, в Горном Шленске и в Краковской Юре, в бассейне Днестра, а также в Крыму, в Донбассе, в Приазовье, в Поволжье и на Северном Кавказе. Очаговый характер распределения памятников особо характерен для Центральной и Восточной Европы [Евтушенко, 1999; Колесник, 1999]. В целом, дисперсный характер распределения микокских памятников последовательно сменяется очаговым по мере продвижения с запада на восток Европы. В Западной Европе эти памятники распределены относительно равномерно. В Крыму, на востоке Русской равнины и на Северном Кавказе “восточно-микокские” индустрии известны почти исключительно в рамках скоплений. Возможно, это связано с тенденцией нарастания континентальности климата с запада на восток европейского континента и с усилением мозаичности ландшафтов и контрастности зональных границ в этом же направлении. Донецко-приазовское скопление двусторонних индустрий среднего палеолита выглядит важной составной частью этой полосы. Идущая от Центральной Европы к Северному Кавказу полоса памятников начала среднего палеолита с крупными бифасами фактически полностью (кроме Поволжья) совпадает с положением “восточно-микокских” комплексов. Это еще раз подчеркивает вероятную генетическую связь между ними.

Несмотря на отдельные реплики по поводу связи двусторонних индустрий среднего палеолита Восточной Европы с Кавказско-Педнеазиатским историко-культурным центром [Valoch, 1968; и др.] большинство специалистов, вслед за В.Н. Гладылиным и Н.Д. Прасловым, считают памятники этого вида сугубо европейским культурным феноменом [Кухарчук, 1993 и др.].

Время бытования микокских индустрий охватывает весьма длительный промежуток времени. Кажется, что хронологическая концепция микока должна учитывать наличие двух пространственно-временных блоков. На раннем этапе индустрии со смешанным ашелло-микокским или вполне рафинированным микокским набором признаков спорадически встречаются в широких пределах циркум-средиземноморского пространства – во Франции [Peugoni, 1938], в Португалии [Marks, Monigal, Chabai, 1999], Польше [Fajer et al., 2001; Foltyn et al., 2000], Северной Африке [Schild, Wendorf, 1973], на Ближнем Востоке [Copeland, 2000]. Наличие микокских изделий в географически удаленных и генетически не связанных индустриях рисского и до-рисского времени (т.е синхронных развитию ашелло) показывает, что ранний микок является проявлением одной из экстерриториальных форм перехода от раннего палеолита к среднему. На позднем этапе эти памятники известны почти исключительно в пределах европейского “микокского коридора”. “Восточный микок” целиком относится к среднему палеолиту Европы, являясь одним из его ярчайших вариантов. Судя по согласованным данным, датируется он от конца ресс-вюрма до последнего интерстадиала [Richter et al., 1999; Ulteimer, 2000]. Таким образом, донецкие “восточно-микокские” памятники относятся к европейскому позднему микоку. С дебютом этой культурно-хронологической группы связаны единичные находки многих крупных бифасов. Рубила являются отголоском далеких ашельских корней “восточного микока”, однако, непосредственно с ашеллом он не связаны.

Менее однозначна, в смысле принадлежности к определенным культурно-территориальным ареалам, трактовка различных односторонних восточноевропейских индустрий среднего палеолита, в том числе с выраженным пластинчатым компонентом. Леваллуазские в широком смысле памятники распространены чрезвычай-

но широко, практически по всей Евразии. В ряде палеолитических регионов (Кавказ, Передняя Азия) памятники этих вариантов среднего палеолита являются фоновыми. В Донбассе такими памятниками являются Белокузьминовка, Курдюмовка и, возможно деркульские кварцитовые серии. Проведенный в соответствующих главах сравнительный анализ этих индустрий очерчивает круг возможных аналогий.

Выделенные культурные феномены развивались на территории Донбасса практически на всем протяжении “мустьерского” отрезка юрмы.

Культурно-стратиграфическую колонку среднего палеолита Донбасса открывает кайдакское скребло из Корнеева Яра, выполненное избыточной «восточно-микоксской» чешуйчато-ступенчатой ретушью и подработанное ядрищным приемом утончения. Не исключено, что этим временем датируется и макеевский бифас.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ

Если внешние границы скопления памятников среднего палеолита на Юго-Востоке Украины отражают, скорее в сего, разницу в состоянии изученности этого сектора Восточной Европы и соседних регионов, то группировка памятников внутри региона в большей степени соответствует реальной картине их распределения в древности. По крайней мере, проводимые автором разведки памятников не носили выборочный характер и охватывали практически все уголки края, а сохранность памятников приблизительно везде одинакова.

В результате многолетних разведок и стационарных работ к настоящему времени в изучаемом регионе удалось определить только два района выраженной концентрации среднепалеолитических остатков.

Первый из них локализуется в верховьях р. Волчья и представлен, прежде всего, такими крупными собраниями, как Антоновка I и II.

Второй район сосредоточения памятников среднего палеолита связан с правобережными притоками Кривого Торца - р. Беленькая и р. Наумиха. На левых террасированных берегах этих двух небольших степных речушек располагаются стоянки Белокузьминово, Курдюмовка, Озеряновка I, другие менее значительные пункты. Непосредственно к этому району

В прилуцкое время были переотложены остатки двусторонних кремневых индустрий в Белокузьминовке и Курдюмовке, а также произошла консервация участка культурного слоя комплекса из ископаемой почвы в Курдюмовке. Видимо, в это время в бассейне Донца отмечалось опускание базиса эрозии и в его пойме появились стоянки с двусторонними орудиями, которые при последующем поднятии уровня водотока оказались в русловой фации реки. В удайское время накапливались изделия, выполненные в односторонней (Курдюмовка, Звановка) и двусторонней (Антоновка) технике. Позже существовали только односторонние индустрии (Белокузьминовка).

Таким образом, реконструируется следующая последовательность культурных явлений: «восточный микок» - от кайдакского до удайского времени; индустрия Курдюмовки - позднеприлуцкое-удайское время; белокузьминовская индустрия - витачевское-раннебугское время.

примыкает бассейн р. Бахмутка с мастерской у п. Звановка и местонахождением в Корнеевом Яру. В бассейне Сухого Торца в с. Черкасское изучен крупный среднепалеолитический комплекс, опубликованный пока только предварительно. Таким образом, основное количество более или менее значительных памятников в рамках указанного региона происходит из Северо-Западного Донбасса. В геологической и географической литературе этот район определяется как Бахмутско-Торецкая котловина.

Остальные местонахождения и пункты сборов среднепалеолитических изделий распределены на территории Донецкой и Луганской областей Украины относительно равномерно, иногда с незначительной концентрацией (например, в бассейне р. Крынка).

Скорее всего, выявленные в регионе районы концентрации памятников среднего палеолита отражают реальную картину заселенности края в то время. Основная причина такой чересполосицы, видимо, кроется в избирательном отношении людей среднего палеолита к различным участкам пространства, в зависимости от их ресурсной ценности. Последние распределяются в пространстве неравномерно, образуя различные неповторимые комбинации. Реальное значение для людей среднего палео-

лита имели так называемые динамичные ресурсы (промысловая фауна) и статичные ресурсы (вода, источники каменного сырья, скальные убежища, заросли съедобных растений и т. д.). Эти два основных типа ресурсных ценностей неразрывно связаны между собой. Существует прямая зависимость между состоянием ресурсной базы и типом мобильности древних коллективов. Первобытные охотники-собиратели вырабатывали наиболее оптимальный для каждой конкретной ресурсной комбинации тип заселения и охотничьей стратегии. В условиях горного и полугорного ландшафта пространственный каркас ресурсной базы неизбежно был сжат и определялся локализацией плато (куэст), троп, водотоков и скальных убежищ. В равнинных условиях ресурсы были рассредоточены более равномерно.

Яркой региональной особенностью Юго-Восточной Украины является наличие здесь многочисленных легко доступных поверхностных источников первоклассного верхнемелового кремневого сырья. Эти ресурсы распространены не повсеместно, а в виде локальных проявлений, имеющих линейный (речные и балочные береговые обнажения) или площадный (слабозадернованная поверхность меловых останцов) характер. Как отмечалось выше, кремневые источники находятся на периферии Донецкого кряжа и образуют различные по протяженности скопления с контрастными внешними границами. Массовые меловые обнажения отмечаются в долине Донца на его правом берегу, в Бахмутско-Торецкой котловине, в среднем течении р. Кринка. Основные среднепалеолитические кремневые коллекции Донбасса и Приазовья происходят именно из этих кремненосных районов. За пределами границ этих районов кремень встречается преимущественно в аллювии. Наибольшее количество памятников с относительно крупными коллекциями локализуется в междуречье Бахмутки и Кривого Торца, а также на Сухом Торце, где известны десятки локальных источников кремня, удаленных на 1 - 10 км друг от друга. В районе таких локальных месторождений кремня отмечены своеобразные мегапамятники каменного века,

состоящие из многочисленных разнородных по характеру комплексов от среднего палеолита до энеолита включительно [Kolesnik, 1997]. Среди них выделяются как кремнеобрабатывающие мастерские, так и обычные стоянки с полным циклом расщепления кремня. Эти памятники показывают, что кремневые ресурсы были и одним из важнейших факторов, которые определяли общую стратегию расселения людей в Донбассе в до- и протоисторический период. При этом модели адаптации к каменному сырью существенно менялись с течением времени [Колесник, 1994; Kolesnik, 1997].

Видимо, в среднем палеолите зависимость людей от доступности каменного сырья была более сильной, чем в последующие периоды [Колесник, 1990]. Использовалась преимущественно местная сырьевая база, хотя в районах с некачественным или редким сырьем известны случаи употребления экзотического камня из источников, удаленных до 100 км и более [Geneste, 1990; Roebroeks et al, 1988].

Очаговый характер расположения памятников среднего палеолита отмечен не только в Северо-Западном Донбассе. В соседнем с Донбассом Северо-Восточном Приазовье хорошо изучена группа мустьерских стоянок, расположенных на берегах Миусского лимана и соседних участках морского побережья [Праслов, 1968]. Похоже, эта локальная группа памятников исчерпывается бассейном лимана и не имеет значительного продолжения на запад.

Список примеров очагового расселения людей среднего палеолита в районах с богатым и достаточным обеспечением каменным сырьем можно продолжить и дальше. Видимо, очаговый принцип расселения людей в тот период имеет глубинные причины, которые в значительной степени стимулировались наличием местной сырьевой базы в районах, подобных Северо-Западному Донбассу. Скорее всего, стабильное освоение регионов становилось возможным тогда, когда складывалось комплексное сочетание статичных и динамичных ресурсов. На палеолитической карте Русской равнины Северо-Западный Донбасс представляется именно таким локальным участком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средний палеолит Донбасса – важная составная часть палеолитического мира Восточной Европы. Это определяет общность научной проблематики, а также востребованность донецких материалов при реконструкции генеральной картины развития палеолитических традиций. Вклад Донецкого региона определяется значимостью памятников, зачастую, к сожалению, с сильно нарушенным первоначальным археологическим контекстом.

Из-за слабой документированности, вопросы происхождения и эволюции индустрий среднего палеолита Донбасса, а также их связи с индустриями позднего палеолита могут ставиться и решаться пока только в самом общем плане. Генетические предшественники вариантов среднего палеолита Донбасса на территории края не найдены. Донецкие индустрии проявляются здесь в сложившемся виде и не дают оснований говорить об их последовательной эволюции. Развитие среднепалеолитической традиции в регионе представляется в виде некой прерывистой линии. Такое состояние не может быть описано в терминах теории последовательной эволюции. В целом, палеолитические остатки Юго-Восточной Украины служат хорошей иллюстрацией модели прерывистой эволюции культуры. Единственное исключение – это реконструируемая генетическая связь между бугским и витачевским комплексами Белокузьминовки. Здесь как будто имеет место прогрессивная эволюция в технологии первичного расщепления и в развитии орудийного ансамбля, наблюдаемая в течение относительно короткого времени. В пределах изучаемого отрезка палеолита в регионе эта эволюция, в целом, имела линейный характер. Случаи устойчивого параллелизма в развитии палеолитических культурных традиций в Донбассе пока не отмечены. В течение отдельных геологических отрезков времени имеет место сосуществование некоторых индустрий (например, в прилукское время в ряде мест накопились остатки «восточно-микокской» индустрии и производственный комплекс из ископаемой почвы Курдюмовки), но длинных эволюционных стволов или хронологических последовательностей они не образуют. Случаи сосуществования в Донбассе непохожих индустрий среднего палеолита и неповторимость культурной последовательности

не позволяют оценивать донецкие индустрии в стиле концепции «культурной стратификации» В. Клец [Клец, 1989]. Возможно, предлагаемая модель линейной прерывистой эволюции среднего палеолита является частным случаем кустящейся или параллельной эволюции и всего лишь отражает состояние наших знаний.

Особый интерес представляет соотношение в регионе среднепалеолитических и позднепалеолитических традиций, исходя их актуальных на сегодняшний день геологических датировок индустрии из бугского горизонта Белокузьминовки.

Следует сказать, что генезис позднепалеолитических культур Юго-Восточной Украины рассматривается в литературе, в основном, вне аспекта связи с местным мустье. В исследовании по позднему палеолиту региона А.А. Кротова, продолжая сложившуюся в историографии вопроса традицию [Борисковский, 1953 и др.], видит истоки происхождения культурных традиций позднего палеолита Подонцовья и Приазовья в центре Русской равнины и в кавказско-средиземноморской провинции [Кротова, 1986, с. 70-71]. Существует единственная реплика В.Н. Станко о генетической связи между позднепалеолитической Антоновкой-3 и мустьерской Белокузьминовкой [Станко, 1982, с. 81]. Позднепалеолитические памятники самого начала позднего палеолита в Донбассе пока не найдены. Наиболее ранние (по геологическим критериям) региональные позднепалеолитические находки происходят из нижнего слоя мастерской Белая Гора 3 в бассейне р. Казенный Торез и залегают в нижней части делювия дофиновской почвы, сформированной с участием почвенного субстрата витачевского времени [Коваль, Колесник, 1999]. Остальные позднепалеолитические комплексы Донбасса и Приазовья связаны либо с верхами дофиновской почвы (Амвросиевское костыще), либо залегают стратиграфически выше [Кротова, 1986]. Вероятная граница между средним и поздним палеолитом в регионе может соответствовать стратиграфическому интервалу между поздним бугом и ранней дофиновкой.

Анализ донецких материалов среднего палеолита как будто не противоречит объяснительным моделям MUPТ (Middle-Upper Paleolithic Transition), основанным на идее пре-

рывности линии развития культуры в момент перехода от среднего палеолита к позднему. Достаточно длительное переживание здесь среднего (по археологическим критериям) палеолита и отсутствие видимых местных корней у локального верхнего палеолита показывают контрастный региональный переход от одной эпохи к другой. Такая ситуация характерна для моделей перехода на основе кардинальной смены населения. Однако, технико-типологическая разница между местными граветтоидными индустриями позднего палеолита и белокузьминовской индустрией выражена не более резко, чем разница между памятниками «восточного мокока» и типичным мустье в Курдюмовке. На фоне трех основных среднепалеолитических культурных феноменов позднепалеолитические памятники выглядят очередным независимым культурно-хронологическим блоком со своим внутренним делением. В этом смысле поздний палеолит продолжает прерывистое строение региональной модели всего палеолита, не нарушая ее структуры, что не может быть аргументом для противопоставления двух эпох.

Если верить активно пропагандируемой в последнее время теории, в период между 40-м и 30-м тысячелетиями назад на обширных просторах Евразии разворачивался грандиозный спектакль, главными действующими лицами которого были два конкурирующих вида *Homo* – палеоантропы и человек современного анатомического вида. Это была кульминация многовековых отношений, насыщенных как «мирным сосуществованием», так и острыми драматическими событиями. В различных уголках палеолитической ойкумены видовая борьба между *Homo neandertalensis* и *Homo sapiens* протекала по различным сценариям, но почти во всех схемах, реконструируемых современными исследователями проблемы, неандертальцам отводится роль бездетного дядюшки, который в непростых условиях доживал свой век в доме более удачливого родственника. Если ставить знак равенства между неандертальцами и средним палеолитом (что далеко не бесспорно), донецкие материалы могут служить подтверждением правоты крымской и иберийской моделей, согласно которым неандертальские анклавы довольно длительное время существовали в окружении людей с новыми системами культурной адаптации. Может быть, для Восточной Европы 40-30 тыс. лет назад больше подходит

не термин «анклав», а термин «мозаичное распределение популяций».

Чересполосное расположение в Донбассе памятников разных вариантов является обычным для равнинных и предгорных ландшафтов Евразии. Границы территориально обособленных анклавов индустрий с монотонным набором технологических и стилистических признаков, как правило, рано или поздно размываются при дальнейшем наращивании корпуса источников. Так произошло, например, с крымской ак-кайской индустрией [Колосов, 1983, 1986; Чабай, 1999]. Чересполосное распределение памятников, существовавших в геологически близкое время, скорее всего, стимулировалось тем обстоятельством, что логистический тип мобильности среднепалеолитических охотников-собирателей был основной моделью землепользования на большей части пространства. Этот тип мобильности был реакцией на относительно низкую плотность биомассы в условиях преобладающих суровых ледниковых ландшафтов. Увеличение количества памятников в сухие и холодные отрезки климата было вызвано не ростом популяций, а возрастанием степени мобильности в связи с необходимостью пищевого контроля над большей территорией [Голованова, Хоффекер, 2000]. При частых перемещениях неизбежно возникали контакты между коллективами людей, происходил обмен разнообразными сведениями. Несмотря на консерватизм поведения среднепалеолитических популяций и, возможно, очень контрастное деление на «своих и чужих», обширные пространства Европы оставались прозрачными для распространения идей и культурной информации. В археологических реалиях это выражалось в миграции типов и технологий. Примером технологий, востребованных коллективами различных культурных традиций, является ядрищный прием утончения концов орудий. В какой-то мере это напоминает отмечаемый генетиками механизм миграции генов в территориально разобщенных, но родственных популяциях [Templeton, 1993]. Показательно, что внутри памятников одной культурной традиции распределение специфических типов и технологий может носить выраженный мозаичный характер: они встречаются как на близком, так и на далеком расстоянии от основного района концентрации [Колесник, 1999]. При чересполосном распределении типов близкие по инвента-

рю двусторонние индустрии могут располагаться на значительном расстоянии (Окенник - Бокштайн), а различные индустрии того же круга - рядом (Тиемна - Вылетна). Опять таки, по показаниям генетиков, мозаичная, чересполосная встречаемость генов присуща для зон миксеризации близких видов и подвидов, т.е. для контактных зон [Phillips-Conroy, Jolly. 1986]. Исходя из сказанного, нельзя абсолютно противопоставлять между собой все выделенные в Донбассе среднепалеолитические культурные феномены. Они являлись частью единого культурного наследия нашего далекого среднепалеолитического предшественника, реальный вклад

которого в формирование современного типа поведения предстоит выяснять еще не одному поколению специалистов.

Автор вполне отдает себе отчет о том, что последующее накопление археологических источников существенно прояснит таксономические позиции описанных в данном издании каменных индустрий и их связь между собой. Настоящее исследование очерчивает приблизительные контуры проблем и источниковедческую базу для их решения. Детальное исследование среднего палеолита Донбасса - дело будущего.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- БОРИСКОВСКИЙ П.И. 1950 Дневник Амвросиевского археологического отряда Института истории материальной культуры и Института археологии АН УССР // НА ИИМК РАН. Ф.35, оп.1, д.28.
- БОРИСКОВСКИЙ П.И. 1952 Отчет о работе Амвросиевского палеолитического отряда в 1952 г. // НА ИА НАНУ, 1952/19.
- ГЕРАСИМЕНКО Н.П., ПЕДАНЮК Г.И. 1991 Палеогеографические этапы плейстоцена и плейстоцена Западного Донбасса. М.: ВИНТИ, №369092/В 91. 731 с.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1974-а Антовская мустьерская культура и ее место в равнинном палеолите Восточной Европы. Дисс. ... канд. ист. наук. К. НА ИА НАНУ, 191 с., табл.
- ЕВСЕЕВ В.М. 1932 Отчет о поездке по Макевскому и Чистяковскому районам Донецкой области в 1932 г. 5 с.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1924 Отчет о поездке на Украину в 1924 г. с задачами палеозоологического исследования // НА ИА НАНУ, фонд ВУАК, № 49/6.

- ЛОКТЮШЕВ С.А. 1925 Отчет о работах на Луганщине в 1925 г. // НА ИА НАНУ. Фонд ВУАК.
- ЛОКТЮШЕВ С.А. 1926 Отчет про археологическую работу в 1926 г. // НА ИА НАНУ. Фонд ВУАК, №109/12.
- МИЛЛЕР А.А. 1902 Отчет об археологическом обследовании окрестностей пос. Гусельшиково близ Новониколаевской станции Таганрогского округа. 1902 г. // ГАРО, ф-55, о-1, д-543.
- ПИСЛАРИЙ И.А., БРАТЧЕНКО С.Н. и др. 1976 Отчет Северо-Донецкой экспедиции за 1975 год. НА ИА НАНУ.
- ПОПОВ Х.И. 1901 Открытое предписание А.А. Миллеру // ГАРО, ф. 55, о. 1, д. 910, л. 28.
- УСТЕНКО В.Я. 1965 Дневник археологических исследований в р-не с. Красное - г. Часов Яр (Полевая археологическая практика студентов I-го курса исторического ф-та Донецкого государственного университета). 52 с.

ЛИТЕРАТУРА

- АБРАМОВА З.А. 1979-а Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука. 158 с.
- АБРАМОВА З.А. 1979-б Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука. 200 с.
- АБРАМОВА З.А., МАНДЕЛЬШТАМ А.М. 1977 Бегарсландга - новый памятник каменного века в районе Узбоя // БКЧП, вып.47.
- АЛЕКСАНДРОВА М.В. 1990 Некоторые замечания по теории культурного слоя // КСИА, вып.202, М. С.4-12.
- АЛЕКСЕЕВ М.П., ЧИСТЯКОВ А.А., ЩЕРБАКОВ Ф.А. 1986 Четвертичная геология материковых окраин. М.: Недра.
- АМИРХАНОВ Х.А. 2000 Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 245 с.
- АНИКОВИЧ М.В. 1999 О миграциях в палеолите // Stratum plus, №1, СПб, Кишинев, Одесса. С.72-83.
- АНИКОВИЧ М.В. 2000 Начальная пора верхнего палеолита // Stratum plus. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.11-31.
- АНИСЮТКИН Н.К. 1968 Два комплекса Ильской стоянки // СА №2.
- АНИСЮТКИН Н.К. 1981 Стратифицированные находки домустьерской эпохи в Черновицкой области // КСИА, вып.175.
- АНИСЮТКИН Н.К. 1999 Итоги изучения среднего палеолита Приднестровья и Северной Молдовы // Stratum plus, №1, СПб, Кишинев, Одесса. С.132-149.
- АНИСЮТКИН Н.К. 2001 Мустьерская культура на Юго-Западе Русской равнины. СПб. 308 с.
- АНИСЮТКИН Н.К., БОРЗИЯК И.А., КЕТРАРУ Н.А. 1986 Первообытный человек в гротах Тринка I-III. Кишинев: «Тшинца» 123 с.
- АНИСЮТКИН Н.К., КЕТРАРУ Н.А. 1973 Исследования грота в с. Выхвятицы // АО 1972. М.
- АНИСЮТКИН Н.К., КЕТРАРУ Н.А. 1999 Грот Выхвятицы (история исследования, стратиграфия, фауна, каменные индустрии) // Археологический альманах, вып.8. Под ред. А.В. Колесника. С.141-152.
- АНИСЮТКИН Н.К., ФИЛИППОВ А.К. 1986 К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. Ред. В.П. Любин. Л. С.58-64.
- АНИСЮТКИН Н.К., ЩЕРБАКОВА Т.И. 1986 Середньопалеолітичні пам'ятки Кишинецького Яру на Середньому Дністрі // Археологія, №46. К.
- АСТАХОВ С.Н. 1987 Палеолитическая стоянка Кокорево IV-а // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. С.27-44.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ А.Д., СТАХОВ Н.М. 1938 Геологическое строение и история развития Черного моря. М.-Л. Изд-во АН СССР.
- БАДЕР О.Н. 1937 Две экспедиции по изучению палеолита в Северном Причерноморье // Антропологический журнал, №1. С.13-15.
- БАДЕР О.Н. 1950 Опыт работ Азово-Черноморской экспедиции // КСИИМК, вып. VII. М.-Л. С.71-75.
- БАРЫШНИКОВ Г.Ф., КАСПАРОВ А.К., ТИХОНОВ А.Н. 1989 Сайга палеолита Крыма // Фауна млекопитающих и птиц позднего плейстоцена и голоцена СССР. Л. С.3-48.
- БЕЛЯЕВА В.И. 1977 Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа» // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука. С.117-126.
- БЕЛЯЕВА В.И. 1993 Каменный инвентарь, традиции и среда верхнего палеолита // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. Тезисы докладов. СПб. С.8-10.
- БЕЛЯЕВА Е.В. 1996 К вопросу о вариабельности хозяйственных типов мустьерских памятников // Археологический альманах, вып.5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.41-48.

- БИБИКОВ С.Н. 1961 О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита // Четвертичный период, вып. №13-15, К. С.339-362.
- БЛАНК М.Я., ГРУЩЕНКО З.А. 1984 Палеогеоморфологические этапы формирования рельефа восточной части УССР // Общая и региональная палеогеография. К.: Наукова думка. С.94-104.
- БЛАГОВОЛИН Н.С., ЛЕОНТЬЕВ О.К., МУРАТОВ В.М., ОСТРОВСКИЙ А.Б., РЫЧАГОВ Г.И., СЕРЕБРЯНЫЙ Л.Р. 1982 Морские бассейны и положение береговых линий Восточной Европы в плейстоцене и голоцене // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография. Под ред. И.П. Герасимова и А.А. Величко. М.: Наука. С.9-15.
- БОБРОВКИН Д.П., СОБОЛЕВ Д.Н. 1936 Геологический и геоморфологический очерк левобережья р. С. Донца // Геологический очерк реки Донца. Харьков-Киев: Гос. научно-техн. изд-во Украины. С.188-126.
- БОРИСКОВСКИЙ П.И. 1953 Палеолит Украины // МИА №40. М.-Л. 463 с.
- БОРИСКОВСКИЙ П.И. 1957 Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краевед. зап. Таганрогского музея, вып.1, Таганрог. С.7-14.
- БОРИСКОВСКИЙ П.И., ПРАСЛОВ Н.Д. 1964 Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // САИ, вып. А-5, М.-Л.
- БОНДАРЧУК В.Г. 1963 Геологічна будова Української РСР. К.: Радянська школа. 375 с.
- БОНДАРЧУК В.Г. 1939 О лесе южной части Русской равнины // Советская геология, №8. С.43-58.
- БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ Г.А. 1940 Грот Кник-Коба // Палеолит Крыма, вып. 1. М.-Л. 225 с.
- ВЕКЛИЧ М.Ф. 1966 Мустье европейской территории СРСР // Палеогеографічні умови на території України в плейстоцені та антропогені. К.
- ВЕКЛИЧ М.Ф. 1968 Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. К.: Наукова думка. 240 с.
- ВЕКЛИЧ М.Ф. 1982 Палеознание и стратотипы почвенных формаций верхнего кайнозоя. К.: Наукова думка. 272 с.
- ВЕКЛИЧ М.Ф., СИРЕНКО Н.А., ДУДНЯК В.А. та ін. 1973 Розвиток ґрунтів України в пізньому кайнозой. К.: Наукова думка. 209 с.
- ВЕКЛИЧ М.Ф., СИРЕНКО Н.А., ДУБНЯК В.А. и др. 1975 Палеоландшафты областей позднекайнозойского лессообразования // Геоморфология и палеогеография. Л. С.23-28.
- ВЕКЛИЧ М.Ф., МАТВИШИНА Ж.Н. и др. 1979 Методы палеопедагогических исследований. К.: Наукова думка. 272 с.
- ВЕКЛИЧ М.Ф., СИРЕНКО Н.А., АДАМЕНКО О.М. и др. 1984 Палеогеографические этапы и детальная стратиграфическая схема плейстоцена Украины К.: Наукова думка. 140 с.
- ВЕКИЛОВА Е.А. 1973 О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры // КСИА, вып. 137. С.46-54.
- ВЕЛИЧКО А.А. 1973 Природный процесс в плейстоцене. М.: Наука. 254 с.
- ВЕЛИЧКО А.А. 1990 О геохронологии и геоэкологии заселения Русской равнины в позднем плейстоцене // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. ТД советско-американского симпозиума. Л.: Наука. С.34-37.
- ВЕЛИЧКО А.А., МОРОЗОВА Т.Д. 1982 Изменение природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лессов, ископаемых почв и фауны // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография. Под ред. И.П. Герасимова и А.А. Величко. М.: Наука. С.115-120.

- ВЕЛИЧКО А.А., ГРИБЧЕНКО Ю.Н., ГУБОНИНА З.В., МАРКОВА А.К., МОРОЗОВА Т.Д., ПЕВЗНЕР М.А., ЧЕПАЛЫГА А.Л. 1997 Лесово-почвенная формация Восточно-Европейской равнины. Палеогеография и стратиграфия. Издательство РАН. М.
- ВЕЛИЧКО А.А., ГРЕХОВА Л.В., ГРИБЧЕНКО Ю.Н., КУРЕНКОВА Е.И. 1997 Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Еписевицы. М. 191 с.
- ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ. 1998 Под ред. Х.А. Амирханова. М.
- ГВОЗДОВЕР М.Д. 1961 Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА, вып. 82. С.79-84.
- ГВОЗДОВЕР М.Д., БЕЛЯЕВА В.И. 1988 О «ножах костенковского типа» // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л. С.51-56.
- ГАВРИЛЕНКО И.М. 2000 Зимівниківська археологічна культура. Полтава. 128 с.
- ГЕРАСИМЕНКО Н.П., КОЛЕСНИК А.В. 1989 Геологический возраст мусье Северо-Западного Донбасса // Доклады АН УССР. Сер. Б. К. №11. С.3-6.
- ГЕРАСИМЕНКО Н.П., КОЛЕСНИК А.В. 1992 Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминка в 1986 году // РА № 3. С.127-135.
- ГЕРАСИМЕНКО Н.П. 1993 Природная среда обитания мусьерского человека в Донбассе // Археологический альманах, вып. 2. Под ред. А.В. Колесника. Донецк: Донецчина. С.5-12.
- ГЕРАСИМЕНКО Н.П. 1994 Реконструкция природного сероводяного источника на стоянке Амвросієвка // Археологический альманах, №3. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.261-268.
- ГИРЯ Е.Ю. 1991 Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // СА, 3. С.115-129.
- ГИРЯ Е.Ю. 1997 Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроранализа древних орудий труда. Часть 2. СПб. 198 с.
- ГИРЯ Е.Ю., НЕХОРОШЕВ П.Е. 1993 Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных орудий // РА, 4. С.5-24.
- ГЛАДИЛИН В.М. 1965 Нови знахідки на Деркулі // Археологія, т.ХVIII. К.: Наукова думка. С.171-178.
- ГЛАДИЛИН В.М. 1966-а Відкриття мусьерської стоянки на Донецщині // Археологія, т.ХХ. К. С.135-142.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1966-б Различные типы каменной индустрии в мусье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // VII Международный конгресс до- и протисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М. С.14-17.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1967 Некоторые итоги исследования Антоновского раннепалеолитического местонахождения // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 годах, вып. 1. К. С.61-65.
- ГЛАДИЛИН В.М. 1969-а До питання про час та шляхи першого заселення територій України // УЖ, 310. К. С.101-109.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1969-б Антоновское раннепалеолитическое местонахождение // Материалы по четвертичному периоду Украины. К.: Наукова думка. С.290-303.
- ГЛАДИЛИН В.М. 1971 Ранній палеоліт // Археологія Української РСР, т. I. К. С.9-39.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1974-а Антоновская мусьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К. 27 с.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1976 Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. К. 230 с.
- ГЛАДИЛИН В.Н. 1985 Ранний палеолит // Археологія Української РСР, т. I. К. С.12-54.
- ГЛАДИЛИН В.Н., СИТЛИВЫЙ В.И. 1986 Принципы археологической периодизации палеолита // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Улан-Удэ. С.12-14.
- ГЛАДИЛИН В.Н., СИТЛИВЫЙ В.И. 1990 Апель Центральной Европы. К. 268 с.
- ГЛАДКИХ М.И. 1967 Верхнепалеолитическое местонахождение Антоновка III на Донецчине // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 годах, вып. 1. К. С.65-67.
- ГЛАДКИХ М.И. 1969 Позднепалеолитическое местонахождение Антоновка III на Донецчине // Материалы по четвертичному периоду Украины. К. С.252-268.
- ГРИБЧЕНКО Ю.Н., КУРЕНКОВА Е.И. 1997 Условия обитания и расселения позднепалеолитического человека в Восточной Европе // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. Под ред. А.А. Величко и О.А. Соффер. М. С.127-142.
- ГРИГОРЬЕВ Г.П. 1966 К различным признакам генетического родства, диффузии и стадильности (по материалам палеолита) // Материалы Международного конгресса доисториков и протисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М. С.27-37.
- ГРИГОРЬЕВ Г.П. 1987 Франсуа Борд и проблемы развития мусьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С.5-18.
- ГРИЩЕНКО М.Н. 1971 К геологии Хотылевского палеолитического местонахождения // МИА № 173.
- ГРОМОВ В.И. 1940 Новые находки палеолита на Азовском побережье // БКИЧП, 34-7. Л. С.123-127.
- ГРОМОВ В.И. 1948 Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Труды ГИН, вып. 64. М. 218 с.
- ГОРЕЛИК А.Ф. 1996 Культурные различия в материалах Роголиско-Передельской группы синхронных стоянок финального палеолита (Луганская область) // Археологический альманах, вып. 5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.209-218.
- ГОРЕЛИК А.Ф. 2001 Памятники Роголиско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск. 364 с.
- ГОРЕЦКИЙ Г.И. 1952 Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА, №XVI. М.-Л. С.242-245.
- ГРИЧУК В.П. 1973 Расцветание Европы в верхнеплейстоценовое (микулинское) межледниковье // Великое оледенение. Палеогеография Европы в позднем плейстоцене. Реконструкция и модели. Тр. Ин-та геогр. АН СССР.
- ГУГАЛИНСКАЯ Л.Н. 1979 Почвообразование и криогенез центра Русской равнины в позднем плейстоцене // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. 25 с.
- ГОЛОВАНОВА Л.В. 1994-а Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб. 170 с.
- ГОЛОВАНОВА Л.В. 1994-б Палеолитическая эпоха на Северном Кавказе // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб. С. 5-9.
- ГОЛОВАНОВА Л.В., ХОФФЕКЕР Д.Ф., ХАРИТОНОВ В.М., РОМАНОВА Г.П. 1988 Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-1995 гг.) // СА, №1. С. 85-98.
- ГОЛОВАНОВА Л.В. 2000 Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Stratum plus. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.158-178.
- ГОЛОВАНОВА Л.В., ХОФФЕКЕР Д.Ф. 2000 Микок на Северном Кавказе // Археологический альманах, вып. 9. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.35-64.
- ДЕМЕК Я. 1977 Стратоцикл по литологии. М. 181 с.
- ДЕМИДЕНКО Ю.Э. 1996 Среднепалеолитические индустрии Восточного Крыма: интерпретация их различий // Археологический альманах, №5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.95-101.
- ДЕМИДЕНКО Ю.Э. 2000 «Крымская загадка» – среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур Сюрени I: альтернативные гипотезы для решения проблемы // Stratum plus. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.97-124.
- ДЕРЕВЯНКО А.П., МАРКИН С.В., ВАСИЛЬЕВ С.А. 1994 Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск. 287 с.
- ДОРНИЧЕВ В.Б. 2001 Первоначальное заселение Восточной Европы // Донская археология №3-4. С.6-23.
- ДЖАФАРОВ А.К. 1983 Мусьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку: Эпм. 97 с.
- ЕВСЕЕВ В.М. 1947 Палеолитична стоянка Амвросієвка // Палеоліт і неоліт України. К. С.47-59.
- ЕВТУШЕНКО А.И. 1995 Локально-хронологическое подразделение мусьерских индустрий Северо-Восточного Средиземноморья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К.
- ЕВТУШЕНКО А.И. 1996 Двустороннее мусье Крыма: проблемы культурно-типологической дифференциации индустрий // Археологический альманах, №5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.85-93.
- ЕВТУШЕНКО А.И. 1999 Проблемы «восточного микока» // Археологический альманах, №8. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.3-24.
- ЕРИЦЯН Б.Г. 1972 Некоторые особенности намеренного рассечения орудий мусьерской эпохи (по материалам Ереванской пещерной стоянки) // КСИА, вып. 131. С.82-87.
- ЕФИМЕНКО П.П. Памятки мусьерской культуры на сходи Європи // Ювілейний збірник на пошану акад. Д. Багалія, т. I. Харків.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1931 Палеолит в СССР. Итоги и перспективы его изучения // Сообщения ГАИМК, №3. С.7-13.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1932 Из исследований в области палеолита СССР за последние годы // Сообщения ГАИМК, №9-10. С.5-11.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1934-а Дорождово общество. Л. 605 с.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1934-б Палеолитические стоянки Восточно-европейской равнины // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V. Л. С.38-133.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1935 Находки остатков мусьерского времени на р. Деркул // Палеолит СССР. Известия ГАИМК, вып. 118. М.-Л. С.13-25.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1953 Первобытное общество. К. 662 с.
- ЕФИМЕНКО П.П. 1958 Костени І. М.-Л. 450 с.
- ЗАВЕРНЯЕВ Ф.М., ШМИДТ Е.А. 1961 Новая находка нижнего палеолита на Верхней Десне // СА №1.
- ЗАВЕРНЯЕВ Ф.М. 1978 Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л. 125 с.

- ЗАМОРИЙ П.К. 1950 Рухи земної кори за четвертичного періоду на території УРСР // Зап. КДУ, т. 9. К. С.43-49.
- ЗАМОРИЙ П.К. 1954 Червоно-бури глини УРСР // Зап. КДУ, вип.2. С.16-19.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1934 Итоги исследования Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып.1. Л. С.34-41.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1937 К определению кремневого отщепы из миндельриской толщи Азовского побережья // Труды советской секции МАЧП, вып.1. Л. С.27-30.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1951 О возникновении локальных отличий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI. М. С.89-152.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1951 О возникновении локальных отличий в культуре палеолитического времени // Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI. М. С.89-152.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1953 Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья // Сборник МАЭ, т. XIV. С.231-255.
- ЗАМЯТНИН С.Н. 1961 Сталиградская палеолитическая стоянка // КСИА, вып. 82.
- ЗАРРИНА Е.П., КРАСНОВ И.И. 1977 Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений Европейской части СССР // Четвертичная геология и структурная геоморфология СССР. Труды СЕГЕИ. Новая серия. Т.222.
- ИВАНОВА И.К. 1969 Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР // БМОИП, отд. геология, т.40.
- КЕТРАРУ Н.А. 1970 Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты // Охрана природы Молдавии, №8. С. 113-132.
- КЕТРАРУ Н.А. 1973 Памятник эпохи палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.1. Кишинев. 175 с.
- КЛЕЦ В.П. 1989 О двух вопросах эволюции нижнепалеолитических индустрий // ТД областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии Донецкой области». Донецк. С.67-70.
- КОВАЛЬ Ю., КОЛЕСНИК О. 1999 Пізньопалеолітична майстерня Біла Гора 3 в Донбасі (попереднє повідомлення) // Археологічна збірка. Херсон. С.99-107.
- КОЕН В.Ю., СТЕПАНЧУК В.Н. 2000 Вариабельность перехода от среднего к позднему палеолиту: новые данные из Восточной Европы // Srtatum plus. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.31-54.
- КОЛЕСНИК А.В. 1985 Кремнеобрабатывающие мастерские раннего палеолита // Тезисы докладов областного семинара «Археология и краеведение в школе». Донецк. С.6-8.
- КОЛЕСНИК А.В. 1986 Раннепалеолитические находки из Корнеева Яра (Донбасс) // СА №1. С.240-242.
- КОЛЕСНИК А.В. 1987 История изучения раннего палеолита Донбасса и Приазовья // Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса. ТД. Донецк. С.7-9.
- КОЛЕСНИК А.В. 1988 Раскопки стоянки Белокузьминовка // АО 1986 г. М. С.285-286.
- КОЛЕСНИК А.В. 1989-а Мустьерская кремнеобрабатывающая мастерская Звановка в Донбассе // СА №1 С.117-124.
- КОЛЕСНИК А.В. 1989-б Памятник раннего палеолита Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк. С.5-8.
- КОЛЕСНИК А.В. 1990-а К вопросу о древнейших кремнеобрабатывающих мастерских // Каменный век на территории Украины. К. С.118-123.
- КОЛЕСНИК А.В. 1990-б Новая ашельская находка в Донбассе // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. ТД. Луганск. С.26-27.
- КОЛЕСНИК А.В. 1992 Курдюмовка - памятник раннего палеолита Донбасса // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов. Харьков. С.124.
- КОЛЕСНИК А.В. 1993-а Археологический альманах, вып. №1. Донецк. С.5-8, 62, 68-69, 74-81.
- КОЛЕСНИК О.В. 1993-б Ранній палеоліт Південно-Східної України // Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К. 16 с.
- КОЛЕСНИК А.В. 1994 Трансформация скребел с утонченным корпусом // Археологический альманах, вып. 3. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.85-100.
- КОЛЕСНИК А.В. 1995 К характеристике односторонних мустьерских индустрий Восточной Европы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. ТД. Харьков. С.10-11.
- КОЛЕСНИК А.В. 1996 К определению функциональной вариабельности памятников среднего палеолита Донбасса // Археологический альманах, вып. 5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С. 49-70.
- КОЛЕСНИК А.В. 1997 К характеристике мустьерских двусторонних орудий // Развитие культуры в каменном веке. ТД. СПб. С.51-52.
- КОЛЕСНИК А.В. 1998 Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы // Археологический альманах, вып. 7. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.3-24.
- КОЛЕСНИК А.В. 1999-а К характеристике «восточного микок» // Тезисы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. СПб. С.37-38.
- КОЛЕСНИК А.В. 1999-б «Восточный микок» - миф или реальность? // Археологический альманах, вып. 7. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.37-50.
- КОЛЕСНИК А.В., ТАТАРИНОВ С.И. 1977 Новые данные по палеолиту в Донецкой области // АО 1976 г. М. С.308.
- КОЛЕСНИК А.В., ПРИВАЛОВ А.И. 1979 Мустьерская стоянка Звановка // АО 1978 г. М. С.349.
- КОЛЕСНИК А.В., КОВАЛЬ Ю.Г. 1995 Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Висла Балка в Донбассе, Украина // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК. СПб. С.77-80.
- КОЛЕСНИК А.В., ВЕСЕЛЬСКИЙ А.П. 1997 Новый мустьерский памятник у с. Черкасское в Донбассе (предварительные сообщения) // Археология и этнография Восточной Европы. Материалы и исследования. Одесса. С.42-49.
- КОЛЕСНИК О.В., КОВАЛЬ Ю.Г. 1998 Финальнопалеолитична кремнеобробна майстерня у Вислі Балці на Дніпі // Записки наукового товариства імені Т.Г. Шевченка, том ССXXXV, Львів. С.375-402.
- КОЛЕСНИК А.В., ПОЛИДОВИЧ Ю.Б. 1999 Виктор Михайлович Евсеев // «Донбасс». Донецк. С.44-45.
- КОЛЕСНИК А.В., ПОЛИДОВИЧ Ю.Б. 2000 В. М. Евсеев - ученый и музейный работник // Літопис Донбасу. Вип.8. Донецк. С.3-7.
- КОЛЕСНИК А.В., ОВСЯННИКОВА Н.Б. 2002 Типология кремней и характеристика форм исходных конкреций // Висла балка - позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, вып.11. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.14-18.
- КОЛЕСНИК А.В., ВЕСЕЛЬСКИЙ А.П. 2002 Археологическая характеристика горизонта находок // Висла балка - позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Под ред. А.В. Колесника. Археологический альманах, вып.11. Донецк. С.23-28.
- КОЛЕСНИК А.В., ЛЕОНОВА Н.Б. 2002 Структурные элементы памятника и планиграфический анализ // Висла балка - позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, вып.11. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.28-97.
- КОЛОСОВ Ю.Г. 1983 Мустьерские стоянки района Белогорска (к вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма). К.: Наукова думка. 207 с.
- КОЛОСОВ Ю.Г. 1986 Акхайская мустьерская культура. К.: Наукова думка. 224 с.
- КОЛОСОВ Ю.Г., СТЕПАНЧУК В.Н., ЧАБАЙ В.П. 1993 Ранний палеолит Крыма. К.: Наукова думка. 223 с.
- КРИЖЕВСКАЯ Л.Я. 1989 К вопросу о формировании культурного слоя в голоценовых отложениях (по материалам матвеевокурганских раннеголоценовых отложений) // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе». Донецк. С.73-75.
- КРИЖЕВСКАЯ Л.Я. 1992 Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб. 177 с.
- КРОВОТА А.А. 1976 Новые палеолитические местонахождения в Донбассе // Открытия молодых археологов Украины. К., ч.1. С.5-6.
- КРОВОТА А.А., ГЕРАСИМЕНКО Н.П., БЕЛАН Н.Г., КОЛЕСНИК А.В. 1995 Позднеплейстоценовое палеонтологическое местонахождение у г. Антрапата Луганской обл. // Археологический альманах, вып. 4. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.7-14.
- КРОВОТА А.А., СНЕЖКО И.А. 1996 Кости бизонов со следами древних изломов из Амвросиевских (Донбасс, Украина) // Археологический альманах, вып. 5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.139-146.
- КУНИЦА Н.А. 1978 Природные ландшафты территории Украины в последнее ледниковье // Физическая география и геоморфология, №20. С.86-97.
- КУНИЦА Н.А. 1980 Природные ландшафты территории Украины в эпоху максимального оледенения // Физическая география и геоморфология, №23. С.84-95.
- КУНИЦА Н.А. 1984 Палеоландшафты теплых этапов плейстоцена Украины // Общая и региональная палеогеография. К.: Наукова думка. С.140-149.
- КУЛАКОВ С.А. 1991 Нижнепалеолитические мастерские Кавказа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 16с.
- КУЛАКОВ С.А. 1993 Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификация // Петербургский археологический вестник, №7. СПб.
- КУЛАКОВСКАЯ Л.В. 1989 Мустьерские культуры Карпатского бассейна. К.: Наукова думка. 126 с.
- КУЛАКОВСКАЯ Л.В., КОЗЛОВСКИЙ Я., СОБЧИК К. 1994 Микокские ножи: определение и классификация // Археологический альманах, 3. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.59-71.
- КУЗНЕЦОВА Л.В. Итоги исследования местонахождения Закино Пепелище в 1988-1991 гг // Археологические исследования в Поволжье, Самара, 1993, с.44-68.
- КУЗЬМИНА И.Е. 1990 Динамика состава териофауны Восточно-европейской равнины в позднем плейстоцене и начале голоцена

- // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего плейстоцена. ТД советско-американского семинара. Л.: Наука. С.37-40.
- КУХАРЧУК Ю.В. 1973 Ранний палеолит украинского Подесья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К. 22 с.
- КУХАРЧУК Ю.В. 1989 Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий. Рихта. Препринт 89. 14. К. 68 с.
- КУХАРЧУК Ю.В. 1999 Метаморфозы микоха // Археологический альманах, вып. 8. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.25-36.
- КУХАРЧУК Ю.В., МЕСЯЦ В.А. 1991а Ранний палеолит Украинского Подесья. Житомирская стоянка (ашель). Препринт 91.5. К.64 с.
- КУХАРЧУК Ю.В., МЕСЯЦ В.А. 1991б Ранний палеолит Украинского Подесья. Житомирская стоянка (мустье). Препринт 91.6. К.68 с.
- ЛАЗУКОВ Г.И., ГВОЗДОВЕР М.Д., РОГИНСКИЙ Я.Я., УРЫСОН М.М., ХАРИТОНОВ В.М., ЯКИМОВ В.П. 1981 Природа и древний человек. М.
- ЛВБЕДЕВА Н.А. 1965 Геологические условия местонахождений мелких млекопитающих в антропогене Приазовья // Стратиграфическое значение антропогенной фауны мелких млекопитающих. М.
- ЛВБЕДЕВА Н.А. 1972 Антропоген Приазовья. М., Тр. ГИН АН СССР, вып. 216. 106 с.
- ЛВВИЦКИЙ И.Ф., ТЕЛЕГИН Д.Я. 1956 Дослідження стоянки в ур. Минівський Яр на Сіверському Дніпі // Археологічні пам'ятки УРСР, №4. С.183-188.
- ЛЕВКОВСКАЯ Г.М. Палинологическая характеристика отложений Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья. Под ред. В.П. Любина. Майкоп: Меоты, 1994. С.77-82.
- ЛЕОНОВА Н.Б. 1980 Характер скопления кремня на кремнеобработывающих мастерских // Вестник Московского университета, сер.8, История. М. С.67-79.
- ЛЕОНОВА Н.Б. 1994 Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М. 40 с.
- ЛЕОНОВА Н.Б. 1996 Палеоэкология и характер природопользования на верхнепалеолитических стоянках района дельты Дона // Археологический альманах, вып. 5. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.169-174.
- ЛОКТЮШЕВ С.Н. 1923 Доисторические культуры юго-восточного района Донбасса // Просвещение Донбасса, №8. Луганск.
- ЛОКТЮШЕВ С.Н. 1930 Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск.
- ЛОКТЮШЕВ С.Н. 1940-а Мастерская крупных кварцитовых орудий на р. Деркул // СА, №V.
- ЛОКТЮШЕВ С.Н. 1940-б Следы палеолита в бассейне Донца // БКИЧП, вып. 6-7. Л. С.65-68.
- ЛЮБИН В.П. 1961 Верхнеашельская мастерская Джрабер // КСИА, вып. 82.
- ЛЮБИН В.П. 1965 О методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА 131. М.-Л.
- ЛЮБИН В.П. 1969 Ранний палеолит Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С.154-168.
- ЛЮБИН В.П. 1970 Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.
- ЛЮБИН В.П. 1977 Мустьерские культуры Кавказа. Л. 222 с.
- ЛЮБИН В.П. 1978 К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите // Проблемы советской археологии. М. С.23-33.
- ЛЮБИН В.П. 1994 Итоги комплексного исследования Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья. Под ред. В.П. Любина. Майкоп: Меоты. С.151-165.
- ЛЮБИН В.П. 1998 Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. №5. СПб. С.15-41.
- ЛЮБИН В.П., ДЖАФАРОВ А.К. 1986 Новая разновидность скребел (скребла с утонченным корпусом) в инвентаре Тагларской пещеры // Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука. С.74-77.
- ЛЮБИН В.П., АУТЛЕВ П.У. 1994 Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гупского ущелья. Под ред. В.П. Любина. Майкоп: Меоты. С.99-142.
- МАРКОВА А.К. 1982 Терифоценовое поздневалдай // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография. Под ред. И.П. Герасимова и А.А. Велгачко. М.: Наука. С.109-115. Карты 13, 14.
- МАРКС Э.Э., ЧАБАЙ В.П. 1998 Переход от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). Том 2, Новосибирск. С.421-439.
- МАРКС Э.Э., МОНИГАЛ К. 2000 Конец среднего и начало верхнего палеолита в Крыму в свете материалов стоянки Буран-Кая III // Sritatum plus. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.84-97.
- МАТЕРИАЛЫ Межведомственного совещания по разработке Унифицированной стратиграфической схемы четвертичных отложений Европейской части СССР. 1964 Л.: ВСЕГЕИ.
- МАТЮХИН А.Е. 1987 Палеолитическая мастерская Калитвенка I // КСИА. Вып. 189. С.83-88.
- МАТЮХИН А.Е. 1994 Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца // РА №1. С.134-141.
- МАТЮХИН А.Е. 1995-а Палеолитическая мастерская Калитвенка IV // Донские древности. Вып.5. Азов. С.24-44.
- МАТЮХИН А.Е. 1995-б К вопросу о происхождении и критериях палеолитических мастерских // Археологический альманах, вып.4. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.31-40.
- МАТЮХИН А.Е. 1996 Палеолитические мастерские Восточной Европы // Автореф. ... докт. ист. наук. СПб. 42с.
- МАЦУЙ В.М., ХРИСАНФОВА Т.Ф., ШЕЛКОПЛЯС В.Н. 1981 Субазральные отложения Северного Приазовья. К.: Наукова думка. 152 с.
- МЕДОВЕВ А.Н. 1968 Стоянка-мастерская у оз. Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- МЕДОВЕВ А.Н. 1970 Ареалы палеолитических культур Казахстана. Алма-Ата.
- МЕСЯЦ В.А. 1962-а Находки древнепалеолитических орудий в районе Житмира // КСИА, вып.92.
- МЕСЯЦ В.А. 1962-б Житомирская раннепалеолитическая стоянка // КСИА АН УССР, вып. 12. К.
- МОСКВИТИН А.И. 1967 Стратиграфия плейстоцена европейской части СССР. М.
- МУРЗАЕВ Э.М. 1957 Физико-географическое описание и экономическая характеристика // Геология СССР. Т.22. Туркменская ССР. М.
- НЕПРИНА В.И., ЗАЛИЗНЯК Л.Л., КРОТОВА А.А. 1986 Памятники каменного века Левобережной Украины. К.: Наукова думка. 222 с.
- НЕХОРОШЕВ П.Е. 1993 К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // РА, 3. С.100-119.
- НЕХОРОШЕВ П.Е. 1996 Среднепалеолитическая группа памятников на юге Русской Равнины // Археологический альманах, вып.5 Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.71-74.
- НЕХОРОШЕВ П.Е. 1997 «Белокузьминская» группа памятников в среднем палеолите Русской равнины // Развитие культуры в каменном веке. СПб. С. 50-54.
- НЕХОРОШЕВ П.Е. 1999 Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. С-Пб. 170 с.
- НИСЛАРИЙ И.А., ФИЛАТОВ А.П. 1972 Тайны степных курганов. Донецк: Донбасс. 132 с.
- ПДОПЛЧКА И.Г. 1958 Материалы изучения минувших фаун УРСР, выпуск 1. К.: Виздництво АН УРСР.
- ПЕТРУНЬ В.Ф. 1995 К проблеме кремневых псевдомастерских Левобережной Украины // Археологический альманах, вып.4. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.45-51.
- ПЛЕХАНОВ В.В. 1957 Избранные философские произведения, т.3. М.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1962 Нижнепалеолитические находки в Северном Приазовье // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Издат-во РГУ. С.113-120.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1964-а Палеолитические памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья и их стратиграфическое значение // БКИЧП, № 29. М.-Л.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1964-б Открытие мустьерских поселений в Северном Приазовье // Краеведч. зап. Таганрогского музея, вып. II, Таганрог. С.115-131.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1964-в Работа по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г // КСИА, вып. 101. М.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1968 Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подолья // МИА, № 157. Л. 154 с.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1972 Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // МИА, № 185. Л. С.75-82.
- ПРАСЛОВ Н.Д. 1984 Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. С.94-134.
- ПРИРОДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК (Основные этапы развития природы палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене). 1981 Составитель Г.И. Лазуков. М., Мысль. 222 с.
- РАНОВ В.А., АМОСОВА А.Г. 1990 О методике раскопок палеолитических стоянок в палеополях Южного Таджикистана // КСИА №202, М. С.53-61.
- РИХТЕР Ю. 1999 Поздние среднепалеолитические индустрии с бифасами из Сесслфелггота в Южной Германии // Археологический альманах, вып.8. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.91-98.
- ОСТРОВСКИЙ А.Б., ИЗМАЙЛОВ Я.А., ЩЕГЛОВ А.П., АРСЛАНОВ Х.А., ТЕРТИЧНЫЙ Н.А., ГЕЙ Н.А., ПИОТРОВСКАЯ Т.Б., МУРАТОВ В.М., БАЛАБАНОВ И.П., СКИБА И.П. 1974 Новые данные по стратиграфии и хронологии плейстоценовых морских террас Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского региона // Палеогеография и плейстоценовые отложения южных морей СССР. М.: Наука. С.112-167.
- САПОЖНИКОВ И.В. 1992 Хозяйственная специфика степной историко-культурной области // КСИА, вып. 206. С. 43-48.
- САПОЖНИКОВ И.В. 1994 Палеолит степей Нижнего Приднестровья. Одесса. 78 с.
- САВИЧ В.П. 1975 Позднепалеолитическое поселение на горе Кульчивка в е. Кременец (Тернопольская обл. УССР) // Бюлл. КИЧП, №44. С.41-51.

- СЕМЕНОВ С.А. 1957 Первобытная техника. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 237 с.
- СЕМЕНОВ С.А. 1968 Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. 362 с.
- СЕРГЕЕВ Г.Н. 1950 Позднеашельская стоянка в готе Выхватинцы (Молдавия). Предварительное сообщение // СА, XII.
- СМИРНОВ С.В. 1979 Мустьерская стоянка Рихта // КСИА, №157. С.9-14.
- СИБИЛЬЕВ Н.В. 1926-а Древности Изюмщины, вып. I. Изюм. 10 с., 40 табл.
- СИБИЛЬЕВ Н.В. 1926-а Древности Изюмщины, вып. II. Изюм. 20 с., 8 табл., 6 карт.
- СИБИЛЬЕВ М.В. 1928 Старовинности Изюмщины, вып. III. Изюм. 19 с., 62 табл.
- СИБИЛЬЕВ М.В. 1930 Старовинности Изюмщины, вып. IV. Изюм. 28 с., 84 табл.
- СИРЕНКО Н.А. 1984 Палеокриогенные деформации в лесовой толще Украины // Общая и региональная палеогеография. К.: Наукова думка. С.17-31.
- СИНИЦЫН А.А., ПРАСЛОВ Н.Д., СВЕЖЕНЦЕВ Ю.И., СУЛЕРЖИЦКИЙ Л.Д. 1997 Радуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Под ред. А.А. Синицына и Н.Д. Праслова. СПб. С.21-66.
- СИРЕНКО Н.А., ТУРЛО С.И. 1986 Развитие почв и растительности Украины в плиоцене и плейстоцене. К.: Наукова думка. 186 с.
- СИТЛВИЙ В.І. 1986 Ашельска эпоха в Центральній Європі // Археологія, №55.
- СИТНИК О.С. 1993 Дослідження пізньоашельської стоянки Буглів V у 1992 р. // Археологічні дослідження на Україні в 1992 р. К.
- СИТНИК О. 2000 Средний палеолит Поділля. Львів. 370 с.
- СИТНИК О.С., БОГУЦЬКИЙ О.С., КУЛАКОВСЬКА Л.В. 1996 Нові палеолітичні знахідки біля м. Галіч // Археологія, №1.
- СИТНИК О., БОГУЦЬКИЙ А. 1998 Палеоліт Поділля: Великий Глубочок I. Львів. 144 с.
- СМОЛЬНИНОВА С.П. 1990 Палеолит и мезолит степного Побужья. К. 104 с.
- СМИРНОВ С.В. 1972 Палеолит Дніпроваго Надпорожжя. К. 172 с.
- СМИРНОВ С.В. 1979 Мустьерская стоянка Рихта // КСИА №157. С. 9-14.
- СОВОЛЕВ С.С. 1936 Террасы р. С. Дюна и его притоков // Геологический очерк бассейна р. Дюна. Харьков-Киев: Гос. научно-техн. изд-во Украины. С.65-84.
- СОФФЕР О. 2000 Неандертальские рефугиумы и архаичный образ жизни // *Statum plus*. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 236-245.
- СТАНКО В.Н. 1982 Мирное: проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. К.: Наукова думка. 17 с.
- СТАНКО В.Н., СВЕЖЕНЦЕВ Ю.С. 1988 Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // БКИЧП, 57. С.116-120.
- СТАНКО В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. 1989 Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. К.: Наукова думка. 138 с.
- СТАНКО В.Н. 1990 Палеозоологическая обстановка в позднем палеолите Степного Причерноморья // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. ТД советско-американского симпозиума. Л.: Наука. С. 27-30.
- СТАНКО В.Н., ПЕТРУНЬ В.Ф. 1994 Анетовка-13 – памятник начальной поры позднего палеолита в Степном Причерноморье (предварительная публикация) // Археологический альманах, вып.3. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.161-179.
- СТЕПАНЧУК В.Н. 1987 К вопросу о кийк-кобинской мустьерской культуре в Крыму // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. Омск. С.58-60.
- СТЕПАНЧУК В.Н. 1991 Кийк-кобинская мустьерская культура // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- СТЕПАНЧУК В.Н. 1994 О методах расщепления камня на мустьерской стоянке им. Г.А. Бонч-Осмоловского (Юго-Западные Крым) // Археологический альманах, вып.3 Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.47-57.
- ТАРАСОВ Л.М. 1977 Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеозоология древнего человека. М. С.18-31.
- ТАРАСОВ Л.М. 1986 Многослойная стоянка Корщево I // Палеолит и неолит, Л. С.46-53.
- ТАРАСОВ Л.М. 1990 Методика изучения культурных слоев большой мощности // КСИА, вып.2002. С.43-49.
- ТАРАЩУК Н.Н. 1974 Морські плейстоценові відклади Причорномор'я Української РСР. К.: Наукова думка. 150 с.
- ТАШКЕНБАЕВ Н.Х., СУЛЕЙМАНОВ Р.Х. 1980 Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент: Фан. 182 с.
- ТКАЧЕНКО В.И. 2002 К вопросу о значении подъемного материала на палеолитических памятниках // Археологический альманах, вып.10. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.55-62.
- ТРЕТЬЯК А.Н., ВОЛОК З.Е. 1976 Палеомагнитная стратиграфия плиоцен-четвертичных осадочных толщ Украины. К.: Наукова думка. 86 с.
- ФЕДОРОВ П.В. 1963 Стратиграфия четвертичных отложений крымско-кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. Труды геол. института, вып.38. М.: Изд-во АН СССР.
- УСИК В.И. 1992 О реконструкции признаков расщепления камня в палеолите // КСИА, №206. С.100-104.
- ФОРМАЗОВ А.А. 1959 Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М. 124 с.
- ФОРМАЗОВ А.А. 1958 Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА №71, М., 124с.
- ХОЛЛОШКИН Ю.П., ХОЛЛОШКИНА В.А. 1985 Методические аспекты исследования археологических культур каменного века Сибири // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск. С.23-25.
- ХОХЛОВКИНА В.А. 1940 Террасы Азовского побережья между Ростовом и Таганрогом // Труды ИГН, вып. 28, геол. серия, № 8. Л.
- ЭРНСТ Н.Л. 1934 Четвертичная стоянка в дер.Чокучра в Крыму // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V. Л.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С. 1970 Мустьерское местонахождение у с. Александровка // Научная конференция Донецкого государственного университета. Материалы секции исторических и филологических наук. Донецк. С.91-101.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С. 1971-а Раскопки стоянки с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминка в Донбассе // Археологические открытия 1970 г. М. С.228.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С. 1971-б Стоянка с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминка на Донецчине // Археологические исследования на Украине в 1968 г. К. С.108-113.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С. 1971-в Ашельское рубило, найденное в Макеевке // Тезис пленарных та секционных доповідей. Одеса. С.52-54.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С. 1979 Біфас з Макіївки // Археологія, №32. С.44-46.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С., КОЛЕСНИК А.В. 1987 Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминка в Донбассе // СА №1 С.5-20.
- ЦВЕЙБЕЛЬ Д.С., КОЛЕСНИК А.В. 1992 Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминка в Донбассе // СА №4 С.119-130.
- ЦЕЙТЛИН С.С. 1979 Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука.
- ЦЕТЛИН Ю.Б. 1988 О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита // СА, 1. С.5-16.
- ЧАБАЙ В.П. 1999 Аккайцы в Западном Крыму: Кабази II, культурный слой III // Археологический альманах, вып. 8. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.51-78.
- ЧАБАЙ В.П. 2000 Особенности стратодат от среднего к верхнему палеолиту в Крыму // *Statum plus*. Время последних неандертальцев. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С.54-84.
- ЧЕРНЫШ А.П. 1965 Ранний и средний палеолит Приднестровья // ТКИЧП, №XXV. М. с.
- ЧЕРНЫШ А.П. 1977 Палеолит и мезолит Приднестровья. М.
- ЧЕРНЫШ А.П. 1977 Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.7-77.
- ШЕЛКОПЛЯС В.Н. 1974 Геохронология лесовой формации по данным термоминимисцентного метода // Материалы по четвертичному периоду Украины. К.: Наукова думка. С.89-120.
- ШНЮКОВ Е.Ф., ГРИГОРЬЕВ А.В. 1974 Геологическая история Азовского моря в четвертичное время // Геология Азовского моря. Под. Ред. Е.Ф. Шнюкова. К.: Наукова думка. 218-235.
- ШОВКОПЛЯС И.Г. 1965 Мезинская стоянка. К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. К.
- ЩЕЛИНСКИЙ В.Е. 1983 К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Под ред. А.Н. Рогачева. Л.: Наука. С.72-133.
- ЩЕЛИНСКИЙ В.Е. 1994 Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. С-Пб.
- ЩЕЛИНСКИЙ В.Е. 1999 Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах, вып.8. Под ред. А.В. Колесника. Донецк. С.109-127.
- ЯМСКИХ А.Ф. 1993 Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. Красноярск.
- AMELOOT-VAN DER HEIJEN N. 1991. Méthodes d'acquisition et signification des industries lithiques au Paléolithique moyen: L'exemple des gisements de plein air du Nord de la France. Thèse de doctorat, Lille-Flandres-Artois. 371 p.
- AMELOOT-VAN DER HEIJEN N. 1993. L'industrie laminaire du niveau CA // Rencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais). Un gisement du Paléolithique moyen (A. Tuffreau dir.). DAF # 37. Paris. P.26-52.
- AMELOOT VAN DER HEIJEN N. 1994 L'ensemble lithique du niveau CA du gisement de Rencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais) // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentation Archéologique 18, CNRS, Paris P.63-65.
- ASHTON N. 1992 The High Lodge Flint Industries // High Lodge: Excavation by G. De G. Sievekinf 1962-1968 and I. Cook 1988. N.M. Ashton, J. Cook, S.G. Lewis and J. Rose eds. London : British Museum Press. P.124-163.
- BAUMLER M. F. 1988 Core Reduction, Flake Production, and the Middle Paleolithic Industry of Zobjiste (Yugoslavia) // Upper Pleistocene

- Prehistory of Western Eurasia. H. Dibble and A. Montet-White eds. The University museum. University of Pennsylvania. P.275-274.
- BAUMLER M.F., STETH I.D. 1993 A Middle Paleolithic assemblage from Kunji cave // *The Paleolithic prehistory of the Zagrostarus*. Ed. by D.I. Olshevski, H.L. Dibble. The University museum. University of Pennsylvania. P.1-72.
- BINFORD L.R., BINFORD S.R. 1966 The Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois // *American Anthropologist*, vol.68, no 2.
- BOEDA E. 1988 Le concept Levallois et évaluation de son camp d'application // *L'Homme de Néandertal*, M. Otte ed., vol.4. ERAUL 31, Liege. P.13-29.
- BOEDA E. 1995 Caractéristiques techniques des chaînes opératoires lithiques des niveaux micoquiens de Kulna (Tchécoslovaque). *Paleo supplement* no. 1, Actes du colloque de Miskolc: Les Industries à Pointes Foliacées d'Europe Centrale. P.57-72.
- BOEDA E., GENESTE J.-M., MEGNEN L. 1990 Identification de chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // *Paléo*, 2. P.43-80.
- BORDES F. 1950a Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen // *L'Anthropologie*, t.54, N1-2.
- BORDES F. 1950b L'évolution buissonnant des industries en Europe occidentale. Considérations théoriques sur le Paléolithique ancien et moyen // *L'Anthropologie*, 54.
- BORDES F. 1961 Typologie de paléolithique ancien et moen
- BORDES F. 1977 Time and space limits of the Mousterian // *Stone tools as cultural markers*, Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies. P.37-39.
- BOGUTSKY A., LANCZONT M., RACINOWSKI R. 2000 Conditions and course of sedimentation of the Middle and Upper Pleistocene loesses in the Halic profile (NW Ukraine) // *Studia Quaternaria*, vol.17. P.3017.
- BOGUTSKY A., GOZNIK P., LINDNER L., LANCZONT M., WOJTANOWICZ J. 2001 Tentative correlation of the main stratigraphic units of the Pleistocene in Poland and Ukraine // *The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dnieper Area and its importance for the East-West European correlation*. Volume of abstracts. P.13.
- BOSINSKI G. Die Mittelpaläolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa // *Fundamenta*, a-14, Koln, 1967.
- BOSINSKI G. 1982 The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northern Germany // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*, Oxford, BAR Int. Ser. 151. P.165-175.
- BOSINSKI G. 1996 Les origines de l'homme en Europe et en Asie. *Atlas des sites du Paléolithique inférieur*. Editions Errance. 176 p.
- BRADLEY B.A. 1997. Kostenki Knife: type or technique? // *Восточный гравит. ТД Международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997 г. М. С.73-75.*
- BURDUKIEWICZ M. 2000 The Backed Biface Assemblages of East Central Europe // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Miciquian 400-500 k-years ago*. A. Ronen and M. Weinstein-Evron eds. BAR International series 850. P.155-165.
- CHABAI V., DEMIDENKO Yu. 1998 The Classification of Flint Artifacts // *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Vol.1. Ed. A.A. Marks and V. Chabai. ERAUL 84, Liege, 1998. P.31-52.
- CHABAI V. The History of Crimea Middle Paleolithic Studies // *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Vol.1. Ed. A.A. Marks and V. Chabai. ERAUL 84, Liege, 1998. P.1-17.
- CHABAY V., SITLIVY V. 1993 The periodization of core reduction strategies of the Anciente, Lower and Middle Palaeolithic // *Préhistoire Européenne*, vol.5. Liege. P.9-88.
- CHABAI V., MARKS A., EVTUSHENKO A. Views of the Crimea Middle Paleolithic: Past and Present // *European Prehistory*, vol.7, 1995. P.59-80.
- CHABAI V., MARKS A. Preliminary Sinesis: Middle Paleolithic Assemblage Variability in Western Crimea // *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Vol.1. Ed. A.A. Marks and V. Chabai. ERAUL 84, Liege, 1998. P.355-369.
- CHABAI V., REID FERRING, C. 1998 Kabazi II: Introduction // *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Vol.1. Ed. A.A. Marks and V. Chabai. ERAUL 84, Liege, 1998. P.167-200.
- CHASE F.G. 1988 Scavenging and Hunting in the Middle Paleolithic: The Evidence from Europe // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia*. H.L. Dibble and A. Montet-White eds. University of Pennsylvania. P.225-233.
- CHMIELEWSKI W.R. 1969. Ensembles Micoquo-Prondnikiens en Europe Centrale // *Geographia Polonica*, 17. P.371-386.
- CHMIELEWSKI W., SCHILD R., WIECKOWSKA H. 1975 Paleolit i mezolit // *Prahistoria ziem Polskich*. Pod red. W. Chmielewskiego i W. Hensla. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk.
- CONARD N., FISHER B. 2000 Are the Recognisable Cultural Entities in the German Middle Palaeolithic? // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Miciquian 400-500 k-years ago*. A. Ronen and M. Weinstein-Evron eds. BAR International series 850. P.7-24.
- COMMON V. 1913 Les Hommes du contemporains du Renne dans la Vallée de la Somme. Amien.
- COPELAND L. 1985 The Pointed tools of Hummal 1a (El-Kown, Syria) // *Cahiers de L'Euphrate* 4. P.177-190.
- COPELAND L. 1989 The artifacts from the sounding of D. Kirbrite at Lion Spring, Azrad, in 1956 // *The Hammer on the Rock*. Ed. L. Copeland and F. Hours. BAR International series. Oxford.
- COPELAND L. 2000 Yabrudian and Related Industries: the State of Research // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Miciquian 400-500 k-years ago*. A. Ronen and M. Weinstein-Evron eds. BAR International series 850. P.97-118.
- COULSON S.D. 1990 Middle Palaeolithic of Great Britain, *Studies in Modern Archaeology*. Vol. 4. Bonn: Holos.
- DEBROSSE R., TAVOSO A. 1979 Un gisement moustérien à Blansy (Saon et Loire) // *Quater* 21. P.1)46.
- DEBROSSE R., TEXIER O.J. 1973 Le station moustérienne de Bissy-sur-Fley (Saon et Loire) // *La physiophile*, 79. P.8-31.
- DELAGNES A. 1992. Eclact à tronçature inverse et enlèvements postérieurs: réflexions nouvelles autor d'un vieux débat. BSPF, tome 89, # 9. P. 274-277.
- DELAGNES A. 1996. L'industrie lithique des séries A et C du Pucheuil // *Paléolithique moyen en pays de Caux (Haute-Normandie)* (Delagnes A. et Ropars A. dir). DAF # 56. Paris. P.131-144.
- DELAGNES A., KUNTZMAN F. 1996. L'organisation technique et spatiale de la production laminaire à Etoutteville // *Paléolithique moyen en pays de Caux (Haute-Normandie)* (Delagnes A. et Ropars A. dir). DAF # 56. Paris. P.164-228.
- DELANGES A., ROPAS A. 1996 L'organisation technique et spatiale de la production laminaire à Etoutteville // *Paléolithique moyen en pays de Caux (Haute-Normandie)*. A. Delanges et A. Ropas eds. DAF 56. Paris. P.165-228.
- DEMIDENKO Yu. E. 1996 Middle Paleolithic Industries of the Eastern Crimea: Interpretations of Their Variability // *European Prehistory*, vol.9. P.49-61.
- DIBBLE H. L. 1984. The mousterian industry from Bisitun cave (Iran) // *Paleorient*, vol. 10/2. P.23-34.
- DIBBLE H. L. 1986. The interpretation of Middle Paleolithic Scaper Reduction Patterns // *Colloque international l'homme de Neandertal*. Liège. P.61-76.
- DIBBLE H.L. 1996 The interpretation of Middle Paleolithic Scaper Reduction Pattern // *Colloque international l'homme de Neandertal*. Liège. P.61-76.
- DIBBLE H.L., ROLLAND N. 1992 On Assemblage Variability in the Middle Paleolithic of Western Europe // *The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability*. Eds. H. Dibble and P. Mellars. University of Pennsylvania. University Museum Monograph 78. P.1-27.
- DIBBLE H.L., HOLDAWAY S.I. 1993. The Middle Paleolithic Industries of Warvasi // *The paleolithic prehistory of the Zagrostarus*. Ed. by D.I. Olshevski, H.L. Dibble. The University museum, University of Pennsylvania. P.75-99.
- ENCYCLOPEDIA of Human Evolution and Prehistory 1988 Eds. I. Tattersall, E. Delson and J.V. Couvering. New York. London.
- ESCUTENAIRE C. 1997. Les "coteaux de Kostienki" dans les collections du Paléolithique ancien de Belgique // *Notae Prehistoricae* 17. Gent. P. 21-24.
- FAJER M., FOLTYN E.M., FOLTYN E., KOZLOWSKI J.K. 2001 Uwagi o kulturze mickockiej na Gornym Slasku. Przyczynki do genezy kultury mickockiej w Europie Srodkowej // *Archeologia Polski*, t.XLVI. z.1-2. S.31-66.
- FARIZY C. 1985 Un habitat du Paléolithique moyen à Champlost (Yonne, France) // *Archaeologisches Korrespondenzblatt* 15-4. P.405-410.
- FARIZY C. 1995 Industries charantiennes à influences micoquiennes, l'exemple de l'Est de la France // *Paleo-Supplement* 1. Actes du Colloque de Miskolc. P.173-178.
- FARISY C., TUFFREAU A. 1986 Industries et cultures du Paléolithique moyen récent dans la Moitie de la France // *Chronostratigraphie et facies culturels du Paléolithique inférieur et moyen dans l'Europe du nord-ouest*. Actes du Colloque international organisé à Lille (4-6 septembre 1984). Supplément un bulletin de l'Association Française pour l'étude de Quaternaire, 2. Paris. P.225-234.
- FOLTYN M., FOLTYN E.M., KOZLOWSKI J.K. 2000 Première évidence de l'age pré-émien des industries à pièces bifaciales asymétriques en Europe centrale // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400-50 k-years ago*. A. Ronen and M. Weinstein-Evron eds. BAR International series, 850. P.167-172.
- FONTON M., LHOMME V., CHRISTESEN M. 1991. Un cas de "reduction" et de "transformation" d'outil un paleolithique moyen un racloir de la grotte du Coustel à Noailles (Correze). *Paleo*, 3. P.43-47.
- GABORI M. 1976 Les civilisation du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Budapest: Akademiai Kiado, 278 p.
- GENESTE J.-M. 1985 Analyse litique d'industries mouteriennes du Périgord: une approach technologique du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. Bordeaux, Université de Bordeaux I, 2 vol. 572 p.
- GENESTE J.-M. 1990 Développement des systèmes de production lithique au cours de Paleolithique moyen en Aquitaine septentrionale // *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en*

- Europe. Colloque international de Nemours. Memoires du Musee de Prehist. d'Ile-de-France, 3.
- GERASIMENKO N. 1999 Late Pleistocene vegetational history of the Kabasi-II Paleolithic site // The Paleolithic of Crimea, II. The Middle Paleolithic of Western Crimea, vol.2. Chabai V., Monigal K. (eds), ERAUL, 87, p.115-41.
- GERASIMENKO N. 2000 Late Pleistocene vegetational and soil evolution at the Kiev loess plant as recorded in the Stari Bezradychy section, Ukraine // *Studia Quaternaria*, vol. 17, p.19-28.
- GERASIMENKO N. 2001 Late Pleistocene loess-soil and vegetational successions of the Middle Dnieper area // The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dnieper Area and its importance for the East-West European correlation. Volume o abstracts. P.28.
- GOBER E.-G. 1962 Le Préhistoire dans la zone littorale de la Tunisie. *Quaternaria*, 6, P.271-307.
- GOZNIK P., MATVIISHINA Zh., SHELKOPLIAS V., PAVLIENKO V., REKOVETS L., GERASIMENKO N., KORNIETS N. 2001 The Upper and Middle Pleistocene of Ukraine // The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dnieper Area and its importance for the East-West European correlation. Volume o abstracts. P.32-33.
- GLADILIN V.N., SITLIVY V.I. 1991 The Principles of the Archaeological Periodization of the Paleolithic // *Revue d'Archéologie et de Paléontologie*, #10, p.9-2.
- GOUEDO J.-M. 1994 Remontage d'un nucléus à lames du gisement micoquien de Vinneuf (Yonne) // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris. P.79-108.
- HUGUENIN G. 1988 Le peuplement humain du bassin supérieur de la Soane au Paléolithique inférieur et moyen // *Tése de l'Ecole pratique des Hautes-Etudes*. Dijon.
- JOHNEN S.J., CLAUSEN H.B., DANSCAARD W., FUHRER K., GUNDESTRUP N., HAMMER C.U., IVERSEN P., JOUZEL J., STRAUFFER B., STEFFENSEN J.P. 1992 Irregular glacial interstadial recorded in a new Greenland ice core // *Nature* 359. P.311-313.
- JORIS O. 1994 Neue Untersuchungen zum Mittelpaläolithikum von Buhlen Hessen: Technological Studien zur Pradniktechnik in Horizont III b des Oberen Fundplatzes // *Ethnographisch-Archeologische Zeitschrift*, 35, P.88-97.
- JORIS O., WENINGER B. 1996 Calendric Age-Conversion of Glacial Radiocarbon Data at the Transition from the Middle to Upper Palaeolithic in Europe // *Bull. Soc. Préhist. Luxembourgeoise* 18, P. 3-55.
- KADIC O. 1940 Die Subalyuk-Hohl bei Cserepfalv // *Geol. Hung. Ser. Paleon.* №14.
- KOLESNIK A. 1994 Moustierian industries evolution of South-Eastern Ukraine // *European Prehistory*, №6, P.175-186.
- KOLESNIK A. 1997 Donbass (South-East Ukraine) - an important East European centre of flint-working // *Man and Flint. Proceeding of the VII-th International Flint Symposium. Warszawa - Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995. Warszawa*. S.209-216.
- KOLESNIK A. 1998 Middle Palaeolithic Hande Axes of Eastern Europe // *Anatolian prehistory. At the Crossroads of Two World. Vol.1 Actes du colloque international. Liege, 28 avril -3 mai 1997. ERAUL 85, Liege*. P.77-112.
- KOLESNIK A. 2001 The taphonomic significance of the Donbas Middle Paleolithic sites // The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dnieper Area and its importance for the East-West European correlation. Volume o abstracts. P.43.
- KOLESNIK A., VESELSKY A., YEVTUSHENKO A. 2001 The New Middle Palaeolithic site of Cherkasskoye (Donbass, South-Eastern Ukraine) // *Pre-prints. XIV International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. 2-8 september 2001. Liege*. P.123.
- KOZLOWSKI J.K. 1984 Les lames aménagées par la technique de Kostenki dans le Périgordien de Corbiac // *Archeologia Interregionalis. Krakow-Warszawa*. P.31-78.
- KOZLOWSKI J.K. 1972 On the typological classification of stone artifacts (contribution to discussion) // *Sprawazdania Archeologiczne, t.XXIV*. P.457-466.
- KOZLOWSKI J.K., KOZLOWSKI S.K. 1977 Epoka kamienia na ziemiach Polskich. Warszawa.
- KOZLOWSKI S.K., TWARDOWSKI W. 1971 Znalezisko piesciaka w poblizu Radomia // *Swiatowit*, t.32. P.145-149.
- KOWALSKI S. 1997 Ciekawsze zabytki paleolityczne z najnowszych badan archeologicznych (1963/1965) w jaskini Ciemnej w Ojcowie, pow. Olkusz // *Marejaly archeologiczne, VII*. P39-48.
- KOULAKOWSKAYA L., KOZLOWSKI J.K., SOBZYK K. 1993 Les couteaux Micoquiens du Wurm // *Prehistoire Européenne, vol.4, Liège*. P.9-20.
- KRUKOWSKI S. 1939-1948 Paleolit // *Prehistoria Ziem Polskich. Encyklopedia Polska PAN, t.IV, Krakow*.
- LAMOTTE A. 1991 Etude des vestiges lithiques des niveaux du gisement de Cagny-la Garenne (Somme) et de niveau A du gisement de Gouzeaucourt. Mémoire de D.E.A. Univ Sciences et Techn. de Lille. Lille.
- LEROI-GOUGHAN A. 1971 Milieu et techniques. Evolution et Techniques II 3e édition revue et corrigée. Paris. I vol. 503 p.
- LEROI-GOURHAN A. 1988 Dictionnaire de la préhistoire. PUF. Paris.
- LOCHT J.-L., DEPAEPE P. 1994 Exemplex de débitage laminaire dans cinq sites de la vallée de la Vanne (Yonne) // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris. P.103-116.
- LUMLEY H., de BORRELLY L. 1971. Lexique de caracteristiques de l'industrie lithique (version 1). Marseille - P.1-40.
- MADEYSKA T., CYREK K. 2002 Cave fillings - a chronicle of the past. An outline of the Younger Pleistocene cave sediments study in Poland // *Acta Geologica Polonica. Vol.52 (1)*. P.75-95.
- MARCY J.L. 1991 Les prondniks du Mont de Beuvry à Béthune (Pas-de-Calais) // *CERP*, 3.
- MANIA D., TOEPFER V. 1973 Königsau. Gliederung, Ökologie und mitpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin.
- MARKS A., MONIGAL K. 1998 Starosele 1993-1995: The Lithic Artifacts // The Middle Paleolithic of Western Crimea, Vol.1. Ed. A.A. Marks and V. Chabai. ERAUL 84, Liege. P.117-166.
- MARKS A.A., MONIGAL K., CHABAI V. 2000 Report on the initial excavations of Brecha Das Lascas and Galeria Pesada (Almonda, Portuguese Estramadura) // *Journal of Iberian archaeology, vol.1*. P.237-250.
- OLIVA M. 1984 Un nouveau groupe culturel en Moravie. Quelques aspects pscho-technologiques du développement des industries paleolithiques // *L'Anthropologie*, 88(2). P.209-220.
- OLIVA M. 1987 Vyvinuty micoquien z navrsi "Hoky" u Boritova - prvni vysledki // *Acta Musei Moraviae, LXII*. P.21-41.
- OTTE M. 1980. Le "couteau de Kostenki" // *Helinium, XX*. P.54-58.
- OTTE M. 1994 Rocourt (Liege, Belgique): industrie laminaire ancienne // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris. P.179-186.
- OTTE M., BOEDA E., HAESAERTS P. 1990 Rorourt: industrie laminaire archaïque // *Helinium, t. XXIX/1*. P. 3-13.
- OTTE M., EVRART J.-M., MATHIS A. 1988 L'occupation du paléolithique moyen à Sclayn (Belgique) // Actes du Colloque "Cultures et industries paléolithiques en milieu loessique", Amiens 9-11 décembre 1986. *Revue archéologique de Picardie* 1-2. P. 115-124.
- PASHKEVICH G. 2001 Palynological study of the Middle Dniester Paleolithic // The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dnieper Area and its importance for the East-West European correlation. Volume o abstracts. P.71.
- PETTITT P. 1997 C14 Dating of the Late Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic assemblages of the Crimea // Paper presented at the conference, Préhistoire d'Anatolie: Genèse de Deux Mondes, Liège, Belgium, 28 Avril - 3 May 1997.
- PHILLIPS-CONROY J., JOLLY C. 1986 Changes in the structure of the baboons hybrid zone in the Awash National Park, Ethiopia // *American Journal of Physical Anthropol.* 71. P.337-350.
- PRASLOV N. 1995 The earliest occupation of Russian Plain: a short note // The earliest occupation of Europe: proceedings of the European science Foundation workshop at Tautavel (France), 1993. W. Roebroeks and T. Van Kolfschoten eds. University of Leiden. P.61-66.
- REVILLON S. 1994 Les industries laminaire du Paléolithique moyenn en Europe septentrionale. L'Exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux // *Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et de Rencourt-lès-Bapaume (Pas-de-Calais)*. CERP 5. 188 p.
- REVILLON S., CLIQUET D. 1994 Technologie du débitage laminaire du gisement paléolithique moyen de Saint-Germain-des-Vaux / Port-Racine (secteur 1) dans le contexte des industries du Paléolithique moyen du Massif Armoricaïn // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris. P.45-62.
- REVILLON S., TUFFREAU A. 1994 Valeur et signification du déditage laminaire du gisement paléolithique moyen de Seclin (Nord) // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S/ Revillon et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentatin Archéologique 18, CNRS, Paris. P.19-43.
- REVILLON S. et TUFFREAU A. dir. 1994. Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. Dossier de documentation archéologique # 18. Paris.

- RICHTER D., RINK W.J., SCHWARZ H.P., WAGNER G.A., WAIBLINGER J. 1999 Thermoluminescence dating of Middle and Upper Palaeolithic cave sites in Southern Germany // *Central and Eastern Europe from 50 000-30 000 B.P.* (abstract). Dusseldorf. P.13-15.
- RIGAUD J.-P., SIMEK J.F. 1987 «Arms Too Short to Box with God». Problems and Prospects for Paleolithic Prehistory in Dordogne, France // *The Pleistocene Old World. Regional Perspectives*. Ed. By O. Soffer. Plenum Press. New York and London. P.47-61.
- ROBERTS M., GAMBLE C., BRIDGLAND D. 1995 The earliest occupation of Europe: the British Isles // *The earliest occupation of Europe: proceedings of the European science Foundation workshop at Tautevel (France)*, 1993. W. Roebroeks and T. Van Kolfschoten eds. University of Leiden. P.165-192.
- ROEBROKS W. 1988 From find scatters to early hominid behaviour: a study of Middle Palaeolithic riverside settlements at Maastricht-Belvedere (the Netherlands) // *Acta Prehistorica Leidensia* 21, Leiden.
- ROEBROEKS W., KOLEN J., RESNIKS E. 1988 Planning depth, anticipation and organization of Middle Palaeolithic technology: the "archaic natives" meet eve's descendents // *Helinium*, XXVIII, 1.
- ROESBROEKS W., KOLFSCHOTEN T. 1995 The earliest occupation of Europe: a reappraisal of artefactual and chronological evidence // *The earliest occupation of Europe: proceedings of the European science Foundation workshop at Tautevel (France)*, 1993. W. Roebroeks and T. Van Kolfschoten eds. University of Leiden. P.297-315.
- ROLLAND N. 1996 The behavioral significance of Quina assemblage type: exploring the "Charentian" succession case study in Aquitaine // *E. Cabonelli i Roura ed. The Last Neanderthals, the First Anatomically Modern Humans*, Tarragona, Universista Roviera i Virgili. P.129-145.
- ROUSSEAU D.-D., GERASIMENKO N., MATVIISHINA Zh., KUKLA G. Environment changes in the Ukrainian loess sequence at Vyazivok during the last 130.000 years // *Quaternary Science Review*.
- ROUSSEAU D.-D., GERASIMENKO N., MATVIISHINA Zh., KUKLA G. 2001 Late Pleistocene Environments of the Central Ukraine // *Quaternary Research* 56. P. 349-356.
- GOUEDO J.-M. 1994. Remontage d'un nucleus à lames du gisement micoquien de Vinneuf (Yonne) // *Les industries laminaires au Paléolithique moyen*. S. Révillon et A. Tuffreau dir. Actes de la ronde internationale organisée par FERA 37 du CRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. Dossier de documentation archéologique # 18. Paris. P.77-101.
- SCHROEDER B. 1969. The lithic industries from Jerf Ajla and their bearing on the problem of the Middle to Upper Palaeolithic transition. Ph.D. diss. Columbia University, New York.
- SOBCZYK K. 1975 Problem pradnika w swietle taksonomii numerycznej // *Sprzozdania Archeologiczne*, t.XXVII. P.254-269.
- SOBCZYK K. 1992 Stefana Krukowskiego koncepcja pradnika // *Pradnik*, t.6. Ojcw. P.103-188.
- SOLECKI R.S., SOLECKI R.L. 1970. A new secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim cave site, Lebanon. *Bulletin de Musie de Beyrouth*, 23 - P.137-142.
- SOLECKI R.S., SOLECKI R.L. 1993. The pointed tools from the Mousterian Occupation of Shanidar Cave, Northern Iran // *The paleolithic prehistory of the Zagrostauros*. Ed. by D.I. Olshevski, H.L. Dibble. The University museum, University of Pennsylvania - P.119-146.
- SCHILD R., WENDORF F. 1973 New exploration in the Egyptian Sahara // *Problems in prehistory: North Africa and the Levant*. F. Wendorf and A.A. Marks eds. Dallas. P.65-113.
- SCHILD R., TOMASZEWSKI J., SULGOSTOWSKA Z., GAUTIER A., BLUSZCZ A., BRTLUND B., BURKE A., JEBSEB H.J., KROLIK H., NADOCHOWSKI A., STWORZEWICZ E., BUTRYM J., MARUSZCZAK H., MOJSKI J.E. 200 The Middle Palaeolithic kill-butcher site of Zwolen, Poland // *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Miciquian 400-500 k-years ago*. A. Ronen and M. Weinstein-Evron eds. BAR International series 850. P.189-208.
- SHACKLETON N.J., CHAPMAN M., SANCHES-GORI M.F., PAILLER D., LANCELOT Y. 2002 The Classic Marine Isotope Substage 5e // *Quaternary Research* 58. P 107-126.
- SYTNYK A., BOGUCKI A., WOLOSZYŃ P., MADEYSKA T. 1998 Wstępne wyniki badań srodokowopaleolitycznych stanowisk lessowych Podola // *Studia Geologica Polonica*, vol.113. P.121-136.
- SVOBODA J., CRUDEK T., HAVILICEK P., LOZEK V., MAKOUN J., PRICHYSTAL A., SVOBODOVA H., VLCEK E. 1994 Paleolit Moravy a Sleska. Brno.
- TEMPLETON A. 1993 The "Eve" hypothesis: a genetic critique and reanalysis // *American Anthropologist* 95(1). P.51-72.
- TUFFREAU A. 1981 L'Acheuléen dans la France septentrionale. *Antropologie XIX/2*. P.171-183.
- TUFFREAU A. 1982 The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northern France // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man*. Oxford. BAR International Series 151, p.137-149.
- TUFFREAU A. 1987 Le Paléolithique inférieure et moyen du Nord de la France (Nord, Pas-de-Calais, Picardie dans son cadre stratigraphique. Thèse de Doctorat d'Etat. Univ Sciences et Techn. de Lille.
- TUFFREAU A., ANTOINE P. 1995 The earliest occupation of Europe: Continental Northwest Europe // *The earliest occupation of Europe: proceedings of the European science Foundation workshop at Tautevel (France)*, 1993. W. Roebroeks and T. Van Kolfschoten eds. University of Leiden. P.147-166.
- TURNER Ch. 1998 Volcanic mars, long Quaternary sequences and the work of the INQUA subcommission on European Quaternary stratigraphy // *Quaternary International* 47-48. P.41-49.
- TURQ A., MARCILLAND J.C. 1976. Les racloirs a amincissement de type "kostienni" de la Plane, commune de Maxayrolles (Dordogne). *BSPF*, 73. P.75-79.
- UIHEIMER T. 2000 Stone tools, "Time of Activity" and the transition from the Middle to the Upper Palaeolithic in Bavaria (Germany) // *Neanderthals and Modern Humans - Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50 000-30 000 B.P.* J. Orschiedt and G.G. Weniger eds. Dusseldorf. P.133-150.
- ULRIX-CLOSSET M. 1975. Le Paléolithique moyen dans le bassin masan de la Belgique. Wetteren.
- VALOCH K. 1968 Evolution of the Palaeolithic in Central and Eastern Europe // *Current Anthropology*, 9. Chicago. P.351-391.
- VALOCH K. 1988 Die erforschung der Kulna-Hohle 1961-1976. Brno.
- VAKOCH K. 1982 The Lower/Middle Paleolithic transition in Czechoslovakia // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the origin of Modern Men*. Oxford. BAR International Series 151.
- VAN VLIET-LANOE B., TUFFREAU A., CLIQUET D. 1993 Position stratigraphique des industries à lames du Paléolithique moyen en Europe occidentale // *Riencourt-lès-Bopaine (Pas-de-Calais)*. Un gisement du Paléolithique moyen (A. Tuffreau dir.). DAF # 37. Paris. P. 104-106.
- VANMONFORT B., VERMEERSCH P., GROENENDIJK A.I., MEUS E.P.M., DE VARRIMONT J.-P., GULLENTOPS F. 1998. The Middle Palaeolithic Site of Hezerwater at Veldwezelt, Belgian Lumburg // *Notae Praehistoricae* 18; Gent. P.5-11.
- VEIL S., BREEST K., HOGKE H.-C., MEYER H.-C., PLISSON H., URBAN-KUTTEL B., WAGNER G., ZOLLER L. 1994 Ein mittelpalaolithischer aus der Weichsel-Kaltzeit bie Lichtenberg, Lkr. Luchow-Dannenberg // *Romich-Germanische Kommission des Deutschen Archaologischen Instituts, Frankfurt a. M.*, 72, 1, p.1-66.
- VERMEERSCH P.M., PAULISSEN E., VAN PEER F. 1995 Palaeolithic flint mining in Egypt // *Archaeologia Polonica*, vol.33. P.11-30.
- VOLKMAN P. 1983 Boker Tachtit: core reconstruction // *Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol.3. The Adat/Aqev area, part 3. Ed. A.E. Marks. Dallas. P.127-190.
- VUKOVIC S 1967 Donjopaleolitska oruda od valica tipa "tebble tool" na poduceju sjevernog dijela Hrvatskoga Zagorja // *Arheologiski vesnik. Akta arheologica XVIII*, Ljubljana. C.9-24.
- ZAMIATNIN S.N. 1929 Station moustérienne a Ilksaia, prov. Kouban (Caucase du Nord) // *Revue anthrop.* P.282-295.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА** - Археологический альманах. Донецк.
АВ - Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДУ - Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИЧПЕ - Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. Москва.
АО - Археологические открытия. Москва.
АЭВЕ - Археология и этнология Восточной Европы. Москва.
БКИЧП - Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Москва.
БМОИП - Бюллетень Московского общества испытателей природы. Москва.
ВА - Вопросы антропологии. Москва.
ВСИЧП - Всесоюзное совещание по изучению четвертичного периода. Москва.
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры. Москва, Ленинград.
ГИН - Геологический институт АН СССР. Москва.
ИА - Институт археологии НАН Украины. Киев.
ИПК - Исследования палеолита в Крыму. Киев.
ИРГО - Известия Русского географического общества. Санкт-Петербург.
ИГН - Институт геологічних наук АН УРСР. Київ.
ІЗ - Інститут зоології АН УРСР. Київ.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА АН УССР - Краткие сообщения Института археологии. Киев.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
НА - Научный архив.
НТШ - Наукове товариство ім.Т.Шевченка. Львів.
ПИАУ - Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.
ППДО - Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва.
РА - Российская археология. Москва.
РОУ - Российский открытый университет. Москва.
СА - Советская археология. Москва.
САИ - Свод археологических источников. Москва.
СОГУ - Северо-Осетинский государственный университет. Орджоникидзе.
СПКЧНУ - Скелі й печери в історії та культури стародавнього населення України. Львів.
ТД - Тезисы докладов.
ТМАИЧПЕ - Труды II Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Москва.
ААС - Acta Archaeologica Carpathica. Krakow.
AJA - American Journal of Archaeology. Boston.
AR - Archaeologische Rozhledy. Praha.
BAR - British Archaeological Reports. London.
BSPF - Bulletin de la Societe prehistoque Francaise. Paris.
CNRS - Centre national de la recherche scientifique. Paris.
ERAUL - Etudes et recherches archeologique de l'Universite de Liege.
PG - Przegląd Geograficzny. Warszawa.
PKS - Prace Komicji Srodkowoeuropejskiej. Krakow.
PMMAEL - Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Lodzi. Lodz.
RSP - Rivista di Scienze Preistoriche. Firenze.
SA - Studia Archaeologica. Lviv.
MWA - Monographs in World Archaeology.
MROA - Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego. Rzesow-Krosno-Przemysl-Sandomiers-Tarnow.
PPS - Proceedings of the Prehistoric Society.
UISPP - Union International of Prehistoric and Protohistoric Sciences.
UMUP - The University Museum, Universit of Pennsylvania.

Александр Викторович Колесник

**Памятники среднего палеолита Донбасса
Археологический альманах № 12**

Технический редактор: **Усачук А.Н.**
Компьютерная верстка: **Шишко Д.В.**

Подписано в печать 20.12.2002 г.
Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Гарнитура «Times»
Уч.-изд. л. 36,8
Усл.-печ. л. 34,75
Тираж 700 экз. Заказ № 428

Отпечатано в типографии «Бытсервис»
г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189а

ООО «Лебедь», 83055, г. Донецк, ул. Артема, 84
Свидетельство о регистрации серии ДК № 826 от 28.02.2002 г.

